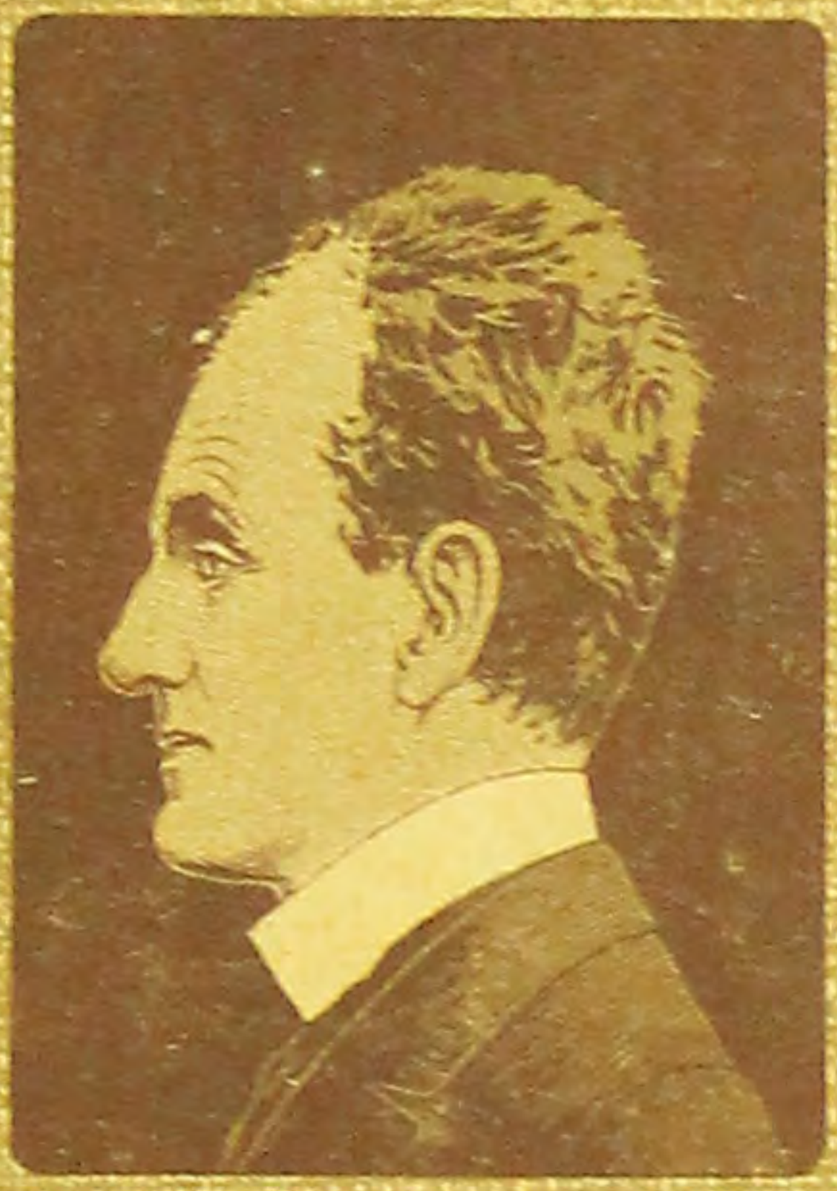
Н(Нем)
Г 24

ГЕРГАРТЪ ГАУПТМАНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Томъ III. Книга VIII.

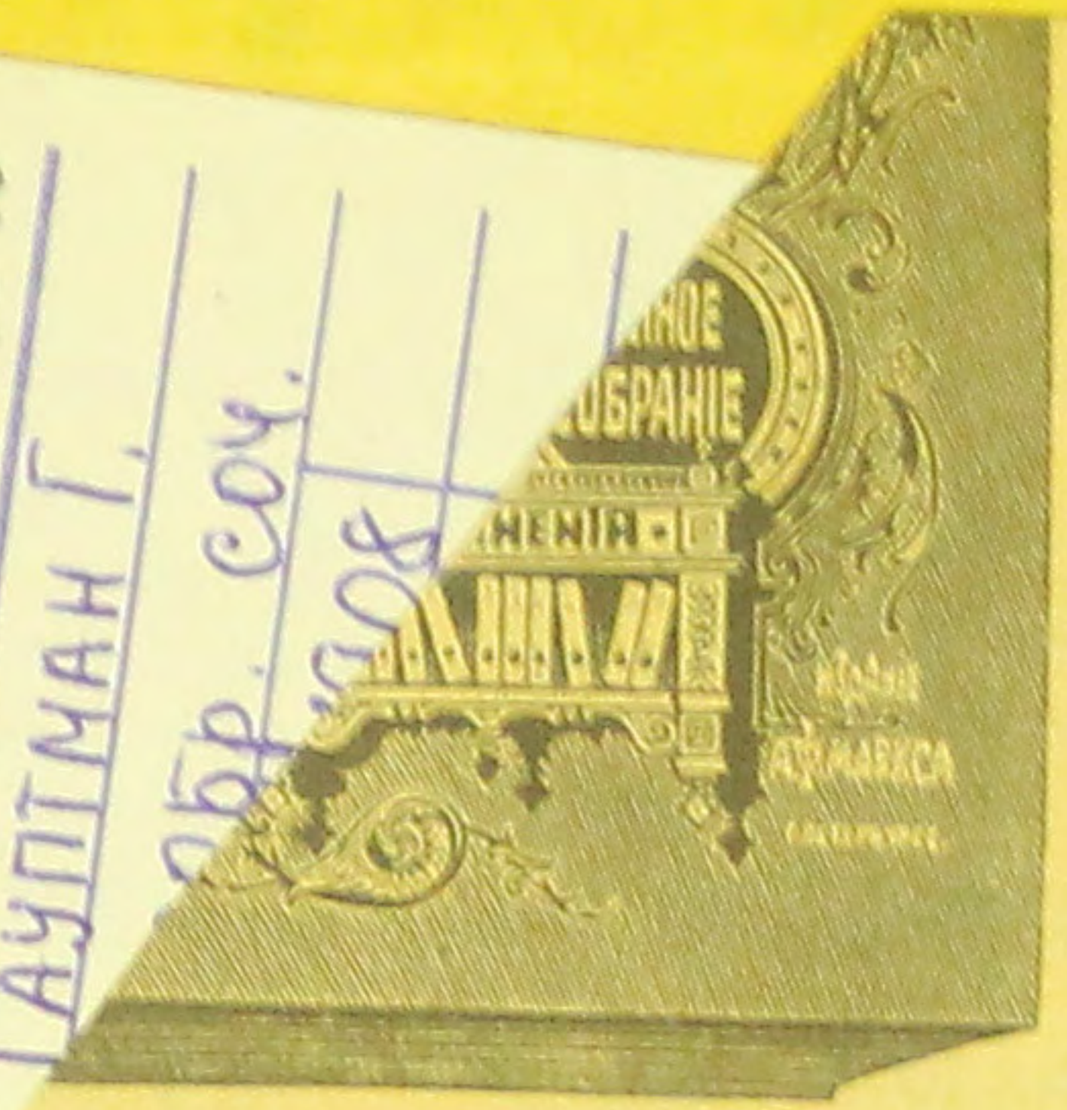
Сборникъ „НИВЫ“

1908

ИЗДАНІЕ
Т-ва А. Ф. МАРКСЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ

№ 8.

И(нем) А 4267
Г24/2093 1936 Г1818
Гауптман Г.
Собр. соч.

на прилагаемые при томахъ об-
24 тома сочиненій

Г. П. Данилевскаг

(По одной крышкѣ на каждые 3—4 т
Крышки весьма изящны и изготовлены
лучшаго англійскаго коленкора, съ краси
тисненіями золотомъ и краскою по ри
художника В. Табурина. Крышки прода
только комплектами, т. е. **всѣ семь вмѣ**
отдѣльныя же крышки не продаютъ

Контора „Нивы" считаетъ дол
обратить вниманіе гг. подписчиковъ н
что на изготовленныхъ нашею перепле
крышкахъ къ соч. Даниловскаго выти
надпись: „РИСУНОКЪ УТВЕРЖД. ПР
ТЕЛЬСТВОМЪ", и что нашего изготов
являются только переплеты съ указа
надписью и ТОЛЬКО ТОГО РИСУНКА, КОТ
ЖЕНЪ НА ПОМѢЩЕННОМЪ ЗДѢСЬ СНИМКѢ. Съ своей стороны, КОНТОРА БУД
ЛѢДОВАТЬ ЗАКОННЫМЪ ПОРЯДКОМЪ ВОЯКУЮ ПОДДѢЛКУ.

ЦѢНА всѣмъ семи крышкамъ 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 50 к

Имѣются также въ продажѣ крышки: 1) на журналъ „Нива" 1901 г.; цѣна одной кр
полный томъ 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. 2) на „Литературныя Приложенія" за 1901 г
ышки (1 крышка на 4 книги) цѣною 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Выписывающіе одновре
рышки на соч. Данилевскаго, на „Ниву" и на „Литературн. Прилож". платятъ за всѣ
ѣ, съ пересылкою,—5 руб.

Съ требованіями обращаться въ **Контору журнала „Нива", СПБ., Малая Морская, 22.**
Въ конторѣ Н. Н. Печковской, въ Москвѣ (Петровскія линіи) и въ книжн. магазинѣ „

Г 1818 А2267 2 руб.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

405-12м
130-13=27

Колич. предыд. выдач _____

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

ГЕРГАРТА ГАУПТМАНА.

Съ критическимъ очеркомъ Н. А. Котляревскаго, предисловіями А. А. Измайлова и съ приложеніемъ портрета Гергарта Гауптмана.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Ленинская Библиотека
Московского
Инв. №

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1908 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

1908.

Артистич. заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. пр., № 29.

ФЛОРІАНЪ ГЕЙЕРЪ.

Трагедія изъ эпохи Крестьянской войны.

Переводъ Зин. Венгеровой.

Пятиактная трагедія изъ временъ Крестьянской войны, «Флоріанъ Гейеръ» (Florian Geyer) является въ литературной сокровищницѣ Гауптмана произведеніемъ, которое стоило ему максимальнаго напряженія своихъ силъ, надъ которымъ онъ работалъ съ совершенно исключительною любовью и надеждой и которое принесло ему горчайшее изъ разочарованій жизни.

Муза нѣмецкаго драматурга рѣдко увлекала его въ область исторіи. Послѣ неудачнаго «Тиберія», котораго онъ даже не напечаталъ, до «Флоріана» Гауптманъ не интересовался историческими образами. Въ сущности, онъ былъ поразительно вѣренъ родинѣ, Силезіи, и своей душѣ. Нѣкоторый оттѣнокъ «историчности» неотрицаемъ въ его «Ткачахъ», построенныхъ на изученіи жизни рабочаго класса въ 40-хъ годахъ.

Но тамъ поэтъ намѣренно избѣжалъ «героя». Тамъ его интересовала толпа. Въ «Флоріанѣ» его увлекла именно личность, хотя онъ не отказался отъ мысли показать и «толпу» въ отсвѣтѣ его историческаго героя.

Гауптманъ задумалъ «Флоріана» еще до «Бобровой шубы» и до «Ганнеле». Возможно, что еще идея «Ткачей» подсказала ему идею исторической трагедіи. Въ сущности, идея «Флоріана» есть расширенная, обобщенная, взятая подъ увеличительное стекло идея «Ткачей». Здѣсь то же заступничество за подавленную, порабощенную массу, тотъ же бунтъ слабости, то же благородное демократическое чувство въ основѣ.

Но частный случай возмущенія здѣсь смѣнился грандіознымъ историческимъ фактомъ—Крестьянской войной. И воплотителемъ благороднаго протеста обиженныхъ здѣсь явился человѣкъ не ихъ среды, но самъ рыцарь, добровольно остригшій свои волосы и ставшій во главѣ «малыхъ».

Ни на одну изъ своихъ вещей Гауптманъ не положилъ столько труда и любви. Онъ много разъ передѣлывалъ пьесу. Она прошла три редакціи. Онъ изучалъ эпоху Крестьянской войны съ истиннымъ увлеченіемъ ученаго, не пугаясь ни архивной пыли, ни экскурсій. Цѣлое путешествіе съ научными цѣлями предпринялъ онъ лѣтомъ 1894 г. по Германіи, изучая Нюрнбергъ, Ротенбургъ, Вюрцбургъ.

Художественныя сокровищницы этихъ городовъ плѣнили его и подняли въ его душѣ восторженную страсть къ старо-германскому искусству. Съ увлеченіемъ молодого филолога онъ ушелъ въ изученіе діалектовъ эпохи реформаціи. Газеты отмѣчали каждый шагъ Гауптмана въ его трудѣ. Указывали на родство его героя съ героями знамени-

той гётевской трагедіи «Гёцъ фонъ-Берлихингенъ, съ желѣзной рукой». Говорили какъ бы о поединкѣ Гауптмана съ Гёте: гётевскаго Гёца новый поэтъ выводилъ въ числѣ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ «Флоріана». Поклонники драматурга заранѣе пѣли его славу. Были даже голоса, указывающіе опасность для Гёте отъ такого соперничества!

Самъ Гауптманъ придавалъ своему новому произведенію большое значеніе и многаго ждалъ отъ него. Послѣ долгой переработки, весной 1895 г. онъ переслалъ толстую рукопись своей новой драмы другу своему Отто Браму, главѣ «Нѣмецкаго театра», который когда-то съ такимъ успѣхомъ ставилъ его «Ткачей». Состоялось чтеніе, не давшее опредѣленнаго впечатлѣнія успѣха вещи. Но авторъ такъ вѣрилъ въ нее, что нѣкоторое время у него была даже мысль самостоятельно снять театръ для спеціальной постановки «Флоріана», и онъ велъ уже объ этомъ переговоры.

Это оказалось ненужнымъ. 5 января 1896 г. «Флоріанъ Гейеръ» прошелъ на сценѣ берлинскаго «Нѣмецкаго театра».

Успѣха ждали, о пьесѣ слишкомъ много говорили, но ожиданія не оправдались. Публикѣ «Флоріанъ» показался скучнымъ, длиннымъ, утомительнымъ, театральной критикѣ—рѣшительно не сценичнымъ. Зритель запутался въ массѣ персонажей, въ суховатыхъ историческихъ деталяхъ. Гауптманъ говорилъ о частностяхъ, о прошломъ своихъ героевъ такъ, какъ если бы въ театръ пришли люди, спеціально освѣжившіе въ памяти исторію Крестьянской войны. Этого, конечно, не было. И спектакль былъ неяснымъ, смутнымъ, а самый сюжетъ Гауптмана—далекимъ и забытымъ. Просто уже въ исключительно громадныхъ размѣрахъ пьесы лежала первая причина ея неуспѣха. Въ нѣмецкомъ оригиналѣ она образуетъ самостоятельный томъ въ собраніи сочиненій Гауптмана.

Во второе представленіе прологъ, сильно затягивающій трагедію и съ мѣста расхолаживающій зрителя, былъ вовсе откинутъ. Но и это не спасло пьесы. Второе представленіе было послѣднимъ. Пьеса долго лежала подъ спудомъ, и ни одинъ антрепренеръ не рисковалъ ее ставить. Только года два назадъ «Флоріанъ» снова былъ поставленъ въ берлинскомъ «Лессингъ-театрѣ» въ новой, сокращенной редакціи, съ Ритнеромъ въ главной роли, и прошелъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ. Въ Россіи его никогда не ставили.

И чисто литературный успѣхъ «Флоріана» былъ менѣе значителенъ, чѣмъ успѣхъ какой-либо иной пьесы Гауптмана. Первое изданіе книги появилось въ январѣ 1896 г. До 1905 г. она выдержала восемь изданій. Для Гауптмана этого мало.

Въ первый разъ въ своей писательской дѣятельности Гауптманъ во «Флоріанѣ» перестал быть чистымъ поэтомъ-творцомъ и превратился въ историка-изслѣдователя. Это ошибка для драматурга. Ни тонкостей его изученія эпохи, ни мѣтко выхваченныхъ деталей быта и нравовъ, ни его стильно схваченнаго стариннаго языка—не почувствуетъ обыкновенный зритель. Все это пропало на сценическихъ подмосткахъ. О степени отраженія этого глубочайшаго разочарованія поэта на его послѣдующемъ трудѣ намъ приходилось говорить въ предисловіи къ «Потонувшему колоколу».

Нѣмецкій драматургъ, примѣнившій новый драматическій принципъ въ «Ткачахъ» (пьесѣ «безъ героя»), ставилъ своей задачей создать новую натуралистическую историческую драму, гдѣ бы каждая частность дѣйствительно была исторической. Ему мечталось

созданіе чего-то большого, въ родѣ шиллеровской трилогіи о Валленштейнѣ. Онъ создалъ вещь для чтенія, а не пьесу для театра.

Литературнымъ первоисточникомъ Гауптмана, по общему указанію его біографовъ, явилась извѣстная книга швабскаго пастора Циммермана: «Исторія великой Крестьянской войны». По своимъ научнымъ достоинствамъ эта книга выдѣляется изъ всей, довольно обширной литературы объ этомъ предметѣ. Энтузіазмъ, съ какимъ Циммерманъ описывалъ Флоріана Гейера, передался и Гауптману. И въ немъ созрѣло рѣшеніе сдѣлать его героемъ своей драмы.

Гауптманъ выхватилъ фигуру Флоріана изъ историческаго полумрака. О Гейерѣ исторія знаетъ въ сущности очень мало. Неизвѣстенъ даже годъ его рожденія. Только отдѣльныя черты сохранены о немъ въ хроникахъ и преданіяхъ. Ясно лишь, что въ немъ надо видѣть современника и товарища Франца фонъ-Сикингена и Ульриха фонъ-Гуттена. Гейеръ никогда не игралъ въ движеніи центральной роли.

Есть цѣлыя книги, посвященныя Крестьянской войнѣ, гдѣ даже не упоминается его имя. Столѣтіе не измѣнило бы своего хода, если бы Гейера не существовало.

Несмотря на этотъ сумракъ исторіи около Флоріана Гейера, художественная литература не разъ дѣлала попытки его изображенія. Въ 1848 г. нѣкто Робертъ Геллеръ напечаталъ даже цѣлый романъ «Флоріанъ Гейеръ». На сюжетъ крестьянскихъ войнъ писали въ Германіи многіе. Наиболѣе памятное сочиненіе этого рода, конечно, гётевскій «Гёцъ фонъ-Берлихингенъ». Въ отношеніи французскаго крестьянства миссію, подобную гауптмановской, выполнилъ Мериме въ «Жакріи». Въ разработкѣ своей темы Гауптманъ совершенно самобытенъ и независимъ ни отъ кого изъ названныхъ авторовъ.

Драматургъ не пошелъ противъ исторіи. Гауптманъ не поставилъ Гейера на центральное мѣсто въ историческомъ событіи. Около него онъ лишь сгруппировалъ свои картины. Но, можетъ-быть, уже была ошибка въ выборѣ такого героя для сценическаго представленія. Ко всему этому, никогда Гауптманъ не оставляетъ насъ наединѣ съ Гейеромъ. Зритель нигдѣ не видитъ Гейера въ дѣйствіи: онъ только слышитъ разсказы о немъ. Многое чрезвычайно значительное и сценически выгодное Гауптманъ точно намѣренно вынесъ за кулисы. Десятки разъ приходятъ вѣстники и разсказываютъ о томъ, чего зритель не видѣлъ, но что̀ ему необходимо знать. Есть что-то отрывочное, незаконченное въ этой фигурѣ, и совершенно вѣрно сказалъ одинъ критикъ Гауптмана, что Флоріанъ Гейеръ проходитъ сквозь пьесу, словно пустая черная арматура, неуловимая и непознаваемая, несмотря на стремительность дѣйствій и горячность рѣчей (Вернеръ). Повѣствовательная часть врѣзывается въ пьесу и ослабляетъ сценическое впечатлѣніе. Конечно, это отчасти объясняется характеромъ Флоріана, человѣка мечтаній и словъ болѣе, чѣмъ дѣла, идеалиста-доктринера болѣе, чѣмъ реальнаго политика,—орудія событій, а не творца ихъ.

Но это не искупаетъ въ полной мѣрѣ слабаго захвата трагедіи. Нельзя возражать противъ упрека, что въ ней слишкомъ мало дѣйствія, и то, какое есть, связано воедино чисто внѣшне. Того нарастанія впечатлѣній, какое, напримѣръ, отличаетъ «Ткачей», гдѣ отъ первыхъ вздоховъ обсчитываемыхъ работниковъ до пѣсни о кровавомъ судѣ все крѣпнетъ и крѣпнетъ жуткое настроеніе,—совершенно нѣтъ въ «Флоріанѣ». «Флоріанъ» не трогаетъ. Единственная мощная сцена его—это трагическій финалъ пьесы, гдѣ Флоріанъ умираетъ.

Второй разъ въ своей жизни Гауптманъ поставилъ передъ собою задачу изображенія идеальнаго героя, и второй разъ ему посчастливилось мало. Первый—Лотъ, въ пьесѣ «Предъ восходомъ солнца», остался программнымъ человѣкомъ безъ внутренней жизни.

Новый Лотъ XVI столѣтія, Флоріанъ такъ же всюду только развиваетъ передъ нами свою программу, но мы нигдѣ не можемъ заглянуть въ его подлинную душу. Положимъ, Гауптманъ сознательно избѣгалъ монолога. Но и безъ монолога для драматурга остаются еще способы показывать душу героя. Гауптманъ не использовалъ ни исповѣдей ни просто интимныхъ разговоровъ. Флоріанъ такъ же загадоченъ и далекъ намъ въ концѣ пьесы, какъ въ началѣ.

Можетъ-быть, слѣдуя Шекспиру, Гауптманъ хотѣлъ показать своего героя не въ его дѣлахъ, а въ томъ, какъ эти дѣла дѣйствуютъ на окружающихъ. Такъ, художникъ, желая дать зрителю представленіе о дубѣ, можетъ нарисовать не самый дубъ, а тѣнь его. Чтобы такъ произвести впечатлѣніе, надо быть геніальнымъ.

Такъ случилось, что мертвый историческій матеріалъ не ожилъ подъ рукою драматурга. Широта замысла превзошла его силы. Поэтъ впалъ въ археологизмъ историка. Заставивъ своихъ героевъ говорить на древнемъ мѣстномъ нарѣчіи. Гауптманъ лишилъ свою «циклопическую», какъ хорошо выразился Шлентеръ, драму и внѣшней прелести. Эта ошибка Гауптмана всего видніе при сравненіи его трагедіи съ драмой Гёте изъ той же эпохи. Сравненіе «Флоріана» съ «Гёцемъ», конечно, не къ выгодѣ Гауптмана. «Чѣмъ-то педантичнымъ, школьно-историческимъ вѣетъ отъ пьесы Гауптмана въ сравненіи съ живой жизнью въ изображеніи старой школы» (Штеръ).

Что касается исторической вѣрности, то никакой драматургъ не сдѣлалъ существенныхъ отклоненій отъ истины. Все, что нѣмецкая критика выставляетъ, какъ обвиненіе, совершенно мелко и малозначительно. Можно отмѣтить лишь одну подробность—смерть Гейера. Флоріанъ на самомъ дѣлѣ умеръ не въ замкѣ Грумбаха, а въ открытомъ бою, настигнутый войсками Швабскаго Союза неподалеку отъ Галле.

Въ глазахъ историка цѣнность «Флоріана», какъ исторической иллюстраціи, поэтому очень высока. Вотъ что пишетъ о пьесѣ извѣстный русскій историкъ А. С. Трачевскій: «На нашъ взглядъ, Гауптманъ, благодаря своему «Флоріану Гейеру», займетъ мѣсто одного изъ вождей арміи художниковъ слова, воскрешающихъ прошлое. Это—армія другой историка, которые смотрятъ на себя не какъ на скомороховъ, забавляющихъ публику небылицами, а какъ на добросовѣстныхъ разносчиковъ научной истины. По этой добросовѣстности, по тщательному изученію предмета, *мы не знаемъ ничего равнаго «Флоріану Гейеру»*, кромѣ историческихъ драмъ Шиллера съ «Лагеремъ Валленштейна» во главѣ. Сверхъ того, мы пріятно поражены той широтой взгляда Гауптмана, которая и у историковъ встрѣчается рѣдко».

Съ почтеніемъ, но безъ одушевленія говоритъ о трудѣ Гауптмана и критика авторитетовъ. Такъ, Брандесъ пишетъ:

«Флоріанъ Гейеръ», трагедія, возбудившая гораздо меньше интереса, чѣмъ «Потонувшій колоколъ», является сама по себѣ гораздо болѣе вѣскимъ, цѣннымъ произведеніемъ. Совершенно вѣрно, что она, какъ драма, представляетъ мало цѣнности, распадается, въ родѣ «Жакріи» Мериме, на отдѣльныя сцены, но это работа, къ которой вернется со временемъ читающій міръ, отнесшійся теперь къ ней съ пренебреженіемъ».

Что удалось Гауптману въ «Флоріанѣ»,—пишетъ Шлентеръ,—это

возсозданіе настроенія эпохи, и въ этомъ соглашается большинство критиковъ. «Крестьяне, горожане, рыцари, монахи, ландскнехты, бродячій народъ, вся ихъ суматоха и суголока—все это въ концѣ концовъ сливается въ одно, какъ бываетъ при настоящихъ народныхъ теченіяхъ. Но кто вглядится ближе, тотъ явственнѣе различитъ здѣсь отдѣльныя лица. И изъ каждаго лица выступаетъ его сущность. По началу столь утомительный походъ сквозь шесть отдѣловъ драмы искупается знакомствомъ съ полсотней живыхъ людей. Въ этомъ сказывается широкая творческая сила. Между нашими новыми поэтами пришлось бы поискать другого такого, кто дерзнулъ бы на нѣчто подобное. Но поэтъ не удовольствовался изображеніемъ обликовъ,—онъ обрѣлъ невидимый духъ времени, погрузился въ интересы вѣка, заставилъ насъ дышать воздухомъ эпохи».

Съ неменьшимъ сочувствіемъ говоритъ съ этой стороны о «Флоріанѣ» Штейгеръ. «Въ этой трагедіи,—пишетъ онъ:—мы имѣемъ передъ собою иллюстрированную культурно-историческую книгу изъ эпохи реформаціи. Какую бы страницу мы въ ней ни открыли, всюду намъ улыбаются изъ правдивыхъ гравюръ хорошо знакомыя лица, въ рѣзкихъ очертаніяхъ возстановляющія передъ нами эти великіе и ужасные дни. Авторъ не забылъ ни одной черты, отличавшей внѣшнюю или внутреннюю жизнь нѣмцевъ того времени. Въ «Флоріанѣ Гейерѣ» собрано все величіе и все недомысліе, вся мудрость и вся нелѣпость, все образованіе и вся глупость той бурной эпохи... Одна культурная картинка смѣняетъ другую. Но не только мелочи—все, что только говорятъ рыцари и писцы, горожане, попы, крестьяне,—все это живой кусокъ повседневности той тревожной эпохи. Вспомнимъ только характерную фигуру еврея Іоселя, который, когда его дразнятъ за его темныя дѣлишки, разсказываетъ о ростовщичествѣ и обманахъ Фуггеровъ и Вельзеровъ, вспомнимъ старую крестьянку изъ Кицингена, водящую своего ослѣпленнаго сына по дорогамъ... Рыцари, стремящіеся использовать движеніе, чтобы половить рыбу въ мутной водѣ, горожане, равно ненавидящіе поповъ и рыцарей, какъ своихъ смертельныхъ враговъ, крестьяне, подозрительно относящіеся ко всему, что исходитъ отъ дворянъ, и не то изъ глупости, не то изъ зависти насмѣхающіеся надъ всякой ученостью и образованіемъ,—все это пластически выдѣлено изъ пестро переплетающихся событій будничной жизни. И въ серединѣ всей этой толпы лицъ, заботящихся о своихъ личныхъ интересахъ, другъ у друга вырывающихъ добычу, посреди всей этой не въ мѣру усердной близорукости, неспособной видѣть свѣтъ въ чужомъ окошкѣ, стоитъ, головою возвышаясь надъ всѣми этими мелкими людьми, Флоріанъ Гейеръ, богатырь и тѣломъ и душой» *).

---

*) Edgar Steiger, «Das Werden des neuen Dramas», B. II.

ФЛОРІАНЪ ГЕЙЕРЪ.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ съ прологомъ изъ эпохи Крестьянской войны.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Конрадъ Вюрцбургскій, епископъ.
Себастьянъ фонъ-Ротенганъ, гофмейстеръ епископа.
Маркграфъ Фридрихъ, начальникъ гарнизона въ замкѣ «Гора Богоматери».
Гансъ фонъ-Лихтенштейнъ, каноникъ лѣтъ сорока.
Гейнцъ фонъ-Штейнъ
Вольфъ фонъ-Ганштейнъ
Гансъ фонъ-Грумбахъ
Себастьянъ фонъ-Гейеръ
Вольфъ фонъ-Кастель
Лоренцъ фонъ-Гуттенъ.
Кунцъ фонъ-деръ-Мюленъ
} рыцари.
Гильгенессигъ, писецъ.
Флоріанъ Гейеръ.
Стефанъ фонъ-Менцингенъ, рыцарь лѣтъ сорока.
Гецъ фонъ-Берлихингенъ.
Конрадъ фонъ-Ганштейнъ.
Томасъ фонъ-Гартгеймъ.
Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ, братъ жены Гейера.
Анна фонъ-Грумбахъ, его жена.
Теллерманъ, адъютантъ Флоріана Гейера.
Карлштадтъ.
Безенмейеръ, ректоръ.
Бецольдъ, оксенфуртскій староста.
Лоренцъ Лефельгольцъ, полевой писецъ Флоріана Гейера.
Мартинъ, странствующій студентъ.
Финкенмейслинъ
Пфластеркунцлинъ
} гонцы.
Сарторіусъ.
Линкъ, вюрцбургскій житель.

Яковъ Коль
Бубенлебенъ, пасторъ
Вендель Гипплеръ
Георгъ Мецлеръ
Фламенбекеръ, изъ Вейнсберга
} крестьянскіе предводители.

Первый
Второй
Третій
} начальники крестьянскихъ войскъ.

Крацеръ, трактирщикъ.
Шефергансъ.
Марея, дѣвушка изъ лагеря.
Іергъ Кумпфъ
Киліанъ, оружейникъ
Іосъ Франкенгеймъ, школьный учитель
Освальдъ Бархартъ
Оксенгансъ
Маркартъ Тепелинъ
Энгельгартъ Гоппольтъ, ткачъ
Гансъ Кунратъ
Гансъ Бегеймъ, каменщикъ
Кристгейнцъ.
} ротенбургскіе жители.

Бѣглый монахъ.
Разносчикъ.
Іоська, старый еврей.
Старуха.
Оборванецъ, ея сынъ.
Клейслинъ, бродячій музыкантъ, и его жена.
Себастьянъ Шертлинъ.
Фейстле.
Урсула, старуха, экономка въ замкѣ Грумбаха.
Петръ, конюхъ.
Гансъ Шмидтъ, слѣпой монахъ.
Крѣпостной.
Прислужница.

Рыцари, солдаты, каноники, крестьяне, воины, жители Вейнсберга и Ротенбурга, свита епископа, музыканты, народъ.

ПРОЛОГЪ.

Въ замкѣ «Гора Богоматери» близъ Вюрцбурга. Большая зала. Слѣва подобіе трона съ навѣсомъ. Группа рыцарей, въ латахъ и безъ латъ, стоятъ, выжидая, или ходятъ по залѣ, разговаривая вполголоса. У одной изъ оконныхъ нишъ, справа стоитъ писецъ Гильгенессигъ, маленькій сухой человѣкъ, и читаетъ нѣсколькимъ рыцарямъ вслухъ брошюру, которую держитъ въ рукахъ. Среди слушающихъ его Г. Лихтенштейнъ, Г. Штейнъ, Вольфъ фонъ-Ганштейнъ, Гансъ фонъ-Грумбахъ.

Гильгенессигъ (читаетъ). «Во-первыхъ, мы покорнѣйше просимъ...»

Г. Лихтенштейнъ (злобно). Бѣшеныя собаки!.. Покорнѣйше просятъ...

Гильгенессигъ. «Во-первыхъ, мы покорнѣйше просимъ о томъ, чтобы всякій приходъ самъ выбиралъ своего священника. Выбранный пастырь долженъ намъ проповѣдывать евангеліе ясно и разумно, безъ всякихъ тамъ прибавленій».

Г. Лихтенштейнъ (задыхаясь отъ гнѣва). Смиренная, покорнѣйшая просьба, съ цѣпами и кирками, копьями и пищалями въ рукахъ.

Штейнъ. Послѣ ограбленія церквей, послѣ еретическихъ литургій.

Вольфъ фонъ-Ганштейнъ. Неужели ихъ требованія ужъ такъ несправедливы, господа?

Штейнъ. Читай, писуля, читай!

Г. Лихтенштейнъ. Здѣсь пахнетъ лютеровской кашей, карлштадтскими похлебками и гуситскимъ ядомъ.

Вольфъ фонъ-Ганштейнъ. Неужели и это такъ несправедливо, господа?

Гансъ фонъ-Грумбахъ. Угомонись, Вольфъ! Не то вѣдь можно лопнуть отъ бѣшенства!

Вольфъ фонъ-Ганштейнъ (вслухъ). А какъ сказано въ писаніи? «Я спасу Мое стадо отъ ихъ ртовъ. Вы пили молоко, волной одѣвались и жирныхъ овецъ для себя убивали. Теперь они просятъ хлѣба и жаждутъ вина, но не только вина и хлѣба нужно имъ. Господь вселилъ имъ голодъ и жажду услышать Его слова ясно и разумно». Да, и несмотря на всѣ ихъ жирныя брюха и гладкія шкуры, читать Его слово безъ всякихъ тамъ прибавленій.

Гильгенессигъ (читаетъ). «Во-вторыхъ, хотя праведная десятина, установленная въ ветхомъ завѣтѣ, была отмѣнена въ новомъ, мы все-таки охотно будемъ выплачивать ее зерномъ; но только праведную».

Г. Штейнъ. Прыткіе молодцы! Ишь ты, какъ расходились!

Гильгенессигъ (читаетъ). «Малой же десятины мы не хотимъ платить» *).

Г. Лихтенштейнъ. Ого! Вамъ, кажется, самъ чортъ вскружилъ голову!

Вольфъ фонъ-Ганштейнъ. Ваше преподобіе, отвѣтите вы мнѣ на одинъ вопросъ?

Г. Лихтенштейнъ. Какой вопросъ, рыцарь...

Вольфъ фонъ-Ганштейнъ. Скажите, если епископу, по

---

*) «Малая десятина» — подать государству съ натуральнаго хозяйства, десятая часть овощного сбора.

левитскому закону, полагается десятина со всего, что̀ рождается на землѣ, почему же онъ не дастъ себя обрѣзать?

(Возбужденіе среди одной части присутствующихъ, смѣхъ въ другой).

Г. Лихтенштейнъ. Убирайтесь къ чорту съ такими вопросами!

Вольфъ фонъ-Ганштейнъ. Чего вы испугались? Прочтите левитскія книги: и если этого тамъ не требуется, то я ужъ никогда болѣе не назову магистра Гоогстратена въ Кёльнѣ *) отвратительнѣйшей, проклятой скотиной!

Гильгенессигъ (читаетъ). «Въ-третьихъ, доселѣ было въ обычаѣ, что они считали насъ своими крѣпостными».

(Движеніе, смѣхъ и возмущеніе среди большинства присутствующихъ).

Г. Штейнъ. Конечно, всегда были господа и слуги. Съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ. Пеняйте на Господа Бога: Онъ такъ устроилъ.

Г. Лихтенштейнъ. Они думаютъ, что добьются своего у Бога, когда поставятъ чорта надъ собой игуменомъ, и что тогда всякій проходимецъ станетъ господиномъ.

(Входитъ графъ Вольфъ фонъ-Кастель. Зала постепенно наполняется канониками **), рыцарями и придворными).

Кастель. Что̀ это читаетъ писецъ?

Гильгенессигъ (читаетъ). «Доселѣ было въ обычаѣ, что они считали насъ своими крѣпостными. Прискорбно это видѣть: вѣдь Христосъ Своею драгоцѣнной кровью искупилъ всѣхъ насъ, отъ послѣдняго пастуха до сильныхъ міра».

Ганштейнъ. Да, «отъ послѣдняго пастуха до сильныхъ міра».

Гансъ фонъ-Грумбахъ. Ну, противъ этого ничего нельзя возразить, господа.

Кастель. Что̀ вы читаете?

Гильгенессигъ. Истинныя и правдивыя основныя статьи всего крестьянскаго сословія и всѣхъ захребетниковъ ***), обиженныхъ своими духовными и свѣтскими властями, а также дѣянія и наказы всѣхъ крестьянскихъ скопищъ и отрядовъ

Кастель. Двѣнадцать статей, которыми снабдилъ ихъ св. Вельтенъ ****)! Откуда онѣ у васъ?

---

*) Богословъ, доминиканецъ, профессоръ и папскій инквизиторъ, судившій Рейхлина, главу нѣмецкихъ гуманистовъ, и сжегшій его сочиненіе въ защиту евреевъ.

**) Свѣтское духовенство, жившее по монашескимъ уставамъ въ общежитіяхъ при соборахъ.

***) Безземельные люди, жившіе на чужихъ дворахъ.

****) Народное произношеніе имени св. Валентина.

1-й рыцарь. Да развѣ онѣ не летаютъ всюду по воздуху? Вы ихъ еще не находили у себя въ карманѣ?

(Много рыцарей и канониковъ вынимаютъ изъ кармана листки).

Голоса. Вотъ! Возьмите, читайте!

Гильгенессигъ. Листокъ, который я вамъ читаю, почтенные господа, недавно, говорятъ, передалъ черезъ стѣну гонецъ Гёца фонъ-Берлихингена.

Кастель. Очень ужъ Гёцъ распускаетъ свой павлиний хвостъ!

Г. Лихтенштейнъ. Онъ заставилъ нашего милостивѣйшаго епископа и господина отречься и уничтожить лены монастыря.

Гильгенессигъ. Подписано въ Аморбахѣ, въ четвергъ послѣ Misericordias Domini *).

2-й рыцарь. Слыхали вы, господа, какіе ужасы натворили евангелики въ Аморбахѣ? Я былъ въ засадѣ противъ Глисберга, когда караульные на башнѣ затрубили о пріѣздѣ гонца. Я поднялся на стѣну и сталъ съ нимъ говорить. Ба, да это Кёхле, слуга Гёца фонъ-Берлихингена: я съ нимъ когда-то вмѣстѣ ѣздилъ и хорошо его зналъ. «Кёхле, что это вы дѣлаете?—крикнулъ я ему.—Ты и твой господинъ! Неужели вы стали черными крестьянами?»—«Пришлось, молодчина юнкеръ, — отвѣтилъ онъ мнѣ:—волей-неволей! Но, право, страшно подумать, какъ они все разгромили въ Аморбахѣ, — точно бѣшеные вепри! Я всю свою жизнь не потакалъ попамъ,—кричалъ онъ:—но тутъ какая-то христіанская любовь на турецкій ладъ».—«Вы у бенедиктинцевъ расположились?»—крикнулъ я ему.—«Да, молодчина юнкеръ, и во всемъ аббатствѣ не оставлено ни одного гвоздя на мѣстѣ».

Кастель. Тысяча смертей! Я бы, господа, скорѣе нанялся чистить помойки, чѣмъ сталъ бы, какъ Гёцъ, командиромъ отчаяннѣйшаго сброда воровъ, игроковъ, бродягъ и нищихъ.

2-й рыцарь. Вѣрно, вѣрно, господа! Кёхле привезъ еще извѣстіе изъ Аморбаха, что графъ Вильгельмъ фонъ-Геннебергъ тоже побратался съ крестьянами.

Кастель. Къ несчастью, рыцарь говоритъ правду. Мой шуринъ тоже спутался съ этимъ сбродомъ. Они разгромили его деревни, замки и аббатства, насѣли на него и принудили перейти на ихъ сторону. Вотъ меня хоть привяжи

*) Второе воскресенье послѣ Пасхи.

къ позорному столбу и подпусти ко мнѣ живодера съ раскаленнымъ желѣзомъ, а я скорѣе побратался бы съ чортомъ, чѣмъ съ кровопійцами-крестьянами.

Лихтенштейнъ. Такъ вотъ та надежная служба, въ которой графъ Вильгельмъ письменно и черезъ посланцевъ клялся нашему милостивому господину, епископу Конраду! Теперь онъ побратался съ крестьянами...

Г. Штейнъ. Хороша служба! Долго бы намъ пришлось ждать обѣщаннаго подкрѣпленія отъ Геннеберга.

Гильгенессигъ. Письма его остались бумагой.

1-й каноникъ. Сгорѣли и превратились въ пепелъ.

Вольфъ фонъ-Ганштейнъ. А по-моему, господа, графъ Вильгельмъ фонъ-Геннебергъ понимаетъ людей, мы же ихъ не понимаемъ. Какъ обращалось духовенство все это время съ низшимъ дворянствомъ? Разоряло его, угнетало тѣла и души.

Лихтенштейнъ. А какъ поступали крестьяне? Не отвѣтите ли вы мнѣ на этотъ вопросъ, рыцарь? Развѣ вы не слыхали, какъ крестьяне недавно обошлись въ Вейнсбергѣ съ низшимъ дворянствомъ? Забыли вы, что ли, рыцарь, какъ они, наперекоръ военнымъ обычаямъ и законамъ, прогнали свой строй Людвига фонъ-Гельфенштейна и вмѣстѣ съ нимъ сорокъ захваченныхъ въ плѣнъ рыцарей и слугъ? Теперь уже всѣмъ извѣстно, какъ они тамъ хозяйничали. Какой-то «благочестивый евангелическій братъ» носилъ на копьѣ кожу и волосы одного изъ убитыхъ. Какая-то проклятая баба, черная дьявольская вѣдьма, пырнула кухоннымъ ножомъ Гельфенштейну въ животъ и вытекшей изъ него кровью и жиромъ вымазала себѣ башмаки. А вы, рыцарь, полагаете, что крестьяне питаютъ къ вамъ дружбу? Клянусь Богоматерью, вѣрьте моему слову! Если крестьяне захватятъ всѣхъ рыцарей, то исполнится пророчество: «придетъ пора, и станетъ низшее дворянство питаться уксусомъ, окроплять свой хлѣбъ слезами, печь пирожки на горькой полыни».

(Многіе рыцари потрясаютъ оружіемъ. Повторяется крикъ: «Месть за Вейнсбергъ!»).

Вольфъ фонъ-Ганштейнъ. Вотъ вы кричите: «Месть за Вейнсбергъ!». И одному Богу извѣстно, какъ бы вы расквитались съ вейнсбергскими кровопійцами, если бы они попались вамъ въ руки. А знаете ли, что̀ кричали крестьяне, когда брали штурмомъ Вейнсбергъ и охотились за рыцарями, горожанами и слугами? «Месть за Вурц-

бахъ! Месть за семь тысячъ вурцбахцевъ!». Скажите правду, господа; вѣдь Трухзесъ тоже безжалостно поступалъ съ ними и всюду объявилъ «злую войну». Онъ велитъ профосамъ *) вѣшать, колесовать крестьянъ и душить лучшихъ людей среди нихъ, какъ курицъ. Вспомните только благочестиваго проповѣдника Якова Вез въ Лейпгеймѣ!

Лихтенштейнъ. Молодцы! Такъ и слѣдуетъ! Нужно дѣйствовать силой и затыкать имъ отъ всѣмъ этимъ проклятымъ, лживымъ, дьявольскимъ пророкамъ и сумасбродамъ, которыхъ всюду теперь поднялъ сатана! Нужно вырвать проклятыя адскія плевелы, которыя онъ засѣялъ по всей нѣмецкой землѣ промежъ пшеницы! Искоренять ихъ, колоть, жечь, истреблять, будь то лютеровская ересь, карлштадтская, гуситская или виклефская! Козлище слишкомъ далеко забралось въ огородъ! Носись грозой, Георгъ Трухзесъ! Будь воистину св. Георгіемъ, побѣдителемъ дракона: такъ угодно Господу и Пресвятой Дѣвѣ Маріи! Если-бъ раньше взялись за дѣло, бунтъ не разросся бы такъ.

Гильгенессигъ (читаетъ). «Въ четвертыхъ. До сихъ поръ велось такъ, что ни одинъ бѣднякъ не имѣлъ права ни охотиться на дикихъ звѣрей, ни ловить птицъ или рыбъ въ господскихъ владѣніяхъ (смѣхъ среди большинства). Это кажется намъ непристойно и не по-братски».

Кастель. Чтобъ васъ раздуло! Съ моего согласія ни одинъ поганецъ изъ крестьянъ не спуститъ стрѣлы изъ самострѣла въ моихъ лѣсахъ.

Гильгенессигъ. «Въ-пятыхъ. Считаемъ себя также стѣсненными и насчетъ лѣса: наши господа присвоили себѣ всѣ лѣса. Въ-шестыхъ. Считаемъ себя обремененными отъ барщинъ, которыя съ каждымъ днемъ множатся и растутъ».

Штейнъ. Дѣло теперь обстоитъ такъ: крестьянинъ хочетъ лежебочничать круглый день, шляться по кабакамъ, спорить о писаніи и бѣгать за проповѣдниками. Плугъ же сталъ для него слишкомъ тяжелъ. А напомните-ка ему объ его обязанностяхъ и присягѣ! Ого! Онъ объявляетъ себя деревенскимъ барчукомъ и съ мѣста не трогается, точно его чортъ изъ глины слѣпилъ. Если же кто крутенько возьмется за дѣло и закуетъ въ кандалы такого

*) Профосъ—лицо въ арміи, облеченное полицейскою властью и чиномъ капитана.

упрямаго негодяя и бунтующаго осла — онъ тотчасъ прослыветъ безбожнѣйшимъ тираномъ и кровопійцей.

Гильгенессигъ. «Въ-восьмыхъ. Обременены мы тѣмъ, что у кого есть собственность, тотъ не въ силахъ выносить слишкомъ тяжелаго оброка».

Кастель. Это меня не удивляетъ, нисколько не удивляетъ. Развѣ они лучше хозяйничаютъ у себя, чѣмъ самые распутные дворяне? Все прокучиваютъ и пропиваютъ. Все время у нихъ свадьбы, жранье, пьянство да блевотина. Вмѣсто сермяги, подобающей грубому мужику, они носятъ мехельнское да лондонское сукно. Ихъ жены норовятъ перещеголять нарядами дворянокъ: иная носитъ на шеѣ цѣпочку цѣной въ цѣлый хуторъ; а дочки навѣшиваютъ на себя шелкъ и бархатъ, соболь, горностай и золотую парчу; въ сравненіи съ ними дворяночки кажутся коровницами.

Лоренцъ фонъ-Гуттенъ (входитъ обезсиленный, едва переводя дыханіе). Новости, господа.

Штейнъ. Ужъ не съ чортомъ ли ты повстрѣчался, Каспаръ?

Лоренцъ фонъ-Гуттенъ. Благодареніе Богу и святой Аннѣ, что выбрался на сушу! Какой-то мерзавецъ подстрѣлилъ лошадь подо мной, когда я верхомъ пробирался вбродъ черезъ Майнъ.

Кастель. Стрѣляютъ изъ ружей?

Лоренцъ фонъ-Гуттенъ. А какъ же! Развѣ вы не знали? Вюрцбургскіе крестьяне, работающіе въ виноградникахъ на Майнѣ, берутъ съ собой ружья и кладутъ ихъ около себя. Чуть завидятъ епископскаго рейтера *), сейчасъ подымается охота. Пифъ-пафъ! Словно мы хищныя птицы. И все изъ-за стѣнъ. Конь у меня добрый: онъ и со свинцомъ въ тѣлѣ сдѣлалъ еще молодецкій прыжокъ, и я, благодареніе Богу, какъ кошка, на ноги всталъ; а не то бы я, въ моихъ латахъ, навѣрно потонулъ.

Кастель. Развѣ ужъ больше нѣтъ въ Вюрцбургѣ палача, который бы умѣлъ разсѣкать проклятыхъ убійцъ и нарушителей спокойствія такъ, чтобы голова была меньшей, а тѣло—большей частью?

Лоренцъ фонъ-Гуттенъ. Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Вюрцбургцы прогнали Якова, потому что онъ сказалъ, что

---

*) Рейтеръ—средневѣковый конный воинъ. Особое названіе нѣмецкихъ наемниковъ.

возстаніе въ Вюрцбургѣ не кончится до тѣхъ поръ, пока онъ нѣсколькимъ бунтарямъ, и прежде всего Георгу Бермейеру, не срубитъ паршивой башки. За это его хотѣли убить; теперь онъ здѣсь, въ замкѣ, вмѣстѣ со своими помощниками.

Гильгенессигъ. Въ настоящее время въ Вюрцбургѣ нѣтъ ни одного свидѣтеля, господинъ графъ, который бы что-нибудь показалъ, нѣтъ нотаріуса, который бы написалъ бумагу. Адвокатовъ нѣтъ для ведения тяжбъ, прокуроровъ для поддержанія обвиненій, судьи для допросовъ. Нѣтъ начальства, которое бы постановляло приговоры, такъ же какъ нѣтъ палача, который бы приводилъ ихъ въ исполненіе.

Лихтенштейнъ. Какія же это новости вы привезли, молодчина юнкеръ?

Лоренцъ фонъ-Гуттенъ. Какія новости, господа? Ни болѣе ни менѣе, какъ то, что достовѣрно знаю. Всѣ шайки крестьянъ двинулись на Вюрцбургъ; и съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, не видано такихъ скопищъ, такой сутени. Они сговариваются, составляютъ отряды со знаменами, вертелами, пѣшами, алебардами, ружьями, пищалями, коромыслами. Мнѣ достовѣрно сообщали, что амборбахскіе евангелисты направляются сюда: они несутъ съ собой распятіе и поклялись, что убьютъ всѣхъ, вплоть до дѣтей въ материнской утробѣ, если епископъ, нашъ милостивѣйшій господинъ, не сдастъ имъ добровольно замка. (Движеніе и волненіе среди рыцарей).

Кастель. Только ослов можно застращать до смерти, господа! Есть у васъ, рыцарь, еще что въ этомъ родѣ?

Лоренцъ фонъ-Гуттенъ. Есть. Кицингенъ *) вступилъ въ крестьянское братство.

1-й рыцарь. Чортъ возьми! Неужели Кицингенъ побратался съ крестьянами?

Лоренцъ фонъ-Гуттенъ. Да, клянусь словомъ дворянина.

Лихтенштейнъ. Не понравится это маркграфу Казиміру Ансбахскому.

Вольфъ фонъ-Ганштейнъ. Вы думаете? Мнѣ, напротивъ того, кажется, что въ Ансбахѣ никто не смотритъ косо на крестьянское движеніе. Развѣ маркграфъ не преданъ лютеранству такъ же, какъ и Гешебергецъ? Развѣ

---

*) Городъ въ Баваріи у Майна, недалеко отъ Вюрцбурга.

не извѣстно всюду, что Шварценбергеръ, мощный рыцарь и лютеранинъ, разъѣзжаетъ, служа посредникомъ между Ансбахомъ и крестьянскими лагерями? Я вовсе не считаю невозможнымъ, что маркграфскія пушки объявятся здѣсь, вмѣстѣ съ крестьянскими цѣпами.

Кастель. Ты думаешь, что мы испугаемся, Вольфъ, твоихъ выдумокъ и бабьихъ розсказней? Да если бы маркграфу такъ же хотѣлось подобраться къ «Горѣ Богоматери», какъ лисицѣ къ жирному гусю, и если бы всѣ его помыслы были направлены на то, чтобы вступить франконскимъ герцогомъ въ епископскій замокъ, то онъ все же отлично знаетъ, что это такъ же невозможно сдѣлать въ союзѣ съ Лаптемъ, какъ взобраться на башню надъ Рейнскимъ водопадомъ у Шафгаузена.

Себастьянъ фонъ-Ротенганъ (въ латахъ, проходитъ черезъ комнату, направляясь къ епископу. Его останавливаютъ).

Гейнцъ фонъ-Штейнъ. Скажите, ученѣйшій мужъ, подтверждается ли слухъ? Правда, что Кицингенъ перешелъ къ Флоріану Гейеру и его Чернымъ?

Ротенганъ. Милые, вѣрные друзья и господа! Имѣйте немного терпѣнія, подождите немного.

1-й рыцарь. Зачѣмъ насъ сюда созвали, ваше благородіе?

Ротенганъ. Это вы узнаете отъ его свѣтлости, нашего милостивѣйшаго князя и господина, изъ его собственныхъ высочайшихъ устъ.

2-й рыцарь. Говорятъ, со всѣхъ сторонъ на насъ идутъ разбойничьи шайки крестьянъ; они будто бы поклялись не оставить въ живыхъ ни одного дворянина.

Ротенганъ. Милые друзья, вооружитесь терпѣніемъ, подождите немножко!

2-й рыцарь. Думаетъ ли епископъ закрыть ворота замка, или очистить его?

Ротенганъ. Господа! Въ Вейнсбергѣ Флоріану Гейеру легко было справиться; но здѣсь стѣны покрѣпче, и замокъ несокрушимъ, поскольку мы будемъ дѣйствовать согласно. Было бы прискорбно и позорно, если бы мы не пришли на помощь такому благородному господину, такому кроткому, доброму и справедливому князю, какъ нашъ епископъ Конрадъ. Для знаменитаго франконскаго имперскаго рыцарства это было бы несмываемымъ стыдомъ и позоромъ.

Вольфъ фонъ-Ганштейнъ. Не спорю, Бастіанъ, епи-

скопъ—благочестивый и справедливый правитель, и я ничего противъ него не имѣю; но все это движеніе не направлено противъ отдѣльныхъ лицъ. Жилъ на свѣтѣ рыцарь, и не было равнаго ему по храбрости, гордости, любви къ правдѣ и справедливости. Онъ писалъ противъ духовенства до послѣдней капли крови: звали его Ульрихомъ фонъ-Гуттеномъ. Ну вотъ, Гуттенъ теперь умеръ, его затравило духовенство, довело до нищеты и смерти. Но дѣло его не умерло: то, что онъ посѣялъ, взошло и стоитъ теперь въ полномъ цвѣту. «Проснись,—писалъ онъ:—благородная нѣмецкая свобода!» И благородная нѣмецкая свобода проснулась. Но теперь, Бастіанъ, когда Господь вступился за свободу и поднялъ ее отъ сна, теперь вы спите. Тогда вы жили душа въ душу, ты и Гуттенъ. А когда онъ погибъ, и ты съ нимъ умеръ. Не будешь ли утверждать, что ты живъ? Но какъ же ты, въ такомъ случаѣ, не отомстилъ за своего роднаго брата? Какъ же ты сталъ орудіемъ поповъ и другихъ зовешь идти противъ тѣхъ...

Ротенганъ. Чего ты горячишься, Вольфъ? На кого и на что негодуешь? Если должна начаться повсемѣстная великая реформація, развѣ я противлюсь ей, развѣ епископъ противится? Напротивъ, онъ самъ вызвался выслушать всѣ справедливыя жалобы, отмѣнить неправедные поборы, принять и исполнить все, что постановятъ другіе князья, господа и захребетники. Развѣ не видишь, что теперь все дѣло въ томъ, чтобы остановить безуміе и ярость толпы, которая все растаптываетъ, давитъ и опустошаетъ—и то, что добыто бѣдняками въ потѣ лица, и дома богачей, и замки, и церкви, и сокровища науки и искусства? До чего ты ослѣпленъ, Вольфъ! Будь Гуттенъ въ живыхъ, онъ стоялъ бы здѣсь, рядомъ со мной, клянусь моей привязанностью къ нему!

Лоренцъ фонъ-Гуттенъ. Клянусь Богомъ, онъ стоялъ бы рядомъ съ нами.

Ротенганъ. Да, Вольфъ, такъ-то. Оглянись вокругъ себя. Вѣдь и Лютеръ отвернулся отъ крестьянъ и ополчился въ своихъ писаніяхъ противъ ихъ кровожадныхъ, дьявольскихъ шаекъ...

(Епископъ Конрадъ Вюрцбургскій входитъ съ многочисленной свитой).

Кастель. Да здравствуетъ нашъ милостивѣйшій господинъ, епископъ Конрадъ Вюрцбургскій и герцогъ франконскій!

Большинство рыцарей. Да здравствуетъ, да здравствуетъ епископъ Конрадъ!

(Епископъ направляется къ трону. Свита, въ томъ числѣ молодой капитанъ, каноникъ Фридрихъ Бранденбургскій, окружаетъ его. Когда крики утихаютъ, епископъ начинаетъ говорить, стоя).

Епископъ. Милые друзья, знаю, что вы всѣ мои вѣрные и добрые слуги и родичи по собору. Поэтому я васъ созвалъ, чтобы объявить вамъ, какъ я намѣренъ дѣйствовать въ эти быстротечныя и все болѣе грозныя времена. Вамъ извѣстно, что теперь среди всего нѣмецкаго народа вспыхнулъ мятежъ: низшее сословіе считаетъ себя не въ мѣру обремененнымъ несправедливыми и непосильными тяготами... Когда, въ мартѣ, крестьяне ротенбургскаго ополченія поднялись въ Оренбахѣ и Бретгеймѣ, я написалъ майнцкому намѣстнику, а также пфальцграфу Людвигу, прося ихъ о помощи. Когда затѣмъ маркграфъ Казиміръ созвалъ сеймъ въ Нейенштадтѣ, чтобы обсудить, какъ дѣйствовать наиболѣе грозно и плодотворно противъ вооружившихся крестьянъ, я послалъ туда моихъ совѣтниковъ. Но ничего грознаго и плодотворнаго не было рѣшено на этомъ собраніи. Тогда вотъ я и обратился къ моему рыцарству и земцамъ *) и призвалъ ихъ сюда въ аббатство... Мои крестьяне тоже сейчасъ же взялись за оружіе, выкинули знамена, закрыли заставы; но, какъ выяснилось теперь, все это на зло, а не въ угоду мнѣ. Когда нехристіанское и небратское поведеніе крестьянъ становилось все болѣе грознымъ, охвативъ Верхнюю и Нижнюю Германію, когда Флоріанъ Гейеръ взялъ штурмомъ Вейнсбергъ, я во второй разъ обратился за помощью къ его милости, маркграфу Ансбахскому, моему милому другу и господину, и послалъ ему мою просьбу черезъ его милости собственнаго брата, черезъ нашего любезнаго друга (кладетъ руку на плечо маркграфа Фридриха), маркграфа Фридриха. Но ничего утѣшительнаго я въ отвѣтъ не получилъ. Его милость окруженъ такими же опасностями и претерпѣваетъ такія же бѣды отъ мятежа. Тѣмъ временемъ потокъ разливался все шире: онъ поглотилъ все—помѣстья, княжества, монастыри, замки и города. Я просилъ подкрѣпленія у Швабскаго Союза **), отряжалъ пословъ въ

*) Ландтаги, или земскіе сеймы, состояли изъ рыцарей, прелатовъ и горожанъ; закрѣпощенное крестьянство нигдѣ не имѣло голоса.

**) Великій Швабскій Союзъ въ 1488 году объединилъ 22 имперскихъ города Швабіи. Его армія состояла изъ 12.000 пѣхоты и 1.200 конницы.

крестьянскіе лагери: все напрасно... Милые друзья и господа! Все это вамъ должно быть небезызвѣстно, также какъ и то, что я добровольно предложилъ сдѣлать все, что въ моихъ силахъ, для удовлетворенія и устраненія всѣхъ справедливыхъ жалобъ моихъ епископскихъ городовъ и земель. Господь свидѣтель, что я всячески старался не дать разрастись бѣдѣ. Но тутъ не помогутъ никакое искусство, никакой умъ: добрыхъ словъ не хотѣли слушать, они разлетались по вѣтру. До того дошло, что въ Вюрцбургѣ крестьянскія шайки приглашены были письменно; имъ было заявлено, что горожане и ратуша ничего такъ не желаютъ, какъ только поскорѣе соединиться съ крестьянами и помочь имъ сбросить съ горы нашу крѣпость. Когда я обо всемъ этомъ узналъ, когда понялъ также, что нечего ждать помощи отъ графа Вильгельма фонъ-Геннеберга, когда увидѣлъ, что крестьяне направляются къ «Горѣ Богоматери» и хотятъ осадить замокъ,—я обсудилъ положеніе дѣлъ съ моими совѣтниками и рѣшилъ удалиться. Да, милые друзья мои, вотъ что я имѣю сказать вамъ! (Съ сильнымъ волненіемъ) Изо всѣхъ моихъ княжескихъ владѣній и земель у меня ничего не осталось, кромѣ этого замка; и его я долженъ покинуть. Господь знаетъ, вернусь ли я когда-нибудь сюда. (Затишье. Всѣ взволнованы. Движеніе и шопотъ въ группѣ рыцарей). Мнѣ крайне тяжело уѣхать, покинувъ въ замкѣ столько князей, графовъ, рыцарей и слугъ. Но я и мои совѣтники рѣшили, что мнѣ лучше всего убраться. Я отправлюсь лично просить помощи у курфюрста, пфальцграфа Людвига, или же обращусь къ Швабскому Союзу въ Ульмѣ. Будьте увѣрены, что я не пощажу трудовъ и ни о чемъ не буду думать ни днемъ ни ночью, кромѣ того, какъ освободить васъ отъ заботъ и опасностей, среди которыхъ оставляю васъ. (Шопотъ среди рыцарей).

Ротенганъ (выступая впередъ). Высокочтимый князь и господинъ! Мы выслушали волю и рѣшеніе вашей княжеской милости и просимъ вашу княжескую милость вѣрить, что каждый изъ насъ намѣренъ дѣйствовать, какъ того требуетъ рыцарская честь. (Шумное одобреніе большинства рыцарей). Среди насъ, франконскихъ рыцарей, нѣтъ ни одного, который не былъ бы готовъ отдать жизнь и достояніе за своего герцога и господина...

Вольфъ фонъ-Ганштейнъ (вполголоса). Чортъ его сдѣлалъ герцогомъ франконскимъ!

Ротенганъ (продолжая). И каждый готовъ сражаться за него, пока въ силахъ двинуть рукой... Мои добрые друзья, товарищи и братья, франконскіе дворяне, знаютъ слишкомъ хорошо, что теперь поставлено на карту. Чернь поднялась всюду; и гдѣ только завидитъ что-нибудь высокое, она протягиваетъ свои руки, хватаетъ все своими грязными пальцами. Они называютъ себя евангелическими братьями, а свой союзъ—христіанскимъ братствомъ, къ ужасу и позору нашего Господа Іисуса Христа. Вѣрнѣе бы имъ называть себя адскими братьями, а свой союзъ—турецкимъ братствомъ; вѣдь они всюду неистовствуютъ, разрушаютъ виноградники, топчутъ плоды, все убиваютъ и жгутъ, насилуютъ женщинъ, шарятъ въ сундукахъ и опорожниваютъ кошельки... Теперь, къ несчастью, выяснилось, что князья, господа, сильные міра,—словомъ, всѣ власти пали духомъ и выпустили мечъ изъ рукъ. Ими овладѣлъ ужасъ и искалѣчилъ ихъ. Ни одинъ изъ нихъ не протягиваетъ другому руку помощи, не трогается съ мѣста,—пока стѣна, къ которой онъ прислонится, не раскалится... Но, милостивый господинъ, сіятельный князь, намъ всѣмъ, собравшимся сюда, страхъ еще не сковалъ члены. Правда, что сбродъ слетается со всѣхъ сторонъ, какъ мухи въ лѣтнюю пору. Повсюду въ нѣмецкихъ земляхъ крестьяне точно дождемъ разлились или градомъ посыпались; но это все больше голыши и невѣжды, люди съ злымъ сердцемъ, пьяницы и гуляки; они прежде всего бѣгутъ къ бочкамъ съ виномъ и къ колбасѣ и не привыкли мѣряться силами съ настоящими воинами... Дорогіе, благочестивые товарищи! Въ нашемъ гарнизонѣ нѣтъ ни одного человѣка, который не былъ бы молодцомъ, начиная съ нашего начальника, курфюрста Фридриха Бранденбургскаго, и до послѣдняго мальчишки изъ челяди. Пусть придутъ бунтари и разломаютъ себѣ мужицкія башки, набитыя кашей, объ наши стѣны! Мы ихъ такъ угостимъ пушечными ядрами, что у нихъ душа въ пятки уйдетъ.

Крики рыцарей (воинственно). Пусть придутъ! Давай ихъ сюда!

Ротенганъ. Мы посыплемъ ихъ нюрнбургскіе куличи порохомъ, польемъ ихъ смолой и сѣрой. Наглотаются они оловянныхъ грушъ вволю!

Крики рыцарей. Пусть приходятъ! Давай ихъ сюда!

Ротенганъ. Стѣны у насъ крѣпкія, рвы глубокіе, заборы надежные, ворота, нижній валъ и башня добрые. У

насъ довольно пороха и провіанта, воды, вина, дровъ, углей, муки, сала. Мы можемъ жить въ полномъ изобиліи и выдержать осаду два мѣсяца и даже больше. Мы хорошо знаемъ, что дѣло идетъ не только объ этомъ замкѣ, но о всемъ нѣмецкомъ народѣ. Нашъ замокъ — твердый утесъ, друзья! Снеси его потокъ — и все рушится вслѣдъ за нимъ: и ничего не останется отъ всего великаго нѣмецкаго государства, кромѣ кучи негодныхъ камней и развалинъ... Всемилостивѣйшій господинъ и князь! Господь поставилъ насъ на этомъ утесѣ, и мы будемъ твердо стоять на немъ, съ Божьей помощью, оберегать его и защищать, хотя бы противъ самого дьявола, пока останется хоть капля крови въ тѣлѣ, пока дышитъ грудь!

Епископъ. Помоги вамъ Господь и рыцарь св. Георгій!

(Возбужденіе и воодушевленіе присутствующихъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Рыцари кричатъ: «Пусть придутъ! Давай ихъ сюда!». Они обнимаютъ другъ друга, жмутъ руки со слезами на глазахъ. Крики: «Да здравствуетъ епископъ Конрадъ! Да здравствуетъ нашъ епископъ и господинъ!». И снова: «Пусть приходятъ скорѣй!». Все это сливается въ общій гулъ. Среди шума и движенія удаляются епископъ и его свита. Соборный каноникъ, маркграфъ Фридрихъ Бранденбургскій, остается съ маленькой свитой).

Кунцъ фонъ-деръ-Мюленъ (кричитъ). Я палками загоню Флоріана Гейера въ мышиную нору.

1-й рыцарь. Берегись, мужикъ! Моя лошадь забьетъ тебя.

Мюленъ. Сюда ихъ! Мы палками загонимъ въ мышиную нору Флоріана Гейера и его вейнсбергскихъ кровопійцъ.

Себастьянъ Гейеръ (Вольфу фонъ-Ганштейну). Вольфъ, Вольфъ, я больше не могу терпѣть! Не могу позволить этому медвѣдю такъ позорить моего собственнаго брата!

Вольфъ фонъ-Ганштейнъ (громко Кунцу фонъ-деръ-Мюлену). Флоріанъ Гейеръ не уступитъ ни одному франконскому рыцарю и благородному рейтеру въ честности и доблести!

Мюленъ. Флоріанъ Гейеръ—негодяй, котораго слѣдуетъ вздернуть!

Вольфъ фонъ-Ганштейнъ (Себастьяну Гейеру, который хочетъ броситься на Кунца). Успокойся, Себастьянъ! Предоставь этому пѣтуху со шпорами кричать на своей навозной кучѣ. Эй, вы, рыцарь мусорщикъ! Когда заплатите за свою дворянскую грамоту?

Мюленъ (кричитъ). Флоріанъ Гейеръ—отступникъ, врагъ императора и всего нѣмецкаго народа! Онъ при Павіи служилъ французамъ.

Вольфъ фонъ-Ганштейнъ (вплотную подходя къ Кунцу). Эй, ты, человѣкъ! Оставилъ ли тебѣ палачъ уши подъ твоими осмоленными волосами? Но ты все же оселъ въ шлемѣ, если даже ихъ у тебя нѣтъ. Если не перестанешь кричать, я тебѣ засуну руку въ желѣзной перчаткѣ въ твою наглую пасть, такъ что изъ нея проступитъ красный потъ.

Себастьянъ Гейеръ. Вольфъ, оставь его въ покоѣ. Этотъ шутъ гороховый бѣжалъ отъ крестьянъ, а теперь воображаетъ стать важной птицей при дворѣ, да сцапать ленъ нытьемъ и пронырствомъ. Чортъ ему въ помощь!

Кастель. Тише, господа! Нашъ начальникъ, маркграфъ Фридрихъ, желаетъ говорить.

Вольфъ фонъ-Ганштейнъ. Себастьянъ!..

Себастьянъ фонъ-Гейеръ. Срамъ на твою голову! Я еще съ этой собакой разсчитаюсь.

Вольфъ фонъ-Ганштейнъ. Идемъ со мной!

Себастьянъ фонъ-Гейеръ. Куда?

Вольфъ фонъ-Ганштейнъ. Этотъ попъ васъ всѣхъ за носъ водитъ. Я иду къ крестьянамъ. Идешь со мной?

Себастьянъ фонъ-Гейеръ. Не могу, Вольфъ: это противно моему долгу и совѣсти.

Маркграфъ Фридрихъ. Дорогіе друзья! Нашъ милостивый господинъ поручилъ мнѣ начальство надъ замкомъ: объявляю вамъ, что закрою сейчасъ же ворота и приготовлю все для обороны. Поэтому пусть желающіе остаться въ гарнизонѣ отправятся во дворъ замка. Тамъ будетъ прочтена присяга, въ соблюденіи которой каждый долженъ поклясться. Но кому нѣтъ охоты стоять за насъ, тотъ пусть теперь же покинетъ замокъ.

Вольфъ фонъ-Ганштейнъ (выходитъ изъ ряда рыцарей среди наступившей тишины).

Кастель. Куда ты, Вольфъ?

Вольфъ фонъ-Ганштейнъ. Оказать содѣйствіе евангелію.

Рыцари. Негодяй, предатель, трусъ!

Вольфъ фонъ-Ганштейнъ (кричитъ въ бѣшенствѣ). Пусть чума пожретъ всѣхъ поповскихъ приспѣшниковъ, и да здравствуетъ нѣмецкая евангелическая свобода!

Рыцари. Да здравствуетъ нашъ епископъ и господинъ, да здравствуетъ епископъ Конрадъ Вюрцбургскій!

Вольфъ фонъ-Ганштейнъ. Лапоть, Лапоть! (Уходитъ).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Зала капитула *) въ вюрцбургскомъ новомъ соборѣ. Въ глубинѣ сводчатая дверь въ церковь. Справа окно съ углубленіемъ. У стѣнъ кресла хора. Посрединѣ обширной залы длинный непокрытый столъ; вокругъ него стулья. Мартинъ прикалачиваетъ къ стѣнѣ зеленыя вѣтки, которыя ему подаютъ изъ корзины Финкенмейслинъ и Пфластеркунцъ. У стола сидитъ Лефельгольцъ; у него голова повязана мокрымъ платкомъ. Передъ нимъ лежитъ груда бумагъ. Въ углубленіи окна стоятъ ректоръ Безенмейеръ и Бецольдъ; они смотрятъ изъ открытаго окна на улицу. Менцингенъ, въ полномъ вооруженіи, сидитъ, развалившись, на одномъ изъ креселъ хора.

Староста. Присядьте, братъ-ректоръ, вы устали.

Ректоръ. Растряси тебя бѣда, братъ-староста! Necdum omnis hebet effecto in corpore sanguis—еще не вся кровь высохла въ старомъ тѣлѣ. А какъ бы вы думали! А кто этотъ всадникъ—вонъ тамъ, на бѣлой лошади?

Староста. Этотъ-то толстякъ, котораго едва его лошадка можетъ нести на спинѣ?

Лефельгольцъ. Если вы никогда не видали откормленнаго кабана, братъ-ректоръ, то взгляните на Якова Коля.

Ректоръ. Такъ это Яковъ Коль? Непохожъ онъ на грознаго воина.

Староста. Да онъ только теперь немного оперился: до сихъ поръ онъ едва ли видѣлъ когда-нибудь убитаго человѣка.

Лефельгольцъ. Если онъ въ военномъ дѣлѣ и не особенно знаетъ толкъ, зато куражиться мастеръ и можетъ постоять за себя за кружкой вина въ кабакѣ. Послушайте, какъ его привѣтствуютъ! Угождать-то онъ умѣетъ всѣмъ, но едва ли столкнетъ съ горы епископскій замокъ.

Староста. Развѣ только что замокъ обрушится отъ криковъ...

Менцингенъ. Состоится сегодня засѣданіе совѣта?

Лефельгольцъ. Да, братъ, посланы приглашенія предводителямъ всѣхъ отрядовъ, расположенныхъ около Вюрцбурга.

Менцингенъ. Слѣдовало бы уже намъ узнать рѣшеніе относительно представленныхъ статей и наказовъ и вернуться въ Ротенбургъ.

Лефельгольцъ. Повремени, братъ Менцингенъ, вооружись терпѣніемъ!..

Мартинъ. Давай еще, Финкенмейслинъ

---

*) Капитулъ—монашеское общежитіе.

Лефельгольцъ. Поторопись, Мартинъ. Тебѣ нужно поспѣшить съ бумагами въ ратушу.

Мартинъ. Успѣю, успѣю, братъ. (Поетъ)

Ты просишь отпуска, зима?
Я сразу понялъ это.
Въ чемъ ты грѣшна передо мной,
Пускай узнаетъ лѣто.

Чтò ты за рожу состроилъ, Финкенмейслинъ? Эй, ты, Кунцлинъ! Не знаешь развѣ, что теперь начинается юбилейный годъ *)?

Кунцлинъ. Знаю, братъ.

Мартинъ. Ну, такъ скачи отъ радости и кричи: «Ай-люли!»

Кунцлинъ (прыгаетъ и кричитъ). Ай-люли!

Мартинъ. Чортъ возьми, гдѣ мой молотокъ? Давай его сюда!

Финкенмейслинъ. У меня его нѣтъ.

Мартинъ. Давай!

Менцингенъ. У него нѣтъ молотка: развѣ не слышишь, сивый меринъ?

Мартинъ. Знаешь, братъ, я довольно часто пѣвалъ вмѣстѣ съ другими пѣсню о хлѣбѣ передъ крестьянскими домами. Теперь крестьяне поютъ пѣсню о хлѣбѣ передъ замками и домами своихъ господъ. Но такой лихой пѣсни я во всю свою жизнь не пѣвалъ. Давай молотокъ!

Финкенмейслинъ. Да нѣтъ же его у меня, чортъ побери!

Мартинъ (суетъ руку въ карманъ Финкенмейслина и вытаскиваетъ молотокъ). А это чтò?

Финкенмейслинъ. Какъ онъ ко мнѣ попалъ?

Мартинъ. Какъ попалъ? Вотъ догадайтесь. Недаромъ я учился у Оккама. Гдѣ вамъ понять всѣ умствованья, на которыя я способенъ! Вотъ тебѣ примѣры, братъ Менцингенъ. Можетъ ли Богъ соединиться съ тварью, или нѣтъ? Можетъ. Отецъ—Сынъ Дѣвы Маріи. Святой Духъ — человѣкъ и Сынъ Дѣвы. Отецъ, который никогда не умиралъ, могъ и умереть, а Сынъ, который умеръ, могъ бы и не умирать. Не вѣрите? Ваше тѣло, братъ, можетъ быть въ одномъ и томъ же мѣстѣ «интенсивно» (совсѣмъ) бѣлымъ и интенсивно чернымъ. Понимаете или нѣтъ?

---

*) Юбилей—праздникъ у древняго Израиля, съ котораго начинался льготный годъ для бѣдноты. Въ извѣстномъ видоизмѣненіи существовалъ и въ эту пору.

Менцингенъ (смѣясь). Господи помилуй! Нѣтъ, я этому не обучался.

Ректоръ (смѣясь). Тѣмъ лучше для васъ, потому что вамъ не нужно забывать всего этого. Намъ только мѣшаетъ наша жалкая наука. Довольно у насъ свихнувшихся головъ. Они своихъ собственныхъ книгъ не понимаютъ. Своими exercitis, copulatis, summis и тому подобными labyrinthis они ничего путнаго добиться не могутъ. Ихъ quaestiones не потушатъ пекла, ихъ distinctiones не откроютъ врата неба.

Староста. Братъ-ректоръ!

Ректоръ. Ась?

Староста. Знаете вы въ лицо Берлингера?

Ректоръ. Гёца фонъ-Берлихингена—Желѣзную-Руку?

Староста. Вонъ онъ ѣдетъ на лошадкѣ.

Ректоръ. Этотъ человѣкъ?

Староста. Настоящій щелкунчикъ. Тотъ, съ кѣмъ онъ говоритъ,—Геннебергецъ.

Менцингенъ. Геннебергецъ тоже вступилъ въ братство?

Лефельгольцъ. И Геннеберги, и Гогенлоэ, и Вертгеймы, и много другихъ.

Ректоръ. О чемъ это онъ такъ оживленно говоритъ?

Староста. Да ужъ извѣстно о чемъ: разсказываетъ исторію про бамбергскаго епископа *), съ которымъ онъ вѣчно возился.

Мартинъ. Хотите послушать эту исторію, братъ-ректоръ? Я могу разсказать вамъ ее отъ начала до конца; и если найдется во всей Франконіи старуха, которая не знаетъ ея наизусть, какъ «Отче нашъ», то пусть меня дубиной на смерть зашибутъ. Говорятъ, что Берлингера хотятъ сдѣлать начальникомъ надъ всѣми нами.

Лефельгольцъ. Это выдумалъ Гансъ Фюрцлинъ. Гёцъ живетъ среди своего собственнаго войска, какъ въ плѣну. Онъ не можетъ отлучиться по своей надобности безъ того, чтобы его не караулили. Какъ же онъ смогъ бы командовать тысячами разъяренныхъ людей?

Менцингенъ. Гдѣ теперь стоитъ евангелическая рать, братъ?

Лефельгольцъ. Въ Гугбергѣ и Рандерсакерѣ.

---

*) Баварскій городъ Бамбергъ былъ епископствомъ съ обширными, почти независимыми правами. Но епископы такъ зазнались, что граждане выгнали одного изъ нихъ. Про него ходили всевозможные разсказы.

Ректоръ. Сколько теперь по-вашему крестьянъ въ Вюрцбургѣ и окрестностяхъ?

Староста. Да столько, что они могли бы, чортъ возьми, выпить весь Майнъ!

Менцингенъ. Неужели, по-вашему, гарнизонъ дѣйствительно думаетъ сопротивляться и отстаивать замокъ противъ такой превосходной силы?

Староста. Въ замкѣ порядочное число надежныхъ и опытныхъ воиновъ.

Лефельгольцъ (Менцингену). Нужны стѣнобитныя орудія, братъ,—такія, какъ у васъ въ Ротенбургѣ: намъ недостаетъ хорошихъ орудій. Доставьте намъ ваши два бивня. Лишь бы сдѣлать проломъ: въ остальномъ можно положиться на Бога и Флоріана Гейера.

Мартинъ. Да, братъ, Флоріанъ Гейеръ важнѣе знаетъ военное дѣло, чѣмъ остальные начальники; и его Черные работаютъ лучше, чѣмъ всѣ остальные отряды, вмѣстѣ взятые. Кто видѣлъ Гейера и его Черныхъ при Вейнсбергѣ, тотъ знаетъ, что я говорю, какъ передъ Богомъ, истинную празду.

Лефельгольцъ. Я тоже былъ при томъ, какъ они начали приступъ. Вы знаете, въ то время, какъ мы вели переговоры съ Гельфенштейномъ, онъ предательски пустилъ на насъ всадниковъ съ тыла, и они давай насъ колоть и жечь. Какъ только объ этомъ узнали въ лагерѣ, единогласно было рѣшено взяться за дѣло серьезно и начать приступъ всѣми силами. Сначала еще послали глашатаевъ; но ихъ, вопреки законамъ и обычаямъ военнаго времени, разстрѣляли. Одинъ изъ нихъ прибѣжалъ назадъ въ лагерь, окровавленный, крича отъ боли. Тутъ ужъ не было удержу: всѣ бросились къ городскимъ стѣнамъ. Тогда Флоріанъ Гейеръ выступилъ впередъ и крикнулъ своимъ Черным: «Черезъ полчаса, братья, или мы всѣ умремъ, или черное знамя водрузится на башнѣ замка!». Что вамъ сказать, братья? Ихъ не болѣе, чѣмъ четыре тысячи человѣкъ. Но когда они перекидываютъ черезъ голову горсть земли и кричатъ: «Эй, впередъ!», то ужъ лучше, кажется, съ чортомъ повстрѣчаться, чѣмъ съ ними. Не успѣть перекинуть и трехъ четокъ при «Отче нашъ», какъ они вломились въ виноградники, вскарабкались на гору, повисли на стѣнѣ, перепрыгнули черезъ нее какъ кошки, все раскидали въ замкѣ и водрузили крестьянское знамя на всѣхъ башняхъ. (Входитъ Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ, въ

великолѣпномъ рыцарскомъ вооруженіи). А Берлингеръ-то и лисы затравить не умѣетъ. Ему всѣ рвы и броды кажутся слишкомъ широки. На кой чортъ такого предводителя!

Староста. Помоги намъ Господь сдѣлать вѣрный выборъ!

Мартинъ. Да здравствуетъ Флоріанъ Гейеръ, побѣдитель при Вейнсбергѣ! Гейеръ долженъ быть нашимъ предводителемъ.

Лефельгольцъ. Не всѣ здѣсь раздѣляютъ ваше желаніе.

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ. Мой привѣтъ вамъ, господа!

Лефельгольцъ. Всякое господство теперь кончилось: здѣсь нѣтъ господъ! Чего ты хочешь, братъ?

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ. Гдѣ полевой писецъ рыцаря Флоріана Гейера? Онъ мнѣ нуженъ.

Лефельгольцъ. Такого здѣсь нѣтъ. Ты его не найдешь такъ же, какъ если бы искалъ писца сатаны.

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ. Тьфу, пропасть! Гдѣ же Лоренцъ Лёфельгольцъ?

Лефельгольцъ. Я Лоренцъ Лёфельгольцъ, но ни у какого рыцаря на службѣ не состою. Стану я тутъ сидѣть и работать! Видитъ Богъ, я едва держусь на ногахъ. Вотъ она, господская служба!

Менцингенъ. Здравствуй, Вильгельмъ!

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ. Здравствуй, Стефанъ!

Менцингенъ (Лёфельгольцу). Это рыцарь фонъ-Грумбахъ, братъ жены Флоріана Гейера.

Лефельгольцъ. А какого чорта мнѣ въ этомъ! Что тебѣ нужно, братъ?

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ. Въ Гейдингсфельскомъ лагерѣ мнѣ обѣщали дать охранный листъ.

Лефельгольцъ. Такъ я и зналъ! Бѣдный рыцарь, который выклянчилъ себѣ охранный листъ.

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ (вскипѣвъ). Эй, ты, писецъ, помни, кто передъ тобой!

Лефельгольцъ. За мечъ хватаешься? Знаю, что у тебя есть оружіе. Знаю тоже, кто передо мной: братъ-крестьянинъ. Какъ тебя звать, братъ?

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ. Я—рыцарь Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ.

Лефельгольцъ. Зачеркни свой титулъ, братъ: теперь онъ ни къ чему! Ты отнынѣ такой же крестьянинъ, какъ и я: отъ этого тебя не охранитъ никакой охранный листъ.

(Грумбахъ бросаетъ ему охранный листъ, какъ собакѣ кость, и сдерживаетъ свое бѣшенство. Онъ подходитъ къ Менцингену и говоритъ съ нимъ вполголоса, стоя въ углубленіи окна). Все рыцарство теперь только и знаетъ, что спасаться бѣгствомъ да клянчить. Они думаютъ только о томъ, какъ бы спасти свои замки и помѣстья. А вотъ Флоріанъ Гейеръ нисколько не охраняетъ своей собственности. Ему теперь сожгли его родовой замокъ, а онъ и глазомъ не моргнулъ.

Староста (тихо Лёфельгольцу). А я думалъ, что Грумбахъ въ гарнизонѣ.

Лефельгольцъ. Будь онъ тамъ, я бы охотно уступилъ его епископу: такіе братья ничего не стоятъ. Они ищутъ только своей выгоды, точно вороны, слетающіеся на падаль.

(Раздается колокольный звонъ).

Мартинъ (стоя у двери въ церковь). Братья, церковь запружена людьми, яблоку негдѣ упасть!..

Ректоръ. Вы, кажется, говорили, что будетъ проповѣдывать отецъ Амвросій?

Староста. Да, братъ-ректоръ.

Ректоръ. Вотъ воистину великій день! Доживъ до него, могу спокойно умереть.

Лефельгольцъ. То ли еще будетъ, милые братья! Счастье сыплется на насъ, какъ хлопья снѣга; чудеса совершаются воочію. Счастье прямо въ руки дается. Самъ Господь вступился за насъ и сжалился надъ бѣднымъ нѣмецкимъ народомъ.

Ректоръ. Есть сказаніе, что въ томъ мѣстѣ, съ котораго нашъ Господь Іисусъ Христосъ поднялся на небо, то-есть въ срединѣ земли, виситъ большой колоколъ; и будетъ день, когда онъ начнетъ звонить такъ страшно и громко, что даже глухіе услышатъ его... Насторожите же уши, тираны и мучители тѣла и души! Поймите, что близится Страшный Судъ! (Входитъ Бубенлебенъ).

Мартинъ (восторженно). Слышишь крикъ, братъ Бубенлебенъ? Флоріанъ Гейеръ приближается.

Лефельгольцъ. Братъ Бубенлебенъ! Надѣюсь, Господь откроетъ вамъ теперь глаза, покажетъ, кто Его избранникъ.

Бубенлебенъ (кладетъ печатный листокъ передъ Лёфельгольцемъ). Вотъ, читайте: *Къ собранію крестьянства нѣмецкаго народа отъ Оберландскихъ собратій.* Здѣсь изложено то же, на чемъ я стою: предводителями должны быть крестьяне, наша братья. Выбрать кого-нибудь изъ дворянъ—

все равно, что впустить волка въ овчарню. Это не годится, милые братья!

Мартинъ (бѣснуясь отъ радости у окна). Да здравствуетъ черный Гейеръ!

Ректоръ (внѣ себя). Да здравствуетъ св. Георгій! Да здравствуетъ св. Георгій!

Лефельгольцъ. Смотрите, какъ онъ сидитъ на конѣ— прямой, какъ стрѣла!

Ректоръ. Вотъ истинный, Богомъ посланный предводитель!

Староста. Заржавѣлъ шлемъ его, но не мечъ.

Ректоръ. Пламенная справедливость переполняетъ его сердце.

Мартинъ. Да здравствуетъ черный Гейеръ! Да здравствуетъ Флоріанъ Гейеръ! (Бѣжитъ къ двери въ церковь). Онъ вступилъ въ церковь.

Безенмейеръ. Со всѣми трабантами *).

Мартинъ. Съ нимъ около ста трабантовъ въ полномъ вооруженіи.

(Лёфельгольцъ и староста переговариваются шопотомъ).

Бубенлебенъ. Въ этомъ я вижу только дьявольское высокомѣріе, а не христіанское смиреніе.

Теллерманъ (въ полномъ вооруженіи, входитъ, радостно возбужденный торжественностью въѣзда и нѣсколько подвыпившій; останавливается у входа и потрясаетъ высоко въ воздухѣ мечомъ). Здравствуйте, милые братья! Господь да благословитъ васъ, милые евангелическіе братья! Morbleu, милые братья! J'ai gagné mon procès. Entendez vous? Великій день наступилъ! Ecoutez, écoutez! Не обращайте вниманія на то, что̀ и ка̀къ я говорю. У меня зашумѣло въ головѣ. Счастье наполнило мнѣ сердце. Братья! (Барабанитъ кулаками по столу). Теперь я дома—и какой былъ въѣздъ! Mort de ma vie, попъ! Теперь мы дома. А ты-то гдѣ, епископикъ? Пришлось бѣжать, покинуть все свое великолѣпіе. Bougre, larron, menteur! Fils du putainy, traître, faquin, brutal, bourreau! Ты насъ прогналъ, какъ негодныхъ, какъ собакъ. Outrage pour outrage **)!

---

*) Особые воины въ средніе вѣка, служившіе тѣлохранителями важныхъ особъ, при аллебардѣ и мечѣ, одѣвались нарядно, по-испански. У насъ нѣчто подобное изображали собой царскіе рынды. Отсюда вышли потомъ лейбъ-гвардейцы въ Пруссіи и Австріи. Въ астрономіи трабантами называются спутники главныхъ планетъ.

**) Въ переводѣ ругательства Теллермана значатъ: «Дикарь, воръ, лжецъ! Шлюхинъ сынъ, предатель, болванъ, скотина, палачъ!.. Обида за обиду».

Староста. Что̀ видать на улицахъ, братъ?

Теллерманъ (обнимая старосту). Братецъ, милый старосточка, счастье такъ велико, что не помѣщается въ груди. Господи, Господи, какое счастливое возвращеніе, счаст...ли...вое... Ай-люли! Да здравствуетъ Флоріанъ Гейеръ, начальникъ всѣхъ крестьянскихъ ратей! Подлецъ тотъ, кто противъ него!

Староста. Дай Богъ, чтобъ его избрали! Я за него.

Теллерманъ. Mort bleu, какъ его чествовали! Онъ остановился у Гаугскихъ воротъ. Онѣ были раскрыты настежь, какъ всѣ ворота передъ нимъ. Но онъ все-таки постучался въ нихъ рукоятью меча и крикнулъ вверхъ, на Гору Богоматери: «Вотъ возвращаюсь домой я—Флоріанъ Гейеръ, изгнанный императоромъ и отлученный папой, но Богомъ пробужденный, избранный Имъ и приведенный сюда! Вотъ возвращаюсь домой я—Флоріанъ Гейеръ, другъ Сикингена и врагъ поповъ, въ чемъ самому себѣ далъ обѣтъ и клятву! И не успокоюсь я до тѣхъ поръ, пока не срою до основанія твой гордый замокъ, надменный бѣсовскій попъ Конрадъ!». Такъ онъ кричалъ, и такъ мы въѣхали. Крикамъ восторга не было конца; изо всѣхъ оконъ махали платками. Женщины чуть на улицу не выскакивали отъ радости и восторга; конь его едва могъ ступать. Ему цѣловали стремя и слизывали ржавчину съ панцыря. И это было на тѣхъ же площадяхъ, на тѣхъ же улицахъ, гдѣ отъ имени его римско-императорскаго величества публично трубили объ изгнаніи и отлученіи Флоріана Гейера! (Глядя на Бубендебена) Чего здѣсь нужно этому попу? Всѣхъ ихъ слѣдуетъ упрятать въ одинъ мѣшокъ и бросить подъ мостъ!

Староста. Успокойся, братъ, не выходи изъ себя!

(Каноникъ, исполняющій обязанность писца, входитъ на сцену).

Теллерманъ. Тьфу, пропасть, развѣ я тебя не знаю? Развѣ ты не былъ прежде проклятымъ каноникомъ? Mort de ma vie! Вѣдь ты завтракалъ съ церковнымъ судьей послѣ того, какъ мою покойную мать приговорили къ сожженію!

Каноникъ. Да нѣтъ же, почтенный господинъ, вы, право, ошибаетесь.

Теллерманъ. Развѣ не ты складывалъ костеръ и лилъ на него масло, смолу и сѣру, когда ее жгли на Еврейской площади? Вотъ взгляни на меня. Я—Теллерманъ, коро-

бейникъ, бегардъ *), тайный еретикъ. Моя покойная мать не хотѣла сознаться; ну, ее и вздернули на цѣлый локоть отъ земли и продержали такъ, пока трижды прочли «Отче нашъ». Она все-таки не созналась, Господь да проститъ ей! Я же добровольно сознаюсь: я всегда привержень былъ къ евангелію больше, чѣмъ къ мірской суетѣ. Не скрываю: я изъ вольнодумныхъ. Мы—вольные, ибо Господь освободилъ насъ и разсѣялъ, какъ прахъ, нашихъ притѣснителей, враговъ и душегубовъ. Мы—вольные, ибо насъ не мучитъ совѣсть, не терзаетъ этотъ лютый звѣрь. И потому, поэтъ, ничто не мѣшаетъ мнѣ садануть тебя...

Староста. Успокойся, успокойся!

Теллерманъ (отбивается отъ старосты и другихъ, которые мѣшаютъ ему кинуться на каноника, и кричитъ разъяреннымъ голосомъ). Смерть ему! Забью!

(Каноникъ убѣгаетъ; Теллерманъ падаетъ на стулъ изможденный, почти теряя сознаніе).

Староста. Это Теллерманъ, сынъ лошадинаго барышника. Десять лѣтъ тому назадъ его мать сожгли въ Вюрцбургѣ. Вотъ онъ и распалился на попа. А лучшаго воина нѣтъ во всей крестьянской рати. Онъ—правая рука Гейера.

Безенмайеръ. Настоящій бѣшеный Аякъ, братья!

Староста. Такихъ сотни въ народѣ.

Безенмайеръ. Бичи Божіи!

Староста. Дьявольское отродье, взращенное папой, кардиналами, епископами и попами на собственную погибель.

Безенмайеръ. Тише! Патеръ Амвросій началъ проповѣдь.

(Изъ церкви доносится голосъ проповѣдника; словъ нельзя различить. Изъ боковой двери слѣва входятъ: Себастьянъ фонъ-Ротенганъ, Вольфъ фонъ-Кастель, Гансъ фонъ-Лихтенштейнъ, Гансъ фонъ-Грумбахъ, Куницъ фонъ-деръ-Мюленъ. Ихъ вводитъ Сарторіусъ).

Сарторіусъ (торжественно подходитъ къ Лёфельгольцу, который, слушая проповѣдь, не замѣтилъ его приближенія). Простите меня... Я привелъ посольство, ученѣйшій братъ.

Лёфельгольцъ. Слишкомъ рано, братъ.

Сарторіусъ. Мнѣ этотъ часъ назначенъ Венделемъ Гиплеромъ, ученѣйшій братъ.

Лёфельгольцъ. Не величайте меня ученѣйшимъ, братъ. Всѣ мы грѣшники и не заслуживаемъ почестей.

---

*) Бегарды, или бегины—религіозные братья и сестры, образовавшіе особое общество въ Нидерландахъ подъ вліяніемъ попа Бега.

Сарторіусъ. Это-то вѣрно, милый братъ.

(Они продолжаютъ говорить вполголоса. Члены посольства шепчутся между собой. Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ, повернувшись, замѣтилъ вошедшихъ. Онъ толкаетъ Менцингена. Оба оборачиваются, затѣмъ незамѣтно подходятъ къ посольству).

Ротенганъ (сдавленнымъ голосомъ). Господи помилуй! Неужели вы примкнули къ чернымъ крестьянамъ?

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ. Я служу маркграфу Ансбахскому.

Ротенганъ. Однако у тебя на рукавѣ крестьянскій крестъ.

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ. Что̀ подѣлаешь! Безъ этого никуда двинуться нельзя.

Ротенганъ. Юнкеръ Менцингенъ! Откуда васъ чортъ принесъ?

Менцингенъ. Я членъ ротенбургскаго посольства!

Ротенганъ. Развѣ вы стали ротенбургскимъ гражданиномъ?

Менцингенъ. Конечно, юнкеръ. А вы этого не знали?

Ротенганъ. Не зналъ, но понимаю, что вы ищете защиты за стѣнами имперскихъ городовъ.

Менцингенъ. Изволите шутить, рыцарь?

Ротенганъ. Вѣдь ваша подпись стояла подъ отреченіемъ, которое учинилъ изгнанникъ Ульрихъ Вюртембергскій въ Штуттартѣ, прежде чѣмъ Гельфенштейнъ такъ зло и такъ ловко призвалъ его во-свояси.

Менцингенъ. Дѣло еще не кончено, рыцарь! Гельфенштейнъ вѣдь поплатился за это. Въ Вейнсбергѣ ему это стоило жизни.

Ротенганъ. Вотъ какъ! Значитъ, правду говорятъ, что французскій король и заблудшій князь стасовали карты, а Гейеръ взялъ ихъ со стола въ Гогентвилѣ и сдалъ: такъ-то и началась большая крестьянская игра.

Менцингенъ. Разузнайте-ка объ этомъ!

Ротенганъ. Каждая капля рыцарской крови, пролитой въ Вейнсбергѣ, взыщется когда-нибудь съ васъ.

Менцингенъ (отворачивается, пожавъ плечами).

Лихтенштейнъ. Неужели гордый, вольный имперскій городъ тоже опоганится, вступитъ въ дьявольскій союзъ?

Менцингенъ. Будетъ то, на что воля Божія, рыцарь.

Гансъ Грумбахъ (Вильгельму). Что̀ за чортъ, братецъ, неужели мы станемъ врагами? Вѣдь это ни на что не похоже!

Вильгельмъ Грумбахъ. Что-жъ, Гансъ, постарайся, чтобъ этого не было!

Кастель. Развѣ епископъ не убѣждалъ тебя остаться въ гарнизонѣ?

Вильгельмъ Грумбахъ. Я состою на службѣ маркграфа Ансбахскаго и обязанъ ѣхать туда, куда онъ посылаетъ.

Лихтенштейнъ. Юнкеръ Грумбахъ всегда такъ поступалъ: какъ только загонитъ коней на службѣ маркграфа, глядь, а они ужъ стоятъ на конюшнѣ у нашего епископа, но горло въ овсѣ.

Вильгельмъ Грумбахъ. Велика важность, чортъ возьми! Зато у меня никогда не было болѣе пятисотъ свиней, а у епископа двѣ тысячи, и онъ ихъ кормилъ желудями моего лѣса; а его каноники и слуги стрѣляли тамъ дичь и ловили рыбу въ моихъ прудахъ.

Кастель. Если съ тебя требуютъ лишніе поборы, можешь обратиться къ суду.

Вильгельмъ Грумбахъ. Попы ничего добровольно не дадутъ: съ нихъ нужно сдирать кожу.

Кастель. А развѣ не твой долгъ оказать помощь епископу?

Вильгельмъ Грумбахъ. Тысяча смертей! Попамъ легко рѣзать ремни, когда свободное имперское рыцарство такъ дешево и рабски продаетъ имъ свою кожу. Я не обязанъ служить епископу собственной особой: это противъ обычая франконскаго дворянства.

Гансъ Грумбахъ. Вѣдь твои помѣстья даны тебѣ въ ленъ монастыремъ?

Вильгельмъ Грумбахъ. Нашъ ленъ свободный, не зависящій ни отъ чьей милости и не обязывающій насъ службой.

Кастель (къ подошедшему Сарторіусу). Это — ваше дѣло, господинъ магистръ?

Сарторіусъ. Я живу въ страхѣ Божіемъ и люблю моего господина, ваше благородіе. Я служу его святѣйшеству моими молитвами и совѣтами, пока это угодно Господу и моему милостивому господину.

Вильгельмъ Грумбахъ. Вѣрно, магистръ.

Кастель. Юристы и совѣтчики—чистая чума. Они доводятъ своихъ господъ до безумія и гибели. Чортъ побери всѣ красныя туфли *)!

---

*) Юристы обувались въ красные сапожки. На поясѣ у нихъ висѣли кошелекъ и чернильница. Такъ изображены они въ очень смѣшномъ видѣ, въ извѣстной гравюрѣ XV вѣка—«Пляска Смерти».

Менцингенъ. А взгляните-ка прежде всего на вашего епископа! Онъ обвѣшанъ юристами, какъ якобинецъ *) раковинами.

Ротенганъ (Сарторіусу). Тутъ хуже всего то, что дѣло идетъ о вашей чести, магистръ.

Сарторіусъ. Плевать мнѣ на это, ученѣйшій мужъ!

Ротенганъ. Если вы избѣгнете епископскаго палача, то ужъ навѣрно васъ вздернутъ на висѣлицу крестьяне.

Сарторіусъ. Я творю добро не ради презрѣннаго заискиванья въ комъ-либо, ученѣйшій мужъ, и не отступаю отъ правды изъ низменнаго страха.

Лихтенштейнъ. Коротко сказать, юнкеръ Грумбахъ измѣнилъ своему ленному господину.

Вильгельмъ Грумбахъ. Мой господинъ—императоръ, а не вюрцбургскій попъ: я не поповскій прислужникъ.

Ротенганъ. Всѣ поютъ теперь ту же пѣсенку. Всякаго, кто стоитъ за правду и творитъ добро, называютъ поповскимъ прислужникомъ.

Вильгельмъ Грумбахъ. Чортъ возьми! Теперь я вдругъ на хорошемъ счету у епископа, теперь я долженъ защищать его жирный скотъ, охранять шелковыя постели канониковъ и ихъ распутную жизнь. Не бывать этому, провались они!

Лефельгольцъ. О чемъ это рыцари бесѣдуютъ?

Сарторіусъ. Господа, отойдите, слѣдуйте за мной! Мы слишкомъ рано пришли.

Кастель. Чортъ побери, хотѣлось бы мнѣ пустить оружіе въ ходъ!

(Они отходятъ вглубь сцены, вслѣдъ за Сарторіусомъ).

Безенмейеръ (продолжая слушать проповѣдь). Патеръ Амброзіусъ заканчиваетъ проповѣдь по-латыни. Онъ указываетъ братьямъ и сестрамъ на слова Виклефа о будущемъ евангелическомъ государствѣ: Tunc necessitaretur respublica redire ad politiam evangelicam, habens omnia in communi **)... Молодецъ, братъ! Ты говорилъ по-божески, а не про дикихъ утокъ и не о птичьемъ молокѣ. Это совсѣмъ не то, что̀ бывало въ Эрфуртѣ, въ бурсѣ, гдѣ я каждый день долженъ былъ погружаться въ разсказы о Пресвятой Дѣвѣ.

---

*) Якобинцы—монахи ордена св. Доминика. Нелюбовь къ нимъ простого народа, подчеркиваемая Гауптманомъ—совершенно вѣрная историческая подробность.

**) Это выраженіе Виклефа значитъ: «Тогда республика вынуждена будетъ придти къ евангелическому строю, гдѣ все—общее».

(Изъ церкви доносится пѣніе прихожанъ. Теллерманъ вскакиваетъ со стула. Изъ церкви въ залу собранія входятъ группами и по одиночкѣ крестьянскіе предводители и совѣтники. Они оживленно разговариваютъ, но словъ ихъ не слышно. Они замѣчаютъ группу рыцарей и косятся на нихъ. Среди входящихъ появляется Гипплеръ, который сейчасъ же начинаетъ спорить съ Лефельгольцемъ и сильно размахиваетъ руками. Большинство присутствующихъ относится къ нему крайне почтительно. Сарторіусъ, вернувшись въ залу, подходитъ къ Гипплеру съ подобострастнымъ видомъ. Входитъ толстякъ Коль и вступаетъ въ оживленный разговоръ съ Бубенлебеномъ. Видно, что они оба недовольны и чѣмъ-то особенно возмущены. На сцену вносятъ два знамени—желто-черное и бѣлое шелковое. На одномъ изъ нихъ вышиты золотомъ солнце и лапоть, а также надпись: «Кто хочетъ свободы, пусть вступитъ въ сіяніе этого солнца». Гепъ Фонъ-Берлихингенъ, котораго всѣ встрѣчаютъ презрительными взглядами, входитъ, разговаривая съ Мецлеромъ. Они подходятъ къ Гипплеру и образуютъ кружокъ съ нимъ и Сарторіусомъ. У Гёца недовольный и суровый видъ. Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ присоединяется къ этой группѣ и здоровается съ Гёцомъ и стоящимъ тутъ же графомъ Вертгеймомъ. Фламменбекеръ оживленно размахиваетъ руками среди группы товарищей. Линкъ тоже образуетъ вокругъ себя кружокъ. Во всѣхъ присутствующихъ, несмотря на восторженное настроеніе, чувствуется тревога, волненіе, напряженное ожиданіе. Флоріанъ Гейеръ, въ черномъ вооруженіи, съ черными павлиньими перьями на шлемѣ, входитъ съ большой свитой. За нимъ вносятъ два черныхъ знамени. Съ его приходомъ затихаетъ пѣніе въ церкви, замолкаютъ колокола, въ залѣ собранія наступаетъ мертвая тишина. Вмѣстѣ съ Гейеромъ входитъ Конрадъ Ганштейнъ).

Гейеръ (Ганштейну). Древнее имперское право намъ это подтверждаетъ. Свободные граждане должны пользоваться конфедеративнымъ правомъ *). Мы—свободные франки. Да еще вотъ что: вѣдь князья основали противъ евангелическаго ученія круговую поруку—регенсбургскій союзъ. Союзъ противъ союза! Князья не хотятъ уступать: въ этомъ виноваты проклятые попы да римскіе юристы. Право, ни одинъ тиранъ не надѣлалъ столько вреда, какъ Юстиніанъ! Чужеземное право поглотило насъ, какъ потопъ. А до чего лучше наши старые нѣмецкіе обычаи, до чего свободные круги лучше судебныхъ палатъ!..

Безенмейеръ (почтительно и взволнованно). Вы меня еще помните, братъ Гейеръ?

Гейеръ. Еще бы мнѣ васъ не помнить, ректоръ Безенмейеръ! Вѣдь я производилъ смотръ въ вашемъ ополченіи. Вѣдь мы сидѣли вокругъ одного и того же стола въ домѣ суконщика Филиппа въ Ротенбургѣ. Какъ поживаетъ Карлштадтъ?

---

*) Конфедерація—соединеніе лицъ, обществъ, государствъ для общей цѣли.

Безенмейеръ. Ему хотѣлось бы какъ можно скорѣй попасть къ вамъ въ лагерь.

Гейеръ. Избави Господи! Если желаете добра ему и дѣлу, то удержите его отъ этого. У насъ и такъ слишкомъ много проповѣдниковъ въ лагеряхъ. На время нужно оставить все небесное, всякіе вопросы о вѣрѣ. Нечего впутывать богословіе въ военное дѣло; нужно заняться исключительно земными дѣлами.

Бубенлебенъ (Колю). Какая мальчишеская, дьявольская мудрость! Онъ къ св. Фельтену въ школу ходилъ.

Коль. Взгляните на ректора, какъ онъ извивается и цѣлуетъ ему руки!

Бубенлебенъ. Милый мой, я отлично знаю этого смердящаго вакханта *)! Его Богъ—Аристотель, его святые—Цицеронъ, Вергилій, Ливій. Хорошая латинская рѣчь ему милѣй всего христіанства.

Безенмейеръ (растроганный, цѣлуетъ руку Гейера).

Гейеръ. Что вы дѣлаете, милый ректоръ? Скорѣй мнѣ слѣдуетъ поцѣловать вамъ руку. Я вѣдь грубый неучъ. А вы знаете, что сказалъ великій сіятельнѣйшій императоръ Максиміліанъ? Что ученые должны править, а не подчиняться, что имъ нужно оказывать величайшія почести, потому что Богъ и природа оказали имъ предпочтеніе передъ нами.

Безенмейеръ. Нѣтъ, дозвольте, братъ. Это — такая отрада для моей бѣдной души. Помните, какъ мы вмѣстѣ устроили симпозіонъ въ Готѣ, у Муціана? По правую руку отъ васъ сидѣлъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, а слѣва—я. Противъ насъ сидѣлъ Фрицишка фонъ-Цоллернъ.

Гейеръ. Отлично помню.

Безенмейеръ (сдерживая свое воодушевленіе). Помните, какъ вы тогда встали, сняли вѣнокъ съ головы и сказали: «Слишкомъ рано еще вѣнчать себя розами, пока въ Римѣ антихристъ питается нашей кровью и плотью, пока нѣмецкій императоръ питается подаяніемъ, пока право продается за деньги, пока вѣчный земскій миръ существуетъ только на бумагѣ, а евангеліе подавлено». Каково былъ намъ тогда, и каково теперь!

Гейеръ (рѣзко). Колоколъ отлить, можно трезвонить. Возблагодаримъ за это Господа Бога!

---

*) Вакхантами назывались въ древней Греціи участники ночныхъ оргій, или празднествъ въ честь Вакха, бога вина и веселья. Въ средніе вѣка такъ именовались странствующіе по школамъ ученики.

Мартинъ (восторженно). И Бога и Флоріана Гейера!

Гейеръ (садится у верхняго конца стола; за его спиной становятся Теллермань и староста; по правую руку садится Гиппперъ, по лѣвую—Лёфельгольцъ; за Лёфельгольцемъ, по его знаку, становится Мартинъ. Гиппперъ указываетъ Сарторіусу на стулъ подлѣ себя. Сарторіусъ садится послѣ нѣсколькихъ низкихъ поклоновъ. Ганштейнъ вступаетъ въ разговоръ съ Грумбахомъ и Меммингеномъ).

Лёфельгольцъ (вставая). Братья, предводители и совѣтники, садитесь! О многомъ нужно поговорить, посовѣтоваться, и многое рѣшить. Садитесь, милые евангелическіе братья, садитесь!

Гецъ (садится одновременно съ Вертгеймомъ, Геннебергомъ, Меклеромъ и другими. Герольды трубятъ).

Гейеръ (поднимаясь, когда замолкаютъ трубы). Объявляю совѣщательное собраніе всѣхъ крестьянскихъ ратей изъ Вюрцбурга и окрестностей открытымъ.

Лёфельгольцъ. Работы намъ предстоитъ черезчуръ много, братья. Многое нужно обсудить и рѣшить. Пріѣхали гонцы и пришли вѣсти изъ Гогенлоэ, изъ Нюренберга, изъ многихъ мѣстностей Верхняго Пфальца, изъ Бамберга, Майнца, Страсбурга, изъ лагеря Трухзеса Вальдбургскаго, изъ Эльзаса, Тироля и Зальцбурга, отъ Ѳомы Мюнцера изъ Тюрингіи и изъ разныхъ другихъ мѣстъ. Всѣ требуютъ отвѣта. Въ канцеляріи не хватаетъ писцовъ; но никогда писаніе не доставляло мнѣ большей радости. Маркграфъ Казиміръ прислалъ гонцовъ изъ Ансбаха: вотъ ихъ полномочіе. Они ждутъ въ ризницѣ. Ротенбургъ-на-Таубергѣ тоже прислалъ посольство: и оно ждетъ въ ризницѣ. Наконецъ ждетъ отвѣта и посольство, присланное маркграфомъ-каноникомъ изъ замка «Гора Богоматери», съ мирными предложеніями собранію крестьянства: оно тоже ждетъ въ ризницѣ. По моему мнѣнію, братья, вы должны заняться прежде всего этимъ посольствомъ.

Фламменбекеръ (хмурымъ и небрежнымъ тономъ). Не нужно идти ни на какія соглашенія. Пусть гарнизонъ сдастъ замокъ со всѣмъ, что въ немъ есть.

Бубенлебенъ. Я присоединяюсь къ этимъ словамъ: пусть гарнизонъ снимется, и ему позволятъ уйти цѣлымъ и невредимымъ.

Гецъ (говоря отчасти про себя, отчасти вслухъ). Чего еще требовать кромѣ того, что гарнизонъ «Горы Богоматери» предлагаетъ добровольно? Они хотятъ принять подъ присягой XII статей и стать нашими евангелическими братьями.

Фламменбекеръ. Враки все это, чортъ побери!

Бубенлебенъ. Воронъ ворону глазъ не выклюетъ. Нельзя въ этомъ дѣлѣ довѣряться ни одному рыцарю.

Линкъ. Кто самъ чесоткой боленъ, тотъ другого бережно чешетъ. У брата Берлингера есть добрые товарищи и друзья въ замкѣ: вотъ въ чемъ штука, братья!

Гецъ. Не слѣдуетъ терять времени на осаду укрѣпленныхъ замковъ. Пора двинуться впередъ.

Бубенлебенъ. Ему очень ужъ хочется, чтобъ мы какъ можно скорѣй двинулись на его стараго врага, Бамбергера.

Гейеръ. Братъ Берлингеръ правъ: не могу не согласиться съ нимъ. Если гарнизонъ приметъ подъ присягой XII статей, этимъ можно удовольствоваться. Вѣдь намъ недостаетъ стѣнобитныхъ орудій, безъ которыхъ все равно не взять крѣпости.

Линкъ. Братья, я самъ изъ Вюрцбурга, а вюрцбургцы всѣ того мнѣнія, что нужно взять замокъ. Ты говоришь объ орудіяхъ, братъ Гейеръ? Такъ вотъ тутъ братъ фонъ-Вертгеймъ: онъ обѣщалъ намъ дать орудія, съ помощью которыхъ мы, дастъ Богъ, скоро управимся. Такъ ихъ прижмемъ, что весь гарнизонъ повыскочитъ изъ стѣнъ замка, какъ рыба изъ лохани, и отдастся намъ на милость. Если же вы, не трогая ихъ, отправитесь на Бамбергъ или Ансбахъ, то намъ въ Вюрцбургѣ хуже прежняго придется отъ епископцевъ.

Гипплеръ. Пустимъ вопросъ на голоса! Кто за то, чтобы принять предложеніе гарнизона, подымай руку. (Гёцъ, Гейеръ, Гипплеръ, Геллерманъ, Мецлеръ, Лёфельгольцъ, Сарторіусъ, Вертгеймъ, Геннебергъ и другіе поднимаютъ руки. Ихъ незначительное меньшинство).

Гипплеръ. А теперь подымай руки тѣ, кто за продолженіе осады!

(Большинство присутствующихъ поднимаетъ руки).

Сарторіусъ (по знаку Гипплера встаетъ, выходитъ и возвращается съ посольствомъ. Входятъ: Ротенганъ, Кастель, Лихтенштейнъ, Мюленъ. Наступаетъ тишина. Крестьянскіе предводители держатся очень развязно и надменно).

Гипплеръ (сидя, стоящимъ передъ нимъ посламъ). Собраніе крестьянства предъявляетъ вамъ требованіе сдать замокъ «Гора Богоматери», со всѣмъ его движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, за что вамъ будетъ дозволено, вамъ и вашимъ слугамъ, уйти изъ замка подъ вѣрной охраной.

Ротенганъ. Согласиться на это мы не уполномочены. Но обѣщаемъ дать знать тотчасъ же черезъ нарочнаго о вашемъ требованіи нашему милостивому господину и епископу туда, гдѣ онъ теперь укрывается.

Линкъ. Такъ насъ хороводятъ собраніями, посольствами и всякими другими проклятыми римскими хитростями. И все для того, чтобъ протянуть время и подготовиться къ сопротивленію. Но съ нами шутки плохи: мы пошлемъ вамъ въ замокъ Ave Maria на пушечныхъ ядрахъ.

Гецъ. Если крестьянство хочетъ здѣсь, въ Вюрцбургѣ, дать такое же жестокое и богопротивное представленіе, какъ недавно въ Вейнсбергѣ, къ неизгладимому позору и вреду общаго крестьянскаго дѣла, то я не хочу больше имѣть съ нимъ никакого дѣла! (Волненіе).

Бубенлебенъ. Я спрашиваю васъ, братъ Гёцъ, и тебя, братъ Мецлеръ, не предложилъ ли вамъ маркграфъ-каноникъ отступного? Отвѣтьте прямо! Ходитъ слухъ, что гарнизонъ хочетъ присягнуть только вамъ однимъ, и что за это будетъ уплачено его главарямъ 3.000 гульденовъ *), а каждому рядовому—половина мѣсячнаго жалованья.

Гецъ. Предводители и совѣтники оденвальдскаго ополченія не обязаны никому давать отвѣтъ и отчетъ, кромѣ общаго собранія своей собственной рати. (Волненіе).

Линкъ. Фу, срамъ!

Фламменбекеръ. Проклятый сквалыжникъ, долой его!

Линкъ. На живодерню Гёца!

Гейеръ (вскакивая). Братья, развѣ мы ведемъ дѣло изъ личной выгоды, а не поклялись хранить вѣрность евангелію и слову Божію? Что мы такое—воры и обманщики, или свободные нѣмецкіе граждане и христіане, которые хотятъ, чтобы миръ, свобода, единеніе и безопасность наступили и держались среди нѣмецкаго народа? (Обращаясь къ посольству) Маркграфъ-каноникъ предлагаетъ отступное? Не хочетъ ли онъ также купить нашу честь? Ступайте, господа, и передайте ему такой отвѣтъ: папа торгуетъ Христомъ, нѣмецкіе князья торгуютъ нѣмецкой короной, но нѣмецкіе крестьяне не продадутъ своей евангелической свободы! (Общее одобреніе).

Ротенганъ. У евангелической свободы есть защитники получше васъ.

Гейеръ. Дай Богъ, чтобы это было такъ! Вы же совсѣмъ оримлянились и опопились. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ былъ получше меня: онъ посвятилъ вамъ «Trias Romana», но вы этого не заслужили.

---

*) Нѣмецкій золотой.

Ротенганъ. Я не поднимаю мятежа противъ императора и имперіи.

Гейеръ. Мы этого тоже не дѣлаемъ и не сдѣлаемъ ни за что на свѣтѣ. Мы только хотимъ возвратить императору его прежнюю власть, не заботясь о попахъ и князьяхъ. Это вы дѣйствуете противъ императора, помогая попамъ и князьямъ. Помните слова благороднаго императора Максиміана о томъ, что въ Вормсѣ попы и князья готовы были связать его и повѣсить на гвоздь? Да чего и ждать для императора и имперіи отъ поповъ и князей? Собираютъ ли съ терновника виноградъ или съ репейника смоквы? Если бы императоръ понималъ дѣло, онъ зналъ бы, что его союзники здѣсь, среди крестьянства.

Ротенганъ. Чортъ возьми! Какъ вы позорите себя,— вы, бывшій честнымъ, благороднымъ рыцаремъ!

Гейеръ (снимая шлемъ и показывая свою бритую голову). Я— крестьянинъ, и только крестьянинъ.

Ротенганъ. Клянусь моей рыцарской честью...

Гейеръ. Вы — центавры, а не рыцари! Гдѣ была ваша рыцарская честь, когда Францъ фонъ-Сиккингенъ, благороднѣйшій рыцарь, сдѣлалъ нападеніе на трирскаго попа? А вѣдь это должно было стать началомъ рыцарской войны. Гдѣ вы были, когда нужна была ваша помощь? Благородный трупъ Сиккингена положенъ былъ въ старый ящикъ; повара и шуты спустили его на веревкѣ съ горы. Гдѣ, спрашиваю, была тогда ваша рыцарская честь? Вся ваша честь и имя—горсть пыли, развѣянной по вѣтру попами и князьями.

(Посольство направляется къ выходу).

Кастель (оборачиваясь при выходѣ, кричитъ). Берегитесь, господа, Гейера! Онъ—тайный слуга француза, онъ выдастъ васъ французу! (Уходитъ съ посольствомъ).

Теллерманъ. Раздѣлаться мнѣ съ ними, капитанъ?

Гейеръ. Брось, братъ! Смолы и сѣры довольно лилось на мой панцырь: я къ этому привыкъ. Позаботься, чтобы ихъ отвели домой подъ доброй охраной.

Первый трабантъ (входитъ съ докладомъ). Капитанъ! Нѣсколько сотъ женщинъ столпились по обѣ стороны моста черезъ Майнъ. Онѣ хотятъ задержать посольство на возвратномъ пути и клянутся, что не пропустятъ его обратно въ замокъ, и что самъ чортъ не удержитъ ихъ отъ того, чтобы стащить поповцевъ съ коней и потопить ихъ въ Майнѣ.

Гейеръ. Громъ и молнія! Мы не нуждаемся въ помощи юбокъ. Сейчасъ же поставить висѣлицу, и палачи пусть живо повздернутъ всѣхъ, кто не будетъ слушаться.

Фламменбекеръ. Не отъ императора ли ты получилъ тоже палку и висѣлицу! (Трабантъ уходитъ).

Линкъ. Братья, нельзя медлить ни часа! Двинемъ на замокъ всей крестьянской силой, съ тараномъ, кожами и лѣстницами! Впередъ, впередъ! Будемъ биться изо всѣхъ силъ, и да поможетъ намъ Богъ! Пусть увидятъ, что мы не шутимъ: у всѣхъ рыцарей и слугъ гарнизона похолодѣетъ кровь отъ страха. Будемъ палить изъ орудій...

Лефельгольцъ. Изъ какихъ орудій? Послушайте, милые братья! Одно теперь важнѣе всего; и если вы согласитесь со мной и Господь васъ просвѣтитъ, то все рѣшится сейчасъ же. Я думаю, что вы меня достаточно знаете. Я всегда любилъ евангелическую свободу всей душой. То небольшое количество крови, которое еще осталось въ моемъ сердцѣ, я готовъ пролить за нее. Господь насъ до сихъ поръ благословилъ счастьемъ и удачей. Всѣ крупныя головы и могучіе гуси попрятались и спасаются бѣгствомъ. Но все же у меня на сердцѣ не весело. Злое предчувствіе томитъ меня, и самъ не знаю почему. Братья, нами должна управлять чья-нибудь высшая воля! Мы должны избрать предводителя, дать одному власть надъ всѣми крестьянскими ратями. Порой одна воля важнѣе тысячи, одна рука стоитъ сотни рукъ; пока вы по три раза въ день будете переголосовывать, народъ плюнетъ на васъ, превратитъ всѣ указы и статьи въ предметъ насмѣшекъ и позора. Трухзесъ Вальдбургскій идетъ на насъ съ войскомъ Швабскаго Союза—и намъ нужно во-время подготовиться. Тамъ твердая воля одного человѣка, сплоченный отрядъ конницы и пѣхоты — сильная рать, опытная, заслуженная. Вотъ я и предлагаю и совѣтую избрать Флоріана Гейера предводителемъ крестьянскихъ ратей хоть на одинъ годъ. Къ нему надо приставить совѣтниковъ... (Волненіе).

Мецлеръ. Выберемъ предводителемъ Гёца фонъ-Берлихингена!

Бубенлебенъ (вскакиваетъ). Братья, не слѣдуетъ избирать предводителя изъ рыцарей! Всѣ они другъ друга стоятъ. Коршунъ никогда не превратится въ голубя, рыцарь никогда не станетъ евангелическимъ крестьяниномъ. Вообще не слѣдуетъ допускать рыцарей въ нашъ совѣтъ.

Теллерманъ (вернувшись, перебиваетъ его). Не слѣдуетъ допускать поповъ въ нашъ совѣтъ!

Бубенлебенъ. Ну да, всѣмъ извѣстно, что вы, гейеровцы, Божьему слову значенія не придаете! Да я и не удивляюсь: вѣдь вы сражаетесь подъ чернымъ знаменемъ. Служили же вы въ безбожной шайкѣ Noire *), гдѣ никого не было, кромѣ опальныхъ, богохульниковъ и язычниковъ. Вы хотите смѣстить Бога, а мы хотимъ поставить Его надъ нами и служить Ему. Такъ Богъ и пошлетъ намъ героя, когда наступитъ година...

Лефельгольцъ (прерывая его). Но когда герой сидитъ среди васъ, все же его вы не видите.

Бубенлебенъ (неистово). Господь снарядитъ героя, достойнаго свершить великое дѣло! Онъ низвергнетъ Моавовъ, Агаговъ, Ахавовъ, Фаларисовъ и Нероновъ теперешнихъ временъ и уготовитъ имъ кровавое крещеніе. Онъ будетъ сыномъ простыхъ людей, а не изъ рода рыцарей, которые, хотя и носятъ желѣзныя латы, все же ступаютъ тихо и осторожно, какъ кошки по краю крыши, и всегда щадятъ своихъ. Да будетъ проклятъ всякій вѣрующій, который не обагряетъ своего меча кровью противниковъ Христа! Теперь нужно умыть руки въ ихъ крови и тѣмъ освятить ихъ.

Староста. Попъ одержимъ бѣсомъ!

Бубенлебенъ. Если хотите избрать предводителя, изберите....

Староста (быстро). Брата Бубенлебена, священника изъ Мергентгейма! (Смѣхъ).

Бубенлебенъ. Нѣтъ, не меня, а того, кого франконская рать поставила во главѣ своего войска,—Якова Коля изъ Эйфельштадта.

Лефельгольцъ (прерывая его). Онъ мастеръ ругаться.

Теллерманъ. Какъ онъ ни жиренъ, а все-таки виснетъ на поясѣ у поповъ

Гейеръ (поднимаясь съ мѣста). Чтобъ въ чистотѣ держать свой домъ—монаха прогони съ попомъ!

(Рѣшительный видъ Гейера обращаетъ на себя вниманіе собранія, и за нимъ начинаютъ наблюдать. Онъ говоритъ вполголоса съ Теллерманомъ, старостой и Лёфельгольцомъ. Гиплеръ и Гёцъ шепчутся и тоже наблюдаютъ. Староста и Теллерманъ возбужденно размахиваютъ руками, убѣждая въ чемъ-то Гейера).

---

*) Французскій отрядъ «черныхъ».

Коль. Братья, пусть Лёфельгольцикъ косится на меня: мнѣ это все равно. Мои братья, крестьяне, знаютъ меня.

Мартинъ (перебивая его). Какъ завсегдатая кабаковъ!

Коль. Разрази тебя громъ! Что-жъ, не спорю, люблю винцо, какъ и рыцари. Къ чорту всякую ложь! А по-твоему, лучше не сидѣть съ другими за стаканомъ вина, а все ходить на ходуляхъ и считать себя выше братьевъ-крестьянъ да важничать, какъ гейеровцы: «прочь-де съ дороги,—я иду!». Нѣтъ, я не таковъ: у меня — все, какъ стеклышко.

Мартинъ (перебивая его). Ну да, все стаканы да кружки.

Коль. Да-съ, у меня—какъ стеклышко.

(Шопотъ: «Вюрцбургское жидовство!»).

Коль. Нѣтъ, не вюрцбургское жидовство, а—какъ стеклышко! Я держусь моей присяги. Когда вся рать крикнула мнѣ: «Дѣлай то-то!»—я и дѣлаю. «Прочь руки!»—я и убираю руки. Тайныхъ подходовъ и предательствъ не совершаю. Изберутъ меня—ладно. Не изберутъ — сгнію на висѣлицѣ, пусть мнѣ палачъ выжжетъ сердце изъ груди, а я не дозволю себѣ насильничать!

Лефельгольцъ. Кто же здѣсь насильничаетъ?

Коль. Объ этомъ, братъ, спроси Флоріана Гейера.

Фламменбекеръ. Братья, намъ не нужно предводителя! Неужели мы для того свергаемъ маленькихъ тирановъ, чтобы замѣнить ихъ большими? Есть между нами люди, которые не могутъ подавить въ себѣ властолюбивыхъ и дьявольскихъ желаній. Они управляютъ нами при помощи профосовъ, тюремщиковъ и палачей. Ихъ власть жестче папской. Они здѣсь, въ Вюрцбургѣ, понаставили висѣлицъ.

Гейеръ (прерывая его). Побольше бы висѣлицъ, чтобы вздернуть на нихъ всѣхъ вейнсбергскихъ кровопійцъ.

Фламменбекеръ (неистово). Всѣхъ юнкеровъ, грабителей и опальныхъ на висѣлицу! Къ дьяволу всѣхъ съ желтыми шпорами! Всѣхъ васъ слѣдуетъ прогнать сквозь строй, какъ Гельфенштейнера, всѣхъ четвертовать, какъ проклятыхъ предателей и злодѣевъ.

Гипплеръ. Братъ Гейеръ, держи мнѣ отвѣтъ! Идетъ молва, будто ваши держали совѣтъ, и что капитаны, полковники и фельдфебели Черной рати злоумышленно добились постановленія—поставить васъ, братъ Гейеръ, во главѣ всѣхъ полчищъ.

Гейеръ. Ничего не знаю. Да и что мнѣ за дѣло до этого!

Гецъ. Братья, на кой чортъ эти трабанты, стоящіе передъ входомъ въ церковь? Отправьте ихъ во-свояси!

Линкъ. Чьи они?

Фламменбекеръ. Изъ Чернаго войска: это—свита Флоріана Гейера.

Бубенлебенъ. Братья, чѣмъ это все кончится? Недалеко отсюда, на улицѣ, я встрѣтилъ значительный отрядъ вооруженныхъ солдатъ.

Лефельгольцъ. Они посланы въ монастырь босоногихъ на постой, для порядка, чтобы здѣсь, въ Вюрцбургѣ, не вышло такого же грабежа, воровства и избіенія, такихъ же турецкихъ звѣрствъ, какъ въ другихъ мѣстахъ.

Линкъ. Горожане уже набрали надежный отрядъ со всѣхъ кварталовъ и послали его въ монастырь. Мы сами сумѣемъ поддержать спокойствіе и порядокъ!

Староста. Увидишь, Линкъ, что отрядъ, посланный въ монастырь, будетъ еще больше грабить и избивать. Да и безъ того сколько въ крестьянскихъ ратяхъ негодяевъ и всяческаго сброда, который снуетъ въ городъ и изъ города! Противъ нихъ-то и нужно выставить свое же крестьянское войско.

Линкъ. Этого вюрцбургскіе граждане не потерпятъ.

Фламменбекеръ. Нѣтъ бездѣльниковъ среди крестьянскихъ полчищъ!

Гейеръ. Пріятно это или нѣтъ вюрцбургскому гражданству, а необходимо вò-время пріучить крестьянское войско къ порядку и строгости. Если попрежнему нами будетъ править сатана, попрежнему будутъ истреблять провіантъ, сыпать хлѣбъ въ Майнъ, выдергивать краны изъ винныхъ бочекъ, то, ей-Богу, евангелическимъ братьямъ придется скоро съ окровавленными руками добывать себѣ кусокъ черствaго хлѣба.

Гецъ. А что̀, не говорилъ я вамъ, братья? Если гейеровцы примкнутъ къ намъ, пойдетъ раздоръ безъ конца.

Гейеръ. Братъ Берлингеръ! Кто больше поселялъ раздоровъ въ войскахъ,—я или вы?

Гецъ. Всѣ умѣютъ нагибаться, смѣяться, одни гейеровцы задираютъ головы и не думаютъ объ общемъ дѣлѣ.

Теллерманъ. Прошиби меня потъ, братъ Берлингеръ! Думали ли вы о насъ, скажите, пожалуйста, когда вы, ты и Мецлеръ, прошли тамъ, гдѣ до васъ прошли мы съ Чернымъ войскомъ? Девять городовъ въ Оденвальдѣ открыли намъ ворота и вступили съ нами въ союзъ. По настоянію Флоріана Гейера, никто изъ нашихъ не разбилъ ни одного

окна въ городѣ, ни одну служанку не обидѣлъ. Но послѣ насъ явились вы и все разгромили, набросились на сундуки, растащили все въ погребахъ, позорили женщинъ и увезли съ собой сотни возовъ награбленной добычи. Да, братъ, когда объ этомъ узнали въ черномъ войскѣ, немудрено, что всѣ пришли въ неистовство. Такъ *вы* посѣяли раздоръ между братьями! *Вы* виноваты въ томъ, что города, которые намъ поклялись въ вѣрности, должны были нарушить клятву и наново присягнуть вамъ.

Гецъ. Дай вамъ, гейеровцамъ, волю—и у драгоцѣнной евангелической свободы оказалось бы за одну ночь больше враговъ, чѣмъ торгашей въ Венеціи, пьяницъ въ Саксоніи, свиней въ Помераніи и распутницъ въ Бамбергѣ.

Гейеръ. Больше сравненій вы не можете придумать, братъ Берлингеръ?

Гецъ. Вы вооружили противъ насъ все дворянство.

Гейеръ. Я исполнялъ XII статей.

Гецъ. Нужды нѣтъ: вѣдь вы сами были рыцарем. Развѣ не позорно, братъ, что вы первые разрушаете рыцарскіе замки и дома, а сами отвѣшиваете поклоны каждому лавочнику, какъ только показывается кончикъ его ночного колпака надъ городской стѣной? Рыцарскіе замки...

Гейеръ. Долой ихъ, долой проклятыя вороньи гнѣзда! Нужно положить конецъ разбиранью заборовъ и скаканью по полямъ! Пора моимъ прежнимъ товарищамъ научиться болѣе полезному дѣлу, чѣмъ мотаться на конѣ, совершать выгодныя сдѣлки, обирать крестьянъ, вязать купцовъ и заключать ихъ въ зловонныя тюрьмы, отсѣкать имъ руки, отрѣзывать уши и совершать тому подобные рыцарскіе подвиги. Отнынѣ вы должны довольствоваться избами, воздѣлывать землю и ходить пѣшкомъ, какъ прочіе христіане. Рыцарь теперь уже не...

Гецъ. А какого ты мнѣнія о словѣ дворянина, братъ?

Гейеръ. Такого, какъ о словѣ всякаго человѣка: его должно держать.

Гецъ. Вспомни Мегмюленъ, когда ты еще состоялъ на службѣ у Швабскаго Союза и командовалъ отрядомъ. Какая союзная собака обѣщала мнѣ тогда свободный пропускъ и нарушила слово?

Гейеръ. Подавись своей ложью!

Гипплеръ (поднимается). Не ссорьтесь, братья! (Слышны выстрѣлы). Чортъ побери, это что?

Гецъ. Ого! Измѣна!

Крики. Низость! Предательство!

Крики толпы (за сценой). Да здравствуетъ Флоріанъ Гейеръ! (Движеніе сторонъ въ собраніи).

Крики. Измѣна! бунтъ!

Гейеръ (вскакиваетъ и кричитъ). Тише, братья! Тотъ—негодяй, кто кричитъ о предательствѣ! Клятвенно заявляю вамъ, что не приму на себя начальства иначе, какъ по постановленію и рѣшенію всего крестьянскаго братства. И кого бы оно ни поставило надъ нами—я предъ тѣмъ послушно преклонюсь, какъ полагается евангелическому брату. Но, по моему мнѣнію, милые братья, нужно избрать военный совѣтъ изъ знающихъ и опытныхъ людей: пусть они рѣшаютъ, какъ поступать съ внутренними и внѣшними врагами. Кто согласенъ со мной, тотъ пусть воткнетъ свой ножъ въ этотъ кругъ. (Чертитъ мѣломъ кругъ на церковной двери и втыкаетъ въ него ножъ. Нѣсколько начальниковъ слѣдуютъ его примѣру).

Теллеманъ (занося ножъ). Трухзесу Вальдбургскому, начальнику Швабскаго Союза, прямо въ сердце! (Втыкаетъ ножъ).

Бубенлебенъ. Епископу Конраду фонъ-Тюнгену прямо въ сердце! (Втыкаетъ ножъ въ кругъ).

Фламменбекеръ. Георгу Трухзесу Вальдбургскому, главному начальнику Швабскаго Союза, кровавому псу Вурцахскому, прямо въ сердце! (Втыкаетъ ножъ).

Лефельгольцъ. Всѣмъ Фуггерамъ и Вельзерамъ *) прямо въ сердце! (Втыкаетъ ножъ).

Сарторіусъ. Нѣмецкому раздору прямо въ сердце! (Втыкаетъ ножъ).

Первый крестьянскій предводитель. Всѣмъ палачамъ и грабителямъ народа прямо въ сердце! (Втыкаетъ ножъ).

Второй крестьянскій предводитель (Грумбаху). Скорѣй, братъ, произнеси и ты свое проклятье!

Мартинъ. Всѣмъ поповскимъ королямъ и королевскимъ попамъ прямо въ сердце! (Втыкаетъ ножъ).

Грумбахъ. Епископу Конраду Вюрцбургскому прямо въ сердце! (Втыкаетъ ножъ).

Гипплеръ. Канцлеру герцога баварскаго, совѣтчику Швабскаго Союза, проклятому Леонарду Эку прямо въ сердце! (Втыкаетъ ножъ).

Третій крестьянскій предводитель. Трухзесу Вальдбургскому прямо въ сердце! (Втыкаетъ ножъ).

(Занавѣсъ падаетъ).

---

*) Имена главныхъ банкировъ того времени.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Въ трактирѣ Крацера на торговой площади въ Ротенбургѣ. Справа дверь въ сѣни; въ задней стѣнѣ окна; когда они открыты, изъ нихъ видны рынокъ и ратуша. Справа, на переднемъ планѣ, маленькая дверь въ сосѣднюю комнату. Скамья у стѣны и нѣсколько столовъ, за которыми сидятъ посѣтители. У дверей стоитъ музыкантъ, играющій на волынкѣ. Всѣ присутствующіе, въ томъ числѣ Крацеръ и кельнерша, внимательно глядятъ на Безенмейера, который приводитъ въ чувство Марею.

Ректоръ Безенмейеръ. Присядь, дитя, вотъ такъ! Прислони голову къ печкѣ, вотъ такъ! Держись крѣпко, а то, право, упадешь со скамейки, какъ деревянная статуя Богоматери.

Крацеръ. Гдѣ вы ее подобрали, братъ ректоръ?

1-й горожанинъ (у 1-го стола). Братъ ректоръ всегда возится со скоморохами и бродягами: очень ужъ у него мягкое сердце.

2-й горожанинъ (у 1-го стола). Она изъ Татръ или изъ Бёгайма?

3-й горожанинъ (у 1-го стола). Какъ она сюда попала?

Безенмейеръ. Она пробралась въ городъ, Господь ее вѣдаетъ какъ. Пресвятая Дѣва! Вотъ несчастная-то! И руки и ноги у нея въ ранахъ.

Крацеръ. Что у нея въ платочкѣ? (Узелокъ падаетъ изъ ея рукъ). Раки!

Безенмейеръ. Divinavit, отгадалъ: въ самомъ дѣлѣ раки! Pruriunt mihi dentes: у меня слюнки текутъ. Говори же, дѣвушка, говори! Люди должны стараться не походить на безгласныхъ животныхъ, сказалъ Саллюстій. Но она, какъ видно, о Саллюстіи не думаетъ: такъ и вамъ нечего думать о ней. Дайте ей уснуть! (Возобновляется общій шумъ; никто не обращаетъ вниманія на Марею, которая засыпаетъ на скамейкѣ у печки. Музыкантъ играетъ на волынкѣ; прислужница и хозяинъ разносятъ кружки съ виномъ. Гости пьютъ и спорятъ).

1-й горожанинъ (у 1-го стола). Убирайтесь! У насъ есть имперскій судъ. (Бросаетъ карту на столъ).

2-й горожанинъ (у 1-го стола). У насъ есть монетный уставъ. (Тоже бросаетъ карту).

Шефергансъ (подходя къ 1-му столу). На что идетъ игра?

3-й горожанинъ. На индульгенцію, братъ Вейтъ.

1-й горожанинъ (у 1-го стола). Раскошеливайся, Шефергансъ.

1-й горожанинъ. На какой службѣ ты въ послѣднее время состоялъ?

Шефергансъ. Въ императорскомъ войскѣ; помогалъ Георгу Фрундсбергу французовъ бить въ Италіи, при Павіи. Потомъ меня вербовали въ Швабскій Союзъ, но я не пошелъ: не хочу сражаться противъ братьевъ-крестьянъ.

2-й горожанинъ (у 1-го стола). Плюю я на Швабскій Союзъ и на Георга Трухзеса!

Шефергансъ. Союзный Лапоть, Лапоть!

1-й горожанинъ (у 2-го стола). Евангеліе! Евангеліе!

Пьяный (реветъ). О, Карлъ, славный императоръ, приди скорѣй на помощь намъ—и Господь пошлетъ побѣду!

1-й горожанинъ (у 2-го стола). Евангеліе! Евангеліе!

2-й горожанинъ (у 2-го стола). Теперь конецъ попамъ и монахамъ!

Крацеръ (подходя ко 2-му столу). Чортъ создалъ перваго монаха, а деревенскій волъ его окрестилъ.

3-й горожанинъ (у 2-го стола). Не уничтожите вы поповъ и монастырей! Не выполоть сорной травы!

Крацеръ. Монастыри теперь пусты, какъ овечьи хлѣвы лѣтомъ.

Бѣглый монахъ. А коли монахи и монахини не уйдутъ добровольно, вязать ихъ по рукамъ и ногамъ и выбрасывать вонъ, какъ собакъ. Они у чорта въ пасти сидятъ.

Крацеръ (ощупывая голову монаха). У тебя еще не такъ давно постригъ заросъ.

Бѣглый монахъ. Да будетъ проклятъ день, въ который выдумали монашескую рясу и всю эту стриженую святость! Я сбросилъ это все, какъ ливрею дьявола. Хочу трудиться и честно зарабатывать хлѣбъ у мужика.

Крацеръ (Шефергансу). Ты при оружіи, Шефергансъ?

Шефергансъ. Къ чертямъ того, кто не при оружіи! Дай-ка мнѣ искрометнаго!

2-й горожанинъ (у 2-го стола). Лютеръ видѣлъ чорта въ видѣ свиньи: по-мнѣ, онъ слишкомъ глубоко заглянулъ въ кружку.

Разносчикъ (выкрикиваетъ въ сѣняхъ). Купите, купите «реформацію короля Сигизмунда» подъ названіемъ: «Труба крестьянской войны: послушаніе—смерть справедливости»

Шефергансъ. Не горлань! (Пьетъ водку).

Разносчикъ. Ты мнѣ хочешь ротъ заткнуть, какъ Лютеръ Карлштадту или Мюнцеру, пророку Божіему? (Продолжаетъ выкрикивать, ходя по народу) Купите и прочтите защиту Мюнцера противъ могучаго виттенбергскаго быка, Мартина Лютера: «Ты смутилъ христіанскій міръ, а теперь, когда

наступила бѣда, не можешь поправить дѣла. И вотъ ты лицемѣришь передъ князьями, и съ тобой поступятъ какъ съ пойманной лисой. Народъ освободился, и одинъ только Богъ будетъ править имъ». Въ Римѣ Іуда, въ Римѣ Симонъ, въ Римѣ Содомъ! (Подходя къ 2-му столу) Спрячьте библію, братья; вонъ идетъ городской писарь. У насъ, въ Ротенбургѣ, начальство не терпитъ, чтобы разсуждали о писаніи въ кабакѣ.

2-й горожанинъ (у 2-го стола). Терпятъ ли господчики, или нѣтъ—меня это такъ же мало трогаетъ, какъ лай собакъ.

Разносчикъ (говоритъ шопотомъ у 2-го стола). Слышали? Яковъ Шмидтъ, въ Китцингенѣ, вырылъ изъ могилы святую Гедалогу, аглицкую дѣву, и игралъ въ кегли ея головой *).

Гансъ Шмидтъ. Bona dies! Добрый день! (Входитъ; его ведетъ дѣвочка).

Крацеръ. Deo gratias! Благодареніе Богу!

Голоса. Слѣпой монахъ!

Шмидтъ (притворяется смиренникомъ). Panem propter Deum! Хлѣбца, Бога ради! (Смѣхъ присутствующихъ).

Шефергансъ. Союзный Лапоть, Лапоть!

Крацеръ. Что волкъ, что попъ, что монахъ—все одно. Гоните его вонъ, бросьте ему вслѣдъ четырехфунтовый камень.

1-й крѣпостной. Добра отъ монашеской рясы и ждать нечего.

1-й горожанинъ (у 1-го стола). Ну, сырный червь въ рясѣ, разскажи намъ проповѣдническую сказочку! Можетъ, ты вырвалъ зубъ у чорта? Аль представился онъ тебѣ горящимъ соломеннымъ чучеломъ?

1-й крѣпостной. На какой пото - или кровоточивый крестъ собираешь пожертвованія?

Шмидтъ (притворно вздыхая). Недобрыя времена пришли, совсѣмъ недобрыя! Молитесь, люди, святому Христофору, дабы онъ вынесъ васъ на своихъ плечахъ и спасъ отъ страшнаго потопа! А вы, тамъ, лейте освященную соль и кропите себя по шести разъ въ день святой водой, чтобы духъ ада не завладѣлъ вами!

1-й горожанинъ (у 1-го стола). А скажи-ка, рыжая лиса, кто же будетъ намъ святить соль и воду? Вѣдь въ Ротенбургѣ нѣтъ ни одного попа для этого.

---

*) Гедалога—народное произношеніе имени св. Гедвиги.

Шмидтъ (притворно возмущаясь). Въ этомъ виноватъ еретикъ и негодяй Карлштадтъ: вотъ кого гоните!

Крацеръ. Послушай, лисынька! Скажи-ка мнѣ, правду ли говорятъ попы, что святой отецъ выше ангеловъ небесныхъ и чорта въ аду, и что онъ можетъ командовать ими?

Шмидтъ. Ахъ, ты, негодяй, нечестивый плутъ и злодѣй! Я готовъ поклясться, что ты былъ студентомъ въ Прагѣ и, вмѣстѣ съ Лютеромъ и Карлштадтомъ, глоталъ гуситскую чумную похлебку. (Хватаетъ Крацера за рукавъ). Фу, тутъ виклефитскій ядъ, гуситская проказа, что̀ свирѣпствуетъ теперь хуже англійскаго пота *). Всѣ теперь взбѣсились и одурѣли: не покупаютъ индульгенцій, не хотятъ ходить къ обѣднѣ! (Смѣхъ). Не смѣйтесь, берегитесь смертнаго грѣха! Берегитесь адскихъ, дьявольскихъ, отчаянныхъ духовъ, которые теперь всюду рѣютъ и губятъ людей. Это они орутъ вездѣ: наступаетъ-де юбилейный годъ; Барбаросса встаетъ изъ гроба **), самъ Спаситель вернется на землю, и наступитъ тысячелѣтнее царство мира и блаженства!.. Спаси васъ Господь, бѣдные, ослѣпленные нехристи! Да если-бъ это случилось, что̀ бы тогда оставалось дѣлать римскому гончару съ его идолами? Кто бы ѣлъ тогда идольское мясо, ходилъ къ обѣднѣ, наполнялъ бы церковный кошель, платилъ пени? Кто бы откармливалъ папъ, кардиналовъ, епископовъ, поповъ, монаховъ и кобольдовъ ***)? Кто будетъ строить храмы и соборы, когда не нужно будетъ церквей для молитвъ и всякій будетъ славить Господа въ душѣ своей? Кому тогда нуженъ будетъ конвой князей и господъ, и кто будетъ платить за него, когда на всѣхъ проѣзжихъ дорогахъ будетъ такъ же безопасно, какъ въ лонѣ Авраамовомъ? Что̀ станется съ обдиралами, съ разбойниками-рыцарями, когда имъ ужъ нельзя будетъ ѣздить по свѣту, облупливая, губя народъ, когда имъ не придется больше отнимать кошельки у бѣдныхъ торгашей и разорять людей? Нѣтъ, милые братья! Ваши желанія идутъ противъ Христа, какъ Лютеръ пишетъ: вѣдь кто противъ разбойниковъ, тотъ противъ Христа! Милосердый

*) Заразная болѣзнь, отличавшаяся чрезвычайнымъ выпотѣніемъ, за которымъ слѣдовалъ лихорадочный бредъ и смерть.

**) Фридрихъ I Барбаросса (Рыжая Борода)—германскій императоръ, боровшійся съ папствомъ. По преданію, Барбаросса не умеръ, но заснулъ, чтобы воскреснуть въ нужныя времена. Послѣ Лютера императорская сказка заглохла. Но она внезапно воскресла въ началѣ XIX вѣка. Ее распространяли особенно поэты-романтики.

***) Кобольды въ нѣмецкой миѳологіи—домовые, иногда горные карлики.

самарянинъ—врагъ Христа. Тотъ, кто омываетъ язвы бѣдному Лазарю—врагъ Христа. Развѣ вы не знаете, что̀ сказано въ евангеліи? Идите войной другъ на друга, убивайте другъ друга, судите другъ друга! Если у кого десять одежд, пусть онъ сорветъ одиннадцатую съ того, у кого только одна! Такъ понимаетъ евангеліе папа, такъ его понимаютъ попы. Но Господь сказалъ: «Да будетъ свѣтъ—и бысть». Такъ свѣтло стало, что—Господь мнѣ свидѣтель!—я вижу свѣтъ своими слѣпыми глазами! (Садится въ изнеможеніи).

Голоса. Да здравствуетъ нѣмецкая евангелическая свобода! Да здравствуетъ слѣпой монахъ! Союзный Лають, Лають!

Шмидтъ. Слыхали? Братъ Андрей идетъ на Вюрцбургъ съ пушками.

Крацеръ. Такъ говорятъ, но я не вѣрю. Развѣ это правда?

Слѣпой монахъ. Да, братъ. Мы сегодня, на зарѣ, въ послѣдній разъ вмѣстѣ возблагодарили Господа, тамъ въ долинѣ, въ Кобольцельской часовнѣ.

Шефергансъ (съ негодованіемъ). Неужели мы поѣдемъ въ крестьянскій лагерь съ злодѣемъ Карлштадтомъ? Чортъ бы его побралъ!

Слѣпой монахъ. Что̀ ты такъ противъ Карлштадта, братъ?

Шефергансъ. Даю солдатское слово, раскрою голову этому проклятому еретику и хулителю Дѣвы Маріи, прежде чѣмъ потеряю, чтобы онъ сѣлъ на лошадь.

Крацеръ (въ сторону, другимъ гостямъ). Мускатные орѣхи въ тепломъ пивѣ очень помогаютъ отъ чесотки. Вотъ такъ-то и Флоріанъ Гейеръ велѣлъ поставить висѣлицы.

1-й горожанинъ (у 1-го стола). Вчера, какъ только поставили висѣлицу, Клаусъ Икельгаймеръ изъ Гайльигофена всталъ на помостъ и сталъ кричать, что вздернетъ на нее своего юнкера, Кунца Офнера.

Разносчикъ (выкрикивая). Покупайте, покупайте! Свѣженькія индульгенціи изъ Рима, отпущенія прямо отъ святого отца! Кто въ постные дни хочетъ ѣсть молоко и масло, платитъ два рейнскихъ гульдена. Кардиналъ Каетанъ *) самъ себѣ даетъ отпущеніе, ѣстъ до отвалу мясо въ постные дни: нѣмецкія рыбы портятъ ему желудокъ. Денегъ, денегъ для церкви св. Петра! Требуется еще одно причисленіе къ лику святыхъ, да съ туркомъ нужно воевать, не

---

*) Cajetanus—ученый епископъ изъ итальянскаго города Гаэты, профессоръ богословія, противникъ Лютера.

покладая рукъ. Палліумъ *) майнцкаго архіепископа стоитъ двадцать тысячъ гульденовъ: за него еще не уплачено. Продается Христосъ за два пфеннига: купите, купите! Давайте пражскіе гроши или регенсбургскіе пфенниги, нѣмецкіе золотые гульдены или итальянскіе флорины! Вотъ книга Лоренца Валлы о подложности «Константинова Дара», на основаніи котораго папа обманнымъ образомъ захватилъ свѣтскую власть! Вотъ великое бернское чудо! Вотъ сожженіе Іоганна Гуса за вѣру въ Констанцѣ; Савонарола, замученный, повѣшенный и сожженный за вѣру; Іоганнъ Гильтенъ, томящійся въ эйзенахской тюрьмѣ за вѣру!

Киліанъ (входитъ и обращается къ Крацеру). Мнѣ велѣно придти починить панцырь Флоріану Гейеру.

Крацеръ. Такъ отправляйся въ цейхгаузъ, братъ—туда, гдѣ стоятъ двѣ новыя пушки, которыя повезутъ въ вюрцбургскій лагерь. Оружейникъ Кеслеръ повелъ туда съ утра Гейера.

Киліанъ (садится).

Менцингенъ (безъ панцыря, входитъ съ дѣловитымъ видомъ и обращается къ Крацеру). Флоріанъ Гейеръ ужъ пошелъ въ цейхгаузъ?

Крацеръ. Давно, братъ. Что на улицахъ?

Менцингенъ. Городъ принялъ совсѣмъ другой видъ съ приходомъ Гейера и крестьянскихъ предводителей. Теперь мы живемъ, какъ среди Божьяго міра. (Всѣ затихли. Замѣтивъ, что къ его словамъ прислушиваются, онъ обращается ко всѣмъ присутствующимъ). Здравствуйте, друзья, пошли вамъ Господь всякаго благополучія!

Голоса. И тебѣ тоже, братъ Менцингенъ. Благодаримъ за привѣтъ!

Менцингенъ. Какъ себя чувствуете въ новой крестьянской шкурѣ?

1-й горожанинъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Ротенбургъ почерпѣлъ и перешелъ на сторону крестьянъ, я, братъ, чувствую себя такъ, словно вылѣчился отъ француза.

2-й горожанинъ. Послушай, братъ! Мы побились объ закладъ, я и Энгельгартъ Гопольдъ, вотъ о чемъ: когда Флоріанъ Гейеръ, два дня тому назадъ, стоялъ передъ ратушей на скамьѣ, правда ли, что онъ кричалъ, чтобы народъ поклялся въ вѣрности крестьянскому братству на 101 годъ?

---

*) Въ церковномъ облаченіи шерстяная мантилья, носимая только папами и тѣми владыками, которыхъ одаряли имъ папы.

Менцингенъ. Правда, братъ.

2-й горожанинъ. А до тѣхъ поръ, пока великая общая реформація не будетъ установлена учеными христіанскими мужами и знатоками писанія, мы не обязаны платить ни арендныхъ денегъ, ни десятины, ни подушной, ни какихъ-либо другихъ податей, не должны платить оброка, служить и исполнять барщину, а свободны отъ всѣхъ несправедливыхъ налоговъ и повинностей.

Менцингенъ. Вѣрно, братъ.

3-й горожанинъ. Да здравствуетъ нѣмецкая евангелическая свобода!

4-й горожанинъ. Все станетъ общимъ. Равная тяжесть никому спины не сломитъ.

3-й горожанинъ. Мы хотимъ быть свободны, какъ швейцарцы, и толковать писаніе, какъ гуситы.

2-й горожанинъ (у 1-го стола). Вы тоже сопровождаете пушки?

Менцингенъ. Нѣтъ, братъ. Я не покину общины Ротенбурга: я съ вами буду жить и умирать.

3-й горожанинъ (у 1-го стола). Да здравствуетъ юнкеръ Менцингенъ!

Разносчикъ (выкрикивая). Церковный соборъ, церковный соборъ! (Менцингену) Смотри, братъ, они затыкаютъ уши, какъ папа римскій, и не хотятъ слушать. «Новый Карстгансъ» благороднаго рыцаря Ульриха фонъ-Гуттена, который теперь умеръ, затравленный попами на островѣ, среди Цюрихскаго озера: юнкеръ Гельфрейхъ, рейтеръ Гейнцъ и Карстгансъ ведутъ бесѣду между собой,—очень занимательное и поучительное чтеніе!

Киліанъ (подходя ко 2-му столу). Меня позвали починить панцырь Флоріана Гейера.

Іергъ Кумпфъ (кричитъ въ окно). Здравствуй, братъ Менцингенъ!

Менцингенъ. Здравствуй, Іёргъ! Войди, выпей стаканчикъ спозаранку!

Кумпфъ. Спѣшу въ цейхгаузъ, братъ. Нужно помочь везти пушки въ Вюрцбургъ.

Менцингенъ. Молодецъ Іёргъ! Не слѣдуетъ уклоняться и отставать, когда евангелическая свобода нуждается въ защитникахъ.

Крацеръ. Чортъ возьми, Іёргъ. Ты гремишь, точно всадникъ въ латахъ.

Кумпфъ. Я въ латахъ и есть.

Менцингенъ. Войди, Іёргъ, дай поглядѣть на тебя! (Іёргъ исчезаетъ изъ окна).

Разносчикъ. Іуда въ Римѣ! Симонъ въ Римѣ! (Прислужницѣ) Эй, милая Грета, поухаживай за мной—получишь жирный приходъ. Если не умѣешь читать, не знаешь ничего по-латыни, то пусть твой милый дружокъ завѣдуетъ паствой.

(Іёргъ входитъ и останавливается у дверей).

Бѣглый монахъ. Какой молодецъ!

1-й горожанинъ (у 1-го стола). Еще бы! Вѣдь это—Іёргъ Кумпфъ, братъ бюргермейстера Кумпфа.

Монахъ. Бюргермейстера Кумпфа, который въ Паркирхенѣ выдернулъ у священника изъ рукъ требникъ во время обѣдни и разогналъ пѣвчихъ?

1-й горожанинъ. Того самаго, братъ.

Кумпфъ (молодцовато выступаетъ впередъ).

Менцингенъ. Ей-Богу, братъ, ты точно родился для латъ!

Крацеръ. Хорошія латы: нюренбергская работа.

Кіліанъ. Растряси тебя верховая ѣзда! Вовсе не нюренбергская работа: это я сработалъ здѣсь, въ Ротенбургѣ, своими собственными руками.

Крацеръ. Ну, такъ глотни винца на дорожку. Выпьемъ за то, чтобы вы смѣло постучались въ замокъ Горы Богоматери.

Кумпфъ. Такъ оно и будетъ. (Поетъ):

Поетъ за тенора пѣвица,
И соловей—пѣвицѣ въ ладъ.
Гремитъ въ литавры гаубица,
Дискантъ змѣи пускаетъ ядъ.
Ихъ слушай—радъ или не радъ.
Но пѣнье стѣны потрясаетъ,
И къ потолку постель взлетаетъ.

Всѣ (подхватываютъ съ воодушевленіемъ).

Но пѣнье стѣны потрясаетъ,
И къ потолку постель взлетаетъ.

Слѣпой монахъ. Господь сохрани тебя и благослови твое начинаніе!

Староста (входитъ). Привѣтъ вамъ, милые братья! Пушки двинулись въ путь: двѣнадцать лошадей везутъ каждую. Во всей Германіи не найдется такихъ великолѣпныхъ орудій.

Голоса. Да здравствуетъ Ротенбургъ! (Всѣ поспѣшно встаютъ и расплачиваются. Комната пустѣетъ. Остаются только Крацеръ, Менцингенъ, слѣпой монахъ и прислужница, которая убираетъ со столовъ).

Крацеръ (подавая шапку одному крестьянину). Не забудь шапки!

Менцингенъ (у него въ рукахъ бумаги; онъ пытается разсѣянно открыть сундукъ, стоящій на незамѣтномъ мѣстѣ въ комнатѣ).

Крацеръ (наливая вино въ кружку, замѣчаетъ движенія Менцингена). Вотъ ключъ!

Менцингенъ (беретъ ключъ и указываетъ на бумаги). Это— протоколы засѣданія совѣта: опять наболтали цѣлую библію!

Слѣпой монахъ. Опять передрались за дурацкій колпакъ!

Фейстле (входитъ).

Крацеръ. Вотъ того, чтобы ѣхать въ крестьянскій лагерь, никто не добивался: всѣмъ хотѣлось только высвободить голову изъ петли... Чего тебѣ, Фейстле?

Фейстле. У Рудерскихъ воротъ стоитъ какой-то человѣкъ, братъ, и проситъ впустить его.

Менцингенъ. Онъ изъ маркграфскихъ?

Фейстле. Насколько я могъ видѣть, у него на рукавѣ крестьянскій крестъ.

Крацеръ. Пѣшій онъ или конный, Фейстле?

Фейстле. Конный. И конь у него такой, что лучшаго я и не видалъ, братъ.

Менцингенъ. Возможно, что это Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ. Онъ ѣздитъ на великолѣпномъ, бѣломъ, какъ молоко, арабчикѣ.

Крацеръ. Скажи, Фейстле, чтобъ онъ сошелъ съ коня и пришелъ сюда пѣшкомъ. Не то всѣ сбѣгутся и поднимутъ шумъ. (Фейстле уходитъ).

Староста (Крацеру). Братъ, налей-ка мнѣ полную кружку тауберискаго.

Крацеръ. Неужели вы высушите цѣлую кружку, братъ?

Староста. До дна. Будь я поповскій холопъ, если оставлю что̀ для вши!

Менцингенъ. Гдѣ вы въ послѣдній разъ видѣли Вильгельма фонъ-Грумбаха, братъ Бецольдъ?

Староста. Въ Вюрцбургѣ, въ крестьянскомъ военномъ совѣтѣ. Онъ былъ отправленъ съ посланіемъ къ маркграфу Казиміру. Кромѣ того, онъ обѣщалъ Флоріану Гейеру привести хорошій отрядъ конницы, а также навербовать стрѣлковъ.

Менцингенъ. Братъ, мнѣ достовѣрно извѣстно, что маркграфъ хорошо вооруженъ и выступилъ изъ Онольцбаха съ большимъ войскомъ. У него больше шестисотъ человѣкъ конницы, двухъ тысячъ пѣхоты, да четырнадцать большихъ пушекъ.

Староста. Теперь, когда мы захватили Ротенбургъ, марк-

графу приставлено копье къ брюху. Онъ долженъ волей-неволей пойти на уступки. Нѣтъ даже надобности въ томъ, чтобы Гейеръ, какъ вы хотѣли, поѣхалъ въ Ансбахъ.

Менцингенъ. Не думайте, что маркграфъ ужъ у васъ въ рукахъ. Будьте осмотрительны, не то можетъ случиться, что ваши двѣ ротенбургскія змѣйки не доползутъ до вюрцбургскаго лагеря.

Староста. Маркграфъ — хитрая лиса. Но онъ долженъ былъ бы превратиться въ стараго осла, если бы рѣшился тронуть наши пушки. Напасть на нихъ — то же, что̀ сунуть руку въ огонь.

Менцингенъ (съ досадой). Можетъ-быть, братъ. Но подумайте о томъ, какой союзникъ маркграфъ. Если бы онъ примкнулъ къ братству, вамъ нечего было бы бояться Георга Трухзеса и Швабскаго Союза.

Староста (смѣется). Знаете ли вы сказку, рыцарь, о томъ, какъ овцы заключили союзъ съ однимъ волкомъ противъ другого? Ихъ стали душить два волка. Потолкуйте-ка объ этомъ съ Гейеромъ, братъ. Отчего мы выбиваемся изъ силъ?

Менцингенъ. Если такъ, то лучше бы мнѣ лежать теперь гдѣ-нибудь на днѣ башни. И зачѣмъ это я отдалъ вамъ Ротенбургъ!

Староста. Вы-то тутъ при чемъ, чортъ возьми!

Менцингенъ. Я изо всѣхъ силъ старался, поставилъ на карту свою жизнь, свое состояніе и честь, пока не уговорилъ ротенбургцевъ впустить васъ: вы пришли на готовую постельку. И вотъ благодарность низкаго крестьянскаго братства! Да, я состою на службѣ маркграфа Казиміра; и если осмѣлятся не по-братски отнестись къ его милости...

Староста. Братъ Менцингенъ! Вы мнѣ не нравитесь.

Менцингенъ. А мнѣ вы не нравитесь, братъ.

Староста. Вы не щадите силъ и очень стараетесь. Но польза ли или вредъ отъ этого евангелической свободѣ—никому неизвѣстно.

Менцингенъ. Я преданъ евангелію и евангелической свободѣ не менѣе всякаго другого въ нѣмецкой землѣ; кто не вѣритъ, тому я готовъ доказать это съ оружіемъ въ рукахъ въ какое угодно время.

Староста. Братъ! На душѣ у меня теперь весело, и я готовъ сразиться съ вами, но только на кружкахъ вина, если вамъ угодно. Что̀ мнѣ за дѣло до вашихъ дѣлъ! Богъ вамъ судья и ваша совѣсть! (Выпиваетъ залпомъ кружку вина).

Пью за здоровье всѣхъ истинныхъ евангелическихъ братьевъ; и у кого такая же мужицкая душа, какъ у меня, тотъ пусть выпьетъ со мной! Мнѣ пора въ цейхгаузъ, прощайте! (Уходитъ).

Голосъ (за сценой). Бейте его! Смерть ему!

Менцингенъ. Бѣсовское дѣло они начали, братъ ректоръ.

Ректоръ Безенмейеръ (сидѣвшій у одного изъ столовъ около Мареи). Кто боится дыма, тотъ уходи подальше отъ огня. А что при такомъ величественномъ, божественномъ, очистительномъ пожарѣ есть и немного дыма — неудивительно, и нечего брезгливо отворачивать рыла!

Менцингенъ. Богъ вѣсть, до чего еще дѣло дойдетъ. Всюду злоба, ссоры, неурядицы.

Безенмейеръ. До чего бы ни дошло, братъ, а все-таки теперь лучше, чѣмъ прежде. Не грѣхъ, если они немного поскачутъ, позлятся, надѣлаютъ ошибокъ. Вѣдь они едва только отъ колодокъ освободились. Нельзя было куснуть хлѣба, сдѣлать глотка: на все былъ законъ, — на то, какъ одѣваться и бриться, что̀ дѣлать, чего не дѣлать, и ужъ не знаю, что̀ еще.

(Гулъ и крики приближаются. Вбѣгаетъ Карлштадтъ, мертвенно блѣдный, а за нимъ разъяренный Шеффергансъ и Іергъ Кумпфъ, который хочетъ его схватить).

Карлштадтъ. Помогите, помогите, милые братья!

Шеффергансъ. Чортъ тебѣ поможетъ: онъ твой господинъ! Назвалъ же ты Благодатную Дѣву Марію коровницей, статую ея разбилъ, голову велѣлъ отпилить, дароносицу опрокинулъ, причастіе выбросилъ нечестиво! Чортъ бы тебя побралъ! Кто расшибетъ голову такому нечестивцу, тому не нужно будетъ покупать отпущенія во всю свою жизнь.

Кумпфъ (становится между Карлштадтомъ и Шеффергансомъ). Успокойся, вложи оружіе въ ножны, Шеффергансъ!

Шеффергансъ. Убирайся къ чорту, мальчишка, не то я тебя въ порошокъ сотру! (Снова хочетъ броситься на Карлштадта).

Кумпфъ. Ахъ, ты, поганое брюхо! Я тоже умѣю ругаться не хуже любого ландскнехта. Угомонись, спрячь оружіе, не то...

Шеффергансъ (присмирѣвъ). Не мѣшай мнѣ, братецъ. Вѣдь если я замахнусь, такъ ты задремлешь; а если уложу тебя, ты дополнишь дюжину отправленныхъ мной на тотъ свѣтъ.

Карлштадтъ. Что я тебѣ сдѣлалъ худого, милый братъ? Чѣмъ я согрѣшилъ передъ тобой? За что меня убивать?

Шефферансъ. Не выпущу тебя отсюда живымъ, клянусь честью ландскнехта!

Карлштадтъ (становясь передъ нимъ съ распростертыми руками). Ну, хорошо, бей—и да проститъ тебя Богъ!

Крестьянинъ (тихо Шефферансу). Не дѣлай этого, Шефферансъ. Карлштадта никакое оружіе не беретъ.

Карлштадтъ. Бей, милый братъ,— и да проститъ тебя Господь!

Шефферансъ (какъ бы разбитый таинственной силой, вкладываетъ мечъ въ ножны). Я не боюсь нечистой силы. Я тоже силенъ; но не чортъ, а Богъ мнѣ защита. И я всегда ношу на груди евангеліе Іоанново: оно меня охраняетъ. Ну, а ты чего на меня воззрился?

Крацеръ. Что мнѣ за дѣло до тебя?

Шефферансъ. Я тебя спрашиваю, развѣ ты не покосился на меня?

Крацеръ. Чтобъ тебя всѣ черти побрали! Теперь ужъ ты меня задираешь.

Голоса. Призовите скорѣй сюда Флоріана Гейера.

Шефферансъ. Ну да, притащите сюда эту мокрую курицу и призовите еще десятокъ крестьянскихъ главныхъ хвастуновъ да разныхъ вшивыхъ нищихъ. Я однимъ взмахомъ справляюсь съ двѣнадцатью дюжинами!

(Входятъ Флоріанъ Гейеръ и Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ).

Гейеръ. Что тутъ такое?

Шефферансъ. Я—честный нѣмецкій ландскнехтъ, всегда служилъ императору честью и правдой, никогда не былъ подъ судомъ, не подвергался наказанію или опалѣ. Никогда я также не служилъ французамъ, не шелъ противъ императора и нѣмецкаго народа.

Гейеръ. Ты меня знаешь?

Шефферансъ. Знаю ли я васъ, юнкеръ? Еще бы! Я видѣлъ васъ въ Павіи; и вы, конечно, тоже помните меня. Если хотите, я вамъ спою пѣсню павійскаго напѣва. Развѣ вы не знаете этого напѣва? Чего такъ уставились на меня, юнкеръ? Не убьете меня взглядами! (Поворачивается спиной къ Гейеру и съ наглымъ видомъ подходитъ къ столику). Я никогда не умру: у меня со смертью заключенъ письменный договоръ. Она не тронетъ меня, пока я не прочту «Отче нашъ», а этого ей придется долго ждать. (Смѣется пьянымъ смѣхомъ и начинаетъ напѣвать хриплымъ вызывающимъ голосомъ):

Мы рыпарями были,
Но деньги наши сплыли:
Хотимъ ихъ вновь нажить,
Отбить изъ рукъ желѣзныхъ
Дѣтей и женъ любезныхъ
И въ замкахъ предковъ жить.
Съ народомъ вмѣстѣ станемъ:
Какъ волки, съ нимъ нагрянемъ
На стаю черныхъ рясъ!
Поповъ побьемъ нещадно,
Убьемъ и выпьемъ жадно
Поповскихъ винъ запасъ!
Намъ въ церкви не напрасно
Твердятъ, что мы согласно,
По-братски жить должны...

Гейеръ. Ландскнехтъ!
Шеффергансъ. Ну?
Гейеръ. Спрячь оружіе!
Шеффергансъ. На, скушай!
Гейеръ. Ты самъ откуда?
Шеффергансъ. Я здѣшній, ротенбургецъ.
Гейеръ. Такъ ты долженъ знать законы своего города и исполнять ихъ. (Ударяетъ его кулакомъ по лицу. Шефферганъ безмолвно падаетъ. Карлштадтъ и другіе приводятъ его въ чувство).
Гейеръ (спокойно Карлштадту). Вы не отказываетесь, братъ Андрей, везти пушки?
Карлштадтъ. Нѣтъ, я ихъ повезу, клянусь честью, съ Божьей помощью.
Менцингенъ. Вотъ вы и предвкусили здѣшніе порядки: въ лагеряхъ много бѣшеныхъ и дикихъ неучей.
Карлштадтъ. Сохрани насъ Господь отъ страха передъ людьми. Еще недавно мой шуринъ во Франкфуртѣ и я были единственными евангелическими братьями въ имперіи. Неужели же теперь, когда Господь далъ взойти нашему посѣву, я упаду духомъ и буду прятаться за печкой? Не бывать этому, братья.
Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ. Я какъ разъ изъ Вюрцбурга. Могу васъ честью завѣрить, васъ ожидаетъ тамъ смертельная опасность.
Карлштадтъ. Все въ рукѣ Божіей, мой опасливый братъ. Но я не боюсь вюрцбургскихъ братьевъ: они меня не тронутъ. Бѣдный ослѣпленный Шефферганъ до сихъ поръ служилъ только князьямъ и господамъ. А они меня всегда гнали и преслѣдовали, искали моей смерти и наговаривали на меня своимъ слугамъ, какъ на чернаго дья-

вольскаго злодѣя. Зато бѣдный народъ, что̀ живетъ въ лачугахъ, спитъ на соломѣ и гложетъ корку, хорошо знаетъ брата Андрея.

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ. Все это прекрасно, и противъ этого ничего нельзя было бы сказать, если бы Лютеръ не писалъ противъ васъ.

Карлштадтъ (яростно). Лютеръ привязанъ къ хвосту сатаны! Еще двѣ недѣли тому назадъ онъ неистовствовалъ противъ князей и господъ: «если же васъ крестьяне не убьютъ, то это должны сдѣлать другіе». Теперь онъ вопитъ противъ крестьянъ: «коли ихъ, бей, души, изъ пушекъ въ нихъ пали!»

Менцингенъ. А все-таки Лютеръ много значитъ для народа.

Карлштадтъ. Значитъ, сатана ослѣпилъ людей, если они вѣрятъ человѣку, который вчера говорилъ медовыя рѣчи, а сегодня изрыгаетъ хулу. Лютеръ не понимаетъ дѣла. Насъ онъ обзываетъ нечистой силой, злыми духами; а все это потому, что ему удобно и пріятно возвѣщать устами евангеліе, поучать, спорить: жить же по евангелію ему неудобно. А между тѣмъ слова и жалкія рѣчи одинъ только дымъ. Сбросить мѣховыя одежды, отказаться отъ высокомѣрія, роскоши и богатства, одѣть сермягу, да и ту, коли нужно, отдать ближнему—вотъ что̀ сдѣлалъ я; а Лютеру это непонутру. Я Лютера хорошо знаю. Я его возводилъ въ докторское званіе. Онъ меня называлъ своимъ почтеннымъ учителемъ и другомъ. Теперь онъ сталъ моимъ злѣйшимъ врагомъ. Но я такъ же мало обращаю вниманія на его ругательскія книжки, какъ на камешки, на которые наступаетъ моя нога. Прощайте, милые братья! Что̀ бы со мной ни случилось, на то воля Божья. (Пожавъ многимъ руки, уходитъ въ сопровожденіи слѣпого монаха).

Гейеръ. Я не могу теперь ѣхать къ маркграфу, Стефанъ.

Менцингенъ. Не приснились ли тебѣ мертвыя рыбы, или, можетъ-быть, заяцъ перебѣжалъ дорогу?

Гейеръ. Мнѣ не терпится. Я загналъ бы трехъ коней, чтобъ только какъ можно скорѣй быть въ Вюрцбургѣ. Раскаиваюсь, что уѣхалъ оттуда. (Пьетъ). Хорошее вино, братъ!

Крацеръ. Еще бы! Фрицъ Тейберъ, слуга при городской думѣ, принесъ четыре кружки для тебя: это дума свидѣтельствуетъ тебѣ свое почтеніе.

Гейеръ (смѣется). Вотъ потѣха! Изъ почтенія мнѣ шлютъ

старое вино. Дай Богъ, чтобы новое, которое я сюда ввезъ, пришлось имъ такъ же по вкусу, какъ мнѣ старое.

Менцингенъ (вынимая изъ хозяйскаго шкапа ризу и распятіе). Смотри, какая великолѣпная работа!

Гейеръ (смѣясь). Гдѣ вы стащили эти вещи?

Менцингенъ. Мы ихъ спасли отъ ярости Карлштадта. Онъ того мнѣнія, что не нужно ни иконъ ни рѣзныхъ изображеній: все должно быть запечатлѣно только въ сердцѣ.

Гейеръ (разглядывая распятіе). Богоданная работа!

Крацеръ. Это — рѣзьба Вейта Штоса, котораго въ Нюренбергѣ заклеймили на обѣ щеки.

Гейеръ. А на что вамъ эти вещи?

Менцингенъ. Это тебѣ подарокъ, чтобы ты не считалъ насъ, ротенбургцевъ, скрягами.

Гейеръ. Спасибо, Стефанъ. Спрячьте это пока, братъ Крацеръ. Я потребую эти вещи у васъ, когда мы вмѣстѣ будемъ ѣсть зайца, который теперь еще прячется въ лѣсу.

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ (пьетъ, обращаясь къ Гейеру). За твое здоровье, шуринъ.

Ректоръ Безенмейеръ. Есть у васъ извѣстія, братъ, изъ вюрцбургскаго лагеря?

Гейеръ. Нехорошо тамъ. Въ военномъ совѣтѣ раздираются изъ-за выѣденнаго яйца. Тамъ полное безначаліе. Данное мнѣ обѣщаніе они не сдержали, конницы не навербовали и даже распустили ландскнехтовъ, бывшихъ въ лагеряхъ; они ушли къ врагу. Но я все-таки не унываю и не страшусь. Мой оплотъ—Черное войско.

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ. Три дня тому назадъ я пріѣхалъ въ Вюрцбургъ, а черезъ день уѣхалъ оттуда. Видно было, что Гейера нѣтъ въ лагерѣ. Всѣ поголовно были пьяны. Мнѣ пришлось сойти съ коня и вести лошадь подъ уздцы по улицамъ, чтобы не переѣхать какого-нибудь пьяницу, женщину или ребенка.

Менцингенъ. Хорошія вѣсти отъ маркграфа?

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ. Онъ хочетъ послать въ крестьянскій лагерь двухъ совѣтниковъ.

Гейеръ (рѣшительно). Ладно.

Менцингенъ. Развѣ ужъ началась пальба?

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ. Да, они палятъ изо всѣхъ силъ съ валовъ и изъ замка. Много ужъ бѣды надѣлали въ городѣ, и много крестьянъ убито.

Гейеръ. Въ Вюрцбургъ! Въ Вюрцбургъ! (Крики на улицѣ: «Да здравствуетъ Флоріанъ Гейеръ!»). Что это значитъ?

Крацеръ. Хотятъ васъ видѣть прежде, чѣмъ вы уѣдете.

Безенмейеръ. Пожалуйста, братъ Гейеръ, скажите имъ доброе словечко на прощанье, сильное словечко: оно есть у васъ въ сердцѣ,—не то, что̀ у разныхъ oratores и проповѣдниковъ.

Гейеръ (подходитъ къ окну и говоритъ собравшимся на улицѣ). Спасибо, милые крестьянскіе братья! Прощайте, милые евангелическіе братья! Я ухожу отъ васъ, чтобы довести до счастливаго конца дѣло, начатое по волѣ Божіей. Въ Кифгейзерѣ повѣяло новою жизнью; скрытый императоръ просыпается и расправляетъ члены. Барбаросса воскресъ и заступится за насъ своей мощью. Дочь богача онъ дастъ въ жены бѣдняку. Онъ уничтожитъ поповъ и монаховъ, истребитъ несправедливость и возстановитъ право. Имперія должна быть «реорганизована», передѣлана: это начнется съ Франконіи. Франконцы создали старый имперскій укладъ: они же создадутъ и новый. Избирательное право принадлежитъ намъ, народу, а не князьямъ. Что̀ для насъ испанскій Карлъ? Это—чужеземецъ, не понимающій нашихъ нуждъ. Мы хотимъ нѣмецкаго, евангелическаго главу государства, народнаго императора, а не поповскаго. Онъ долженъ дать коронаціонную присягу, но не такую, въ которой изъ шести статей двѣ только относятся къ народу, а четыре—къ папству. И подобно тому, какъ новоизбранный императоръ долженъ отвѣтить: «Я это сдѣлаю», такъ я говорю: я сдѣлаю, сдѣлаю, сдѣлаю! Расчищу путь Барбароссѣ.

(Восторженные крики на улицѣ: «Да здравствуетъ Флоріанъ Гейеръ!». Всѣ присутствующіе въ комнатѣ присоединяются къ нимъ. Они толпятся вокругъ Гейера, который всѣмъ пожимаетъ руки. Улыбки, растроганныя восклицанія, приподнятое настроеніе. Крики: «Союзный Лапоть!»).

Гейеръ (увидавъ платокъ, въ которомъ лежатъ раки, со смѣхомъ вынимаетъ одного изъ нихъ и говоритъ шутливо). Старый ракъ учитъ молодыхъ пятиться назадъ.

Безенмейеръ. Пресвятая Дѣва! Чуть не забылъ, братъ! Тутъ дѣвка съ порученіемъ къ тебѣ.

(Гейеръ и Безенмейеръ подходятъ къ Марей и будятъ ее).

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ (разсказываетъ черезъ столъ грубымъ и надменнымъ тономъ). Недавно я пересолилъ рака одному человѣку, слугѣ бывшаго вюрцбургскаго попа. Онъ ловилъ рыбу и раковъ въ моихъ прудахъ и рѣкахъ, словно въ епископскихъ владѣніяхъ. Я велѣлъ моимъ слугамъ схватить его и повѣсить на ивѣ надъ ручьемъ, въ кото-

ромъ онъ такъ любилъ ловить раковъ; на него надѣли длинное бѣлое платье, расписанное раками и рыбами. Болѣе трехъ недѣль къ нему слетались вороны, и ужъ онъ больше ни одного рака не словилъ. Такъ я отъ него отдѣлался, чортъ побери!

Крацеръ. Ходятъ слухи, что Трухзесъ Вальдбургскій выигралъ сраженіе противъ крестьянъ недалеко отъ Боблингена.

Менцингенъ. Вранье, выдумки господъ и поповской челяди, чтобъ посѣять страхъ и смуту въ народѣ.

Кумпфъ (входитъ и становится на вытяжку передъ Гейеромъ). Я пришелъ доложить вамъ, братъ Гейеръ, что пушки двинулись.

Менцингенъ. Что вы тамъ возитесь съ дѣвкой?

Гейеръ (расталкивая Марею). Эй, ну, проснись!

Безенмейеръ. Вотъ письмо къ вамъ.

Гейеръ (распечатывая его). Отъ брата Лёфельгольца, моего полевого писца. Оно написано по-латыни: я по-латыни не понимаю. (Передаетъ письмо ректору Безенмейеру, который удаляется съ нимъ). Ну, что, проснулась? Что тебѣ велѣли устно передать?

Менцингенъ. Ты ее знаешь?

Гейеръ. Какъ не знать! Она болѣе двухъ лѣтъ живетъ у меня въ палаткѣ. Я ее съ трудомъ откупилъ у одного богемскаго рейтера.

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ. Хочешь, зятекъ, пятьдесятъ золотыхъ гульденовъ за дѣвку?

Менцингенъ. На что она тебѣ? Прислуживать?..

Гейеръ. Прибереги свое золото, зятекъ! Она ни къ чему непригодна: умѣетъ только немного играть на лютнѣ.

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ. Сто гульденовъ золотомъ, зятекъ!

Гейеръ. И за тысячу не отдамъ, и за десять тысячъ. Да если-бъ ты ее сегодня увезъ, она бы завтра утромъ все равно очутилась у меня въ палаткѣ... Что дѣлаетъ Теллерманъ?

Марея. Теллермана заковали въ цѣпи

Гейеръ. Что дѣлаетъ Теллерманъ, Марея? Не слышишь, о чемъ тебя спрашиваютъ?

Марея (упрямо). Слышу.

Гейеръ. Вылей вина и подкрѣпись. Ты долго блуждала?

Марея. Нѣтъ, капитанъ.

Гейеръ. Давно ты изъ Вюрцбурга?

Марея. Вчера послѣ ужина.

Гейеръ. Кто тебя отправилъ?

Марея. Братъ Лёфельгольцъ.

Гейеръ. Какъ поживаетъ братъ Лёфельгольцъ?

Марея. Онъ лежитъ больной въ палаткѣ, капитанъ.

Гейеръ. Пошли ему Господь выздоровленіе. А что дѣлаетъ Теллерманъ?

Марея. Теллермана заковали въ цѣпи.

Менцингенъ. Она не въ своемъ умѣ, бредитъ...

Марея. Я въ своемъ умѣ и говорю правду.

Гейеръ (кричитъ на нее). Кого заковали въ цѣпи?

Марея. Теллермана.

Гейеръ. Теллермана? Моего лейтенанта?

Марея. Да, капитанъ.

Гейеръ. Но... Кто заковалъ Теллермана въ цѣпи?

Безенмейеръ (возвращается).

Менцингенъ. Что у ректора?

Крацеръ. Какія вѣсти?

Безенмейеръ (блѣдный и страшно взволнованный). Хорошія... Ничего, милые братья...

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ. Боюсь, что въ этомъ письмѣ самъ чортъ сидитъ.

Староста (входитъ веселый, свѣжій и бодрый). Идемъ, капитанъ! Впередъ съ пушками, и да поможетъ намъ Богъ! Городскіе флейтщики сопровождаютъ насъ.

Гейеръ. Тысячу чертей! Затвори дверь. Говорите, братъ, что тамъ въ письмѣ?

Безенмейеръ. Тутъ два письма; я прочелъ только первое до половины. Оно отъ Венделя Гипплера изъ Гейльброна: братъ Лёфельгольцъ переслалъ его вмѣстѣ со своимъ письмомъ.

Крацеръ. Какъ это Вендель Гипплеръ очутился въ Гейльбронѣ, братья?

Менцингенъ. Ахъ, да развѣ я не говорилъ тебѣ, что онъ и другіе члены крестьянскаго совѣта обсуждаютъ великую имперскую реформацію.

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ. Крестьяне разогнали изъ Вюрцбурга всѣ умныя головы: у нихъ остались только набитыя сѣномъ.

Староста. Что тутъ такое? Какія у васъ извѣстія?

Гейеръ. Да не медлите же, братъ ректоръ! Что пишетъ Гипплеръ?

Безенмейеръ. Трухзесъ Вальдбургскій выигралъ сраженіе.

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ. Значитъ, слухъ былъ вѣренъ?

Гейеръ. Гдѣ?

Безенмейеръ. Около Боблингена. Двадцать тысячъ крестьянъ побито.

Гейеръ. Двадцать тысячъ... Скорѣй коня! Въ Вюрцбургъ! Въ Вюрцбургъ!

Менцингенъ. Двадцать тысячъ крестьянъ убито?

Безенмейеръ. И одного они живьемъ схватили, — того самаго, который въ Вейнсбергѣ подыгрывалъ, когда вели на казнь Дитриха фонъ-Гельфенштейна.

Староста. Ну, если этого казнили, чортъ съ нимъ!

Безенмейеръ. Его казнили, но, съ позволенія сказать, какъ дьяволы казнятъ злодѣя. Трухзесъ велѣлъ, на виду у всѣхъ, привязать его къ дереву желѣзными цѣпями; въ нѣкоторомъ разстояніи разложенъ былъ огонь, на которомъ бѣдняга медленно испарялся и поджаривался. И онъ метался на цѣпи, какъ собака, гоготалъ, кричалъ, сквернословилъ, ревѣлъ. А господинъ Іергъ Трухзесъ и разные графы и дворяне все время собственноручно подкладывали дровъ въ костеръ, пока несчастный не умеръ въ корчахъ и мученіяхъ...

Гейеръ. Такъ и я такъ же поступлю съ тобой и съ твоими мерзостными приспѣшниками, смердящими псами и разбойниками! Клянусь свѣтомъ небеснымъ, что тебѣ воздастся по заслугамъ. Въ Вюрцбургъ, въ Вюрцбургъ! (Хочетъ уйти).

Безенмейеръ. Послушайте, что̀ пишетъ Лёфельгольцъ.

Староста. Что̀ онъ пишетъ?

Гейеръ (вспомнивъ слова Мареи, обращается къ ней). Что̀ ты такое бредила про Теллермана? Кто его заковалъ въ цѣпи?

Безенмейеръ (быстро). Вюрцбургскій замокъ штурмовали.

Староста. Сто тысячъ чертей, что̀ это значитъ?

Гейеръ (кричитъ). Это неправда.

Безенмейеръ. Нѣтъ, правда: здѣсь написано.

Староста. Штурмовали?

Безенмейеръ. Сначала они бросились на окопы!...

Староста. Предательство! Низость!

Гейеръ. Низость! Проклятая измѣна!

Староста. Что̀, не послушался меня, братъ Гейеръ!

Лучше бы ты пригвоздилъ Коля и Верттейма, Гёца и Геннебергца, чѣмъ самому ѣхать сюда!

Гейеръ. Вѣдь они мнѣ поклялись честью и совѣстью, что никто не возьметъ щита въ руки, не приставитъ лѣстницы для штурма, прежде чѣмъ не будетъ сдѣлано пролома. Они клялись всѣмъ святымъ, что и рѣчи не будетъ о штурмѣ, прежде чѣмъ я не приведу въ лагерь ротенбургскія пушки.

Староста. Измѣна! Низость!

Безенмейеръ. Крестьянскія рати настояли на штурмѣ.

Староста. Братъ, что я говорилъ? Что мы тогда тебѣ всѣ говорили—въ Неймюнстерѣ, въ залѣ капитула? Стань господиномъ надъ ними, подчини ихъ тебѣ, управляй ими желѣзной рукой для ихъ блага, для нашего общаго блага.

Гейеръ (къ Мареѣ). А наши Черные тоже были тамъ?

Марея. Да, капитанъ. Когда начали трубить въ рога, призывая всѣхъ, кто хочетъ сражаться, наши развернули знамя Дикаго Человѣка. Большинство Черныхъ собралось вокругъ него, и ничего нельзя было подѣлать съ ними. Теллерманъ сталъ ихъ отговаривать, сказалъ имъ, что далъ тебѣ клятву не начинать штурма, пока ты не вернешься въ лагерь. Куда тебѣ! Поднялся ревъ, шумъ. Они кричали, что тоже хотятъ принять участіе въ пляскѣ. Многіе кричали, что ты—тайный слуга французовъ, и ругали тебя злыми, непристойными словами. Теллерманъ назвалъ ихъ бунтарями, клятвопреступниками, безчестной челядью...

Гейеръ. Ну да! И тогда его заковали въ цѣпи... Еще одно скажите, братъ ректоръ! Конечно, такой штурмъ не удался, рухнулъ, пропалъ?

Безенмейеръ. Да, братъ Гейеръ!

Гейеръ. Ну да, конечно! (Начинаетъ снимать латы).

Староста. Пора намъ взяться за дѣло, чортъ возьми!

Гейеръ. Слишкомъ поздно! Сколько погибло изъ моихъ Черныхъ?

Безенмейеръ. Больше половины.

Гейеръ. И все молодцы на подборъ! Помоги мнѣ, Марея.

Староста. Громъ и молнія, братъ! Что ты намѣреваешься дѣлать?

Гейеръ. Я поступлю къ Братьямъ-Общинникамъ: буду списывать книги и разносить нѣмецкія библіи.

Староста. Что ты, братъ, шута разыгрываешь?

Гейеръ (отстегивая мечъ). Почему же мнѣ не быть шутомъ, когда всѣ стали шутами?

Староста. Да ты съ ума сошелъ, братъ?

Гейеръ. Напротивъ, я образумился.

Безенмейеръ. Развѣ вы не поѣдете съ нами въ Вюрцбургъ?

Гейеръ. Въ Вюрцбургъ? Нѣтъ, клянусь Богомъ, не поѣду!

Староста. Чтобъ тебѣ провалиться! Ты отступаешься отъ насъ? Не хочешь съ нами въ лагерь ѣхать?

Гейеръ. Въ такомъ видѣ?

Староста. Такъ надѣнь опять вооруженіе.

Гейеръ. Хотя бы я теперь два меча привѣсилъ къ поясу и три кирасы надѣлъ, я ужъ больше не гожусь для этой игры: я безполезенъ, какъ трехлѣтній ребенокъ.

Безенмейеръ. Флоріанъ Гейеръ, вейнсбергскій герой!

Гейеръ. Ради Бога, оставьте меня въ покоѣ! (Быстро уходитъ).

Староста. Клянусь святымъ Георгіемъ, Гейеръ долженъ ѣхать съ нами!

Фейстле (входитъ, наталкивается на старосту и докладываетъ). Конные гонцы отъ маркграфа Казиміра.

Менцингенъ (Грумбаху, который встаетъ и направляется къ двери). Ты куда?

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ. Ѣду гонцомъ въ Ансбахъ, къ маркграфу Казиміру.

Менцингенъ. Дай Богъ, чтобъ Гейеръ поѣхалъ съ тобой! Теперь насъ можетъ спасти только маркграфъ.

Староста. Гейеръ долженъ ѣхать съ нами. Это необходимо, необходимо!..

Менцингенъ. Попытайся уговорить его, братъ староста.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Небольшая комната въ ратушѣ Швейнфурта. Справа входъ въ большую залу думы. Лефельгольцъ, съ холоднымъ компрессомъ на головѣ, очень блѣдный и больной, сидитъ у стола надъ бумагами. Сарторіусъ сидитъ противъ него. Нѣсколько людей ждутъ, сидя на скамьяхъ. Среди нихъ старый еврей Іоська.

Сарторіусъ. Если-бъ хоть придумали что-нибудь на земскомъ сеймѣ.

Лефельгольцъ. Какъ бы только маркграфъ не выступилъ тѣмъ временемъ. Эй, еврей, послушай!

Іоська. Что, ваша милость?

Лефельгольцъ. Какъ долго таскался ты за Трухзесомъ и союзными войсками?

Іоська. Бѣдному еврею приходится вѣчно шататься по бѣлу свѣту, не зная покоя. Я шелъ за союзнымъ войскомъ больше четырехъ недѣль. Боже праведный, какой жестокій господинъ этотъ Трухзесъ! Всѣ деревья онъ увѣшалъ крестьянскими трупами. Больше шести тысячъ казнены уже по его приказанію профосомъ Швабскаго Союза. Господи Боже мой! Господи Боже мой!

Сарторіусъ. Кто тебя сюда прислалъ?

Іоська. Его милость господинъ юнкеръ Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ.

Сарторіусъ. Гдѣ ты видѣлъ его милость въ послѣдній разъ?

Лефельгольцъ. Милостивъ Богъ, а не такой червивый мѣшокъ, какъ братъ Грумбахъ.

Іоська. Съ вашего позволенія, я видѣлъ его у его свѣтлости маркграфа Ансбахскаго, въ лагерѣ близъ Китцингена.

Сарторіусъ. Развѣ маркграфъ стоитъ уже подъ Китцингеномъ?

Іоська. Клянусь честью, такъ. Умереть мнѣ на этомъ мѣстѣ, если маркграфъ не стоитъ подъ Китцингеномъ.

Сарторіусъ. Такъ помоги, Господи, моему юнкеру убѣдить маркграфа, чтобъ онъ принялъ Гейера и вошелъ съ нимъ въ переговоры.

Лефельгольцъ. Я вѣрю Вильгельму фонъ-Грумбаху столько же, сколько лисѣ.

Іоська. Юнкеръ Грумбахъ—машгэ.

Сарторіусъ. Что это—*машгэ?*

Іоська. Онъ—машгэ, шазоль, шуфъ *).

Сарторіусъ. Это по-еврейски?

Іоська. Да, ваша высокоученость, по-еврейски. Это, ваша высокоученость, языкъ, которымъ Богъ говорилъ съ человѣкомъ.

Линкъ (входя). Слышали? Въ городѣ говорятъ, будто союзники до тла сожгли Вейнсбергъ.

Лефельгольцъ. Откуда у васъ такія вѣсти?

Іоська. Это правда, господа, все совершенная правда. Вейнсбергъ сожженъ до тла.

---

*) Древне-еврейскія ругательства: безумецъ, подлый.

Линкъ (грубо). Ты при этомъ былъ, жидъ?

Іоська (Линку). Былъ и видѣлъ, какъ горѣлъ Вейнсбергъ: это такъ же вѣрно, какъ то, что вы мнѣ должны сто гульденовъ. Господи Боже мой! Я этого никогда не забуду, если бы прожилъ дольше, чѣмъ Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ. Они выгнали изъ города сюда, въ Швейнфуртъ, женщинъ и дѣтей: вѣдь вооруженныхъ мужчинъ тамъ не было. Женщины кричали, плакали, рвали на себѣ волосы; но легче разжалобить камни, чѣмъ Георга Трухзеса.

Линкъ. Еще одну зарубку сдѣлаемъ на копьѣ. Чѣмъ виновнѣе онъ, тѣмъ страшнѣй будетъ расплата. Mort de ma vie! Я Трухзеса буду до тѣхъ поръ щекотать желѣзомъ, пока изъ него не вытечетъ весь красный сокъ.

Лефельгольцъ. Ну, наши вороны запѣли соловьемъ! Не горячись, братъ Линкъ! Твои высокопарныя угрозы не сшибутъ врага съ ногъ.

Линкъ (смѣясь громко и смущенно). Mort de ma vie! (Направляясь въ залу засѣданія) Какая вѣдьма въ насъ вселилась, что вы все дѣлаете кислыя рожи? (Уходитъ).

Іоська. Онъ всегда навеселѣ. Мнѣ пришлось дать ему взаймы сто гульденовъ да еще заплатить пятьдесятъ гульденовъ откупа, чтобы онъ въ Вюрцбургѣ не ворвался ко мнѣ въ домъ со своими собутыльниками.

Фламменбекеръ (входитъ).

Лефельгольцъ. Видали вы кого-нибудь изъ маркграфскаго посольства въ городѣ?

Фламменбекеръ. Нѣтъ, братъ.

Сарторіусъ. Не встрѣтили ли вы юнкера Грумбаха?

Фламменбекеръ. Надменнаго гонителя крестьянъ, который вѣчно ѣздитъ, обвѣшанный золотомъ и серебромъ? Что мнѣ за дѣло до него? (Садится, зѣвая, на скамейку).

Бубенлебенъ (входя). Съ добрымъ утромъ, милые братья! Какъ поживаете, милые братья?

Сарторіусъ. Боюсь, что будетъ печальный сеймъ. Письма, бумаги, бумажныя посольства, отговорки! Нюренбергскіе пречные мѣшки отказались пріѣхать. Виндгеймъ тоже не пріѣдетъ.

Ректоръ Безенмейеръ (входя). Bona dies! Добрый день!

Лефельгольцъ. Bene veneritis nobis! Добро пожаловать!

Безенмейеръ. Ты боленъ, братъ?

Лефельгольцъ. Очень. На меня наѣхала лошадь: прямо въ грудь ударила, проклятая!

Безенмейеръ. Оставь работу, братъ, поди прилечь.

Лефельгольцъ. Сохрани меня Богъ! Чтобы меня палачъ вытащилъ изъ постели?

Безенмейеръ. Неужели до того дойдетъ, братъ?

Лефельгольцъ. Да, жалкій будетъ сеймъ.

Ректоръ. Sursum corda *)!

Лефельгольцъ. Sursum corda! Пора бы и покушать.

Безенмейеръ (подходя ближе). Мнѣ кажется, милые братья, что сеймъ созванъ поздненько.

Бубенлебенъ. Когда же было созвать его за послѣднее время?

Безенмейеръ (Лефельгольцу). Когда крестьянскія войска подступали къ Вюрцбургу. Дворяне тогда превратились въ старыхъ бабъ и умирали отъ страха. Графы Гогенлоэ были у насъ въ рукахъ. Геннебергъ и Вертгеймъ примкнули къ братству. Маркграфъ былъ въ очень стѣсненномъ положеніи: собственные подданные отказывали ему въ повиновеніи. Франконцы грозили ему изъ Лауды и Ауба. Нашъ Ротенбургъ закрылъ передъ нимъ ворота. Въ Верхнемъ Пфальцѣ готовилось возстаніе. Епископъ вюрцбургскій, также какъ и бамбергскій, были въ такомъ безвыходномъ положеніи, что не могли ничему препятствовать, также какъ Майнцъ, Страсбургъ и баденскій маркграфъ. Курфюрстъ пфальцскій тоже прислалъ бы представителей на сеймъ: онъ не имѣлъ бы возможности отказаться.

Лефельгольцъ (говоритъ съ усиліемъ). Гейеръ все время требовалъ, чтобы созвали сеймъ. Это было его ceterum censeo **). Но, чортъ возьми, никто изъ нашихъ не хотѣлъ его слушать. Тогда еще Трухзесъ не взялъ Боблингена, вюрцбургскія рати еще не были имъ разбиты... Эхъ, дьяволъ васъ побери! Вотъ когда всѣ эти князья, господа и представители городовъ прибѣжали бы, какъ послушныя собачки! А сегодня они замѣшкались... Присядьте около меня, братъ ректоръ.

Безенмейеръ (садится около Лефельгольца и углубляется вмѣстѣ съ нимъ въ чтеніе какого-то листка).

Сарторіусъ. Ничего вы не слыхали о мосьѣ вонкерѣ, братъ Бубенлебенъ?

Безенмейеръ. Что это вы читаете?

Лефельгольцъ. Планъ государственнаго устройства.

---

*) Горѣ сердца — слова священника при освященіи св. даровъ. Наше: «горѣ имѣемъ сердца».

**) Извѣстная фраза Катона: «Ceterum censeo Carthaginem delendam esse», т.-е. «а все-таки Карѳагенъ долженъ быть разрушенъ».

Вѣдь вы знаете, братъ ректоръ, что все крестьянство нѣмецкаго народа выбрало комиссію для обсужденія государственной реформаціи и новаго уложенія? Комиссія засѣдала въ Гейльбронѣ, съ Венделемъ Гипплеромъ во главѣ, пока не явился Трухзесъ. Тогда члены комиссіи такъ быстро разбѣжались, что даже забыли захватить съ собой сѣдла. А планъ хорошій: никогда еще я не читалъ такой хорошей бумажки! Тутъ отставляются сотни чеканщиковъ и установляется единство монеты для всей германской націи. Уничтожается грабительство компаній богачей, всѣхъ этихъ проклятыхъ Фуггеровъ, Вельзеровъ и Гохштетеровъ, которые облагали податями и бѣднаго и состоятельнаго. Отмѣняются пошлины.

Іоська (заглядываетъ имъ черезъ плечо). Боже мой, Боже мой! Побывали-бъ вы въ погребахъ аугсбургскихъ Фуггеровъ и у Вельзеровъ во Франкфуртѣ, какъ я! Они меня вонючимъ жидомъ обозвали, ростовщикомъ, а сами тѣмъ же дѣломъ занимаются, только не по мелочамъ. Боже мой, Боже мой! Они обманываютъ сотни, тысячи бѣдныхъ вкладчиковъ, объявляютъ себя банкротами, а сами потомъ больше богатѣютъ. Бѣднымъ же евреямъ въ чужомъ пиру похмелье. Я никогда не подшафранивалъ мяса, не подмѣшивалъ грязи въ лавровый листъ и липоваго листу въ перецъ, не продавалъ сосновыхъ иголъ за корицу; а бѣдный еврей долженъ за все отдуваться. Майнцкій курфюрстъ, Альбрехтъ фонъ-Бранденбургъ, хотѣлъ устроить всеобщій союзъ, чтобъ навсегда изгнать евреевъ изъ Майнца; а самъ больше любитъ золото, чѣмъ жидовѣйшій жидъ. Я могъ бы его купить съ кожей и волосами, если-бъ имѣлъ достаточно червонцевъ въ карманѣ.

Менцингенъ (входитъ въ латахъ и хлопаетъ Іоську по плечу). Что это ты тутъ лопочешь, Іоська? Сколько обѣднѣвшихъ дворянъ ты опять зажарилъ на своемъ вертелѣ за послѣднее время?

Іоська. Ахъ, горе мнѣ, господинъ! Не насмѣхайтесь надо мной, строгій судья! А отчего дворяне бѣднѣютъ, благородный рыцарь? Одна овдовѣвшая дворянка продала мнѣ деревню за синее бархатное платье, которое ей нужно было одѣть, чтобы отправиться на турниръ.

Лефельгольцъ. Еврей говоритъ, что маркграфъ стоитъ подъ Китцингеномъ.

Менцингенъ. Въ кабакахъ ходитъ по рукамъ письмо Кумпфа, который теперь находится въ вюрцбургскомъ ла-

герѣ. Онъ сообщаетъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что маркграфъ пришлетъ своего умолномоченнаго на сеймъ.

Іоська. Не вѣрьте, господа!

Менцингенъ. А Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ еще не пріѣхалъ?

Сарторіусъ. Я объ этомъ хотѣлъ у васъ спросить, братъ Менцингенъ.

Менцингенъ. Я обѣгалъ всѣ гостиницы, всюду разспрашивалъ, но нигдѣ не нашелъ.

Іоська. Еще бы! Юнкеръ Грумбахъ наврядъ ли пріѣдетъ.

Менцингенъ. Это почему?

Іоська. Онъ носитъ на шляпѣ высокія перья, а поэтому знаетъ, откуда вѣтеръ дуетъ.

Сарторіусъ. Юнкеръ больше ничего не поручалъ тебѣ намъ сказать?

Іоська. Онъ велѣлъ мнѣ ждать здѣсь его шурина, Флоріана Гейера, у котораго есть дѣло ко мнѣ.

Менцингенъ. Онъ денегъ у тебя потребуетъ, много денегъ. Приготовься къ этому! Гейеръ въ двухъ мѣстахъ собираетъ войско.

Іоська. Боже милосердый! Откуда же я возьму много денегъ? Приходитъ бѣдный ландскнехтъ и приноситъ старую ризу, которую онъ стащилъ: подавай ему денегъ! Приносятъ старые мечи, мѣдныя украшенія, цѣпи, шпоры, негодный награбленный хламъ: подавай за все это денегъ! Развѣ у меня рудники лежатъ въ закладѣ? Золото я, что ли, дѣлаю? Какъ будто мало французскихъ штиверовъ и золотыхъ кронъ въ оборотѣ, Господи Боже мой!

Лефельгольцъ. А Гейеръ пріѣдетъ въ Швейнфуртъ?

Менцингенъ. Онъ давно здѣсь живетъ въ гостиницѣ. Развѣ вы не знаете?

Лефельгольцъ. Пресвятая Дѣва Марія! И понятія объ этомъ не имѣлъ.

Коль (входитъ блѣдный и смущенный). Здравствуйте, господа!

Менцингенъ. Спасибо, братъ Коль! Не знаешь ли, не прибыло ли посольство отъ маркграфа?

Коль. Не знаю: у меня сегодня въ головѣ мутится. Мнѣ пришлось спать въ конюшнѣ, около лошадей. Туда пришла послѣ полуночи какая-то старуха и паренекъ съ нею. Они хныкали и плакали до самаго утра. Я не могъ глазъ сомкнуть.

Лефельгольцъ (дрожа въ лихорадкѣ). Ахъ, милый мой, одинъ чортъ можетъ теперь спокойно спать! Съ тѣхъ поръ,

какъ вы, наперскоръ соглашенію, вздумали штурмовать Гору Богоматери, я не ложился въ постель.

Коль. Поблагодарите за это Бубенлебена.

Бубенлебенъ. Чего ты теперь на меня взъѣлся?

Коль. Я только правду говорю, больше ничего, чортъ возьми. Ничего!

Мартинъ (входитъ съ бумагами и заявляетъ громкимъ голосомъ). Флоріанъ Гейеръ въ городѣ. (Волненіе).

Бубенлебенъ. Зачѣмъ онъ намъ здѣсь? Когда мы въ немъ нуждались, онъ не являлся.

Лефельгольцъ. Чтобъ тебя громомъ сразило, попъ, неужели ты до сихъ поръ не образумился? Когда будетъ конецъ твоему высокомѣрію? Сначала вы сплетничали, что Гейеръ—врагъ евангелической свободы; потомъ строили адскія козни вмѣстѣ съ господами дворянами, съ Гёцомъ и Геннебергцемъ, хотя и говорили до того, что не хотите имѣть съ ними ничего общаго. Вѣдь вы послали Гейера гонцомъ въ Ротенбургъ, въ угоду рыцарямъ и господамъ, грабителямъ и душегубамъ! Въ его отсутствіи вамъ вольготно было сговориться съ гарнизономъ, и всякій искалъ только своей выгоды: не было никого, кто бы вамъ помѣшалъ. Потомъ вы допустили штурмъ, хотя обѣщали въ военномъ совѣтѣ Гейеру, что ни одинъ евангелическій братъ не приставитъ лѣстницы къ стѣнѣ, пока не вернется Гейеръ и не сдѣлаетъ бреши ротенбургскими пушками. Теллермана вы заковали въ цѣпи...

Бубенлебенъ. Это сдѣлали Черные, а не мы.

Лефельгольцъ. А кто ихъ натравилъ, кто смуту посѣялъ и превратилъ благочестивыхъ, честныхъ, храбрыхъ слугъ въ бунтовщиковъ? Накали васъ чортъ добѣла, братъ Бубенлебенъ! Рейнъ называютъ поповской улицей. Да, и когда попы вступаютъ на корабль, матросы ругаются и крестятся: есть повѣрье, что попы приносятъ бѣду кораблю. Вы нашему кораблю принесли несчастье, ужасы, нищету! Гейера съ его Черными Господь тѣсно соединилъ, какъ рукоять меча съ рукой воина: вы разорвали этотъ союзъ. Одна рука ни къ чему, и мечъ безъ руки никуда не годится. Вы повели тысячи крестьянскихъ братьевъ на замокъ, какъ на убой. Конечно, потомъ, когда большая часть была убита и безмолвствовала, а другая была ранена на смерть, обожжена смолой и сѣрой, и ползала во рвахъ Горы Богоматери, ослѣпнувъ отъ пороха, съ криками и стонами, тогда вамъ понадобился Флоріанъ Гейеръ. Тогда онъ вдругъ

пересталь быть французомъ. Тогда вы стали звать его, посылать за нимъ гонца за гонцомъ. А Гейеръ-то и не явился на вашъ зовъ. И зачѣмъ бы ему являться? Сколько хлѣба ни суй мертвому въ ротъ, онъ все равно не оживетъ.

Коль. Я умываю руки.

Бубенлебенъ. Теперь Коль хочетъ выпутаться изъ силка, какъ будто не онъ хорохорился и величался. А развѣ не ты проповѣдывалъ крестьянамъ, что въ замкѣ несмѣтныя богатства? Не ты говорилъ, что имъ придется увозить на возахъ золотую и серебряную утварь, а бархатъ отмѣривать длинными копьями? Не ты ли дерзко утверждалъ, что не успокоишься, пока не опочишь на шелковой постели епископа, не выпьешь изъ его золотого бокала самаго стараго вина въ погребѣ? Не ты ли говорилъ, что тебѣ будутъ прислуживать каноники, а когда напьешься и тебя начнетъ рвать, то начальникъ замка долженъ будетъ тебѣ подносить серебряный тазъ?

Коль. Берегись, лжецъ, мерзавецъ, клятвопреступный попъ!

Мецингенъ. Успокойтесь, братья! Вы опять хотите сцѣпиться, какъ дикія кошки? Вѣдь если бы крестьянское дѣло выгорѣло...

Лефельгольцъ. То у насъ былъ бы императоръ, имперскіе слуги, имперское войско, имперскія подати и вѣчный миръ въ странѣ.

Мецингенъ. Лучше бы вы тогда услали Гёца и оставили въ лагерѣ Флоріана Гейера.

Бубенлебенъ. Если бы дѣло евангелической свободы зависѣло отъ пары глазъ, плохо бы оно обстояло. Опора евангелія—въ Богѣ; и если Богъ захочетъ, то Онъ можетъ разсѣять нашихъ враговъ однимъ Своимъ помысломъ, будь ихъ даже больше, чѣмъ пыли на проѣзжей дорогѣ. Господь привелъ Гейера въ нашъ лагерь, и не я побуждалъ его оставлять свой постъ.

Коль. Что это попъ болтаетъ? Что онъ вретъ? Развѣ не ты помогалъ прогнать Гейера? Развѣ не ты призывалъ каждый день къ штурму? Не ты кричалъ: «Скорѣй, скорѣй, куй желѣзо, пока оно горячо!»? Ты все время приводилъ слова Лютера, который сказалъ, что тѣ, которые уничтожаютъ епископскую власть и «побиваютъ епископовъ»— истинные, добрые христіане. Я вѣдь знаю твою старую злобу, попишка; знаю, что ты хотѣлъ схватить за горло

того фискала *), который отлучилъ тебя. Развѣ ты не твердилъ мнѣ все время на ухо, что Гейеръ безбожникъ, язычникъ, турокъ? Развѣ ты не говорилъ про свои видѣнія и сны, не говорилъ, что Гейера нужно удалить: иначе-де Господь отступится отъ нашего дѣла?

Линкъ (насмѣшливо Бубенлебену). А что ваше благословеніе, братъ, которымъ вы обѣщали укрѣпить силы крестьянъ? Вѣдь вы говорили, что всѣ ядра полетятъ вамъ въ рукавъ, и что никто изъ штурмующихъ и царапины не получитъ. А когда въ замкѣ начали работать мортиры и пушки, и поднялся грохотъ и жужжанье, пули же вовсе не вскакивали въ вашъ рукавъ, какъ послушныя мышки, когда васъ забрызгала кровь и мозгъ раненыхъ и убитыхъ,—что тогда сотворилось съ тобой, попишка?

Фламменбекеръ. Онъ спрятался въ погребѣ, полумертвый отъ страха.

Бубенлебенъ. Я? Ахъ, ты, негодяй! Да что мнѣ до тебя за дѣло? Ты убійца и придорожная шельма! Развѣ ты не хвасталъ по всѣмъ кабакамъ, что держалъ копье, на которое въ Вейнсбергѣ сбросили Дитриха фонъ-Вейлера съ церковной башни? Развѣ ты не носилъ его головы на твоемъ копьѣ и не смазывалъ сапоги жиромъ и кровью изъ его трупа?

Фламменбекеръ. А ты не подстрекалъ къ убійству и поджогамъ? Не ты, что ли, кричалъ во все горло: «День битвы насталъ»?

Голоса. Гейеръ, Гейеръ!

(Входитъ Флоріанъ Гейеръ, закованный въ латы, очень блѣдный и разстроенный. Лёфельгольцъ, Безенмейеръ и Сарторіусъ подходятъ къ нему. Онъ пожимаетъ руки имъ и другимъ присутствующимъ).

Гейеръ. Здравствуйте, братья! (Лёфельгольцу) Здравствуй, милый товарищъ по судьбѣ! (Обнимаетъ Лёфельгольца, который не можетъ говорить отъ волненія. Остальные молчатъ въ смущеніи. Лёфельгольцъ усаживаетъ Гейера около себя на стулъ).

Гейеръ. Здѣсь посланные отъ маркграфа? Маркграфъ черезъ моего шурина обѣщалъ снова...

Сарторіусъ. До сихъ поръ нѣтъ ни посланныхъ ни какихъ-либо вѣстей. Говорятъ, что маркграфъ стоитъ подъ Китцингеномъ.

Гейеръ. Въ городѣ ходятъ еще худшіе слухи. Говорятъ, что маркграфъ взялъ Китцингенъ.

---

*) Фискалъ въ Германіи—чиновникъ, охраняющій интересы фиска (казны), потомъ прокуроръ и вообще обвинитель.

Лефельгольцъ. Пресвятая Матерь Божія! Спаси насъ, Господи!

Гейеръ. А какъ обстоятъ дѣла въ Вюрцбургѣ?

Лефельгольцъ. Говорятъ, Трухзесъ и многіе князья и господа идутъ прямо въ Вюрцбургъ. Имъ навстрѣчу идетъ Берлингеръ на Краутгеймъ съ тридцатью тысячами войска. Они вышли въ полночь.

Гейеръ. Я допускаю, что Гёцъ ночью еще можетъ постоять за себя. Маркграфъ, какъ я слышалъ, громитъ и грабитъ хуже, чѣмъ когда-либо безчинствовали наши крестьянскія рати, беретъ деньги и драгоцѣнности изъ монастырей, стоящихъ подъ его покровительствомъ, и уплачиваетъ ими жалованье своимъ солдатамъ.

Іоська. Съ вашего позволенія, могучій юнкеръ! Если господа одержатъ верхъ, ваша милость, то поживятся порядкомъ. Я вѣдь былъ въ лагерѣ Георга Трухзеса, котораго теперь зовутъ мужицкимъ Іёргомъ. Они говорили промежъ себя, что будутъ катать крестьянскія головы, какъ мальчишки катаютъ ядра. Они очень возгордились и играютъ въ большую игру. У нихъ много денегъ, много награбленной добычи. Это—хорошее дѣльце для господъ: право, не считать мнѣ больше венгерскихъ гульденовъ! Сначала крестьяне грабили во имя евангелія, теперь евангеліемъ пользуются князья и господа. Это отличный предлогъ для того, чтобы всѣхъ судить и рядить. Сначала они только отбирали зипуны, а теперь отнимаютъ у бѣдняковъ и солому. До сихъ поръ бѣднякъ долженъ былъ самъ отбывать барщину съ повозкой, лошадьми и киркой, теперь и его дѣти должны будутъ тащить борону.

Гейеръ. Зайди потомъ ко мнѣ на квартиру, братъ. У меня есть дѣло къ тебѣ.

Іоська. Боже мой, Боже мой, юнкеръ Гейеръ! Я вѣдь только бѣдный еврей, ваша милость. Не легкое дѣло давать въ долгъ деньги и брать плохіе залоги, терпѣть нужду и трудиться, когда къ тому же всѣ плюютъ на тебя и зовутъ собакой. Юнкеръ фонъ-Грумбахъ сказалъ мнѣ, что ваша милость хочетъ поговорить со мной о дѣлѣ. Я сказалъ себѣ: «Не берись за это дѣло! Очень оно опасно и можетъ тебѣ стоить головы». Но потомъ я подумалъ: Флоріанъ Гейеръ хочетъ создать великое цѣлое, установить единство монеты, единство вѣса и одинаковое право для всѣхъ,—также и для насъ, евреевъ. И я сейчасъ двинулся въ путь и явился въ Швейнфуртъ. Я готовъ, ваша милость, заключить съ вами дѣло.

Сарторіусъ (пугливо). Говорятъ, маркграфъ взялъ Китцингенъ.

(Въ дверяхъ показывается староста Оксенфуртскій и съ нимъ плачущая старуха; она ведетъ за руку человѣка съ завязанными глазами. Староста успокаиваетъ ее).

Коль (смущенно подходя къ Гейеру). Здравствуй, братъ.

Сарторіусъ. Что мнѣ теперь дѣлать, братъ Гейеръ? Трудно рѣшить, какъ поступать въ такое перемѣнчивое время.

Лефельгольцъ. Ты уголь ѣлъ, или мѣлъ, или воскъ, что такъ въ лицѣ перемѣнился и побѣлѣлъ?

Сарторіусъ. Говорятъ, юнкеръ Грумбахъ отступился отъ крестьянскаго дѣла: онъ разносилъ ротенбургское ополченіе вмѣстѣ съ маркграфской конницей и пѣхотой.

Гейеръ. Ну, такъ у насъ одной шельмой меньше, а въ союзномъ войскѣ—больше. Чортъ побери эту разряженную каналью!

Сарторіусъ. Я—слуга юнкера фонъ-Грумбаха, господа.

Менцингенъ. Мало это тебѣ поможетъ, писецъ. Если Трухзесу Вальдбургскому пригодится первое зеленое дерево, чтобы повѣсить на немъ твоего господина, то тебя повѣсятъ и на высохшемъ.

Сарторіусъ. Неужели вамъ шутки идутъ на умъ, миленькіе господа? Я къ нимъ не расположенъ. Я противъ желанія попалъ въ ваши ряды, только по приказу моего милостиваго господина. Неужели вы думаете, что я останусь съ вами на свою погибель?

Лефельгольцъ. Смотрите, онъ отъ страха теряетъ голову...

Сарторіусъ. Вамъ угодно глумиться надо мной? А я васъ считаю мечтателемъ и сумасбродомъ: вѣдь вы почитаете евангеліе такъ, что все должно идти вверхъ дномъ въ Священной Римской имперіи. Я дворянству служилъ въ этомъ дѣлѣ, а сволочи и черни я не слуга. И если дворянство меня теперь не защититъ...

Коль. Здравствуй, братъ Гейеръ!

Гейеръ (какъ будто только-что его замѣтивъ). Чортъ побери! Да вѣдь это Коль! Ну что, весело пропьянствовалъ ночку, вдоволь языкомъ намололъ?

Коль. Ты мнѣ руки не подашь, братъ Гейеръ?

Гейеръ (не подавая Колю руки). Почему бы теперь и вамъ, крестьянскимъ братьямъ, не сидѣть, распивая кобургское и рейнское вино? Въ Ротвейлѣ сидитъ кучка удравшихъ господъ, бароновъ и аббатовъ, и въ то время, какъ Го-

сподь наслалъ огонь и мечъ на нѣмецкій народъ, они весело пируютъ и играютъ въ майскую игру.

Лефельгольцъ. Майскую игру? Это что̀ такое?

Гейеръ. Новомодная игра! Кидаютъ другъ въ друга домашнюю утварь и объѣдки пироговъ и обливаютъ другъ друга грязной водой.

Іоська. И въ союзномъ войскѣ въ эту милую игру играютъ. Я это видѣлъ въ лагерѣ Трухзеса, когда рыцари и начальники сидѣли за столомъ...

Гейеръ. Хорошая игра и отличное развлеченіе для дворянъ! Сто̀итъ проливать кровь, чтобы безпрепятственно заниматься ею во всѣ будущія времена.

(Староста выходитъ на авансцену вмѣстѣ со старухой и человѣкомъ въ лохмотьяхъ).

Староста. Она стояла на улицѣ и кричала. Я велѣлъ схватить ее и привелъ сюда.

Старуха (тупо глядитъ и хнычетъ). Да сохранитъ васъ Господь Богъ! Семь зеркалъ предвѣщаютъ, что всѣ рыбы завоютъ, что ангелы будутъ плакать и бросать другъ въ друга каменьями. Дорогѝ будутъ пылать, воды разольются.

Лефельгольцъ (подходитъ къ старостѣ, дрожа въ лихорадкѣ). Зачѣмъ ты ее привелъ сюда, братъ староста?

Староста. Если-бъ я не увелъ ее, братъ, то ни одинъ изъ крестьянскихъ братьевъ, здѣсь въ Швейнфуртѣ, не поручился бы за свою жизнь. Всѣ столпились вокругъ нея и слушали... Она говоритъ, что пришла изъ Китцингена, и свято клянется, что маркграфъ взялъ Китцингенъ.

Старуха. Святая Маргарита! Охрани меня отъ толчковъ, паденія и ударовъ на всѣхъ моихъ путяхъ.

Менцингенъ. Какъ давно ты изъ Китцингена, старуха?

Старуха. Убирайся, неповѣшенный воръ, безбожный негодяй! Ты вѣдь былъ тамъ, ты самъ изъ черныхъ крестьянъ. Ты околдовалъ моего сына бѣсовскимъ лганьемъ, наговорилъ ему про проклятую, лживую, мерзостную евангельскую свободу.

Оборванецъ (ея сынъ). Пресвятая Марія...

Старуха. Помолись за насъ!

Оборванецъ. Святая Матерь Божія, Святая Дѣва...

Старуха. Помолись за насъ!

Оборванецъ. Утренняя звѣзда, ангелъ Божій, смывающій грѣхи міра...

Старуха. Помилуй насъ, Господи!

Оборванецъ. Святая Дѣва Марія...

Старуха. Помолись за насъ!

Гейеръ. Это твой сынъ, старуха?

Старуха. Да, милый господинъ: это сынъ мой, дорогой господинъ. Онъ славный малый, отличный стрѣлокъ: попадалъ изъ самострѣла въ воробья на лету. Но ему всегда бывало жалко; такой онъ былъ смирный мальчикъ, такой добрый, такое мягкое сердце было у мальчика!

Оборванецъ. Святая Марія...

Старуха. Помолись за насъ!.. Hodie tibi, cras sibi: сегодня тебѣ, завтра себѣ! Святой Павелъ, святой Варѳоломей, два сына Зиновія, святой Венцель и блаженный Штенцель исцѣляютъ отъ простуды и охраняютъ отъ грозы и снѣга.

Гейеръ. Послушай, матушка, что̀ съ твоимъ сыномъ? Ты боленъ, малый, что ли?

Старуха. Несовсѣмъ здоровъ, ваша милость,— прихварываетъ маленько. Если Господь захочетъ, это пройдетъ, ваша милость. Вѣдь княжеское слово, ваша милость, нерушимо, не правда ли? Маркграфъ объявилъ передъ Китцингеномъ, что если ему отворятъ ворота, то никого изъ бывшихъ на сторонѣ крестьянъ не лишатъ жизни. Когда онъ вступилъ въ городъ со всѣмъ своимъ войскомъ, я открыла окошечко, выглянула, кликнула Веронику, любовалась съ ней и сказала: какой чудный народъ! Они прошли, и все затихло на улицѣ. Я и подумала про себя, что маркграфъ Казиміръ былъ намъ всегда добрымъ и милостивымъ господиномъ. Крестьянское дѣло неладное, Лютеръ — еретикъ, Флоріанъ Гейеръ—злодѣй.

Оборванецъ. Святая Дѣва Марія...

Старуха. Помолись за насъ!

Гейеръ. Продолжай, матушка, говори.

Старуха. Ну вотъ, приготовила я ужинъ, поставила на столъ молоко и хлѣбъ, и стала ждать моего сына. Думаю себѣ, онъ мнѣ много новостей принесетъ: онъ вѣдь тоже побѣжалъ на площадь. Вдругъ грохотъ на лѣстницѣ,—у меня въ головѣ все спуталось. Маркграфъ болѣе чѣмъ пятидесяти жителямъ Китцингена велѣлъ выжечь глаза каленымъ желѣзомъ... Тогда я взяла моего сына за руку, ваша милость, и ушла съ нимъ изъ Китцингена въ ту же ночь. Когда натыкались на ослѣпленнаго, я говорила ему: «Теперь ты не знаешь, куда идти, и стукаешься головой объ стѣну; а когда у тебя глаза были, на тебѣ чортъ верхомъ ѣздилъ, и ты бунтовалъ противъ Бога и начальства. Теперь ты

терпишь за это наказаніе... А мой сынъ — смирный, послушный; и ходитъ онъ на свободѣ, цѣлъ и невредимъ».

Оборванецъ. Святая Дѣва Марія...

Старуха. Помолись за насъ!

Менцингенъ (заглядывая сыну старухи подъ повязку). Господи, сжалься надъ несчастнымъ! Вѣдь его ослѣпили.

Гейеръ (снимаетъ кольцо съ пальца и даетъ женщинѣ). Эй, баба, возьми! Утѣшься, что хоть не велѣли учиться по-еврейски!

(Мать и сынъ, получивъ подаяніе и отъ другихъ присутствующихъ, уходятъ, напѣвая псаломъ. Молчаніе. Всѣ взволнованы и говорятъ шопотомъ другъ съ другомъ).

Лефельгольцъ. Когда же начнемъ засѣданіе, братья?

Менцингенъ. Когда дѣло кончится.

Староста. Тяжело сознаться, но оно такъ: теперь все кончено!

Менцингенъ. Что я вамъ говорилъ тогда въ гостиницѣ, въ Ротенбургѣ! Не плюйте на маркграфа. Если онъ не станетъ другомъ, то будетъ опаснымъ врагомъ.

Лефельгольцъ. Было время, братъ Яковъ Коль, когда ты съ твоими франконцами стоялъ передъ Лаудой и Аубомъ: тогда ты легко могъ растоптать маркграфа Союзнымъ Лаптемъ. Я тогда, какъ это ни было опасно и дорого, послалъ тебѣ вѣсточку: захотѣлъ драться. Ты пошелъ на Вюрцбургъ; тамъ тебѣ были отворены ворота.

Гейеръ. Peser le teu, mesurer le vent, faire revenir le jour passé—c'est chose impossible *). (Испуганный и растерянный шопотъ среди присутствующихъ. Безпокойство и страхъ).

Гейеръ. Ну, а что-жъ теперь будетъ, господа? Не сыграть ли въ майскую игру?

Бубенлебенъ (нерѣшительно). Я вѣдь говорилъ: теперь не время для сейма.

Гейеръ. Какъ? Неужели никто не явится послѣ того, какъ вы такъ униженно, такъ подобострастно приглашали столько городовъ, столько духовныхъ и свѣтскихъ господъ? Или они уже не идутъ на эту приманку? Неужели имъ не хочется положить конецъ распрѣ и заключить съ вами мирный договоръ?

Линкъ. Нужно идти на маркграфа, а не засѣдать на сеймахъ.

Гейеръ. Какъ дѣла, Яковъ Коль? Гдѣ мои темные рат-

---

*) Французская пословица: «Нельзя взвѣшивать огонь, измѣрять вѣтеръ, возвращать минувшій день».

ники, мои черные отряды, которымъ я дѣлалъ смотръ въ Бретгеймѣ и Оренбахѣ до начала большой игры? Я ихъ обучилъ военному дѣлу, искусной стрѣльбѣ, не уступающей швейцарской. Что они, такъ же отважны, послушны и веселы, какъ прежде? Можно съ ними выступить противъ зазнавшагося людоѣда, кровопійцы-маркграфа, противъ Трухзеса, противъ самого чорта?

Коль. Братъ Гейеръ, не я одинъ виноватъ: я долженъ былъ дать согласіе на штурмъ по настоянію всего войска, подъ угрозой смерти. И все-таки я раскаиваюсь.

Гейеръ (вскакивая). Громъ и молнія, что мнѣ теперь до того! Все равно, раскаиваешься ли ты или не раскаиваешься, заставляли ли тебя или не заставляли. Знаете ли вы, что вы надѣлали? Самое правое дѣло, самое благородное, самое святое дѣло, которое Господь одинъ только разъ далъ вамъ въ руки и, можетъ-быть, никогда больше не дастъ, въ вашихъ рукахъ оно испакостилось, какъ въ свиномъ хлѣвѣ. Вы имъ въ майскую игру играли; вы осквернили святыню на своихъ пирахъ, среди разврата и гнусностей. Каждый изъ васъ, какъ шутъ въ комедіи, думалъ: «мнѣ бы подстать быть королемъ!». Скоморохами стали вы и угодниками чертей. Вы щеголяли въ оружіи, напяливали латы, какъ мальчишки за спиной отца. А никто изъ васъ, какъ бы вы ни храбрились, не дерзнетъ отобрать гнилой груши у старой торговки. Кто храбрѣе всѣхъ тянулъ вино и на словахъ лупилъ папу и римскаго короля, тотъ и былъ вамъ по сердцу!

Линкъ. Милые братья, неужели же мы позволимъ ругать себя, какъ школьниковъ?

Гейеръ. Еще бы не ругать тебя, жалкій трусъ, лѣнтяй, попрошайка, сводникъ, мерзавецъ! Дождешься ты того, что тебя вздернутъ, и будешь ты болтаться между небомъ и землей, какъ бы тебя до сихъ поръ чортъ ни спасалъ отъ петли.

Фламменбекеръ. Юнкеръ Гейеръ живетъ въ другомъ мірѣ: онъ считаетъ насъ жалкими людишками, не умѣющими пикнуть.

Гейеръ. Мусоръ вы, грязь съ большой дороги, жалкій хламъ, которому бы лучше лежать за печкой! Вы не стоите веревки, на которой бы васъ вздернулъ палачъ. Вы трусы: нападаете на враговъ съ кирками въ рукахъ и мокнете отъ страха, какъ только завидите пыль отъ ландскнехтовъ.

Фламменбекеръ. Неужели мы это стерпимъ, братья?

Гейеръ (вынимая мечъ). Вотъ такъ вы мнѣ въ тысячу разъ больше нравитесь. Вынимайте мечи, если вы не старыя бабы! Ну, что-жъ! У меня еще есть мечъ и голова, которые вы можете расшибить. Но у васъ духу не хватаетъ! Вы трясетесь отъ страха... Что вамъ теперь евангеліе? Между вами нѣтъ ни одного, кто бы въ сердцѣ не предалъ его и не проклялъ его. (Съ улицы слышенъ шумъ, крики и стрѣльба. Нѣсколько голосовъ, въ томъ числѣ голосъ Сарторіуса, кричатъ: «Лерманъ! Лерманъ! Кличъ враговъ». Оторопь. Всѣ бѣгутъ, кромѣ Гейера, Менцингена, старосты, Лёфельгольца и Якова Коля).

Гейеръ. Тьфу, пропасть! (Раздражается долгимъ, злымъ хохотомъ). Вотъ вы какіе молодцы! (Продолжаетъ смѣяться). Настоящіе зайцы!..

Финкенмейслинъ (входитъ запыленный).

Гейеръ. Какія вѣсти, Финкенмейслинъ?

Финкенмейслинъ. Порученіе къ вамъ отъ отца Амвросія изъ Вюрцбурга. Онъ говоритъ, чтобы вы торопились, если еще на что-нибудь надѣетесь. Вюрцбургскіе братья— стадо безъ предводителя (передаетъ письмо).

Гейеръ. Хотя надежды мало, я все-таки отправлюсь въ Вюрцбургъ. Но я поѣду не одинъ, а съ людьми, которыхъ навербовалъ въ Ротенбургѣ. Я возьму ихъ съ собой.

Коль. Братъ Гейеръ!

Гейеръ. Чего тебѣ?

Коль. Я хочу стать честнымъ человѣкомъ, поѣхать съ тобой, сражаться и умереть.

Гейеръ. Ну, такъ впередъ и не медли! Отправляйся въ Вюрцбургъ и жди тамъ меня. (Коль уходитъ).

Староста. Помоги намъ, Господь, выбраться изъ города.

Менцингенъ. Это—ложная тревога, пустячная драка.

Гейеръ. Гдѣ Сарторіусъ?

Лефельгольцъ. Сбѣжалъ.

Гейеръ. Такъ пусть ему чортъ бритву подкладываетъ подъ подушку каждый разъ, какъ онъ будетъ ложиться спать. Ты боленъ, братъ?

Лефельгольцъ. Да, мнѣ нездоровится (дрожитъ въ лихорадкѣ). Я не могу послѣдовать за вами. Но смерть меня найдетъ, если мнѣ некогда искать ее.

Менцингенъ. Братья! Можетъ-быть, все-таки въ Ротенбургъ пріѣхали маркграфскіе послы?

Лефельгольцъ. Мы напрасно ждали помощи отъ маркграфа. Сила—лучшій помощникъ. Прощайте!

Менцингенъ. Прощай, милый братъ!

Гейеръ. Неужели мы тебя здѣсь оставимъ? Поѣзжай съ нами: тебѣ слуги приготовятъ телѣгу.

Лефельгольцъ. Оставьте меня здѣсь въ покоѣ! Я вѣдь умеръ бы на рукахъ у слугъ.

Гейеръ. Ты былъ вѣренъ дѣлу. Прощай, прощай, мы еще увидимся! (Всѣ уходятъ, кромѣ Лёфельгольца).

Лефельгольцъ (закрывшій глаза, снова ихъ открываетъ. Его охватываетъ ужасъ. Онъ хочетъ подняться, бѣжать и кричитъ). Помогите, помогите мнѣ, милые братья! Не оставляйте меня, милые братья! Возьмите меня съ собой! (Падаетъ безъ чувствъ).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гостиница Крацера на рыночной площади въ Ротенбургѣ. Послѣ полуночи. У открытаго окна стоятъ Маркартъ Тепелинъ, по прозванію Бонлейнъ, Энгельгардтъ Гоппольтъ, Гансъ Кунратъ, Гансъ Бегеймъ и Кристгейнцъ. Они смотрятъ на зарево, охватившее все небо. За однимъ изъ столовъ сидятъ Іосъ Франкенгейнъ, нѣмецкій школьный учитель, Освальдъ Баркардъ, Оксенгансъ, Киліанъ и два горожанина. Крацеръ сидитъ на бочонкѣ у прилавка, держитъ на колѣняхъ библію и глядитъ задумчиво черезъ книгу. Около него горитъ свѣчка. Сидя у печки, нищій старикъ съ женой жадно ѣдятъ хлѣбъ. У старика Клейслина деревянная нога: около него лежатъ костыли. Жена его держитъ между колѣнъ старую арфу. Марея спитъ подъ скамейкой.

Кирстгейнцъ. Теперь идутъ на Бретгеймъ.

Горожанинъ. Да, говорятъ, что Флоріанъ Гейеръ набираетъ войско въ Бретгеймѣ. Опять, вѣрно, начнетъ грабить и жечь. Что̀ вражья земля, что̀ земля союзниковъ— для крестьянскихъ войскъ безразлично.

Киліанъ. Гейеръ не такой.

Крацеръ. Что̀ вы тамъ болтаете? Гейеръ поѣхалъ на сеймъ въ Швейнфуртъ.

Гоппольтъ (у окна). Посмотрите-ка на кровавое зарево! Оно все увеличивается, а не уменьшается.

Тепелинъ. Да, да! Смотрите! Все небо покрыто огнемъ и дымомъ!

Іосъ Франкенгейнъ (вынимая бумагу). Ну, при свѣтѣ прочтемъ бумажку.

Оксенгансъ. А вы много подписей собрали?

Іосъ Франкенгейнъ. Болѣе двухсотъ.

Оксенгансъ. Ого!

Іосъ Франкенгейнъ. А вы сколько?

Оксенгансъ. Тоже порядочно, но меньше васъ.

Іосъ Франкенгейнъ. Я ходилъ изъ дома въ домъ. Мнѣ повсюду охотно отворяли двери: не пришлось по два раза стучаться. Всѣмъ хочется, чтобы святая обѣдня была возстановлена въ Ротенбургѣ!

Освальдъ Баркардъ. Пришелъ конецъ ереси!

Іосъ Франкенгейнъ. Подписать и твое имя, оружейникъ Киліанъ?

Киліанъ. Что это за бумага?

Іосъ Франкенгейнъ. Прошеніе въ думу о возстановленіи обѣдни.

Кристгейнцъ. За отсутствіемъ брата Андрея, дьяволъ снова хочетъ хозяйничать у насъ. Но Карлштадтъ вернется и угомонитъ бѣсовскія силы.

Іосъ Франкенгейнъ. Едва ли онъ сюда вернется. Въ Вюрцбургѣ его плохо приняли: чего добраго, онъ и ноги протянулъ. Вѣдь вы закадычный другъ Карлштадта, мейстеръ Крацеръ?

Крацеръ. Трактирщикъ всегда другъ своихъ гостей: оттого и я былъ другомъ Карлштадта.

Горожанинъ. Многіе изъ васъ умѣютъ смывать винныя пятна: ну, а смыть съ себя явную вину будетъ потруднѣе.

Іосъ Франкенгейнъ. Что вы призадумались, хозяинъ? Трактирщику не страшно попасть въ адъ. Онъ привыкъ къ осмоленному пиву и къ сѣрнистому вину: для него смола, сѣра и огонь ничего не значатъ.

Кристгейнцъ (садясь у другого стола). Сюда, милые братья! (Поднимаетъ кружку вина) Пью за то, чтобы чортъ побралъ Швабскій Союзъ вмѣстѣ съ его Георгомъ Трухзесомъ! (Смѣхъ у стола Франкенгейна).

Гансъ Бегеймъ. Швабскій Союзъ зацѣпился за гвоздь въ стѣнѣ и повисъ на немъ. (Смѣхъ у стола Франкенгейна).

Кристгейнцъ. Чтобъ тебя синимъ огнемъ обдало, Киліанъ! Ты, кажется, перешелъ на сторону враговъ?

Киліанъ. Я — оружейный мастеръ, братья. Если крестьяне одержатъ верхъ, моему ремеслу настанетъ конецъ. А что касается папства, то я всегда говорилъ, что подъ посохомъ хорошо живется.

Гансъ Кунратъ. Пусть эти нечестивцы болтаютъ на здоровье! Имъ все равно не возстановить бѣсовскихъ церквей въ Ротенбургѣ.

Іосъ Франкенгейнъ. Пусть тѣ, у кого еще есть языкъ,

чтобы изрыгать хулу на Бога, Христа и свитую церковь, подумаютъ о Георгѣ Трухзесѣ. Онъ ужъ многимъ ложнымъ пророкамъ велѣлъ вырѣзать языкъ изъ гортани. Можетъ-быть, онъ теперь ближе, чѣмъ они думаютъ.

Кристгейнцъ. Если-бъ Гёцъ съ тридцатью тысячами крестьянскихъ братьевъ не пошелъ навстрѣчу Трухзесу, я бы, можетъ-быть, и сталъ зайцемъ (смѣется).

Гоппольтъ. Сыграй что-нибудь, Клейслинъ, и спой пѣсню.

Кристгейнцъ. Берлингеръ ему кукишъ покажетъ! (Сжимаетъ кулакъ и показываетъ кукишъ).

Освальдъ Баркардъ. Мейстеръ Крацеръ, вы какого мнѣнія? Можно имѣть болѣе двухъ женъ, или нѣтъ? Сколько женъ вамъ разрѣшаетъ брать Карлштадтъ?

Крацеръ. Послушайте, господа, почему бы вамъ не пойти пить вино къ Габріэлю Лангенбергеру? Это человѣкъ вашего толка.

Іосъ Франкенгейнъ (кивая въ сторону Мареи). Шила въ мѣшкѣ, соломы въ лаптѣ, а дѣвку въ домѣ не утаишь.

Кристгейнцъ и др. (барабанятъ по столу и кричатъ). Спой, Клейслинъ, спой!

Кристгейнцъ. Спой намъ новую пѣсню о Гёцѣ фонъ-Берлихингенѣ и о Флоріанѣ Гейерѣ.

Клейслинъ (поетъ).

Гёцъ фонъ-Берлингенъ съ своимъ отрядомъ
Въ городѣ, я слышалъ, свой раскинулъ станъ.
Это былъ отрядъ честныхъ поселянъ.
Въ Гейдингсфельдѣ сталъ Гейеръ Флоріанъ,
Было съ нимъ франконскихъ восемнадцать тысячъ
Честныхъ поселянъ.

Іосъ Франкенгейнъ и товарищи (поютъ вмѣстѣ).

А Лютеръ самъ себя надулъ,
Снятивъ съ ума спозаранку.
Оба они изрядно понаврали—
Этотъ Ѳома, царь дьяволовъ,
Да Лютеръ, отецъ лжи!..

Крацеръ (останавливая его). Теперь ужъ за полночь, господа, не шумите такъ! Кристгейнцъ, Гоппольтъ, Клейслинъ, перестаньте; ночью не время пѣть.

Баркардъ. Что это вдругъ за строгости! Прежде у васъ выборные кутили до утра.

Крацеръ. Ну, оставайтесь здѣсь, господа, если вамъ вино у Габріэля Лангенбергера не по вкусу: только не слишкомъ бѣснуйтесь.

Іосъ Франкенгейнъ (насмѣшливо). У васъ ключъ отъ городскихъ воротъ, хозяинъ?

Крацеръ. Конечно. Онъ будетъ у меня до тѣхъ поръ, пока выборные всѣ не потребуютъ его назадъ.

Іосъ Франкенгейнъ. А вы думаете, что выборные еще долго сохранятъ власть въ Ротенбургѣ?

Крацеръ. Ровно столько времени, господа, сколько дозволитъ Господь.

Іосъ Франкенгейнъ (встаетъ и расплачивается). Крацеръ всю жизнь былъ терпѣливой овечкой и настоящимъ пентюхомъ.

Баркардъ. Тоже и Кристгейнцъ (смѣются).

Оксенгансъ. А они еще говорили о наступленіи юбилейнаго года, когда всѣ вдовы и сироты утѣшатся, больные выздоровѣютъ и безногіе станутъ ходить.

Кіліанъ. Напрасная надежда!

Бегеймъ. Ты говоришь такъ, словно и не былъ евангелическимъ братомъ.

Кіліанъ. Братство кончится еще до кирмеса *).

Бегеймъ. Вспомни свою присягу: ты обязался хранить вѣрность братству въ теченіе 101 года.

Іосъ Франкенгейнъ. Спокойной ночи, господа евангелическіе братья, если вы можете теперь спокойно спать!

Кіліанъ. Эге! Неужели вы думаете, что я поднялъ палецъ, когда Гейеръ принималъ отъ насъ присягу?.. Нѣтъ, чортъ возьми, отъ этого меня Господь избавилъ! И если бы даже я поклялся, такъ что-жъ! Вынужденная присяга—ложь.

Крацеръ (провожая гостей). Спокойной ночи, господа, спокойной ночи!

(Франкенгейнъ, Баркардъ, Оксенгансъ и Кіліанъ уходятъ. Молчаніе).

Бегеймъ. Братъ, зачѣмъ они приходили сюда?

Крацеръ. Вотъ не къ добру ихъ приходъ.

Гоппольтъ. Ходитъ слухъ, что старая дума собралась на тайное засѣданіе.

Тепелинъ. Да, поговариваютъ: я тоже слышалъ.

Гоппольтъ. Говорятъ, они хотятъ отправить пословъ въ союзный лагерь съ мольбой о пощадѣ.

Кристгейнцъ. Я бы скорѣй далъ себя схоронить на самомъ днѣ высокой башни, чѣмъ просить пощады!

---

*) Кирмессъ—сѣверный карнавалъ, масленичный разгулъ.

Крацеръ. Хоть бы Менцингенъ вернулся скорѣй изъ Швейнфурта!

Кристгейнцъ, Онъ еще до зари будетъ здѣсь. Вотъ увидите, какъ онъ всполошитъ мышей въ старой думѣ.

Гоппольтъ. Киліанъ хочетъ сбѣжать.

Кунратъ. Какая сегодня душная ночь!

Крацеръ (у окна, наполовину высовываясь изъ него). Будетъ дождь, а пожалуй, и гроза. Идите домой, братья, не то васъ промочитъ.

Тепелинъ. Все небо охвачено заревомъ. Видно, пожаръ здоровенный.

Крацеръ. Рыночная площадь опустѣла; давно ужъ я ее не видѣлъ такой пустынной, вымершей.

Гоппольтъ. А еще сегодня канунъ Троицы.

Кристгейнцъ. Почему вы не въ духѣ, хозяинъ?

Крацеръ. Самъ не знаю, братъ. Боюсь, чтобы въ концѣ концовъ дьявольскія козни не одолѣли насъ.

Кристгейнцъ. Неужели васъ можно запугать пустыми бреднями и руганью? Когда человѣкъ бѣжитъ, гони его!

Крацеръ. Я не собираюсь бѣжать, Гейнцъ, но, видишь ли, Карлштадтъ говорилъ, что нужно заставить Бога помочь намъ и требовать этого у Него въ молитвахъ; а между тѣмъ Господь все-таки отдалъ насъ въ руки дьявола. Или вотъ Ѳома Мюнцеръ! Какъ онъ твердо вѣрилъ въ побѣду, когда говорилъ: «Куйте желѣзо, пока горячо: Богъ за насъ»! Какъ же Господь попускаетъ, чтобы князья преслѣдовали бѣдныхъ вѣрующихъ людей, душили ихъ и убивали всѣхъ поголовно, какъ, напримѣръ, во Франкенгаузенѣ? Крестьяне пѣли: «Вознесемъ молитву Духу Святому» — и во время пѣнія ихъ топтали лошадиными копытами, избивали ихъ, никого не щадили.

Гоппольтъ. И все-таки Господь сдержалъ Свое слово.

(Слышенъ шумъ какъ бы отъ падающей балки или дерева и, непосредственно за этимъ, короткій побѣдный кличъ. Всѣ пугаются).

Кристгейнцъ. Господи помилуй, что это такое?

Гоппольтъ. Пойдемъ всѣ вмѣстѣ, узнаемъ, въ чемъ дѣло.

Кунратъ. На рыночной площади что-то случилось.

Бегеймъ. Вѣроятно, тамъ, гдѣ крестьяне поставили новую висѣлицу.

Фейстле (говоритъ въ окно, гремя связкой ключей). Хозяинъ!

Крацеръ. Чего тебѣ?

Фейстле. Слышали вы шумъ отъ паденія?

Крацеръ. Еще бы не слышать!

Фейстле. Новая висѣлица на рыночной площади свалилась.

Крацеръ. Такъ и я думалъ! Войди, Фейстле.

Кристгейнцъ. Это, навѣрно, дѣло кого-нибудь изъ старой партіи. Спокойной ночи, Крацеръ! Пойдемъ поглядѣть: можетъ-быть, еще изловимъ виновныхъ и, вмѣстѣ съ уличными мальчишками, отблагодаримъ ихъ по-крестьянски.

Гоппольтъ. Спокойной ночи!

Кунратъ. Спокойной ночи!

Бегеймъ. Спокойной ночи!

Тепелинъ. Спокойной ночи!

Крацеръ. Желаю вамъ всѣмъ выспаться, братья!

(Кристгейнцъ, Гоппольтъ, Кунратъ, Бегеймъ и Тепелинъ уходятъ).

Крацеръ (музыкантамъ, которые считаютъ деньги). Отправляйтесь спать! Въ конюшнѣ вамъ постлана солома. (Прибираетъ въ комнатѣ). Вамъ ужъ больше не придется пѣть пѣсни о Гейерѣ. Закажите себѣ у кого-нибудь изъ союзныхъ рейтеровъ новую пѣсню.

Фейстле (входитъ и вѣшаетъ на стѣну связку ключей).

Крацеръ. Отъ какихъ это воротъ?

Фейстле. Отъ Клингенскихъ... А дѣвка здѣсь останется?

Марея (во снѣ). Что такое? Что случилось?.. Не слышишь, что ли? Развѣ ты язычникъ, Теллерманъ?.. Не знаешь, что Иродіада должна вѣчно плясать?.. Я здѣсь, капитанъ, здѣсь...

Фейстле. Говорятъ, она вѣдьма: умѣетъ градъ насылать и на метлѣ ѣздитъ. Но я не вѣрю.

Крацеръ. Пусть себѣ спитъ!

Фейстле. Спокойной ночи! (Уходитъ съ музыкантами).

Крацеръ (закрываетъ ставни и вдругъ испуганно оборачивается). Кто здѣсь? Есть здѣсь кто-нибудь?

Голосъ. Я.

Крацеръ. Да кто, чортъ побери?

Голосъ. Мы никогда не избавимся отъ поповъ. Не узнаёшь брата Андрея?

Крацеръ (еще болѣе испуганно). Карлштадтъ? Господи помилуй, откуда ты, братъ?

Карлштадтъ. Изъ Вюрцбурга. (Выступаетъ изъ темноты, въ порванной одеждѣ, запыленный, измѣнившійся до неузнаваемости).

Крацеръ (недовѣрчиво). Братъ, кто ты?

Карлштадтъ. Неужели у тебя сердце такъ высохло, что ты не узнаёшь меня?

Крацеръ. Я васъ дѣйствительно не узналъ, братъ Андрей.

Карлштадтъ. Но теперь узнаешь?

Крацеръ. Ты изъ Вюрцбурга?

Карлштадтъ. Да, братъ. Едва меня ноги живымъ унесли.

Крацеръ. Господи помилуй! Что же вы натворили въ крестьянскомъ лагерѣ?

Карлштадтъ (стонетъ и тяжело дышитъ). Въ Вюрцбургѣ настоящій адъ. О, Господи, Господи! Я вѣренъ своему слову и не жалѣю своихъ послѣднихъ силъ, но мнѣ пришлось такое видѣть...

Крацеръ. Братъ, что тебѣ здѣсь нужно?

Карлштадтъ. Немного воды: у меня рана на ногѣ. Одинъ глоточекъ, кусокъ хлѣба!

Крацеръ. Братъ, Господь мнѣ свидѣтель: не могу пріютить тебя здѣсь.

Карлштадтъ. Да я этого не прошу.

Крацеръ. За мной слѣдятъ, пронюхиваютъ насчетъ моихъ дѣлъ. И если счастье не отвернется отъ Трухзеса, мнѣ грозятъ висѣлица и колесованье.

Карлштадтъ. Едва ли счастье ему измѣнитъ.

Крацеръ. Въ такомъ случаѣ тебѣ нельзя оставаться въ Ротенбургѣ.

Карлштадтъ. Братъ, ты объ этомъ не заботься. Дай мнѣ только одежду, кусокъ хлѣба и глотокъ воды или вина. Господь тебѣ за это воздастъ! Я тогда отряхну прахъ этой Богомъ покинутой страны отъ ногъ моихъ и отправлюсь на чужбину. Одно у меня осталось утѣшеніе: я вѣрно служилъ своему дѣлу. Казалось сначала, что весна всюду наступитъ, но теперь опять все гніетъ во мракѣ.

Крацеръ. Ахъ, милый братъ! Многіе будутъ тосковать о солнцѣ, когда вернутся мракъ и ночь.

Карлштадтъ. Теперь они опять явятся, со своими лжевѣми церковными обрядами; опять пойдутъ эти преисподнія, чистилища, отпущенія, молебны, соборованія, посты, исповѣдальныя терзанія.

Крацеръ (приноситъ ему вино и ѣду). Вотъ, поѣшь, выпей, подкрѣпись, братъ Андрей!

Карлштадтъ. Братъ, въ это тяжкое время Господь мнѣ многое открылъ... Люди—проклятое, нечестивое племя. Кусокъ становится въ горлѣ, какъ вспомню, что видѣлъ. У меня на глазахъ они разрубили человѣка на куски и бросали другъ въ друга окровавленнымъ мясомъ. Они зарѣ-

зали его, какъ теленка; онъ сопротивлялся и громко кричалъ; я себѣ уши заткнулъ, но все же слышалъ весь этотъ ужасъ, и потъ выступилъ у меня отъ страха. Тогда я сказалъ себѣ, что Господь навѣрно ввергнетъ ихъ въ адъ—и бѣжалъ отъ нихъ. (Сильный стукъ въ дверь).

Марея (просыпается и кричитъ въ ужасѣ). Капитанъ! (Убѣгаетъ).

Крацеръ. Спрячьтесь, братъ, заклинаю васъ Тѣломъ Господнимъ! Если васъ здѣсь найдутъ, насъ вздернутъ на одну и ту же висѣлицу. Уходи отсюда, братъ.

Карлштадтъ. Святая Анна, помоги! (Крацеръ вталкиваетъ его въ маленькую каморку. Стукъ въ двери повторяется).

Крацеръ. Эй, кто тамъ? Черти, теперь время спать! (Выходитъ въ сѣни. Слышно, какъ поворачивается ключъ въ замкѣ и растворяется дверь. Приближаются шаги вооруженныхъ людей и слышны голоса. Ректоръ Безенмейеръ входитъ, утомленный отъ ѣзды, и разминаетъ ноги).

Безенмейеръ. Фу, какая дьявольская ѣзда!

Менцингенъ (входя). Вы отлично ѣздите верхомъ, братъ, точно съ дѣтства привыкли къ сѣдлу.

Безенмейеръ. Sic, sic, sic! Такъ, такъ!

Менцингенъ (входящему въ комнату Крацеру). Ну, братъ, какъ наши дѣла въ городѣ съ тѣхъ поръ, какъ вы не видали меня?

Крацеръ. Ничего хорошаго, братъ. По правдѣ сказать, дѣла наши плохи. Старая партія снова подаетъ признаки жизни. Ѳома Цвейфель и начальство опять показываются на рынкѣ, а горожане трусятъ, уступаютъ имъ дорогу и смиренно кланяются. Іосъ Франкенгейнъ, сторонникъ старой партіи, явился со своими товарищами сюда и ко мнѣ заглянулъ. Они хотятъ возстановить обѣдню, насмѣхаются, бранятся. Натерпѣлся я адскаго страха съ ними!

Безенмейеръ. O cordolio, cordolio! Веретено выпало, не найти пряжи! Какая тамъ еще бѣда?

Крацеръ. Братъ Андрей вернулся.

Безенмейеръ. Гдѣ онъ?

Крацеръ (показывая на дверь). Тамъ, за дверью.

Безенмейеръ (зоветъ вполголоса). Братъ Андрей!

Менцингенъ. Теперь его начали травить сѣрые волки. А когда мы его предупреждали, онъ намъ не вѣрилъ.

Гейеръ (появляется въ дверяхъ и говоритъ, обернувшись назадъ). Отдохни немного. Насыпь коню овса. Да поскорѣй: намъ здѣсь много времени терять нельзя!

Марея (за сценой). Ладно, капитанъ!

Гейеръ. Марея!

Марея. Что, капитанъ?

Гейеръ. Мнѣ тебя нужно послать.

Марея. Ладно, капитанъ!

Гейеръ. Подойди сюда и взгляни мнѣ въ лицо. Что это у тебя въ глазахъ?

Марея (показываясь). Не знаю.

Гейеръ. Искорка адскаго огня. Жена прислала мнѣ письмо: уговариваетъ заключить миръ съ Трухзесомъ. Она ѣздитъ по князьямъ и попамъ, проситъ заступничества. Ты должна повезти ей отвѣтъ въ Римпаръ.

Марея. Ладно, капитанъ.

Менцингенъ. Твоя законная жена въ Римпарѣ, братъ?

Гейеръ. Да, братъ. Она хочетъ, чтобы я вернулся домой и няньчился съ ребенкомъ. Боже сохрани: не мое это дѣло! Здравствуй, хозяинъ!

Крацеръ. Здравствуйте! Что хорошаго привезли изъ Швейнфурта?

Гейеръ. Голодъ и жажду. Вели подавать къ столу.

Менцингенъ. Про пословъ отъ маркграфа все еще не слышно?

Крацеръ (направляясь къ двери, останавливается). Пословъ? Вотъ, взгляните. Небо совсѣмъ багровое. Маркграфъ все сжигаетъ на пути. Деревни трещатъ отъ огня. Онъ пишетъ пропускную грамоту огнемъ и кровью... А что слышно въ Бретгеймѣ?

Гейеръ. Тамъ наслаждаются дымомъ союзнаго войска. Я съ разрѣшенія одного изъ думскихъ звалъ по всѣмъ деревнямъ, навербовалъ отрядецъ; но всѣ опять разбѣжались.

(Карлштадтъ и Безенмейеръ входятъ; Крацеръ уходитъ).

Карлштадтъ (плача отъ нервной слабости). Здравствуй, братъ.

Гейеръ. Что у васъ за чортъ портной? Какъ отдѣлалъ ваше платье!

Карлштадтъ. Горе, горе мнѣ, братецъ!

Гейеръ. Что это вы позеленѣли въ лицѣ, какъ жидъ? (Садится у стола). Присядьте къ намъ. Что слышно въ Вюрцбургѣ?

Карлштадтъ (плачетъ отъ бѣшенства). Тамъ грабятъ и убиваютъ. Мерзавцы, забіяки, распутники, пьяницы, нечестивцы, служащіе дьяволу денно и нощно, призывающіе на землю гнѣвъ Божій! Дѣти и трясущіеся старики—и тѣ живутъ въ срамотѣ и развратѣ! Содомъ и Гоморра!

Гейеръ. А вы думали, что увидите тамъ ангелочковъ и смиренныхъ братьевъ? Душно здѣсь: откройте окна!

Крацеръ. Не смѣю, братъ! Въ кабачкѣ ратуши сидятъ еще люди: если увидятъ свѣтъ...

Гейеръ (чертитъ мѣломъ по столу).

Безенмейеръ. Святой Урбанъ съ его чумой обманули на этотъ разъ весну, неославъ лѣта. (Садится къ столу и глубоко вздыхаетъ). Suspicatur animus nescio quid mali: чуетъ душа недоброе...

Гейеръ. Ну да, это тебѣ чудится недоброе... Мнѣ тоже, братъ. Я видѣлъ падающія звѣзды, когда дремалъ на конѣ. Я знаю, что̀ это предвѣщаетъ: новыя смертоубійства, опять попы, монахи и монахини. (Чертитъ по столу). Я раскаиваюсь, горько раскаиваюсь... Есть еще что-нибудь для меня?

Карлштадтъ. Нѣтъ, братъ! Но если люди разумные въ Вюрцбургѣ еще не утратили всякой надежды, то только потому, что ждутъ вашего возвращенія. (Молчаніе).

Гейеръ (чертитъ). Тоска охватила мою душу... На всю жизнь... (Молчаніе).

Безенмейеръ. Мы точно монахи, собравшіеся на silentium, на молчаніе.

Гейеръ. Скрытый императоръ не проснется. Опять вороны слетаются стаями. (Вдругъ мѣняя тонъ) Вина!.. Гёцъ выступилъ противъ Трухзеса? Сколько крестьянскаго войска осталось въ лагерѣ, по-вашему?

Карлштадтъ. Тысячъ двадцать.

Гейеръ. Вина, вина! Выпьемъ вмѣстѣ въ послѣдній разъ. (Говоритъ вернувшейся Марѣ) Марея, спустись въ погребъ: хозяинъ дастъ тебѣ вино, которое намъ прислали въ подарокъ думскіе.

Крацеръ (уходя съ ключами отъ погреба, останавливается). А что̀ мнѣ сдѣлать съ ящикомъ, господа?

Гейеръ. Въ немъ драгоцѣнности?

Менцингенъ. Протоколы засѣданій выборныхъ, братъ. По нимъ доподлинно видно, кто говорилъ изъ выборныхъ и что̀ говорилъ.

Крацеръ (уходя). Идемъ, Марея. (Уходитъ съ Мареей).

Безенмейеръ (помолчавъ, Гейеру, который все еще чертитъ мѣломъ по столу). Братъ, что̀ вы такое говорили про скрытаго императора? Вѣдь были слухи, что дѣло идетъ о томъ, чтобы свергнуть домъ Габсбурговъ. Говорили еще, что вы служите французамъ и хотите возвести изгнаннаго герцога

Ульриха Вюртембергскаго на тронъ, хотите его провозгласить нѣмецкимъ евангелическимъ императоромъ.

Гейеръ. Братъ, многіе тянулись къ нѣмецкой коронѣ.

Безенмейеръ. Братъ Гейеръ, вамъ я довѣряю больше, чѣмъ себѣ самому, но скажите мнѣ все-таки: неужели весь этотъ шумъ въ имперіи былъ поднятъ въ угоду королю Франциску, который теперь захваченъ въ плѣнъ императоромъ? Неужели правда, что въ крестьянскомъ дѣлѣ много виноваты французскіе штюберы и золотыя кроны?

Гейеръ. Братъ, тутъ велась тонкая политика; и правда, что вѣтеръ сильно дулъ съ запада. Но неужели намъ не слѣдовало натягивать паруса, отправляясь на востокъ, только потому, что вѣтеръ дуетъ изъ Франціи?

Безенмейеръ. Отправляясь на востокъ, говоришь ты, братъ?..

Гейеръ. Кто ѣхать хочетъ на ново-открытые острова, долженъ держаться попутнаго вѣтра. Нельзя всегда ѣхать прямымъ путемъ: нужно только вѣрить въ себя и не измѣнять своей цѣли. (Марея возвращается съ двумя большими кувшинами вина). Вино! вино! Рейнское вино! Еще разъ попытаюсь взяться за дѣло.

Карлштадтъ. Боюсь, что ужъ ничего не выйдетъ; напрасно теперь терять свои силы и кровь!

Гейеръ. Наливай, Марея!.. Если я еще поживу съ недѣльку, ты получишь десять паръ кордовскихъ башмаковъ и три накидки: одну розовую изъ Мехельна, одну ломбардскую и одну дымчатую изъ Брюгге. (Онъ береть двѣ пряди ея волосъ, натягивая ихъ, какъ повода). Ты будешь ходить въ желтомъ шелку, словно твой отецъ былъ шафранный уроженецъ Нюренберга. Растворите окна, братья!

Марея. Не нужно мнѣ кордовскихъ башмаковъ и накидокъ!

Гейеръ. Выпей, Марея!.. Пей, милая! (Марея пьетъ. Молчаніе).

Безенмейеръ (береть кружку вина). О, горе намъ, горе! (Пьетъ и продолжаетъ, обращаясь къ Карлштадту) Что слышно о Оомѣ Мюнцерѣ, братъ?

Карлштадтъ (который до того жадно ѣлъ, говоритъ глухимъ, дрожащимъ голосомъ). Говорятъ, онъ взятъ въ плѣнъ, его пытали, а потомъ, приковавъ къ повозкѣ, послали за выкупъ графу Мансфельду.

Безенмейеръ. Какъ счастливо и мощно началась крестьянская война, и какъ жалко она кончается!

Гейеръ. Пейте, братья! Грусть сушитъ кости. Счастье— домъ, въ которомъ можно погостить часокъ-другой... Я свободный франконецъ!

Безенмейеръ. Теперь опять засыплютъ всѣ колодцы.

Карлштадтъ. Братъ, они не были достойны пить изъ чистыхъ источниковъ.

Безенмейеръ. И все же я восклицаю: да здравствуетъ свободная, непреодолимая истина, какъ я ее понимаю!

Карлштадтъ. А какъ вы ее понимаете?

Безенмейеръ. Разумъ—источникъ всякой истины, а не блудница, какъ говоритъ Лютеръ. Разумъ—источникъ всякаго счастья и всѣхъ правъ.

Карлштадтъ. Съ этимъ я не могу согласиться: это—языческая вѣра, братъ. Конечно, язычники учатъ, какъ прожить хорошо и счастливо земную жизнь... А какъ же насчетъ жизни загробной?

Безенмейеръ (пожимаетъ плечами).

Гейеръ (вздыхая). На небѣ, на небѣ! Тамъ радости много; тамъ ангелы пляшутъ, поютъ и играютъ!

Безенмейеръ. Я жилъ и трудился, слѣдуя ученію, которое нѣкогда легло въ основу тюбингенской высшей школы, основанной графомъ Эбергартомъ Вюртембергскимъ: нужно помогать рыть колодецъ жизни, дабы оттуда могли черпать во всѣхъ концахъ земли благую, утѣшительную мудрость для искорененія пагубнаго огня человѣческаго неразумія и слѣпоты!

Менцингенъ. Вотъ они и засыпаютъ колодцы: и пагубный огонь разгорается!

Гейеръ. Марея, позови музыкантовъ!

Крацеръ (входя). Вы зовете музыкантовъ, братъ?

Гейеръ. Музыку, музыку!

Крацеръ (пугливо). Мой домъ караулятъ. Теперь глубокая ночь. Боюсь, мы не въ безопасности, братъ.

Менцингенъ. Чортъ побери! Зови музыкантовъ потѣшиться! Клянусь честью...

Крацеръ (торопливо). Тише, тише, братъ! Я слышу шаги.

(Стукъ въ дверь какимъ-то желѣзнымъ предметомъ. Всѣ вздрагиваютъ отъ испуга, замолкаютъ и хватаются за оружіе).

Менцингенъ (гнѣвно, но тихо). Идите, отворите!.. Отворите же, чортъ васъ возьми!

Крацеръ (идетъ къ двери, говоря громко). Эй, кто тамъ? Повремените, время ночное. (Снова стукъ). Кто это стучится такъ настойчиво, точно деньги принесъ! (Крацеръ уходитъ.

Слышно, какъ отворяется входная дверь, и вооруженный человѣкъ вваливается въ сѣни. Короткіе прерывистые хриплые крики).

Голосъ Крацера. Кто вы такой? Что вамъ нужно? Кого вы ищете?

Голосъ Теллермана. Mort de ma vie! Прочь руки! Traître! Faquin! Bourreau! Провалиться мнѣ! Измѣнникъ, палачъ, негодяй!

Гейеръ (вскакиваетъ). Это Теллерманъ! Братъ, братъ, я здѣсь!

Теллерманъ (вбѣгаетъ обезсиленный и останавливается посреди комнаты. У него ужасный видъ; платье изорвано; онъ раненъ, весь въ крови, держитъ въ рукѣ обломокъ чернаго знамени. Онъ дико озирается и кричитъ). Капитанъ! капитанъ!

Гейеръ. Вотъ я. Я здѣсь!

Теллерманъ. Братъ Гейеръ, братъ Гейеръ!.. Гёцъ... Проклятая измѣна!.. Все погибло... Кенигстофенъ *)...

Гейеръ (внѣ себя). Теллерманъ, роднёнькій мой, приди въ себя! Марея, вина! Теллерманъ!.. Вина, Марея, налей ему вина! Приди въ себя, братъ!

Теллерманъ (бормочетъ). Кё...нигс...гофенъ...

Гейеръ. Что ты говоришь, братъ?

Теллерманъ. (теряя сознаніе). Кё...нигс...гофенъ.

Безенмейеръ. Умираетъ!

Менцингенъ. Нѣтъ спасенія!

Крацеръ (входя). Все полно крови на полу и въ сѣняхъ: онъ истекаетъ кровью.

Гейеръ (пеистовствуя). Онъ умираетъ, клянусь святой Анной! Пойдите же за врачомъ! Чего вы тутъ стоите?

Теллерманъ (въ бреду). Впередъ, впередъ!.. Стой, подлецъ!.. Конница, конница!.. Палите, палите изъ пушекъ въ нихъ!.. Фу, черная смерть! Mort de ma vie! Не бойтесь, милые товарищи, не бойтесь! (Кричитъ) Не...бой...тесь, говорю я!.. Стрѣляйте, колите, закалывайте коней!

Гейеръ. Братъ Теллерманъ, приди въ себя!

Теллерманъ. А... а, Берлингеръ! Гдѣ Берлингеръ? Удралъ?.. Порохъ подмоченъ... Проклятые! Не брать лошадей изъ-подъ пушекъ! Не давайте имъ бѣжать!.. Не бойтесь, молодцы! Колите коней! Силы небесныя! Сюда, собака!

(Менцингенъ и Гейеръ кладутъ умирающаго на скамью. Онъ затихаетъ. За сценой глухой гулъ голосовъ. Крацеръ открылъ сундукъ и,

---

*) Подъ этимъ городомъ въ Баденѣ войска Швабскаго Союза разбили ополченіе крестьянъ.

вынимая оттуда бумаги, поспѣшно суетъ ихъ въ печку. Карлштадтъ поднимается, подходитъ къ Крацеру и, условившись съ нимъ знаками, выходитъ изъ комнаты. Два старика-музыканта незамѣтно входятъ и садятся на прежнее мѣсто).

Гейеръ (нагибаясь къ умирающему). Честный Теллерманъ! Старый, честный Теллерманъ!

(Карлштадтъ возвращается съ большой простыней, которую разстилаетъ на полу. Онъ, Менцингенъ и Безенмейеръ снимаютъ умирающаго со скамьи).

Карлштадтъ (торжественно). Умираетъ христіанинъ! Такъ пусть же онъ появится передъ Господомъ, какъ христіанинъ, смиренно опустившись на землю!

(Теллермана торжественно кладутъ на простыню. Молчаніе).

Безенмейеръ (тихо). Какое слово онъ пробормоталъ, братъ?

Гейеръ (тихо). Кёнигсгофенъ.

Карлштадтъ. Это—Гёцъ со своими тридцатью тысячами.

Менцингенъ (громко). Теперь я покончилъ со всѣмъ, что у меня было: могу отправиться на свадьбу въ Страсбургъ.

Гейеръ (опускается на колѣни около Теллермана).

Карлштадтъ. Отходитъ...

Гейеръ. Онъ спитъ, покойной ночи! (Закрываетъ ему глаза. Молчаніе).

Карлштадтъ. Начинаетъ свѣтать: ухожу.

Безенмейеръ. Куда?

Карлштадтъ. У меня есть вѣрные друзья, благочестивые евангелическіе братья, въ разныхъ мѣстахъ. Если Господь поможетъ, проберусь въ Швейцарію.

Менцингенъ (Гейеру). А что ты намѣренъ дѣлать, братъ?

Гейеръ (поднимается). Я читалъ у Марко Поло *) про одного благороднаго странствующаго рыцаря. Какъ ты думаешь, не сѣсть ли мнѣ на корабль и не переплыть ли за море?

Менцингенъ. Не пробраться ли тебѣ лучше во Францію?

Гейеръ. Да, Лангенмантель совѣтуетъ мнѣ опять вступить во французскую службу: его письмо у меня уже двѣ недѣли въ карманѣ. Въ первый разъ это было въ Павіи. Мы твердо стояли, я и Теллерманъ, съ дюжиной свободныхъ храбрыхъ молодцовъ. Не хотѣли оставить чернаго знамени и боролись до заката солнца противъ превосход-

*) Извѣстнѣйшій путешественникъ въ средніе вѣка, венеціанецъ, оставившій дѣльное описаніе Азіи и особенно великаго монгольскаго царства, основаннаго Чингисханомъ.

ныхъ силъ; и все-таки отстояли знамя. До свѣдѣнія короля Франциска дошло, что мы такъ вѣрно блюдемъ присягу; и это ему очень понравилось.

Карлштадтъ. Такъ будемъ, братъ, странствовать вмѣстѣ!

Гейеръ (расправляя члены). Нѣтъ, теперь, послѣ того, какъ я служилъ божескому дѣлу, не могу больше служить никакому королю! Марея, принеси мнѣ панцыры! Я хотѣлъ бы быть святымъ Фортунатомъ, съ его волшебной палочкой, и имѣть всегда полный карманъ. Но это мнѣ не дано... Спи, другъ Теллерманъ!.. Эй, музыканты, играйте, облегчите мнѣ сердце! (Къ Марѣ, которая приноситъ панцырь) Спасибо, Марея! (Надѣваетъ панцырь). Гдѣ человѣкъ пребываетъ первую ночь послѣ смерти?

Марея. У святой Гертруды.

Гейеръ. А вторую ночь послѣ смерти?

Марея. У святого Михаила.

Гейеръ. Такъ я послѣзавтра передамъ вашъ привѣтъ святой Гертрудѣ, а черезъ три дня — святому Михаилу. (Музыкантамъ) Не бойтесь, пойте! Мертваго не разбудить!

Клейслинъ (поетъ старымъ дрожащимъ голосомъ).

«Флоріанъ Гейеръ въ Вейнсбергѣ..»

Гейеръ. Посмотри, поѣла ли лошадь... Мнѣ придется скакать во весь опоръ. (Марея уходитъ).

Клейслинъ (поетъ).

«...Взялъ черный флагъ и крикнулъ:
«Впередъ, товарищи мои!
Намъ замокъ долженъ сдаться».

(Гейеръ растроганъ, садится на стулъ и плачетъ. Молчаніе).

Гейеръ. Мнѣ не стыдно передъ вами, господа: я не о себѣ плачу.

Марея (возвращаясь) Лошадь осѣдлана.

Гейеръ. Затяни крѣпче панцырь, Марея, чтобы я чувствовалъ на себѣ желѣзо. Германія—славная страна, пре-выше всѣхъ другихъ! Въ ней довольно золота и серебра, хлѣба и вина, чтобы всѣмъ жить въ довольствѣ. Но ее губятъ распри. Попы ее порабощаютъ, князья крошатъ на мелкіе куски. Попы, князья, Фуггеры и Вельзеры высасываютъ изъ нея соки. Я думалъ, что измѣню порядки: но кто я такой, чтобы осмѣлиться мечтать объ этомъ? А все-таки: «Отъ правды я не отступлюсь»... Подай шлемъ, Марея!.. «О томъ пускай меня не просятъ. Ничѣмъ меня не устрашатъ, ни пулей ни опалой»... Дай нарукавники: хочу, чтобы меня въ нихъ похоронили... «Хотя и плачетъ мать

мѣя; но Богъ ее утѣшитъ... (Опоясываясь мечомъ) Мой долгъ велитъ идти впередъ». Ну, вотъ я и готовъ! Прощайте, милые братья! Было бы чудомъ, если бы мы еще разъ встрѣтились. Выпейте еще разъ со мной: помянемъ Ульриха фонъ-Гуттена, помянемъ Сиккингена! Его сынъ подлецъ: онъ перешелъ къ союзнымъ войскамъ.

Карлштадтъ (восторженно). Братъ Гейеръ, великій огонь потухъ и, кажется, надолго. Но въ евангеліи сказано: «гнущуюся лозу онъ не надломитъ и тлѣющаго льна не угаситъ».

Менцингенъ. А главное: «если Господь захочетъ, все еще можетъ перемѣниться».

Гейеръ. Веселѣй, братцы! Почему бы намъ не веселиться? Святая Агата шла на мученическую смерть, какъ на праздникъ, святая Анастасія презирала смерть; а мы мужчины. (Теллерману) Прощай, товарищъ, прощай! (Опускается на колѣни передъ трупомъ). Ты доблестно жилъ, землякъ, храбро сражался и честно заслужилъ покой. Теперь довольно! (Старается вынуть изъ окоченѣвшихъ рукъ Теллермана обломокъ знамени). Не хочешь отдать? Отдай! Клянусь крестьянской честью, братъ, буду ему такъ же вѣренъ, какъ ты! (Вставая) Прощай же! Если мнѣ счастье улыбнется, то наше знамя будетъ еще разъ развѣваться на глазахъ у Трухзеса Вальдбургскаго! (Гейеръ, Крацеръ, Менцингенъ и Карлштадтъ уходятъ).

Безенмейеръ (одинъ). Кровавая Троица намъ предстоитъ.

Крацеръ (входитъ и слышитъ его слова). Весь порядокъ года перевернулся. На Пасху Господь возсталъ изъ гроба, а на Троицу Его опять распинаютъ. (Подходитъ къ печкѣ) Огонь потухъ.

Менцингенъ (возвращаясь). Гейеръ уѣхалъ. Что теперь будетъ съ нами?

Безенмейеръ (касаясь трупа). И этотъ огонь потухъ.

Менцингенъ. Когда наши умершіе крестьянскіе братья пойдутъ на небо, предлинное это будетъ шествіе.

Крацеръ. А мы будемъ въ ихъ числѣ?

Менцингенъ. Насъ закопаютъ въ собачьемъ рву.

Безенмейеръ. Что за бѣда, если я погибну? Я старикъ.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Зала въ Римпарскомъ замкѣ. Ночь. Изъ высокихъ сводчатыхъ оконъ видно блѣдиѣющее зарево. Справа дверь во вторую залу. Справа же, на авансценѣ, входъ съ витой лѣстницы. У лѣвой стѣны два закрытыхъ входа. Передъ Анной фонъ-Грумбахъ, молодой, блѣдной женщиной, стоитъ Марея; за нею конюхъ.

Анна Грумбахъ (гнѣвно). Давай же, дьяволъ, письмо!

Марея. Ты мнѣ сама ротъ зажала.

Анна. Письмо давай! Ну?

Марея. Я не знаю, кто ты.

Анна. Я жена рыцаря Вильгельма фонъ-Грумбаха, на сестрѣ котораго женатъ Флоріанъ Гейеръ.

Марея. Проведи меня къ ней.

Анна. Моя невѣстка лежитъ въ постели; она больна и не можетъ съ тобой говорить. Дай мнѣ письмо!

Марея. У меня нѣтъ письма.

Анна. У тебя нѣтъ письма? Теперь у нея вдругъ не оказалось письма, Петръ. Въ такомъ случаѣ тебя выпорютъ.

Петръ (ласково). Да ну тебя, дѣвка, образумься! Будь умницей, дай письмо!

Марея. У меня нѣтъ письма.

Анна. Святая Анна, эта негодяйка все лжетъ и доведетъ себя до висѣлицы. Вѣдь она только-что говорила, что ее прислалъ Флоріанъ Гейеръ съ порученіемъ къ моей невѣсткѣ.

Марея. Онъ мнѣ велѣлъ устно передать его слова, и больше ничего.

Анна (испуганно и гнѣвно). Ахъ, ты, распроклятая тварь! Я велю такъ тебя отодрать, что твое посольство хлынетъ ртомъ и носомъ, пока не потечетъ кровь! Поплатишься за свое упрямство! Давай!

Марея. У меня безъ того ротъ въ крови.

Анна (хочетъ насильно вырвать у нея письмо). Держи ее, Петръ! Потаскушка деревенская! Конецъ теперь вашему проклятому черному братству!

Петръ. Отдай, дѣвка, добровольно то, что принесла. Жены Флоріана Гейера здѣсь больше нѣтъ. Неизвѣстно, куда она убѣжала съ ребенкомъ. Вѣроятно, въ Нюренбергъ, а можетъ, куда въ другое мѣсто. Ты не найдешь ее. Если оставишь здѣсь письмо, моя барыня не пожалѣетъ ни денегъ ни труда...

Анна. Нѣтъ, этого не будетъ, клянусь Богомъ! Я лучше волка вскормлю, чѣмъ позабочусь о передачѣ вѣстей отъ Гейера. Предательское, еретическое племя, опальные, разбойники! Пусть всѣ знаютъ: я ничего общаго съ ними не хочу имѣть. Убирайся вонъ! У нея ядъ въ глазахъ, какъ у ехидны. Убирайся, гадюка!

Петръ (уходитъ съ Мареей).

Анна (подходитъ быстро къ окну и прислушивается. Вдали стрѣльба. Она глубоко вздыхаетъ).

Урсула (входитъ).

Анна. Кто здѣсь?

Урсула. Это я, барыня.

Анна. Стекла звенятъ: это отъ стрѣльбы.

Урсула. Ложитесь спать, барыня, стрѣльба ужъ затихаетъ!

Анна. Господь вѣдаетъ, какъ это еще кончится, Урсула.

Урсула. Добромъ кончится. Это къ радости стрѣляютъ, сказалъ поваръ. Онъ говоритъ, что это пушки союзнаго войска, а не крестьянскаго. Ложитесь спокойно спать, барыня.

Анна. Сколько горя и страха мы натерпѣлись за это время!

Урсула. Поваръ въ кухнѣ клялся, барыня, что крестьянскій бунтъ совсѣмъ усмиренъ. Крестьянскій Іёргъ, говоритъ поваръ, справился съ ними и истребилъ ихъ во всей нѣмецкой землѣ. Подите же спать наконецъ. Если будете упрямиться, право, не выдержите, заболѣете горячкой.

Анна. Я не могу спать, Урсула: мнѣ постель моя—что̀ раскаленное желѣзо.

Урсула. Я знаю молитву: она навѣрно васъ успокоитъ.

Анна. Я видѣла страшный сонъ.

Урсула. Я сдѣлаю крестъ надъ вами на стѣнѣ, и злые сны къ вамъ не подступятся.

Анна. Мнѣ снился мой мужъ, юнкеръ, Урсула, привязанный къ позорному столбу. Его пытали раскаленными щипцами и наконецъ... Я вся дрожу, Урсула, отъ ужаса, когда вспоминаю...

Урсула. Такъ не думайте объ этомъ: вѣдь это лукавый мучитъ слабую душу во снѣ.

Анна. Знаю, знаю, Урсула: все это—адскій обманъ и дьявольское навожденіе. А все же страшно. Палачъ вырвалъ ему сердце изъ груди и бросилъ ему въ лицо.

Урсула. Я уже вамъ говорила: нужно свѣчу поставить въ часовню.

Анна. А сердце еще дрожало и билось... (дрожа и стуча зубами) сердце моего юнкера.

Урсула (сустясь около Анны, которая въ изнеможеніи падаетъ на стулъ). Я вѣдь говорила вамъ: поставьте освященную свѣчу рядомъ съ собой у постели: тогда придутъ ангелы и прогонятъ чорта. (Словоохотливо) Былъ однажды воръ, который пожертвовалъ въ церковь одну только свѣчку и одинъ пфеннигъ въ праздникъ Сретенія Господня. Попался онъ въ концѣ концовъ въ петлю и уже висѣлъ на висѣлицѣ. Прилетѣлъ къ нему чортъ, насмердилъ, протянулъ къ нему когти и сталъ яростно вертѣть хвостомъ, собираясь потащить бѣдную душу въ адъ. Но тутъ явились ангелы и стали отгонять чорта. Тогда Господь сказалъ вору: «Ничего я не могу подѣлать; ты долженъ сразиться съ чортомъ». Воръ совсѣмъ растерялся, но ангелы помогли ему. Свѣчу, которую онъ когда-то пожертвовалъ, они ему дали въ одну руку, а пфеннигъ, на которомъ былъ крестъ, въ другую. И какъ только чортъ это увидѣлъ, ему ничего другого не оставалось, какъ убѣжать подальше. Успокойтесь, успокойтесь, я васъ отведу въ постель!

Анна (идетъ, опираясь на Урсулу). Останься подлѣ меня, останься, Урсула!

Сарторіусъ (входитъ по витой лѣстницѣ; онъ очень тщательно одѣтъ). Bona dies, добрый день, ваша милость! Пошли вамъ Господь счастья и здоровья! Какъ поживаетъ ваша милость?

Анна (холодно). Что вамъ здѣсь нужно?

Сарторіусъ. Развѣ ваша милость не узнаете меня? Я собирался подняться на башню. Сегодня ясная ночь, и хорошо наблюдать звѣзды.

Анна. Лучше бы вы спустились въ самый глубокій погребъ башни, вмѣсто того, чтобы подниматься въ вашу бѣсовскую мастерскую. Откуда вы? Кто васъ впустилъ въ замокъ?

Сарторіусъ (поблѣднѣвъ). Порази меня Господь, ваша милость, я васъ не понимаю! Развѣ я не слуга вашего супруга? Развѣ я не служилъ ему, не щадя своихъ силъ ни днемъ ни ночью, постоянно разъѣзжая по его дѣламъ?

Анна. Вы его обманули. Позоръ и гибель принесли ему своими мерзостными еретическими совѣтами.

Сарторіусъ. Господа—хозяева своей воли: они дѣлаютъ, что хотятъ.

Анна. Теперь ты говоришь, что господа поступаютъ по своей волѣ! А не ты околдовалъ его своимъ дьявольскимъ чернокнижіемъ, своими лживыми, якобы ангельскими предсказаніями, что вюрцбургское аббатство скоро попадетъ въ руки свѣтскаго владѣльца?

Сарторіусъ. Ропщете на Бога, ваша милость! Мы оба, вашъ супругъ и я, присутствовали при томъ, какъ мальчикъ глядѣлъ въ хрусталь и бесѣдовалъ съ ангелами. Онъ все это и сказалъ: я ничего не прибавилъ.

Анна. Глупости! Что вы тамъ болтаете? Хотите одурачить и меня, какъ моего мужа? Хоть вы и магистръ, но— магистръ семи смертныхъ грѣховъ, а не семи свободныхъ искусствъ. Какъ вы сюда попали, что вамъ здѣсь нужно?

Сарторіусъ. Ваша милость крайне несправедливы ко мнѣ. Видитъ Богъ, что я ждалъ другого пріема. Стоитъ сидѣть, согнувъ спину, цѣлыя ночи надъ книгами, вертѣться, изворачиваться, всячески извиваться, какъ скоморохъ— чтобы въ награду слышать только обидныя слова.

Анна (насмѣшливо). Это вы-то трудились и гнули спину? Ничего вы не дѣлали, тунеядничали, наряжались, пили, распутничали — и больше ничего: дѣло ваше нечистое и обманное. Въ вашу алхимію я не вѣрю, не видала я золота, которое вы будто бы умѣете дѣлать! Все это обманъ и навожденіе! Что вамъ здѣсь нужно? Уходите.

Сарторіусъ (испуганно, чуть не плача). Сжальтесь, ваша милость! Куда я теперь пойду? Чего мнѣ стоило попасть сюда! Всюду бѣгутъ спасающіеся крестьяне, а за ними мчится союзная конница, закалывая и убивая все, что попадается на пути.

Анна. Идите, куда хотите, мнѣ что за дѣло?

Сарторіусъ. Помилосердствуйте, ваша милость!

Анна (крпчитъ повелительно изъ окна). Петръ! Эй, Петръ, иди сюда!

Сарторіусъ. Что вы дѣлаете, ради всѣхъ святыхъ? Вѣдь вы христіанка: сжальтесь.

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ (внезапно появляясь въ сопровожденіи Шеферганса). Чортъ побери того, кто надъ тобой сжалится. Заковать его въ цѣпи!

Сарторіусъ (схваченный Шефергансомъ, жалобно молитъ, охваченный дѣтскимъ испугомъ). Ахъ, ваша милость! Ахъ, благородный, могучій юнкеръ, не дѣлайте этого! Я служилъ вамъ вѣрой и правдой.

Шефергансъ. Замолчите, не хнычьте такъ: у васъ еще

будетъ достаточно времени для этого. Мнѣ вѣдь эта дорожка знакома, ухъ, какъ знакома! Немало собакъ отправлялъ по ней. Чортъ побери, болванъ, заткни свою глотку! (Ударяетъ его по лицу; Сарторіусъ умолкаетъ и глядитъ на него въ нѣмомъ ужасѣ).

Анна (поздоровавшись съ мужемъ, кричитъ вслѣдъ Сарторіусу, котораго уводитъ Шефергансъ). Теперь онъ извивается, какъ скоморохъ, и кричитъ о пощадѣ! Подлецъ, нечистъ, болванъ! Весь домъ ты околдовалъ, всѣмъ заправлялъ. На костеръ бѣсовское отродье! (Сарторіусъ и Шефергансъ уходятъ)

Вильгельмъ. Теперь утѣшься: я не одинъ пріѣхалъ.

Анна. Вотъ ты мнѣ не вѣрилъ прежде! Я вѣдь этого негодяя возненавидѣла, какъ только узнала, чей онъ сынъ. Пришелъ теперь сюда, какъ ни въ чемъ не бывало, и думалъ, что выйдетъ сухимъ изъ воды. Не удалось это ему однако: я его изловила.

Вильгельмъ (сердито). Замолчи теперь: я не одинъ! Со мной пріѣхалъ Ѳома фонъ-Гарттеймъ.

Анна. Откуда вы?

Вильгельмъ. Ведемъ эскадронъ маркграфской конницы. Намъ приказано съѣхаться съ Трухзесомъ.

Анна. Гдѣ стоитъ Трухзесъ?

Вильгельмъ. Вѣроятно, неподалеку: все небо покрыто заревомъ съ той стороны, гдѣ Вюрцбургъ. Всюду встрѣчаешь убѣгающихъ крестьянъ: они бѣгутъ, точно чортъ за ними несется. Около двадцати задушено и заколото нашими слугами. Двоихъ я самъ прикончилъ, троимъ Ѳома башки отрубилъ. Вели подавать на столъ, Анна! Мы только наскоро позавтракаемъ и сейчасъ поѣдемъ дальше.

Урсула (стоявшая въ сторонѣ, подходитъ и цѣлуетъ Грумбаху руку). Ахъ, ваша милость, ахъ, милостивѣйшій юнкеръ! Пошли вамъ Господь всякаго благополучія, ваша милость! Милая барыня безпокоилась о васъ!

Вильгельмъ. Ладно, ладно, Урсула!

Анна. Поди, Урсула, вели приготовить барину ванну. (Слышны отдѣльные удары колокола изъ деревни). Это что̀ значитъ? (Урсула уходитъ).

Вильгельмъ (снимаетъ шлемъ). Ничего особеннаго, Анна. Я позволилъ моимъ людямъ разграбить деревню. Многіе изъ нашихъ бѣдныхъ крестьянъ опять вернулись домой, испуганные, какъ зайцы. Они запрятались по угламъ, но ихъ разыщутъ.

Анна. Ты опять въ дружбѣ съ Швабскимъ Союзомъ, Вильгельмъ?

Вильгельмъ. Кажется, мнѣ это удалось. Но пока молчи объ этомъ.

Анна (ломая руки). Если-бъ ты... О, если-бъ ты тогда слушался моихъ предупрежденій, внималъ моей мольбѣ.

Вильгельмъ. Молчи теперь объ этомъ! Эта собака заслонила мнѣ свѣтъ: я ничего не видѣлъ.

Анна. Развѣ я не предостерегала тебя отъ Гейера, отъ этого еретика и нечестивца, который всегда дружилъ съ бунтарями, опальными, разбойниками, богемскими еретиками?

Вильгельмъ. Оставь это, пожалуйста!

Анна. Развѣ можно предположить, что Христосъ дозволилъ Своей святой церкви идти ложнымъ путемъ столько вѣковъ?

Гартгеймъ (входитъ).

Анна. Здравствуйте, рыцарь!

Гартгеймъ. Пошли вамъ Господь всякія блага, сударыня.

Анна. Присядьте, рыцарь.

Гартгеймъ. Еще не время отдыхать, сударыня. Нужно только дать немножко передохнуть конямъ — и снова въ путь. Теперь нужны добрыя дѣла, какъ ихъ понимаетъ Лютеръ, т.-е. нужно работать мечомъ.

Вильгельмъ. «Сжальтесь надъ несчастными!»—сказалъ Лютеръ. «Колите, бейте, душите, кто только можетъ!»—писалъ Лютеръ. Я не отстану отъ другихъ.

Анна. Вѣрно сказано, рыцарь! Нужно дѣйствовать силой и заткнуть глотку всѣмъ дьявольскимъ бунтовщикамъ. Я говорила моему супругу съ самаго начала, что удивляюсь, какъ это его милость маркграфъ такъ снисходительно отнесся къ чернымъ негодяямъ, къ мерзостнымъ крестьянскимъ бунтарямъ и кровопійцамъ. Ему слѣдовало во-время дѣйствовать противъ нихъ огнемъ и оружіемъ, а имъ смириться; если же они не послушались бы, то раскрыть имъ ослиныя уши пулями.

Шефергансъ (входитъ по винтовой лѣстницѣ). Съ вашего позволенія, къ намъ во дворъ въѣхалъ отрядъ рейтеровъ, ваша милость. Они изъ союзнаго войска, по ихъ словамъ; на рукавахъ у нихъ красный крестъ.

Вильгельмъ (съ возрастающимъ волненіемъ). Помогите имъ сойти съ коней! Торопитесь же, чортъ возьми! Введите ихъ сюда. (Шефергансъ уходитъ).

Гартгеймъ (радостно). Слава Богу, конница союзнаго войска! (Кричитъ въ окно) Здорово, товарищи! Да здравствуетъ Ансбахъ!

Голоса (за сценой). Да здравствуетъ Швабскій Союзъ!

Гартгеймъ. Дозвольте мнѣ удалиться, сударыня; пойду навстрѣчу. (Уходитъ).

Анна. Кто эти люди?

Вильгельмъ. Отрядъ союзнаго войска. Иди, Анна, вели подавать, да чтобы столъ гнулся отъ яствъ! Нужно устроить пиръ!

Анна. Господи помилуй, чего же ты-то стоишь? Иди, иди ихъ встрѣчать!

Лоренцъ фонъ-Гуттенъ (быстро входя). Знаете, мы слѣдуемъ по пятамъ Флоріана Гейера; мы ищемъ Флоріана Гейера!

Вильгельмъ. У меня? Что у меня общаго съ Гейеромъ, опальнымъ и бунтовщикомъ?

Гуттенъ. Твоя сестра здѣсь?

Анна. Ея давнымъ-давно нѣтъ. Ушла за Синія горы, и сами не знаемъ, куда.

Гуттенъ. Объявляю тебѣ, Вильгельмъ, что крестьянская война кончена. Была битва при Кёнигсгофенѣ, и еще часу не прошло, какъ Трухзесъ велѣлъ вторично палить изъ орудій въ знакъ побѣды. Теперь ты долженъ тѣломъ и душой стать сторонникомъ Союза, не то ты—погибшій человѣкъ.

Вильгельмъ. Чортъ побери, что все это значитъ?

Гуттенъ. Шуринъ, я быстро слѣзъ съ лошади и взлетѣлъ на лѣстницу стрѣлой, чтобы предупредить тебя: ты въ опасности. Въ союзномъ войскѣ разнесли молву, будто ты тѣсно связанъ съ Лаптемъ.

Вильгельмъ. Ложь, гнусная ложь! Я преданъ маркграфу и служу ему.

Гуттенъ. Но вѣдь ты тогда, на собраніи въ капитулѣ, рѣзко нападалъ на епископа, точно хотѣлъ съ него кожу содрать. Этого тебѣ не забыли, Вильгельмъ!

Вильгельмъ (принужденно улыбаясь). Чортъ побери! Увидѣли, что я выплюнулъ овсяное зерно, и рѣшили, что я проглотилъ лошадь. Что мнѣ за дѣло до крестьянъ? Едва ли во всей Священной имперіи есть человѣкъ, которому съ самаго начала было такъ противно брататься съ крестьянами. Я съ родными сестрами и братьями неохотно дѣлюсь, а тѣмъ болѣе съ чужими, да еще съ этими пакостными крестьянами.

Гуттенъ. Въ такомъ случаѣ тебѣ не слѣдовало на собраніи, въ капитулѣ, когда они втыкали ножи въ дверь, слѣдовать ихъ примѣру и тоже говорить, что ты вонзаешь ножъ епископу Конраду Вюрцбургскому—прямо въ сердце.

Вильгельмъ. Пусть меня громъ небесный на мѣстѣ сразитъ!.. Если это было, пусть погибнетъ душа моя! И если кто-нибудь мнѣ скажетъ, такъ, клянусь Господомъ, онъ этого не повторитъ. Онъ умретъ, задушенный своей дьявольской мерзостной ложью.

Гуттенъ. Ну, смотри: они идутъ! Если дорожишь жизнью, не укрывай Флоріана Гейера.

Вильгельмъ. Обыщите замокъ съ верху до низу, отъ комнатъ до цистернъ *); и если его найдете, то пусть меня четвертуютъ, и пусть палачъ выставитъ части тѣла моего на четырехъ углахъ моего замка, а голову приколотитъ, на память, надъ свинымъ хлѣвомъ. Я не болѣе знаю о томъ, гдѣ Флоріанъ, чѣмъ вы.

Себастьянъ Шертлинъ и Гартгеймъ (входятъ одновременно, оживленно разговаривая).

Шертлинъ (громко). Изъ-за этого нечего вамъ больше садиться на коня: война продырявлена, и ей пришелъ конецъ.

Гуттенъ (представляя Шертлина Аннѣ). Вотъ достопочтенный Себастьянъ Шертлинъ, котораго недавно, въ Павіи, неаполитанскій вице-король собственноручно посвятилъ въ рыцари.

Шертлинъ. Свидѣтельствую объ этомъ безъ хвастовства, сударыня.

Анна. Будьте гостемъ, рыцарь. Мы съ нетерпѣніемъ ждали васъ.

Шертлинъ. А вамъ тоже пришлось много страдать отъ дьявольскихъ крестьянъ?

Вильгельмъ. Они причинили намъ много непоправимаго вреда: много деревень разрушено, два замка сожжены до тла.

Анна. Присядьте, рыцарь! Извините. Иду велѣть приготовить вамъ ванну.

Вильгельмъ. Окажите намъ честь: будьте нашимъ гостемъ, рыцарь.

Шертлинъ. Благодарю, благородный юнкеръ. Принимаю ваше предложеніе и сниму панцырь. Мы храбро дѣйствовали, говоря безъ хвастовства.

---

*) Цистерны—каменные ящики для собиранія дождевой воды въ безводныхъ мѣстахъ.

Шефергансъ (входя). Съ вашего позволенія, ваша милость...

Вильгельмъ. Что тебѣ?

Шефергансъ. Какъ прикажете поступить съ захваченными крестьянами?

Вильгельмъ. Сколько ихъ?

Шефергансъ. Я насчиталъ около двадцати.

Шертлинъ. Господа, поступимъ, какъ Георгъ Трухзесъ. Когда мы отдохнемъ, поѣдимъ и попьемъ, пусть приведутъ плѣнныхъ—и мы будемъ ихъ судить. Ахъ, чортъ побери, я тебя гдѣ-то видѣлъ, молодецъ!

Шефергансъ. Въ Павіи, рыцарь.

Шертлинъ. Ты сражался при Павіи? Молодецъ! Какъ же ты сюда попалъ, товарищъ?

Шефергансъ. Я служилъ въ ротенбургскомъ отрядѣ. Меня хотѣли послать съ пушками на Вюрцбургъ, чтобы присоединиться къ крестьянамъ: этого я не хотѣлъ. Я до сихъ поръ искалъ и находилъ пропитаніе и хлѣбъ у князей и господъ, и хочу до конца жизни служить князьямъ и господамъ, состоять при чинахъ Священной имперія.

Шертлинъ. Ты говоришь, какъ честный ландскнехтъ. Молодецъ! (Шефергансъ уходитъ).

Кунцъ фонъ-деръ-Мюленъ и Вольфъ фонъ-Кастель (входятъ, оживленно разговаривая, зорко оглядываются, пристально смотрятъ на Грумбаха и сначала не обращаютъ вниманія на другихъ).

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ (съ напускной развязностью). Здравствуйте, милые товарищи! (Кастелю) Здравствуйте, ваша милость. Окажите честь моему дому, подойдите поближе!

Кастель. Простите, юнкеръ Грумбахъ, не обижайтесь на насъ! Мы поставили караулъ передъ всѣми воротами и дверьми. Вы, вѣроятно, знаете, кого мы ищемъ?

Вильгельмъ. Хотя я не знаю, господа, за какой опальной шельмой вы гонитесь по пятамъ, и ни въ коемъ случаѣ не могу думать, что вы надѣетесь найти его у меня въ домѣ, но все-таки прошу дѣйствовать по вашему усмотрѣнію и обыскать весь мой замокъ до послѣдней мышиной норки,—всѣ залы, погреба и конюшни. Но прежде всего скажите мнѣ, господа, какъ вы выбрались изъ осажденнаго замка?

Гуттенъ. Ахъ, шуринъ, это былъ замѣчательно смѣлый подвигъ конюшаго, Гейнца Трухзеса, совершенный имъ съ тремя стами всадниковъ. Они прибыли къ намъ изъ Кёнигстофена;

пятьдесятъ всадниковъ доѣхали до перваго вала. Мы замѣтили ихъ съ башни Горы Богоматери, спустили лѣстницу и впустили къ себѣ Лингарта Эйфельштеттера съ тремя другими. Они сообщили намъ такія радостныя вѣсти и такъ подняли духъ въ гарнизонѣ, что всѣ наши опалѣли отъ радости и стали бѣгать съ криками по комнатамъ. Въ послѣднее время у насъ уже было невесело: ощущался недостатокъ въ припасахъ и въ хлѣбѣ, нехватало пороха и свинца. Значительная часть стѣны снесена была ротенбургскими орудіями, отъ которыхъ мы сильно пострадали. Постоянное бдѣніе и тревога лишили всякихъ силъ нашихъ начальниковъ и канониковъ, такъ что мы едва ли выдержали бы второй приступъ. Такъ-то помощь явилась какъ разъ во-время. Сторожъ серединной башни тотчасъ же протрубилъ крестьянамъ пѣсенку:

«Чтобъ избѣгнуть посрамленья,
Отступайте поскорѣй!»

Сторожъ передней башни сталъ оглушительно трубить, и эти ликующіе звуки доносились до Вюрцбурга. Мы же, Кунцъ фонъ-деръ-Мюлеръ, Вольфъ фонъ-Кастель и я, были внѣ себя отъ радости; намъ хотѣлось биться, участвовать въ послѣднемъ сраженіи. Мы вышли поэтому изъ замка вмѣстѣ съ союзной конницей и добились-таки, чего хотѣли — участвовали въ самомъ яростномъ сраженіи на открытомъ полѣ. Въ теченіе всей крестьянской войны не было такой жестокой битвы, какъ тогда, при Ингольштадтѣ.

Анна. Я слышала пальбу, господа.

(Во время разсказа Грумбахъ уводитъ Шертлина).

Кастель (яростно). А я говорю и утверждаю, что наше дѣло не выиграно, пока мы не захватимъ Гейера.

(Анна уходитъ).

Гуттенъ (собираясь осушить большую кружку вина, поставленную на столъ служанкой). Многіе говорятъ, что Гейера вовсе не было въ битвѣ.

Кунцъ фонъ-деръ-Мюленъ. Я своими глазами видѣлъ, какъ Гейеръ сражался у стѣнъ замка. Я самъ дважды хватилъ его мечомъ и попалъ между перчаткой и панцыремъ. Я хорошо знаю Гейера. Я слышалъ его голосъ, какъ только мы напали на маленькій замокъ въ Ингольштадтѣ и еще далеко растягивались въ полѣ.

Кастель. Гейеръ былъ въ сраженіи; назовите меня самого чернымъ крестьяниномъ, если это неправда. Именно онъ былъ во главѣ отряда и завелъ его въ Ингольштадтскій

замокъ. Безъ него они бы такъ не сопротивлялись и не наполнили бы рва нашими трупами. И если Гейеръ теперь уцѣлѣетъ, то, смотрите, черезъ годъ опять будетъ у насъ Союзный Лапоть.

Вильгельмъ (появляется у открытой двери въ ярко освѣщенную залу). Господа, ѣда и питье стоятъ на столѣ; милости просимъ, окажите честь моему дому! Господь мнѣ свидѣтель, что я предпочелъ бы сидѣть на конѣ и отстаивать дѣло справедливости и истинную евангелическую свободу, но такъ какъ вы одержали побѣду безъ меня и разбили на голову крестьянъ, то, полагаю, можно попировать и послѣ долгихъ трудовъ и опасностей отдохнуть за виномъ и ѣдой.

(Рыцари молчаливо слѣдуютъ за Грумбахомъ въ столовую. Слышенъ шумъ пирующихъ въ сосѣдней комнатѣ. Издали раздается нѣсколько выстрѣловъ, затѣмъ топотъ шаговъ, поднимающихся по витой лѣстницѣ. Появляется Шефергансъ. Онъ тащитъ на веревкѣ перваго изъ пойманныхъ крестьянъ).

Шефергансъ. Проклятые мерзавцы! Висѣлица уже поставлена, и палачъ стоитъ наготовѣ! Эй, вы, смирно!

(Появляются около 15 оборванныхъ, дрожащихъ, смертельно испуганныхъ крестьянъ, среди нихъ одна крестьянка; 5—6 изъ нихъ держатъ въ рукахъ короткія бѣлыя палки. Руки у всѣхъ связаны, и они принуждены связанными руками придерживать спадающія панталоны. Крестьянъ ведутъ 2 воина).

Шефергансъ (крестьянину, котораго онъ ведетъ на петлѣ, наброшенной на шею). Теперь васъ научатъ визжать, поставивъ васъ босикомъ на раскаленное желѣзо.

1-й крестьянинъ (обезумѣвъ отъ страха). Batienzia, Fintzi, Domine!

Шефергансъ. Онъ, вѣрно, обѣщаетъ поставить свѣчку Св. Дѣвѣ величиной со страсбургскій соборъ.

1-й крестьянинъ. Ты христіанинъ, господинъ. Вотъ палочка: Трухзесъ меня помиловалъ.

Шефергансъ. А мнѣ что за дѣло? Ты погибъ, какъ жидовская душа. (Выбиваетъ у него изъ рукъ бѣлую палку).

1-й воинъ. Чортъ побери того, кто оставитъ въ живыхъ крестьянина! Я ихъ около двадцати отправилъ на тотъ свѣтъ.

2-й воинъ. Трусливый, дрянной народъ! Даютъ себя бить, какъ кролики.

1-й воинъ. Пришлось стрѣлять въ деревья, на которыхъ они укрывались, и они падали съ вѣтвей, какъ аисты изъ гнѣздъ.

2-й воинъ. Я съ моимъ отрядомъ гнался за кучкой крестьянъ до Гибельштадта. Ну, потѣха! Они залѣзали въ

кусты, прятались по заборамъ и во рвы. Не добраться было до нихъ на коняхъ. Тогда мы имъ крикнули, что кто переколетъ другихъ, того мы не тронемъ.

Шефергансъ. Чтобъ тебя громомъ сразило!

2-й воинъ. Тогда одинъ изъ нихъ поднялся и рѣшился на это дѣло. Сталъ колоть своихъ же братьевъ, словно телятъ и поросятъ, и сразу прикончилъ пятерыхъ. Но шестой уперся, и они стали бороться: вотъ-то была потѣха! Они такъ сплелись въ дракѣ и такъ потеряли голову отъ ярости, что слетѣли въ ровъ; тамъ оба и захлебнулись въ водѣ.

Кастель (выходитъ подвыпившій изъ столовой). Ага, братцы-собаки, мо̀лите пощады? Каждый изъ васъ знаетъ, что долженъ теперь умереть. Но если вы не скажете всей правды, то васъ такъ станутъ пытать... Эй, ты, скажи, гдѣ въ послѣдній разъ видѣлъ Флоріана Гейера?

Шефергансъ. Гейеръ—царедворецъ, лизоблюдъ, срамецъ.

Кастель. Сто гульденовъ обѣщано за голову Гейера; а тотъ, кто его доставитъ живымъ Трухзесу, получитъ сто пятьдесятъ.

Шефергансъ. Хотѣлось бы, чортъ возьми, выпить вина и поѣсть холоднаго мяса. Тогда возьму собакъ и пойду охотиться на него; а когда найду его, то всажу ему ножъ въ сердце и съ великой радостью напьюсь его крови.

Кастель. Гдѣ ты въ послѣдній разъ видѣлъ Гейера?

1-й крестьянинъ. Когда мы снялись изъ Вюрцбурга со всею ратью, чтобъ идти къ братьямъ въ Кёнигсгофенъ, то, при Гейдингсфельдѣ, стали подниматься по ступенямъ. Когда мы были наверху, то мимо насъ промчался кто-то на конѣ. Это былъ Гейеръ.

Гуттенъ (появляется полупьяный у дверей столовой). Вульфъ! Пью за Швабскій Союзъ, какъ онъ теперь есть и пока онъ не будетъ идти противъ низшаго дворянства.

Кастель. Принимаю твою здравицу. Но теперь иди-ка сюда и послушай. Этотъ оборванецъ скажетъ тебѣ, былъ ли Гейеръ въ сраженіи или нѣтъ.

Гуттенъ. Ну, говори, бродяга!

1-й крестьянинъ. Я ничего больше не знаю, клянусь Господомъ! Вскорѣ послѣ того на насъ напала конница Трухзеса. Раздался крикъ: «Бѣгите, милые, благочестивые братья!» И всѣ бросились бѣжать.

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ. Что̀ же вы, господа, удрали отъ яслей? Подали новое вино, и поросенокъ стоитъ на столѣ. (Входитъ со стаканомъ въ рукахъ и начинаетъ громко и

грубо хохотать). Хорошій же видъ у васъ, милые евангелическіе братья! Что это на васъ штаны не держатся?

Шефергансъ. Я отстегнулъ у нихъ штаны, чтобъ они не убѣжали. (Рыцари хохочутъ).

Шертлинъ (входитъ пьяный). Негодныя вши! Никакой отъ васъ пользы нѣтъ нашему брату, рейтеру! Когда васъ всѣхъ уложатъ, когда, по милости Господней и нашей, убьютъ шестьдесятъ тысячъ вашего брата, ну, тогда довольно: тогда каждый можетъ отправляться домой такимъ же бѣднякомъ, какимъ выѣхалъ въ поле.

Кастель. Нѣтъ ли здѣсь короткихъ богемскихъ мечей для отсѣченія рукъ? (Крестьяне, дрожа и плача, становятся на колѣни).

Шертлинъ. Вы знаете, что сказалъ и писалъ Лютеръ: «Кто сжалится надъ этими черными крестьянскими дьяволами, надъ тѣмъ Богъ не сжалится».

Всѣ крестьяне (наперерывъ). Сжальтесь надъ нами, господа: васъ вѣдь помиловали!

Шефергансъ. Разбойники, лгуны, лѣнтяи, медвѣди! Врете вы все!

Кастель (съ хлыстомъ въ рукахъ). Ну, теперь говорите, негодяи! Сколько дверей полагается имѣть дворянину? Отвѣчайте: «Сколько ему угодно».

Крестьяне. Сколько ему угодно! (Рыцари смѣются).

Кастель. Сколько замковъ полагается дворянину?

Крестьяне. Сколько ему угодно.

Кастель (стегаетъ хлыстомъ крестьянъ). Эхъ, взялъ бы васъ кровавый поносъ!

Гуттенъ (тоже бьетъ ихъ хлыстомъ). Черныя собаки!

Шертлинъ (бьетъ крестьянъ). Дурачье!

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ (тоже бьетъ ихъ хлыстомъ). Псы, негодяи, въ тюрьму ихъ!

(Вмѣстѣ съ воинами колотятъ крестьянъ. Дикій, пьяный хохотъ).

Шертлинъ. Ну-съ, благочестивые братья, а теперь, послѣ работы, давайте поиграемъ въ «нѣмецкихъ господъ».

Кунцъ фонъ-деръ-Мюленъ (говоритъ, уходя въ столовую).

«Одѣваться, раздѣваться,
Плотно ѣсть и напиваться,
А потомъ подолгу спать—
Вотъ работа намъ подстать!»

Шертлинъ. Что же мы теперь предпримемъ, господа?

Кастель. Хотите играть въ кости?

Шертлинъ. Что за вопросъ? Развѣ могутъ военные люди

пировать и не играть при этомъ въ кости? (Всѣ уходятъ въ столовую, откуда раздается пѣніе).

«Дѣла намъ пѣтъ
До Римскаго царства:
Нынче-ль, завтра-ль умретъ—
Плевать намъ на это!»

(Марея входитъ, боязливо и осторожно ступая. Она останавливается, испуганная, услышавъ голоса въ сосѣдней комнатѣ, хочетъ пойти назадъ, но снова останавливается и прислушивается. Слышится слабое бряцаніе желѣзныхъ латъ медленно поднимающагося по витой лѣстницѣ вооруженнаго человѣка. Марея въ нерѣшительности: не знаетъ, оставаться ли ей или убѣжать, и отступаетъ въ глубь сцены, въ самое темное мѣсто. Показывается закованный въ черныя латы рыцарь, съ трудомъ поднимающійся на послѣднія ступени лѣстницы. Онъ прислоняется къ косяку. Забрало спущено. Послѣднимъ усиліемъ онъ старается отстегнуть шлемъ).

Марея (тихо). Капитанъ!

Гейеръ (прислушивается).

Марея. Капитанъ!

Гейеръ (съ усиліемъ поднимаетъ забрало).

Марея. Капитанъ! (Подходитъ къ нему и старается отстегнуть шлемъ).

Гейеръ (говоритъ съ усиліемъ). Отстегни мнѣ шлемъ!

Марея. Капитанъ, уходи! Тебѣ нельзя здѣсь оставаться.

Гейеръ. Молчи!

Марея (быстро зажимаетъ себѣ ротъ рукой).

Гейеръ (хочетъ говорить, но не можетъ).

Марея (поддерживаетъ его и тревожно глядитъ на него).

Гейеръ (указываетъ ей на что-то).

Марея (недоумѣваетъ, потомъ понимаетъ его знакъ. На столѣ стоитъ кружка съ виномъ, и она ведетъ къ столу обезсиленнаго Гейера. Онъ не можетъ сдѣлать шагу. Она быстро приноситъ кружку. Онъ жадно хватаетъ ее и пьетъ. Она придерживаетъ ему кружку, какъ ребенку).

Гейеръ (опустился на одно колѣно, отнимаетъ кружку отъ рта, жалобно стонетъ, потомъ опять пьетъ, опускается на землю, сидитъ, прислонившись спиной къ стулу, откидываетъ голову, раскрываетъ ротъ и прерывисто дышитъ).

Марея (растерянно глядитъ на него, пугается, когда онъ закрываетъ глаза, опускается на колѣни около него и настойчиво говоритъ). Капитанъ, ты долженъ уйти: здѣсь тебя ждетъ смерть и погибель!

Гейеръ (открываетъ глаза). Гдѣ я?

Марея. Ты въ Римпарѣ, и здѣсь рейтеры союзнаго войска.

Гейеръ. Такъ... я... уже... умеръ?

Марея. Капитанъ, ты долженъ уйти, заклинаю тебя своей жизнью: иначе будетъ поздно.

Гейеръ (улыбается и глядитъ на нее глубокимъ взоромъ). Мнѣ здѣсь хорошо.

Лоренцъ фонъ-Гуттенъ (шумно входитъ и кричитъ). Ну ужъ и игра, чортъ возьми! Вы это называете майской игрой, господа? Чортъ ее побери; у меня все лицо вымазано кашей. (Подходитъ къ окну и вытираетъ себѣ лицо. Въ сосѣдней комнатѣ насмѣшливый хохотъ. Онъ идетъ обратно въ столовую, не замѣтивъ Гейера).

Гейеръ (придя въ себя). Здѣсь люди изъ союзнаго войска. (Медленно поднимается).

Марея. Я знаю, гдѣ стоятъ лошади, капитанъ. Слуги пьяны: дѣло обойдется хорошо.

Гейеръ. Это, кажется, былъ Лоренцъ фонъ-Гуттенъ?

Марея. Не знаю.

Грумбахъ (входитъ полупьяный). Эй, дѣвка, чего тебѣ здѣсь нужно?

Гейеръ. Вильгельмъ!

Грумбахъ (въ ужасѣ). Что такое? Кто это? Кто ты и что тебѣ нужно?

Гейеръ. Ты меня не узналъ?

Грумбахъ. Кто ты, чего тебѣ нужно? Я тебя не знаю.

Гейеръ. Коротка же у тебя память, если ты меня не знаешь.

Грумбахъ. Коротка ли, длинна ли, что мнѣ до тебя за дѣло? Я не хочу, чтобы меня четвертовали живого и чтобы потомъ палачъ сжегъ мой трупъ. Мнѣ до тебя нѣтъ дѣла: я тебя не знаю.

Гейеръ. Дай мнѣ только поспать здѣсь часокъ.

Грумбахъ. Я тебя не знаю! Чего тебѣ отъ меня нужно? Я только знаю о человѣкѣ, который хвасталъ, что научитъ князей и поповъ плясать подъ свою дудку. Но онъ не умѣлъ играть, и его лютню разбили объ его голову. Теперь князья и попы сами взялись за игру...

Гейеръ. Знаю, знаю. Много крови и денегъ это стоило.

Грумбахъ. Что тебѣ здѣсь нужно? Зачѣмъ ты ко мнѣ пришелъ? Ты хочешь, чтобъ я за тебя поплатился? Хочешь натравить на меня этого кровопійцу, Трухзеса? И такъ про меня говорятъ, что я причастенъ къ вашему дѣлу. Но этого никогда не было: я никогда не былъ «чернымъ».

Гейеръ. Вильгельмъ, мнѣ нужно только поспать часокъ! Тогда я уйду и никогда болѣе не покажусь тебѣ на глаза.

Но теперь я безъ силъ: меня ребенокъ можетъ опрокинуть.

Грумбахъ. Я не могу пріютить тебя; я за это поплатился бы жизнью.

Гейеръ. Если я не могу остаться здѣсь, то укажи мнѣ, по нѣмецкому обычаю, другой кровъ.

Грумбахъ. Я другого не знаю; я и тебя не знаю. Кто тебѣ велѣлъ начинать дѣло? Теперь, конечно, ты ближе къ смерти, чѣмъ къ жизни.

Гейеръ. Чернецъ въ монастырѣ переживаетъ многихъ воиновъ... Прощай! Вѣдь ты былъ евангелическимъ братомъ.

Грумбахъ. Я былъ лютераниномъ и никогда не примыкалъ ни къ Карлштадту ни къ Мюнцеру. Я и теперь держусь слова Божія, какъ понимаетъ его Лютеръ.

Гейеръ. Онъ довольствуется только крохами слова Божія.

Грумбахъ. Куда ты теперь?

Гейеръ. О, милые нѣмцы! Не жди благодарности отъ нѣмца... Прощай!

Грумбахъ. Ты не можешь сказать про меня ничего дурного. Развѣ я былъ когда-нибудь на сторонѣ крестьянъ?

Гейеръ. Я ужъ, право, самъ не знаю, что могу, чего не могу. Вотъ ужъ четыре дня, какъ я не спалъ. Я сражался съ союзнымъ войскомъ, пока у меня не отнялись всѣ члены. Мы держались въ Ингольштадтскомъ замкѣ, пока не вышелъ весь порохъ; тогда мы стали отбиваться руками и зубами. Тѣ, которые уцѣлѣли, заползли въ погребъ и заперлись тамъ. Они насыпали пороху въ ямы и подожгли его. Вильгельмъ, если-бъ меня пытали палачъ, я не могъ бы сказать теперь, что знаю.

Грумбахъ (съ внезапной рѣшимостью). Идемъ, войди туда! Если я терплю у себя собакъ и кошекъ, то могу на одну ночь оставить тебя здѣсь... Но чуть заря — убирайся отсюда!

Гейеръ (колеблется, прежде чѣмъ войти въ открытую дверь налѣво).

Грумбахъ. Ну что-жъ, не хочешь, дьяволъ тебя побери?

Гейеръ (значительно). Лягу и засну съ миромъ, ибо Ты одинъ, Господи... (Уходитъ съ Мареей и Грумбахомъ).

Анна фонъ-Грумбахъ (быстро входя). Вильгельмъ!

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ (возвращаясь). Чего тебѣ?

Анна. Что ты тамъ дѣлаешь?

Вильгельмъ. Ничего.

Анна. Служанки видѣли поднимающагося по витой лѣстницѣ человѣка въ черныхъ латахъ.

Вильгельмъ. Ну такъ что-жъ? Мало въ замкѣ людей, закованныхъ въ латы?

Анна. Ты ничего не замѣтилъ?

Вильгельмъ (сердито). Да, ничего!

Анна (испуганно, предчувствуя бѣду). Вильгельмъ!

Вильгельмъ. Чего ты хочешь отъ меня?

Анна. Ты видѣлъ этого рыцаря?

Вильгельмъ. Ну да, чортъ побери, я видѣлъ его! А теперь заткни свою глотку и оставь меня въ покоѣ!

Анна. Ты знаешь, кто этотъ рыцарь?

Вильгельмъ. Ничего я не знаю, не знаю, кто онъ.

Анна (почти плача). Ради Господа и всѣхъ святыхъ, не укрывай его!

Вильгельмъ. Ты хочешь, чтобъ я взялъ себѣ на душу смертный грѣхъ?

Анна. На мнѣ его кровь, Вильгельмъ! Подумай о своей женѣ и дѣтяхъ. Ты становишься поперекъ епископу...

Вильгельмъ (при видѣ входящихъ въ залу рыцарей, отталкиваетъ жену). Тысяча чертей!

Шертлинъ (безъ панцыря, входитъ изъ двери направо и держитъ на рукахъ трехлѣтняго сына Грумбаха). Ай, люли, люли! (Поетъ).

«Хочешь покушать, барченокъ?
Слушай меня: на коня, къ знаменамъ!
Ѣдетъ мужикъ за дворами:
Хватай его живо, держи за шиворотъ,
Потѣшься надъ нимъ, забери все у него!
Выпрягай его лошадокъ, живо, смѣлѣй!
А если у него чистыя денежки,
Грызи ему горло!...»

Когда я проходилъ мимо его комнаты, сударыня, онъ поднялъ страшный крикъ и звалъ мать. Я пошелъ къ нему,—и онъ успокоился... Но уйти я уже не могъ одинъ: пришлось взять его съ собой. Ишь ты, какъ глазенки таращитъ, юнкерокъ, чортъ бы его побралъ! Гляди на меня, деревяжка: у меня тоже есть такой сынокъ! Онъ въ утробѣ матери соткалъ мнѣ три шелковыя рубахи: со мной держали пари, что родится дѣвочка.

Анна (беретъ ребенка и быстро уходитъ съ нимъ).

Кунцъ фонъ-деръ-Мюленъ (входя вмѣстѣ съ Гартгеймомъ, Кастелемъ и Гуттеномъ). Господа, кости готовы!

Шертлинъ. Говорю тебѣ, не хвастая, юнкеръ: берегись играть со мной въ кости! Третьяго-дня я въ лагерѣ у Трухзеса сцапалъ пятьдесятъ флориновъ.

Кастель. Но тридцать изъ нихъ я на другой день выигралъ у васъ.

Шертлинъ. Ну да, я былъ тогда не въ ударѣ, былъ голоденъ и не въ духѣ; а то бы вы ни одного бѣлаго пфеннига у меня не выиграли! (Гуттену) Рыцарь, пью за ваше здоровье! (Пьетъ).

Кастель. Онъ такъ усталъ и такъ напился, что едва ли будетъ пить съ вами. У васъ тоже, юнкеръ Гартгеймъ, голова трещитъ отъ вина, какъ мнѣ кажется.

Гартгеймъ. Бьюсь объ закладъ на двадцать флориновъ, что вы раньше меня свалитесь подъ столъ.

Шертлинъ. Идетъ, идетъ!

Кастель. Я сколько угодно буду пить на пари.

Шертлинъ. Идетъ, идетъ! (Шертлинъ, Гартгеймъ, Кастель, фонъ-деръ-Мюленъ и Грумбахъ идутъ въ столовую. Гуттенъ заснулъ, опустивъ голову на столъ).

Анна (входитъ и обращается къ Гуттену). Лоренцъ, Лоренцъ!

Лоренцъ фонъ-Гуттенъ (отвѣчаетъ неопредѣленными звуками).

Анна. Лоренцъ! Флоріанъ Гейеръ здѣсь!

Гуттенъ (вскакивая). Кто, гдѣ? Флоріанъ Гейеръ?

Анна. Да, Лоренцъ.

Гуттенъ. Какъ онъ вдругъ здѣсь очутился?

Анна. Онъ только-что явился сюда: онъ спасается бѣгствомъ.

Гуттенъ. Гдѣ онъ? Я одинъ его свалю, одинъ свалю!

Анна. Замолчи! Ради Бога замолчи!

Вильгельмъ (входитъ).

Гуттенъ. Вильгельмъ, гдѣ онъ?

Вильгельмъ. Кто?

Гуттенъ. Гейеръ!

Вильгельмъ. Опять ты меня объ этомъ спрашиваешь!

Гуттенъ. Вильгельмъ, говори, или я подниму шумъ! Смерть Гейеру! Онъ продался французамъ и хотѣлъ возвести на императорскій престолъ палача, герцога Вюртембергскаго. Онъ служилъ моему смертельному врагу: онъ долженъ умереть!

Гартгеймъ (входя). Что случилось, господа?

Гуттенъ. Флоріанъ Гейеръ здѣсь въ домѣ.

Гартгеймъ. Гейеръ? Къ оружію! (Убѣгаетъ).

Шертлинъ (входя). Гдѣ здѣсь Гейеръ?

Вильгельмъ. Образумьтесь, господа, подумайте, кто онъ! Я не могу ему дать у себя пріютъ, не могу и не хочу защищать его. Ну, такъ постарайтесь не выпустить его изъ рукъ.

Шертлинъ. Стражу къ выходамъ! Къ оружію! Эй, люди! (Убѣгаетъ. Общее волненіе).

Гартгеймъ (возвращается). Гдѣ мой шлемъ?

Шертлинъ (снова входя не въ полномъ вооруженіи, наполовину отрезвившись). Эй, люди, люди!

Гартгеймъ. Всѣ они напились и храпятъ, лежа на спинѣ.

Шертлинъ. Поднять тревогу!

Анна. Не поднимайте тревоги, рыцари!

Гуттенъ (возвращается, наполовину вооруженный). Гдѣ Гейеръ? Я приготовился къ встрѣчѣ.

Шефферансъ (появляется у двери).

Шертлинъ (Шефферансу). Проснетесь ли вы наконецъ, пьяные канальи!

Вильгельмъ фонъ-Грумбахъ (незамѣтно уходитъ изъ залы).

Гуттенъ. Вильгельмъ, гдѣ ты?

Шертлинъ. Гдѣ юнкеръ?

Кунцъ фонъ-деръ-Мюленъ. Гдѣ Гейеръ?

Анна (движеніемъ руки приглашаетъ всѣхъ къ молчанію, подходитъ къ двери, за которой исчезъ Гейеръ, указываетъ на нее рукой и исчезаетъ. Полупьяные рыцари хватаются за мечи и осторожно приближаются къ двери. Тишина. Дверь растворяется; рыцари шепчутся. Марея выходитъ, снова прячется, черезъ минуту снова выходитъ. Ее хватаютъ и закалываютъ).

Марея (умирая). Капитанъ, спасайся, убійцы!

Шертлинъ. Не отступайте, твердо держите оружіе!

Гуттенъ (подкрадывается близко къ двери и хочетъ взяться за ручку. Дверь съ силой раскрывается изнутри. Появляется Гейеръ, держа обломокъ чернаго знамени въ лѣвой рукѣ и обнаженный мечъ въ правой. Всѣ отступаютъ назадъ передъ его холоднымъ, спокойнымъ желѣзнымъ взглядомъ).

Гейеръ. Кого вы ищете?

Рыцари (молчатъ).

Гейеръ. Кого вы ищете?

Шертлинъ. Флоріана Гейера изъ Гибельштадта.

Гейеръ (выступая впередъ). Это я. А вы кто?

Шертлинъ. Ты меня не знаешь?

Гейеръ. Нѣтъ.

Шертлинъ. Не знаешь Себастьяна Шертлина, сражавшагося при Павіи?

Гейеръ. Неужели же мнѣ помнить всякаго драчуна и мошенника въ шайкѣ Фрундсберга?

Гуттенъ. А меня ты тоже не знаешь?

Гейеръ. Ты—поповскій холопъ.

Гуттенъ. Мое имя—Лоренцъ фонъ-Гуттенъ.

Гейеръ. Такъ стыдись, дьяволъ, если въ тебѣ есть хоть капля честной нѣмецкой крови!

Гуттенъ. Чортъ возьми! Ты хвастаешь тѣмъ, что былъ другомъ Ульриха фонъ-Гуттена, а самъ служишь герцогу и палачу Вюртембергскому, его злѣйшему врагу.

Гейеръ. На все своя причина: такъ говорилъ Сиккингенъ передъ смертью.

Гартгеймъ. Нечего разговаривать! Сдавайся на милость!

Гейеръ (смѣется съ невыразимымъ презрѣніемъ).

Гартгеймъ. Сдавайтесь на милость! Если добровольно не сдадитесь, рыцарь, то...

Гейеръ. Эй, ты, испанскій павлинъ, не подступай ко мнѣ близко! Неужели ты думаешь, что у меня нѣтъ силъ сопротивляться, и грозишь мнѣ смертью, какъ откормленному гусю?

Кастель. Тебѣ не избѣгнуть Божьей кары!

Шертлинъ. Сдавайтесь на милость! Вы были предводителемъ крестьянскаго бунта. Вы навлекли позоръ и погибель на бѣдныхъ людей.

Гейеръ (смѣется).

Кастель. Вы возстали на справедливость, на порядокъ, попрали слово Божіе.

Гейеръ (прислонившись къ стѣнѣ, опять смѣется).

Шертлинъ. Въ послѣдній разъ вамъ говорятъ, рыцарь: сдайтесь на милость, отдайте мечъ!

Гейеръ (становится въ оборонительное положеніе и кричитъ страшнымъ голосомъ). Ну-ка, пожалуйте!

Гуттенъ. Впередъ!

Шертлинъ. Подождите!

(Рыцари шепчутся. Тѣмъ временемъ Шефергансъ, стоящій въ глубинѣ, цѣлится изъ самострѣла въ Гейера).

Гейеръ (погруженный въ раздумье, вдругъ вскрикиваетъ нечеловѣческимъ голосомъ). Іуда! Іуда!

Гуттенъ. Теперь ты ревешь, какъ быкъ! Ты самъ Іуда, да, ты! Ты поступилъ, какъ Іуда, съ рыцарями. Твоя

мать выплакала себѣ глаза, твой отецъ съ горя въ могилу сходитъ.

Гейеръ (какъ бы въ забытьѣ). Я—послѣдній отпрыскъ моего рыцарскаго рода.

Кастель. Что онъ говоритъ? Не дай Господи! Нѣтъ, есть еще много честныхъ рыцарей и рейтеровъ, носящихъ твое имя.

Шертлинъ. Именемъ Трухзеса Вальдбургскаго, губернатора Вюртембергскаго...

Гуттенъ. Именемъ главнокомандующаго...

Гейеръ. Я его считаю мясникомъ, живодеромъ, сводникомъ и шельмой, а васъ—негодными псами, кровопійцами, негодяями...

Рыцари. Смерть ему, смерть!

Гейеръ. Пожалуйте, пожалуйте сюда!

Гуттенъ. Да замолчишь ли ты, мужикъ!

Гейеръ. Жижка и свобода! Пожалуйте сюда!

Шеффергансъ (пускаетъ стрѣлу въ Гейера).

Гейеръ (раненый на смерть, падаетъ, взглянувъ на всѣхъ исполненнымъ ненависти взглядомъ, и умираетъ).

Гуттенъ (изумленный и испуганный, какъ и всѣ остальные рыцари). Проклятіе, это что такое?

Шертлинъ. Клянусь честью, господа...

Кастель. Не подходите близко, юнкеръ!

Шеффергансъ (набрасывается на мертваго, какъ на подстрѣленную дичь).

Гартгеймъ. Умеръ?

Шеффергансъ. Еще бы! Никогда я еще такъ ловко не стрѣлялъ.

Шертлинъ. Такъ это ты, песъ, убилъ его?

Шеффергансъ (разстегивая панцырь на груди Гейера). А развѣ этого не слѣдовало сдѣлать? Вѣдь Трухзесъ обѣщалъ сто флориновъ за его голову!

Куницъ фонъ-деръ-Мюленъ (кричитъ въ окно). Флоріанъ Гейеръ умеръ! Трубите въ трубы! Флоріана Гейера нѣтъ въ живыхъ!

Кастель. Скорѣй на коней! Повеземте радостную вѣсть въ лагерь.

Гуттенъ. Дай мнѣ его мечъ, Шеффергансъ, и ты получишь деньги... Я за тебя похлопочу у Трухзеса. (Береть мечъ).

Шертлинъ. Великолѣпный мечъ, клянусь честью!

Кастель (оглядывая мечъ). На немъ вырѣзано изреченіе.

Гуттенъ (читаетъ). Nulla crux, nulla corona. Нѣтъ короны безъ креста.

Кунцъ фонъ-деръ-Мюленъ (кричитъ у окна). Ура! Флоріанъ Гейеръ умеръ!

(Внизу, на дворѣ, трубятъ въ трубы).

(Занавѣсъ падаетъ).

ЗАЛОЖНИЦА КАРЛА ВЕЛИКАГО.

Драматическая легенда въ 4-хъ дѣйствіяхъ,
въ стихахъ.

Переводъ А. М. Ѳедорова.

...Пишутъ, что король Карлъ, котораго франки съ именемъ Великаго поставили рядомъ съ Помпеемъ и Александромъ, пламенно полюбилъ одну дѣву, которая, какъ ему, по крайней мѣрѣ, казалось, превосходила красотою всѣхъ другихъ дѣвъ своего времени въ землѣ франковъ. Страсть короля была столь горячею, онъ сталъ такъ порученъ, и душа его была такъ плѣнена ея нѣжными ласками, что онъ забылъ о своей славѣ и чести и пренебрегъ думами объ управленіи своимъ царствомъ...

Новелла Себастіано Эрицо, 16-го вѣка.

Когда художникъ искренень и честенъ, никогда нѣтъ большой трудности устанавливать органическую связь его произведеній между собою. Случайныхъ побужденій угоды публикѣ, моды, расчета—не существуетъ для него. Видны всѣ нити, связывающія замыселъ съ міровоззрѣніемъ и личной психикой писателя. Если такъ подойти къ самой послѣдней по времени написанія драмѣ Гауптмана «Заложница императора Карла» (Kaiser Karls Geisel),—станетъ яснымъ ея происхожденіе.

Еще работая надъ историческими матеріалами по «Флоріану Гейеру», по «Бѣдному Генриху», Гауптманъ, несомнѣнно, не разъ задумчиво останавливался на эффектномъ образѣ Карла Великаго, откладывая на будущее время драму съ нимъ, какъ героемъ. Психологически драма стараго короля, охваченнаго любовью почти къ дѣвочкѣ, могла тѣмъ болѣе становиться понятной писателю, чѣмъ далѣе онъ самъ отдалялся отъ рубежа молодости.

Въ 1908 г., когда появилась «Заложница», Гауптманъ переступилъ порогъ сорокъ шестого года отъ рожденія. Это еще не старость, но съ этого рубежа уже видна старость. И люди исключительныхъ одареній раньше, чѣмъ обыкновенные смертные, чувствуютъ приближеніе вечернихъ тѣней. Во всякомъ случаѣ, Гауптманъ вступилъ въ ту грань жизни, когда постиженіе трагедіи старца, полюбившаго юную дѣвушку, могло быть ему уже совершенно доступнымъ во всей своей мучительной яркости и остротѣ.

Эта психологическая деталь настолько очевидна, что, естественно, ея не могли не коснуться всѣ, высказывавшіеся печатно по поводу «Заложницы».

Извѣстія о томъ, что Гауптманъ работаетъ надъ пьесою изъ временъ Карла Великаго, довольно давно проникли въ нѣмецкую печать. Очень долго однако они носили слишкомъ общій и неопредѣленный характеръ. Въ началѣ года появилась самая пьеса въ берлинскомъ изданіи постояннаго издателя Гауптмана Фишера—нѣсколько стилизованнымъ «подъ 18-й вѣкъ» маленькимъ томикомъ.

12-го января драма была поставлена въ берлинскомъ «Лессингъ-Театрѣ». Критика встрѣтила новое произведеніе Гауптмана безъ особенныхъ восторговъ. По отзывамъ газетъ, друзья писателя побѣдили оппозицію, но не обезпечили драмѣ безспорнаго успѣха. Публика въ цѣломъ осталась равнодушною и нетронутою.

Не содѣйствовало успѣху и самое исполненіе, по общей отмѣткѣ, тягучее и медлительное. Похожій на Бога-Отца съ старой иконы, артистъ Гансъ Марръ, игравшій Карла, такъ же не захватилъ зри-

тельной залы, какъ извѣстная исполнительница гауптмановскихъ ролей, артистка Ида Орлова не тронула ее образомъ Герзуинды.

«Король Карлъ въ теченіе долгой жизни своей разъ десять становился старымъ и снова молодымъ»,—эти слова Карла въ драмѣ подсказаны Гауптману подлинными историческими показаніями. О превратностяхъ судьбы Карла въ жизни сердца говоритъ его официальный историкъ Эйнгардъ.

Ближайшимъ образомъ замыселъ драмы подсказанъ Гауптману итальянской новеллой XVI вѣка Себастіана Эриццо: «Le sei giornate», впервые переведенной на нѣмецкій языкъ Полемъ Эрнстомъ. Выдержку изъ нея въ итальянскомъ подлинникѣ драматургъ беретъ эпиграфомъ къ своей пьесѣ.

Тема любви глубокаго старика къ только-что расцвѣтающей дѣвушкѣ—до самозабвенія, до отреченія отъ воли и власти, — вѣчная тема жизни и художества. Вспоминаются образы библейскаго Давида, грѣющаго одряхлѣвшую плоть около юной Ависаги, нашего Грознаго, доктора Паскаля изъ правдиваго романа Зола. При желаніи можетъ быть далеко продолжена эта галлерея. Гауптманъ скрещиваетъ двѣ драмы—драму старика и дѣвушки, отдаваясь анализу психологіи того и другого.

Если онъ совершенно достигаетъ цѣли въ обрисовкѣ Карла, то далеко нѣтъ такой ясности образа въ Герзуиндѣ. Какъ нерѣдко случалось съ драматургомъ, и на этотъ разъ отдѣльный образъ захватилъ и плѣнилъ его въ ущербъ общей цѣльности драмы. Карлъ заслонилъ въ пьесѣ всѣ другія фигуры, не исключая даже той, какая дала заглавіе произведенію, какъ это было съ «Коллегой Крамптономъ», съ «Крамеромъ» и въ другихъ случаяхъ.

И великолѣпно обрисованный Карлъ стоитъ въ «неуютномъ одиночествѣ», въ вечернихъ тонахъ своей жизни, гордый властелинъ, ученый, мудрецъ, купившій мудрость сѣдинами, любовникъ съ неугомонившеюся кровью—среди какихъ-то шепчущихся тѣней.

Обрисовка Карла прекрасна. Гауптманъ не только изучилъ образъ, но и постигъ философію догорающаго властителя. Психологически не чувствуется никакого диссонанса во всемъ томъ, что онъ влагаетъ въ уста или заставляетъ дѣлать этого старика, на сердцѣ котораго уже—«ледъ шестидесяти зимъ». Художественно-тонко онъ наслоилъ на этотъ образъ все, что подсказало ему изученіе общаго характера эпохи, желѣзной и суровой. Археологія не бьетъ здѣсь въ глаза,—въ этомъ отношеніи Гауптманъ сдѣлалъ огромный шагъ впередъ по сравненію съ «Флоріаномъ Гейеромъ»,—но тонко чувствуется настоящимъ знатокомъ.

Въ рѣчахъ Карла, въ его намекахъ на ученость вѣка, въ средневѣковыхъ суевѣріяхъ Эркамбальда, въ образѣ Алькуина, въ какой-нибудь мелочи, въ родѣ манеры называть другъ друга библейскими или героическими именами,—изучавшій эпоху почувствуетъ чуткое слѣдованіе исторической правдѣ и нѣжную стильность, которая пройдетъ совершенно незамѣченною для профана и которую этому профану вовсе и не стремится подчеркнуть Гауптманъ.

Герзуинда далека отъ психической ясности Карла. Надо быть справедливымъ къ автору,—этотъ образъ несравненно сложнѣе и труднѣе. Что-то родственное Раутенделейнъ есть въ этомъ капризномъ образѣ странной дѣвушки, какъ нѣчто общее есть между ними и въ символическомъ ихъ значеніи.

Жрица свободнаго чувства, язычески-радостно воспринимающая

жизнь, не мирящаяся ни съ какими узами, придуманными человѣческою моралью,—Герзуинда всѣмъ этимъ подобна вольной дочери горъ, зовущей литейщика Генриха въ свое свободное царство изъ долинъ земли, изъ узкихъ рамокъ обыденности.

Чисто-языческій культъ тѣла, свобода чувственнаго выбора, полное отрицаніе законовъ ходячей морали—дѣлаютъ Герзуинду образомъ, рѣзко выдѣляющимся на фонѣ христіанства въ его суровомъ усвоеніи девятаго вѣка. Даже больше. Среди реальныхъ, ясныхъ фигуръ драмы Герзуинда одна озарена полуфантастически колеблющимся, мерцающимъ свѣтомъ. Это было хорошо въ завѣдомо-фантастической драмѣ о «Потонувшемъ колоколѣ», гдѣ къ Раутенделейнъ никто и не вздумалъ бы предъявлять требованій реальнаго письма. Къ Герзуиндѣ критикъ въ правѣ предъявлять эти требованія даже тогда, когда онъ допускаетъ и извѣстный символъ въ этомъ образѣ. И эта неясность персонажа можетъ чувствоваться, какъ незаконченность обрисовки, какъ художническая слабость.

Возможны разныя пониманія и основной идеи Гауптмана, какую онъ хотѣлъ провести въ образѣ Герзуинды. Безспорно лишь одно, что здѣсь сильно чувствуются отзвуки того настроенія, которое владѣло имъ во время увлеченія трагедіей Раутенделейнъ и Генриха. Та же мечта нравственной свободы человѣка, та же мысль о невозможности достигнуть счастья при вѣчныхъ столкновеніяхъ долга и морали съ порывами воли, горѣла и теперь въ сердцѣ Гауптмана. Но и переломить натуру, убить, вытравить мечту воли невозможно. «Кто рожденъ свободнымъ, тотъ не покорится»,—говоритъ о Герзуиндѣ Беннитъ.

И мягкая жалость къ насилуемой свободѣ странной дѣвушки какъ-то все время между строкъ чувствуется въ драмѣ Гауптмана. Однако еще разъ художникъ показалъ, какъ безсиленъ человѣкъ отвоевать эту полную свободу. Литейщикъ Генрихъ вернулся съ горъ въ долины и потомъ изнемогъ въ разладѣ свободолюбія и рабства землѣ. Герзуинда умираетъ, отравленная. «Нѣтъ свободы на землѣ!»—слышится вздохъ Гауптмана въ финальной сценѣ драмы, когда изъ глубины кулисъ выходятъ монахини съ тѣломъ бѣдной Герзуинды и медленно движутся мальчики съ зажженными свѣчами въ рукахъ.

Какъ въ «Бѣдномъ Генрихѣ» въ душу средневѣковаго рыцаря Гауптманъ вложилъ мѵки и запросы человѣка своей эпохи, такъ точно — если не еще болѣе—онъ модернизовалъ образы двухъ своихъ героевъ послѣдней драмы—Карла и заложницы-саксонки.

Если хотите, это недостатокъ съ точки зрѣнія строгой исторической критики, которая требуетъ, чтобы человѣкъ, носящій имя историческаго Карла, мыслилъ и поступалъ бы какъ историческій Карлъ, умершій въ 814 году. Въ душу *своего* Карла Гауптманъ вложилъ тоску и мудрость, печаль и думы своего, не девятаго, а девятнадцатаго и двадцатаго вѣка. Онъ далъ ему ту тонкость ощущеній, какая, несомнѣнно, не могла быть свойственной сыну жестокаго вѣка—надменному Карлу Великому. Избалованный властелинъ, разумѣется, не сталъ бы, напримѣръ, ждать отъ юной заложницы, чтобы она полюбила его *душу*, когда ему безъ всякаго сомнѣнія могло когда угодно принадлежать ея тѣло.

Точно также слишкомъ тонки и современно изысканны и сложны настроенія и Герзуинды. Современный призывъ вѣка къ «эмансипаціи тѣла», къ жизни по влеченію страсти, современная проповѣдь «освобожденія инстинкта», «святости плоти» и ея власти звучитъ сквозь слова этой саксонки девятаго вѣка.

Повторяю, если хотите,—это недостатокъ пьесы съ точки зрѣнія профессоровъ исторіи. Если хотите, — есть особенный интересъ въ томъ, что писатель сумѣлъ подойти къ самымъ жгучимъ и интереснымъ нравственнымъ проблемамъ своего вѣка, воспользовавшись для этого историческимъ лицомъ и случаемъ.

Историческій образъ великаго императора во всякомъ случаѣ не очень пострадалъ въ своей основѣ отъ этой модернизаціи. Идейный интересъ пьесы отъ этого только увеличился.

Яркая красочность фигуры Карла—неотъемлемое достоинство послѣдней пьесы нѣмецкаго драматурга. По своей содержательности, красотѣ образовъ и, такъ сказать, «густотѣ письма», «Заложница Карла» стоитъ, несомнѣнно, выше послѣднихъ работъ Гауптмана — «Пиппы» и «Дѣвъ изъ Бишофсберга». При сценическомъ воспроизведеніи въ ней, къ сожалѣнію, неблагопріятно сказывается блѣдность дѣйствія и отсутствіе движенія. Это только отчасти искупается сильнымъ драматическимъ подъемомъ финала.

ЗАЛОЖНИЦА КАРЛА ВЕЛИКАГО.

Драматическая легенда въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Карлъ Великій.
Герзуинда.
Эркамбальдъ.
Алькуинъ.
Рорико.
Беннитъ.
Первый капелланъ.
Настоятельница монастыря.
Сестра-экономка монастыря.
Монахини, воспитанники монастыря.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Спальня Карла Великаго во дворцѣ въ Ахенѣ. Сентябрьскій день передъ восходомъ солнца.

Король сидитъ въ кровати, слуги его одѣваютъ. Ему больше шестидесяти лѣтъ, но держится онъ прямо и имѣетъ видъ еще полнаго силъ. Графъ Рорико. По виду не болѣе тридцати лѣтъ. Красивъ, благородная осанка. Ожидая приказа короля, стоитъ въ почтительномъ отдаленіи.

Карлъ.

Такъ, новая рубаха. Превосходно!
Какъ выбѣлена дивно! Какъ свѣжа!
О, если-бъ я съ ней вмѣстѣ обновился
И посвѣжѣлъ! Но ужъ не долго ждать,—
И скоро ледянящая рубаха
По членамъ коченѣющимъ скользнетъ.
Что-жъ, ладно, другъ. Но все же, другъ, покуда

Оставь еще висѣть ее. Не тронь
Въ шкалу рубаху, и не трогай также
Хромого сердца моего. Оставь
Свою рубаху!.. Пугало, что̀ червь
Въ гробу встрѣчаетъ съ вычурнымъ поклономъ...
Пусть подождетъ... твой новый человѣкъ...
Такъ... Франковъ одѣянье опояшьте
Вкругъ бедръ мнѣ. Я франкъ, свободный франкъ!
Кто смѣетъ отрицать? Признаться надо,
Я плѣнникъ долга. Кто же усомнится?
Могущественный... Нужно-ль подтверждать?
Безпомощный совсѣмъ... О, прикрѣпите
Мою хромую ногу. Умываться!
Живѣй! Ну, графъ, безъ дальнихъ словъ—къ дѣламъ.

Рорико (съ юморомъ).

О, государь. Повсюду въ канцеляріяхъ
Волненье... Бунтъ. Самъ канцлеръ Эркамбальдъ
Проспалъ свой часъ и въ бѣшенствѣ, какъ видно.

Карлъ.

Проспалъ! Оселъ негодный! Онъ бы долженъ
Минутой каждой дорожить. Пускай,
Коль надоѣло жить, идетъ въ могилу.
Нагрудникъ мой—тотъ, изъ змѣиныхъ кожъ.
(На него одѣваютъ фуфайку изъ кожи змѣи).

Рорико.

Ночной напитокъ этому причиной.

Карлъ.

Такъ. Жизнь, вино, любовь онъ прославляетъ,
Чтобъ все проспать. Нѣтъ, бодрствуй... А зачѣмъ?
Не знаю самъ. Ну... что̀ глаза таращить?
Живѣе двигайтесь и дѣлайте, какъ будто
Вы созданы, чтобъ дѣлать что-нибудь.
Обманывайте и меня, что также
Могу я что-то дѣлать.

Рорико (желая развлечь его).

Государь,
Тутъ саксъ Беннитъ все пристаетъ съ прошеньемъ

Къ привратнику ужъ нѣсколько недѣль
И на своемъ настаиваетъ нынче.

Карлъ.

Такъ приведите мнѣ упрямца.

Рорико (приказываетъ слугѣ, шестнадцатилѣтнему мальчику, позвать Беннита. Мальчикъ усердно бросается исполнить приказаніе).

Карлъ (про себя).

Такъ...
Саксъ... Хорошо. Не ново. Но однако
Двадцать три года завтракъ мой—одинъ:
Отъ яица до яблока все тотъ же!
Такъ почему же кстати ужъ и саксамъ
День изо дня не быть?.. Скрести корову
Скребницей постоянно—это дѣло
Полезное, но все-жъ оно меня
Способно усыпить, какъ усыпляетъ
Работника, что̀ занятъ только имъ,
Доильщицу подъ выменемъ коровы.
Измѣнники! Такъ... Молніи ударъ...
Измѣна!..

(Достаетъ изъ-подъ подушки дощечку, пишетъ).

Это слово въ полномъ блескѣ
Яви, дощечка!

(Забывъ объ окружающихъ, онъ съ видимымъ трудомъ пишетъ на дощечкѣ. Въ это время входитъ канцлеръ Эркамбальдъ. Ему далеко за восемьдесятъ лѣтъ, длинные локоны, какъ у короля. Черты значительны и фанатичны. Онъ совсѣмъ дряхлый).

Эркамбальдъ (шопотомъ Рорико).

Что̀—король? Здоровъ?

Рорико.

Сказавъ: «отлично»—я совру; а «плохо» —
Совру не меньше. Только нынче имъ
Какой-то духъ владѣетъ безпокойный.

Карлъ (вслухъ самому себѣ).

Эй, голова... Эй, гдѣ ты, голова?
Квадривіумъ... Семь есть искусствъ свободныхъ...

Грамматика есть тривіумъ. Затѣмъ
Ужъ діалектика. Не музыка... Такъ... тривьюмъ...
Запомни...

(Къ Эркамбальду, какъ будто онъ все время присутствовалъ здѣсь)

Вотъ загадка: съ кѣмъ войну
Король твой Карлъ труднѣйшую велъ въ жизни?
Ну?..

Эркамбальдъ.

Безъ сомнѣнья,—съ саксами...

Карлъ.

Хитрецъ
Ошибся: только лишь съ самимъ собой.

(Про себя)

А музыка—квадривьюмъ.

(Приподнимаясь со стономъ)

Не старѣйся, Рорико, никогда.

Рорико.

Благословенна и желанна, государь,
Такая старость, какъ твоя...

Карлъ.

Такъ... тривьюмъ...
Квадривіумъ... О, мудрость Соломона,
Которую познать мнѣ суждено!
Не вамъ! Пусть капелланъ мнѣ за столомъ
Прочтетъ «Экклезіастъ». Какъ все ничтожно!
Случается то, что давно случилось,
Творится, что давно сотворено.
Садить и сѣять, чтобы сжинать посѣвы,
И возводить дворцы, чтобъ разрушать!
Пустыя страны населять, чтобъ снова
Ихъ превращать въ пустыни! Причинять
Больныя раны съ тѣмъ, чтобъ заживлять ихъ!
Сокровище найти и потерять,
Искать и вновь найти, чтобы отбросить
Найденное! Наказывать, душить,
Вознаграждать, лобзать!..

Лобзать. Ты слышишь,
Рорико?.. Музыка квадривіумъ... Съ небесъ

Упавшій звукъ въ житейскомъ гамѣ... Баста!
Дай мнѣ печать—Сераписа.

(Иронически, заносчиво)

Весь міръ—
Послушный воскъ, и я его ваятель!

(Беннитъ съ героическимъ видомъ сакса, сопровождаемый двумя капелланами, принимаетъ суровую выжидательную позу).

Карлъ (Беннитъ).

Ты—словно духъ, явившійся изъ гроба.
Что надо?

Беннитъ.

Справедливости!

Карлъ.

Вѣдь ты
Изъ тѣхъ мужей, что съ сотворенья міра,—
Какъ Штурмъ, аббатъ изъ Фульды, говоритъ,—
Цѣпями демона навѣкъ обвиты.

Беннитъ.

Гдѣ говорятъ аббаты, господинъ,
Тамъ у мужчинъ одинъ отвѣтъ—молчанье.

Карлъ (повторяя).

Такъ... Справедливость. У меня для васъ
Осталась сила, а не справедливость.
Вы справедливость сами погребли.

Беннитъ.

Ведите къ королю меня.

Карлъ (пораженный, смотритъ на него, иронически усмѣхается, затѣмъ серьезно).

Прошенье?
Покуда мной довольствуйся.

Первый капелланъ.

Беннитъ—
Сынъ Халлиса, саксъ... Братъ его двоюрдный—
Ассигъ—сынъ Амалюнга—младшій родомъ,

Изъ Аквисгранума, безъ покаянья
Скончался онъ, за нарушенье мира
И даннаго имъ слова обвиненный,
Какъ и Беннитъ. За это потерпѣлъ
Онъ наказанье: всѣхъ своихъ владѣній
Межъ Беррою и Фульдой былъ лишенъ.
Лѣса Бохоніи Бенниту и ему
Завѣщаны въ наслѣдство.

Карлъ.

У него

Имѣнья конфискованы?

Первый капелланъ.

По праву.

Беннитъ.

Лжетъ попъ. Мы были вѣрны королю.
Лишь этимъ... ладана курильщикамъ не вѣрны.

Карлъ (сдерживая ужасъ окружающихъ движеніемъ руки).

Пусть дальше говоритъ.

Беннитъ.

Кто-бъ ни былъ ты,
О, господинъ, ты клятвопреступленья
Мнѣ помоги избѣгнуть! Помоги
Остаться вѣрнымъ данной мной присягѣ:
Открой мнѣ путь къ подножью короля.

(Нѣкоторые изъ слугъ смѣются).

Карлъ (опять изумленный, съ возрастающимъ нетерпѣніемъ).

Пути иного нѣтъ—ты здѣсь у цѣли.

Беннитъ.

О, Ассигъ, братъ мой, правду словъ твоихъ
Я оцѣнилъ впервые! ты сказалъ мнѣ:
Безъ топора, ножа, меча, скорѣй
Пробьешься девять миль сквозь лѣсъ дремучій,
Чѣмъ чрезъ поповъ, льстецовъ, дворцовыхъ слугъ
Ты въ Ахенъ, къ уху короля проникнешь.

Карлъ.

Гм... Слышите вы это? Такъ... Король
Старѣетъ, видно. Говорите дальше.
Смѣлѣй!.. Присяга за присягу, саксъ!
Здѣсь предъ тобой... Здѣсь предъ тобою ухо...
Да, ухо короля. Разъ моего
Ты уха не имѣешь,—не имѣешь
Ты и его.

Беннитъ.

Тремъ писарямъ бы дать
Пришлось и мѣсто и вознагражденье,
Чтобъ записали обѣщанья тѣ,
Которыя мнѣ всѣ здѣсь повторяли.

Карлъ (съ возрастающимъ неудовольствіемъ, угрожающе).

Довольно! Ты вѣдь слышалъ, я сказалъ:
Присяга за присягу. За присягу—
Присяга! Пользуйся минутой.

Эркамбальдъ.

Эй,
Какимъ изъ сотенъ идоловъ презрѣнныхъ
Твоихъ боговъ ты, саксъ, такъ ослѣпленъ,
Что короля не узнаёшь?..

Беннитъ (узнавъ короля, растерянный, блѣднѣетъ).

Первый капелланъ (дѣловито).

Прошенье
Беннита, сакса, состоитъ въ томъ... въ томъ...

Карлъ.

Ты, капелланъ, молчи!
(Беннту)
Скажи все прямо.

Беннитъ (собравшись съ духомъ).

О, праведный властитель! Герзуинда,
Дочь брата моего, родная дочь
Того бѣдняги Ассига, что̀ умеръ

Здѣсь, въ Ахенѣ,—заложницей она
Была взята съ имуществомъ, наслѣдьемъ
Отцовъ,—взята она, какъ все, не правомъ,
А произволомъ, государь! Дитя!..
О ней отецъ такъ горько убивался...
Ты самъ отецъ... О ней онъ убивался
Сильнѣй, чѣмъ о наслѣдствѣ и правахъ,
Сильнѣе несравненно! И дитя
Подъ пытками теперь изнемогаетъ.

Карлъ (внимательно).

Такъ... Герзуинда?.. Кто... кто Герзуинда?
Гдѣ это имя слышалъ я? Ну, ну,
Какъ по дорогѣ,—дальше... Не теряйся...
Твой братъ Ассигъ здѣсь въ Ахенѣ искалъ,—
Насколько понялъ я тебя,—и дочки
И справедливости, но отыскать не могъ—
Ни справедливости ни дочки. Справедливость
Оставимъ справедливости, такой,
Какая есть. О дочкѣ рѣчь. Но гдѣ же
Она? Кто мучитъ дочь Ассига?

Эркамбальдъ (выступаетъ между ними).

Государь!
Два слова... Подъ опекою на Плянѣ
Въ монастырѣ дочь сакса—Герзуинда.
И если-бъ правдой выдумка была,
Что Герзуинду мучатъ тамъ, то, значитъ,
Въ монастырѣ,—о, Господи, прости!—
Святыя сестры—палачи ребенка.
Кто знаетъ, какъ всѣ чтутъ святыхъ сестеръ,
Для тѣхъ все это—выдумка пустая.
Нѣтъ, Герзуинда... Это мнѣ извѣстно
Отъ тѣхъ сестеръ-монахинь... Такъ сказать...
Ея поступки очень непохвальны...
Она... Ну, словомъ... Яблоко... Она...
Червивый плодъ отъ яблони... Ну, словомъ,
Вотъ именно... Червивый плодъ... вотъ, вотъ...

Беннитъ.

О, государь. Здѣсь онъ, бѣлобородый,
Срамитъ Ассига... родъ мой... Иль ему,
Какъ канцлеру, дано позорить сакса?

Карлъ (спокоенъ, несмотря на то, что смѣлость Беннита вызываетъ общее негодованіе).

Эркамбальдъ.

Я не позорю, нѣтъ, нисколько. Здѣсь
Сакъ посрамленъ, но посрамленъ не мною.
Что до меня, такъ я, наоборотъ,
Смягчаю много. Что ты привязался
Съ своею Герзуиндой къ королю?
Ты къ уху королевскому пробрался
И тутъ шипишь о ней же... Но у насъ
Довольно дѣлъ помимо Герзуинды.
Ее отлично воспитаютъ... да...

Беннитъ.

И это воспитаніемъ зовется!

Эркамбальдъ.

Да, воспитаньемъ... въ духѣ, въ нравахъ... да,
Какъ слѣдуетъ... да... въ духѣ христіанскомъ...

Беннитъ.

Я не молчу. До бѣшенства однако
Я не дошелъ... Но знай, вся кровь моя
Возмущена... Я здѣсь о бичеваньи,
А не о воспитаньи говорю,
И о жестокостяхъ, а не о нравахъ.
О, государь, смотри, я изъ себя
Не выхожу! Нѣтъ, нѣтъ, я не бѣснуюсь.
По существу я добродушенъ. Но,
Когда моя племянница вбѣжала,
Затравленная, въ домъ мой, и ея
Прекрасное и дѣвственное тѣло
Кровавыми рубцами запеклось,—
По христіанскому обычаю, должно-быть,
Ее изранили?

Эркамбальдъ.

Христіанинъ
Обязанъ покоряться.

Беннитъ.

Но кому же
Дитя должно покорной быть? Кому?

Эркамбальдъ.

А Богу?

Беннитъ.

Богу? Этого желаетъ
Вашъ Богъ? Нѣтъ, нѣтъ! Такого Бога нѣтъ,
Который нищенскую благодарность
Зажжетъ въ глазахъ ребенка лишь за то,
Что передъ нимъ отца и мать позорятъ!
Такого Бога нѣтъ у саксовъ, нѣтъ,
И быть не можетъ также и у франковъ.

Карлъ (совсѣмъ спокойно).

Такъ, господа... Скажу вамъ: несмотря
На все почтенье къ монастырскимъ сестрамъ...—
Ты не тряси кудрями, Эркамбальдъ...—
Все-жъ, къ сожалѣнью, я подозрѣваю,
Что и онѣ порою, несмотря
На всѣ свои намѣренья благія,
Не могутъ быть увѣрены вполнѣ,
Что идутъ настоящею дорогой—
Особенно...

Эркамбальдъ (невольно вскрикивая).

Но правы все-жъ онѣ!

Карлъ (настойчиво продолжаетъ).

Особенно, скажу я,—заблуждаться
Легко, когда касается вопросъ
Заложницы. Онѣ затронуть могутъ
То, что тревожить вовсе не должны,
По моему совѣту, по совѣту
Благоразумныхъ: грубо, можетъ-быть,
Онѣ коснутся къ чуткимъ ранамъ сердца,
А эти раны трудно заживить
У тѣхъ, кто отъ семьи своей отторгнутъ,
Отъ близкихъ, отъ друзей... Отъ алтаря
Своихъ кумировъ, для служенья Богу
Иному, высшему! Съ терпѣньемъ вы
Должны ее воспитывать, и кротко
И осторожно наставлять на путь.
Приказывать поменьше, а побольше

Стараться привлекать, смиренно звать
Къ единому спасенью...

Эркамбальдъ (не сдерживаясь).

Какъ собака
Къ своей слюнѣ, язычества отродье
Вернется къ адскому источнику, къ своей
Проклятой скверне! Только палка, розга,
Кулакъ способны здѣсь вести борьбу...
Итакъ...

Карлъ (спокойно).

Итакъ, немедля приведите
Мнѣ настоятельницу, а потомъ и ту,
О комъ хлопочетъ онъ неутомимо—
Заложницу.

(Въ эту минуту, какъ бы на зовъ короля, входитъ настоятельница монастыря на Плянѣ, съ благочестивымъ видомъ. Ведетъ за руку Герзуинду. Нѣсколько монахинь сопровождаютъ ее.

Герзуиндѣ не болѣе шестнадцати лѣтъ. Ея бѣлокурые волосы распущены и доходятъ почти до земли).

Настоятельница (запыхавшаяся послѣ того, какъ она торопилась во дворецъ, чтобы предупредить жалобу Беннита).

Мы здѣсь, о, государь!

Карлъ (удивленный).

А-а!

Настоятельница.

Взволнованной пришла сестра Варвара:
Она была дежурной во дворцѣ
У господина... я сказать хотѣла...
У дочери придворнаго; бѣдняжка,
О, помоги ей Боже... въ лихорадкѣ
Измучилась... Пришла сестра Варвара
И донесла мнѣ тотчасъ, что Беннитъ,
Упорно, долго намъ надоѣдавшій,
Намъ, бѣднымъ слабымъ женщинамъ... Беннитъ
Проникъ къ тебѣ, король. Сейчасъ позвала
Я Герзуинду, хоть она спала—

Сонъ и сейчасъ въ ея глазахъ... Спаситель
Намъ заповѣдалъ бодрствовать, зане
У насъ враговъ лукавыхъ легіоны.
И вотъ мы здѣсь... пришли мы, государь,
Чтобъ жалобы презрѣнныя разсѣять.

(Герзуинда замѣчаетъ Беннита, бросается къ нему и прячетъ на его груди свое лицо; взволнованная встрѣчей, цѣлуетъ его бородатый ротъ).

Беннитъ.

Смотри туда.

Карлъ.

Какъ... Это Герзуинда?

Беннитъ.

Да, государь.

Карлъ.

Такъ... помню... Это та...

(Къ настоятельницѣ)

Какъ, ваше преподобіе, понять мнѣ
Все это?.. Герзуинда!

Герзуинда.

Да, государь.

Карлъ.

Меня ты, Герзуинда,
Вѣдь знаешь? Да?

(Герзуинда утвердительно киваетъ головой).

Рорико, помнишь, я
Не такъ давно, въ свободный часъ позволилъ
По слабости моей и потому,
Что голова моя была набита
Грамматикой... Короче говоря,
Я, умудренный, какъ-то вдругъ надумалъ
Пойти на Плянъ, всезнайка къ малышамъ,
Учительствовать въ школѣ монастырской.
Но изъ огня да въ полымя прыжокъ,
Увы, не важный! Все высокомѣрье
Вмигъ провалилось, рухнуло, когда
Мнѣ Герзуинда, точно какъ по книгѣ,
Повыложила болѣе того,

Что̀ изучилъ и знаю я донынѣ,
И буду знать... И если-бъ никогда
Сіяньемъ полумѣсяца весеннимъ
Я не былъ ослѣпленъ, и никогда
Сверканія мечей не видѣлъ въ битвахъ,
Пожалуй, чувство зависти и съ нимъ
Недоброжелательство меня легко бы
Поработили... Что̀ произошло
Теперь съ ней? А?

Настоятельница.

Она свершила нѣчто
Неслыханное, государь: она
Бѣжала: такъ за всѣ благодѣянья
Намъ отплатила! За труды, за всѣ
Заботы и горячія молитвы,
Творимыя о ней въ монастырѣ.
Да, вмѣсто благодарности—бѣжала!
О, государь. Ты видишь, я отъ горя
Ломаю руки! Это горе, мнѣ
Терзающее сердце, причинила
Она! Чѣмъ заслужила я? Она
Спасителя призыву не внимаетъ,
А бездны зовъ влечетъ ее къ себѣ.

Карлъ.

О, ваше преподобье, успокойтесь
И разскажите, какъ и почему
Она бѣжала?

Настоятельница.

О, ужъ несомнѣнно
Не потому, что истязали мы
Ее! Такой она назадъ вернулась.
Шушукались вокругъ о заговорахъ—
И этого она не отрицаетъ—
Подпольныхъ, подлыхъ, коимъ изъ дворца
Жестокія грозили наказанья...
А какъ ушла она...

(Все больше и больше теряетъ самообладаніе, и въ голосѣ ея слезы. Сестра-экономка рѣшительно выступаетъ за нее).

Сестра-экономка.

Такъ... Среди ночи
На стѣну, обвитую виноградомъ,

Вскарабкалась она, затѣмъ спустилась
Въ большую грядку нашихъ мальвъ, оттуда,—
Богъ вѣсть во что одѣта,—вдаль скользнула,
И тутъ ее увидѣлъ сторожъ; онъ
Ее окликнулъ. Но, оскаля зубы,—
Какъ говоритъ онъ,—взвизгнула она,
Метнулася быстрѣй летучей мыши...
Отъ ужаса,—прости его Господь,—
Онъ такъ остолбенѣлъ, что спохватился,
Когда ужъ поздно было.

Эркамвальдъ.

Словомъ, вы
Почти все то, что̀ я сказалъ, сказали:
Зеркальными стѣнами василиска
Вы окружите, и издохнетъ онъ
Отъ собственнаго вида. Если это
Имѣете въ виду вы,—это такъ.
Тому назадъ пятнадцать лѣтъ, не болѣ,
Была такая женщина, что̀ въ чревѣ
Плодъ Асмодея понесла, потомъ
Прикинула его отцу. И эта
Преступница была дѣвчонкѣ мать.
Взгляните на нее... нѣтъ, не глядите.
Въ глазахъ ея есть что-то, отчего
Мутится зеркало. Вообразите,
Что государь нашъ, императоръ Карлъ
Приписываетъ ей: премудрость, знанье
Не по лѣтамъ. Онъ даже испугался
Властитель міра, мощный государь!
И вы, вы также, ваше преподобье,
Подпали чарамъ злого волшебства.
Здѣсь дикій духъ воочью передъ нами.
Но развѣ вотъ ужъ тридцать лѣтъ, не меньше,
Мы съ саксами не боремся! И вы
Хотите вѣрить, что, мертвы и глухи,
Ихъ идолы бездѣйствуютъ! Ну, нѣтъ,
Наоборотъ. Они денно и нощно
Стараются измыслить всѣ пути,
Чтобъ нашу церковь, духъ нашъ извести.

Беннитъ.

Похожа ли она на дьяволицу?
Которая стремится въ ясный день

Грозу и бурю вызвать? Нѣтъ; скорѣе
Освободи ее, о, государь!
Она невинна. Дьявольскому Богу
Она не служитъ! Что за диво въ томъ,
Что крыльями жаръ-птица сильно бьется
О прутья клѣтки, гдѣ осуждена,
Невинная, погибнуть! Сердце манятъ
Вершины буковъ, темные лѣса
И утромъ золотистый рогъ оленя,
Когда онъ чутко чащею идетъ.
Ее влечетъ ко мнѣ, домой, увидѣть
Родимыхъ братьевъ и своихъ подругъ.
Къ спинѣ коня ей хочется прижаться
И вихремъ мчаться вдаль, черезъ холмы,
Черезъ долины, мчаться на охотѣ,
Чтобъ развѣвались волосы въ дневномъ
Господнемъ воздухѣ... Они настанутъ,
Настанутъ дни святые и у насъ:
Христу и Карлу всѣ мы будемъ вѣрны!
Теперь же приручаете вы звѣря,
О, жены, вы, рожденныя въ неволѣ!...
Кто кромѣ рабства ничего не зналъ,
Привыкшаго къ свободѣ не приручитъ.

Карлъ (послѣ долгаго наблюденія надъ Беннитомъ и Герзуиндой. Съ полнымъ спокойствіемъ Бенниту).

Забудь дитя навѣкъ.

Беннитъ.

Какъ, государь?

Карлъ (невозмутимо, съ увѣренностью властителя, не признающаго возраженій).

Такъ. Такъ, забудь, а дѣвушка остаться
Должна на попеченіи сестеръ
На Плянѣ, но на лучшемъ попеченьи,
Чѣмъ было до сихъ поръ. Вы мнѣ порука!
Беннитъ оставитъ городъ. Прежде чѣмъ
Взойдетъ заутра солнце,—или Ахенъ
Оставишь за спиной ты, иль топоръ
Тебѣ на шею рухнетъ неизбѣжно.

Что до богатствъ, которыхъ ищешь ты
И тяжбою въ судѣ и предо мною,
То будь покоенъ: строгій пересмотръ
Назначу я всему, и справедливость
Мы не нарушимъ. А теперь иди
Къ себѣ въ село и тамъ рѣшенья жди.

Беннитъ.

Прощай же, Герзуинда. Да, ступай,
Ступай безъ возраженья. Не закрылись
На нѣжной кожѣ жгучіе рубцы
Отъ этихъ рукъ предательскихъ, что силой
Тебя сейчасъ отторгли отъ меня.
Иди, я самъ безсиленъ, безнадеженъ.
Спасись, какъ можешь. Я же у конца.

(Освобождается отъ Герзуинды, которая съ тихими рыданіями прижимается къ нему, и убѣгаетъ.

Экономка и остальныя сестры окружаютъ Герзуинду. По знаку Карла, Рорико торопитъ монахинь уйти. Съ ними удаляется и капелланъ и прочіе слуги).

Эркамбальдъ (беретъ въ руки записную дощечку изъ воска, висящую у него на поясѣ).

Теперь, когда пустой вопросъ оконченъ
Какъ слѣдуетъ,—по долгу призванъ я
Кой-что высокой мудрости напомнить:
Во-первыхъ, ты, король, хотѣлъ смирить
Всѣ безобразья римлянъ, этотъ тяжкій
Позоръ, который превышаетъ все:
Продажу слугъ Христовыхъ сарацинамъ.
Затѣмъ на Брюль хотѣлъ ты посмотрѣть...
Сборъ яблокъ изъ владѣній королевскихъ
Доставленъ весь... Да, съ мызникомъ еще
Желалъ ты побесѣдовать. Да графы,
Послы отъ Штейгервальда...

Карлъ.

Баста... Все.
Что надо, не забудь... Потомъ.

Эркамбальдъ.

Да Пипинъ.

Твой сынъ.

Карлъ.

Потомъ... Оставь меня.

(Эркамбальдъ, изумленный, тихо отступаетъ. Едва замѣтно качая головой, удаляется).

Карлъ (въ раздумьѣ нѣкоторое время стоитъ у окна неподвижно. Повышая голосъ).

Рорико.

Рорико (быстро входитъ).

Я, государь.

Карлъ.

Такъ... Хорошо... Что я
Хотѣлъ сказать? Ахъ, такъ... Ты позови мнѣ
Всѣхъ дочерей моихъ... Иль нѣтъ, не то...
Хочу одинъ съ тобою на охоту,
Оттуда—въ бани... День уже мутнѣетъ?

Рорико.

Нѣтъ, государь, день солнечный и чистый.

Карлъ (задумчиво).

Чистъ, какъ луна, какъ ликъ святой. Впервые
Ты видѣлъ этого ребенка?

Рорико.

Нѣтъ,

Нѣтъ, государь.

Карлъ.

Гдѣ видѣлъ ты ее?

Рорико.

Я, право, не могу сказать навѣрно..
Въ концѣ концовъ я, можетъ-быть, ошибся
И никогда не видѣлъ я ее.

Карлъ.

Рорико, знаешь, взглядъ мой, взглядъ, который
Порою оттого такъ притупленъ,

Что много видитъ... А вѣдь видѣть много
Ему пришлось—вотъ этими двумя
Глазами: вѣдь они мнѣ вѣрно служатъ
Отъ юности. Такъ если этотъ взглядъ
На свѣтлую головку упадаетъ,
Такую, какъ у этого ребенка,
Онъ оживаетъ радостно, мгновенно,
Онъ таетъ, обновляясь, молодѣетъ,
Глубокое вкушая наслажденье
И свѣтлый миръ на бѣлокурой нивѣ.
Смягчается заржавленное сердце.
Ты понимаешь?

Рорико.

Да, король, почти.

Карлъ.

Почти... Пусть такъ... Мнѣ этого довольно.
Но нѣтъ, Рорико, больше, чѣмъ почти,—
Пойми вполнѣ. Ты мнѣ за то и близокъ.
Та травка бѣлокурая на дѣтской
Головкѣ... Развѣ то—не нити
Изъ золота тончайшаго, не пряжа
Невинности? Не чудо развѣ, а?

Рорико.

Охотно допускаю, что прелестна
Она,—однако...

Карлъ (быстро).

Шутовской колпакъ
Лишь для шутовъ, подобныхъ Эркамбальду.
Его не тронетъ эта красота
И юность. Онъ одинъ лишь только слюни
Открытымъ ртомъ умѣетъ источать.
Вотъ это ты не досказалъ. Не такъ ли?
Но отъ такого слабоумья, Богъ,
Избавь меня! Что новаго, Рорико?

Рорико.

Еврейскіе старѣйшины хотятъ,
О, государь, построить синагогу,—

А Эркамбальдъ затягиваетъ все
Рѣшенье: онъ не можетъ выбрать мѣста.

Карлъ.

Что дѣвушка твоя подѣлываетъ?

Рорико (испуганно).

Кто?
Нѣтъ, сохрани Господь... нѣтъ, никакой я
Не знаю дѣвушки.

Карлъ.

Такъ, такъ... Не знаешь,
И никакой... И также про Юдиѳь
Не знаешь?..

Рорико.

Про Юдиѳь?.. О, если только
Юдиѳь вы разумѣете...

Карлъ.

Да... да...

Рорико.

Когда она услышитъ, что великій
И милостивый государь о ней
Здѣсь вспоминаетъ,—въ ней душа зажжется,
И сердце превратится въ пламень.

Карлъ.

Такъ
И поводъ будетъ у тебя тушить.
О, если-бъ еще разъ стать молодымъ мнѣ,
Рорико! Молодымъ! Все серебро
Моихъ волосъ за это бы я отдалъ.

(Неувѣренно)

Послушай, дѣло, видишь ли, во мнѣ.
Мой планъ таковъ. Но отгадай, Рорико,
Не Видукинда и не Гримоальда,
Который будто ядовитымъ зельемъ
Мои колодцы отравляетъ... Нѣтъ!
Мой планъ касается...

Рорико.

Еврейской школы.

Карлъ.

Ошибся... Нѣтъ. Мой планъ... Но чуръ—секретъ...
Вотъ въ чемъ: мнѣ канцлера совсѣмъ не надо,
Не надо никакого. Я еще
Достаточно мужчина и сумѣю
Безъ болтуна такого обойтись.
Его я видѣть нынче не желаю.
Ну, вотъ... И я рѣшилъ вмѣшаться самъ
Въ жизнь этой дѣвушки. Ее мнѣ жалко,
Такую вотъ, съ бездонными глазами,
Которыми она во глубь бѣды
Безпомощно глядитъ. Пусть это прихоть,—
Она должна свободной быть. Хочу
Открыть я клѣтку... Но, быть-можетъ, только
Открою я,—ее съ налета коршунъ
Подхватитъ... Этого быть не должно.
Итакъ, хочу ее я съ глазу на глазъ
Поразспросить, чтобъ отъ самой узнать,
Что ей пріятно. Понялъ ты, Рорико?

Рорико (изумленный).

Да, государь.

Карлъ.

И потому спѣши,
Чтобы причуда утра не исчезла.

Рорико.

Прости... Ты что-жъ мнѣ поручаешь?

Карлъ.

Вотъ—
Спѣши и вновь доставь мнѣ Герзуинду.
Одну, конечно... Съ нею никого.
Безъ шума только... Впрочемъ, ты вѣдь знаешь...
Сперва хочу свершить я это дѣло,
А освѣженный имъ, займусь вдвойнѣ
Охотничьимъ искусствомъ.

(Слуги вносятъ серебряный столикъ съ завтракомъ для короля; за ними вносятъ воду въ серебряномъ кувшинѣ и серебряную чашку. Одинъ изъ капелланов вноситъ книгу Закона. Кладетъ на аналой и открываетъ).

(Рорико, поклонившись, удаляется. Воспитанникъ школы, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, становится выжидательно, съ записной дощечкой въ рукахъ, недалеко отъ Карла. Карлъ садится въ кресло, передъ нимъ ставятъ столикъ. Капелланъ дѣлаетъ нетерпѣливыя движенія, чтобы вызвать распоряженіе начать чтеніе).

Карлъ (дѣлаетъ ему знакъ отказа).

Нынче мнѣ
Не надо ничего о царствѣ Божьемъ.

(Капелланъ удаляется. Карлъ принимается за ѣду).

Карлъ (во время ѣды).

Ну, молодецъ, скажи:—сегодня снова
Потрескивалъ нашъ потолокъ, о чемъ
Ты мнѣ донесъ вчера? Ужъ, видно, стѣны
Дворца и вправду трескаются раньше,
Чѣмъ ихъ датчанинъ Готфридъ осадилъ.
А что пророки шепчутъ? Сочтены ужъ
Дни короля? Да, сочтены они,
Какъ ваши, какъ сочтенъ и каждый волосъ
На глупой головѣ твоей. Терпѣнье.
Пиши: король нашъ Карлъ былъ девять-десять
Разъ старикомъ и снова молодъ сталъ,
И въ этой долгой жизни суждено
Ему скончаться... только не отъ треска
Дворцовыхъ потолковъ, а какъ того
Захочетъ Богъ.

(Рорико вводитъ Герзуинду, разговаривая съ ней. Видъ у нея не таковъ, какъ былъ раньше. Въ ней брызжетъ веселость и дѣтская рѣзвость. Услышавъ голосъ короля, настораживается).

Карлъ (слегка смущенъ).

Да, выдумка на славу.
Итакъ, ты здѣсь, чтобъ одному лишь мнѣ—
Мнѣ ввѣриться... Пожалуй, и Рорико
При этомъ будетъ лишній. Ну, о чемъ
Твои желанія, твои заботы,
Что можемъ мы исполнить, измѣнить?

(По его знаку всѣ уходятъ. Оставшись съ ней наединѣ)

Скажи, совсѣмъ не бойся, Герзуинда.

Герзуинда (съ серьезнымъ, немного сомнѣвающимся видомъ).

Хотѣла-бъ я свободной быть.

Карлъ.

Такъ, такъ...
Ты хочешь... Все тебя отсюда тянетъ
На родину, влечетъ тебя въ село,
Гдѣ на стволахъ старинныхъ буковъ всюду—
Фреасъ, богиня смерти, не Марія—
Мать Вѣчнаго. Ты хочешь возвратиться
Къ заносчивому дядькѣ твоему?

Герзуинда.

О, вовсе нѣтъ! Хочу я быть свободной
И отъ него.

Карлъ (удивленно).

Какъ! Но вѣдь ты рыдала
Въ его объятьяхъ!

Герзуинда (пожимая плечами).

Плакала... Ну да,
Чтобы его не огорчать... къ тому же...

Карлъ.

Ну, далѣе... къ тому-жъ?..

Герзуинда.

Къ тому же, если
Мужчина старый плачетъ, я должна
Скорѣе всхлипнуть, чтобъ не разсмѣяться.

Карлъ (отталкивая столъ).

Что говоришь ты?

Герзуинда.

Истину одну.

Карлъ (снова спокойно).

Дитя мое, вѣдь если только вникнуть,
Что говоришь и какъ ты говоришь,
И отвернуть лицо, чтобы не видѣть,
Кто предо мной,—не могъ бы, право, я
Повѣрить, что ребенка голосъ слышу.
Скажи еще разъ, что ты хочешь, такъ,
Чтобъ понялъ я?

ГЕРЗУИНДА.

О, мой король, могу я
И замолчать!

КАРЛЪ (не вѣря себѣ, быстро и рѣзко).

Нѣтъ, нѣтъ, все говори.
Все, безъ боязни, что̀ таится въ сердцѣ.

ГЕРЗУИНДА (смѣло).

Все, безъ боязни! Но чего-жъ бояться?
Гдѣ-бъ я была, когда-бъ боялась я!
Что̀-бъ вынесла я изъ недолгой жизни,
Въ которой все обида, зависть, зло!
Которая, быть-можетъ, уже завтра
Ушла бы отъ меня, когда-бъ во мнѣ
Была боязнь?!

КАРЛЪ.

Но знаешь ли ты, кто
Здѣсь говоритъ съ тобой?

ГЕРЗУИНДА.

Конечно, знаю:
Старикъ. Вѣдь за плечами у тебя
Вся жизнь, а что̀, что̀ у меня за мною?
Нѣтъ ничего. Что̀ будетъ впереди?
Быть-можетъ, и того немного больше.
Ты пресыщенъ, голодной не поймешь.

КАРЛЪ.

А кто тебѣ сказалъ, что старый также
Не можетъ быть голоднымъ?

ГЕРЗУИНДА.

О, навѣрно,
Ты голодаешь! Это ясно такъ
И по глазамъ: мнѣ больно взглядъ твой видѣть!..
Какъ у собаки истощенной онъ;
И умоляющъ, какъ послѣдній взглядъ,
Взглядъ утопающаго...

КАРЛЪ (съ ироніей).

Ну, довольно! Въ мірѣ
Еще не знаютъ лучшаго пловца,

Чѣмъ императоръ Карлъ. Еще не знаютъ
Руки, что̀ дальше протянулась, чѣмъ
Моя рука. И нѣтъ еще затылка,
Передъ которымъ преклонился-бъ мой!
Хоть взоръ его болѣзненъ... Такъ... Но если
Онъ въ ярости,—какъ молнія изъ тучъ
Тогда разитъ... Довольно... Говори же,
Что̀ долженъ сдѣлать для тебя?

Герзуинда.

Позволь
Мнѣ жить, какъ я хочу.

Карлъ.

Но какъ?

Герзуинда.

Своею
Идти дорогой, чтобъ никто не смѣлъ
Разспрашивать: куда, зачѣмъ, откуда?

Карлъ.

Вотъ странное желанье для тебя,
Въ твои года! Ребенокъ, ты навѣрно
Сама не понимаешь словъ своихъ.
Опасностью наполненъ самый воздухъ,
И желтенькая бабочка, малютка,
Какъ ты, еще чрезъ лужу не успѣетъ
Перелетѣть, въ особенности здѣсь,
Здѣсь, въ Ахенѣ, иль во дворцѣ, вѣрнѣе,
Какъ красный хвостъ иль синій хвостъ ее
Проглотитъ вмигъ... Нѣтъ, не хочу причиной
Быть гибели твоей. Нѣтъ, я добра
Тебѣ желаю только, Герзуинда,
И этого проси.

Герзуинда.

Я ничего
Просить не буду больше, не желаю
Я измѣнять того, что̀ ужъ просила.

Карлъ.

Ну, хорошо. Отвѣть же мнѣ теперь,
Что̀ хочешь ты съ своей свободой дѣлать?

Герзуинда.

Да ничего, лишь то, что̀ по душѣ.

Карлъ (поднимается, ударяетъ кулакомъ о металлическую доску, висящую между колоннами. Появляется Рорико).

Карлъ.

Рорико, тотъ болотный огонекъ,
Дѣвчонка съ толку сбитая, свободна.
Пускай идетъ, куда угодно ей.
Опека, монастырь, заботы, сестры,—
Никто ее не смѣетъ удержать
Въ ея пути, куда-бъ ни повернула!
И даже если-бъ ей пришлось стоять
Надъ бездной, не подозрѣвая бездны,
Ее не надо предостерегать.
Она не первая, владѣя небомъ
Невинности и чистоты своей,
Все это въ адъ ввергаетъ добровольно.

(Уходитъ, не оглянувшись).

Герзуинда (радостнымъ, изумленнымъ взглядомъ слѣдитъ за нимъ, пока онъ не скрывается).

Рорико (приближается къ ней, серьезно, почти рѣзко).

Куда ты хочешь?

Герзуинда (жаркимъ шопотомъ).

О, возьми, красавецъ,
Меня съ собой!

Рорико (послѣ короткаго испуга).

Ты—желтенькая змѣйка,
Попавшаяся въ вилку невзначай.
Ты въ трещинѣ, въ орѣшникѣ зеленомъ
Застряла такъ, что языкомъ своимъ
Меня достать не можешь, чтобъ ужалить.
Идемъ же изъ чертога короля.
Идемъ, плутовка, бѣлокурый демонъ!

(Беретъ ее двумя пальцами за воротъ платья и, отстранивъ отъ себя, уводитъ).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Помѣстье короля Карла вблизи Ахена. Открытая колоннада съ входной дверью въ домъ изъ сада. Широкія ступени, спускающіяся въ садъ, гдѣ старыя лиственныя деревья покрыты желтизной. За домомъ виденъ скатъ, покрытый виноградникомъ, освѣщенный солнцемъ.

Прозрачное осеннее утро. Черезъ нѣсколько дней послѣ происшествій перваго акта. Канцлеръ Эркамбальдъ ходитъ между колоннами галлереи взволнованно взадъ и впередъ. Графъ Рорико выходитъ изъ дома.

Эркамбальдъ (торопливо).

Ну, графъ?

Рорико.

Могущественный, все напрасно.

Эркамбальдъ.

Не хочетъ онъ принять меня? Опять
Не хочетъ? Такъ, когда дѣла торопятъ,
Горами накопляются, меня
Не допускаетъ онъ? Такъ это значитъ—
Я угодилъ въ немилость... Хорошо!
Хотѣлъ сказать я—плохо... Но вѣдь это
Ужъ измѣнить нельзя... Его довѣрьемъ
Доселѣ я не злоупотреблялъ.
Ну, что-жъ, съ спокойной совѣстью могу я
Другимъ на плечи бремя возложить.
Вѣдь если въ мірѣ не перевернется
Все,—кто-нибудь да долженъ же нести,
Графъ, это бремя. Но скажи мнѣ правду,
Въ чемъ дѣло?

Рорико.

Я не знаю ничего.
Что нечего сказать,—вотъ это знаю.
Король сюда почти бѣжалъ. Теперь...
Теперь онъ видѣть никого не хочетъ,
Ни съ кѣмъ не говоритъ. И все молчитъ.
Едва промолвитъ слово и замкнется...
Своихъ собакъ погладитъ, принесетъ
Малюткѣ лани травку, ловитъ молча
Зеленыхъ ящерицъ. Когда-жъ къ нему
Я нынче обратился съ донесеньемъ,

Что міра дикій конь бѣжитъ впередъ,
Разнузданный, онъ мнѣ отвѣтилъ только:
Пускай бѣжитъ: никто не потеряетъ
Рѣшительно, коль кляча убѣжитъ.

Эркамбальдъ.

Мнѣ это, графъ, плохое утѣшенье,
Но если впрямь добра ты хочешь мнѣ
И доказать не прочь,—то сдѣлай милость,
Скажи мнѣ откровенно: день и часъ,
Когда я сдѣлалъ глупую оплошность
И далъ плохой совѣтъ? Я говорю
О нашемъ государѣ. Или плохо
Я поступалъ и взялъ невѣрный тонъ?

Рорико.

Быть-можетъ, тотъ, съ заложницею случай?..

Эркамбальдъ.

Съ заложницей?.. Заложница! Постой...
Тогда мнѣ помоги...

Рорико.

Все это бредни.
Пустое... Голова, великими дѣлами занятая,
Не можетъ заниматься...—почему,
Понятно,—ничтожными вещами. Но скажу
Тебѣ, что въ головѣ великой Карла
Великаго, за благороднымъ лбомъ
Котораго творится столько мыслей,-
Прости мнѣ... какъ ни у кого въ странѣ...
Вотъ въ этой головѣ теперь—увы!—
Ничтожество свои пустило корни,
Все заглушивъ, какъ гибельный бурьянъ.

Эркамбальдъ.

О чемъ ты говоришь?

Рорико.

О Герзуиндѣ.

Эркамбальдъ.

Ахъ, чортъ возьми! Какъ я предполагалъ,
Такъ и случилось... Кстати вотъ скажи,
Что съ тѣмъ ребенкомъ?

РОРИКО.

Ничего, помимо
Того, что въ мысль ему запала эта
Дѣвчонка.

ЭРКАМБАЛЬДЪ.

То-есть какъ запала въ мысль?

РОРИКО.

Вотъ если бы тебѣ спросить пришлось
Мудрѣйшаго, чѣмъ я,—такъ онъ, быть-можетъ,
Тебѣ на это могъ бы дать отвѣтъ.

ЭРКАМБАЛЬДЪ.

Ты что-то, графъ, виляешь. Такъ иль этакъ,—
Ты долженъ знать, изъ-за какихъ причинъ
Вдругъ отданъ былъ приказъ объ этой юной
Заложницѣ саксонской:—къ ней король
Благоволилъ вѣдь такъ еще недавно!—
Вернуть ей вещи и не допускать
Сестеръ благочестивыхъ, что хотѣли
Просить о милости къ ней короля; и вонъ
Прогнать ее съ жестокостью, въ которой
Я вовсе не повинень, ночью, въ тьму—
Несчастную дѣвчонку!

РОРИКО.

Нашъ властитель
Въ подобномъ настроеньи не всегда,
И если онъ ее такъ безпощадно
Прогналъ на растерзанье вепрей злыхъ,
Онъ сдѣлалъ то, о чемъ она просила.
Прости мнѣ, канцлеръ: тамъ его шаги.

ЭРКАМБАЛЬДЪ.

Отъ короля, первѣйшій мужъ, я долженъ
Бѣжать, какъ воръ, застигнутый врасплохъ,
Съ заботой о странѣ и о монархѣ,
И о самомъ себѣ.

(Поспѣшно уходитъ).

(Вскорѣ появляется король КАРЛЪ въ національной одеждѣ; въ рукѣ садовый ножъ; видъ высокомѣрный. Онъ выходитъ изъ тѣнистыхъ аллей съ видомъ гордаго звѣря, высматривающаго опасность. Узнавъ Рорико, приближается къ нему медленно, не глядя на него).

КАРЛЪ (приблизившись, съ протянутыми впередъ листьями каштана).

Рорико, любишь
Ты горькій запахъ этихъ желтыхъ листьевъ?

РОРИКО.

Да, если такъ,—и нѣтъ, когда стоятъ
Въ поляхъ деревья желтыя.

КАРЛЪ

Покуда
Еще птенецъ ты съ желтымъ клювомъ.

РОРИКО.

Добрый
Мой повелитель, ты мнѣ подарить
Не хочешь ли и этотъ титулъ новый?

КАРЛЪ.

Въ придачу многимъ титуламъ твоимъ:
Весельчака, губителя голубокъ?

РОРИКО.

Всѣ эти титулы, какъ и другіе,
Заслуженные столь же мало, я,
Король, несу съ достаточнымъ терпѣньемъ.
Послѣдній больше, чѣмъ иные всѣ,
Идетъ ко мнѣ, когда, властитель міра,
Гляжу въ глаза твои.

КАРЛЪ.

Гм... Сознаюсь.
Почтенья ни тебѣ, ни мнѣ, мой сынъ,
Конечно, не мѣшаетъ. Только... только
Не черезчуръ. А то скуете вы
Меня съ моимъ престоломъ слишкомъ сильно
И голову впаяете въ вѣнецъ.
Да, вы меня сбираетесь молитвой,
Какъ Бога въ Ватиканѣ, напитать.
Но я не Богъ! Я—для того, чтобъ Бога,
Подобно недостойному рабу,

Въ народѣ—восхвалять. Я, какъ и рабъ тотъ,
Усталый, грѣшный и голодный... Рико...
Загадку отгадай: что̀ означаетъ?—
Откроешь ли глаза,—оно съ тобой
И не съ тобой? Его ты прогоняешь,—
Оно бѣжитъ и тянетъ за собой;
Его поймать ты хочешь,—ускользаетъ;
Стряхнуть съ себя,—оно уходитъ вглубь.
Ты хочешь сжечь его, но обжигаетъ
Тебя оно невыносимо; мнишь
Въ водѣ холодной утопить,—и видишь,
Какъ закипаетъ ледяное море.
Шестидесятизимній ледъ въ конецъ
Ломается и таетъ легкимъ паромъ.
Здѣсь, другъ, ужъ не загадка, а боязнь!

Рорико (послѣ продолжительнаго молчанія).

Мой долгъ святой предъ свѣтомъ непрестанно
Беречь твое здоровье. Если ты
Хотя немного боленъ, я обязанъ
Немедля извѣстить врача. Позвать
Прикажешь Винтера?

Карлъ.

Кто о болѣзни
Такъ говоритъ, больной ли точно онъ?
Тебѣ мои сѣдины подтверждаютъ,
Что Винтеръ не сумѣетъ излѣчить
Подобной лихорадки. Но довольно
Загадокъ. Что̀ тамъ новаго у насъ,
Въ дворцѣ изъ Ахена?

Рорико.

Есть только члены,
Но нѣтъ главы.

Карлъ.

На волѣ пусть они
Подрыгаютъ,—главѣ же отдыхъ нуженъ.

Рорико.

Послы изъ Даніи извѣстій ждутъ;
Король ихъ шлетъ угрозы... Умоляетъ
Твой канцлеръ о докладѣ.

КАРЛЪ.

Такъ...
Пускай грозитъ датчанинъ большеротый,
Меня оставьте вы въ покоѣ. Я
Срѣзаю нынѣ гроздья винограда,—
Онѣ спѣлы. Однажды угрожалъ
Асернскій князь, клялся во всеоружьѣ—
Перешагнуть черезъ меня. Еще
Въ такомъ же родѣ многое бывало.
Кончалось тѣмъ, что тихо хвастуны
Межъ ногъ моихъ ползли. А чтобъ спокойно
Перешагнуть чрезъ нихъ,—довольно мнѣ
Стоять на собственныхъ ногахъ. Нелѣпо
Главенствовать, нелѣпо побѣждать,
Нелѣпо щитъ держать и противъ слабыхъ,
Да и надъ слабыми. Ты постарайся,
Чтобъ нашу стражу не сломилъ никто.
Теперь скажи... потомъ меня оставишь
Здѣсь одного... Не знаешь ли судьбу
Заложницы, которую, ты помнишь,
Тебѣ велѣлъ я привести ко мнѣ
Дней пять иль шесть назадъ тому?.. Дочурку
Того упрямца-сакса?.. Скоро-ль снова
Она вернулась въ монастырь на Плянъ?

РОРИКО (послѣ короткаго молчанія).

Нѣтъ, государь.

КАРЛЪ.

Нѣтъ?

РОРИКО.

Нѣтъ.

КАРЛЪ.

Она пропала?

РОРИКО.

Она не возвратилась въ монастырь.

КАРЛЪ.

Исполнили-ль мое распоряженье?

Рорико.

Все въ точности. Связали вещи ей,
Вина и хлѣба дали на дорогу
И деньгами снадбили, ей внушивъ,
Что двери монастырскія открыты
Для возвращенія ея.

Карлъ.

Такъ, такъ...
Но главное... Когда она прощалась,
Была ли въ ней увѣренность, что днемъ
И ночью такъ же будетъ возвращенье
Ея радушно встрѣчено?

Рорико.

Она
Не сомнѣвалась въ томъ.

Карлъ.

И не вернулась?

Рорико.

Нѣтъ, государь.

Карлъ.

Да будетъ! Если такъ,—
Конецъ! Конецъ! Чтобъ не забыть,—намъ копья
Вели подать. Мы будемъ ихъ бросать
Здѣсь въ цѣль. Ахъ, какъ тѣсна рубашка!
Моя рубашка! Тяжко давитъ грудь,
Гдѣ что-то такъ бурлитъ, что панцырь можетъ
Не выдержать. Рорико, посмотри
На эту руку: видишь,—мускулиста,
Крѣпка, какъ сталь. Морщины есть въ лицѣ.
Но взглядъ еще не мутенъ.

(По знаку Рорико изъ кустовъ выступаютъ охотники съ копьями. Карлъ беретъ у одного изъ этихъ людей копье и продолжаетъ)

Дай копье;
Имъ угодить хочу я въ сердцевину,
Такъ ловко, какъ и ты. Да, все досель
Отлично было. Но—въ то время, Рико,
Когда тебя красотка навѣститъ,

Меня лишь призракъ старости тревожитъ.
Днемъ кашляетъ онъ подъ бокомъ, а тамъ
Подъ одѣяло лѣзетъ темной ночью,
Касается рукою ледяной,
Грозится и, брюзжа, въ тяжелый камень
Меня онъ снизу хочетъ обратить.
Да, снизу—въ камень... Постепенно тѣло
Живое въ камень... Слышишь, Рико, ты?
Ну что-жъ, здѣсь призракъ, здѣсь и Карлъ-властитель!
Положимъ, лѣвая нога его
Уже окаменѣла, но не сердце
И еще менѣе десница. Ну,
Умри же, вѣдьма старая!

(Съ силой бросаетъ копье).

Пусть это—
Послѣдній мой девизъ!

РОРИКО (у цѣли, которая была въ это время поставлена и въ средину которой вонзилось копье Карла).

Ударъ могучъ!
Вонзилась въ точку сталь и прославляетъ,
Дрожа, искусство мастера.

КАРЛЪ.

Мертва?
Она мертва?

РОРИКО.

Кто?

КАРЛЪ.

Умерла ли эта
Святая? Знать хочу я?

РОРИКО.

Кто—святая?

КАРЛЪ.

Та, о которой говорю я!.. Ну,
Которую самъ демонъ уничтожить
Совѣтовалъ мнѣ, такъ какъ въ томъ, чтобъ все
Уничтожать, таится наслажденье.

РОРИКО.

Но, государь, она жива.

КАРЛЪ.

Жива!

РОРИКО.

Конечно. Только, право, къ сожалѣнью,
Она далеко не святая... Нѣтъ!

КАРЛЪ.

Ну, ну, идемъ, Рорико. Здѣсь мѣстечко
Какъ будто создано для тѣхъ дѣтей,
Которые, какъ мы, удравъ изъ школы,
Скучаютъ... Ну, разсказывай, скажи:
Жива она? Гдѣ, какъ живетъ? Навѣрно,
Ощипана, растрепана?.. Она
Смирилась?..

РОРИКО.

Врядъ ли...

КАРЛЪ.

Ну, тряхни карманомъ,
Пріятель, и выкладывай все то,
Что ты имѣешь. Я—твой гость, такъ ты ужъ
Не заставляй просить себя. Какъ тѣнь,
Проходятъ облака благоговѣнья
Въ моей душѣ, и теплый дождь идетъ,
И отъ него журчатъ ручьи; долины
Цвѣтутъ. И дроздъ, малютка дроздъ въ кустахъ
Поетъ въ восторгѣ. Такъ она жива,
Хотя живетъ ничтожной, жалкой жизнью.
Совсѣмъ другія жатвы пожинаютъ
Годъ за годомъ серпы моихъ жнецовъ.
Мое же сердце хвалить непрестанно
Святое небо,—хвалить такъ, какъ есть,
За каждое біенье ея сердца,
За то, что небо отъ моей слѣпой
Суровости ее освободило.

РОРИКО.

Дай быть мнѣ откровеннымъ, государь,
Я вижу, что неслыханная милость

Монарха моего здѣсь увѣнчать
Готова недостойную! Правдивымъ
Я долженъ быть передъ тобой вдвойнѣ.
Заложница тѣхъ саксовъ, Герзуинда,
Которую столь легковѣрно ты
Зовешь невинной,—темнымъ легкомысльемъ
Она полна, но болѣе всего
Преступностью. По правдѣ, я доселѣ
Обмана ослѣпительнѣй не зналъ.
Доселѣ ореоломъ чистоты
Подобное ничто не украшалось.
Такъ, кажется, причастіемъ полны
Уста иконы этой чудотворной;
Она цвѣсти должна-бъ, сохранена
Невинности лучомъ тысячелѣтья.
И мнится, льются по ея челу
Волшебной лютни звуки,—по челу,
Гдѣ ужаса дыханьемъ ядовитымъ
Да зломъ паденья все осквернено.
О... государь...

Карлъ.

Стой... Все своимъ порядкомъ.
Чрезчуръ нова, тернista черезчуръ
Твоя дорога. Не спѣши. Такъ... Если
Она такая грѣшница, какъ Трудъ,
Какъ Ирменсъ Трудъ, какъ утверждаетъ канцлеръ,
Скажи мнѣ, какъ же наказать ее?
Чѣмъ наиболѣе она грѣшила?

Рорико.

Чѣмъ? Обрати свой благосклонный взглядъ
На цѣломудріе: въ такіе годы
Оно почти отсутствуетъ у ней.
Итакъ, возьми порокъ, который часто
Пасется на могилѣ чистоты,
Безстыдно въ сладострастіи тучнѣя,—
И будешь знать.

Карлъ.

Ну, хорошо, Рорико.
Откуда же ты это знаешь?

Рорико.

Я
Узналъ изъ устъ ея по большей части.

Карлъ.

Ай-ай, прошу прощенья, господинъ,
Прошу прощенья, графъ Рорико.

Рорико.

Вижу,
Стыдишь меня. Но что же мнѣ прощать?
Все, что простить имѣлъ мнѣ основанье
Мой императоръ Карлъ за много лѣтъ,
Все мнѣ великой милостью простилъ онъ.
Но въ этомъ дѣлѣ я не виноватъ.
Она за мной бѣжала. Я прямѣе
Скажу: на шею вѣшалась ко мнѣ,
Хотя ее отталкивалъ я грубо,
Она не отставала. Все скажу.
Вполнѣ мужчина я, но вызывала
Лишь отвращенье она во мнѣ.
Нѣтъ, болѣе, чѣмъ отвращенье,—ужасъ.
Мнѣ существо ея казалось чуждымъ,
Настолько чуждымъ, что не могъ я взять
Того, что мнѣ отдать она желала.

Карлъ (блѣднѣя).

Взгляни въ глаза, Рорико.

Рорико (дѣлаетъ это открыто и смѣло).

Императоръ?

Карлъ.

Разсказывай же дальше.

Рорико.

Правда, мужъ,
Который поступаетъ такъ, онъ страненъ,
Но все-жъ я, признаюсь, дерзалъ не разъ
Не столь завидныхъ прелестей касаться.
Не не-мужчина я, не трусъ однако,
Хотя здѣсь было нечего беречь

И ограждать, помимо своей шеи,
Которую изъ рукъ ея не разъ
Освобождать пришлось мнѣ,—я остался,—
Хоть это не особенно мнѣ льститъ,
Въ столь щекотливомъ подвигѣ,—героемъ!

Карлъ.

А дальше?

Рорико.

Дальше, вотъ что̀ съ ней вчера
Произошло: Рейфъ въ эту ночь, ты знаешь,
Палъ; еще утромъ онъ лежалъ, пока
Не тронулся отъ солнца. Къ дѣлу!—Встрѣтилъ
Я вечеромъ вчера ее; вѣрнѣй—
Она меня увидѣла и тотчасъ
Окликнула и побѣжала слѣдомъ
Неудержимо, и бѣжала такъ
Вплоть до порога домика, въ которомъ
Живетъ садовникъ. Тамъ я слѣзъ съ коня.

Карлъ.

За лошадью твоей дитя бѣжало?

Рорико.

Три мили,—да. Во всю я прыть скакалъ,—
Она бѣжала слѣдомъ.

Карлъ.

Что-жъ, подошвы
У ней, какъ видно, съ крыльями?

Рорико.

Клянусь,
О, государь, она бѣжала легче,
Чѣмъ серна годовалая отъ своры,
Быстря непостижимо и легка
Въ бѣгу, какъ пухъ. Но жалость овладѣла
Мной наконецъ. Я крикнулъ: «Дѣвка, эй,
За кѣмъ ты гонишься?» И отвѣчала
Она мнѣ: «За тобой!» Я ей: «Назадъ!
За дьяволомъ, а не за мной!» Она же:
«Нѣтъ, за тобой и только за тобой!»—

«За падалью, какъ сука!» крикнулъ я
И придержалъ коня: «Ты сковырнешься,
Стой! Твое сердце лопнетъ, и въ грѣхѣ
Ты свалишься туда безъ покаянья,
Гдѣ воздыханья нѣтъ».

Карлъ.

А что-жъ она?

Рорико.

Она вдругъ дикимъ смѣхомъ разразилась,
Пронзительнымъ, какъ дятла громкій крикъ.
«Прочь! Въ монастырь!—я заревѣлъ:—иль снова
Вернись ты къ сброду своему, туда,
Въ притонъ разврата въ Ахенѣ, гдѣ, чуя
Нечестье, конь мой фыркаетъ, дрожа,
Тамъ и нашелъ тебя я, къ сожалѣнью.

Карлъ.

Ну, хорошо, Рорико... Ты былъ все-жъ
Неделикатенъ съ ней.

Рорико.

Неделикатенъ,—
Да, съ нею такъ же мало, какъ съ собой.
Но все-таки, о, государь, я, право,
Бить не хотѣлъ ее, и не хотѣлъ
Оставить въ полѣ; и ее съ собою,
Излившi бѣшенство свое, я взялъ,
Взялъ, помня самарянина; я даже
Закуталъ въ плащъ ее; привезъ домой,
Такъ что старикъ-привратникъ въ ту минуту,
Когда коня остановили мы,
Перекрестился.

Карлъ.

А куда вы съ нею
Пріѣхали?

Рорико.

Сюда.

Карлъ.

Гдѣ, гдѣ она?

Рорико.

У старца Сенешаля, у садовыхъ
Воротъ.

Карлъ.

Итакъ, она?..

Рорико.

Къ несчастью, здѣсь.
Въ сторожкѣ виноградаря покуда
Она расположилась у стѣны...

Карлъ (поднимается, смотритъ на Рорико упорно и начинаетъ смѣяться не совсѣмъ естественнымъ смѣхомъ).

Итакъ, Рорико, ловко разукрасилъ
Ты бѣшеную, дикую проказу,
Которой нѣтъ подобной! О, однако
Ты птицеловъ. Зачѣмъ я только далъ
Свободу птичкѣ! Чтобъ стрѣла вонзилась
Въ пуховую постель! Почти безумный,
Графъ, это, право, черезчуръ ужъ много
Для снисхожденья дочери моей—
Роттраутъ, той, которая, ты знаешь,
За лучшими обычьями двора
Слѣдитъ ревниво.

Рорико.

Государь, мнѣ больно,
Что ты не знаешь своего слугу.

Карлъ.

А мнѣ,—что ты такъ злоупотребляешь
И дерзко издѣваешься надъ всѣмъ.
Ни слова больше! Въ томъ же, что̀ случилось,
Я самъ виновенъ. Но, чтобъ на себя
И новую провинность не накликать...
Вѣдь можетъ быть, то Провидѣнья перстъ,
Что ты ее привелъ ко мнѣ обратно:
Покорно я послѣдую ему,
Чтобъ попытаться прослѣдить, провѣрить:

Сумѣютъ ли могущество въ связи
Съ обдуманнымъ совѣтомъ то исправить,
Что портитъ опрометчивость. Но что-жъ
Ты вздрогнулъ? Иль скачокъ прямкомъ изъ Субры
Въ дворецъ мой новость для тебя? Ну, пусть...
Пусть это прихоть! Пусть ее заманятъ
Между кустовъ и грядокъ въ этотъ садъ,
Чтобъ ничего лишь не подозрѣвала,
Безъ объясненій тамъ оставить: я
Хочу ее какъ бы случайно встрѣтить.

(Рорико съ поклономъ удаляется. Карлъ остается, задумавшись на мгновеніе. Потомъ обводитъ кругомъ взглядомъ: одинъ ли онъ, замѣчаетъ обоихъ охотниковъ, которые въ отдаленіи стоятъ, ожидая дальнѣйшихъ приказаній).

Карлъ.

Эй, уберите копья!

(Охотники извлекаютъ копья изъ цѣли и убираютъ ихъ).

Карлъ.

Молодецъ,
Скажи мнѣ, кто стоитъ тамъ на колѣняхъ
У буковаго дерева, гдѣ домикъ
Садовника?

Первый охотникъ.

Ребенокъ.

Карлъ.

То не внучка
Садовника?

Первый охотникъ.

Похоже, но у той
Головка бѣлокурая, а эта
Черна, какъ смоль.

Карлъ.

Узнай же, кто она?
Нѣтъ, убирайтесь!

(Охотники уходятъ. Слышенъ громкій смѣхъ Гервуинды. Король стоитъ недвижимъ и упорно смотритъ въ томъ направленіи, откуда вскорѣ появляется Гервуинда въ быстрой погонѣ за бабочкой. Не замѣчая короля, она приближается къ нему почти вплотную).

КАРЛЪ.

Что ты здѣсь проказишь?

ГЕРЗУИНДА (слегка вскрикнувъ).

Я бабочекъ ловлю.

КАРЛЪ.

На чьей землѣ,
Ты знаешь?

ГЕРЗУИНДА.

Да, его зовутъ Рорико
И, помнится, графъ Мейнскій.

КАРЛЪ.

Здѣсь владѣнья,
По-твоему, Рорико, графа Мейнскаго?

ГЕРЗУИНДА.

Не знаю.
Быть-можетъ, и Роттраутъ. Все равно,
Она-ль, дочь короля, ея-ль любовникъ
Здѣсь грядки полетъ и сажаетъ овощь,
Тотъ и другая врядъ ли сосчитали
Капустницъ, махаоновъ? А кому
Обида, если ящеркой одною
Здѣсь станетъ меньше.

(Она ловитъ въ этотъ моментъ ящерку, поглощающую все ея вниманіе).

КАРЛЪ.

Плохо бы тебѣ
Пришлось, когда-бъ, какъ ты, я думалъ такъ же.
Ну, подыми, коль можешь, на меня
Свой взглядъ. Сегодня въ третій разъ ты видишь
Меня. Быть-можетъ, вспомнишь старика
Со взглядомъ утопающаго? Дышитъ
Онъ все еще. Не утонулъ и вновь
Всталъ поперекъ твоей дороги. Нынче
Тебѣ, быть-можетъ, больно ужъ не такъ
Отъ этихъ взглядовъ? Нынче ужъ, быть-можетъ,
Его рука надежная тебѣ

Нужнѣй, когда ты поняла, что̀ значитъ
Свобода?

Герзуинда.

Типе... Посмотрите-жъ, какъ
Изященъ мой звѣрекъ...

Карлъ.

Да, въ самомъ дѣлѣ,
Но, Герзуинда, тотъ, кто здѣсь стоитъ,
Онъ не привыкъ доселѣ обращаться
Къ глухимъ ушамъ. И также быть глухой
Тебѣ я не совѣтую. Обидѣлъ
Тебя я? Ты, по прихоти моей,
Упала въ пропасть: я ее предвидѣлъ,
Въ нечистоту, гдѣ копошатся гады.
Да, то былъ я. Протягиваю здѣсь
Тебѣ мою десницу, чтобы нынѣ
Изъ глубины паденія извлечь
Тебя, когда весь ужасъ ты постигла.

Герзуинда (смѣясь).

Нѣтъ, золотомъ Эрмина я клянусь!

Карлъ.

Какъ смѣешь ты! Народъ твой закоснѣлый,
Погрязшій въ заблужденіяхъ, какъ ты,
Все-жъ для тебя и для тебѣ подобныхъ
Веревку онъ имѣетъ про запасъ:
Ее даютъ той дѣвушкѣ, что̀ низко
Себя сгубила, и она должна—
Иль удушить себя собственноручно,
Иль женщины простыя, волоча
Ее по всѣмъ дворамъ на той веревкѣ,
Бьютъ до тѣхъ поръ ее, пока она
Въ позорѣ не умретъ.

Герзуинда (вспыльчиво).

Да, такъ, а сами
Творятъ съ мужьями хуже во сто разъ.
О, сладострастныя волчицы! Жажда
Убійства въ нихъ сильнѣй любви, и оттого
Онѣ пытаютъ тѣхъ.

КАРЛЪ.

О, Герзуинда!
Чьи ты слова мнѣ повторяешь.

ГЕРЗУИНДА (изумленно и дерзко).

Чьи?
Мои!

КАРЛЪ.

А мысли?

ГЕРЗУИНДА.

Для чего мнѣ надо
Твердить, что женщины, какъ суки, всѣ
Безмозглы, если каждый дурень знаетъ,
Что это такъ.

КАРЛЪ.

Кто, Герзуинда, ты?
Мои глаза ушамъ не довѣряютъ,
А уши—имъ. Мой глазъ мнѣ говоритъ:
Она дитя; ей подарить бы куклу,
А ухо:—нѣтъ, то женщина, и ей
Удѣлъ тягчайшій женщины извѣстенъ.
Скажи, какой повѣрить мысли мнѣ?

ГЕРЗУИНДА (смѣясь).

О, подари мнѣ куколку-малютку—
Одну! О, да! Не думай только, нѣтъ,
Что всѣ пятнадцать лѣтъ моихъ—пятнадцать
Слѣпыхъ кошачьихъ дней.

КАРЛЪ.

Что дѣлать? Что?
Конечно, вижу я, что поступаешь
Не безсознательно, не слѣпо ты,—
А больше съ умысломъ, надменно, дерзко
Ты ищешь зла. Быть-можетъ, Эркамбальдъ
И правъ: въ тебѣ, въ оправѣ драгоцѣнной
Слоновой кости,—демонъ злой царитъ,
Изгнавъ оттуда истиннаго Бога!
Но на тебя смотрю я и постичь

Не въ силахъ я повѣрить,—отчего же
Вотъ этотъ милый, чистенькій пріютъ,
Что̀ долженъ бы сокровище лелѣять,
Сосудомъ грязи служитъ!

Гердуинда.

Странно, вы,
Мужчины, всѣ смѣшные,—всѣ, кто мною
Владѣлъ, твердилъ мнѣ то же, а меня
За то, что̀ отдаю я, обвиняютъ.
(Искоса смотритъ на Карла и вдругъ бросается ему на шею).
Ну, не дури, старикъ.

Карлъ (не двигается).

Когда бы я
Рорико былъ, графъ Мейнскій, безъ усилья
Отъ шеи я освободить бы могъ
Твои, блудница, маленькія руки.
Но такъ какъ я Каролюсъ, государь,—
Не стану подражать ему.

Гердуинда (стоя на выступѣ колонны, все еще держитъ руки на шеѣ Карла).

Мужчины!
Болтаете вы много черезчуръ.
Молчите и берите то̀ покорно,
Что̀ вамъ даютъ!

Карлъ.

Молчи, молчи, ублюдокъ,
Рожденный отъ святой! Во снѣ тебя
Она пріяла отъ того сатира,
Что̀ овладѣлъ ей... Сжалься и уйди:
Безсильно разумъ меркнетъ предъ тобою,
Могущество величья безъ слѣда
Въ улыбкѣ губъ капризныхъ исчезаетъ.
Кто можетъ запретить мнѣ придавить
Однимъ вотъ этимъ пальцемъ, Саламандра,
Твою гортань, чтобъ разлетѣлось въ прахъ
Могущество твое; чтобъ только тѣло,

Не оскверненное душой твоей,
Проклятою душой, невиннымъ, чистымъ
Въ моихъ рукахъ осталось!

(Въ страшной борьбѣ съ самимъ собой отталкиваетъ ее, почти побѣжденъ).

Герзуинда.

Ай, ай, ай!
Ты грубыми ручищами своими
Мнѣ причиняешь боль.

Карлъ (глубоко дыша, стоитъ, отвративъ отъ нея лицо и стараясь успокоиться. Герзуинда въ отдаленіи глядитъ на него лукаво, потирая руки. Послѣ короткой паузы).

Должно насилье
Тамъ помогать, гдѣ увѣщанье слабо,
Хоть и отеческое, все-жъ насилье здѣсь
Неотвратимо. Ты безъ наказанья
Останешься лишь потому, что я
Самъ далъ тебѣ оружье для дѣянья
Безбожнаго; да, я, а не они,
Которые тобою помыкали.
Такъ, сыщики работу здѣсь найдутъ,
А палачи—для висѣлицы дѣло.
Скажи мнѣ имена. Вотъ грифель тутъ,
А здѣсь—дощечка, съ мягкимъ свѣжимъ воскомъ.
Ихъ имена! Дай имена всѣхъ тѣхъ
Развратниковъ, что тамъ, въ тѣни соборовъ,
Подъ крѣпкою защитою дворца,
Съ тобой грѣшили подло, Герзуинда.
Ихъ имена! Я знать хочу! Навѣки
Хочу вписать ихъ имена въ мой воскъ
И рядомъ съ каждымъ именемъ поставить:
Смерть! Смерть! Смерть!

Герзуинда (растерявшись, съ рѣшимостью отчаянія).

Нѣтъ!
Ты этого не сдѣлаешь! Не надо!
Не назову тебѣ я никогда
Тѣхъ имена, кто всѣ мои желанья
По добротѣ сердечной исполнялъ.

КАРЛЪ.

Такъ я впишу тогда одно—Рорико,
Рорико, графа Мейнскаго.

ГЕРЗУИНДА (естественно).

Вотъ такъ...
Пиши. Да, да, лишь только это имя.
И хорошо, когда слѣпой палачъ
Слѣпого и накажетъ.

КАРЛЪ.

Герзуинда,
Спущу я свору... Какъ сыскать мнѣ дичь,—
Она ужъ знаетъ. Вмѣсто многихъ все же
Ты только одного мнѣ назови,
Того, кто былъ всѣхъ ближе и кто, значитъ,
Всѣхъ больше для тебя.

ГЕРЗУИНДА.

Зачѣмъ? Его
Распнешь ты, вѣрно?

КАРЛЪ.

Нѣтъ, надѣюсь, если
Я на тебѣ женю его.

ГЕРЗУИНДА (испугавшись, быстро).

Какъ, всѣхъ
За одного! Нѣтъ, нѣтъ, такъ не хочу я!

КАРЛЪ (замѣтно облегченно).

Такъ ни мужчину, ни мужчинъ... да... да...
Не знаешь ты, не знаешь, Герзуинда.
И кажется впервые мнѣ, что пухъ
У твоего виска, что онъ на мѣстѣ.
Впервые поднялся съ твоей души
Туманъ, ее мучительно скрывавшій.

(Все величавѣй и отечески)

Еще твой взглядъ... меня онъ не проникъ.
Еще мигаетъ, тусклая спросонокъ,
Твоя душа, между двухъ лучей скользя.
Оставь лучъ дня блаженно-молодого,

Который озаритъ тебя, когда
Онъ какъ цвѣтокъ изъ зрѣлой почки брызнетъ.
Такъ въ чистомъ свѣтѣ утра расцвѣтетъ
Твоя весна. Терпѣнье, Герзуинда!
Кто не желаетъ ждать, чтобъ пышный гроздь
Украсилъ стебель тяжело и зрѣло,
Тотъ вкуситъ только кислое вино.
Повѣрь мнѣ, ты, дитя, еще не знаешь,
Кто ты, кто я. Я это знаю! Я!
И все-жъ тебя не оттолкну. Ты хочешь
Знать: почему? Ученый Алькуинъ
Надъ муравьями размышлялъ недаромъ.
Вотъ на былинкѣ муравья домой
Заботливо несетъ онъ двѣ-три мили.
Ну, хорошо. Ну, развѣ страшенъ мнѣ
Такой же муравей! Я развѣ ногу
Не ставлю на народовъ-муравьевъ!
И развѣ я твоихъ единокровныхъ
Мужей не поборолъ! Такъ отъ тебя-ль
Бѣжать мнѣ! Это дивное помѣстье
Принадлежитъ тебѣ лишь, Герзуинда.
И ты, искорененная, должна
Укорениться здѣсь въ саду. Должна ты
Расти, цвѣсти здѣсь медленно. Свои
Плоды оберегать для созрѣванья.
Хранимая садовника рукой,
Ты будешь подъ надежною защитой
Вотъ этихъ стѣнъ, ничѣмъ не омраченной
Веселой госпожой! Толпа прислужницъ
Тебѣ покорно будетъ угождать
Безцѣнными уборами и всѣми
Услугами, какихъ ты пожелаешь.
Но лишь одно!

Герзуинда (быстро).

Должна я, какъ цвѣтокъ
Любимый императора, недвижно
Стоять въ грядѣ?

Карлъ.

Ты знаешь мой цвѣтокъ
Любимый?

Герзуинда.

Да, конечно. Я малюткой,
Лѣтъ такъ семи... благоговѣйно я
Садила мальвы Карла.

Карлъ (все еще величаво и отечески).

Но сегодня
Твое благоговѣнье далеко!
Когда-бъ благоговѣнье было ближе,
Здѣсь, предъ тобой, оно бы принесло
Тебѣ большую честь и властно стерло
Пятно безчестья съ твоего лица—
Лица мадонны. Ты и есть мадонна!
Съ благоговѣйнымъ трепетомъ храни
Сокровища небесной королевы
Отъ посягательства нечистыхъ пальцевъ.
О, Герзуинда! Знай, здѣсь сильно бьютъ
Горячіе ключи; они изъ тѣла
Испорченнаго выгоняютъ ядъ
И обновляютъ кровь. Ключи такіе
Кипятъ въ моей груди, ключи любви
Отцовской. И они неудержимо
Текутъ къ тебѣ! Очистись въ нихъ душой,
Смой пятна всѣ. Будь даже ты, какъ пылью,
Пороками покрыта, часъ придетъ,
Когда тебѣ скажу я, если только
Моей ты волѣ покоришься.
Скажу тебѣ:—иди и покажись
Священникамъ. И будешь въ этотъ день
Чиста предъ міромъ, какъ цвѣтокъ небесный,
Какъ лилія въ рукахъ Маріи-Дѣвы!

(Кладетъ правую руку на голову Герзуинды; она цѣлуетъ его опущенную лѣвую руку).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Опять во владѣніи короля вблизи Ахена. Галлерея внутри виллы состоитъ изъ колоннъ, покрытыхъ куполомъ. Полъ изъ цвѣтного мрамора. Изъ галлереи внутрь дома идутъ закрытыя и открытыя двери: одна — въ садъ. Изъ соприкасающагося съ галлереей помѣщенія въ глубинѣ, вверхъ поднимаются на нѣсколько ступеней, магистръ Алькуинъ и графъ Рорико.

Магистръ Алькуинъ— благородный старецъ съ видомъ ученаго, поэта и свѣтскаго мужчины, въ одеждѣ духовнаго лица.

Рорико.

Ну, господинъ магистръ, я дальше не могу
Тебя сопровождать: тамъ знакъ даетъ привратникъ.
Видалъ ты государя, или нѣтъ,
Изъ дома и дворца я все равно,
Тебя обязанъ выпроводить.

Алькуинъ.

Вотъ какъ!
И если даже призванъ я сюда
Приказомъ короля, который имъ
Собственноручно писанъ?

Рорико.

Ты былъ призванъ?

Алькуинъ.

Конечно, графъ, а если бы не такъ,
Сидѣлъ бы я средь книгъ своихъ спокойно.
Вѣрь, любопытство незнакомо мнѣ.
Какъ было до сихъ поръ, я-бъ оградился
Отъ разныхъ слуховъ хитростью моей
И принятой любезностью. Скажите,
Что это, графъ, за тайны здѣсь у васъ?
Что это вы за маскарадъ творите?
И почему вояка-Карлъ въ тылу
Скрывается? Ну, право же, покуда
Къ вамъ доберешься въ дебри по тропамъ,
Черезъ болота, что со всѣхъ сторонъ
И островокъ и домъ здѣсь окружаютъ,
Натерпишься опасностей. Вездѣ
И всюду, говорятъ, грабежъ. Пора бы
Гераклу львиной шкурою тряхнуть,
А не сидѣть близъ поялки... Но... Что дѣлать!

Рорико.

Мы ради бань горячихъ здѣсь. Король
Зоветъ ихъ молодящими ключами
И пользуется ими.

Алькуинъ.

Что зоветъ
Онъ молодящими ключами?

Рорико.

Эти
Горячіе источники.

Алькуинъ.

Отлично.
Прекрасно понялъ, милый графъ. И самъ
Я патріарха моего вѣдь знаю.
Не разъ видалъ я пастырей... не тѣхъ,
Которые пасутъ народы,—просто
Овечьихъ пастуховъ; они свои
Смертельно коченѣющіе члены
Во внутренностяхъ молодыхъ звѣрей
Отогрѣвали. Зевсъ, пастухъ боговъ,
Пастухъ людей, нерѣдко, невзирая
На юность вѣчную, переживалъ
Страхъ старости, тихонько подползавшей.
Но все же, какъ ни странно, онъ порой
То буйволомъ, то молодымъ бычкомъ
Считалъ себя... Порою что-то, видно,
Горячей струйкой льется по спинѣ.
Ключи живой воды?.. А почему бы
И нѣтъ, коль въ этомъ польза есть ему,
Ему, владыкѣ надъ царями, Зевсу
Земному! Пусть среди своихъ овецъ
Хватаетъ онъ... Купается,—хотѣлъ я
Сказать:—пусть, гдѣ захочется ему.

Рорико.

Высокочтимый! Если ты имъ призванъ,
Садись. Къ докладу вызванъ и другой:
Нашъ канцлеръ Эркамбальдъ. И мнѣ сдается,
Что это поведетъ къ добру: увы,

Для исцѣленья часто нѣтъ лѣкарства.
Я, видитъ Богъ, не въ силахъ, не хочу
Судить! Но я понять не въ состояньи
Могущественнаго и ничего
Умнѣе послушанія придумать
Въ присутствіи его я не могу.
Но не имѣетъ онъ такого вида,
Что молодитъ купанье: это ты
Увидишь самъ. Я слышу на террасѣ
Его шаги.

(Онъ быстро удаляется. Алькуинъ вскользъ оглядываетъ себя и принимаетъ подобающую позу. Темноликій слуга открываетъ дверь, ведущую изъ сада, и пропускаетъ Карла. Король блѣднѣе, чѣмъ прежде. Ужъ больше нѣтъ такого спокойствія и твердости во взглядѣ. Такъ какъ онъ входитъ изъ яркаго дневного свѣта, — длинная тѣнь ложится передъ нимъ. Онъ замѣчаетъ Алькуина и дѣлаетъ рукою козырекъ надъ глазами, чтобы лучше разсмотрѣть).

Карлъ.

Еще я не могу
Узнать, кто ты.

Алькуинъ.

Давидъ безспорно.

Карлъ.

Флакусъ.
Такъ это ты?

Алькуинъ.

Да, слабый Флакусъ я,
Которому свирѣпые солдаты,
Разставленные по опушкѣ лѣса,
Чтобъ цезаря хранить, какъ будто онъ
Живетъ въ странѣ враговъ,—не причинили
Обидъ и зла.

Карлъ.

Да, добрый Флакусъ, да,
Страна враговъ для каждаго изъ насъ—
Повсюду, гдѣ есть люди и мужчины.

(Хлопаетъ въ ладоши).

Садись. Изъ ничего Гарунъ-Рашидъ
Рай создавалъ. Но я не онъ, волшебникъ,

Я лишь суровый франкъ и ничего
Я предложить тебѣ не въ силахъ, кромѣ
Вина, жаркого, лишь того, что̀ дать
Очагъ крестьянскій можетъ. Послѣ страха
Въ твоемъ пути и это подкрѣпить.

Алькуинъ (смѣясь).

Но больше ничего и не желаетъ
Твой скромный Флакусъ.

(Два сарацина-слуги въ пвѣтныхъ тюрбанахъ появляются и цѣлуютъ землю передъ Карломъ).

Алькуинъ (взглянувъ на слугъ, лукаво).

Ровно ничего
И противъ бѣдности Давида также
Онъ не имѣетъ.

Карлъ.

Эй, Гасанъ! Мы ѣсть
Хотимъ, какъ боги!

(Слуги поднимаются, еще разъ падаютъ на землю, поднимаются и снова уходятъ).

Карлъ.

Если-бъ я
Былъ магомъ! Но—увы! Рабовъ недавно
Мнѣ четверыхъ подобныхъ подарилъ
Гарунъ-Рашидъ и, какъ тебѣ извѣстно,
Шесть темнокожихъ молодыхъ рабынь.
Но я о нихъ, почти забытыхъ мною,
Недавно только вспомнилъ, и пришла
Мнѣ прихоть ихъ позвать къ себѣ на службу.
Я этотъ даръ теперь лишь оцѣнилъ:
Онѣ купаютъ такъ легко и ловко,
Такъ заворачиваютъ въ простыни,
Малѣйшія желанья такъ предвидятъ,
Что просто выше всѣхъ похвалъ. Онѣ,
Быть-можетъ, нѣжатъ, но вѣдь отъ природы
Бываютъ нѣженки, а я, мой Флакусъ,
Я нѣженкой не буду никогда.
Теперь же къ дѣлу. Слушай: вотъ зачѣмъ я
Тебя позвалъ: насколько помню я,—
Ты родомъ изъ Нортумбріи и даже
Саксонской крови.

Алькуинъ.

Да, король Давидъ.

Карлъ.

Быть-можетъ, скоро-скоро въ этомъ домѣ
Услышишь ты, что̀ родственно тебѣ.
Но это послѣ. Я ищу не сакса.
Кто мнѣ необходимъ, такъ это—братъ,
Да, братъ мнѣ нуженъ, человѣкъ, который
Однихъ со мною взглядовъ и однихъ
Душевныхъ качествъ. Это ты, мой Флакусъ.
Духовный мечъ, дарованный тебѣ
Самимъ Творцомъ, съ достоинствомъ ты держишь,
Поднявъ высоко, какъ и я—мірской.
Ты больше для меня, чѣмъ Петръ, держащій
Въ своихъ рукахъ и римскій мечъ и ключъ.
Въ божественномъ отъ Бога ты: не меньше
И въ человѣческомъ отъ Бога! И ученъ
Ты лишь отъ Бога. Оттого пріятенъ
Мнѣ человѣкъ такой: онъ не судитъ,
А разсуждать лишь призванъ; жизнь онъ долженъ
Лишь уважать, а не уничтожать.
Отбрось я все, что̀ я носить обязанъ,
Какъ Пипинъ, дядя мой, что̀ въ-монастырь
Ушелъ,—всего одна пустая келья—
Вотъ что̀ мнѣ было-бъ нужно, чтобъ дышать.
Мнѣ непонятно, другъ мой, вѣрный Флакусъ,
Что̀ люди говорятъ... быть-можетъ, правда,
Не знаю я, что̀ люди говорятъ...
Но чувствую лишь только я, что нѣчто
Во мнѣ таится. Чую: по стволу
Облѣзшему, изъ трубъ неисчислимыхъ
Какъ будто соки льются... Можетъ-быть,
Смѣшно все это; можетъ-быть, все это
Глумленье лишь надъ глупой головой:
Въ календарѣ для всѣхъ мужчинъ законы.
Вотъ дерево, засохшее въ концѣ
И ставшее пріютомъ паразитовъ,
Чтобы они отъ стараго ствола
Могли тянуться къ солнцу, будь онъ даже
Мертвъ, этотъ стволъ! И вдругъ такой-то стволъ
Свѣжѣетъ, напрягается вѣтвями.

Вдругъ слышенъ шопотъ трепетной листвы,
Обвившейся вкругъ старческаго тѣла.
Э, старый Карлъ! Какъ видно, хочетъ жить
То дерево отжившее. Конечно,
Своими язычками шевелитъ
Оно не намъ... Ого! Пусть Карлъ отжившѝй
Стыдиться долженъ предъ людьми, что онъ
Живетъ. Но все-жъ онъ долженъ жить и будетъ!

Альквинъ.

О, государь, Давидъ великі̀й! Ты—
Сосредоточье жизни всей, той жизни,
Которая проникнута насквозь
Семью дарами Духа Пресвятого
И выше всей земной юдоли. Ты
Ей окруженъ, какъ золотой оправой
Безцѣнный камень. Что̀ мы безъ тебя?
Въ твоихъ рукахъ плугъ, острый мечъ и грифель.
То, что̀ въ землѣ таится глубоко,
Ты вызываешь къ жизни. То, что̀ мирно
Желаетъ жить, ты кормишь и поишь,
И защищаешь. То, что̀ есть на небѣ,
Ты чтишь! Ты сѣешь, взявъ Христа посѣвъ.
Дитя лепечетъ: Карлъ; его же позже
Зоветъ—отецъ. Не слово Карлъ, а мощь,
Могущество! Начнутъ сосѣди вздорить:—
Карлъ!—и оконченъ споръ. Начнутъ войну
Народы—Карлъ!—и миръ опять нисходитъ.
Когда-жъ покой спускается къ землѣ—
Карлъ!—и дрожитъ земля, и все темнѣетъ
Вокругъ, и Карлъ—уже война,—не миръ.
Такъ кто же Карла осуждать посмѣетъ?

Карлъ.

Я этого и не боюсь: Я франкъ,
Для этого я слишкомъ грубъ, тѣмъ болѣе,
Вооруженный, подъ моимъ щитомъ!
Едва-ль копье моей коснется кожи.
Наоборотъ, гдѣ самому себѣ
Вверяюсь я, гдѣ открываю душу,
Тогда не трудно ранить Карла въ то,
Что̀ въ твердомъ въ немъ и нѣжно и покорно.

(Слуги-сарацины внесли накрытый столъ и поставили его. Другіе держатъ золотыя чаши и кувшины для мытья рукъ).

Я чувствовалъ отчасти одинокимъ
Себя. Ну, ну, иди, садись...

(Онъ и Алькуинъ садятся за столъ. На руки имъ льютъ воду).

Хотя
Мнѣ одиночество всегда желанно,
И не въ друзьяхъ,—нуждался въ другѣ я.

(Съ этимъ онъ поднимаетъ свой бокалъ и пьетъ за здоровье Алькуина, который дѣлаетъ то же самое. Послѣ того, какъ оба выпили—короткая пауза, затѣмъ Карлъ говоритъ)

Коль хочешь, можно пригласить еще
Особъ пріятныхъ...

Алькуинъ (деликатно).

Да, Анакреона,
Горація я въ гости жду, къ нему—
Кой-что еще! Вино да пѣсни славно,
И милочку, пожалуй, сверхъ того.

Карлъ.

Ну, браво, браво, старый ты язычникъ!
Совѣтую однакоже тебѣ
Надѣть на сердце крѣпкую рѣшетку.

(Онъ ударяетъ въ металлическую доску въ видѣ подноса, которую держитъ одинъ изъ слугъ. Едва прозвучалъ этотъ звонъ, какъ Герзуинда уже прибѣжала и стоитъ передъ ними обоими. Она легко и фантастично одѣта; волосы распущены).

Герзуинда (удивленная, при видѣ за столомъ двоихъ).

Ѣдите. Фи!

Карлъ.

Э, развѣ же не долженъ
Ѣсть человѣкъ?

Герзуинда.

Мнѣ на людей смотрѣть,
Когда они ѣдятъ, противно.

Карлъ.

Развѣ
Мы люди? А?

Герзуинда.

А развѣ больше вы?

Алькуинъ.

Что̀ одного касается, конечно.
То духъ источника...

Карлъ.

Скажи ужъ лучше:—духъ
Мученій...

(Алькуинъ продолжаетъ указывать на Карла).

Алькуинъ.

Что̀ касается его,
Ты ошибаешься.

Карлъ.

Нѣтъ, для нея мужчины
Всѣ только люди, къ сожалѣнью, люди—
Мужчины только.

Герзуинда.

Что-жъ еще? Да я
Людей и не люблю.

Алькуинъ.

Но одного
Ты исключаешь: властелина Карла.
Любимый всѣми, чтимый...

Карлъ.

Никого
Она не исключаетъ. Если-бъ только
Я былъ дроздомъ сѣдоголовымъ, пѣть
Умѣлъ красиво—вотъ тогда, быть-можетъ,
Я ей напѣлъ бы, если бы я былъ
Котенкомъ и, мяукая, валялся
Въ навозѣ,—вотъ тогда-бъ, быть-можетъ, я
Могъ заслужить ея любовь и ласку.

Герзуинда (всматриваясь, какъ лакомка).

А для меня у васъ нѣтъ ничего?

Карлъ (предлагаетъ ей свой бокалъ).

Зино!

Герзуинда.

Противно. Фи!

(Отталкиваетъ бокалъ).

Карлъ.

Она росой
Питается съ деревьевъ апельсинныхъ.
Водою съ розъ, остуженной въ снѣгу,—
Приготовленье этихъ чернокожихъ,—
Мы кормимъ для нея ангорскихъ козъ:
Ея прекрасный ротикъ можетъ только
Пить молоко отъ этихъ нѣжныхъ козъ.

Алькуинъ.

Амброзіей и нектаромъ себя
Питаешь ты, цвѣтокъ прекрасной жизни,
Какъ боги олимпійскіе, и мнѣ
Ты кажешься въ нездѣшней оболочкѣ.

Карлъ.

О, нѣтъ, она земная черезчуръ.

Герзуинда.

Да, да, вполнѣ. Меня вы какъ хотите
Зовите, только не святой. Я всѣмъ
Готова быть, но не святой. Исправно
Я пью и ѣмъ, и дѣлаю все то,
Что̀ хочется. По мнѣ, пусть и другіе,
Что̀ хочется, то дѣлаютъ.

Карлъ.

А вдругъ
Другіе захотятъ совсѣмъ иначе,
Какъ правильнѣй и лучше?

Герзуинда.

Я на зло
Не сдѣлаю.

Карлъ.

Мой добрый, мудрый Флакусъ!
Зови на помощь опытъ долгихъ лѣтъ,
Познаніе, съ пчелинымъ трудолюбьемъ
Накопленное, прозорливость, все,
Что̀ добывалъ ты днями и ночами,
Ты, свѣтъ и другъ труда ненасытимый!
Быть-можетъ, мощь божественнаго духа
И полное могущество семи
Искусствъ свободныхъ—хоть настолько могутъ
Тебѣ полезны быть, чтобъ предъ ребенкомъ
Безпомощнымъ не оказаться здѣсь,
Какъ школьникъ передъ А-В-С. Печатью
Безсилья ей я заклейменъ давно.

Алькуинъ.

Чѣмъ можетъ Флакусъ быть, когда самъ Августъ,
Имѣя лавръ Геракла на челѣ,
Себя безсильнымъ счелъ. Но я охотно
Пожертвую собой.

Карлъ.

На этотъ разъ
Позволь тебя мнѣ просвѣтить... Допустимъ,
Вотъ... что̀ такое грѣхъ?

Герзуинда (быстро).

Грѣха нѣтъ! нѣтъ!

Карлъ.

Ну, а стыдливость?.. Попытай объ этомъ?

Алькуинъ.

А есть ли, какъ ты думаешь, дѣвица,—
Стыдливость?

Герзуинда (смѣется раньше про се
потомъ свободно и гром

Я дитя—не вашей Евы,
Не вашего Адама, и мои
Не ѣли прародители отъ древа
Грѣховнаго, а потому и я
Добра и зла не различаю.

Алькуинъ.

Такъ какъ
Познаніемъ ты Богу не равна,
Но изгнана изъ рая, какъ же можешь
Когда-нибудь туда вернуться ты?

Герзуинда.

Ужъ лучше о себѣ ты позаботься,
Бѣдная голова. Что̀ бредить тутъ
Стыдливостью какой-то! Что-жъ, должна я
Стыдиться моихъ членовъ? Неужель
Гордиться мнѣ портнымъ моимъ! И развѣ
Шерсть, нити шелковичнаго червя,
Волокна льна красивѣе и лучше
Того, что̀ я? Того, чѣмъ я дышу,
Вкушаю, вижу, слышу? Пусть сверкаютъ
Горами золота, безцѣнныхъ камней
Твои родныя дочери,—уборовъ
Я не люблю.
(Она бросаетъ свою шаль на землю и съ хохотомъ убѣгаетъ).

Карлъ.

Эй, Герзуинда!
(Она исчезла и на зовъ не возвращается).

Алькуинъ.

Разъ
Я подсмотрѣлъ, какъ въ тьмѣ лѣсовъ Ютландскихъ
Кумирамъ жертвы саксы приносили.
То было въ ледяную ночь. Они,
Какъ легіоны демоновъ, крутились.
Костры трещали по лѣсу. И конь,
Двухлѣтокъ золотистый, съ длинной гривой,
Хвостъ до земли для жертвоприношеній,
Былъ приведенъ туда, гдѣ мы въ чащѣ
Поблизости скрывались. Голый, мощный
Гигантъ держалъ коня за поводъ. Вдругъ,
Огнемъ костровъ и дыма раздраженный,
Конь чутко поднялъ ноздри и заржалъ.
И не могу сказать, что̀ въ этомъ ржаньи
Отозвалось: плачъ, или дикій смѣхъ.

Карлъ.

Ты истинную суть ея натуры,
Флаксъ, угадалъ: скорѣй она грустна,
Чѣмъ радостна.

Алькуинъ.

А если я добавлю
Къ тому еще и ужасъ полуночи,—
Омрачена, хотя имѣетъ видъ
Полдневнаго луча.

Карлъ.

Но ты однако
Не забывай о пищѣ и питьѣ.

Алькуинъ.

Спасибо. Шесть десятковъ лѣтъ спокойно
Я пью и ѣмъ, совсѣмъ не находя,
Что дѣлаю я что-нибудь дурное;
А нынче вдругъ въ сомнѣніе я впалъ
И думаю: не лучше ли поститься?
Задумался и кой надъ чѣмъ еще,
Что вызвано въ умѣ ея словами,
Чѣмъ кажется она мнѣ и что есть.

Карлъ.

Вотъ ты и тамъ, мой Флакусъ, гдѣ я мѣтилъ.
Ужъ я поймалъ не одного звѣрька
При помощи мѣшка, стрѣлы и сѣтки,
Но дичь мнѣ въ путы ни одна еще,
Подобная вотъ этой, не попала,
И оттого я берегу ее,
О ней забочусь, дорожу ей. Правда,
То не звѣрекъ, и потому теперь
Мое предназначенье много выше,
Чѣмъ укротителя звѣрей. Забочусь
О ней я, какъ отецъ духовный. Правда,
На этотъ разъ такое дѣло въ радость,
И такъ, какъ я пустыни населялъ,
Хотѣлъ бы я и здѣсь добро посѣять.

Алькуинъ.

Но и она вѣдь что-то вкругъ себя
Разсѣеваетъ также?

Карлъ.

Несомнѣнно.
Пускай борьба за душу тяжела,
Опаснѣе борьбы мечомъ; не дремлетъ
Врагъ Господа и правды и добра,
Пустыни сушитъ, посылаетъ пламя
Прожорливое къ райскимъ воротамъ.
Я это знаю хорошо, но все же
Отраду въ этомъ спорѣ нахожу
И побѣдить врага хочу. Отчасти
Я въ этомъ виноватъ.

Алькуинъ.

О, государь!
Оверпцевъ, саксовъ, гунновъ, лангобардовъ,
Баварцевъ и нормандцевъ ты сразилъ;
Разбилъ ты басковъ. Все, что̀ подымалось,
Все предъ тобой склонялося во прахъ.
Но каждая побѣда передъ этой,
Которую назначила себѣ
Твоя возвышенная воля,—легче.

Карлъ.

Ты мнѣ не довѣряешь?

Алькуинъ.

Сомнѣваться
Мнѣ непристойно, государь. Все-жъ Карлъ
Пребудетъ Карломъ, если бы онъ даже
И оказался побѣжденнымъ здѣсь.

Карлъ (становится сумрачнымъ, хмурится).

Не думаешь ли ты, что жру я вмѣстѣ
Съ паршивыми собаками?

Алькуинъ (испуганно).

Пускай
Меня пронижетъ молнія мгновенно,
Когда меня, хотя бы издали,
Такая мысль коснулась!

Карлъ.

Пусть такъ будетъ!..
Пусть будетъ такъ.

(Ходитъ взадъ и впередъ, и его сильное возбужденіе падаетъ. Входитъ Рорико).

Рорико?

Рорико.

Государь,
Съ докладомъ канцлеръ Эркамбальдъ.

Карлъ.

Не къ спѣху.
Пусть подождетъ тамъ старый шутъ.

Рорико.

За мной
Идетъ онъ слѣдомъ.

Карлъ (Алькуину).

Трапеза прервалась.
Но охрани тебя Господь отъ встрѣчъ
Съ брюзгою старымъ. Попрошу...

(Снимаетъ съ пальца кольцо и опускаетъ въ руку Алькуина)

покуда
Посмѣйся; вотъ забава для души:
Кольцо—игрушка только; въ семь колечекъ
Должно распасться,—ты изъ нихъ опять
Составь одно. Когда же улыбаться
Ты будешь, въ это время уясни,—
Чему смѣешься? Видишь ли, такая
Игрушка есть и у меня; она
Не меньше и не больше.

(Эркамбальдъ появляется и слышитъ послѣднія слова. Алькуинъ кланяется Карлу и удаляется въ садъ. Рорико уходитъ также. Карлъ медленно расхаживаетъ, останавливается и смотритъ вопросительно на Эркамбальда).

Эркамбальдъ.

Государь,
Я здѣсь согласно твоему приказу.

Карлъ

Ты здѣсь... согласно... здѣсь... чему? Чему?

Эркамбальдъ (очень блѣдный).

Я говорю: великимъ государемъ
Сюда я вызванъ?

Карлъ.

Такъ... Да!.. Какъ дѣла
Съ тѣмъ саксомъ? Мнѣ сдается, его звали
Бенинтъ? Его имѣнья въ Фульдѣ... да...
Несправедливо отняты... Обратно
Ему вернули ихъ?

Эркамбальдъ (угрюмо и сурово).

Нѣтъ!

Карлъ.

Почему?

Эркамбальдъ.

Вина Бенинта и Ассига снова
Доказана ревизіей. И вотъ
Всѣ документы слѣдствія. Здѣсь также
И приговоръ судебный. Только нѣтъ
Твоей печати.

Карлъ.

Покажи...

(Беретъ въ руки и разрываетъ рукопись).

Такъ... Значитъ,
Вы шли наперекоръ мнѣ.

Эркамбальдъ.

Государь,
Что ты прикажешь?

Карлъ.

Ничего.

Эркамбальдъ.

Объ этомъ...
Прости... но каждый вѣрный гражданинъ
И преданное сердце пожалѣетъ...

Карлъ.

О чемъ? О томъ, что я не приказалъ?.
Вы дѣйствуйте, творите справедливость,
Добро—безъ приказаній! Развѣ я,
Хотя-бъ языкъ мой отнимался, долженъ
Потѣть и все приказывать? Но есть
И дровосѣкамъ, земледѣльцамъ отдыхъ!
Разиньте рты лѣнивые, крича:
Вотъ тутъ—одно, а тамъ—другое! Знайте:
Въ теченіе единственнаго года,—
Не жизни,—года,—убѣдитесь вы,
Возможно-ль устоять тому, кто тяжесть
Несетъ всю жизнь. Что̀ долженъ наконецъ
Приказывать еще я?

Эркамбальдъ.

Здѣсь рѣшенья
Ждетъ кипа писемъ.

Карлъ.

Отъ кого? Что̀ тамъ
Важнѣйшее? Да имена сначала!

Эркамбальдъ.

Здѣсь—сынъ сіятельный твой—Людвигъ, властелинъ
Надъ Аквитаніей; здѣсь Штурмъ, аббатъ изъ Фульды,
Здѣсь—Петръ изъ Пизы; здѣсь изъ Кёльна, Майнца
И Зальцбурга—епископы. Вотъ Базель—Хильдегринъ,
Изъ Безансона—Рихвенъ, и другіе.
Тревожныя изъ Рима письма есть.

Карлъ.

Что̀ это вдругъ такое наводненье?

Эркамбальдъ.

Вотъ самъ прочти.

Карлъ.

Докладывай.

Эркамбальдъ.

Дѣла,
О, государь, важнѣйшія въ странѣ
Остановились. Эта остановка

Весьма чувствительна для всѣхъ. Къ тому-жъ
Изъ края въ край, невѣдомою силой
Разносится молва: уже къ врагамъ
Она проникла; здѣсь дошла къ Альфонсу
Черезъ Галицію, Астурію... Хотя
Союзникъ нашъ въ сомнѣніи, но все же
Напоминаетъ онъ о томъ...

Карлъ.

О чемъ
Напоминаетъ онъ? И въ чемъ сомнѣнье?

Эркамбальдъ.

О чемъ напоминаетъ? Въ чемъ сомнѣнье?
Мнѣ не легко все это повторить.

Карлъ.

Ну, и оставь объ этомъ. Дальше!

Эркамбальдъ.

Это
Письмо, о, государь, случайно мнѣ
Попало въ руки, а оно исходитъ
Отъ Пипина, отъ сына твоего,
Тѣнь отъ него на эту вѣсть ложится.
Посланье это долженъ получить
Былъ герцогъ Галимеръ, кого такъ щедро
Ты засыпаешь милостями.

Карлъ.

Дай!

Эркамбальдъ.

Ужасный планъ! И къ этому-то плану
Однакожъ этотъ извращенный принцъ
Былъ близокъ, хоть далекимъ быть обязанъ.

Карлъ (послѣ прочтенія письма).

Ублюдокъ! Шутъ! Паяцъ! Подлецъ! Ты пишешь
О потаскушкѣ, будто бы ведетъ
Она хромого, выжившаго Карла,
Какъ за кольцо, продѣтое въ носу!
И это ты—ты, Пипинъ, тотъ, кого я

Отъ женщины безпутной породилъ.
Родился онъ, и я его вознесъ
Взамѣнъ того, чтобъ затоптать въ болотѣ,—
Изъ яслей, какъ Спасителя, его
Возвысилъ!.. Такъ!.. Такъ!.. Повалить хромого
Горбатый хочетъ! Только-то? Такъ вотъ
Меня какимъ ты вздоромъ безпокоишь!
Постричь же горбача и—въ монастырь!

(Послѣ короткаго молчанія, дѣловито)

Тѣ господа пусть треплютъ свои метлы
Гдѣ захотятъ, но только лишь не здѣсь,
Не у моей калитки, а не то вѣдь
Съ своей метлой я изъ дома пущусь.
Она остра, какъ прежде. Герзуинда—
Заложница, но благородной крови,
И я ее намѣренъ выдать замужъ
Хотя-бъ за молодого Фридугиза;
Его же я начальникомъ назначу
Въ какое-нибудь сакское мѣстечко:
Онъ свѣдущій.

Эркамбальдъ (невольно).

Дай Богъ, о, государь,
Чтобъ этого не сдѣлалъ ты!

Карлъ.

Что?

Эркамбальдъ.

Съ этой
Дѣвицей сочетать!

Карлъ.

А почему-жъ
И нѣтъ?

Эркамбальдъ.

За жизнь его я опасаюсь,
Когда достигнетъ это до него.

Карлъ.

Что-жъ, онъ убьетъ себя?

Эркамбальдъ.

Навѣрно.

Карлъ.

Предъ милостью моею Фридугизъ
Способенъ въ бѣгство броситься и даже
Спуститься въ адъ?

Эркамбальдъ.

Способенъ, государь.

Карлъ.

А развѣ нѣтъ графинь и маркграфинь,
Что въ юномъ увлеченьи поступали
И хуже, чѣмъ она, зато потомъ
Такъ цѣломудренно, уединенно жили,
Что искупляли прошлое свое?

Эркамбальдъ.

Такъ цѣломудренно, уединенно?
О, государь. Я долженъ говорить.
Но какъ начать мнѣ? Маркграфиня можетъ
И согрѣшить по молодости лѣтъ.
Не новость, не неслыханно все это,
И вовсе не неслыханно все то,
Что дѣлаетъ открыто Герзуинда.
Но, государь... Ужасенъ въ этотъ часъ
Мой долгъ! Не разъ бывалъ я среди судей,
Но палачомъ я не былъ никогда.
И въ ужасѣ сейчасъ я содрогаюсь.

Карлъ.

Меня здѣсь нѣтъ. Набросить сразу! Такъ!
Я говорю о глоткѣ. Дернуть сразу
И задушить, коль есть за что душить.

Эркамбальдъ (почти плача, выкрикиваетъ).

Великій Карлъ! Прикажешь мнѣ молчать?

Карлъ.

Что бредишь ты, коль говорить обязанъ.

Эркамвальдъ.

О, Боже! Всѣхъ, кто обманулъ тебя,
Вели казнить!

Карлъ.

Богъ милосердъ и Ною
Онъ обѣщалъ, что больше никогда
Онъ не пошлетъ всемірнаго потопа.

Эркамвальдъ.

Потопъ идетъ, идетъ онъ на меня—
О, государь! Дрожатъ мои колѣни.
О, государь! Ты отпусти меня.

Карлъ.

Ты думаешь, что то, что задрожать
Заставило твои колѣни, можетъ
Сразить меня? Въ чемъ дѣло?

Эркамвальдъ.

Государь!
Несчастье, прелюбодѣянье, преступленье,
Позоръ!

Карлъ.

Всегда такъ было и такъ будетъ.

Эркамвальдъ.

Но никогда такъ близко, какъ теперь,
У трона твоего.

Карлъ.

Яснѣй!

Эркамвальдъ.

Ни разу
Запятнанъ пурпуръ не былъ такъ.

Карлъ.

Яснѣй...

Еще яснѣй!

Эркамбальдъ.

И никогда рожденный
Отъ женщины, кто-бъ ни былъ, никогда
Не запятналъ себя такимъ позоромъ.

Карлъ.

Чѣмъ кто?

Эркамбальдъ.

Чѣмъ это дѣлаетъ она,
Заложница отъ саксовъ, Герзуинда.

Карлъ.

Такъ! Доказательство!

Эркамбальдъ.

Свидѣтель Богъ,
Съ желымъ сердцемъ я даю...

Карлъ.

Мнѣ только
Одно!

Эркамбальдъ.

Вотъ... Это все произошло
Прошедшей ночью—въ дрянненькомъ трактирѣ,
Тамъ, у рѣки, внизу произошло.
Я, Эркамбальдъ, твой канцлеръ, я пробрался
Въ лохмотьяхъ и неузнанный никѣмъ
Туда, въ притонъ: молва все разрасталась,
Вела народъ къ возстанью. Я пошелъ
Въ безсмысленъ всѣхъ слуховъ убѣдиться,
Я думалъ,—не увижу ничего,
Увидѣлъ слишкомъ много, съ чѣмъ въ сравненьи
Беззубой оказалася молва.
Я видѣлъ Герзуинду; вся нагая,
Она покрыта только лишь была
Своими волосами: заливали
Они ее сверкающей волной,
То приливали, то вдругъ отливали,
Межъ тѣмъ какъ Герзуинда, щебеча,
Въ тактъ музыкѣ скакала, обнажая

Змѣиное и вьющееся тѣло
И закрывая снова... Рыбаки,
Ремесленники изъ Санта-Маріи,
Каменотесы, тѣ, что̀ привезли
Къ намъ изъ Равенны памятникъ Тіерри,
Который ты досель не посмотрѣлъ, —
Кутилы выли, громко называли
Ее любовницею короля. Она
Попеременно гладкія колѣни
Въ безумномъ танцѣ быстро поднимала
И опускала. Вдругъ отъ колдовства
Дрожащихъ устъ убійственная буря
Завыла. Я не могъ противостать
Той бурѣ. О, позволь мнѣ отдышаться!

Карлъ.

Дыши.

Эркамбальдъ.

— Да, это было такъ. Ты—Карлъ,
Ты—императоръ. Я-жъ—твой вѣрный канцлеръ—
Я не въ безумьѣ говорю... Позволь
Припомнить... Такъ... Короче: передъ нами
Князь тьмы предсталъ. Я чувствъ лишился. Вдругъ,
Покрытую вакхическою пѣной,
Ее тащить сталъ кто-то со стола.
Другой схватилъ... Ударилъ третій... Вмѣстѣ...
Стонъ... дикое топтанье... градъ проклятій
Смѣшались. Вотъ ее швырнули внизъ,
Ея волосъ огненно-красныхъ пряди
Мозолистыя руки обвивали.
Ее топтали, били безъ конца.
Такъ было... Свѣтъ погасъ, и я не видѣлъ,
Что̀ сталось съ ней, когда безъ силъ, безъ чувствъ
Она свалилась въ уголъ бездыханной.

Карлъ.

Ты говоришь не въ шутку, Эркамбальдъ?
Такъ это съ кѣмъ случилось? Съ кѣмъ? Конечно,
Не съ плѣнницей, живущей у меня?

Эркамбальдъ.

Да, съ плѣнницей, живущей въ этомъ домѣ.

Карлъ.

И ты... И ты... когда происходило
Все это... Ты не сдѣлалъ ничего?

Эркамбальдъ.

Я оглушенъ былъ... ничего не сдѣлалъ
И сдѣлать ничего не могъ: во тьмѣ
Могила вдругъ открылась предо мною,
И поглотила тишина меня.
Когда-жъ очнулся я,—она валялась
Въ углу, окоченѣлая, какъ трупъ...

Карлъ (со страшной силой овладѣвая собой).

Но вѣдь она жива осталась? Дышитъ?
Какъ видно, въ баснѣ, созданной тобой,
Есть промахъ. Но пока болтать довольно.
Поговоримъ о дѣлѣ важномъ... Да!
О корабельникахъ необходимыхъ
И обо всемъ, за что имѣешь ты
Вознагражденье, хлѣбъ... мундиръ твой носишь...
А не о томъ, что̀ кумушки въ дворцѣ
Судачатъ.

(Громко зоветъ)

Рико!

(Эркамбальду)

Уходи... Рорико!

(Появляется Рорико. Эркамбальдъ уходитъ).

Эй, стража! Что̀? Вы негодяи! Развѣ
Нѣтъ стражи у меня? Собаки! А?
Животныя! Вамъ только-бъ жрать да дрыхнуть.
Собаки! Гдѣ же стража у меня?
Во снѣ вы сторожите? Или лжетъ онъ?
Заложницу ввести сюда!

Рорико.

Она

Уснула.

Карлъ.

Спитъ?

РОРИКО.

Такъ говорятъ служанки.
Она срѣзать хотѣла виноградъ,
Едва взялась,—заснула.

КАРЛЪ.

Какъ, заснула
Тамъ, въ виноградникѣ? И спитъ въ саду?

РОРИКО.

Нѣтъ, ужъ въ своемъ покоѣ: камерфрау
Ее внесли въ кровать.

КАРЛЪ.

Ввести сюда!
Сейчасъ. Немедля вырвать изъ постели!
(Рорико удаляется. Карлъ одинъ. Сразу теряется, почти безумный).
Мой щитъ мнѣ! Камни! Воздухъ гуще! Градъ!
Градъ камней! Шея!.. Голова... Злодѣи!
Они швыряютъ камни!.. Подлецы!
О, сколько рукъ!.. Задѣло! Браво! Браво!
И этотъ также! Вы меня камнями
Хотите забросать!
(Онъ долженъ ухватиться за что-нибудь, чтобы не упасть).

ГЕРЗУИНДА (появляется испуганная, но остро и внимательно озирается).

КАРЛЪ.

Онъ лжетъ!

ГЕРЗУИНДА.

Ну да,
Тотъ лжетъ всегда, кто на меня клевещетъ.

КАРЛЪ.

Ты... вѣдьма! Говоришь? Кто позволятъ
Тебѣ здѣсь говорить? Тебя сейчасъ
Безжалостно твой голосъ выдалъ.

ГЕРЗУИНДА.

Голосъ!
Меня мой голосъ выдалъ?

Карлъ (Рорико).

Эй, сейчасъ
Всѣ двери запереть на галлереѣ!

(Рорико удаляется, чтобы исполнить приказъ).

Оправдывайся...

Герзуинда.

Въ чемъ же? Въ чемъ? Скажи,
Иль сдѣлала я что-нибудь такое,
Въ чемъ раньше не созналась я тебѣ?

Карлъ.

Да, увѣряютъ. Если не очистишь
Отъ клеветы и грязи ты меня,
Себя... Исчадіе порока,
Я самъ тебя съ лица земли сотру.

Герзуинда (легкомысленно).

Но почему? Зачѣмъ? Не по душѣ мнѣ
Такая исповѣдь.

Карлъ (кричитъ).

Охрана! Эй!

(Герзуинда оглядывается, какъ пойманная дикая птица, ища кругомъ въ отчаяніи помощи. Но такъ какъ нигдѣ нѣтъ выхода, ее охватываетъ смертельный страхъ. Она бросается къ Карлу, горячо цѣлуя его руки, плечи, платье).

Герзуинда.

Дай жить, о, императоръ Карлъ! Пощады!
Будь милосердъ! Пощады! Дай мнѣ жить!

Карлъ (отталкивая ее).

Ты язва человѣчества.

Герзуинда (какъ прежде).

Дай жить мнѣ!
Оставь мнѣ жизнь! О, императоръ Карлъ!
Закуй меня въ желѣзныя оковы,
Не видитъ пусть никто меня! Никто!
Лишь ты одинъ. Ничья рука отнынѣ
Меня пусть не коснется. Лишь твоя!
Но заковать меня, отецъ мой славный,

Ты должен самъ и самъ же расковать,
Когда захочешь. О, могучій ангелъ!
Никто... лишь ты. Ты Богъ небесный! Ты!..

Карлъ.

Не я, другой исполнитъ это!

Герзуинда.

Кто же?

Карлъ.

Другой... довольно! Я лишь дамъ здѣсь знакъ—
И явятся... Отцомъ Небеснымъ, Богомъ
Иль ангеломъ ты назовешь его,
Не все-ль равно. Онъ выше,—Онъ, который
Нерасторжимо цѣпь свою куетъ.
Признайся же, какое преступленье
Ты совершила?

Герзуинда.

Хочешь ты убить...
Отдать приказъ убить меня?

Карлъ (твердо).

Да!

Герзуинда (мѣняя тонъ).

Боги!
За что-жъ, скажи, должна я умереть?

Карлъ.

Ты хочешь отпереться? Поздно. Поздно!
Ты отпиралась раньше, но потомъ
Созналась, а теперь ты отпираться
Намѣрена опять? Ну, дѣвка, нѣтъ.
Не выйдетъ. Какъ, скажи мнѣ, провела ты
Ночную стражу?

Герзуинда.

Кто сказалъ?.. Я? Я?..
Ночную стражу?..

Карлъ.

Да.

Герзуинда.

Зачѣмъ же было
Мнѣ проводить ночную стражу? Ты
Созови ихъ всѣхъ и разспроси...

Карлъ.

Такъ, значитъ,
Монетою истертою своей
Ты подкупила ихъ? Отбросокъ!

Герзуинда (мѣняясь, въ бѣшенствѣ).

Я! Зачѣмъ же
Отбросокъ этотъ поднялъ ты? Зачѣмъ
Отбросокъ тамъ валяться не оставилъ,
Гдѣ я валялась? Поднялъ ты зачѣмъ?
Тебя я не просила. Не кричала,
Не жаловалась я и не звала.
Къ твоимъ ногамъ съ мольбой я не бросалась,
Не клянчила: «О, подыми меня!
Возьми изъ праха!» Ты меня безъ спроса
Схватилъ, держалъ. А почему? Зачѣмъ?
Ты, все равно, меня не замѣчаешь,
Ты надо мной глумишься! Никогда
Меня ты не жалѣешь! Издѣвательствъ
Я не хочу! Я не хочу, чтобъ взглядъ,
Твой взглядъ, который выражаетъ ужасъ,
Когда меня увидитъ, чтобы онъ
Такъ осуждалъ меня при каждой встрѣчѣ.
Твоей тюрьмы и клѣтки не хочу:
Она меня отъ жизни отрѣшаетъ
И разлучаетъ съ Богомъ. Да, съ моимъ
Божественнымъ огнемъ, въ которомъ вся я
Должна горѣть, иначе я умру.

Карлъ (мрачно).

Такъ... У меня ты мерзнешь... Умираешь?..
Ты черезчуръ нетерпѣлива.

Герзуинда.

Да,
Кто медлитъ и даетъ одни слова мнѣ,
Меня не любитъ!

Кто медлитъ, заставляетъ днемъ и ночью
Меня томиться въ голодѣ и горѣ.—
Меня онъ мучитъ,
Бросаетъ въ одиночествѣ, въ забвеньѣ,
Въ кошмарѣ, въ страхѣ ледяномъ, чужой.
И кто меня принять ко груди медлитъ,—
Тотъ представляетъ право обладанья
И первенство душителю любви,
Холодной смерти!

Карлъ (нѣсколько мгновеній спокойно смотритъ на глубоко взволнованную Герзуинду, затѣмъ медленно говоритъ).

Меня ты усмирила, Герзуинда,
И сдѣлала столь ласковымъ и тихимъ,
Что вижу я: довольно смерти той,
Которой умерла ты въ домѣ Карла.
Зачѣмъ тебя вторично мнѣ казнить!
Пусть первенство она, когда угодно,
Сама получитъ по твоимъ словамъ.
Теперь иди.

(Герзуинда не двигается съ мѣста).

Тебя пошлютъ туда,
На родину, гдѣ Богъ твой, Богъ порока,
Котораго ты чтишь. Валяйся тамъ
Въ своемъ болотѣ смрадномъ и не думай,
И никогда не думай обо мнѣ.

(Онъ отвернулся отъ нея; она попрежнему остается неподвижной).

Ты все еще стоишь? Такъ кнутъ, быть-можетъ...

Герзуинда.

Ударь меня!

Карлъ.

Я не палачъ...

(Онъ кричитъ въ садъ)

Пріятель!
Эй, Флакусъ!

(Ударяетъ въ ладоши; появляются черные слуги)

Все скорѣе подметите,
Все живо уберите со стола.

И лучшихъ винъ и лучшихъ блюдъ побольше!

(Алькуинъ идетъ изъ сада).

О, другъ мой, Флакусъ! Я тебя прошу
Усердіе. Ужъ воздухъ обновился,
Свободна грудь! Дыханіемъ тлетворнымъ
Намъ не отравятъ ароматъ вина
Нечистые! Коней готовь намъ, Рико,
И соколовъ. Но раньше дай набить
Намъ франкскіе желудки сытной пищей,
А ужъ потомъ съ охотничьимъ добромъ
И на охоту.

Алькуинъ.

Вотъ возьми обратно,
Король Давидъ, кольцо. Я не сумѣлъ
Съ нимъ справиться.

Карлъ (принимаетъ кольцо).

И ты усталъ отъ этой
Игрушки?

(Онъ швыряетъ кольцо съ презрѣніемъ. Оно катится къ ногамъ Герзуинды).

Я, мой другъ, какъ ты, усталъ.

Герзуинда (съ быстротой молніи поднимаетъ кольцо съ пола и прячетъ у себя).

Лишь съ жизнью я отдамъ кольцо обратно!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Помѣщеніе въ монастырѣ на Пляцѣ: своды, лѣстницы, пересѣкающіеся входы и открытые балконы. Послѣ происходившаго въ третьемъ актѣ прошло приблизительно восемь дней.

Позднее предобѣденное время.

Герзуинда полулежитъ въ креслѣ со слѣдами тяжелой болѣзни на лицѣ. Сестра-экономка съ ней; она одѣваетъ куклу Герзуинды. Больная лежитъ такъ, что можетъ наслаждаться тепломъ осенняго солнца, лучи котораго падаютъ черезъ балконъ.

Сестра-экономка.

Откуда это странное кольцо?

ГЕРЗУИНДА.

Отъ матери. Вѣдь я ужъ говорила.

СЕСТРА-ЭКОНОМКА.

Ну, если такъ,—похвально, что его
Такъ цѣнишь ты.

ГЕРЗУИНДА.

Да, да, имъ дорожу я.

СЕСТРА-ЭКОНОМКА.

Я это вижу.

ГЕРЗУИНДА.

Я его всегда
Ношу у сердца.

СЕСТРА-ЭКОНОМКА.

Ты вѣдь мать не помнишь?

ГЕРЗУИНДА.

Ты думаешь—отъ матери кольцо?

СЕСТРА-ЭКОНОМКА.

Ну да, ты мнѣ сказала, и я вѣрю.

ГЕРЗУИНДА.

Я часто лгу.

СЕСТРА-ЭКОНОМКА.

И здѣсь ты солгала?

ГЕРЗУИНДА.

О, да, сестра.

СЕСТРА-ЭКОНОМКА.

Такъ отъ кого же это
Кольцо?

ГЕРЗУИНДА.

Да отъ него.

СЕСТРА-ЭКОНОМКА.

Но отъ кого?

ГЕРЗУИНДА.

Отъ государя Карла.

СЕСТРА-ЭКОНОМКА.

Такъ-то цѣнишь
Ты милости его!

ГЕРЗУИНДА.

Однако какъ
Ты легковѣрна!

СЕСТРА-ЭКОНОМКА.

Дурно, Герзуинда!

ГЕРЗУИНДА.

Ну, развѣ я могла бы такъ любить
Кольцо сѣдого Карла? Развѣ тотчасъ
Его бы я не выбросила вонъ?

СЕСТРА-ЭКОНОМКА.

По-настоящему, такъ ты его должна бы
Любить и не отталкивать.

ГЕРЗУИНДА.

Вотъ какъ!
Какая же ты умная! Дай куклу.

СЕСТРА-ЭКОНОМКА.

Не раньше, чѣмъ откроешься ты мнѣ,
Гдѣ въ первый разъ тотъ страхъ, морозъ мгновенный
Вдругъ охватилъ тебя и чѣмъ его
Ты объясняешь?

ГЕРЗУИНДА

Вамъ какое дѣло?
Васъ это не касается.

СЕСТРА-ЭКОНОМКА.

Строптива
Ты, Герзуинда. Настоятельница-мать
И врачъ тебя разспрашивали: гдѣ ты
Почувствовала въ первый разъ тотъ страхъ,

Который намъ повѣдала? Вѣдь если
Мы будемъ знать источникъ твоего
Несчастья, такъ скорѣй найдемъ и средство
Тебѣ помочь.

ГЕРЗУИНДА.

Я этого сама
Хотѣла.

СЕСТРА-ЭКОНОМКА.

Ты? Чего хотѣла?

ГЕРЗУИНДА.

Больно
Вамъ сдѣлать всѣмъ.

СЕСТРА-ЭКОНОМКА.

Я этому должна
Повѣрить поневолѣ, потому что
Ты это ежечасно намъ твердишь.
Но кто, скажи, кто былъ тогда причиной
Твоей бѣды? Кто далъ тебѣ въ ту ночь
Проклятую—напитокъ ядовитый,
Подѣйствовавшій страшно на тебя?

ГЕРЗУИНДА.

Онъ съ длинными и бѣлыми кудрями,
На короля, на Карла былъ похожъ,
Я оттого и выпила напитокъ.

СЕСТРА-ЭКОНОМКА.

Что это за напитокъ былъ?

ГЕРЗУИНДА.

Навѣрно,
Вино, но я не знаю. Мнѣ оно
Противно было

СЕСТРА-ЭКОНОМКА.

Гдѣ случилось это?

ГЕРЗУИНДА.

Всегда меня ты спрашиваешь: гдѣ?
Когда? Кто? Какъ, да что? Сама не знаю.

Сестра-экономка.

Я—женщина, какъ ты. Скажи мнѣ, будь
Со мною откровенна. Если выпить
Напитокъ тотъ противный ты могла
Лишь потому, что подалъ его кто-то,
На короля похожій, почему-жъ
Бокалъ, что̀ подалъ самъ онъ благосклонно,
Ты оттолкнула?

Герзуинда.

Дай мнѣ куклу! Ну,
Сестра, ты слышишь?

Сестра-экономка.

И когда ты сразу,
Хотя бы изъ сочувствія къ тому
Сѣдому старцу, выпила то зелье,
Которое тебѣ онъ предложилъ...

Герзуинда.

Тогда... Тогда напитокъ оказался
Такимъ же точно сквернымъ, какъ и былъ.

Сестра-экономка.

И охватилъ морозъ тебя?

Герзуинда.

Я мерзла...

Сестра-экономка.

А если-бъ этотъ старецъ, Герзуинда,
Попался,—ты узнала бы его?

Герзуинда (рѣшительно).

Нѣтъ.

Сестра-экономка.

Такъ совсѣмъ ты. значитъ, позабыла,
Каковъ онъ?

Герзуинда.

Я его передъ собой,
Каковъ онъ есть, сестра, такимъ и вижу.

Сестра-экономка.

И все-жъ его не хочешь ты назвать
И, если онъ предстанетъ передъ нами,
Его не пожелаешь ты узнать,
Хоть онъ тебя больной и хилой сдѣлалъ,
И жалкой?..

Герзуинда.

Не жалка я, нѣтъ. Когда-бъ
Была я жалкой!.. Нѣтъ, я не такая.
Еще разъ говорю: я не жалка!
Но если-бъ я была такой, тогда бы
Я назвала, навѣрно назвала!
Иди, согрѣй мнѣ руки. Потеплѣе
Окутай.

(Сестра-экономка окутываетъ руки ея въ теплый платокъ, съ боязливой заботливостью поглядывая въ ея лицо. Герзуинда почти безъ чувствъ откидываетъ голову назадъ. Входитъ тихо настоятельница и гр. Рорико въ томъ видѣ, какъ явился съ пути).

Настоятельница.

Графъ Рорико, невозможно.
Самъ посмотри и убѣдись, она
Безпомощна, нуждается въ уходѣ...
Совсѣмъ младенецъ! Вынести она
И дня пути не въ состояньи.

Рорико.

Все же,
Она здѣсь не должна быть. Я и такъ
Взялъ слишкомъ много на себя... Но время
Не терпитъ. Тамъ, когда ея судьба
Рѣшалась, въ то загадочное утро,
Когда, пресытясь прихотью своей,
Великій Карлъ ее отбросилъ, вяло,
Какъ мошку мертвую,—тогда не могъ
Я поступить иначе, чѣмъ я сдѣлалъ.

Настоятельница.

И поступилъ ты хорошо. Завѣтъ,
Который далъ король намъ и который
У насъ въ шкапу,—ты помнилъ, оттого

И поступилъ, какъ дворянинъ, прекрасно,
Когда овечку эту ты привезъ
Обратно къ намъ. Властитель, правда, можетъ
Забыть слова свои: вѣдь велика
Страна его заботъ, но и ребенокъ—
Объ этомъ можетъ также позабыть:
Вѣдь это дѣтямъ свойственно: вѣдь дѣти
Забывчивы, безпечны. Но Господь
Опекуна, который забываетъ
Свои слова, простить не можетъ,—нѣтъ.

Рорико.

Скажите мнѣ, какое содержанье
Документа, хранимаго у васъ?

Настоятельница.

Документъ насъ обязываетъ свято
Дать этому ребенку здѣсь пріютъ,
Когда она придетъ.

Рорико.

Такъ я и думалъ.
Но онъ ее изъ Ахена изгналъ.

Настоятельница.

Кого здѣсь изгонять? Взгляните только
Вы на нее: одна напасть. Да что
Тутъ говорить. Увы, не-нынче-завтра
Своей метлой нашъ сторожъ отмететъ
Ее въ нѣмое царство смерти. Если
Карлъ не отрѣзалъ пряди золотой
Ея волосъ, такъ отъ нея на свѣтѣ
И тѣни не останется.

(Со слезами)

Ужель
Она всего еще не искупила?
Графъ, я кой-что хотѣла бы тебѣ
Довѣрить. Ей данъ ядъ. Повѣрь! О, люди,
Мужчины! Не довольно вамъ, что вы
Изъ садика плоды живые рвали,
Которые открыло вамъ дитя
Въ невѣдѣньи! Вы душите ребенка!
Ахъ, горе, что мы, женщины, всегда

Довѣрчивы, наивны и не видимъ
Въ мужчинѣ волка; не распознаемъ
Врага съ его оскаленною пастью!

Рорико.

О, многолюбящая мать! Когда-бъ
Твоей рукой всегда руководима
Была бѣдняжка Гербуинда!.. Я
Почтительно цѣлую эту руку!
Но Гербуинда не безвинна: такъ
Она стоитъ и предъ глазами Карла,
Который вновь съ того же дня живетъ
Въ своемъ чертогѣ въ Ахенѣ. Я долженъ
Сказать: онъ измѣнился. Лобъ его
Избороздили мрачныя морщины,
Которыя безъ трепета никто
Не можетъ видѣть. Низко и угрюмо
Нависли брови, и когда порой
Онъ ихъ вздымаетъ,—взглядъ освобожденный
Съ смертельною жестокою угрозой
Безъ милосердья падаетъ. И если
Узнаетъ Карлъ, что Гербуинда здѣсь,
Здѣсь, въ Ахенѣ, въ монастырѣ, въ то время,
Когда въ селеньѣ саксконъ быть должна,—
Мы, мать, себя опасности подвергнемъ.

Настоятельница.

Я не боюсь. Такъ поступить—мой долгъ.

Рорико

Я васъ молю: остерегитесь Карла,
Послушайтесь совѣта моего!
Я лошадей держу здѣсь наготовѣ,
И два надежныхъ посланныхъ моихъ
Къ ея роднымъ свезутъ ребенка ночью.
Но, можетъ-быть, ужъ поздно; палачи
Сорвутъ дитя съ страдальческаго ложа
И умертвятъ. Молву, что здѣсь она
Скрывается, не подавить въ народѣ,
И банды черни рыщутъ тутъ и тамъ,
Чтобъ забросать несчастную камнями.

Настоятельница.

Графъ, передъ ней послѣдній путь открытъ.
Изъ рукъ моихъ вы разъ ее ужъ взяли,—
Какою взяли, и какой она
Вернулась къ намъ! Но нынѣ уже Высшій
Ее отъ насъ возьметъ, и для Него,
Небеснаго, я сберегу бѣдняжку.
Чернь называетъ вѣдьмою ее,
Онъ, другъ дѣтей, Спаситель,—лишь ребенкомъ.
Скажи, какъ мнѣ соединить твой страхъ
Съ тѣмъ, что сказалъ мнѣ нынѣ исповѣдникъ,
Что Карла духъ болѣзнью отягченъ?
Весь истина, покорность и смиренье,
Онъ, если такъ, слезами изойдетъ.

Рорико.

Да будетъ милосердъ Господь надъ нами,
Коль плачетъ Карлъ! Въ тѣ дни, какъ плачетъ онъ,
Его дѣла опережаютъ слово,
А исполненье—приговоръ. И громъ
Рычаніемъ глухимъ не предвѣщаетъ
Той молніи, что съ жадной нѣмотой
Сжигаетъ все... Такъ было. Такъ однажды
Близъ Вердена Карлъ плакалъ, и ручьи
Отъ крови человѣческой разбухли.
И вотъ опять Карлъ плачетъ по ночамъ
И всхлипываетъ,—а за Санъ-Маріей,
На Плянѣ, въ это время, прекративъ
Постройку въ славу Божью, намъ ясно
Показываютъ слезъ его плоды:
Ремесленниковъ, мастеровъ искусныхъ
Съ затянутою шеей, съ языкомъ
Наружи почернѣлымъ; такъ справляютъ
Они свой праздникъ въ будни, и кругомъ
Качаетъ вѣтеръ ихъ между столбами.

Гербуинда (пробуждаясь).

Сестра.

Сестра-экономка.

Что, дѣтка?

ГЕРЗУИНДА.

Кто здѣсь говорилъ?

СЕСТРА-ЭКОНОМКА.

Мать-настоятельница, графъ Рорико.

ГЕРЗУИНДА.

Скажи, король вѣдь защититъ меня
Отъ старика?

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА.

Отъ старика? Какого?

ГЕРЗУИНДА.

Который тамъ стоитъ; колдуньей онъ
Бранитъ меня, злымъ дьяволомъ...

СЕСТРА-ЭКОНОМКА.

Я знаю,
Она объ Эркамбальдѣ говоритъ,
О канцлерѣ почтенномъ: сонъ ужасный,
Который мучитъ дѣвочку, съ того
Тяжелаго послѣдствіями утра,
Когда Бенинтомъ, дядею ея,
Мы были оклеветаны такъ низко
Передъ престоломъ Карла.

ГЕРЗУИНДА.

Ну, а тотъ,
Что говорилъ сейчасъ, тотъ—Рико?
Рорико, графъ, любимецъ короля?

СЕСТРА-ЭКОНОМКА.

Графъ здѣсь. Открой глаза—и ты увидишь.

ГЕРЗУИНДА (съ закрытыми глазами).

Я вижу его ясно предъ собой,
Онъ такъ красивъ, но все же не такой онъ,
Какъ императоръ Карлъ. Далеко—нѣтъ!—
Карлъ—богъ, а мы всѣ люди, только люди.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА (Рорико).

Повѣрьте мнѣ, она боготворитъ
Властителя, какъ свѣтлаго святого,
Хотя его и оскорбила.

Рорико.

Пусть
Ее увидитъ ясно Тотъ, Кто создалъ.

Герзуинда.

Я не хочу пить эту гадость... бр...р...р...
Мнѣ тошно... мнѣ противно... Пусть уйдетъ онъ!

Настоятельница.

Въ ту ночь ей дали яду, вѣрьте мнѣ;
Въ той преисподней, въ томъ вертепѣ мрачномъ,
Куда ее власть яда привела,
Старикъ ей неизвѣстный подалъ въ кубкѣ
Смерть.

Рорико.

Кто бы могъ подумать, что проклятье
Ей суждено ужасное... такой
Безсильной, хилой!.. Вся она—безсилье,
Но этому безсилью ни одинъ
Противостать не можетъ панцырь крѣпкій.
И въ одиночествѣ своемъ она
Лишь на безсилье это опиралась,
Какъ императоръ Карлъ на мощь свою.
Врагами злоумышленными оба
Окружены. Я не при чемъ, но я
Такъ близко къ ней игрой судьбы поставленъ,
Что безъ вины, быть-можетъ, понесу
Тяжелый крестъ.

Эркамбальдъ (быстро входитъ).

Вотъ я и въ самомъ дѣлѣ
Тебя встрѣчаю, графъ Рорико, здѣсь.

Герзуинда (при звукѣ голоса Эркамбальда быстро приподнимается и впираетъ въ него широко открытый взглядъ).

Вотъ ты... онъ! Онъ! Что хочешь ты?

Эркамбальдъ (не замѣчая Герзуинды).

Нежданно
Вы тутъ и тамъ такъ быстро обошлись?

Рорико.

Да, онъ отъѣздъ назначилъ нынче утромъ.
Богъ вѣсть, что въ головѣ у короля.

Эркамвальдъ.

Достойная сестра, дѣвчонку спрячьте:
Карлъ на пути сюда.

Рорико.

Я такъ и зналъ:
Ему ужъ донесли.

Эркамвальдъ.

Я говорю вамъ—
Скорѣй! Въ народѣ смута. Государь
Настроенъ, какъ палачъ. Хотя другъ другу
Онъ и народъ—враги съ того утра,
Какъ головы горячія по вѣтру
Качаются. Но въ ненависти къ той
Мерзавкѣ сходятся.

Сестра-экономка (поднимаетъ съ кресла Герзуинду, которая все еще смотрятъ на Эркамбальда взглядомъ, полнымъ ужаса).

Обвейся крѣпче, крѣпче
Вкругъ шеи, Герзуинда. Пусть безбожно
Безчинствуютъ сильнѣйшіе, намъ здѣсь
Защита—Богъ!

(Выноситъ Герзуинду. Рорико ей помогаетъ).

Эркамбальдъ (одинъ съ настоятельницей).

Ее какъ будто даже
Не хочетъ смерть. Вы въ милости большой
У короля, какъ видно, если нынѣ
Рѣшились въ милосердіи своемъ
Такъ далеко пойти. Но я, признаться,
И несмотря на весь ея недугъ,
Отправилъ бы домой ее иначе:
Какъ кошку Фреасъ утопилъ бы... да.

Настоятельница (Эркамбальду, глядя на него въ упоръ).

Я знаю, ты навѣрно-бъ это сдѣлалъ.
Но то, что̀ сдѣлалъ въ самомъ дѣлѣ ты,
Тебѣ извѣстно одному. Не знаю
Я этого.

Эркамбальдъ.

Ну, такъ ужъ лучше, мать,
Спокойно говори о томъ, что̀ знаешь.

(Эркамбальдъ торопливо удаляется. Съ другой стороны спокойно приближается Алькуинъ).

Алькуинъ.

Вѣдь это канцлеръ такъ спѣшилъ уйти?

Настоятельница.

Благословенъ Господь, тебя приведшій
Сюда, отецъ. Ты дочери своей
Одинъ откроешь,—правда ли, что нынѣ
Заложницу такъ ненавидитъ Карлъ,
Что смерть тому, кто сжалится надъ нею?

Алькуинъ.

Такъ, значитъ, правда: вы въ монастырѣ
Ее укрыли! Значитъ, не обмануть
Предчувствіемъ своимъ король, что тутъ
Ее онъ ищетъ! Онъ далекъ отъ мести,
Отъ ненависти: мучается онъ.
Но, дочь моя достойная, онъ страшенъ,
Когда онъ правдѣ служитъ и когда
Онъ ошибается, бросаетъ ли орлиный
Врагамъ во слѣдъ свой взглядъ, иль ослѣпленъ
Стоитъ, себя казня и порицая.

Настоятельница.

Я каждымъ словомъ дорожу твоимъ,
Но, если можешь, поспѣши побольше
Мнѣ разсказать, чтобъ знала я, какъ мнѣ
Его встрѣчать, что̀ говорить...

Алькуинъ.

Положимъ,
Онъ дѣвочку желаетъ видѣть вновь,

Положимъ, дикимъ воплемъ потрясаетъ
Всю грудь его, хоть лицемѣритъ онъ.
Его несчастье удесятеряетъ
То, что̀ дитя невинно, что оно
И цѣломудренно и чисто. Мы и сами
Испытывали это, дочь моя.
Вотъ, если-бъ было, какъ всегда бывало,—
Однимъ лишь королевскимъ сыномъ больше
На свѣтѣ-бъ оказалось, вотъ и все.
Теперь иначе. Онъ надъ ней насилья
Не совершилъ; она ему осталась
Чужой; и тамъ, гдѣ мысль о ней скулила,—
Удерживала гордость. Наконецъ
Онъ оттолкнулъ ее, когда владѣла
Она всѣмъ сердцемъ Карла. И теперь,
Задержанное пламя страстно рвется
Обратно, къ ней; съ обманутой мечтой
Властителя оно слилось, толкаетъ
Его и жжетъ губительнымъ огнемъ.

Настоятельница.

Такъ, значитъ, онъ на самомъ дѣлѣ боленъ?

Алькуинъ.

И тяжело.

Настоятельница.

Гдѣ врачъ, что̀ возвратитъ
Его здоровье намъ?

Алькуинъ.

Она одна, кого
Онъ ищетъ, и ничто иное въ свѣтѣ!
Идетъ. Я слышу голосъ короля.

(Торопливо входитъ одна сестра; вскорѣ другая).

Первая сестра.

Помоги.

О, помоги ей!

Вторая сестра.

Мать. Самъ императоръ
Сюда идетъ.

Первая сестра.

Мать, Гердуинда тамъ
Зоветъ тебя.

Вторая сестра.

Мать, государь желаетъ
Съ тобою говорить.

Первая сестра.

Мать! Гердуинда тамъ
Едва-ль не умираетъ, задыхаясь.

Вторая сестра.

Что мнѣ сказать, коль спроситъ государь?

Первая сестра.

Она тебѣ довѣрить что-то хочетъ.
Она не можетъ умереть, чтобъ раньше
Не исповѣдаться передъ тобой.

Настоятельница.

Какъ поступить?

Алькуинъ.

Твоя дорога твердо
Предрѣшена Всевышнимъ; дочь его,
Сѣди.

(Настоятельница слѣдуетъ за первой сестрой. Нѣсколько монахинь быстро бѣгутъ, наблюдая порядокъ, черезъ помѣщеніе. Алькуинъ принимаетъ подобающую позу. Слышенъ громкій разговоръ короля со свитой. Они приближаются. Снаружи начинаетъ проникать шумъ народной толпы, собирающейся у входа въ монастырь. Наконецъ входитъ Карлъ, сопутствуемый Эгиамвальдомъ, Рогако, нѣсколькими спутниками и многими монахинями).

Карлъ (монахиням).

Такъ... вы получите ту плату
За прачечной. Но получить должны
Съ условіемъ, чтобъ кромѣ тамъ... капусты,
Шпината и салата и другой
Подобной зелени, вы разводили
И мальвы, розмаринъ и адонисъ.

(Монахини выражаютъ радость; нѣкоторыя цѣлуютъ его руки).

А гдѣ мать-настоятельница?

Третья монахиня.

Гдѣ же
Мать-настоятельница?

Четвертая монахиня.

А ея здѣсь нѣтъ.

Пятая монахиня.

Нѣтъ?
О, Господи, да гдѣ-жъ она? Скорѣе
Сыскать ее!

(Большинство монахинь растерянно убѣгаютъ).

Карлъ.

Магистръ Алькуинъ,
Не здѣсь ли мы устраивали школу?

(Къ монахинямъ)

А сколько же воспитанницъ теперь
Въ монастырѣ? Я помню, было тридцать,
Въ послѣдній разъ я самъ ихъ сосчиталъ
По головамъ.

Шестая монахиня.

Теперь опять ихъ тридцать,
Великій государь.

Карлъ.

Дитя мое,
Что-бъ ни было, одной недостаетъ здѣсь.

(Въ коридорахъ монастыря слышна безпокойная бѣготня. Между оставшимися то и дѣло пробѣгаетъ шопотъ. Большинство, блѣднѣя, удаляются. Двѣ дѣвочки, воспитанницы монастыря, идутъ быстро съ зажженными восковыми свѣчами, спѣша пройти мимо. Карлъ ихъ задерживаетъ).

Куда вы всѣ съ огарками?

(Онѣ испуганно уклоняются, идутъ дальше своей дорогой и исчезаютъ за дверьми).

Такъ, такъ.
Мы, кажется, здѣсь лишніе: здѣсь сыро
И холодно. Сквозитъ. Заприте дверь.
Что вы блѣдны, и что здѣсь происходитъ?

Алькуинъ.

Когда входилъ ты, государь, сюда,
Мать-настоятельницу отозвали
Внезапно къ умирающей: она
Звала ее.

Карлъ.

Предвѣстіе дурное,
Коль смерть, мой кумъ, лишаетъ здѣсь меня
Правъ первенства.

(Едва интересуясь шумомъ народной толпы)

Чѣмъ тотъ пчелиный рой
Такъ возбужденъ?

Эркамбальдъ (съ преувеличеннымъ усердіемъ).

То, что̀ узнать ты долженъ,
Узнай сейчасъ. Тотъ мостъ, что̀ черезъ Майнъ
Былъ вельшскими построенъ мастерами,
Погибъ: его теченьемъ унесло,
И вѣсть о томъ ужъ разнеслась повсюду
Сегодня утромъ.

Карлъ.

Успокойся... Стой...
Я знаю самъ. Недаромъ нынче также
Споткнулся конь мой и меня сбрыкнулъ
Безцеремонно на-земь. Нынче... нынче...
Ты долженъ знать... почти у городскихъ
Воротъ... Но день и самый длинный все же
Имѣетъ свой конецъ.

Алькуинъ.

И заодно—
За каждой ночью наступаетъ утро.

Карлъ.

Такъ. Остается терпѣливо ждать.

(Оглядываясь)

И здѣсь меня терпѣнью учатъ также.
Взгляните, что̀ случилось тамъ?

(Эркамбальдъ, Рорико и прочіе спутники съ приказаніемъ короля уходятъ. Алькуинъ остается при королѣ. Карлъ значительно смотритъ на него).

Ну, вотъ,
Мы и вдвоемъ. Хочу тебѣ открыться,
Что̀ привело меня сюда... Когда
Ты спрашивалъ, тебѣ я не отвѣтилъ.
Не зналъ я... Сонъ... На этой вотъ скамьѣ
Сидѣла Герзуинда и, смѣясь,
Мнѣ говорила... Что? Забылъ... Ахъ, вспомнилъ...
Хотя досадно,—вспомнилъ не совсѣмъ!
Но вотъ я съ ней заговорилъ сначала:
«Что̀ сталося съ кольцомъ моимъ?»—ее
Спросилъ я, оттого, что каждой ночью
Оно меня тревожитъ съ той поры,
Какъ шутовство мое растетъ безумно:—
«Ты знаешь это?»—«Да».—«Зачѣмъ же ты
Взяла кольцо?» Она въ отвѣтъ: «Пріѣхать
Спѣши; посмотришь и увидишь самъ».

Алькуинъ.

Что̀ до меня, о, государь, то мнѣ
Сдается, что стоимъ мы передъ тучей,
Скрывающей тяжелую судьбу.
Пошли Господь намъ силы, чтобъ все это
Перенести съ достоинствомъ...
(Настоятельница въ слезахъ. Карлъ идетъ ей навстрѣчу).

Карлъ.

Какъ странно,
О, мать святая, на душѣ моей
Въ твоихъ стѣнахъ сегодня! Чуждо, странно
И даже жутко, несмотря на мечъ.
И мнится, здѣсь лишь духъ мой появился,
Когда король другой ужъ править,—я
Живу еще. Ты все-жъ меня узнала?

Настоятельница (цѣлуетъ край его одѣянія).

О, защити Господь, благослови
Твое чело помазанника!

Карлъ.

Слезы
Опять, какъ и тогда, когда въ дворцѣ

Въ послѣдній разъ мы видѣлись. Оставь насъ
Съ достойнѣйшею матерью.

(Алькупнъ уходитъ. Блѣдныя лица монахинь испуганно отстраняются отъ дверей).

Карлъ.

Ты здѣсь
Отъ смертнаго одра? Но тотъ, кто умеръ,
Онъ кончилъ съ жизнью хорошо. На насъ
Еще лежитъ Господнее проклятье
За нашу прародительницу, насъ
Оно еще нерѣдко посѣщаетъ,
Чтобъ не угасла мука бытія,
Со свѣжимъ яблокомъ соблазна, съ свѣжимъ
Грѣхомъ... Какъ много времени прошло
Съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь видѣлись?

Настоятельница.

О, право,
Ужъ слишкомъ много для твоей слуги
И тѣхъ, кто въ этихъ стѣнахъ—подъ твоей
Защитою: онѣ совсѣмъ сироты
Безъ своего отца.

Карлъ.

Отецъ... Сироты...
Нуждаетесь вы, женщины, и здѣсь,
Но ищете отца вы не земного,
Небеснаго: и недостоинъ васъ
Земной отецъ. Напрасно это станешь
Ты отрицать,—иное говоритъ
Твое большое горе... Такъ... вотъ видишь,
Беннитъ, язычникъ, нынѣ господинъ
Въ своемъ селѣ и снова въ прежней силѣ.
Онъ въ спорѣ побѣдилъ; тебя же, мать,
Навѣрно, оскорбляетъ то, что душу
Невинную ребенка у тебя
И у Христа-Спасителя онъ отнялъ.

Настоятельница.

Здѣсь пыткой всѣмъ заложница была.

Карлъ.

Такъ правда: всѣмъ она была здѣсь пыткой?
А если-бъ я отцомъ былъ ей... но нѣтъ,
Я ей чужой,—я вѣрно-бъ днемъ и ночью

Тергался, что она живетъ вдали
Отъ всѣхъ твоихъ заботъ благочестивыхъ
У мерзкаго язычника! Позволь
Мнѣ исповѣдаться, святая мать... Твоею
Воспитанницей здѣсь была она...
Та... Герзуинда... Все, что съ нею сбылось,
Ты знаешь: все наружу проникаетъ
Чрезъ стѣны моего дворца. Ну вотъ...
Міръ проклинаетъ грѣшницу. Я также
Ее отринулъ съ глазъ моихъ. Теперь
Меня раскаяніе гложетъ. Все же
Не думай, мать, что я сошелъ съ ума.
Что, если-бъ Христоферъ, что несъ на берегъ
Ребенка Іисуса на рукахъ,
Босой черезъ потокъ неукротимый,—
Вдругъ бѣшенству отчаянья дитя
Онъ отдалъ бы? О, какъ бы горько было
Его отчаянье! Въ ней было больше, вѣрь,
Желанія безумнаго и страсти,
Чѣмъ легкомыслья. Демона вліянье,
Его дѣла. Я часто замѣчалъ
Въ ея лицѣ всѣ тѣни наслажденья
Восторгами нечистыми его,
Когда ея касался богъ ужасный,
Богъ, подчинившій тѣло, но не духъ.
Когда-жъ едва-едва ея коснулась
Моя рука, безсиліе и скорбь
Въ лицѣ окаменѣломъ отразились,
А тѣло извивалося безъ силъ.
Короче, что бы ни было, невинна
Она иль нѣтъ,—сіяньемъ чистоты,
Невинности божественною маской
Она меня обманываетъ. Мать!
О, если вправду здѣсь обманъ, молю я,
Разрушь, разбей прекрасный ореолъ,
Иль я народа франкскаго богиней
Провозглашу ее за этотъ ликъ,
За ликъ святой, улыбкой озаренный.

Настоятельница.

Велѣніе Господне, государь,—
Его вдвойнѣ я нынѣ почитаю,—
Тебя хранило отъ такой вины.

Карлъ.

Она влечетъ меня неотразимо.
Я плѣнникъ. Я свободу потерялъ,
И чѣмъ и какъ она меня связала,
Когда ее отвергъ я отъ себя?
Какимъ искусствомъ? Я постичь не въ силахъ,
Я не могу понять! Иль тѣмъ кольцомъ,
Которое она тогда украла?
Но эти чары мучаютъ меня.
О, мать, ты мнѣ должна помочь распутать,
Должна найти опять ее. Хочу
Узнать я,—кто, кто погубилъ въ ней душу,
Когда ее ты мертвую найдешь?
Жива она,—ей умереть не дамъ я,
А если ты мнѣ скажешь: «Это ты,
Ее сгубившій»,—сыновей сзову я,
Я соберу всѣхъ знатныхъ вкругъ себя
И, имъ открывъ завѣтъ послѣдней воли,
Уйду я въ монастырь.

Настоятельница.

О, государь!
Не тамъ, въ селѣ у саксовъ, Герзуинда.
Она была у насъ,—какъ ты велѣлъ,
Въ монастырѣ ее мы пріютили.
Теперь она ушла, ушла опять
И никогда ужъ больше не вернется.
Когда ты къ намъ порогъ переступалъ,
Она отъ насъ невидимо летѣла:
Какъ разъ тогда она и умерла.
Рванулась со своихъ подушекъ съ крикомъ,
Который всѣ сердца оледянилъ,—
Одно лишь слово выкрикнула:—имя...
Да... имя короля... и умерла.

(Карлъ стоитъ безмолвно. Шумъ народной толпы передъ воротами увеличивается. На заднемъ планѣ, сбоку собираются дѣти съ горящими свѣчами, повидимому, чего-то дожидаясь.
Алькуинъ, Эркамбальдъ, Рорико, а также нѣсколько монахинь входятъ озабоченно).

Карлъ (беззвучно).

Магистеръ Алькуинъ.

Алькуинъ.

Здѣсь, императоръ.

Карлъ (какъ и прежде).

Магистеръ Алькуинъ.

Алькуинъ.

Здѣсь, твой слуга.

Карлъ.

Мать, то не искры-ль жгучей моей крови?
Нѣтъ, то огни... огни... и на меня
Они идутъ.

(Карлъ остановившимися глазами смотритъ по направленію огней въ глубинѣ сцены. Можно отличить уже начало шествія, составленнаго изъ дѣтей, медленно подвигающееся впередъ).

Настоятельница.

Великій императоръ!
Могущественный, славный паладинъ.
О, удали отъ дѣла мрачной смерти
Свои стопы и взглядъ твой!

(Шествіе идетъ справа налѣво въ сторонѣ. Видны несомыя монахинями носилки, на которыхъ лежитъ подъ покровомъ трупъ Герзуинды).

Карлъ.

Тише... тс...
Мертва. Кто это? Знаешь ли, кто это?

Сестра-экономка (отъ носилокъ направляется къ нимъ).

Она скончалась на моихъ рукахъ
И примирилась съ Богомъ.

Карлъ.

Говоришь ты,—
Скончалась на твоихъ рукахъ... Кто? Кто?
Кто умеръ тамъ? Стяните покрывало.
Кто умеръ? Отчего? Что воетъ чернь
На улицѣ внизу? Оставь!

(Онъ идетъ твердыми шагами къ носилкамъ и самъ поднимаетъ покрывало съ лица Герзуинды).

Ты это,
О, Герзуинда? Ты? Откуда здѣсь?

(Король выпрямляется. Онъ дрожитъ подобно башнѣ во время землетрясенія, потомъ опускается, выпрямляется снова, хватается за опору, подставляемую ему Рорико и Алькуиномъ, снова слабѣетъ, выпрямляется. Отстраняетъ отъ себя Рорико и Алькуина и окаменѣлымъ взглядомъ смотритъ на мертвую).

Ужъ поздно. Странно, господа, и чудно!
Поражены? Вы видите меня
Спокойнымъ!.. Странно это,—говорю я,—
Что дѣлаетъ страданіе меня
Такимъ спокойнымъ, а межъ тѣмъ душа
Терзается отъ муки отреченья.
Рука тепла. Не правда-ль, проскользнулъ
Отсюда внизъ платокъ воздушно-алый...
Отсюда—внизъ... Упалъ къ ея ногамъ...
Когда искать его вы стали, правда,
Вы не нашли его? Такъ видѣлъ я...
Такъ часто улетаетъ жизнь...

(Поднимаетъ пронизывающій взглядъ на Эркамбальда).

Доволенъ?
Да, вы—не я. Что̀ здѣсь произошло—
Убійство? Эркамбальдъ, приблизься... Это
Убійство! Тише... Кажется, она
Сказать мнѣ хочетъ... Грудь ея немного
Приподнялась. Приблизься, чтобъ она
Увидѣла... Убійство! Чтобъ убійцу
Она здѣсь обличила. Рико, стражу
Поставить предъ каждою калиткой!
Здѣсь преступленье... здѣсь... въ монастырѣ!

Настоятельница (бросается къ его ногамъ).

О, если здѣсь убійство,—преступленье
Пусть обличитъ всевѣдущій Господь.
И если здѣсь дитя погибло жертвой
Ужасныхъ козней, обѣ руки я
Въ присягѣ подымаю. Пусть проклятье
Насъ поразитъ! Пусть будетъ не для насъ
Жизнь вѣчная! Пусть... если упадетъ
На насъ вина, о, государь! Вина...
Участіе въ винѣ... хоть бы съ песчинку.
Нѣтъ, ни единый волосъ не упалъ
Съ нея у насъ въ стѣнахъ!

Карлъ.

— Что мнѣ за дѣло!
Здѣсь гнусное убійство. Рико, слышишь,
Убійство!.. Двери охранять кругомъ,
И кровь за кровь. Убійство здѣсь! Пусть эта
Умершая ведетъ насъ... Да, веди
Насъ, Герзуинда! За тобою слѣдомъ
Ворвемся мы въ толпу ихъ... вглубь толпы!..
И тамъ, гдѣ мертвый палецъ твой укажетъ,
Потребуемъ... Хотя-бъ онъ указалъ
На моего любимѣйшаго сына—
Потребуемъ мы твердо—кровь за кровь!

Эркамбальдъ.

О, государь, возьми, возьми спокойно
Мою... Ея осталося во мнѣ
Не очень много. Все возьми. Твоею
Была вѣдь капля каждая... Возьми.
Но прежде, чѣмъ свою склоню я выю,
Да, прежде, чѣмъ склоню я подъ топоръ,
Позволь ее поднять еще однажды.
Ты ужъ не тотъ, какъ прежде, ужъ не тотъ,
Внушенный Богомъ... Ты во снѣ; закрыты
Твои глаза и уши. Ничего
Не слышишь ты, не видишь. Ты не слышишь,
Какъ тамъ толпа безумствуетъ. Толпой
Отчаянье и ужасъ овладѣли.
Не слышишь, какъ врата монастыря
Дрожатъ отъ ихъ ударовъ изступленныхъ.
Пронесся слухъ, что дѣвка короля
Постригла; что въ покояхъ монастырскихъ
Кровь изъ тебя пьютъ демоны. Межъ тѣмъ
Тобою созданное государство
Расшатано... И слухъ идетъ кругомъ,
Что съ двумя стами кораблей причалилъ
Къ Фрисландіи датчанинъ Готфридъ; онъ
Напалъ врасплохъ и крѣпости срываетъ.
Онъ населенье рѣжетъ или въ плѣнъ
Уводитъ. О, такой ударъ неслыханъ!
Народъ къ побѣдамъ франковъ такъ привыкъ,
Что ничего не понимаетъ, дико
Бѣснуется. Они убѣждены,

Что сакскіе жрецы волшебной властью
Тебя плѣнили и лишаютъ силъ,
Какъ нѣкогда предательствомъ Далилы,
Обрѣзавшей Самсону волоса,
Самсонъ попалъ въ рабы къ филистимлянамъ.

(Карлъ во время рѣчи Эркамбальда не отрываетъ взгляда отъ Герзуинды. Все больше и больше притягиваемый ею, приближается къ мертвой, и только когда вдругъ замѣчаетъ Эркамбальда, нѣсколько приходитъ въ себя).

Карлъ (тихимъ, глубокимъ голосомъ).

Все кончено... Уйти и насъ оставить!
О, Рико! Рико!

Рорико.

Государь мой!

Карлъ.

Всѣ
Уйдите... Ты останься... ты... ты также.

(Указываетъ на Алькуина и настоятельницу. Остальныхъ удаляетъ суровымъ повелительнымъ движеніемъ. Эркамбальдъ и всѣ прочіе, даже дѣти, уходятъ. Канцлеръ торопитъ всѣхъ. Король медленно подходитъ къ носилкамъ).

Мать... Сатана былъ ангеломъ небеснымъ?
Да... нѣтъ... Хотѣлъ онъ богомъ стать—и вотъ
Отпалъ: Богъ оттолкнулъ его... О, ужасъ
Паденья въ бездну съ горней высоты
Блестящихъ сонмовъ, тѣхъ дѣтей небесныхъ,
Которыхъ и чистѣйшій ореолъ
Не могъ плѣнить! И пролетѣлъ по небу
Крикъ, крикъ любви: «Хотимъ какъ боги стать!
О, помоги намъ, Сатана!» Упрямство
Сказалось явно въ этомъ крикѣ. Богъ
Объ ангела, котораго Онъ создалъ,
Разбился самъ! Такъ что же говорить
О мудрости и силѣ человѣка,
Тѣмъ болѣ—о моей! Она нѣма...
Во снѣ моемъ я видѣлъ это тѣло
Такимъ блестящимъ! И того, что я
Ей не сказалъ, я вамъ теперь открою:
Ее любилъ я!
Богъ наполняетъ именемъ Своимъ
Всѣ эти стѣны. Лишь она безмолвна,

Она нѣма. Ни отзвука вокругъ.
Мнѣ объясните тайну: почему
Разорвался весь міръ посерединѣ
И черезъ сердце мнѣ прошелъ разрывъ?
Она теперь передъ своимъ Судьею.
Что изречетъ Небесный Судія
Всепроникающему, гордому молчанью,
И спроситъ ли: гдѣ, гдѣ мое кольцо?
А такъ какъ вновь смолчитъ она. Онъ снова
Ее убьетъ, чтобъ десять разъ она
Опять еще упрямѣе воскресла
Для новыхъ мукъ и новаго огня.
Вѣдь вся ея судьба была лишь мукой
И гордостью... и такова моя.
Да будетъ! Мать... вы... господа... поймите
Три брызги только адскаго огня,
А каково-жъ должно быть море?!. Диво-ль,
Что съ грудью обгорѣлою онѣ
Надъ пропастью толпятся! Хорошо же!
Я вамъ!.. Когда она и вправду спитъ
И пробудить ее ужъ невозможно,
Найдется время у меня для васъ,
Для всѣхъ и для датчанина Готфрида!

Крики толпы.

Она ему остригла волоса!
Ему та дѣвка волосы остригла!

Рорико.

О, государь, лишь прикажи, и я
Со всадниками всю толпу отброшу.

Эркамбальдъ (врывается въ дверь).

Чернь напирастъ на домъ... Нѣтъ нигдѣ
Сопротивленья. Если не покажешь
Народу своего лица...

Карлъ.

Пусть такъ.
Пока не поздно, принимайся снова,
Ремесленникъ, за ремесло свое.
Прошу васъ снизойти къ тому, что праздникъ
Я былъ и долгъ нарушилъ свой. Я все-жъ
Его отлично зналъ,—я зналъ, что этимъ

Властителямъ я все-жъ покорный рабъ.
Не обвиняйте!.. Смилуйтесь! Ни слова
Объ этомъ никому. Хочу вдвойнѣ
Пролить свой потъ! Ярмо мнѣ изъ желѣза
Вы положите! Что же, предо мной
Безсиленъ буйволъ, поднимите,—снова
И унесите... Я еще, увы,
Учиться долженъ, долженъ изучить я
Ея молчанье. Нѣтъ, вы никому
Не говорите, что учиться долженъ
Я у дѣтей. Скажите имъ: нашъ Карлъ,
Нашъ государь не знаетъ заблужденья.
Скажите имъ: онъ твердъ, какъ бриллiантъ,
И никогда не плачетъ. Посмотрите:
Вонъ мужъ идетъ за мертвой, и толпа
Не знаетъ ничего о немъ... Оставьте
Его... Не предавайте... пусть идетъ.
Чего онъ самъ не зналъ, того народу
Знать не зачѣмъ. И старецъ будетъ ихъ.
А старецъ этотъ грезитъ вольнымъ полемъ,
Широкимъ полемъ, гдѣ надъ головой
Клубятся тучи, гдѣ кружатся дико,
Какъ крылья бурь, грозящіе полки!
На боевомъ конѣ своемъ, въ походной
Палаткѣ, ночью, хочетъ отдохнуть.
Онъ, старый Карлъ, боецъ и императоръ,—
Какъ молитъ влаги жаждущій олень,—
Онъ жаждетъ грозъ, въ которыхъ вольно дышитъ
Всю жизнь свою, и музыки мечей:
Къ оружію! Къ борьбѣ! Къ войнѣ кровавой!

(Выходитъ на балконъ и обнажаетъ передъ шумящей толпой мечъ. На мгновеніе наступаетъ мертвая тишина; затѣмъ въ толпѣ проносится порывъ безконечнаго восторга).

Крики толпы.

Да здравствуетъ король нашъ Карлъ! Къ войнѣ!
Проклятіе врагамъ его! Проклятье!

Эркамбальдъ.

Онъ поднялъ мечъ! Онъ снова поднялъ мечъ!

(Занавѣсъ падаетъ).

ЭЛЬГА.

Драматическія сцены въ шести картинахъ.

Переводъ К. Бальмонта и Ек. Андреевой.

Нижеслѣдующія сцены навѣяны одной новеллой Гриль-парцера.

Вмѣсто двустрочнаго примѣчанія къ «Эльгѣ», стоящаго теперь въ полномъ собраніи сочиненій Гауптмана подъ заголовкомъ пьесы, въ первомъ изданіи ея драматургъ предпосылалъ ей слѣдующее примѣчаніе:

«Нижеслѣдующія сцены были набросаны въ 1896 году, въ промежутокъ времени между 31 января и 3 февраля. Авторъ рѣшился обнародовать ихъ потому, что не намѣренъ болѣе продолжать обработку этого сюжета. Набросокъ этотъ имѣетъ въ основѣ одну новеллу Грильпарцера».

Смыслъ такого предисловія ясенъ. Гауптманъ какъ бы подготовлялъ имъ снисхожденіе читателя къ его вещицѣ, вылившейся, по подсказу другого писателя, всего въ какіе-то два-три дня.

1896 г. былъ именно тѣмъ годомъ, когда, послѣ «Флоріана Гейера», драматургъ получилъ грильпарцеровскую премію и естественно перелистывалъ писателя-предшественника, съ которымъ у него вообще много общаго.

Сверхъ обычая, сцены появились до постановки—въ журналѣ «Neue Deutsche Rundschau», а 5 марта 1905 г. были представлены на сценѣ «Нѣмецкаго театра». Въ томъ же году пьеса прошла въ Лессингъ-театрѣ.

Пользованіе готоваго сюжета для Гауптмана, какъ мы не разъ видѣли, довольно обычно. Если это ставить въ упрекъ писателямъ, то прежде всего отвѣтственными за это окажутся такіе колоссы театра, какъ Шекспиръ. На этотъ разъ новеллу нѣмецкаго писателя «Сендомірскій монастырь» (Das Kloster von Sendomir) Гауптманъ использовалъ съ очень незначительными измѣненіями.

Грильпарцеръ разсказываетъ не объ одномъ, а о двухъ рыцаряхъ, по дорогѣ въ Варшаву останавливающихся въ монастырѣ, гдѣ странный монахъ, въ мірѣ графъ Старшенскій, разсказываетъ имъ исторію Эльги совершенно въ тѣхъ тонахъ, въ какихъ ведетъ свою драму Гауптманъ.

Гауптманъ значительно измѣнилъ лишь конецъ романтической драмы польскаго графа. У Грильпарцера Эльга падаетъ подъ ударомъ сабли Старшенскаго, когда тотъ убѣждается въ ея измѣнѣ. Огинскому удается спастись отъ его гнѣва прыжкомъ изъ окна. Эльгѣ Старшенскій приказываетъ убить ея ребенка. Сначала та рѣзко протестуетъ, но потомъ готова совершить преступленіе, когда убѣждается, что это—единственное средство остаться жить. Въ припадкѣ презрѣнія къ женѣ, оказывающейся столь же жалкою матерью, какою была женою, — Старшенскій убиваетъ ее.

Гауптманъ взялъ другой конецъ. Подъ гнѣвомъ обманутаго мужа падаетъ Огинскій. Къ его трупу приводится невѣрная жена. Въ худо-

жествѣномъ исполненіи послѣдній крикъ Эльги можетъ выразить бездну страданія женщины и любовницы. Но что будетъ дальше? Гауптманъ какъ бы оборвалъ свою драму. Эльга остается жить въ томъ настроеніи, когда «жить нельзя».

Страшный сонъ заѣзжаго рыцаря обрывается. Рыцарь бѣжитъ изъ стѣнъ монастыря, какъ изъ зачумленныхъ.

Можно еще отмѣтить, что въ числѣ дѣйствующихъ лицъ новеллы Грильпарцера нѣтъ матери Старшенскаго, введенной въ драму Гауптманомъ.

Схема разсказа, подсказаннаго Грильпарцеромъ и сценически использованнаго Гауптманомъ, довольно обычная схема стараго романа или романтическаго разсказа, находившихъ въ каждой странѣ—въ Германіи, Франціи, Польшѣ и Россіи—свое соотвѣтственное примѣненіе. Въ самомъ сюжетѣ нѣтъ никакой сложности. Онъ почти элементарно простъ. Преимущество Гауптмана предъ огромнымъ числомъ авторовъ, трогавшихъ такую тему, въ томъ, что ему удалось моментами великолѣпно схватить *настроеніе* семейной трагедіи, разыгравшейся въ стѣнахъ старой графской башни.

Атмосферу жуткаго предчувствія неизбѣжной въ замкѣ катастрофы Гауптманъ художественно-властно схватываетъ, и заражаетъ ею зрителя и читателя съ момента перваго подозрѣнія Старшенскаго. Отсюда все растетъ и растетъ напряженіе. Это настроеніе могуче и захватывающе сгущается на сценѣ при хорошемъ исполненіи. Нѣкоторыя мѣста пьесы волнуютъ и при простомъ чтеніи. Положительно жуть разлита въ сценѣ, гдѣ Старшенскій привозитъ къ себѣ Огинскаго. Чувствуется пугающее напряженіе грозы, пахнетъ кровью. Слова Старшенскаго — «Ты не сонъ видишь, пани, это — наяву» въ послѣдней сценѣ — могутъ заставить зрителя забыть, что онъ въ театрѣ.

Самый прологъ пьесы—остановка рыцаря на покой въ сумрачномъ помѣщеніи монастыря — стильная рамка ко всей пьесѣ. Уже здѣсь угадывается что-то жуткое, тревожное, зловѣщее. И слова стараго монаха: «Пусть никто не строитъ своего счастья на женѣ и ребенкѣ»— звучатъ какимъ-то tempo tori, не забываясь на протяженіи всей драмы. Подчеркнутое въ первомъ актѣ безумство счастья Старшенскаго оттѣняетъ контрастъ безграничной скорби любящаго мужа, удостовѣряющагося въ измѣнѣ жены.

Темпъ всей пьесы Гауптмана—быстрый и легкій. Картины бѣгутъ одна за другою, не задерживаясь и не осложняясь эпизодическими типами и сценами. Это находитъ объясненіе отчасти въ томъ, что сцены собственно не подверглись той окончательной чеканкѣ, какая обычна для другихъ пьесъ нѣмецкаго драматурга, отчасти въ самомъ характерѣ пьесы. Это—сонъ рыцаря, а не полная реальность. Отсюда естественная бѣглость, какъ бы воздушность смѣны картинъ,—«какъ во снѣ». Гауптманъ знаетъ и любитъ эту область, съ несравнимо большимъ искусствомъ и тонкостью разработанную въ «Ганнеле».

Въ режиссерскомъ отношеніи эта особенность пьесы создаетъ возможность своеобразнаго и интереснаго выполненія ея. Жуткость драмы можетъ быть подчеркнута «элементами сна», находящимися въ распоряженіи режиссера и актера. Въ этомъ особенная трудность игры, въ этомъ, можетъ-быть, и особенная ея прелесть.

Старшенскій и Эльга—единственно полно и выпукло намѣченные Гауптманомъ образы. Старшенскій, этотъ новый Поликратъ, счастью котораго завидуютъ боги, навѣваетъ думы о трагической ненадежности человѣческаго счастья. Эта мысль, въ которую вылилась философія

рамы, вѣетъ надъ нею, выдавая какія-то сумеречныя вѣянія личной сихологіи поэта во время писанія этой вещи.

Въ Эльгѣ художественно показано совмѣщеніе плѣнительно-нѣжнаго енственнаго начала съ ненасытимою страстностью и дерзостью вы- ова. Что-то кошачье или змѣиное есть въ этомъ сочетаніи прелести порочности женщины, страстной въ ласкѣ, холодной въ своей без- калостности.

Мѣстами стиль «Эльги»—нѣсколько приподнятый стиль нѣмецкаго ыцарскаго романа. Бартельсъ улавливаетъ въ сценахъ извѣстное сход- тво съ юношескими произведеніями Геббеля и др. драматурговъ, какъ будто бы натуралистъ и символистъ Гауптманъ долго изслѣдо- алъ юношескія произведенія старинныхъ германскихъ поэтовъ.

ЭЛЬГА.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ ВЪ ШЕСТИ КАРТИНАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Рыцарь.
Слуга рыцаря.
Монахъ,—въ мірѣ графъ Старшенскій.

Въ сновидѣніи рыцаря:

Графъ Старшенскій.
Марина, его мать.
Эльга, его жена.
Маленькая Эльга, его дочь.
Кормилица.
Дмитрій } братья Эльги, изъ дома Ляшковъ.
Гришка }
Огинскій, двоюродный братъ Эльги.
Тимошка, управляющій домомъ.
Дортка, горничная Эльги.
Первый слуга графа Старшенскаго.
Второй слуга.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Строгое, высокое помѣщеніе въ монастырѣ; въ стѣнномъ углубленіи за темными занавѣсями старинная кровать. Есть и большой каминъ. Высокое окно открыто. Вечернія сумерки. Входитъ рыцарь, онъ только-что съ коня; за нимъ его слуга вноситъ плащи, дорожныя покрывала и уздечки.

Рыцарь. Я уже думалъ, что намъ придется ночевать въ полѣ. Хорошо еще, что сюда попали.

Слуга. Да, господинъ.

Рыцарь. Комната не велика, но постель, кажется, хорошая. Даже каминъ есть.

Слуга. Работникъ, что̀ у меня лошадей взялъ и въ деревню повелъ, все крестился, когда помогалъ мнѣ вносить сюда сѣдла. Онъ, дурачина, говорилъ, что въ этой комнатѣ иногда неладно бываетъ.

Рыцарь. Ха-ха! Ты боишься? Впрочемъ, на всякій случай: бываютъ привидѣнія изъ плоти и крови, положи мои пистолеты около постели... Довольно странная постель, надо сказать.

Слуга. Да, довольно странная.

Рыцарь. Скорѣй похожа на гробъ, чѣмъ на кровать. Разодвинь лучше занавѣски! Пусть лучше мѣсяцъ свѣтитъ мнѣ прямо въ лицо, чѣмъ задыхаться за этимъ чернымъ, какъ уголь, сукномъ... Хватитъ у насъ вина?

Слуга. Завтра мы будемъ въ Варшавѣ. До тѣхъ поръ хватитъ. Въ Варшавѣ надо купить новаго.

Рыцарь. Мнѣ кажется, это старая башня, Петеръ,— круглыя стѣны.

Слуга. Да, господинъ! Такъ и работникъ говорилъ. И еще онъ говорилъ, господинъ, что эта старая башня была задолго еще до монастыря, и что монастырь и зданія кругомъ къ ней пристраивались.

Рыцарь (отодвигая въ сторону скромную трапезу). Убери, съ меня довольно. Оставь только кубокъ и кувшинъ... Теперь ложись спать, Петеръ, а завтра предъ восходомъ солнца разбуди меня... О, Пресвятая Дѣва Марія: мнѣ бы хотѣлось быть уже дома!.. Покойной ночи.

(Слуга удалился. Рыцарь сидитъ за круглымъ столомъ, подпершись руками. Все яснѣе и ярче косымъ лучомъ проникаетъ въ окно лунный свѣтъ. Въ двери внезапно появляется монахъ съ вязанкой хвороста).

Монахъ (тихимъ голосомъ). Простите! (Онъ идетъ къ камину, складываетъ съ себя ношу и принимается затѣмъ накладывать хворость и дрова въ каминъ, чтобы развести огонь).

Рыцарь. Кто еще пришелъ сюда такъ поздно? Ахъ, это вы, честной отецъ.

Монахъ (кротко, поправляя). Братъ.

Рыцарь. Честной братъ, значитъ. Ты видишь, честной братъ, мнѣ не нуженъ твой огонь. Я открылъ окно и наслаждаюсь мягкой лунной ночью. Огонь не нуженъ.

Монахъ. Ночи холодныя въ этихъ мѣстахъ.

Рыцарь. Что ты сказалъ, братъ?

Монахъ (не отвѣчаетъ).

Рыцарь (качаетъ въ недоумѣніи головою).

Монахъ (всталъ и хочетъ уйти).

Рыцарь. Честной братъ, я прошу васъ, скажите мнѣ прежде, чѣмъ пойдете: я думаю, я въ воеводствѣ Сандомирскомъ?

Монахъ. Да.

Рыцарь. Благодатный край! Повсюду чудесные лѣса, холмы, ущелья. Все въ цвѣту! Плодоносныя нивы. Здѣсь я бы хотѣлъ жить и построить свою хижину, если бы я былъ уроженцемъ этого края! Тебѣ холодно, милый братъ!?

Монахъ. Нѣтъ... Покойной ночи.

Рыцарь. Останься и выпей вина! Это огненное испанское вино: оно согрѣваетъ. Я прошу тебя, выпей!

Монахъ (отрицательно качаетъ головой).

Рыцарь. Я прошу тебя, выпей! Ты будешь пить изъ кубка моей возлюбленной. Изъ чистаго золота ты будешь пить. Прошу тебя, не отказывайся.

Монахъ. Я не хочу обижать тебя, братъ. (Онъ прикасается губами къ кубку) Благодарю тебя. А теперь покойной ночи.

Рыцарь. Останься, ты мнѣ нравишься, братъ! Еще одно слово: я здѣсь чужой, не знаю здѣшней страны. Скажи же мнѣ, кто выстроилъ вашъ чудный монастырь?

Монахъ (мрачно смотритъ въ глаза рыцаря). Что ты спрашиваешь меня?

Рыцарь. Да только, братъ, потому, что думаю, что ты это знаешь.

Монахъ. Ты это самъ знаешь.

Рыцарь. Зачѣмъ бы я спрашивалъ, если бы самъ зналъ?

Монахъ. Бываетъ, такъ случается иногда.

Рыцарь. Ты странный святой, братъ, правда. Кто осно-

валъ монастырь? Скажи же мнѣ! Тутъ въ кувшинѣ болѣе чѣмъ достаточно хорошаго вина. Подойди и пей: мы выпьемъ за здоровье того благороднаго, благочестиваго человѣка, который основалъ этотъ монастырь.

Монахъ. Благодарю васъ, господинъ.

Рыцарь. Видишь, братъ, я пью за здоровье того человѣка. Почему? Впрочемъ, основывать монастыри совсѣмъ не въ моемъ характерѣ. Это противно моей душѣ рыцаря, всадника и воина. Но мнѣ здѣсь хорошо! Мнѣ здѣсь очень хорошо. Чудесное мѣсто! Да будетъ благословенъ человѣкъ, которому я обязанъ этими божественными минутами.

Монахъ. Ты—нѣмецъ, господинъ?

Рыцарь. Ты отгадалъ.

Монахъ. У тебя веселый нравъ. Да сохранитъ тебѣ его Господь.

Рыцарь. Не всегда такъ было, братъ. Поди, пододвинь поближе стулъ и сядь. Видишь, было время, когда горекъ былъ мой хлѣбъ ежедневный. Я едва могъ скривить свой ротъ въ улыбку... Вотъ, посмотри на этотъ портретъ. (Онъ показываетъ ему портретъ-миніатюру, которую онъ носитъ на цѣпочкѣ на груди).

Монахъ (блѣднѣя). Это жена твоя?

Рыцарь. Это жена моя, а вотъ, братъ, мой ребенокъ.

Монахъ. Красавица!

Рыцарь. Да, братъ. А это красивый ребенокъ.

Монахъ. Смотри, берегись...

Рыцарь. Что ты хочешь сказать, монахъ?

Монахъ. Какъ бы тебѣ не пришлось когда-нибудь основывать монастыря.

Рыцарь. Что ты хочешь сказать этимъ?

Монахъ. Пусть никто не строитъ своего счастья на женѣ и ребенкѣ!

Рыцарь. Тутъ, братъ, мы не поймемъ другъ друга. Ты монахъ, отлично; а я нѣтъ. Какъ передъ Богомъ, я не монахъ! Ты живешь для неба, я живу для земли. И видишь, земля небесно-хороша! Желѣзо твердо, оно злое и холодное. Нѣжнѣе лепестковъ розы женщина, и душиста она и горяча! И то и другое я люблю. И то и другое я держу въ рукахъ! А у тебя—у тебя крестъ!

Монахъ (дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ, шепчетъ). У меня крестъ!

Рыцарь. Братъ, ты дрожишь. Ты болекъ?

Монахъ. Нѣтъ! Поди сюда! Видишь ты тамъ — въ туманѣ... видишь?..

Рыцарь. Развалины. Разрушенныя стѣны. Кому принадлежалъ этотъ замокъ?

Монахъ. Графу Старшенскому. И все, что ты видишь, весь этотъ благодатный край принадлежалъ графу Старшенскому.

Рыцарь. Ну, и что же?

Монахъ. Ты ѣдешь въ Варшаву, спроси Яна Собѣскаго. У него, какъ у тебя, въ рукахъ были и мечъ и жена, и все же въ концѣ концовъ онъ взялъ крестъ... Покойной ночи.

(Слышно глухое пѣніе хора).

Рыцарь. Вы уже уходите?

Монахъ. Да. Къ обѣднѣ! Къ заупокойной.

(Онъ исчезаетъ).

(Во время пѣнія рыцарь устало бросается на постель, не оправляя ее. По мѣрѣ того, какъ потухаетъ его сознаніе, кругомъ все темнѣетъ и вновь проясняется въ области сна, въ которомъ и для него и для зрителей все измѣняется).

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Красивая, высокая, веселая зала, залитая солнцемъ. Старшенскій, роскошно одѣтый, со своею почти уже двухлѣтнею дочкой на рукахъ. Марина, его мать, почтенная старуха, сидитъ съ рукодѣліемъ въ нишѣ окна. Кормилица.

Старшенскій. Матушка.

Марина. Ну?

Старшенскій. Я счастливъ!

Марина. Слава Богу, и я за тебя счастлива.

Старшенскій. Мнѣ ли не быть счастливымъ? Кому же быть счастливымъ, матушка!.. Эльга!

Кормилица. Эльга, слышишь, отецъ зоветъ. Когда отецъ зоветъ, надо слушаться, Эльга.

Старшенскій. Оставь ее, кормилица. Не мѣшай ей— она занята очень важнымъ дѣломъ. Я вѣдь вижу ее. А когда я захочу погладить ея сине-черные, блестящіе волосы (онъ дѣлаетъ это), ей это нравится, и она терпѣливо переноситъ это. Да, Эльга?

Маленькая Эльга. Атти, атти!

Кормилица. Она говоритъ атти, это значитъ отецъ.

Старшенскій. Отецъ, говоришь ты? Поди, поди, дочка! Моя ты. Да! Ты моя дочь! Гдѣ твоя мать?

Кормилица. Госпожа одѣвается къ обѣду.

Старшенскій. Она наряжается для меня, матушка. (Онъ передаетъ маленькую Эльгу кормилицѣ) Вотъ, кормилица, возьми ее! Держи-ка, кормилица!

Маленькая Эльга (на рукахъ у кормилицы). Атти, атти.

Старшенскій. Развѣ не хорошо, что ее назвали Эльгой, какъ мать? Развѣ у нея не совсѣмъ такіе же волосы? Черные волосы и голубые глаза... Ступай, кормилица!

(Кормилица съ ребенкомъ удаляется).

Старшенскій (послѣ нѣкотораго молчанія). Матушка!

Марина. Что, сынъ мой?

Старшенскій. Я счастливъ.

Марина. И я тоже.

Старшенскій. Думала ли ты когда-нибудь... прежде, я хочу сказать, когда еще я жилъ совсѣмъ одинъ съ тобою... когда я жилъ совсѣмъ одинъ и избѣгалъ людей, что я когда-нибудь могу быть такъ счастливъ?

Марина. Нѣтъ. Этого я не думала. Да сохранитъ Господь Богъ тебѣ твое счастье.

Старшенскій. Ты боишься?

Марина. Нѣтъ. Но время не стоитъ. Когда у кого нѣтъ счастья, то его можно еще желать. Желать и надѣяться— хорошо. А если кто счастливъ. тогда еще больше надо опасаться.

Старшенскій. Матушка, матушка, это у насъ въ крови! Думать, раздумывать, заботиться и опасаться—это у насъ въ крови. А у нея, видишь ли, кровь легкая: за это я такъ и люблю ее! Ахъ, матушка, не смотри такъ пристально на пяльцы! Подними глаза, посмотри вокругъ себя! На дворѣ весна! Мы поставимъ на столъ хрустальныя чаши съ розами и достанемъ самое старое вино изъ погреба—и Эльга будетъ съ нами.

Марина (растроганная). Да, ты любишь ее, ты любишь ее, сынъ мой!

Старшенскій. Я люблю ее, матушка; это ты можешь сказать. Но ты все же не знаешь, что ты говоришь, когда ты говоришь это слово. Двадцать лѣтъ заключенія въ тюрьмѣ безъ свѣта, гдѣ я съ отвращеніемъ грызъ заплѣсневѣлый хлѣбъ. Вотъ чѣмъ былъ міръ для меня, не знаю почему. Я не могъ понять другихъ, когда они говорили о цвѣтахъ, о зеленыхъ лѣсахъ, о золотыхъ посѣвахъ, когда

они слышали ликованіе въ пѣніи птицъ и смѣхъ въ синевѣ неба. Я чувствовалъ только рабство и тяготу. Теперь я прозрѣлъ и свободенъ! Зрячимъ и свободнымъ сдѣлала она меня.

(Эльга быстро входитъ).

Эльга. Старшенскій!

Старшенскій. Эльга?

Эльга. Сегодня мы поѣдемъ на охоту, и верхомъ.

Старшенскій. На охоту, хорошо. Но только не по молодымъ посѣвамъ.

Эльга. По посѣвамъ и черезъ изгороди, черезъ заборы и рвы... Посмотри! (Бабочка опустилась къ ней на грудь).

Старшенскій. Весна порхаетъ у твоей груди.

Эльга. Бабочка.

(Старшенскій беретъ и раздавливаетъ бабочку).

Эльга. Что ты дѣлаешь?

Старшенскій. Ничего. Это мое мѣсто!

Эльга. Глупый.

Старшенскій. Эльга! (Они обнимаются и цѣлуются).

Марина (поднимая глаза). Вы опять цѣлуетесь?

Старшенскій. Да, матушка, мы цѣлуемся... Ты любишь меня, Эльга?

Эльга. Сегодня, да!

Старшенскій. Ты всегда будешь любить меня?

Эльга. Всегда? Всегда? Когда-нибудь я обращусь въ прахъ. Но сегодня я живу. Пусти меня.

Старшенскій. Останься! Еще одну минуту останься. О, эти глаза!

Эльга. Ты душишь меня.

Старшенскій. О! Милая рука!

Эльга. Пусти!

Старшенскій. Твои братья пріѣзжаютъ, ты ужъ знаешь?

Эльга. Гришка и Дмитрій?..

Старшенскій. Оба!

Эльга. Зачѣмъ? Что имъ надо?

Старшенскій. Не тревожься объ этомъ.

Эльга. Я не тревожусь. Но я не хочу, чтобы они постоянно пріѣзжали и брали у тебя деньги.

Старшенскій. Можетъ-быть, на этотъ разъ они вовсе не за деньгами.

Эльга. А если за деньгами, имъ не надо давать ни гроша! Обѣщай мнѣ это.

Старшенскій. Я обѣщалъ бы тебѣ это и еще больше того, если бы это были не твои братья.

Эльга. Матушка, помоги мнѣ! Обѣщай мнѣ это!

Марина. Тебѣ, сынъ мой, не надо бы поощрять ихъ мотовства. А ты не забудь, дочь моя, они твои братья!

Эльга. Вы портите мнѣ весь день.

Старшенскій. Я все сдѣлаю.

Эльга. И ни гроша не дашь!

Старшенскій. Да! Только будь веселой! Будь веселой, когда мы будемъ съ твоими братьями сидѣть за столомъ. Мы будемъ пировать. Мы положимъ въ наше вино свѣжіе персиковые цвѣты и возблагодаримъ Бога за жизнь.

Марина. Благодарите Бога иначе, дѣти, не такъ Бога благодарите.

Старшенскій. Нѣтъ, именно такъ, матушка, и не иначе! Когда вино пѣнится и Эльга смѣется, тогда нѣтъ другого рая нигдѣ—ни на землѣ ни на небѣ.

Марина. Не грѣши.

Старшенскій. Матушка, держать въ объятіяхъ Эльгу... и грѣшить? Развѣ она сама не хвала Богу? Развѣ не въ ней воплотился Онъ? Развѣ Богъ не превзошелъ себя Самъ въ Своей непостижимой творческой силѣ, создавъ ее? Можешь ли ты мнѣ назвать хоть одинъ плодъ, на какомъ бы то ни было деревѣ, выращенномъ Садовникомъ-Творцомъ, который былъ бы хотя наполовину такъ сладостенъ, божественъ, соченъ, какъ она? Развѣ въ ней я не молюсь Творцу? Развѣ не ею пріобщаюсь я самому Богу? Кто я такой, что Онъ даровалъ мнѣ тебя?!

Эльга. Такъ храни же меня хорошенько!

Старшенскій (задумывается на минуту, затѣмъ съ глубокой увѣренностью). Буду хранить!

(Дмитрій и Гришка входятъ оживленные).

Дмитрій. Вотъ и мы.

Старшенскій. Дмитрій, Гришка! Привѣтъ вамъ!

Гришка (цѣлуя руку Марины). Да хранитъ васъ Богъ, милостивая госпожа!

Эльга. Видѣли во дворѣ, какъ вы подъѣхали?

Дмитрій (послѣ того какъ онъ поцѣловалъ Маринѣ руку). Нѣтъ. Мы прошли садомъ, черезъ калитку въ стѣнѣ, у старой сторожевой башни.

Старшенскій. Гдѣ оставили лошадей?

Гришка. Старый Тимошка, управляющій, тамъ шнырялъ: онъ у насъ ихъ и взялъ.

Эльга. Что Тимошкѣ понадобилось у старой башни?

Старшенскій. Не знаю.

Гришка. Онъ испугался, когда мы показались.

Марина. Онъ не за себя боится. Онъ только о господинѣ своемъ заботится. Васъ онъ подозрѣваетъ, я знаю, что вы въ заговорѣ съ недовольными дворянами противъ Яна Собѣсскаго, нашего короля. Онъ самъ служилъ Собѣсскому и думаетъ, пожалуй, что вы можете бросить тѣнь на его господина.

Старшенскій. Только онъ напрасно безпокоится обо мнѣ, своемъ господинѣ. Онъ старъ и преданъ.

Гришка (смѣясь). И грубъ!

Эльга. Кто говоритъ, что онъ преданъ? Но раздѣвайтесь, братья. Какъ поживаетъ двоюродный братъ?

Дмитрій. Огинскій—хорошо.

Гришка. Лучше, чѣмъ мы. Онъ довольствуется тѣми грошами, что ему оставилъ нашъ отецъ, когда былъ опекуномъ его. Онъ нигдѣ не бываетъ, но въ общемъ онъ хорошо живетъ.

Старшенскій. Это меня радуетъ. Вы участвовали въ заговорѣ съ другими товарищами-дворянами по своей охотѣ и доброй волѣ. Огинскій же безъ всякаго основанія впутался въ ваше возстаніе, и къ тому же онъ не герой.

Гришка. Нѣтъ.

Марина. Онъ думалъ, что долженъ поступать, какъ вы, потому что вы были его друзьями и служили ему примѣромъ.

Дмитрій. Да.

Старшенскій. Я радъ, если онъ устроился хорошо и спокойно, по своему нраву. Хоть бы онъ одну ночь не поспалъ и насъ посѣтилъ.

Дмитрій. Онъ слишкомъ робокъ.

Старшенскій. Такъ скажите ему, что я прошу его къ себѣ. Его нужно встряхнуть.

Марина (горько). Да, надо бы. Когда я его видѣла, онъ все жался къ стѣнамъ.

Эльга. Онъ баба! Мнѣ бы не хотѣлось видѣть его у насъ.

Старшенскій. Ты слишкомъ строга. Въ немъ больше, можетъ-быть, душевной жизни, и она богаче нашей. Пусть пріѣдетъ и погрѣется у моего очага.

Дмитрій. Нашъ отецъ обращался часто съ нимъ очень дурно.

Гришка. И всегда презрительно.

Эльга (жестко). Это вы говорите. Отецъ былъ къ нему справедливъ!

Марина. Поди, Эльга, проводи меня.

Эльга (сердечно, услужливо). Да, матушка, хотя бы на край свѣта.

(Марина, поддерживаемая Эльгой, удаляется).

Старшенскій. Вина! Вы пить хотите?

Дмитрій. Три часа въ сѣдлѣ, да какъ скакали!

Старшенскій. Дико, какъ живете.

Гришка. Не стóитъ жить тихо и спокойно.

Старшенскій. Нѣтъ, стóитъ!

Дмитрій. Такъ ты думаешь! А по-моему, не стóитъ.

Гришка. По-моему, тоже.

Дмитрій. Мнѣ представляется, что мы всѣ бѣгали взадъ и впередъ, а въ спинѣ у насъ торчало сломанное копье.

Гришка. Да. Отъ увлеченія къ увлеченію, отъ опьяненія къ опьяненію, чтобы его не чувствовать.

Старшенскій. Несчастные вы!

Дмитрій. А ты нѣтъ?

Старшенскій. Ты не чувствуешь отравленную рану, въ которой торчитъ копье, нѣтъ?

(Слуга внесъ графины съ виномъ, поставилъ стаканы и налилъ ихъ).

Старшенскій (поднимая стаканъ). Выпьемъ! Ты говоришь, я ея не чувствую. Я думалъ такъ же, какъ и вы; и гдѣ вы искали опьяненія, я искалъ смерти. Я искалъ ее въ бояхъ за Собѣсскаго — и когда укрывался въ тини, какъ братъ Огинскій. Я былъ глупъ. Я не чувствую ни копья ни жгучей раны. (Чокается) Есть счастье!

Гришка. Ты думаешь?

Старшенскій. Да, есть счастье.

Дмитрій. Въ чемъ?

Старшенскій. Сидите. Счастье въ женщинѣ.

(Дмитрій и Гришка громко хохочутъ).

Старшенскій. Вы смѣетесь? Надъ чѣмъ вы смѣетесь?

Дмитрій. Потому что ты это говоришь.

Старшенскій. А вы не такъ думаете?

Гришка (смѣясь). Я полагаю. Что касается меня, мнѣ всѣ женщины опротивѣли.

Старшенскій. Всѣ?

Дмитрій. Всѣ. Одна за другой, послѣ того, какъ я овладѣвалъ ими.

Старшенскій. Можетъ-быть. Всѣ могутъ опротивѣть, кромѣ одной.

Дмитрій. А! Кто бы такое она была?

Старшенскій. Она!

Гришка (послѣ короткаго молчанія). Зять, ты чудо среди мужей! Ты такъ говоришь спустя почти три года послѣ вашего брака.

Старшенскій. Да, я такъ все еще говорю.

Дмитрій. И ты не чувствуешь пресыщенія?

Старшенскій. Ни малѣйшаго. Послушайте, когда четыре года тому назадъ, въ ту дождливую ночь, я ходилъ по улицамъ Варшавы и она впервые возникла предо мной...

Дмитрій. Печальное время для отца и сестры.

Гришка. Скверное время.

Старшенскій. Для нихъ, но не для меня.

Гришка. Проклятый мятежъ, который втравилъ моего отца въ такую бѣду.

Дмитрій. Проклятые трусы рабы, сдѣлавшіе нищими отца и сестру.

Старшенскій. Да, она была несчастна, она была похожа на нищую, когда она бѣжала за мной и умоляла о помощи... Не будемъ говорить объ этомъ! Какъ только я вошелъ съ нею въ ея каморку...

Дмитрій. Да, да, гдѣ лежалъ нашъ несчастный умирающій отецъ, на соломѣ, съ сѣдломъ подъ головой, ожидая своего конца, все же, какъ герой.

Старшенскій. Я видѣлъ только ее! Свѣча ярко вспыхивала, но я видѣлъ только ее! И съ того часа каждую минуту, когда я бодрствовалъ, въ продолженіе долгихъ лѣтъ... я видѣлъ только ее! (Все болѣе уходя въ воспоминанія) Она для меня весь міръ!.. Я вижу только ее!

Дмитрій (послѣ нѣкотораго колебанія, хитро). Зять!

Старшенскій. Говори! Скажи, что̀ ты хочешь.

Дмитрій. Ты много сдѣлалъ для насъ.

Старшенскій. Ничего не сдѣлалъ! Ничего! Что̀ я для васъ могу сдѣлать,—ничего.

Гришка. Нѣтъ, ты много для насъ сдѣлалъ. Мы слишкомъ многимъ тебѣ обязаны. Мы никогда не можемъ съ тобой поквитаться, и тяжело еще увеличивать нашъ долгъ! А между тѣмъ мы ведемъ борьбу. Мы боремся за свободу и честь сословія, къ которому мы принадлежимъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ мы служимъ и дѣлу народа.

Старшенскій. Не я.

Гришка. Это твое дѣло. Мы желаемъ тебѣ всякаго счастья. А у насъ, напротивъ, нѣтъ семьи. Наши враги не даютъ намъ покоя. Безъ денегъ нельзя дать себѣ ни малѣйшаго отдыха.

Старшенскій. Говорите, сколько хотите?

Дмитрій. Тысячу золотыхъ.

Старшенскій. Вы получите ихъ, но только молчите.

(Входитъ старый управляющій).

Старшенскій. Что тебѣ, Тимошка?

Управляющій. Я помѣшалъ. Такъ я въ другой разъ зайду.

Старшенскій. Подойди ближе, Тимошка. Простите. Мнѣ пришлось привыкнуть серьезно управлять своимъ имѣніемъ. Болѣе ста упряжекъ работаетъ у меня въ поляхъ. Болѣе пятисотъ крестьянъ при нихъ.

Дмитрій. Ты образцовый хозяинъ.

Старшенскій. Докладывай, Тимошка! Видите, онъ моя правая рука. Мы съ нимъ вдвоемъ цѣлыми днями ходимъ по моимъ полямъ, лѣсамъ и хуторамъ.

Гришка. Отъ хозяйскаго глаза коровы жирѣютъ.

Дмитрій. А рабочіе худѣютъ, конечно.

Старшенскій. Все равно. Пріятно исполнить свой долгъ. Радостнѣе сидѣть за столомъ послѣ исполненной работы. И Эльга будетъ смѣяться!

Гришка. Да, она смѣется, пожалуй, слишкомъ много. А знаешь, Дмитрій, пойдемъ-ка къ ней!

(Оба раскланиваются быстро и уходятъ).

Старшенскій. Что ты ворчишь, старикъ? Говори яснѣе.

Управляющій. Досадно, господинъ.

Старшенскій. Что?

Управляющій. Бѣлокурый работникъ сломалъ дышло у кареты.

Старшенскій. Вели сдѣлать новое. Больше ничего?

Управляющій. Досадно, господинъ.

Старшенскій. Гм... Что-нибудь еще?

Управляющій. Да, господинъ, еще кое-что.

Старшенскій. Погибла пшеница, что ли?

Управляющій. Нѣтъ.

Старшенскій. Клещами, что ли, изъ тебя тащить слова? Что же, гроза надѣлала много бѣдъ?

Управляющій. Нѣтъ

Старшенскій. Хорекъ забрался въ голубятню, или что?

Управляющій. Досадно, господинъ. Я радъ, что вы теперь не предаетесь унынію и мрачнымъ мыслямъ. Я радъ, что у насъ такая хорошая госпожа, и что вы на колѣняхъ дочку качаете.

Старшенскій (нетерпѣливо). Ну, а чему ты не радъ?

Управляющій. Что вы такъ сдружились съ паномъ Дмитріемъ и паномъ Гришкой.

Старшенскій. Ну что, мы видимся разъ въ годъ—это не часто, мнѣ кажется.

Управляющій. Вы за это можете дорого поплатиться, добромъ и своимъ счастьемъ.

Старшенскій. Послушай, ты, сѣдая голова: ты старъ и преданъ мнѣ, потому я прощаю тебя. Я даже объясню тебѣ это. Пусть панъ Гришка и Дмитрій дѣлаютъ, что хотятъ. Я не хочу быть пастыремъ ихъ душъ. Что же касается меня, я преданъ королю и занимаюсь своимъ хозяйствомъ. Ну, а теперь скажи, что навело тебя на эти мысли?

Управляющій. Они бываютъ слишкомъ часто здѣсь.

Старшенскій. Кто бываетъ слишкомъ часто?

Управляющій. Панъ Дмитрій и панъ Гришка. Мужики на деревнѣ это знаютъ.

Старшенскій. Они чуть ли не годъ тому назадъ были въ послѣдній разъ у меня.

Управляющій. Мужики говорятъ другое.

Старшенскій. Въ такомъ случаѣ они дураки.

Управляющій. Господинъ,—я видѣлъ своими глазами...

Старшенскій. Что ты видѣлъ?

Управляющій. Какъ ночью тайный посланный приходитъ и уходитъ.

Старшенскій (удивленный, встревоженный). Тайный посланный приходитъ и уходитъ? Откуда приходитъ? Куда уходитъ?

Управляющій. Черезъ ту же калитку.

Старшенскій. Въ глубинѣ сада? У старой башни?

Управляющій. Черезъ которую вошли сегодня панъ Гришка и панъ Дмитрій.

Старшенскій. У кого ключъ отъ калитки и отъ башни?

Управляющій. У пани Эльги.

Старшенскій. Къ чорту!! Ступай! Что ты болтаешь...

(Управляющій уходитъ, низко поклонившись).

Голосъ Эльги. Старшенскій! Соколъ мой! Иди!

Старшенскій (стоитъ ошеломленный).

Эльга (входитъ). Ты не слышишь, что я зову?

Старшенскій (приходя въ себя). Ты звала меня?

Эльга. Что? Какъ? Ты спалъ? Ты видѣлъ сонъ?

Старшенскій (съ мучительнымъ вздохомъ). Тяжелый сонъ!

Эльга. Ты видѣлъ тяжелый сонъ? Что же тебѣ снилось, ѣдный лунатикъ?

Старшенскій. Поцѣлуй меня!

Эльга (между страстными поцѣлуями). Вотъ! Вотъ! И вотъ! Хочешь еще?

Старшенскій. Посмотри на меня.

Эльга. Ну? (Смотритъ открыто и твердо ему въ глаза) Что такое?

Старшенскій (поглядѣвъ на нее пристально и испытующе). Ничего!

Эльга. Что съ тобой?

Старшенскій (съ освобожденіемъ). Ничего! Хорошо! (Онъ цѣлуетъ ее въ лобъ).

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

Комната въ монастырѣ превращается въ спальню. Эльга сидитъ передъ своимъ туалетнымъ столомъ. Кормилица со спящимъ ребенкомъ на рукахъ—стоитъ около нея. Около одиннадцати часовъ вечера.

Эльга. Ступай, кормилица, ступай тихонько съ ребенкомъ. И сегодня ночью ты не будешь съ нею спать рядомъ со мной въ комнатѣ. Дортка тебѣ поможетъ перенести колыбель въ желтую комнату. Я страшно устала и не хочу, чтобы мнѣ мѣшали ночью.

Кормилица. Ахъ, госпожа, напрасно вы. Я ее знаю. Я впередъ знаю, когда она безпокойна будетъ. Она эту ночь преспокойно будетъ лежать въ своей кроваткѣ и не пикнетъ.

Эльга. Это все равно. Дѣлай, что я говорю.

Кормилица. Слушаю-съ, такъ и сдѣлаю. На что бы я тогда была вашей покорной слугой? Проснулась! Пойдемъ, котикъ, пойдемъ. Ишь, глаза какъ раскрыла. Погляди-ка, какъ мамочка твоя наряжается. Звѣздочки на груди! Въ ушахъ хорошенькіе красные камушки блестятъ.

Эльга (погруженная въ зеркало). Ахъ, ты еще все здѣсь! Ступай! Ну, ступай же.

(Кормилица съ ребенкомъ удаляется).

Эльга (поетъ про себя):

Я дикая птица,
Лечу, улетаю.
Я бѣлый соколъ,
Бѣлоснѣжный ястребъ,
Я какъ парусъ подъ солнцемъ
И надъ тѣнью моею.

Тѣнь моя—подо мною,
Тѣнь моя—все со мной.

Кто тамъ такой? Дортка, это ты?

(Дортка, камеристка, входитъ).

Дортка. Да, госпожа.

Эльга. Графъ уѣхалъ?

Дортка. Да, госпожа, уѣхалъ. Я слышала, какъ онъ сказалъ управляющему: у меня такъ много дѣлъ, я буду ночевать въ городѣ.

Эльга. Сѣлъ на коня, ускакалъ, даже не простился со мной. (Легкомысленно) Ну, пусть.

Дортка. Я слышала, какъ онъ управляющему приказалъ вамъ кланяться.

Эльга. Тимошкѣ?

Дортка. Да.

Эльга. Тоже посолъ любви.

Дортка. Хромоногій.

Эльга. Я надѣла рубиновыя сережки, хорошо?

Дортка. Вамъ ихъ не нужно. У васъ рубины на губахъ.

Эльга. А! Поэзія! А ты стихи пишешь, Дортка?

Дортка. Нѣтъ. По крайней мѣрѣ, хорошихъ не пишу. Панъ Огинскій сочиняетъ лучше.

Эльга. Откуда ты это знаешь?

Дортка. А развѣ вы не его стихотвореніе читали мнѣ недавно?

Эльга. Какое?

Дортка. О соколѣ, или что-то въ этомъ родѣ.

Эльга. А красиво оно?.. Слушай!..

Дортка. Ничего нѣтъ. А вы что-нибудь слышали?

Эльга. Мнѣ показалось, будто скрипнула садовая калитка.

Дортка. Она не скрипитъ. Я сама налила масла въ желѣзныя петли.

Эльга. А матушка легла спать?

Дортка. Да.

Эльга. Она добрая и милая, пани Марина. У нея тихо въ душѣ. Моя мать не такая была. Но она была красавица.

Дортка. Такая, какъ вы?

Эльга. О, Дортка, я не могу сравниться съ нею! Такъ красива была моя мать. На сто верстъ кругомъ называли ее люди красавицей. Я разъ видѣла что-то ужасное, Дортка. У насъ былъ работникъ. Онъ часто носилъ меня на своихъ плечахъ—о, часто! часто... Его кости были какъ кости мамонта, а его душа, какъ душа пѣвчей птички.

Однажды утромъ онъ повѣсился на двери у моей мачехи.

Дортка. Глупецъ! Развѣ онъ смѣлъ поднимать глаза такъ высоко?

Эльга. Съ тобою бываетъ такъ, Дортка?

Дортка. Какъ?

Эльга. Что вечеромъ ты вспоминаешь что-то изъ сна прошедшей ночи. Цѣлый день его нѣтъ, а потомъ вдругъ что-то проносится въ душѣ.

Дортка. А вы знаете, что̀ вы кричали прошлую ночь?

Эльга. Нѣтъ.

Дортка. Меня разбудилъ вашъ громкій, пронзительный крикъ, и такой непохожій на васъ, какъ будто это не вы кричали.

Эльга. Не видѣть снова! Никогда не видѣть снова! Я видѣла что-то черное, свѣчи, покойника. Кажется, во снѣ часто видишь мертвыхъ.

Дортка. Это къ счастью!

Эльга. Сегодня такъ свѣтло, Дортка. Луна свѣтитъ такъ страшно ярко. Свѣтло, какъ днемъ почти.

Дортка. Но на большихъ каштанахъ распустились листья, тамъ есть тѣнь. Зимою было гораздо хуже.

Эльга. Всѣ деревья покрылись листьями и цвѣтами, не одни каштаны. Какъ сладостно пахнетъ сирень! Ахъ, Дортка! Дортка!..

Дортка. Что̀, госпожа?

Эльга. Я такъ люблю его.

Дортка. Богъ знаетъ, что вы его любите.

Эльга (вдругъ торопливо). Но, знаешь, ему не надо приходить! Поди, скажи ему... Поди скорѣй, скажи ему это! Иди, Дортка: ему не надо приходить.

Дортка. Что̀ это съ вами сегодня? Почему вы дрожите? Чего вы боитесь? Всюду совершенно спокойно. И развѣ сегодня въ первый разъ, госпожа? Развѣ я не знаю, какъ вы проклинали минуты за то, что онѣ слишкомъ медленно проходили. И все случилось, какъ надо было: господинъ въ Варшавѣ! Чего же вы боитесь?

Эльга. Что̀ я сказала?

Дортка. Ему не надо приходить, сказали вы.

Эльга. Иди, бѣги, Дортка, скорѣй, какъ только можешь...

Дортка. Ему не надо приходить?

Эльга. Ты съ ума сошла!.. Дортка!

Дортка. Что̀?

Эльга. Я слышу конскій топотъ!

Дортка. Кто-то ускакалъ отъ насъ. Это, должно-быть, управляющій. Его конь стоялъ осѣдланный въ конюшнѣ, когда я носила водку работникамъ и работницамъ.

Эльга. Ты довѣряешь управляющему?

Дортка. Нѣтъ. Но старый Тимошка глухъ и слѣпъ. У него нѣтъ зубовъ и кулаковъ. Онъ не слышитъ, не видитъ, не кусается, не дерется.

Эльга (развеселившись, затѣмъ испуганно). Посмотри, тамъ огонь... тамъ огонь.

Дортка. И правда, въ старой башнѣ огонь.

Эльга. Скорѣе, дай мнѣ шубу.

Дортка. Вы хотите идти туда?

Эльга. А то что же?

Дортка. Ему не слѣдовало зажигать огня.

(Входитъ Огинскій).

Эльга. Какъ ты вошелъ?

Огинскій. Калитка стояла настежь.

Дортка. Это я оставила ее открытой на всякій случай.

Огинскій. На, возьми. (Онъ даетъ Дорткѣ деньги, она удаляется).

(Огинскій и Эльга бросаются другъ другу въ объятія).

Эльга. Почему ты такъ долго не былъ у меня?

Огинскій. Не знаю. Я бродилъ по пустыннымъ полямъ, по лѣснымъ дорогамъ, всюду одинъ, всегда одинъ; и все же я былъ съ тобою.

Эльга. Что мнѣ изъ того? Когда тебя здѣсь нѣтъ, ты не со мной. Когда тебя нѣтъ и ты говоришь, что ты со мной, ты все же не со мной.

Огинскій. Такъ уйдемъ, уйдемъ со мною! Зачѣмъ ты осталась здѣсь? Почему ты не уйдешь со мной?

Эльга. Ахъ, пустяки! Цѣлуй меня!

Огинскій (страстно цѣлуетъ ее. Потомъ настойчивѣе). Почему ты не уйдешь со мной?

Эльга. Куда?

Огинскій. У меня есть маленькое наслѣдство отъ воеводы Ляшка, ты знаешь. Мы можемъ уѣхать за границу. Мы бы могли быть счастливы.

Эльга. Что же, я рубашки и чулки буду стирать?

Огинскій. Я буду работать на тебя. Я отучу себя отъ сна и буду день и ночь работать на тебя.

Эльга (закрывая ему ротъ). Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой, изъ этого ничего не выйдетъ.

Огинскій. Такъ ты меня не любишь.

Эльга (качаетъ головой съ роковой улыбкой).

Огинскій. Такъ разойдемся!

Эльга. Огинскій!

Огинскій. Ахъ, все это ни къ чему! Правда же, ни къ ему! Ты меня не любишь! Ты любишь Старшенскаго! Онъ вой мужъ! Хорошо! Пусть такъ и будетъ!

Эльга. Я не люблю Старшенскаго!

Огинскій. Но ты и меня не любишь. Эльга. Мнѣ скали, ты дни проводишь въ веселье и ликованьи, когда еня здѣсь нѣтъ. Ты веселишься и танцуешь. Въ танцахъ ы неутомима, говорятъ они, и каждое празднество тебѣ ажется слишкомъ короткимъ. Эльга! Эльга, не плачь.

(Онъ стираетъ поцѣлуями слезы съ ея глазъ).

Эльга. Ахъ... ты!.. Оставь!.. Это ничего!.. Старшенкій пригласитъ тебя къ намъ, въ замокъ, ты это уже наешь?

Огинскій. Нѣтъ.

Эльга. Ты пріѣдешь?

Огинскій (твердо и серьезно). Пріѣду, если онъ меня пригласитъ.

Эльга. Онъ пригласитъ тебя. Мои братья здѣсь были.

Огинскій. За деньгами?

Эльга. Не знаю. Но я имъ сказала, что̀ ты мнѣ велѣлъ: ито ихъ предпріятія глупы, ихъ расточительность безсмысленна. Онъ обѣщалъ мнѣ больше не давать имъ ни гроша. (Смѣясь про себя) Такъ это смѣшно было!

Огинскій. Что̀?

Эльга. Они говорили о тебѣ.

Огинскій. Какъ они говорили обо мнѣ?

Эльга. Съ состраданіемъ.

Огинскій. Шуты!

Эльга. Можно было подумать, ты бѣдная, голодная овца а они два льва.

Огинскій. Я не левъ.

Эльга. Можно было подумать, что ты у нихъ по ниточкѣ ходишь.

Огинскій. А Старшенскій вѣритъ имъ?

Эльга (смѣясь). Онъ тебя тоже изъ состраданія пригласитъ къ себѣ.

Огинскій. И все же я пріѣду!

Эльга. Нѣтъ, не пріѣзжай!

Огинскій. Почему?

Эльга (подавленно). Я стану еще хуже, если ты пріѣдешь
(Дортка вбѣгаетъ опрометью).

Дортка. Уходите, уходите, панъ Огинскій! Они обыскивають садъ.

Огинскій. Кто?

Дортка. Они увидѣли свѣтъ въ старой башнѣ.

(Огинскій выпрыгиваетъ въ окно).

Эльга. Запри калитку.

(Дортка выбѣгаетъ. Эльга одна спѣшитъ къ окну, потомъ къ двери. Снаружи слышно, какъ Дортка вдругъ вскрикиваетъ, затѣмъ Старшенскій вводитъ ее, все еще кричащую).

Старшенскій. Сознавайся!

Дортка. Въ чемъ мнѣ сознаваться?

Старшенскій. Сознавайся, тварь! И горе тебѣ! Убью, если солжешь.

Эльга (внезапно вспыливъ). Что тебѣ отъ нея надо? Что она сдѣлала?

Старшенскій. Именно это я и хочу знать отъ нея! Сознавайся, тварь! Гдѣ тотъ мужчина? Кто это былъ? Тимошка! Входи! Не бойся: я приказываю тебѣ! Кто былъ тотъ мужчина? Онъ пробрался въ калитку. Мы оба его ясно видѣли. Я видѣлъ его, управляющій тоже.

Эльга. Управляющій! Управляющій! И вѣчно этотъ управляющій! Пусть твой управляющій слѣдитъ за слугами и служанками! Госпожи своей онъ не смѣетъ касаться! Или, можетъ-быть, ты поставилъ своего управляющаго наблюдать за конюшнями, заодно и за твоей женой?

Старшенскій. Эльга!

Эльга. Что тебѣ нужно?

Старшенскій. Я не узнаю тебя.

Эльга. Матушка спитъ и ребенокъ, а ты приходишь и поднимаешь такой нелѣпый шумъ, что всѣ въ замкѣ сбѣгаются.

Старшенскій. Я не желаю имѣть у себя въ домѣ потаскушекъ. Я не желаю, чтобы въ моемъ домѣ устраивали пріютъ для враговъ короля. Гербъ мой незапятнанъ, пусть и домъ мой останется незапятнаннымъ. Это не воровская дыра, не постоялый дворъ для всякаго сброда. Поэтому сознавайся, тварь, или вонъ отсюда! Управляющій, выпустить на нее собакъ!

Эльга (съ дикой силой). Она моя служанка. Ты этого не сдѣлаешь.

Старшенскій. Что я не сдѣлаю?

Эльга. Не выгонишь ее никогда.

Старшенскій. Выгоню, видитъ Богъ...

Эльга. Никогда! Или ее и меня вмѣстѣ. Лучше я буду жить въ нищетѣ, чѣмъ холопски зависѣть отъ твоихъ холоповъ. Прикажи уйти управляющему.

Старшенскій. Эльга...

Эльга. Оставь меня!

Старшенскій. Опомнись!

Эльга. Такъ не раздражай меня! Дортка, поди сюда. (Она вырываетъ Дортку изъ рукъ Старшенскаго) И войди туда.

(Дортка уходитъ, плача, подъ защитой Эльги).

Эльга (спокойно, твердо). Дортка принадлежитъ мнѣ. Я ей судья. Если ты хочешь еще оскорблять меня, подожди утра. Дай мнѣ, по крайней мѣрѣ, отдохнуть немного, поспать.

(Уходитъ за Дорткой, и слышно, какъ она изнутри запираетъ дверь).

Управляющій (къ Старшенскому, который стоитъ неподвижно, погруженный въ свои мысли). Панъ Старшенскій, панъ Старшенскій! Вамъ бы надо отдохнуть, панъ Старшенскій?

ЧЕТВЕРТАЯ СЦЕНА.

Столовая въ замкѣ Старшенскаго, незадолго передъ восходомъ солнца. Въ креслѣ, передъ однимъ изъ высокихъ оконъ, сидитъ Старшенскій, погруженный въ свои мысли, онъ одѣтъ какъ наканунѣ вечеромъ. Двое слугъ, не замѣчая Старшенскаго, собираются прибирать комнату.

Первый слуга. Что такое было сегодня ночью?

Второй слуга. Я спалъ.

Первый слуга. Господинъ шумѣлъ, а управляющій всю ночь на ногахъ былъ.

Второй слуга (замѣчаетъ Старшенскаго). Тс... Что это такое?

Первый слуга. Святой Амвросій Краковскій!

Второй слуга. Нашъ господинъ.

Старшенскій (прислушиваясь). Что вамъ?

Первый слуга. Столовую убрать, господинъ, и столъ накрывать къ завтраку.

Старшенскій. Гм, хорошо! Эй, ты!

Первый слуга. Что прикажете, ваше сіятельство?

Старшенскій. Управляющій чтобъ пришелъ!

(Слуга удаляется. Старшенскій опять погружается въ задумчивость. Входитъ управляющій).

Управляющій (выступая впередъ, осторожно). Господинъ... Вы приказали меня позвать, господинъ?

Старшенскій (съ удивленіемъ смотритъ на него). Да. Гм...

Управляющій. Вы приказали слугѣ позвать меня, господинъ?

Старшенскій. Ахъ, да! Управляющій! Поди сюда, Тимошка. (Онъ беретъ его за руку). Что это я хотѣлъ сказать, Тимошка? Да, да: я хочу ѣхать въ Варшаву!

Управляющій. Какъ прикажете, ваше сіятельство. Я прикажу заложить сѣрыхъ.

Старшенскій. Иди. Ты здѣсь еще, управляющій?

Управляющій. Да, господинъ.

Старшенскій. Врача позови.

Управляющій. Ты боленъ, господинъ?

Старшенскій. Да, кажется. Да, мнѣ кажется, я боленъ. Мнѣ холодно. Принеси мнѣ шубу.

Управляющій. Тебѣ бы лечь, панъ,—въ постель лечь.

Старшенскій (въ то время, какъ ему надѣваютъ шубу). Я хочу ѣхать въ Варшаву.

Управляющій (вполголоса къ слугамъ). Затопите каминъ, чтобъ комнату согрѣть. Господину холодно, поторопитесь. И скажите, чтобы скорѣе подавали самоваръ, горячаго чаю пану.

Старшенскій. Дайте чаю! Да! Въ шубѣ хорошо! Почему я здѣсь? Я совсѣмъ не ложился въ постель?

Управляющій. Нѣтъ, господинъ.

Старшенскій. Почему нѣтъ?.. Ступай.

(Управляющій уходитъ. Старшенскій всталъ и ходитъ, безпокойно, задумавшись, взадъ и впередъ по комнатѣ. Слуга вноситъ самоваръ, подаетъ чай. Старшенскій пьетъ чай).

Старшенскій (напившись чаю). Разбудите пани Марину, скажите ей, что я прошу ее.

Первый слуга. Пани Марина изъ церкви идетъ.

(Марина входитъ).

Старшенскій (притворно, беззаботно). Доброе утро, матушка.

Марина. Благословеніе Господне съ тобою, сынъ мой.

Старшенскій. Да, благословеніе Господне. Поди сюда, сядь. Сядь и выпей чаю. Давай посидимъ вмѣстѣ. Дайте свѣчей! Пусть будетъ свѣтло вокругъ насъ. Принесите свѣчей! Да, матушка. Давно мы съ тобою не сидѣли вдвоемъ такъ.

Марина. Давно, сынъ мой. Не отъ меня это зависитъ.

Я никогда не пропускаю заутрени. А вы поздно ложитесь и поздно встаете. Не отъ меня это зависитъ.

Старшенскій. Я знаю.

Марина. Отъ васъ это больше зависитъ, милый сынъ. Но какой ты блѣдный! Что съ тобой?

Старшенскій. Ничего. А какъ давно мы съ тобою не сидѣли такъ вдвоемъ за утреннимъ чаемъ, матушка? Какъ давно?

Марина. Почти два года.

Старшенскій. По лѣстницѣ можно подняться и потомъ спуститься, не правда ли?

Марина. Конечно, милый мой. Почему ты спрашиваешь это?

Старшенскій. Потому что есть и такая лѣстница, по которой можно только подняться, матушка. Я поднялся по такой лѣстницѣ очень высоко. Я не видалъ больше земли. Кто захотѣлъ бы назадъ оттуда, долженъ разбиться.

Марина. Почему? Все въ рукахъ Божьихъ.

Старшенскій. Ты спрашиваешь, почему? Когда наверхъ поднимаешься, ноги ставишь на перекладины изъ слоновой кости; когда спускаешься, онѣ обращаются въ раскаленное желѣзо.

Марина. Такъ упадешь.

Старшенскій. Разумѣется! Упадешь и будешь лежать внизу разбитымъ, матушка.

Марина. О какой это странной небесной лѣстницѣ говоришь ты?

Старшенскій (испуская стонъ). Я бы не могъ больше жить такъ, какъ жилъ прежде! Тамъ внизу я бы не могъ жить!..

Марина. Странный ты сегодня! Послушай! Я не хочу тебя спрашивать, чѣмъ ты такъ озабоченъ, но только положись на Бога! Посмотри, вонъ солнце какъ разъ поднимается надъ твоими полями. Послушай, какъ птицы въ твоихъ садахъ и надъ твоими посѣвами восхваляютъ весну и Бога. Пусть сердце твое исполнится этимъ новымъ утромъ, соберись съ духомъ, сынъ мой! Или ты боленъ?

Старшенскій. Онѣ восхваляютъ Бога и восхваляютъ весну, матушка. Это ликованіе можетъ обратиться въ адское издѣвательство. Тамъ внизу я ужъ больше никогда не могъ бы жить!

Марина. Что ты хочешь сказать этимъ?

Старшенскій. Видишь ли, матушка, не всѣ, которые

смотрять на весну, видять ее. Многіе думаютъ, что видятъ ее, и все же не видять ея. Я этого тебѣ не объясню. Въ этомъ тайна жизни! Видишь ли, я понимаю, тебѣ это кажется труднымъ... А избранниковъ Божіихъ, о, какъ мало! Никто не умѣетъ разсказать тайны весны, кто этого не знаетъ... кто этого не испыталъ, матушка! Только тотъ, кто это зналъ и испыталъ, только тотъ слышитъ, какъ Богъ смѣется. (Изъ смежной комнаты слышно, какъ Эльга громко и весело смѣется. Старшенскій блѣднѣетъ, встаетъ и хватается за сердце) Матушка... я...

Марина. Ты серьезно боленъ, сынъ мой, надо сейчасъ же послать за врачомъ. Сейчасъ же! Ты бредишь. У тебя, кажется, начинается горячка.

Старшенскій. Мнѣ никакой врачъ не поможетъ! Успокойся, это ничего. Это Эльга смѣялась тамъ, да? Да, матушка, какъ я сказалъ. Такъ это! Не иначе! Перенеси это, матушка. Возьми это на себя.

(Входитъ Эльга совершенно простодушно, преисполненная жизнерадостности).

Эльга. Доброе утро, мой соколъ. Ну?..

Марина. Твой мужъ нездоровъ, Эльга.

Эльга. Нездоровъ? Покажись-ка. Не можетъ ли его вылѣчить его жена? Болѣть некрасиво. Фу, больной мужчина, некрасивый мужчина! (Она садится къ нему на колѣни и цѣлуетъ его) Что? Развѣ я не права? Ну, а теперь ты здоровъ?

Старшенскій. Эльга! (Онъ разражается подавленными нервными рыданіями).

Эльга. Ахъ! Ахъ! Ахъ... Это что еще такое?! Герой Старшенскій! А, ваше сіятельство! Герой и плачетъ? Сильный мужчина плачетъ, проливаетъ слезы изъ-за ничего? Горячія, соленыя слезы. Изъ-за чего? Укрѣпи свое сердце, закали свои члены и потомъ поѣдемъ со мной въ колескѣ, верхомъ черезъ лѣса, въ поля! Мужчина долженъ быть сильнымъ и бодрымъ! Не разслабленнымъ, не вялымъ! (И когда Старшенскій ее горячо обнимаетъ) Такъ, такъ, къ тебѣ возвращается жизнь! Да, обнимай меня, цѣлуй меня! Возьми у меня жизни. У меня достаточно для двоихъ.

Старшенскій (преображенный). Ахъ, матушка, посмотри своими старыми глазами на это созданіе: ну, не прекрасна ли она, матушка? Какъ выздоровленіе прекрасна? Прекрасна— и моя!

Эльга. Вода освѣжаетъ! Вода даетъ молодость и кра-

ту! Я плавала въ озерѣ. Сдѣлай, какъ я! Все больное ывается съ души.

Старшенскій. Останься, матушка, у меня опять на душѣ ало хорошо и свободно.

Марина. У меня тоже, если тебѣ хорошо и свободно. о пусти меня теперь. Я пойду къ ребенку. Надо, чтобы на меня видѣла, когда она проснется. Она такъ привыкла.

Старшенскій. Поцѣлуй за меня маленькую Эльгу.

(Марина киваетъ и удаляется).

Эльга (поднялась и встала передъ Старшенскимъ). Идетъ ко нѣ это платье?

Старшенскій. Я такъ люблю тебя!..

Эльга. Она клянется, что это послѣдняя парижская мода.

Старшенскій (снова обнимаетъ ее). Я такъ люблю тебя! И бы могъ убить тебя, такъ я люблю тебя!

Эльга (слегка нетерпѣливо). Ты опять меня такъ сжимаешь.

Старшенскій (держитъ ее за плечи). Ты моя собственность! Моя собственность! Ты моя драгоцѣннѣйшая собственность! Ты какъ сосудъ! На всемъ свѣтѣ нѣтъ болѣе драгоцѣнаго сосуда, чѣмъ ты, хотя бы онъ былъ изъ оникса или ашмы. Изъ него пьютъ чудеснѣйшее вино. И онъ никогда не изсякаетъ. (Онъ цѣлуетъ ее).

Эльга (высвобождается). Дортка идетъ.

(Дортка подвигается нѣсколько робко. Она ставитъ большой пучокъ фіалокъ на столъ, пучокъ поменьше держитъ въ рукѣ).

Эльга. Такъ. Поставь сюда. Ну?.. Укрась своего господина! Ну?..

Дортка (становится на колѣни передъ Старшенскимъ и цѣлуетъ ему руку). Простите, господинъ!

Старшенскій (принимаетъ маленькій пучокъ фіалокъ). Встань, хорошо.

(Входитъ управляющій).

Управляющій. Лошади поданы, господинъ.

Старшенскій. Лошади? Какія лошади, Тимошка?

Управляющій. Вы хотѣли ѣхать въ Варшаву, господинъ.

Эльга. Ты хотѣлъ ѣхать въ Варшаву?

Старшенскій. Я больше не хочу.

Эльга (беретъ Тимошку за ухо и тянетъ). Ты старый дуракъ, Тимошка! Понимаешь? Ханжа ты. Былъ же и ты молодъ когда-то! Не можешь простить дѣвушкѣ маленькаго

грѣшка! Пусть лошадей не отпрягаютъ. Мы пойдемъ, господинъ и я. Пойдемъ, Дортка, помоги мнѣ одѣться.

(Она выходитъ. Дортка слѣдуетъ за ней).

Старшенскій (киваетъ Эльгѣ и одинъ съ управляющимъ проходитъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ, затѣмъ останавливается и немилостиво обращается къ Тимошкѣ). Что же ты стоишь?

Управляющій. Господинъ...

Старшенскій. Дурную ты услугу мнѣ оказалъ своею глупостью.

Управляющій. Накажи меня, панъ.

Старшенскій. Мнѣ бы и слѣдовало тебя наказать, это правда. По твоей милости я становлюсь смѣшнымъ! Мнѣ развѣ, господину вашему, слѣдить за любовными похожденіями моихъ слугъ и служанокъ?

Управляющій. Нѣтъ, господинъ.

Старшенскій. Ну, такъ видишь! Я знаю, ты безъ злого умысла. Но на будущее время не безпокой меня подобными глупостями. Слышалъ?

Управляющій. Слышалъ. Сѣять намъ сегодня овесъ, господинъ?

Старшенскій. Дѣлай, какъ знаешь.

(Управляющій уходитъ. Входитъ кормилица съ маленькой Эльгой на рукахъ).

Старшенскій. Входите, входите.

Кормилица. Мы маму ищемъ.

Старшенскій. Маленькая Эльга побудетъ съ отцомъ. (Беретъ ее на руки) Вотъ такъ! Что это у нея въ рукѣ?

Маленькая Эльга. Атти, атти!

Кормилица. Атти,—атти это значитъ отецъ.

Старшенскій. Что у нея въ рукѣ, кормилица?

Кормилица. Это коробочка съ драгоцѣнностями госпожи, ваше сіятельство. Она не хочетъ ее отдать.

(Входитъ Марина).

Старшенскій. Посмотри, матушка, какая чудесная игрушка у маленькой Эльги.

Марина. Ахъ, вотъ вы гдѣ! А васъ ищи...

Старшенскій. Маленькая Эльга богата. Возьми ее, матушка! (Онъ сажаетъ ее матери на руки).

Марина. Это ея подвѣнечный уборъ.

Старшенскій (омрачаясь на мгновеніе). Я никогда маленькую Эльгу не отдамъ замужъ.

(Маленькая Эльга роняетъ шкатулочку изъ рукъ).

Марина. Подними, кормилица, скорѣй!

Старшенскій (весело). Подвѣнечный уборъ распался! (Онъ поднимаетъ коробочку, заглядываетъ туда, роется въ ней; находитъ что-то въ ней вдругъ и вынимаетъ оттуда). Ахъ, что̀ это?

Марина. Что̀ это у тебя? Что̀ тамъ такое было?

Старшенскій (изсѣра-блѣдный). Ничего тамъ не было.

Марина. Что̀ это опять съ тобою? (Она передаетъ ребенка кормилицѣ, которая хочетъ унести его).

Старшенскій. Подожди, кормилица! Стань тамъ вонъ съ ребенкомъ! И стой тихо!

(Онъ сравниваетъ съ лицомъ ребенка портретъ въ маленькомъ медальонѣ, который онъ держитъ въ ладони).

Марина. Что̀ ты тамъ дѣлаешь?

Старшенскій. Поди сюда, посмотри. Знаешь ты этотъ портретъ?

Марина. Нѣтъ.

Старшенскій. Человѣка, котораго онъ изображаетъ?

Марина. Не знаю, сынъ.

Старшенскій. Ну, такъ сравни.

Марина. Что̀ мнѣ сравнивать?

Старшенскій. Глаза маленькой Эльги и — эти глаза! Брови маленькой Эльги и — эти брови. Волосы маленькой Эльги и — эти волосы. Ея подбородокъ, ея ротъ — и этотъ ротъ! Ты знаешь этого человѣка!?

Марина. Нѣтъ. Да. Можетъ-быть. Это, можетъ-быть, двоюродный братъ Огинскій.

Старшенскій (страшно мѣняясь въ лицѣ, почти заикаясь). Ну да! Такъ... что̀ же?.. Ахъ, оставь меня!.. Уже... уже прошло. Да, конечно, это Огинскій! Теперь я узналъ его! Двоюродный братъ—нищій и трусъ! Скверный, ползающій, вонючій песъ! Оставь... Оставь... Мнѣ кажется... Позовите врача... Меня хотятъ задушить...

Марина Господи Боже мой!

Старшенскій (черезъ силу, овладѣвая собой, но почти какъ помѣшанный). Тише, матушка, тише, поди, сядь ко мнѣ. Разскажи мнѣ что-нибудь. Я прошу тебя. Ты знаешь больше меня! Ты знала воеводу Ляшка. А что̀ это было съ Огинскимъ? Зачѣмъ ей понадобился портретъ Огинскаго?

Марина. Успокойся же. Сдержи себя. Кормилица съ ребенкомъ здѣсь.

Старшенскій. Что̀ мнѣ за дѣло до ребенка! Вонъ отсюда! (Кормилица съ ребенкомъ удаляется). О, матушка, молись! Свяжи меня! О, Іисусе Христе! А то я убью своего ребенка.

Марина. Да поможетъ тебѣ Господь Богъ, сынъ мой! Что съ тобой? Что съ тобой случилось?

Старшенскій (сухо, жестко, дрожа) У меня, вѣрно, лихорадка, какъ ты сказала, но оставь, она, кажется, прошла. Но нѣтъ, матушка, останься; это я долженъ знать — видишь ли, чтобъ во мнѣ ясно стало. Разскажи мнѣ о двоюродномъ братѣ, Огинскомъ...

Марина. Что же мнѣ разсказывать? Ты же самъ знаешь. Онъ жилъ въ домѣ старика-воеводы. Воспитывался вмѣстѣ съ Эльгой. Больше я ничего не знаю.

Старшенскій (поднимается и дергаетъ за шнурокъ звонка). Ты больше ничего не знаешь. Но мнѣ надо знать больше! Все!! Теперь мнѣ надо знать все. (Входитъ управляющій). Я ѣду въ Варшаву, какъ было рѣшено.

(Управляющій уходитъ).

Старшенскій (къ матери). Прощай! (Старшенскій быстро удаляется).

(Марина смотритъ вслѣдъ своему сыну, качая головой. Входитъ Эльга, одѣтая къ выѣзду).

Эльга. Я готова. Гдѣ графъ?

Марина. Въ Варшаву уѣхалъ, дитя мое.

Эльга (пораженная). Ахъ, какъ же?

ПЯТАЯ СЦЕНА.

Зала въ замкѣ. Вечеръ. Марина сидитъ со свѣчой надъ пяльцами. Эльга медленно ходитъ взадъ и впередъ.

Эльга. Я не понимаю, что онъ дѣлаетъ въ Варшавѣ вотъ уже третій день.

Марина. Я тоже не понимаю.

Эльга. И зачѣмъ онъ управляющаго взялъ съ собою.

Марина. Да, это тоже нехорошо. Мужики приходятъ и спрашиваютъ работу. Не знаешь, что имъ отвѣчать.

Эльга. И такъ страшно скучно тоже. Знаешь, матушка, я такъ легко могу соскучиться. Я боюсь скуки, какъ большого, отвратительнаго чудовища съ сонными глазами и слюнявой мордой. Фу!

Марина. Я никогда не скучаю, дитя мое.

Эльга. Этого я не понимаю.

Марина. Видишь ли, у насъ было не такъ, какъ у васъ. Мой отецъ былъ строгій. Я дома всегда дѣлала то, что должно было, и никогда не дѣлала то, что хотѣлось. Для

ого, чтобы поймать улетѣвшую пушинку, надо было карабкаться за ней черезъ невѣсть сколько заборовъ. Мнѣ день сегда казался слишкомъ короткимъ. Ты дома дѣлала, что отѣла—и чаще всего хотѣла ничего не дѣлать. Оттуда и кука твоя.

Эльга. Да, а зачѣмъ хотѣть, матушка?

Марина. Должно, потому что должно.

Эльга. Этого я не понимаю. Мнѣ нѣсколько разъ уже приходилось всходить на крутыя горы. Меня что-то манило вверхъ... Я хотѣла быть ближе къ солнцу, къ небу или къ Богу, не знаю! Вѣрно только одно, что, если бы я этого не хотѣла, матушка, я бы навѣрно осталась внизу. Я всхожу на гору не потому, что я должна, а потому, что скука гонитъ меня.

Марина. Вы — Ляшки — другой породы: своевольные, легкомысленные, всегда готовые все на карту поставить. Поэтому вы все и потеряли.

Эльга. И снова выиграли.

Марина. Ты, быть-можетъ.

Эльга. Конечно, я!

Марина. И можешь опять потерять.

Эльга. Конечно, могу! Дорога всегда ведетъ внизъ и вверхъ, и внизъ и вверхъ, и извивается. Это лучше, чѣмъ идти все по прямой линіи и жить въ плоской равнинѣ. Звѣрь-скука неподвиженъ, какъ крокодилъ, и плохо можетъ подниматься и спускаться съ возвышенности. И поворачивается онъ плохо.

Марина (озабоченно поднимаетъ глаза съ работы). А тебя совсѣмъ не привлекаетъ спокойное счастье?

Эльга. Мало.

Марина. Кто живетъ такъ, живетъ въ постоянной опасности.

Эльга. Въ этомъ все дѣло. Именно это дѣлаетъ жизнь для меня цѣнной. Смерть идетъ съ тобою рядомъ, ты почти видишь ее, и она загоняетъ тебя въ самый водоворотъ жизни: тутъ холодно тебѣ, тамъ жарко; тутъ ужасъ, тамъ счастье.

Марина. Не говори такъ, ради Бога! Развѣ можно такъ говорить о смерти!

Эльга. Я съ нею въ хорошихъ отношеніяхъ, лучшихъ, чѣмъ вы думаете. Она мнѣ и наполовину не портитъ такъ настроенія, какъ вамъ. Когда я тогда стояла у постели умирающаго отца, голодная, нищая, въ какой-то дырѣ вар-

шавской, тогда я позвала ее и узнала ее. И знаешь, чему она научила меня, матушка? Она научила меня смѣяться. Она научила меня смѣяться совсѣмъ-совсѣмъ по-особенному надъ многими серьезными вещами въ жизни. Но все это вздоръ! Мнѣ еще хочется жить! Лишь бы только Старшенскій вернулся.

Марина. А вотъ Тимошка.

(Входитъ управляющій).

Управляющій (къ Маринѣ). Добрый вечеръ, госпожа.

Марина. Гдѣ твой господинъ?

Управляющій. Онъ меня послалъ впередъ, госпожа! Чтобъ я заказалъ, госпожа!

Марина. Чтобы ты заказалъ что? Передохни сначала.

Управляющій. Съ господиномъ пріѣзжаетъ гость. Они голодны и пить хотятъ. Онъ приказалъ, чтобы накрыли столъ.

Марина. Слава Богу, если только это! Что же было такъ пугать?

Эльга. А кто гость?

Управляющій (настороживши). Я его не знаю.

Эльга. Кто бы это могъ быть, матушка?

Марина. Я тебя объ этомъ хотѣла спросить. Онъ этого никогда не дѣлалъ прежде. Если гость веселый, добро пожаловать. Онъ всѣхъ насъ развеселитъ.

(Управляющій уходитъ).

Марина. Кто-то подъѣхалъ. Это уже они. Я узнаю походку сына.

Эльга (блѣднѣя). Ты узнаёшь походку сына?

Марина. Если ты пойдешь его встрѣтить, я останусь здѣсь.

Эльга. Нѣтъ, матушка, иди ты.

(Марина идетъ навстрѣчу сыну. Изъ другой двери вбѣгаетъ поспѣшно Дортка).

Дортка (съ затаенной радостью). Госпожа, кто пріѣхалъ, кто идетъ сюда по лѣстницѣ съ его сіятельствомъ господиномъ графомъ?

Эльга. Тише! Я знаю!

Голосъ Старшенскаго (еще на лѣстницѣ). Эльга, голубка моя!

Эльга. Уходи скорѣе! Чтобы онъ не увидалъ тебя здѣсь.

(Дортка уходитъ. Старшенскій входитъ).

Старшенскій (измѣнившійся, замѣтно возбужденъ виномъ и страстью). Добрый вечеръ, голубка моя.

Эльга. Ты долго отсутствовалъ.

Старшенскій. Да. Но не брани меня. Я тебѣ привезъ кое-что.

Эльга. Что ты мнѣ привезъ?

Старшенскій. Отгадай!

Эльга. Шелковыя рубашки, которыя я у тебя просила?

Старшенскій. Да. Шелковыя рубашки внизу, въ коляскѣ. Я тебѣ выбралъ самыхъ дорогихъ. Но я тебѣ привезъ еще кое-что. Отгадай!

Эльга. Я ни о чемъ больше тебя не просила. Я не знаю.

Старшенскій. Я привезъ тебѣ двоюроднаго брата Огинскаго!

Эльга (смѣясь недовѣрчиво для вида, слегка ударяетъ его по щекѣ). Ахъ, ты, шутникъ!

Старшенскій (неувѣренно). Ты не радуешься?

Эльга. Чему же мнѣ радоваться? Двоюродному брату Огинскому мнѣ радоваться?

Старшенскій. Да, Огинскому!

Эльга. Я же тебѣ говорила, что думаю о немъ? Но такъ какъ онъ уже здѣсь, если ты не шутишь, что же дѣлать? Тутъ онъ или нѣтъ, я этого перемѣнить не могу.

Старшенскій. Входи, милый братъ! Не жмись къ стѣнамъ.

(Входитъ Огинскій).

Огинскій. Развѣ я когда-нибудь это дѣлалъ? Вамъ угодно шутить, ваше сіятельство! Вашъ покорный слуга, графиня.

Эльга. Добрый вечеръ, братъ!

Старшенскій. Простите меня, панъ Огинскій, не знаю, какъ это сорвалось у меня. Это старая барская усадьба. И стѣны, особенно по лѣстницамъ, всегда сырыя, покрыты плѣсенью и ядовиты. Мнѣ было бы жаль вашего новаго дорогого платья. Садитесь же, будьте моимъ гостемъ и другомъ! А какъ ты поживала, моя голубка, безъ меня? Тосковала по мнѣ? Она тоскуетъ по мнѣ, панъ Огинскій. Какъ ребенокъ щегленка, держитъ она меня привязаннымъ за ногу. Если я на полверсты ухожу въ поле, она уже тоскуетъ по мнѣ. Не правда ли, голубка моя?

Эльга. Ты говоришь вздоръ, Старшенскій.

Старшенскій. Вотъ какъ? Я говорю вздоръ? Очень можетъ быть! Мы съ нимъ въ Варшавѣ нѣсколько покутили оба. Не правда ли, Огинскій? Но зато подружились съ нимъ.

Эльга. Послушай! Тебѣ сегодня вечеромъ не надо пить вина больше.

Старшенскій. Почему нѣтъ?

Эльга. Тебѣ не надо больше пить сегодня вечеромъ, повѣрь мнѣ.

Старшенскій (обнимая Эльгу одной рукой). Какъ она красива, Огинскій!

Эльга. Пусти меня.

Старшенскій. Ея ротъ такъ сладостенъ и нѣженъ, какъ ротъ сосущаго младенца...

Эльга. Пусти же меня!

Старшенскій. ...и цѣломудренъ, еще не отвыкъ отъ материнской груди! Это опасный ротъ. Посмотри, какъ дрогнули углы этого опаснаго рта, Огинскій! Объѣзди всю Польшу и Россію, побывай во всѣхъ мѣстахъ, степяхъ и лѣсахъ Азіи, ты нигдѣ не найдешь рта подобнаго этому—и такого соблазнительнаго.

Эльга. Пусти меня! Прости его, братъ!.. Ты пьянъ!
(Она выходитъ).

Огинскій. Вы нехорошо обращаетесь съ вашей женой.

Старшенскій. Нѣтъ!

Огинскій. Вамъ бы слѣдовало лучше обращаться съ вашей женой.

Старшенскій. Мнѣ бы слѣдовало розгами высѣчь свою жену!

Огинскій. Гм... Зачѣмъ я здѣсь? Мнѣ люди кое-что разсказывали о васъ. Говорили и братья Эльги о васъ: я думалъ, вы благородный.

Старшенскій. Ну, а я что̀ думалъ о васъ? Что̀ вы такое? Я этого не знаю.

Огинскій. Оставьте, панъ Старшенскій. Я очень дурно сдѣлалъ, что поѣхалъ съ вами. Что̀ мнѣ тутъ дѣлать? Я никогда не любилъ людей! Зачѣмъ ты вытащилъ меня изъ моего уединенія? Теперь прощай.

Старшенскій. Нѣтъ, панъ Огинскій, я васъ не отпущу.

Огинскій. Что̀ же тебѣ надо отъ меня?

Старшенскій. Я хочу твоей дружбы.

Огинскій. Это неправда!

Старшенскій. Богъ мнѣ свидѣтель! Садись, другъ! Выпей этого вина, оно превосходное. Теперь я другой: прости мнѣ. Прости мнѣ, если я не такъ себя велъ. Пей и прости.

Огинскій. Мнѣ нечего прощать, панъ.

Старшенскій. Такъ скажи мнѣ одно только. Пей и скажи мнѣ только одно. Ты зналъ Эльгу съ дѣтства?

Огинскій. Да.

Старшенскій. Вы дѣтьми играли вмѣстѣ?

Огинскій. Она играла со мной.

Старшенскій. И любила тебя?

Огинскій. Можетъ-быть.

Старшенскій. Ты любилъ ее?

Огинскій. Я—нѣтъ, потому что она не стоила любви.

Старшенскій. Ты не любилъ Эльгу?

Огинскій. Я говорю правду.

Старшенскій. Она не была красива?

Огинскій. Нѣтъ, панъ.

Старшенскій. Это ты лжешь, панъ.

(Огинскій поднимается съ мѣста).

Старшенскій. Сиди, останься.

Огинскій. Довольно.

Старшенскій. Эльга красива. Скажи, что она красива!

Огинскій. Довольно.

Старшенскій. Я могъ бы убить тебя — и цѣловать, если ты не лжешь. Дай мнѣ руку! Братъ, дай мнѣ руку.

Огинскій. Зачѣмъ это вамъ?

Старшенскій. Я назвалъ тебя лжецомъ. Прости!

Огинскій. Мы всѣ лжемъ.

Старшенскій. Такъ ты сейчасъ солгалъ?

Огинскій (холодно). Я этого не говорю.

Старшенскій. Такъ берегись! Или пожалѣй!

(Онъ роняетъ голову на столъ и хрипитъ).

Огинскій (поднимаясь, съ безпощадной холодностью). Зачѣмъ вамъ жалость, ваше сіятельство? Жалость—это десятикратная пытка. Я зналъ эту удесятеренную муку. Если бы Богъ пожалѣлъ человѣка побѣжденнаго, Онъ не былъ бы Богомъ милосердія и состраданія. Не проси жалости, панъ.

Старшенскій (собираясь съ духомъ, твердо). Я не прошу ея!

(Эльга возвращается, роскошно одѣтая).

Эльга (легко). Ну что, оправился, мой другъ?

Старшенскій. Да, кажется. Посиди съ нами и поболтай.

Эльга. Хорошо. На столъ ужъ накрываютъ. Сейчасъ насъ позовутъ. Что у васъ за вино?

Старшенскій. Попробуй.

Эльга. Какъ ты поживаешь, Огинскій, съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались?

Старшенскій (быстро). А съ какихъ поръ вы не видались?

Эльга (къ Огинскому). Скажи, какъ давно?

Огинскій. Я не считаю дней. Они приходятъ и уходятъ. Мнѣ это все равно.

Эльга. Фу. И ты совсѣмъ не соскучился по твоей подругѣ дѣтства? Помнишь, какъ это было, Огинскій? Я бѣгала скорѣе васъ. Я прыгала дальше васъ. Въ вашихъ войнахъ и предводительствовала вами. Я была вашей повелительницей, вы, мальчики, должны были слѣдовать за мной и всѣ поступать, какъ я хотѣла. О, какъ было весело!

Огинскій (которому сдѣлалось противно). Прошу васъ, оставьте меня, я не могу смѣяться и веселиться.

Старшенскій. Это ничего. Я тоже не могу. Она за насъ будетъ. Я хочу разсказать вамъ, что̀ я видѣлъ во снѣ. Мнѣ снилась молодая женщина. Такъ было, да. Женщина была голая и танцовала всю ночь: она танцовала, танцовала, танцовала передо мной самымъ мучительнымъ образомъ. Теперь обратите вниманіе, на чемъ танцовала эта женщина? Вообразите себѣ блѣдную какъ мѣлъ луну! Блѣдная какъ мѣлъ, призрачно-блѣдная, какъ отъ отчаянія поблѣднѣвшая луна свѣтила надъ далекой, безконечно-далекой гористой мѣстностью. Въ этой далекой гористой мѣстности, которая походила на море, застывшее во время бури, не росло ничего, ни травинки, ни дерева, ни куста. Во снѣ мнѣ казалось, что горы покрыты и долины переполнены человѣческими костями и человѣческими черепами. На нихъ танцовала женщина.

Эльга. У! Странные у тебя сны. Перестань же, мнѣ страшно.

Огинскій. Но сонъ еще не конченъ, панъ.

Старшенскій. Такъ окончи его. Разсказывай ты.

Огинскій. Я не могу разсказывать.

Эльга. Онъ проситъ тебя, и я прошу тебя. Разскажи.

Огинскій. Хорошо. Такъ слушайте: я видѣлъ женщину, какъ ты, танцовавшую надъ черепами. Она была прекрасна...

Старшенскій. Прекрасна, какъ Эльга.

Огинскій. Она была прекрасная и нагая.

Старшенскій. И тѣло ея было, какъ тѣло Эльги.

Огинскій. Но самое странное было въ ней—глаза. Изъ нихъ то струился свѣтъ, затемнявшій свѣтъ луны. То изъ нихъ струились Смерть и Ночь. У нея были глаза...

Старшенскій. Какъ глаза Эльги.
Эльга. Ну, перестань же!
Огинскій. Они могли въ моемъ снѣ заставить однимъ
лядомъ зазеленѣть холмы и долины. Я разумѣю глаза,
которыхъ говорилъ. Тогда текли ручьи, тогда благоухали
езы...
Старшенскій. Да, такъ это было.
Огинскій. А потомъ тотъ же взглядъ опять проникалъ
твое сердце, какъ ядъ.
Эльга (поднимается и медленно уходитъ изъ комнаты). Меня
жь пробираетъ отъ вашихъ исторій. Покойной ночи!
Старшенскій (оставшись одинъ съ Огинскимъ, мрачно и тор-
твенно поднимается со своего мѣста). Панъ Огинскій, я
наю, и мы теперь положимъ этому конецъ.
Огинскій. Да. Сегодня или завтра,—все равно!
Старшенскій. Я думаю—сегодня! (Значительно) Итакъ,
сойной ночи!
Огинскій (такъ же). Покойной ночи.
Старшенскій. Ты завтра не увидишь больше солнца,
инскій.
Огинскій (съ горькой ироніей). И ты тоже, панъ.
Старшенскій. Можетъ-быть. Но ты умрешь позорной
ертью.
Огинскій. А ты живешь позорной жизнью.
Старшенскій. Можетъ-быть. Я бы не желалъ тебя каз-
ть по одному подозрѣнію...
Огинскій. Не безпокойся.
Старшенскій. Она была въ твоихъ объятіяхъ?
Огинскій (съ нескрываемымъ торжествомъ). Я жилъ!
Старшенскій. Такъ пусть свершится! (Онъ три раза уда-
ять мечомъ по столу. Вбѣгаютъ управляющій и вооруженные
ди). Дѣлайте свое дѣло!
Онъ уходитъ. Вооруженные поспѣшно связываютъ и скручиваютъ
инскаго и утаскиваютъ его съ собой. Комната остается пустой,
одолжительная тишина. Затѣмъ входитъ Дортка въ страшномъ
угѣ).
Дортка. Госпожа! Госпожа! Пани Эльга!
(Входитъ Эльга).
Эльга. Дортка, что̀ ты кричишь такъ?
Дортка. Хорошо, пани Эльга, что я васъ встрѣтила.
Эльга. Почему это хорошо?
Дортка. Тамъ въ саду, гдѣ старая башня... Посмотрите,
ъ свѣтъ.
Эльга. Ну, что̀ же?

Дортка. Люди тамъ ходятъ съ факелами.
Эльга. Что они тамъ дѣлаютъ?
Дортка. Люди вооруженные.
Эльга. Поди ты,—ты бредишь.

(Старшенскій выступилъ изъ одной изъ дверей и устремляетъ неподвижный взглядъ на Эльгу. Онъ блѣденъ, какъ мертвецъ).

Эльга. Панъ Старшенскій, что это значитъ?
Старшенскій. Это ничего не значитъ.
Эльга. Тогда покойной ночи, а завтра разскажешь.
Старшенскій. Ты не можешь спать теперь, Эльга. Возьми свою накидку и иди со мной.
Эльга. Ты опьянѣлъ отъ глупости, панъ.
Старшенскій. Опьянѣлъ отъ глупости — недурно! Слушай, Дортка! Отыщи управляющаго и спроси его: исполнилъ ли ты приказаніе своего господина? И принеси мнѣ отвѣтъ.

(Дортка уходитъ).

Старшенскій. Эльга, встань и иди за мной.
Эльга. Я не пойду. Я не пойду за тобой.
Старшенскій. Ты не хочешь?
Эльга. Нѣтъ.
Старшенскій. Такъ останься и скажи мнѣ одно...
Эльга. Ты совсѣмъ глупъ сталъ. Я не знаю отчего.
Старшенскій. Быть-можетъ, отъ тебя.
Эльга. Тогда отпусти меня и оставь себѣ свое, Старшенскій. Гораздо лучше жить въ бѣдности и въ самой ужасной нуждѣ, чѣмъ такъ!
Старшенскій. Мнѣ оставить себѣ свое? Что ты мнѣ оставляешь?
Эльга. Все, что хочешь! Я надоѣла тебѣ! Я это чувствую. Я опротивѣла тебѣ,—такъ отпусти же меня!
Старшенскій. Къ брату Огинскому.
Эльга. Что ты сказалъ?
Старшенскій. Къ брату Огинскому ты бы пошла?
Эльга. Если и такъ—куда я пойду, это мое дѣло.

(Она встаетъ и ходитъ взадъ и впередъ).

Старшенскій. Если ты можешь, отрекись! Слушай и скажи: ты и Огинскій, вы были помолвлены, когда ты узнала меня?
Эльга. Ну, такъ и ты тоже послушай теперь. Я устала отъ этого. Если Огинскій болталъ что-нибудь спьяна, такъ что же,—мы были дѣтьми, и онъ и я. А тебѣ я говорю, мы слишкомъ стары, чтобы теперь еще быть дѣтьми!

Такъ не мучь меня прошедшимъ! Не мучь меня Огинскимъ! Или отпусти меня.

Старшенскій. Такъ ты Огинскаго больше не любишь? Скажи мнѣ только это. Ты теперь не любишь его больше?

Эльга. Развѣ я бы пошла за тебя? Стала бы твоей женой? Мнѣ въ твоемъ кругу не всегда пріятно было! Общее дѣтство, общая жизнь.

Старшенскій. И общій рай, быть-можетъ.

Эльга. Да, если хочешь, и это тоже! Но я стала твоей женой,—что же еще?

Старшенскій. А ты меня любишь?

Эльга. Нѣтъ! Теперь я тебя не люблю! Я не люблю тебя, потому что ты мучишь и пытаешь меня. Но когда-то я пошла съ тобой, и мнѣ было съ тобой радостно. Я была съ тобою счастливой и радостной, а гдѣ я могу быть счастлива и радостна, панъ, тамъ я и люблю.

Старшенскій. Такъ пойдемъ.

Эльга. Куда я съ тобой пойду теперь? Я останусь здѣсь—или уйду одна. Ты боленъ, и тебѣ нуженъ врачъ. И по чистой совѣсти: я боюсь. Я боюсь идти теперь съ тобой.

Старшенскій. Такъ скажи мнѣ одно: ты Огинскаго больше не любишь?

Эльга. Я говорю—нѣтъ!

Старшенскій. Мертвый или живой—ты къ нему равнодушна?

Эльга. Онъ живетъ не для меня! Онъ умретъ не за меня!

Старшенскій. Такъ пойдемъ!

(Съ желѣзной силой онъ схватываетъ ее за кисти рукъ и уводитъ ее съ собой).

ШЕСТАЯ СЦЕНА.

Превращеніе. Комната, что и въ первой сценѣ, но тогда еще—въ одиноко стоящей сторожевой башнѣ. Передъ завѣшенной кроватью справа и слѣва стоятъ высокія позолоченныя канделябры съ зажженными свѣчами. Ночь. Лунный свѣтъ. Управляющій стоитъ передъ кроватью съ длиннымъ обнаженнымъ мечомъ. Входитъ Дортка.

Дортка. Что за ночь! Ты здѣсь, Тимошка?

Управляющій. Здѣсь. Что тебѣ?

Дортка. Его сіятельство господинъ нашъ послалъ меня. Велѣлъ спросить, исполнилъ ли ты, что онъ приказалъ.

Управляющій. Да, полагаю. Поди скажи нашему го-

сподину: мертвый волкъ не ѣстъ живой овцы. Тебѣ здѣсь больше нечего дѣлать. Чего ты стоишь?

Дортка (дрожа). Что ты затѣваешь?

Управляющій. Спроси господина.

Дортка. Мнѣ страшно дѣлается, когда я на тебя смотрю. Я не знаю почему.

Управляющій. Да, тебѣ можетъ быть страшно.

Дортка. Мнѣ?

Управляющій. Да, тебѣ.

Дортка. Что я сдѣлала?

Управляющій. Сама знаешь, тварь!

Дортка. Тимошка, сжалься надо мной. Я не знаю.

Управляющій. А вы пожалѣли моего господина?

Дортка. Твоего господина, Тимошка?

Управляющій. Что вы изъ него сдѣлали? Нѣсколько дней тому назадъ онъ былъ богатъ, молодъ и милостивъ, а теперь онъ старый, нищій и полный ненависти.

Дортка. А я при чемъ? Ты обвиняешь меня?

Управляющій. Не тебя одну. Тебя и все ваше отродье! Я ненавижу Ляшковъ,—они проклятые.

Дортка. А что у меня общаго съ Ляшками? Я служила госпожѣ своей и больше ничего.

Управляющій. Она не госпожа. Такая же потаскушка, какъ ты!

Дортка. Неправда. Врутъ люди, когда такъ говорятъ. Васъ обманули: это неправда!

Управляющій. Знаемъ мы. Не госпожа она. Нѣтъ. Она была дѣвкой, когда онъ ее нищей подобралъ на улицахъ Варшавы. Гадина, которую онъ подобралъ и привезъ домой! Я и пани Марина, мы знали это. Она запускала руки въ его карманы. И братья ея тѣмъ же занимались. Вампиръ она. Кровь у него изъ груди высосала. А теперь убирайся, сюда идутъ, спасай свою жизнь.

(Дортка уходитъ. Въ дверяхъ появляется Старшенскій).

Старшенскій (говоритъ, оборачиваясь назадъ). Ничего: иди же кверху. Я согласенъ, что это пустяки. Но войди же сюда!

Голосъ Эльги. Я не пойду дальше.

Старшенскій. Тебѣ нельзя назадъ! За дверями вооруженные люди,—тебѣ нельзя назадъ! Ты рискуешь жизнью, если пойдешь назадъ безъ меня. Входи сюда спокойно! Или ты боишься?

(Входитъ Эльга въ накидкѣ).

Эльга (озлобленно и твердо). Нѣтъ!

Старшенскій. Тамъ внизу холодно. Такъ хорошо. Здѣсь теплѣе. Ты замѣтила? Ночью былъ сильный морозъ. Мы прошли по бѣлому ковру изъ лепестковъ черезъ весь садъ отъ замка сюда. Ты ходила когда-нибудь этой дорогой?

Эльга (къ Тимошкѣ). Кто ты? Кто тамъ стоитъ?

Старшенскій. Дай, я сниму съ тебя накидку. Это старый Тимошка. Сядь... Да, правда, это странная, мрачная комната. Я отлично понимаю: здѣсь жутко тому, кто входитъ сюда въ первый разъ. Какъ будто съ самаго начала міра здѣсь обитали привидѣнія, одни привидѣнія. Ты никогда еще не бывала здѣсь наверху?

Эльга. Ты же знаешь, что я бывала здѣсь. Что же ты спрашиваешь меня?

Старшенскій. Я этого не знаю. Сколько же разъ ты была здѣсь, въ этой проклятой комнатѣ?

Эльга (мрачно, упрямо). Много разъ.

Старшенскій. А знаешь ли ты, что за этимъ занавѣсомъ?

Эльга. Разъ я была здѣсь, такъ знаю, что за занавѣсомъ.

Старшенскій. Такъ скажи мнѣ ясно, что это такое. У меня есть основаніе спрашивать. Я жду отвѣта. Ты думаешь, за этимъ занавѣсомъ кровать?

Эльга. А что же другое?

Старшенскій. О, гораздо больше! Знаешь ли ты преданіе, которое разсказываютъ въ хижинахъ бѣдняковъ и въ окрестныхъ замкахъ и на улицахъ,—преданіе о старой башнѣ и кровати?

Эльга. Я его не знаю и не хочу знать. Теперь довольно, я ухожу!

Старшенскій. Знаешь что: не подвергай себя опасности. Останься. Тимошка разскажетъ тебѣ это преданіе. Старикъ знаетъ его.

Управляющій (начинаетъ читать громко и медленно по пергаменту). Жилъ на свѣтѣ во время оно одинъ благородный человѣкъ и богатый графъ. Жилъ онъ себѣ въ мирѣ и тишинѣ со своей сіятельной матерью. Въ концѣ концовъ привязался онъ сердцемъ къ одной женщинѣ...

Старшенскій. Вы все исполнили точно по моему приказанію?

Управляющій. Все точно.

Старшенскій. Такъ что и послѣдняго не придется дѣлать?

Управляющій. Да. Все сдѣлано, и больше дѣлать нечего.

Старшенскій. Разсказывай дальше.

Управляющій. Но это было исчадіе ада, а не женщина. Она лгала и обманывала его,—его, который былъ честенъ и чуждъ лжи. Она предала его и покрыла его позоромъ.

Старшенскій. Гдѣ она это сдѣлала?

Управляющій (указывая на кровать). Здѣсь, графъ Старшенскій.

Старшенскій. На этой постели, думаешь ты?

Управляющій. Да.

Эльга. Вы съ ума сошли оба! Помогите! Помогите! (Она жмется къ стѣнкѣ, вся дрожа, какъ загнанная).

Старшенскій (спокойно). Пани Эльга, успокойся. Съ тобою ничего не будетъ. Зажги свѣчи.

Управляющій. Сейчасъ, господинъ. (Зажигаетъ свѣчи въ канделябрахъ).

Эльга (какъ помѣшанная, неподвижно глядитъ на свѣчи). Дортка! Огинскій! Меня душитъ. Я не хочу спать. Разбуди меня, Дортка. Занавѣсъ черный! Какъ же я не видала его? Я ужъ видѣла эти свѣчи во снѣ. Почему ты не будишь меня? Я не хочу видѣть сонъ!

Старшенскій. Успокойся, пани, успокойся. Тебя не тронутъ. Но ты не сонъ видишь, пани. Ты наяву. Только не лги! Не лги въ этотъ страшный часъ! Ты исполнена грѣха! Ты не чиста. И все же скажи одно слово. Ты не любишь больше Огинскаго.

Эльга (почти визжитъ, въ безумномъ страхѣ). Я уже сказала, ты мнѣ не вѣришь.

Старшенскій. Заклинаю тебя именемъ Бога, если это правда, ты чиста для меня: такъ подойди ко мнѣ и будь моей женой!

(Въ это мгновеніе всѣ свѣчи зажжены. По знаку Старшенскаго занавѣсъ раздвигается, и на постели виденъ задушенный Огинскій. Эльга, только-что собравшаяся послѣдовать словамъ Старшенскаго и подойти къ нему, при видѣ покойника останавливается, внезапно остолбенѣвъ. Кажется, какъ будто ее совсѣмъ помимо воли притягиваетъ къ себѣ покойникъ. Глухо стеня, она бросается на трупъ. Послѣ довольно продолжительнаго молчанія Старшенскій говоритъ измѣнившимся, растроганнымъ голосомъ).

Старшенскій. Эльга!

Эльга (не отвѣчаетъ).

Старшенскій (настоятельнѣе и задушевнѣе, приближаясь къ ней). Эльга!

Эльга (приподнимаясь, полная ненависти, какъ волчица, защищающая своего дѣтеныша). Не прикасайся къ нему!

)ТАРШЕНСКІЙ (стараясь смягчить, почти умоляюще). Эльга!
)ЛЬГА (медленно приподнимается и отшатывается отъ него, пол- ненависти, ужаса и отвращенія. Затѣмъ разражается). Я нена- ку тебя! Я плюю на тебя!

(Глубокій мракъ окутываетъ комнату. Слышно тихое хоровое пѣніе аховъ, какъ въ первой сценѣ. Въ окна проникаетъ предразсвѣтная а. На медленно краснѣющемъ фонѣ утренняго неба можно посте- но различить силуэтъ нѣмецкаго рыцаря; въ комнатѣ больше никого ъ. Черныя занавѣси передъ пустой кроватью раздвинуты. Раз- тся стукъ).

Рыцарь. Кто тамъ? Войдите!
Слуга (входитъ). Пора въ дорогу, господинъ! Намъ надо ать!
Рыцарь. Ну, Петеръ, ты во-время пришелъ. Поѣдемъ. орѣе на коня! И въ міръ—живой и свѣтлый!
Слуга. Какъ, намъ не поѣвши уѣзжать? Братья у за- рени.
Рыцарь. Скорѣй вонъ отсюда! Я бы не хотѣлъ больше дѣть никого изъ братьевъ! Ко мнѣ приходилъ одинъ изъ хъ вчера ночью. Прочь отсюда на свѣжій воздухъ! На ней! Меня давилъ какой-то тяжелый сонъ,—тяжелый, какъ ерть. Помилуй насъ, Господи! Буду я помнить эту ночь , монастырѣ!

(Занавѣсъ падаетъ).

ШЛЮКЪ и ЯУ.

Шуточное представленіе въ шести приключеніяхъ.

Переводъ В. С. Лихачова.

Сляй. Почему штука? Бываетъ штука матерія?

Пажъ. Нѣтъ, это матерія историческая.

Сляй. Ну, ладно,—тамъ видно будетъ. Мадамъ-жена, садись рядомъ со мной. Все къ чорту! Моложе не будемъ!..

(Шекспиръ. «Усмиреніе строптивой». Прологъ. Переводъ Гнѣдича).

По времени написанія полуреальная, полуфантастическая комедія «Шлюкъ и Яу» (Schluck und Jau) слѣдуетъ непосредственно за рѣзко-реалистическимъ «Возчикомъ Генпелемъ». Послѣдняя драма появилась въ 1898 году, «Шлюкъ и Яу» въ 1900-мъ, въ одинъ годъ съ «Михаэлемъ Крамеромъ». 3-го февраля 1900 года комедія была представлена въ «Нѣмецкомъ театрѣ» въ Берлинѣ и была, можетъ-быть, первою пьесою Гауптмана, о положительномъ неуспѣхѣ которой можно говорить. Она выдержала небольшое количество представленій и больше не возстановлялась.

Гауптману, какъ кажется, до извѣстной степени уже предносилась возможность подобнаго неуспѣха. Въ газетныхъ замѣткахъ мелькало заявленіе, что поэтъ написалъ эту пьесу какъ бы между прочимъ, и самъ писатель въ послѣднихъ двухъ стихахъ пролога проситъ видѣть въ пьесѣ не болѣе, какъ беззаботную шутку. «Шлюкъ и Яу» носитъ подзаголовокъ: «представленіе на смѣхъ и глумленіе» (Spiel zu Scherz und Schimpf). Драматургъ, очевидно, хотѣлъ обратить вниманіе читателя не на одну чисто-комическую сторону произведенія, но и на скрытую въ немъ серьезную философски-обличительную идею.

Двое пріятелей-пропойцъ, Шлюкъ и Яу, отрезвляются послѣ попойки на лугу, вблизи охотничьяго замка. Вельможному владѣльцу замка приходитъ шаловливая мысль переодѣть одного изъ нихъ въ княжеское платье и перенести его въ покои. Яу стараются увѣрить и увѣряютъ, что онъ не горькій пьяница-бродяжка Яу, а высокородный князь. Спохмелья и отъ невеликаго ума онъ въ самомъ дѣлѣ вѣритъ мистификаціи. Онъ вѣритъ даже, что приводимая къ нему женщина есть дѣйствительно его сіятельная жена, а не переодѣтый Шлюкъ. Грубая натура проповицы проявляетъ себя во всей красѣ въ роли повелителя. Яу все больше и больше входитъ во вкусъ. Опьяненный властью, какъ вчера онъ былъ опьяненъ скернымъ виномъ и пивомъ, Яу становится почти страшнымъ. Потѣха переливается въ жуткіе тона. Пора ее прервать. Владѣлецъ замка обрываетъ комедію. Спящій Яу выносится за ворота. Онъ просыпается на старой лужайкѣ. Съ нимъ рядомъ — его вѣрный Шлюкъ. Онъ въ прежнихъ лохмотьяхъ. Предъ нимъ вмѣсто княжескихъ покоевъ—прежнее разбитое корыто.

Сюжетъ комедіи Гауптмана имѣетъ свою и очень длинную исторію. Онъ тронутъ еще въ сказкахъ «Тысяча и одной ночи». Чтобы отблагодарить купца Гассана, калифъ приказываетъ перенести его, спящаго, во дворецъ, гдѣ его увѣряютъ, что онъ калифъ. Гассанъ успѣваетъ использовать свое калифство посылкою золота своей матери

(отсюда «Калифъ на часъ»). Есть преданіе, что тиранъ Діонисій продѣлалъ такую шутку надъ льстецомъ Дамокломъ. Есть другое сказаніе у бургундскихъ историковъ, будто бы такую комедію съ однимъ пьянымъ бѣднякомъ сшутилъ нѣкогда Филиппъ Добрый. На томъ же мотивѣ построена знаменитая драма Кальдерона: «Жизнь есть сонъ».

Тема новеллы изъ «Тысячи и одной ночи» въ предшекспировскія времена не разъ была тронута въ разныхъ англійскихъ сборникахъ анекдотовъ и историческихъ фактовъ. Датскій драматургъ Гольбергъ взялъ эту фабулу для одной изъ своихъ комедій. Изъ нѣмцевъ ее бралъ Грильпарцеръ *).

Изъ одного англійскаго источника почерпнулъ этотъ замыселъ Шекспиръ, и онъ составляетъ основу пролога его знаменитой комедіи «Укрощеніе строптивой». Ближайшимъ образомъ этимъ шекспировскимъ прологомъ и подсказано Гауптману содержаніе его комедіи. Нѣмецкій драматургъ прямо не указываетъ этого, какъ, напримѣръ, сдѣлалъ это въ «Эльгѣ» въ отношеніи Грильпарцера. Но онъ беретъ эпиграфомъ къ пьесѣ послѣднія строки шекспировскаго пролога, совершенно явно и честно отсылая читателя къ первоисточнику своей вещи.

Какъ и у Гауптмана, въ прологѣ Шекспира знатный лордъ продѣлываетъ мистификацію надъ случайно встрѣченнымъ пьяницей.

— Я сдѣлать опытъ съ нимъ хочу: пьянчугу
Перенести на мягкую постель,
Надѣть одежды тонкія, украсить
Перстнями пальцы, рядомъ столъ накрыть,
Побольше блюдъ и слугъ. Проснется нищій
И самъ забудетъ, кѣмъ онъ прежде былъ»...

Ошеломленнаго Сляя такъ же, какъ Шлюка, увѣряютъ въ мнимой болѣзни-бредѣ, въ которой онъ будто бы забылъ о своемъ величіи, такъ же приводятъ къ нему переряженнаго женщиной мужчину, пажа Бартоломео, и т. д.

Первообразъ гауптмановскихъ Шлюка и Яу — шекспировскій мѣдникъ Сляй. Гауптманъ какъ бы раздвоилъ его. Справедливо нѣкоторые критики видятъ это въ самыхъ именахъ гауптмановскихъ героевъ. Въ нѣмецкомъ переводѣ шекспировскій герой Sly (русское Сляй) именуется Schlau. Гауптманъ какъ бы разбилъ это имя надвое, использовавъ его и для Шлюка и для Яу.

Если бы названію комедіи Гауптманъ и не предпослалъ строки, отмѣчающей «поруганіе», «глумленіе», другими словами, идейно-сатирическій смыслъ ея,—вдумчивый читатель не могъ бы не почувствовать этого самъ. Шутка Гауптмана далеко не такъ беззаботна, какъ это заявляетъ въ прологѣ охотникъ, открывающій комедію. Здѣсь есть не только чему посмѣяться,—есть и надъ чѣмъ задуматься. Не только здравомыслъ комедіи Карлъ, или Рандтъ, но даже и Яу иногда говорятъ вещи, которыя умѣстны въ устахъ философа. «Въ дѣлахъ правленья,—говоритъ Іонъ Рандтъ:—шутамъ везетъ, смотри. Еще немного—и вмѣсто палки, скипетра шутовъ, махать онъ плетью станетъ». «Что барамъ, что шутамъ служить—все хамство»,—роняетъ Карлъ. «Мы бредимъ, и у каждаго бываютъ часы на дню, когда себѣ онъ скажетъ:—теперь проснись, ты бредилъ до сихъ поръ»,—говоритъ тотъ же персонажъ.

---

*) Обстоятельныя указанія на эволюціи этой темы см. въ „Соч. Шекспира", изд. Брокгауза и Ефрона, т. I, въ предисловіи З. А. Венгеровой къ „Укрощенію строптивой".

Можетъ быть не одно толкованіе идейнаго смысла гауптмановской комедіи. Что всѣ земныя блага мимолетны, какъ сонъ, эта безспорная мораль восточнаго сказанія намъ кажется слишкомъ общей для гауптмановской пьесы, хотя на минуту на ней и останавливается Гауптманъ. «Къ тѣмъ предметамъ, что окружаютъ насъ, ничуть не ближе мы, чѣмъ ко снамъ, не ближе, чѣмъ и Яу... И вотъ любой изъ насъ—онъ развѣ больше, чѣмъ голый воробей, чѣмъ этотъ Яу? Вѣдь мы немногимъ больше значимъ въ жизни. Все счастье наше—въ мыльныхъ пузыряхъ. Мы сердце выдуваемъ имъ и тѣшимъ игрою красокъ взоръ...» Что жизнь есть какъ бы сонъ, и только смерть несетъ человѣку пробужденіе—эту же мысль, но уже серьезно и трагически, Гауптманъ развилъ въ слѣдовавшей за «Шлюкомъ и Яу» своей драмѣ о художникѣ Крамерѣ.

Мысль Сенеки, что наслаждаться и радоваться можетъ только человѣкъ благородный, справедливый и воздержный, несомнѣнно вдохновила перомъ Шекспира, когда онъ писалъ прологъ къ «Усмиренію строптивой». Конечно, могъ быть не чуждъ ея и Гауптманъ. Этотъ идейный смыслъ пьесы со всею силою выступаетъ въ концѣ пятаго приключенія, гдѣ ошалѣвшій и озвѣрѣвшій отъ сознанія власти Яу превращается изъ добродушнаго и растерявшаго бродяжки въ чудовище деспотіи, въ маленькаго Навуходоносора. Можно представить, какъ въ исполненіи большого таланта въ комической роли Яу зазвучатъ тона истинной трагедіи, когда Яу восклицаетъ: «Король.. что мнѣ король! Пусть сапоги мнѣ чиститъ!.. Одинъ мой мизинецъ на ногѣ больше значитъ, чѣмъ весь король съ верху до низу... Скажу: «да будетъ снѣгъ»—и будетъ снѣгъ, «да будетъ дождь» — и будетъ дождь... Я князь. Я князь... Да что тамъ князь, — король!..» Едва ли, далѣе, можно принять толкованіе нѣкоторыхъ критиковъ, видящихъ въ «Шлюкѣ и Яу» протестъ драматурга противъ грубыхъ жизненныхъ контрастовъ и несправедливостей судьбы и людей, противъ насилій надъ человѣческой личностью. Въ шуткѣ надъ недалекимъ Яу на самомъ дѣлѣ трудно усмотрѣть какія-либо вѣянія скорбнаго и строгаго протеста. Самъ по себѣ экспериментъ, совершаемый трезвыми людьми надъ его полупьянымъ сознаніемъ, не содержитъ въ себѣ ничего драматическаго и злого. Много серьезнѣе всѣхъ этихъ комментаріевъ намъ кажется тотъ, который видитъ въ этой трагикомедіи иллюстрацію суетности человѣческаго величія и человѣческой власти. Невыспавшійся пьяный шутъ равенъ королю. Власть равно опьяняетъ обоихъ. Различіе положеній не такъ ужъ огромно. Небольшая разница, если на золоченномъ креслѣ сидитъ высокородный властелинъ, или пропоица-босякъ, вчера вытащенный изъ канавы. И когда владѣльца замка, какъ молнія, озаряетъ эта мысль,—обезумѣвшій на своемъ княжескомъ мѣстѣ Яу кажется ему страшнымъ, и онъ видитъ необходимость положить шуткѣ конецъ. «Достаточно, давайте сонныхъ капель!»

По идеѣ въ параллель комедіи Гауптмана можно поставить одну изъ хорошихъ пьесъ позднѣйшаго репертуара—«Арлекинъ» Рудольфа Лотара.

То фантастическіе, то ярко-реалистическіе тона, чередующіеся въ «Шлюкъ и Яу», ставятъ комедію въ родство то съ «Потонувшимъ колоколомъ» (1896), то съ «Геншелемъ» (1898). По яркости натуралистической окраски и Шлюкъ и Яу справедливо могутъ быть отнесены къ однимъ изъ удачныхъ реалистическихъ фигуръ нѣмецкаго драматурга. Гауптманъ подчеркиваетъ ихъ реальность и тѣмъ

силезскимъ нарѣчіемъ, которымъ все время говорятъ оба гуляки, въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ комедіи, и которое составляетъ существенную трудность для переводчика.

Добродушный нахалъ Яу, въ которомъ пробуждается звѣрь только отъ соприкосновенія съ золотомъ и властью, но который, и сидя на золоченомъ стулѣ, предпочитаетъ первосортному вину привычное пиво, и Шлюкъ, опустившійся и циничный, но по-своему крѣпко-привязанный къ своему собрату и собутыльнику,—выписаны съ обычнымъ гауптмановскимъ мастерствомъ, и здѣсь онъ наиболѣе самобытенъ.

Все остальное въ пьесѣ лишено подобной красочности. Іонъ Рандъ, Карлъ, Мальмштейнъ, фрау Аделунъ—почти не поддаются характеристикѣ. Для Гауптмана, поставившаго идейный интересъ комедіи въ самомъ сюжетѣ и въ двухъ главныхъ фигурахъ, эти побочныя лица были просто неинтересны, необходимы только для того, чтобы приходила въ движеніе пружина замысла, и онъ лишь слегка намѣтилъ ихъ рисунокъ.

Рядомъ съ этими грубо-реальными двумя образами—и въ данномъ случаѣ можно подчеркнуть прямо исключительную, несвойственную Гауптману грубость частностей, вульгарность рѣчей, очевидно, навѣянную Шекспиромъ,—рядомъ съ этими образами—нѣжными, почти акварельными тонами вырисовывается образъ поэтической Зидзелили. Нѣмецкая критика по поводу ея не разъ вспоминала Раутенделейнъ. Въ этомъ есть значительная доля правды. Дымка грусти, какою обвѣяна прекрасная принцесса, казалось бы, такъ щедро взысканная счастьемъ, грѣющаяся въ лучахъ любви преданнаго ей человѣка и тѣмъ не менѣе вѣчно тоскующая и полная какого-то неяснаго стремленія,—стоитъ, можетъ-быть, не въ очень близкомъ, но въ несомнѣнномъ родствѣ съ свѣтлой феей изъ «Потонувшаго колокола».

Вліяніе Шекспира, сказывающееся на обрисовкѣ фигуры Шлюка, и на манерѣ его остроумія и рѣчи, и въ переходахъ отъ стиховъ къ прозѣ, и на нѣкоторой непривычной для Гауптмана вульгарности рѣчей Яу,—сквозитъ иногда и изъ монологовъ, которыхъ нѣтъ надобности выписывать (достаточно, напримѣръ, вспомнить разсужденія о «голомъ воробьѣ» или описаніе любви Ранда къ Зидзелили и т. п.). Въ чисто шекспировскую буффонаду впадаетъ Гауптманъ, когда, напримѣръ, приводитъ переодѣтаго Шлюка къ Яу.

Вліяніе Шекспира чувствуется даже въ языкѣ Шлюка и Яу. Растерянно-неврастеническая рѣчь Шлюка съ частымъ повтореніемъ одного и того же слова обращенія («милостивая государыня») и т. п. заставляетъ вспоминать манеру рѣчи и Сляя и другихъ комическихъ персонажей шекспировскихъ пьесъ, въ родѣ Спида и Лаунса изъ «Двухъ веронцевъ».

Небезосновательно нѣкоторые критики видятъ на пьесѣ также вліяніе Метерлинка. Имъ кажется несомнѣннымъ, что въ образѣ принцессы Зидзелиль постоянно прорываются настроенія, выдающія, что силезскій поэтъ изучалъ если не самого Метерлинка, то авторовъ его школы и ближайшимъ образомъ Гуго фонъ-Гофмансталя.

Въ проведеніи своей идеи, что жизнь есть сонъ, а сонъ есть жизнь—Гауптману, по словамъ его критика Ландсберга, представлялся двойной путь. Либо комедія должна была стать политической сатирой на институтъ власти, либо свестись къ безобидно-комической, почти грубобалаганной шуткѣ. Авторъ критическаго памфлета на Гауптмана видитъ лишь зачатки здѣсь политической сатиры. Онъ рѣшаетъ, что драматургъ прямо избралъ второй путь. «Шутка и должна остаться шут-

кой. Все должно быть представлено какъ можно сумасброднѣй и удалѣй. Изъ развитія произведенія все яснѣе видно, что это и есть намѣреніе Гауптмана... До четвертаго акта дѣйствіе развивается прекрасно... Въ сценѣ пира мы ждемъ главнаго удара. До сихъ поръ все было лишь подготовленіемъ... Между тѣмъ комизмъ поэта оказался совершенно несостоятельнымъ. Какой печальной и нѣмой остается эта маскарадная шутка!.. Гауптманъ могъ бы поставить шутку и серьезнѣе, сонъ и жизнь такъ бѣшено переплести другъ съ другомъ, что нельзя было бы придти въ себя отъ опьянѣнія этимъ задорнымъ весельемъ. Но для этого Гауптману не хватаетъ свободно-творящей фантазіи».

Въ пьесѣ Гауптмана много юмора и много мысли. Шлюкъ и Яу оба ярко комичны. Чудесные штрихи прорываются въ особенности въ сценѣ опьянѣнія Яу властью и во встрѣчѣ съ переодѣтымъ Шлукомъ.

Къ слабымъ сторонамъ пьесы относится сильная ея растянутость. Въ самомъ дѣлѣ, для сравнительно маленькаго сюжета шести актовъ слишкомъ много. Не лишено серьезности замѣчаніе, что «Гауптманъ произвелъ въ герои двухъ людей, которые по природѣ своей могутъ быть лишь второстепенными фигурами» (Ландсбергъ).

Слишкомъ обильно говорятъ Шлюкъ и Яу. Слишкомъ много философствуютъ Рандъ и Карлъ въ ущербъ живому дѣйствію комедіи. Только бьющая ключомъ веселость могла бы оправдать изобиліе картинъ, показывающихъ чванствующаго Яу.

Такой веселости въ пьесѣ нѣтъ. Она мало оживлена, нѣсколько монотонна, движенія въ ней слишкомъ мало. Все это послужило виной сценическаго неуспѣха комедіи вмѣстѣ съ тѣмъ повышеннымъ ожиданіемъ отъ Гауптмана, которое всегда было присуще берлинцу и которое всегда невыгодно для драматурга. Зритель оживляется только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ Гауптманъ, рисуя трезво-реальные образы двухъ гулякъ, чувствуетъ себя поистинѣ какъ дома. Изображеніе Зидзелили, подтверждающее всегдашнее влеченіе Гауптмана къ чисто-поэтическимъ настроеніямъ, согрѣваетъ комедію лучами поэзіи. Это признаётъ даже критика, неблагопріятная Гауптману (Бартельсъ). «Если прекрасная Зидзелиль и не стала вполнѣ живымъ лицомъ, все же тотъ актъ, гдѣ участвуетъ она и Шлюкъ, остается лучшимъ въ пьесѣ» (Ландсбергъ).

Но даже соглашаясь съ Ландсбергомъ, что «Шлюкъ и Яу» есть произведеніе мало самобытное и «совершенно въ шекспировскомъ духѣ», нельзя не видѣть того *своего*, что̀ внесъ сюда Гауптманъ. Рабскаго подражанія здѣсь нѣтъ. И очень справедливо замѣчаніе критика Леопольда Шонгофа, что въ сердца такихъ голяковъ, какъ Шлюкъ и Яу, Гауптманъ вложилъ такое сознаніе человѣческаго достоинства и цѣнности каждаго созданія, которыя врядъ ли могли родиться въ шекспировскія времена.

Думы и настроенія современнаго человѣка звучатъ здѣсь. И на этотъ разъ, какъ видимъ, Гауптманъ остается вѣренъ тому началу модернизаціи старыхъ замысловъ, какой часто намъ приходилось въ немъ отмѣчать.

ШЛЮКЪ И ЯУ.

Шуточное представленіе въ шести приключеніяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Іонъ Рандъ.
Карлъ.
Мальмштейнъ.
Зидзелиль.
Фрау Адезуцъ.
Яу.
Шлюкъ.
Хадитъ.
Дворецкій.
Шутъ.
Маховщикъ.

Фрейлины, горничныя, охотники, музыканты, слуги и всякій придворный людъ.

ПРОЛОГЪ.

Произносящій прологъ, въ видѣ охотника, съ рогомъ, выходитъ изъ-за раздвинутой зеленой завѣсы, какъ бы передъ охотничьимъ собраніемъ, для котораго, по обычаю, разыгрывается въ парадной залѣ замка предлагаемое зрѣлище.

Хозяину охоты мой поклонъ,
А съ нимъ и всѣмъ гостямъ достопочтеннымъ,
Предавшимся и тѣломъ и душою,
Какъ мы, защитѣ Губерта святого.
Охота отцвѣла. Вновь на исходѣ
Поры осенней шумныя утѣхи.

акъ подъ стекломъ, застылъ и замеръ прудъ.
селаго не слышно лая гончихъ;
красныя и соловыя стаи
бѣлыя—на псарняхъ залегли:
баки видятъ спы иль свѣжихъ ранъ,
инкомъ слюнявымъ вепря причиненныхъ,
лизываютъ сшитые края.
леней, барсуковъ, лисицъ и рысей
битыхъ—тьма; въ подвалѣ на веревкѣ
исятъ дрозды, фазаны, куропатки;
господинъ Косой, что̀ на землѣ
о ровнымъ лишь мѣстамъ при жизни рыскалъ,—
отъ подъ окномъ сторожки пріютился:
огъ вѣсть, какъ занесло его туда.
окончены веселыя пирушки,
ослѣднее затихло «у-лю-лю»,
завтра на зарѣ гостей ужъ въ домѣ
и одного. Покинутый, онъ будетъ
ишь башнями своими возноситься
адъ чащею лѣсовъ необозримыхъ;
будутъ эти своды слышать только
квозь шумъ лѣсной совы ночные стоны,
рикъ сарыча да хлопанье крылами
ильцовъ на голубятнѣ капеллана.
очтенные охотники, дозвольте
аздвинуть разъ-другой завѣсу эту,
ой-что вамъ показать и сдвинуть снова.
ишь бѣглый взглядъ на сцену бросьте, если
е привлечетъ его сильнѣе кубокъ,
грубую вещицу эту выше
здѣлія причуды не цѣните.

ПЕРВОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ.

еленая поляна передъ высокими желѣзными рѣшетчатыми воротами хотничьяго замка въ лѣсу. Сквозь ворота виденъ старинный дворъ. Ьяный Яу сидитъ на краю площадки, сильно крича и корчась. Ме-ѣе пьяный Шлюкъ суетливо обхаживаетъ его. У Яу на ремнѣ щикъ изъ-подъ сигаръ съ коробочками, наполненными мятой. Въ сто-ронѣ нищенская сума Шлюка. Издалека слышны охотничьи рога.

Яу. Паренекъ, паренекъ, паренекъ, паренекъ. Стой, па-ренекъ, слушай, паренекъ. Такъ у насъ ничего не выйдетъ. Одна коробочка, двѣ коробочки, три коробочки! Стало-быть,

одна, двѣ, три коробочки. Ну? невѣрно, скажешь? Трижды одна три! трижды три девять! Готово, готово, шабашъ. Вѣрно, паренекъ?

Шлюкъ. Нѣтъ, ты только смотри, ты только смотри, все у тебя вѣрно, примѣчай только. Не ворошн, не ворошн! Одна коробочка! двѣ коробочки! И выходитъ восемь да два десять—и ужъ это самое настоящее число. Нѣтъ, ты меня не перебивай! худого тутъ ничего. Теперь пойду, раздобуду сороковочку.

Яу. Одна коробочка! двѣ коробочки! А три стало-быть девять, а шесть стало-быть четыре, а ежели ты сію секунду не пойдешь, такъ я тебѣ покажу, паренекъ, понялъ?

Шлюкъ. Нѣтъ, ты только потише, а я иду.

Яу. Сороковку чтобъ сію секунду. Одна коробочка! двѣ коробочки! А ежели ты еще разъ останешься у моей бабы, у моей бабы останешься, когда меня тамъ нѣтъ, пойдешь ты ежели къ моей бабѣ, пока я здѣсь, у моей бабы останешься, пока я здѣсь, такъ пересчитаешь ты у меня ступеньки, это ужъ вѣрнѣй вѣрнаго!

Шлюкъ. Ради Бога, чего ты кричишь?

Яу. Хочу и кричу, какъ два осла кричать буду, и никто мнѣ ничего. Пусть всѣ слышатъ. Ступай, тащи посудину, ступай вонъ туда и тащи... Что? Чего еще? Штаны у тебя отяжелѣли? Паренекъ, говорю тебѣ, живо! Живо, говорю тебѣ.

Шлюкъ. Думается мнѣ, что ничего не достану.

Яу. Выпить хочу! Водки хочу! Хоть бы шкуру пропить пришлось! хоть бы домишко пропить пришлось! хоть бы жену пропить пришлось! хоть бы семерыхъ ребятишекъ пропить пришлось! хоть бы кровать пропить пришлось! хоть бы горшокъ пропить пришлось...

Шлюкъ. Ты! Яу! Ты! слушай! Ты! Другъ я тебѣ? Да? Что? Ну, такъ посиди спокойно, а я принесу, только посиди спокойно! Не то подумаютъ, что мы ужъ одну усидѣли.

Яу (бормочетъ). Одна коробочка! двѣ коробочки!

Шлюкъ. Люди идутъ, не спи.

(Мимо проходитъ охота. Впереди охотникъ съ убитой лисицей за нимъ стаи собакъ. Потомъ охотники, трубящіе въ рога. Дальше Іонъ Рандъ въ сопровожденіи Карла. Шествіе заключаетъ Мальмиштейнъ съ остальными охотниками-гостями).

Іонъ Рандъ.

Ужъ слѣдъ простылъ, я говорю тебѣ,
Ужъ слѣдъ простылъ.

Карлъ.

Положимъ! А сорока?
Хваленый песъ твой взялъ сороку?

Іонъ Рандъ.

Кто-жъ
Сорокъ стрѣляетъ?

Карлъ.

Я!

Іонъ Рандъ.

Ну, ты, конечно!
Ты не брезгливъ, а носъ моей Вандины
Брезгливъ: брезгливъ, какъ лакомки языкъ,
Брезгливѣй даже, и ему противна
Такая дичь. Сорока вѣдь воняетъ.

(Примѣчаетъ Шлюка, хлопочущаго возлѣ Яу, прерываетъ рѣчь и спрашиваетъ)

Какъ звать тебя, молодчикъ?

Шлюкъ.

Шлюкъ!

Іонъ Рандъ.

Въ чемъ дѣло?

Шлюкъ. Ахъ, изволите видѣть, господинъ хорошій,— не во гнѣвъ будь вамъ сказано, изволите видѣть: хлопочу я возлѣ пріятеля, приключилось съ нимъ что-то.

Карлъ. Онъ по временамъ даже рыгаетъ.

Шлюкъ. Изволите видѣть: мы люди бѣдные, господинъ хорошій! мы очень бѣдные люди, господинъ хорошій! по истинной правдѣ, добрый господинъ.

Іонъ Рандъ. А чѣмъ боленъ малый?

Шлюкъ. Падучая у малаго, изволите видѣть, по истинной правдѣ, добрый господинъ! Падучая у малаго. Изволите видѣть, люди мы бѣдные, и одолѣваютъ насъ оттого всякія болѣзни, ваша милость.

Іонъ Рандъ. Падучая? А что это за болѣзнь такая, скажи-ка мнѣ?

Шлюкъ. Вотъ ужъ не знаю, добрый господинъ! по истинной правдѣ.

Іонъ Рандъ. Такъ! просто онъ пьянъ, твой пріятель.

Шлюкъ. И это есть, добрый господинъ! Тутъ ужъ ничего не скажешь, добрый господинъ! Да только изволите видѣть: пьетъ-то онъ, понимаете, отъ горестей да отъ забота. Мы люди бѣдные, мы отъ заботъ пьемъ, ей-Богу, а не отъ озорства, господинъ хорошій!

Іонъ Рандъ. А что у него тамъ въ правой рукѣ?

Шлюкъ. Сѣрничокъ.

Іонъ Рандъ. Не думаю.

Шлюкъ. Сѣрничокъ, какъ передъ Богомъ! Только вотъ изволите видѣть, по истинной правдѣ: въ головѣ у меня не совсѣмъ ладно, добрый господинъ. Изволите видѣть, жена у меня прачка... мы, простые люди, извѣстно, говоримъ: баба. Вы ужъ извините, ежели я такъ и говорить буду. Не очень-то я на этотъ счетъ маракую, добрый господинъ!

Іонъ Рандъ. У него браслетъ на рукѣ.

Шлюкъ. Приходится носить, ничего не подѣлаешь. Это я противъ ломоты въ костяхъ ношу, и вотъ изволите видѣть: у моей бабы есть сестра, а у той мужъ, а у того братъ, и, вотъ изволите видѣть, это онъ самый и есть, добрый господинъ.

Іонъ Рандъ.

Чудакъ на удивленье. Мнѣ-бъ хотѣлось
При свѣтѣ разглядѣть его поближе.

Мальмштейнъ.

А знаете другого, государь?
Пропащая душа, безпутный Яу.

Іонъ Рандъ.

Бездѣльники! пропойцы! оборванцы!
Что къ замку моему васъ притянуло?
Ужъ, кажется, совсѣмъ онъ въ сторонѣ
И на кабакъ не смахиваетъ вовсе.
Иль на большой дорогѣ стало тѣсно?
Бродяги! сволочь! кто же вамъ позволилъ
Тащить свой пьяный чадъ къ моимъ тюльпанамъ
И жирныя раскидывать утробы
Вблизи садовъ цвѣтущихъ Зидзелили?
Кто я такой?

Шлюкъ. Ахъ, добрый господинъ! изволите видѣть, у

меня и въ мысляхъ не было оскорбить васъ. Изволите видѣть, я уже примѣтилъ, что вы изъ важныхъ господъ, это прямо надо сказать, да только изволите видѣть: какъ передъ Богомъ, я не воръ. Меня во всѣхъ графскихъ и княжескихъ домахъ знаютъ, я старыя вещи выискиваю, скупаю. Есть у васъ старое, ненужное обручальное колечко—куплю. Есть у васъ старыя монеты, либо старыя цѣпочки, либо старые кабаньи клыки, либо старые кораллы, либо старый судейскій мечъ, либо старая утварь, либо старыя частицы мощей, либо пара старыхъ юфтяныхъ сапогъ — все куплю, изволите видѣть. Чего я только ни умѣю! Ловкачъ на рѣдкость. Изъ материнской утробы ловкачомъ вышелъ. Съ мѣста на мѣсто перехожу, и, куда ни приду, изволите видѣть, всѣ диву даются, какой я ловкачъ.

Іонъ Рандъ.

Ну, шутъ, за эту кучу словъ дурацкихъ
Отъ Вельзевула жди себѣ награды.
Прочь съ глазъ моихъ, опившаяся тварь!
А этого въ колодки, за рѣшетку!
На будущее время, сенешаль,
Чтобъ намъ, при возвращеніи съ охоты,
Не попадалась больше эта нечисть:
Иначе, Богъ свидѣтель, прикажу
Спустить собакъ, и, что потомъ случится,
Ужъ дѣло не мое.

Карлъ.

Іонъ Рандъ, Іонъ Рандъ!
Хоть прикажи зажарить ихъ! Получше
Совѣтъ я далъ бы, Іонъ, клянусь сосцами
Моей кобылы, Іонъ, на много лучше,
Чѣмъ пѣтухомъ индѣйскимъ надуваться.

Іонъ Рандъ.

Ты помолчалъ бы Карлъ!

Карлъ.

Бей въ рантъ, Іонъ Рандъ!

Іонъ Рандъ.

Въ рантъ не хитро; а попади-ка въ точку.

Карлъ.

Да вѣдь твои олени, Іонъ, коровы,
Слѣпой батракъ ихъ перебьетъ дубиной:
Дать промахъ легче, Іонъ, чѣмъ въ цѣль попасть.

Іонъ Рандъ.

Что̀ этотъ негодяй тамъ копошится?

Шлюкъ (хлопочетъ возлѣ Яу). Изволите видѣть, господинъ хорошій! Я тутъ въ отвѣтѣ, изволите видѣть: не хватаетъ мнѣ силы, силы и мочи мнѣ не хватаетъ. Мнѣ бы этого малаго себѣ на спину взвалить, изволите видѣть, ужъ такая моя обязанность. Я честный человѣкъ, и Яу честный человѣкъ. А честнымъ людямъ тоже выпить хочется, изволите видѣть! Тутъ-то я и въ отвѣтѣ, надо правду сказать.

Яу (поетъ во снѣ).

Какъ только выстроили домъ,
Онъ спать въ него залегъ.
Пришла маркграфова жена
И стала передъ нимъ.

Іонъ Рандъ.

Сказалъ ужъ я: въ колодки! за рѣшетку!
Пусть въ пьяномъ снѣ заводитъ шуры-муры
Съ маркграфовой женой. Убрать скорѣе.
Что̀ возишься ты съ мертвою кишкою?
Разсудка твоего огарокъ жалкій
Домой тебѣ укажетъ путь. Ложись-ка
Въ постель къ своей, пропахшей мыломъ, феѣ
Да Богу благодарность вознеси
За то, что уберегъ тебя отъ взбучки.

Шлюкъ. Господинъ хорошій, изволите видѣть, меня отъ страху даже потъ прошибъ, господинъ хорошій! Ежели бы только я смогъ въ чемъ вамъ услужить, я бы осмѣлился просить васъ: посадите меня за рѣшетку, а его отправьте домой. Это вѣдь мой добрый пріятель, долженъ вамъ сказать, обязанъ вамъ сказать, добрый господинъ! тутъ особенныя обстоятельства. Очень я ему преданъ, изволите видѣть. Высокія у него мысли, ваша честь! Хоть и плоховато онъ одѣтъ, а летаетъ высоко.

Іонъ Рандъ.

Какъ носится онъ съ этой винной бочкой!

Мальмштейнъ.

Изъ этихъ двухъ шутовъ, прошу прощенья,
Король всегдашній—Яу, канцлеръ—Шлюкъ.

Карлъ.

Не только канцлеръ, нѣтъ, а что придется,
Вѣдь такъ? То канцлеръ, то оруженосецъ,
Слуга, казнохранитель, кравчій, поваръ,
И это все съ неутомимымъ рвеньемъ.

Мальмштейнъ.

Что не легко подчасъ бываетъ, сударь!
Причуды короля сносить, въ сравненьи
Съ причудами вотъ этого пройдохи,
Пустячный трудъ. Накроешь ихъ, случалось,
То на ошибкѣ, то въ лжи, и видишь:
Играетъ Яу скипетромъ, а канцлеръ,
Слуга, казнохранитель, кравчій, поваръ,
Конюшій—спитъ въ конюшняхъ онъ частенько—
Лишь корчится, какъ пудель въ дрессировкѣ.

Шлюкъ. Нѣтъ, добрый господинъ! съ позволенія вашего, добрый господинъ! ничего такого не было, добрый господинъ, изволите видѣть.

Іонъ Рандъ.

Такъ этого въ тюрьму! другого въ башню!
А завтра ихъ ко мнѣ на судъ обоихъ.
Есть у него что возразить на это?

Шлюкъ. Нѣтъ. Что дальше будетъ, то ужъ я, изволите видѣть, на волю Божью предоставляю. И то я нечаянно много лишняго наболталъ, надо правду сказать.

(Шлюка уводитъ).

Іонъ Рандъ.

Такъ что-жъ ты посовѣтовать мнѣ хочешь?

Карлъ.

Возьми соломы вдоволь да смолы
И навали плотнѣе у трактира,
Который на землѣ своей ты терпишь.
Потомъ кремень возьми, огниво, трутъ,
Зажги и дай сгорѣть. Пусть въ груду пепла

Трущоба обратится... За рябиной
Летятъ дрозды, на падаль псы бѣгутъ,
А пьяницы за десять миль ужъ чуютъ,
Гдѣ есть кабакъ. Но это лишь прологъ.
Сластями объѣдаться—вредъ желудку.
Одинъ медовый мѣсяцъ за другимъ,
И Зидзелили стало въ замкѣ скучно.
Будь я тобой, Іонъ Рандъ, такую-бъ ей
Комедію представилъ, что, ей-Богу,
Какъ девяностолѣтняя старуха,
Малютка хохотала бы.

Іонъ Рандъ.

Идетъ!
Давай комедіанта!

Карлъ.

Гдѣ-жъ найдете
Вы лучшаго, чѣмъ тотъ рыгунъ искусный?
А храпомъ-то онъ развѣ не заставитъ
Трястись подмостки? Дайте мнѣ свободу:
И завтра же комедію съ двумя
Героями—одинъ лежитъ въ колодкахъ—
Увидите такую, что отъ смѣха,
Какъ уксусомъ ошпаренные карпы,
Не сможете вздохнуть, а Зидзелиль
Прикуситъ язычокъ себѣ отъ счастья.

Іонъ Рандъ.

Расхвастался, убавь наполовину.

Карлъ.

Грудной младенецъ ты? я нянька, что ли?
Разжевывай и въ ротъ тебѣ клади?
Нѣтъ, Іонъ! Въ моихъ словахъ одна лишь правда.
Родникъ забавъ изсякъ въ совѣтѣ нашемъ—
Желудокъ плохъ, и голова плоха!
Не мыслями, паштетами набита...

Іонъ Рандъ.

Да онъ влюбленъ, ей-Богу, онъ влюбленъ
Въ раздувшуюся нечисть, отъ которой
Насъ всѣхъ чуть не стошнило; на здоровье!

Карлъ.

Ты хочешь умереть отъ скуки, Іонъ?
Такъ знай же, Іонъ, ты и умрешь отъ скуки.
Паштетовъ истребитель—твой могильщикъ!
Паштеты вы съ утра уже ѣдите,
И вечеромъ паштеты снова тѣ же,
День за день лишь паштеты да паштеты.
Въ паштетъ переродилось ваше мясо,
Паштетъ—вашъ мозгъ, паштетъ—и сердце ваше,
И все паштетъ простывшій, не горячій.

Іонъ Рандъ.

Друзья, васъ не страшитъ картина эта?
Чуть разсвѣло, какъ человѣкъ ужъ ниже
Скотины палъ. Та ревомъ веселитъ
Просторъ луговъ, сквозь иней бодро дышитъ
И пастбище обхаживаетъ чинно.
Она разсвѣтъ здоровой силой краситъ.
А эти негодяи, что полны
Тончайшихъ чувствъ, плюютъ на прелесть утра,
Плевкомъ въ лицо встрѣчаютъ день прекрасный
И нагло оскверняютъ мирный воздухъ
Противнымъ завываньемъ нечестивыхъ,
Безстыжихъ голосовъ.

Карлъ.

Іонъ Рандъ! Іонъ Рандъ!
Не разъ и я смотрѣлъ на это утро,
Но, Богъ меня прости, прельщенъ имъ не былъ.
Здѣсь эту нечисть пьянство ослѣпило,
И чужды ей всѣ чудеса разсвѣта.
А чѣмъ же ты, Іонъ Рандъ, былъ ослѣпленъ,
Когда, къ плечу свой самострѣлъ прижавши,
Въ козулю дернулъ такъ, что закатились
Глаза у неповинной твари раньше,
Чѣмъ лучезарный день возсталъ изъ мрака.

Іонъ Рандъ.

Я смѣха, Карлъ, желаю, а не слезъ.

Карлъ.

Я тоже вѣдь! До завтра, Іонъ, вѣрь слову,
Съ участіемъ тѣхъ двухъ пьянчужекъ, Іонъ.

Вотъ этотъ пень дастъ свѣжіе побѣги
Въ саду утѣхъ. И отъ чего теперь
Тебя тошнитъ, что̀ изъ хмельного чада
Исторгнуло тебя и обратило
Съ хвалою чистой къ утру золотому,—
Въ томъ почерпнешь ты свѣжесть настроенья.
Что̀ за бѣда, хоть ярмаркой бы даже
Окончился нашъ пиръ иль маскарадомъ?

(Сквозь рѣшетку видны во дворѣ замка дѣвушки, играющія въ мячъ. Зеленый мячъ взлетаетъ высоко въ воздухъ).

А мячъ-то, Іонъ, куда махнулъ! Вотъ если-бъ
Его, какъ я, ты видѣлъ, Іонъ,—изъ тѣни
Летѣлъ онъ къ солнцу,—если-бъ видѣлъ
Ты этотъ мячъ зеленый, Іонъ, ручаюсь,
Въ твоей душѣ онъ Бога разбудилъ бы.

Іонъ Рандъ.

Въ рога трубите! Это Зидзелиль!
Она играетъ съ фрейлинами въ мячъ.

(Охотники трубятъ тушъ. Тотчасъ же за рѣшеткой появляются молодыя, красивыя женщины, и между ними камерфрау Аделунцъ. Онѣ разступаются и пропускаютъ къ рѣшеткѣ Зидзелиль. Ворота растворяются, и, съ Зидзелилью во главѣ, приближается пестрое шествіе женщинъ, пажей, старыхъ, полныхъ достоинства, служителей замка, среди которыхъ гофмейстеръ и мѣховщикъ. Музыка смолкаетъ послѣ того, какъ Іонъ Рандъ дважды поцѣловалъ руку Зидзелили).

Іонъ Рандъ.

Привѣтъ отъ сердца козочкѣ моей!
Владычицѣ-волшебницѣ, чьи чары
Въ остывшемъ пеплѣ пламя вызываютъ,
На мертвыхъ шлаковыхъ поляхъ разводятъ
Цвѣтовъ неувядающихъ узоры,
Даруютъ рѣчь безмолвствующимъ рыбамъ
И камни заставляютъ пѣть! Чьи чары
Побѣги молодые изъ тычины
Родятъ съ листвой и въ жернова такъ много
Накачиваютъ музыки, что только
Имъ съ арфой состязаться или съ флейтой.

Карлъ.

А ты играешь, Іонъ, на флейтѣ?

Іонъ Рандъ.

Да,
Кой-какъ, ужъ не по-твоему, конечно.
Ну, говори свой новый мадригалъ!

Зидзелиль. Милый мой, вотъ мѣховщикъ изъ Владистока съ разнымъ товаромъ; ты не купишь мнѣ песцовый плащъ?

Іонъ Рандъ. Скажи: сто!—и я велю повѣсить мѣховщика, если онъ въ три дня доставитъ только девяносто звять.

Мѣховщикъ. Пусть господинъ велитъ меня повѣсить, если я не доставлю мѣховъ на сто плащей для благородной и прекрасной фрейлейнъ! (Покосившись на Яу) Праведный Боже! Не грѣхъ ли такъ напиваться! Если бы благородный господинъ былъ добръ и побезпокоился: у меня тутъ фургонъ, а въ фургонѣ благородные господа нашли бы мою дочь Ревекку и всякіе мѣха — соболя, горностая, хорька, черную пантеру, выдру, куницу, — чего душа пожелаетъ! (Снова косится на Яу) Можно ли такъ ужасно напиваться!

Іонъ Рандъ.

Неси, что̀ есть, мы выберемъ... Охотой
Довольны мы сегодня, Зидзелиль.

Карлъ (беретъ убитую лисицу у охотника и держитъ ее передъ Зидзелилью).

Кумѣ капутъ, кумѣ капутъ!
Пройдоху мы зароемъ!
Не попадетъ собакамъ въ пасть—
Пиръ воронью устроимъ.

Охотники.

Ату ее! у-лю-лю!

Зидзелиль.

Мой милый, погляди, какъ этотъ мѣхъ
Песца на солнцѣ радугой играетъ...
Играетъ каждымъ нѣжнымъ волоскомъ.

Іонъ Рандъ.

Понравилось?

Зидзелиль.

Еще бы! Вѣдь красиво!

Іонъ Рандъ.

Ну, какъ же ты здѣсь время проводила?
Проснулась, а ужъ я далеко, правда?
Пустую лишь постель ты увидала.
Какъ быть? Ты огорчилась этимъ? нѣтъ?
Чѣмъ цѣлый день до насъ ты занималась?

Гофмейстеръ.

Я на нее въ саду набрелъ, Іонъ Рандъ:
Присѣвши на песокъ, она его
Процѣживала молча между пальцевъ
То правою, то лѣвою рукою.

Іонъ Рандъ.

Смѣялась?

Фрау Аделунцъ.

Улыбалась, государь!
Два раза улыбнулась, но безъ смѣха.
Изъ ванны выйдя только-что, стояла
Она передъ отвореннымъ окномъ,
И простыню на ней вздувать сталъ вѣтеръ—
Вотъ-вотъ вспорхнетъ и полетитъ: тогда
Впервые улыбнулась. А вторично
Отъ пѣсни Фрица, что̀ ея коня
Всегда ужъ самъ и чистить, и сѣдлаетъ,
И взнуздываетъ.

Іонъ Рандъ.

А! веселый малый.

Фрау Аделунцъ.

На этотъ разъ невесело онъ пѣлъ:
«Прощай, прощай, прощай», все замирая,
И вчужѣ было грустно.

Іонъ Рандъ.

А она

Смѣялась?

Фрау Аделуцъ.

Улыбалась.

Іонъ Рандъ.

Вотъ подите-жъ!
Насупившись, сидитъ среди веселья,
А мýки сердца ей смѣшны.

Зидзелиль.

Ахъ, знаешь,
Щенокъ мой на вѣтру игралъ холоднóмъ
И кашлять сталъ.

Іонъ Рандъ.

Сама твоя душа—
Игралище вѣтровъ, моя голýбка,
Какъ надъ садовымъ храмомъ арфа наша:
Незримые персты едва коснутся
Струнъ золотыхъ—и ужъ звучитъ отвѣтъ
Въ ту даль, откуда былъ вопросъ,—лишь намъ
На грубые вопросы нѣтъ отвѣта.
Найдемъ тебѣ щенка другóго, крошка.
Теперь намъ отдохнуть немнóго надо,
А тамъ за столъ, друзья, и попируемъ!
Пусть блещетъ жáркимъ пламенемъ каминъ,
Въ отворенныя-жъ двери пусть свобóдно
Осенняя къ намъ свѣжесть проникаетъ.
Мы будемъ пѣть и пить до полуночи,
Здоровье Зидзелили возглашая!

(Шествіе трогается въ замокъ; рога трубятъ, охотники поютъ).

Хоръ охотниковъ.

На суку, на суку
Повиси, пройдоха!
Мѣхъ ли, жиръ ли, получай
Каждый безъ подвоха.
На сукъ! на сукъ!
Лису! лису!

ВТОРОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ.

Высокая роскошная комната. Одна дверь налѣво, другая въ глубинѣ. Сбоку, направо, богатая кровать съ балдахиномъ. На кровати лежитъ Яу. Двое слугъ стоятъ въ ожиданіи, держа наготовѣ серебряные подносы съ чаемъ, шоколадомъ, кофе, виномъ и мелкимъ печеньемъ. Хадитъ, красиво одѣтый пажъ, отворяетъ дверь налѣво, въ которую только-что постучались. Карлъ вводитъ Іона Ранда.

Карлъ.

Войди-ка, Іонъ! Войди же на минутку,
Пока твой конь копытомъ роетъ землю:
Успѣешь поохотиться, обѣдъ
Нескоро.

Іонъ Рандъ.

Ну, на что тебѣ я нуженъ?
Въ чемъ дѣло? Духота какая,
И прѣлью пахнетъ. Отворите окна!
Что это, будто храпъ?

Карлъ.

Не просыпался
Еще, Хадитъ?

Хадитъ.

Не просыпался, сударь.

Іонъ Рандъ.

Кто здѣсь храпитъ и кто не просыпался?
Насколько мнѣ извѣстно, въ этомъ ветхомъ,
Заброшенномъ крылѣ лишь пискнетъ мышь
Порой, да рѣдко-рѣдко котъ мяукнетъ,
И больше никакихъ не слышно звуковъ.
Еще о привидѣніи шумливомъ
Шушукаются конюхъ съ капелланомъ,
Но не могу я говорить о томъ,
Чего не слышалъ самъ.

Карлъ.

Кто здѣсь храпитъ?
Да длинноухій, Іонъ, оселъ, кто-жъ больше!
И вправду вѣдь на королевскомъ ложѣ—
Не гостемъ, а хозяиномъ—нерѣдко

Ослиное подобіе мы видимъ.
И потому скажу я смѣло: здѣсь
Лежитъ король!—Прошу не сомнѣваться,
Что здѣсь король лежитъ. Чего ослу бы
Для этого, пожалуй, не хватило,
Въ избыткѣ здѣсь найдешь ты: значитъ, я
Поставкой королей могу заняться.

Іонъ Рандъ.

Карлъ! Карлъ! Съ твоей ли головой такими
Дурачествами время наполнять!
Я въ канцлеры бы взялъ тебя охотно...

Карлъ.

Эхъ, Іонъ, ужъ пусть пасетъ твоихъ барановъ
Самъ сатана! меня же, Іонъ, не трогай.
По хомуту затылокъ мой не плачетъ,
Хоть будь онъ весь алмазами усыпанъ.
Двѣ дѣвичьи руки вкругъ шеи—только
Не очень крѣпко, Іонъ,—стократъ мнѣ слаще.
(Яу зѣваетъ).
Ты видишь, онъ себя особой знатной
Почувствовалъ вполнѣ: спитъ до полудня.
Дурачества?! Дуракъ ли кто, иль умникъ,
Обоимъ одинаково живется
На свѣтѣ, Іонъ, не лучше и не хуже.

(Дверь въ глубинѣ съ шумомъ распахивается: появляются и тотчасъ же снова исчезаютъ нѣсколько закатывающихся отъ смѣха дѣвичьихъ головъ. Двое слугъ въ комнатѣ тоже фыркаютъ).

Ого! Что тамъ еще? Дѣвчонки, смирно!
Всю музыку испортите вы намъ.
Кто въ этой пресерьезнѣйшей забавѣ
Отъ озорства не сможетъ удержаться,
На ту, какъ на строптивую собачку,
Ошейникъ мы коралловый надѣнемъ.
(Обонмъ слугамъ)
Для васъ онъ «ваша свѣтлость», у него
Находитесь вы оба въ услуженьи:
И замокъ, и лѣса, и всѣ угодья,
Все княжество ему подвластно будто.

Іонъ Рандъ (качая головой).

А этотъ негодяй зобастый, Яу,
И впрямь лежитъ, какъ принцъ завороженный.

Карлъ.

Изъ зернышка индійскіе факиры
Въ два-три часа выводятъ деревцо:
Такимъ же вотъ факиромъ-чудодѣемъ
Я самому себѣ кажусь сегодня.
Я въ лихорадкѣ, Іонъ, отъ ожиданья,
Взойдетъ ли мой посадокъ иль погибнетъ.
Сдается мнѣ: поднимется онъ быстро
И дивный дастъ цвѣтокъ, недолговѣчный,
Быть-можетъ, Іонъ, но радостный для взора.

Яу (за пологомъ).

У-а-а-а!

Іонъ Рандъ.

Ну, храбрый магъ, кажи свое искусство!
Оселъ ужъ зазѣвалъ—такъ постарайся,
Чтобъ всталъ онъ передъ нами королемъ!

Яу.

У-а-а-а!

Карлъ.

Потише вы!

(Іону Рандy)

Какъ хочешь, оставайся
Иль уходи. Пойдетъ живѣй забава,
Я за тобой пришлю.

Іонъ Рандъ.

Да ужъ останусь,
Куда ни шло. Потише! Ужъ останусь.

Карлъ.

Такъ кто же я-то?

Хадитъ.

Сенешаль.

Іонъ Рандъ.

А я?

Хадитъ.

Лейбъ-медикъ.

Карлъ.

Ссс... Задвигался. Ни звука!
Яу. У-а-а-а! Святъ... святъ... святъ... Господи Боже мой... Мать!.. У-а-а-а! Одна коробочка, двѣ коробочки, да три бу-детъ четыре. Мать! (Съ размаху спускаетъ ноги съ постели и, сидя на краю кровати, поводитъ кругомъ выпученными глазами. На его взъерошенной головѣ подобіе зубчатой короны съ резинкой подъ подбородкомъ. Онъ опускаетъ голову, закрываетъ глаза и дрожитъ). У-а-а-а! (При этомъ бормочетъ про себя) Мать! (Коротко смѣется и продолжаетъ говорить) Вотъ видите, видите, господинъ засѣ-датель. Вы можете этому повѣрить, господинъ непремѣнный засѣдатель. Она... надо сказать, всякіе виды видала! Каж-дый годъ по ребенку, каждый годъ по ребенку! И что ни ребенокъ, то отъ другого. Инструменты, господинъ засѣда-тель, инструменты, господинъ непремѣнный засѣдатель. Ки-сти да олифа, видите ли. Ну, и киноварь тоже, безъ нея нельзя. (Передразнивая жеманно) Не пейте такъ много, не пейте такъ много. Господинъ главный предсѣдатель! Ваша правда, господинъ предсѣдатель! Видите ли: это пакостное распутство... это свинство прекратить слѣдуетъ. (Тупо ози-рается) Снится мнѣ, что ли?

Хадитъ.

Угодно ванну, ваша свѣтлость? Конюхъ
Насчетъ коня распоряженья ждетъ.
Свѣтлѣйшая-жъ княгиня приказала
Вамъ отъ нея букетъ вручить, какъ только
Проснетесь вы,

Первый слуга.

Быть-можетъ, чаю, кофе,
Вина, плодовъ, ликеру, шоколаду
Отвѣдать вашей свѣтлости угодно?

Яу (проводитъ ладонью по всему лицу и снова зѣваетъ). У-а-а-а! Все мнѣ кажется, что это еще во снѣ! Мать!.. Пакость! Поскудство, тьфу! Тьфу, поскудство, говорю! Тьфу, поскуд-ство! Тьфу, поскудство! Тьфу, поскудство! Тьфу, поскуд-ство!.. Мать!.. Ущипни-ка меня за большой палецъ, мать!.. Проснуться я желаю, мать! Вотъ-вотъ, какъ быть аккуратъ!..

Да загляни въ шкапъ, тамъ съ вечера селедка осталась. Я ее ночью не съѣлъ, у нея мята во рту. Что̀ у нея во рту? Коробочка съ мятой!.. Спишь ты, старушенція, что ли?.. Что̀, бишь, у нея во рту?.. Ну, шевелись да волоки сюда селедку, мать. (Опять поводитъ кругомъ выпученными глазами).

Хадитъ.

Прикажете ли ванну? А потомъ
Что̀ нынче соизволитъ ваша свѣтлость
Надѣть? костюмъ охотничій съ собольей
Опушкой или бархатный кафтанъ?
Угодно-ль, чтобъ явился камердинеръ?

Яу (рыча). Селедки хочу! Селедки съ лукомъ хочу. Селедки, картошки и пива хочу. (Внезапно схватываетъ отдѣланный мѣхомъ сапогъ и швыряетъ его въ стѣну).

Карлъ (почтительно подходитъ).

Сердиты, ваша свѣтлость? Разрѣшите
Спросить, что̀ вашу свѣтлость прогнѣвило?
Такъ тяжко мнѣ, такъ тяжко, ваша свѣтлость.
Хоть слово, ваша свѣтлость, хоть намекъ:
Виновному тогда придется плохо.

Яу (таращитъ на Карла глаза и вдругъ высовываетъ языкъ). Бэ!!

Карлъ (угодливо).

Безспорно правы ваша свѣтлость въ томъ,
Что̀ мы отъ вашей свѣтлости узнали,
И кара не замедлитъ. Но, въ расчетѣ
На милость вашей свѣтлости, надѣюсь,
Что вѣрный сенешаль нести не будетъ
Отвѣта за проступокъ негодяя,
Нарушившаго отданный приказъ.

Яу (пристально смотритъ на него, медленно сжимаетъ виски обѣими руками, пялитъ снова глаза и говоритъ). Мать! Поди-ка сюда, мать! Смотри, вонъ тамъ кто-то стоитъ. Правда вѣдь, мать, стоитъ кто-то? И тамъ вонъ тоже стоитъ, правда? А тамъ вонъ еще! Да что-жъ ты, мать... Иди! бѣги! тащи лѣкаря, мать! Что-нибудь я съѣлъ, нехорошо мнѣ. Навѣрно что-нибудь съѣлъ. Бѣги! бѣги! тащи лѣкаря, бѣги! пусть онъ мнѣ жилу откроетъ. Пусть придетъ цырюльникъ и жилу мнѣ откроетъ. Мнѣ чудится, мать! Я говорю: пусть придетъ цырюльникъ, я очнуться не могу. Я говорю: у меня все въ животѣ урчитъ, пусть онъ мнѣ слабительнаго при-

шлетъ. Да у насъ еще тамъ касторка есть. Давай ее сюда скорѣе, мать, давай ее сюда! Очнуться бы мнѣ только... Мать, видишь, стоитъ вонъ тамъ?!

Карлъ.

Въ себя придти извольте, ваша свѣтлость!
Я, ваша свѣтлость, сенешаль вашъ вѣрный.
Вотъ юноша Хадитъ, охотникъ-пажъ
При вашей свѣтлости: еще вчера
Затянутою въ бѣлую перчатку
Рукою, проведя межъ пальцевъ, вытеръ
Онъ ножъ, которымъ вы убили вепря,
И вновь его за поясъ вамъ засунулъ.
Сегодня, какъ вчера и каждый день,
Съ тѣхъ поръ какъ въ замкѣ мы. А вотъ лейбъ-медикъ.

Іонъ Рандъ (подходитъ).

Теперь вы, ваша свѣтлость, убѣдились,
Что трюфелей такъ много кушать вредно?
Вчера предупреждалъ я вашу свѣтлость.
Гдѣ больно вашей свѣтлости? Не сзади-ль?
Иль спереди? Затылокъ? грудь? животъ?

Яу. Почемъ я знаю? Да чего тамъ! Нигдѣ мнѣ не больно! Кто вы такіе и чего вы отъ меня хотите?

Іонъ Рандъ.

Простите, ваша свѣтлость, я лейбъ-медикъ.

Яу (въ остолбенѣніи смотритъ, проводитъ рукой по лицу, говоритъ сначала тихо, про себя, потомъ все громче и отчаяннѣе). Шабашъ, спятилъ! Мать, у меня видѣнія! Мать, околдовали меня! Сглазили, мать! Я воочію чертей вижу съ длинными хвостами! Сдается, въ преисподнюю попалъ я, мать! Сдается, померъ я и въ преисподнюю попалъ. Бѣги, мать, бѣги! Пусть цырюльникъ съ банками придетъ! Двѣнадцать банокъ нужно мнѣ. Бѣги къ лѣкарю! бѣги къ попу! пусть сжалится, придетъ! Я все обѣщаю, все сдѣлаю: лишь бы онъ грѣхи мои замолилъ!

Іонъ Рандъ.

У васъ кошмаръ! повѣрьте, ваша свѣтлость!
Когда бы, ваша свѣтлость, вы рѣшились

Токайскаго стаканчикъ осушить,
Тотчасъ бы вы очнулись, ваша свѣтлость.

Яу (залпомъ опорожняетъ стаканъ, раскрываетъ глаза, смакуетъ, прищелкиваетъ языкомъ и говоритъ).

Ай-да добрая старая водочка.

Карлъ.

Токайскимъ ваша свѣтлость подкрѣпились!
Токайское то было! Съ пикникомъ
Вчерашнимъ вы смѣшали, ваша свѣтлость,
Гдѣ, дѣдовскій обычай соблюдая,
Мы хлѣбомъ съ сыромъ водку заѣдали.
Какъ, вы ужъ позабыли, ваша свѣтлость?
И пару вашей свѣтлостью убитыхъ
Оленей и лису вы позабыли?

Яу. Скажите мнѣ все-таки... нѣтъ, ну его—чепуха какая-то.

Іонъ Рандъ.

Проходитъ ужъ. Терпѣнья лишь, терпѣнья
Прошу у господина сенешаля!

Яу. Подите-ка сюда, вы! Есть у васъ руки, да? И бородка стриженая, такъ, что ли? И большущую цѣпь вы на себя навѣсили? Можете вы разговаривать, и на кошачій манеръ спину выгибать, и все такое дѣлать, что̀ люди дѣлаютъ. А вотъ видите ли, все мнѣ думается, что это во снѣ! Найдется еще стаканчикъ?

Хадитъ.

Запасъ въ пятнадцать ведеръ, ваша свѣтлость.

Яу. Смотрите-ка: и этотъ туда же! и ноги у него? кажись, шелковыя ноги-то! Поди, поди! (Щиплетъ его за ногу).

Хадитъ. Ай!

Яу. Смотрите-ка: реветъ, когда его щиплютъ, стало-быть, мясо есть и больно ему. А все-таки, видите ли, мнѣ думается, что это сонъ.

(Входитъ цырюльникъ).

Карлъ.

Цырюльника желали, ваша свѣтлость?

Яу. А еще стаканчикъ найдется? (Ему подносятъ). Вѣрно! Желалъ цырюльника!.. Вѣрно!.. Какъ есть!.. Точка въ точку!.. Теперь вотъ какъ будто глаже пошло и кругомъ проясняться стало... Пьянъ я былъ вчера, правда?

Іонъ Рандъ.

Грѣха таить не станемъ, ваша свѣтлость,—
Вы выпили, и выпили изрядно:
Кто въ этомъ съ вашей свѣтлостью поспоритъ!
Любой изъ насъ, тамъ бывшихъ, вдвое рѣже
Стаканъ свой наполнялъ, чѣмъ ваша свѣтлость,
Нашъ милостивый князь и господинъ
И все же ваша свѣтлость оставались
Трезвехоньки и языкомъ владѣли,
Тогда какъ мы вели себя ужъ очень...

Яу. Что-нибудь одно мнѣ приснилось: либо то, либо это. Вы лѣкарь. Тотъ вонъ цырюльникъ. А теперь слово за словомъ слушайте, что̀ я вамъ скажу: пьянъ я былъ! ваша правда—оба мы были пьяны, и Шлюкъ и я. Шлюкъ—это пріятель мой, такъ вѣдь?

Карлъ (Іону Рандy).

Среди дворянъ не знаете вы Шлюка?

Іонъ Рандъ.

Какъ честный человѣкъ, не знаю, сударь!

Карлъ.

Два слова лишь позвольте, ваша свѣтлость,
И вмигъ я разгоню видѣнья эти,
Чтобъ больше васъ не мучили они.
Нашъ прежній князь—вашъ доблестный родитель—
Страдалъ задержкою вѣтровъ. Кишки
Давили на желудокъ и на сердце,
И бредилъ онъ тогда, совсѣмъ какъ вы.
То княземъ онъ себя возмнитъ, бывало,
То, какъ мужикъ послѣдній, заругавшись,
Про князя и забудетъ. Иногда,
Весь въ пурпурѣ и въ золотѣ, на тронѣ,
Быкомъ, осломъ вдругъ станетъ—вообще
Какимъ-нибудь животнымъ неразумнымъ.
Съ великими бываетъ это часто.
Навуходоносоръ, какъ вамъ извѣстно,

Лежалъ передъ чертогами своими
И пожиралъ траву, какъ быкъ. Такъ точно
И славный вашей свѣтлости родитель!
Не то, чтобъ онъ травой кормился, нѣтъ,
Но подтвердить вамъ кто угодно можетъ,
Что онъ воображалъ себя то нищимъ,
То забулдыгой, то бродягой, ночи
Въ сараяхъ, въ стойлахъ, въ хлѣвахъ проводя...

Яу. А мятой не торговалъ?

Іонъ Рандъ.

Да, ваша свѣтлость! Да, и это дѣлалъ!

Яу. Такъ вотъ видите ли... Выходитъ, какъ будто все и вправду. Почемъ я знаю! Скажите вы мнѣ все-таки, какъ это было? Можетъ, меня и въ живыхъ уже нѣтъ, а?! Можетъ, меня могильщикъ, проклятая вонючая падаль, давно уже въ землю закопалъ?! Нѣтъ, погоди, ветошка ты этакая! Что онъ тутъ все мычалъ? «Для тебя, моль, чортъ особую печь растопляетъ!» Ужъ коли это преисподняя... коли это преисподняя, говорю я: такъ чтобъ сейчасъ меня могильщикъ... могильщикъ вмѣстѣ съ попомъ... ради меня весь приходъ чтобы здѣсь... всѣ вѣдь они меня знаютъ, всѣ до одного, сколько ихъ тамъ ни на есть... Ну, не правда развѣ, ты, куколка?

Халитъ.

Того, что ваша свѣтлость говорите,
Мнѣ не понять—мой жалкій умъ безсиленъ
За мыслями высокими угнаться.

Карлъ.

Нѣтъ, ваша свѣтлость живы, слава Богу!
Направленное Промысломъ небеснымъ,
Врачебное искусство до сегодня
Отъ страшнаго удара охранило
Страну, народъ и вѣрныхъ вашихъ слугъ.

Яу. Вотъ именно! Да, да, все можетъ быть! Крылышковъ-то у меня на спинѣ нѣтъ, какъ полагалось бы на небѣ. Пожалуй, и впрямь почудилось. Нѣтъ, какова кроватка, взгляните только! Поди-ка сюда ты, скажи мнѣ по чистой совѣсти! Кто я такой? При чемъ я тутъ?

Хадитъ.

Нашъ князь и повелитель, ваша свѣтлость!

Яу. Потише, другъ, потише! Одно за другимъ! Мнѣ сперва обмозговать надо. Есть у меня, къ примѣру сказать, есть у меня лошади?

Хадитъ.

Заводъ у вашей свѣтлости! Конюшня
На тысячу коней. Раздолье, словомъ!

Яу. Конюшня? Мнѣ ихъ не откармливать, лошадей-то. Къ примѣру... къ примѣру теперь: есть у меня вино на погребѣ?

Хадитъ.

Само собой! отборнѣйшихъ сортовъ
Венгерское, рейнвейнъ и мозельвейнъ,
И этого добра въ подвалахъ вашихъ
Нетронутыя бочки вѣковыя.

Яу. А къ примѣру тоже, есть у меня куры и гуси? И могу я ихъ рѣзать, жарить, ѣсть...

Хадитъ.

Да, ваша свѣтлость, сколько вамъ угодно!

Яу (хватается за голову и нащупываетъ корону). Что̀ это? Рожки у меня выросли, что ли? Что̀ это у меня на головѣ сидитъ?

Карлъ.

Корона лишь, не больше, ваша свѣтлость!

Яу (слегка приподнимаясь). Такъ пусть же меня сейчасъ... Я князь?

Іонъ Рандъ.

Какъ долженъ понимать я вашу свѣтлость?

Яу (все съ бо́льшимъ изумленіемъ водя пальцами по коронѣ) Такъ пусть же меня сейчасъ... Я князь?

Карлъ.

Не вѣрьте, ваша свѣтлость, что вы живы!
Не вѣрьте, ваша свѣтлость, что и за́мокъ,
И земли, и лѣса—все это вамъ
Принадлежитъ! Не вѣрьте, ваша свѣтлость,

Что Губерта святого нынче день
И что рога зовутъ насъ на охоту,
Которую вы сами заказали.
Не вѣрьте и тому, что ожидаетъ
Супруга васъ, чтобъ дать вамъ поцѣлуй,
Отрадою наполнить ваше сердце
И всякихъ злоключеній, по примѣтѣ,
Въ веселой травлѣ пожелать! Но вѣрьте,
Что вы нашъ князь и знатный повелитель,
Котораго одинъ король знатнѣе.

Я у. Такъ подавай же мнѣ штаны! Хорошо. Теперь для меня все опять ясно! теперь я опять на своихъ ногахъ! (Повелительно) Чулки! (Хадитъ подаетъ чулки. Онъ встаетъ, дѣлаетъ шагъ влѣво и трижды отплевывается) Тьфу! тьфу! тьфу! (Дѣлаетъ еще нѣсколько шаговъ и опять отплевывается) Тьфу! тьфу! тьфу! Пришелъ-таки свинству конецъ. Плевать на начальство! Плевать на пьяный списокъ! Тьфу! тьфу! тьфу! тьфу! Пусть всѣ это слышатъ, кто изъ меня дурака хотѣлъ сдѣлать, кто говорилъ: ничего, молъ, ты не можешь, ничего ты не стоишь, ничего изъ тебя не выйдетъ, дрянь ты и больше ничего! А когда услышитъ моя баба про это! когда услышитъ, говорю! Куда и вся чортова спесь дѣнется у злющей бабьей образины! Когда услышитъ моя баба про это! Бьюсь объ закладъ на сто тысячъ мисокъ супу съ колбасой: безъ памяти оземь шлепнется, пластомъ растянется! О, Господи Іисусе и Дѣва Марія! А, чтобъ тебя розорвало! Надолго растянется и совсѣмъ, пожалуй, не встанетъ! Теперь, небось, повѣрятъ, какова мнѣ цѣна! каковъ я молодецъ! Попрыгаете, милые! поскачете! Поплящете, какъ собачки маленькія! Присмирѣете, какъ перепела зажаренные! Трамъ-трамъ-трамъ! Бумъ-бумъ-бумъ! Эйнъ-цвей-дрей! Чокъ-чибирики-чокъ! И никакихъ! (Карлу) Вы! шпель-клоссъ или белемесъ, какъ васъ тамъ: я князь?

Карлъ.

Безумецъ былъ бы я, въ томъ усомнившись.

Я у. На томъ и порѣшимъ. А зачѣмъ, желалъ бы я только знать, зачѣмъ этотъ лейбъ-желудочный лѣкарь смотритъ на меня такими безумными глазами? Чтобъ я молодца этого больше не видѣлъ. Впился въ меня, какъ банка кровососная! Впился въ меня, какъ пьявка. Къ чорту банку! Къ чорту пьявку! Есть хочу! Первымъ дѣломъ намылить и поскоблить мнѣ бороду! Потомъ выпу-

тить на сковороду десятка три яицъ и сальца свиного уда же. А господинъ лѣкарь пусть меня въ болотѣ поищетъ. Что онъ тутъ болталъ про моего отца? Что мой отецъ былъ бездѣльникъ? Что мой отецъ выпить любилъ? Что мой отецъ въ канавѣ ночевалъ? Я тебя проучу, кровопійца!

Карлъ.

Подумать удостойте, ваша свѣтлость:
Искусный врачъ, васъ къ жизни возвратившій,
Про бредъ вамъ говорилъ, а не про явь.

Яу. Тра-та-та — у меня въ ушахъ трещитъ отъ вашей болтовни. У кого бредъ? У меня нѣтъ бреда! Онъ, можетъ, бредитъ, или вы бредите. Я шелковыя пеленки только и зналъ, вотъ сколько себя помню, съ самаго рожденія. Ну, и что-жъ? Ну, и что-жъ? Ничего я не бредилъ.

Карлъ.

Угодно, ваша свѣтлость, на коня?

Яу. А почему бы и не угодно? разъ конь у крыльца стоитъ! Вы, чего добраго, думаете, что я, доживши до сихъ поръ, и на лошадь не садился? Да не на какую-нибудь заморенную клячу! не на какую-нибудь ободранную калѣчь. Первымъ дѣломъ хочу я осмотрѣть помѣщеніе, потомъ хочу съѣсть кусокъ мяса, да супу еще хочу, да клецокъ, да кислой капусты, да кружку пива, а тогда можно и на сѣдлѣ потрястись. (Прислушивается, стоя).

Карлъ.

Собакъ берутъ на свору, ваша свѣтлость.

Яу (послѣ того, какъ на него надѣли плащъ). Держать на привязи! не спускать! Собакъ всегда держать на привязи и раньше времени отнюдь не спускать! У меня пятки и до сихъ поръ въ крови, такъ прошлою ночью проклятые псы искусали. (Выглядываетъ въ окно. Охотничьи рога. Громкій призывъ охотниковъ. Яу отвѣчаетъ. Тишина). Мать! Поди-ка сюда, мать, взгляни, вонъ тамъ внизу... вонъ тамъ внизу... вонъ тамъ внизу...

Іонъ Рандъ (легонько кладетъ руку на плечо Яу).

Кошмаръ, кошмаръ!

Яу. На коня... на коня... на коня! (Быстро уходитъ въ сопровожденіи Хадита).

ТРЕТЬЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ.

Комната Зидзелили. Большая отворенная дверь въ глубинѣ ведетъ на приподнятую террасу. Налѣво большой каминъ, полный огня; направо, на высотѣ нѣсколькихъ ступенекъ, башенка, возлѣ нея низкая дверь. Такая же дверь налѣво, у камина. Зидзелиль сидитъ на ступенькахъ башенки и разсматриваетъ, вертя въ рукахъ, жемчужную вышивку. Фрау Аделуцъ суетится у стола, на которомъ разложены мѣха, дорогія платья и золотые уборы.

Фрау Аделуцъ.

Ой, съ нами сила крестная, взгляни-ка,
Дитя, какая роскошь! И парча,
И шелкъ, и то, что̀ ты желала,—
Среди мѣховъ песецъ! Дитя, дитя,
Да прыгай же! скачи! Иди, любуйся,
Тѣшь сердце блескомъ золота, игрою
Каменьевъ драгоцѣнныхъ! Вотъ ужъ правда,
Лишь пожелай, хоть молча пожелай
Чего-нибудь, оно ужъ тутъ. Да развѣ
Тебѣ такое счастье снилось? Развѣ
Ты знаешь, что̀ судьба тебѣ готовитъ?
Красавецъ изъ красавцевъ, князь страны
У ногъ твоихъ покорно, какъ влюбленный,
Лежитъ и льнетъ къ тебѣ плѣненнымъ сердцемъ:
А ты, знай, требуй, требуй, только требуй,
Чтобъ зналъ давалъ бы.

Зидзелиль.

Аделуцъ!

Фрау Аделуцъ.

Что̀, крошка?

Зидзелиль.

Ты видѣла, какъ барабанщикъ билъ
Недавно въ барабанъ здѣсь на террасѣ—
Али черноволосый... Волоса,
Какъ смоль!.. А я примѣтила: фіалки
Разсыпалъ по всему онъ барабану.
Примѣтила, что это для меня.

Фрау Аделуцъ.

Примѣтила, для виду-жъ забавлялась
Ангорской кошкой, что̀ Іонъ Рандъ—храни

› Господь отъ ревности—наведи
дѣсь тебѣ!

Зидзелиль.

Ну да, для виду только.
тѣмъ же вѣдь и прыгали фіалки,
объ и на нихъ глядѣла.

Фрау Аделуцъ.

Будемъ, значитъ,
речься черномазаго мальчишки:
ть явится онъ со своимъ суркомъ—
рота на запоръ. Такъ выйдетъ лучше,
вѣрь мнѣ, легкокрылое созданье!

Зидзелиль (встаетъ, не выпуская вышивки изъ рукъ, и идетъ къ террасѣ).

акъ было-то съ султаномъ Баязетомъ?

Фрау Аделуцъ.

кольниковъ семь тысячъ онъ имѣлъ.

Зидзелиль.

радъ онъ колпачку моей работы?

Фрау Аделуцъ.

го? Іонъ? Іонъ Рандъ? Тому, что ты вотъ держишь?
Іусть пальчики твои и вполовину
ло не разукрасили бы такъ!
І если на рукѣ у Іона Ранда
Ідругъ явится онъ—соколъ—не въ твоемъ
нять подаркѣ, знай: Іонъ Рандъ—покойникъ,
. ястребу его названье—гусь!

Зидзелиль.

Какъ было-то съ султаномъ Баязетомъ?

Фрау Аделуцъ.

Ты что, дети?

Зидзелиль.

Какъ на войнѣ-то онъ
Взялъ графа въ плѣнъ и заточилъ въ темницу.

Фрау Аделуцъ.

Не выпускалъ ни за какія деньги,
Пока двѣнадцать бѣлыхъ соколовъ
Не получилъ взамѣнъ...

Зидзелиль.

Да, да! Отъ Іопа
Такого-жъ я подарка жду.

Фрау Аделуцъ.

Какого?

Зидзелиль.

Жду бѣлыхъ соколовъ я, Аделуцъ:
Двѣнадцать гордыхъ птицъ, моихъ гонцовъ
И рыцарей,—какъ горностаевъ бѣлыхъ,
Да столько же серебряныхъ цѣпочекъ
И шапочекъ, алмазами расшитыхъ.
Двѣнадцать бѣлыхъ птицъ! Скажи-ка Іону.
И на охоту каждый день. А Іона
Въ сокольники возьму...

Фрау Аделуцъ.

Вишь, захотѣла!

(Зидзелиль медленно уходитъ на террасу. Входитъ Карлъ).

Карлъ.

День добрый, Аделуцъ!

Фрау Аделуцъ.

День добрый, сударь!

Карлъ.

Ты женщина разумная, я знаю,
И дѣльная, не чопорная дѣва.

Фрау Аделуцъ.

Благодарю, герръ Карлъ!

Карлъ.

Ну вотъ; такъ слушай!
Мы пошалить хотимъ, а ты намъ въ этомъ

кна помочь. Чортъ побери твое
вство, когда нѣтъ мѣста въ немъ веселью!
ныть, да ныть, да киснуть, что-ль? Тогда
лай въ могилу къ мужу! Ну, такъ слушай!

Фрау Аделуцъ.

дно подъ вѣнецъ со мною, Карлъ?

Карлъ.

волѣ нѣтъ! Не одурачишь. Нѣтъ!
безъ вѣнца—какъ хочешь: стоя, лежа,—
всѣ лады я твой слуга покорный.
ось я, что-ль, твоихъ вороньихъ перьевъ?
птицы не ощипленной не ѣмъ.
кой же цвѣтъ щипать—мнѣ безразлично.

Фрау Аделуцъ.

рр... Карлъ, мнѣ страшно! Тьфу ты! Ну, мужчина!
хуже, право, Синей Бороды.
къ я же вамъ скажу: я удавлю
съ крепомъ.

Карлъ.

Будетъ крѣпче развѣ? Слушай.
ы плѣснѣемъ, мокрицы заползаютъ
намъ въ головы, въ сердцахъ у насъ паукъ,
о «скукой» мы зовемъ, плететъ тенета
я ловли мухъ и въ духотѣ жирѣетъ.
паутиной кашляю, ругаюсь
кашляю, но, чѣмъ сильнѣе кашель,
ѣмъ крѣпче и плотнѣе паутина.
хота не въ охоту, пиръ не въ пиръ,
ы за столомъ сидимъ, точь въ точь трапписты,
чуть я что̀ скоромное промолвлю,
ль шутка съ языка слетитъ, ужъ грозно
нъ смотритъ на меня.

Фрау Аделуцъ.

Іонъ Рандъ?

Карлъ.

Кто-жъ больше
олкуетъ о любви, слагаетъ пѣсни,

Зависится въ мечтахъ и неустанно
Твердитъ одно: что безъ любви нѣтъ жизни!
И весь онъ тутъ! Со старой дѣвой время
Пріятно за бутылкой проведешь.
Задашь вопросъ: кто кабана прикончилъ?—
А онъ въ отвѣтъ: гдѣ лучше Зиделили
Найдешь ты волосъ?—Хитъ! Газель по красотѣ,
Не правда-ль, Карлъ? Не правда-ль, что глазъ
Въ тарелку у нея, какъ у газели?—
Ну, пусть газель! Стаканомъ, даже парой
Отчаяннаго бренди не осилишь
Всей сладости желе.—Какъ Зиделилъ
Живетъ, скажи?

Фрау Адельгейдъ.

Спасибо за вниманье.
Живетъ недурно.

Карлъ.

А не разбудили

Ее рога?

Фрау Адельгейдъ.

Эхъ, Карлъ, что намъ за горе?
Не очень видь вы жалуете крошку.

Карлъ.

Напротивъ, слишкомъ жалую! Напротивъ,
Глажу съ сердечной болью. Что она?
Изъ рая залетѣвшая къ намъ птичка,
Безъ крылышекъ и лапокъ... Подойди-ка,
Взгляни туда вонъ, вонъ! Вчерашнимъ утромъ
Я удочку своихъ пропалъ закинулъ
И вытащилъ двухъ престрѣшныхъ щукъ!
Ты знаешь: Шлюкъ и Яу.

Фрау Адельгейдъ.

Шлюкъ и Яу?
Чета бродягъ-пропойцъ изъ Ротенгрунда?

Карлъ.

Вотъ именно они.

ФРАУ АДЕЛУЦЪ.

Конечно, знаю!
Л кто-жъ не знаетъ ихъ?! Во всей округѣ
Не отыскать молодчиковъ такихъ,
Какъ эти проходимцы: Шлюкъ и Яу.
Покойный мужъ, какъ былъ еще лѣсничимъ,
За Яу заступался все, но Яу
Неисправимъ, и для него работа—
Что для собаки бѣшеной вода.

КАРЛЪ (у окна).

Теперь взгляни-ка! этотъ самый Яу—
Нашъ князь и господинъ сегодня.

ФРАУ АДЕЛУЦЪ.

Какъ?
Тотъ, что среди охотниковъ?

КАРЛЪ.

Онъ самый.
Ты видишь, ногу въ стремени ужъ держитъ.
Одна рука на крупѣ, а другою
По воздуху все машетъ.

ФРАУ АДЕЛУЦЪ.

Вправду, Яу?

КАРЛЪ.

Онъ, онъ! свѣтлѣйшій Яу, да! кто-жъ больше!
Тотъ Яу, что на барскій дворъ донынѣ
Захаживалъ съ единственною цѣлью
Порыться въ кучѣ мусорной, набрать
Тряпья, костей, объѣдковъ и тому
Подобной дряни. А теперь, поди-ка,
Трубой храпитъ и людямъ благороднымъ
Такъ о своихъ желаньяхъ заявляетъ,
Какъ будто княземъ былъ всю жизнь.

ФРАУ АДЕЛУЦЪ.

Клянусь
Передникомъ своимъ, что это Яу!..
Пожалуйте, принцесса, къ намъ, взгляните!
(Хохочетъ).

Скажу одно: на шалости такія
Лишь васъ и взять—и никому другому
Не посовѣтовала-бъ я вамъ подражать.

Карлъ.

Гопъ! Сорвалось! Гопъ! Пробуетъ подпругу—
Охотника съ коня позвалъ поправить.
Такъ! Ну, смотри! Гопъ! Пресвятой Георгій!
Нашъ толстячокъ дворянчикомъ вспорхнулъ
И сѣлъ, какъ фейерверкеръ... Эге-ге!
Вижу ужъ заплясала. Погоди-ка,
Пѣгашкинъ нравъ я знаю: чуть ея
Боковъ коснешься шпорами внезапно,
Сейчасъ же на дыбы. Взвилась! взвилась!
Держитесь, ваша свѣтлость, и свое
Искусство покажите намъ! Гей, гей!
Гопъ! Браво! Браво! Ловко! Молодчина!
Чортъ, вотъ скачокъ! Ну, а теперь конецъ—
Съѣзжаетъ! Усидѣлъ. Махнулъ рукою,
Къ воротамъ повернулъ. Ахъ, негодяй!
Такъ искры и летятъ отъ шпоръ—лошадки
И не узнать... Что скажешь ты на это?
Вотъ господа какъ на охоту ѣздятъ!

Фрау Аделуцъ.

Глазамъ не вѣрю, какъ и вы.

Карлъ.

Ну, Яу—
Ты видѣла—охотиться изволитъ.
А Шлюкъ всю ночь въ тюрьмѣ провелъ—о немъ-то
Я и пришелъ потолковать съ тобою.
Сейчасъ къ тебѣ молодчика пришлю:
Сперва ты покорми его, а послѣ
Подрессируй, какъ пуделя иль галку,—
Вы, женщины, на это мастерицы!—
Пока его всѣмъ штукамъ не научишь.
Для вдовушки набить не вредно руку!
Когда-жъ проявитъ Шлюкъ покорность мужа,
Въ затѣю посвяти его настолько,
Чтобъ онъ, подъ видомъ шутки маскарадной,
Преобразился въ женщину: одѣтъ

Онъ будетъ королевою и долженъ
Держать себя вполнѣ хозяйкой замка.

ФРАУ АДЕЛУЦЪ.

Да что вы, обезумѣли?

КАРЛЪ.

Ты хочешь
Намъ всю игру разстроить, Аделуцъ?

ФРАУ АДЕЛУЦЪ.

А Іонъ-то Рандъ что скажетъ?

КАРЛЪ.

Что онъ скажетъ,
Я въ точности не знаю. Знаю только:
Что ни сказалъ бы онъ, все это будетъ
Любви прикрытымъ вздохомъ. Такъ ли, сякъ ли,
Удастся намъ забава—посмѣется,
А нѣтъ—поморщится Іонъ Рандъ. Пока
Относится онъ къ шуткѣ благосклонно.
Ты поняла меня: кому другому,
А ужъ тебѣ-то, тетенька-тихоня,
Какъ разъ подстать затѣя наша. Тутъ же
И Зидзелили случай посмѣяться—
Вѣдь Шлюкъ на эти вещи ловокъ.

ФРАУ АДЕЛУЦЪ.

Хм!

ЗИДЗЕЛИЛЬ (зоветъ съ террасы).

Что-жъ, фрау Аделуцъ, ты не приходишь?

КАРЛЪ.

И пригляди, чтобъ здѣшнее бабье
Согласно съ нами дѣйствовало, Шлюка
И Яу тѣми лицами считало-бъ,
Какими быть имъ надо.

ЗИДЗЕЛИЛЬ (какъ выше).

Аделуцъ!

Фрау Аделунцъ.

Сейчасъ, сейчасъ, принцесса!.. Ну, увидимъ!

(Уходитъ на террасу. Карлъ идетъ къ двери направо и отворяетъ ее. Входитъ Шлюкъ).

Карлъ.

Войди сюда, присядь и обожди.

Шлюкъ. Можетъ, позволите мнѣ къ камину подойти, добрый господинъ?

Карлъ.

Да, это можешь! Подходи смѣлѣе
И грѣйся, сколько хочешь,—никакихъ
Вещей лишь въ этой комнатѣ не трогай.

Шлюкъ. Ой, ни-ни, нѣтъ, нѣтъ! Ни Боже мой, нѣтъ, нѣтъ! Ни Боже мой, нѣтъ, нѣтъ! Малость озябъ я, изволите видѣть, такъ вотъ погрѣться мнѣ нужно... Нѣтъ, нѣтъ!

(Карлъ уходитъ. Шлюкъ дрожитъ и грѣется у камина. Вдругъ пугается и оглядывается кругомъ).

Шлюкъ (про себя). Нѣтъ! ничего. А тутъ славно! Ей-Богу, тутъ славно! Прямо-таки превосходно тутъ, ей-Богу! Плоховато я одѣтъ, да ужъ такъ на свѣтѣ водится, изволите видѣть. И дрова буковыя хороши. Хороши эти дрова буковыя, что горятъ да потрескиваютъ, люблю. Запахъ ужъ очень пріятный, изволите видѣть.

(Фрау Аделунцъ возвращается).

Фрау Аделунцъ.

Къ намъ гость, принцесса Зидзелиль. Ты что
Здѣсь дѣлаешь? Чего, дружокъ, ты хочешь?

Шлюкъ. Изволите видѣть, меня сюда прислали, прямо надо сказать. Не подумали бы вы чего худого, вотъ что обидно.

Фрау Аделунцъ.

Да кто-жъ тебя прислалъ сюда, любезный?
Съ какимъ ты здѣсь намѣреньемъ, скажи?

Шлюкъ. Вотъ изволите видѣть: намѣренія-то этого самаго, зачѣмъ я именно тутъ нахожусь, этого-то я и не уразумѣлъ, какъ слѣдуетъ. Только честью вамъ клянусь и спасеніемъ души: не по своей волѣ попалъ я въ эту ком-

. Взялъ меня за руки этакій учтивый господинъ и
велъ сюда.
ь дверяхъ появляется Зидзелиль).

Зидзелиль.

Позволь ему погрѣться, камерфрау.
Скажи, ужъ ты не боленъ ли, бѣдняжка?

Плюкъ. Нѣтъ, мадамъ. Благодареніе Богу, мадамъ.
и у меня, благодареніе Богу, совсѣмъ здоровые, мадамъ.
ъ развѣ голова побаливаетъ, это точно, да на это при-
ы есть, по чистой совѣсти... Озябъ я, это вѣрно. И
ный хмель у меня еще не прошелъ: сонный хмель—
по-нашему, когда не доспишь. Восемь дней я въ по-
ль не ложился, изволите видѣть, по чистой совѣсти.

Фрау Аделуцъ.

А гдѣ, дружокъ, ты ночевалъ сегодня?

Плюкъ. Вотъ ужъ не знаю, гдѣ это было, по чистой
вѣсти. Изволите видѣть, коли ужъ вамъ правду говорить,
одилось мнѣ спать куда лучше, чѣмъ въ послѣднюю
ь. Куда, вправду, лучше спать доводилось, по чести и
совѣсти, вѣрьте мнѣ.

Фрау Аделуцъ.

Тебя звать Плюкомъ, я не ошибаюсь?
И днемъ вчера передъ рѣшеткой замка
Съ товарищемъ своимъ, другимъ пьянчужкой,
Ты велъ себя не очень-то примѣрно.

Плюкъ. Ну, изволите видѣть, этому плохо вѣрится,
волите видѣть. Прискорбно мнѣ, мадамъ, что вы это
ворите. У всѣхъ высокихъ господъ, по совѣсти говоря,
извѣстенъ съ самой лучшей стороны, и сердце у меня
егда было кроткое. Ахъ, знаете ли, мадамъ: кабы я по-
зсказалъ вамъ, что̀ мнѣ довелось пережить, такъ по
стинной правдѣ слезъ достойно, изволите видѣть. И въ
ибліи сказано: «смерть, гдѣ твое жало!» — по чистой со-
сти.

Фрау Аделуцъ.

Вотъ видишь ли, мнѣ хорошо извѣстно,
Гдѣ ночь провелъ ты нынче. Ты подъ вѣрной

Охраной былъ, въ тюрьмѣ,—не правда развѣ?
А Яу, собутыльникъ твой, удралъ.

Шлюкъ. Изволите видѣть, мадамъ, этому ужъ я ника
не могу повѣрить, мадамъ. Не хочу я противъ этого го
рить, изволите видѣть, потому какъ приличія-то я зна
По чести и совѣсти изволите видѣть: знаю, что̀ гдѣ иде

Фрау Аделуцъ.

Ты чѣмъ же занимаешься, дружокъ?

Шлюкъ. Это я вамъ могу сказать, мадамъ: силуэты
вырѣзаю. Что̀ называется, силуэтчикъ я. Занимаюсь я,
совѣсти говоря, и тѣмъ и другимъ, а главное дѣло м
все-таки, изволите видѣть, силуэты вырѣзать. И на
дѣло другого такого мастера поискать надо.

Фрау Аделуцъ.

Прекрасно, будемъ знать! На всякій случай,
Ты захватилъ съ собою инструменты?
Затѣмъ тебя мы изъ тюрьмы и взяли,
Чтобъ ты потѣшилъ насъ своимъ искусствомъ.
Тебя я знаю, видишь ли. Вглядись,
И ты меня навѣрное узнаешь,
А если нѣтъ—не мучь мозги напрасно.
Возьми же инструменты, сядь, какъ надо,
И вырѣжи намъ силуэтъ принцессы:
Похожій, слышишь? Сдѣлаешь удачно,—
Предупредилъ насъ господинъ объ этомъ,—
Проступокъ твой простится, наказанье
Тебя минетъ, и вся вина долой.

Шлюкъ. Ну, изволите видѣть: вины-то за мной, по со
вѣсти говоря, нѣтъ никакой — вотъ только малость пообо
грѣюсь, мадамъ! а инструментъ при мнѣ, изволите видѣть
Инструментъ всегда при мнѣ долженъ быть, ужъ повѣрьте
И ничего больше, какъ ножницы, изволите видѣть. (Вынимаетъ ножницы).

Зидзелиль.

А мнѣ-то какъ же: сидя или стоя?

Фрау Аделуцъ.

Какъ вамъ удобнѣе, принцесса!

Зидзелиль.

Такъ?

Плюкъ (вырѣзая). Изволите видѣть: я ко всему на свѣтѣ овъ. Человѣкъ долженъ быть готовъ ко всему на свѣтѣ! ничему на свѣтѣ не удивляюсь, мадамъ, и, знаете ли —можете ли вы понять, какъ я считаю?—преотлично я гда пристраивался. (Лицо его свѣтится внутреннимъ радост-ъ волненіемъ).

Фрау Аделуцъ.

А вотъ скажи, ты завтракалъ, дружокъ?

Плюкъ (какъ выше). Вчера завтракалъ, мадамъ.

Фрау Аделуцъ.

А нынче-то не удалось, должно-быть?

Плюкъ (какъ выше). День на день не приходится, ма-мъ! Я ко всему готовъ, изволите видѣть. Не такъ ужъ я ого отъ жизни требую. И вотъ изволите видѣть: когда начинаю вырѣзать, ужъ вы мнѣ повѣрьте, я иной разъ про ѣду и про питье забуду.

Зидзелиль.

Выходитъ хорошо? Я такъ сижу?

Фрау Аделуцъ.

Забавно! Ты, какъ вижу я, искусникъ.

Плюкъ. А вы утѣшаетесь, мадамъ, я знаю. Къ кому я приду работать, всѣ утѣшаются, глядя, какъ я вырѣ-ю. Изволите видѣть: меня никто этому не училъ, это ѣ отъ Бога дано, мадамъ! И я могу глядѣть, куда хочу. нѣ вовсе не нужно глядѣть на то, что у меня выходитъ. знаю, мадамъ, это для васъ утѣшеніе.

Фрау Аделуцъ.

Принцесса, я велю ему уйти?

Зидзелиль.

Ахъ, нѣтъ! Онъ препотѣшный, пусть побудетъ.

Фрау Аделуцъ.

Сказать себѣ, дружокъ, ты можешь смѣло:
Сегодня мнѣ на рѣдкость удалось!

Не лилія, а роза передъ нами—
Ты разсмѣшилъ принцессу. Ну, иди,
Попей, поѣшь. Не вредно подкрѣпиться.

Шлюкъ. Посчастливилось мнѣ. Ужъ такъ мнѣ посчастливилось, мадамъ. Отъ счастья готовъ высоко-высоко подпрыгнуть—вотъ какъ. Изволите видѣть, когда такое случается, тогда можно сказать: унывать не надо. Изволите видѣть: кабы меня вчера не бросили въ яму, не былъ бы я такъ счастливъ сегодня. Ахъ! Ахъ! Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ! Чего только на свѣтѣ ни бываетъ! А превкусныя это штуки, превкусное сладкое винцо. Я отлично знаю, что̀ это такое. Это вотъ бутылочка изъ горнаго хрусталя, изволите видѣть, а это вотъ телятина.

Фрау Аделуцъ.

Знай уплетай,—у насъ фазаньей это
Грудинкой называется—по вкусу
Пришлось тебѣ, дружокъ, мы и довольны.

Шлюкъ. Ахъ! Ну! Нѣтъ, знаете, мадамъ! Ни теперь ни въ какое иное время не смогу я сказать, до чего я счастливъ. Этакъ вырѣзать, изволите видѣть, я готовъ по гробъ жизни. Ахъ! Нѣтъ! Вѣрьте не вѣрьте, а меня вотъ ровно бы хлыстомъ огрѣли. Ужъ коли я вамъ угодилъ, изволите видѣть, такъ я чего тутъ ни сдѣлаю.

Фрау Аделуцъ.

Еще одно къ тебѣ есть дѣльце. Мы
Народъ веселый. Маскарады, танцы,
Забавы безъ конца—таковъ нашъ лозунгъ
На каждый день. Нашъ добрый господинъ
Разъ навсегда приказъ по замку отдалъ:
Чѣмъ веселѣй, тѣмъ лучше! Пусть послѣдній
Чернорабочій что-нибудь на четверть
Часа ему забавное представитъ,
И этого довольно, чтобы сталъ
Бѣднякъ землевладѣльцемъ крупнымъ, то-есть
Богатымъ чтобы сталъ.

Шлюкъ. Вотъ, изволите видѣть, у меня и готово: хорошо вышло, очень хорошо. Я бы охотно еще яблочко съѣлъ. Размарины называются. Я знаю: превкусныя яблочки!

Зидзелиль (разсматривая силуэтъ).

Неужто это я? Мой носикъ развѣ
Такъ вздернутъ кверху? Шея такъ тонка?
И я, какъ рыба, сплюснута?

Фрау Аделуцъ.

Э, полно!
Ужъ Іонъ-то Рандъ останется доволенъ.

Шлюкъ. Вотъ я вамъ еще хочу игольничекъ подарить, перламутромъ и серебромъ выложенъ. Я его у деревенской бабы купилъ. За это ничего съ васъ не причитается. Это бобы, морскіе бобы, а оправа серебряная. Я зналъ такихъ дамъ, что̀ изъ нихъ себѣ сережки дѣлали. Можетъ, и вы захотите. Я вамъ дарю, значитъ, и все тутъ.

Фрау Аделуцъ.

А кто нашъ господинъ, ты знаешь, Шлюкъ?

Шлюкъ. Нѣтъ! а то пришлось бы мнѣ солгать, по совѣсти говоря. Одинъ меня сюда привелъ, я и думалъ: это вотъ господинъ. Другой меня вчера въ кутузку отправилъ, и я тоже думалъ: это вотъ господинъ.

Фрау Аделуцъ.

Нѣтъ, Шлюкъ, ни тотъ ни этотъ, ни одинъ
Изъ тѣхъ двоихъ, что̀ видѣлъ ты. Но если
Ты и ему, какъ намъ, послужишь такъ же
Разумно и усердно и его
Развеселишь хотя-бъ наполовину,
То каждый день и часъ, повѣрь, ты будешь
Высокимъ лицезрѣньемъ наслаждаться:
Такой какъ разъ намъ человѣкъ и нуженъ.
Я знала вѣдь, кого я выбираю.
Съ твоей-то головой, съ твоимъ умѣньемъ
Ты заслужилъ, дружокъ, получше долю,
Чѣмъ быть шутомъ у пьяныхъ мужиковъ,
Бродить по деревнямъ съ плохимъ товаромъ
Да милостыней впроголодь кормиться.

Шлюкъ. Ахъ, мадамъ, не дѣлайте вы меня несчастнымъ, мадамъ! Ужъ очень, очень, очень хорошо мнѣ тутъ. Я вамъ подарю все, что̀ есть на мнѣ, отъ всего сердца. Что̀ скажете, то и сдѣлаю. Не вѣрите, что ли? Куда пошлете,

тула и пойду, гдѣ поставите, по чести и совѣсти, тамъ и стоять буду, пока не запѣсневѣю.

ФРАУ АДЕЛУЦЬ.

Такъ мы тебя сейчасъ же испытаемъ.
Вонъ тамъ найдешь ты шелковое платье:
Поди, надѣнь его и покажись—
Да только поживѣй, не мѣшкай, слышишь?

ШЛЮКЪ. Ахъ! Ахъ! Нѣтъ! Нѣтъ! Что ужъ тутъ! Нѣтъ, маламъ, вы и такъ ужъ вслась потѣшились надо мной. Ахъ, ну... Изволите видѣть, гдѣ до потѣхъ коснется, я тамъ дитя сущее. Потѣшу васъ еще, такъ и быть. Съ охотой потѣшу, отчего не потѣшить! Съ охотой, право, лишь бы вамъ угодить. Да мнѣ вѣдь это и не впервой. Когда, изволите видѣть, моя сестренка замужъ выходила, такъ я долженъ былъ повитуху представлять: и ловко же это у меня тогда вышло.

(Скрывается въ боковую дверь, которую ему отворяетъ фрау Аделуцъ).

ФРАУ АДЕЛУЦЬ.

Несчастный шленда этотъ Шлюкъ, не правда?
Межъ тѣмъ, будь доброта на дѣлѣ вдвое
Дешевле, чѣмъ цѣнить ее привыкли,
Такъ этотъ честный малый, шленда Шлюкъ,
Давно бы крезомъ сталъ.

ЧЕТВЕРТОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ.

Пиршественная зала съ башенкой. Великолѣпно накрытый столъ Охотники кончаютъ убранство стола, придвигаютъ стулья и потомъ прислуживаютъ. На хорахъ тоже размѣщены охотники въ живописныхъ одеждахъ, у каждаго рогъ. Карлъ, повидимому, очень занятъ распоряженіями. Іонъ Рандъ медленно отходитъ отъ стола. Дверь на террасу широко отворена, камин полонъ огня.

ІОНЪ РАНДЪ.

Отъ пира много ждешь ты, Карлъ?

КАРЛЪ.

Эхъ, Іонъ!
Понятно, Іонъ! Оленьи лижки, рыба,
Калужь, печенка заячья, съ мозгами

ютертый супъ, кабанья голова!
вина: арбуа, боннъ, гравъ, шалосъ!
много, Іонъ, другихъ вещей хорошихъ!

Іонъ Рандъ.

многомъ слабъ ты, Карлъ, извѣстно Богу,
то въ ѣдѣ силенъ.

Карлъ.

Дружище Рандъ:
въ житницы, какъ ты, не собираю,
ѣтъ замковъ у меня и нѣтъ лѣсовъ,
ены, ребенка нѣтъ. Сажусь въ сѣдло—
ѣтъ дѣла мнѣ, чья лошадь подо мною.
отовъ махать мечомъ, коль нужно, Іонъ,
о за кого, за что—опять нѣтъ дѣла.
никакой заботы нѣтъ мнѣ также,
одъ чьей живу я кровлей, если только
е слишкомъ кровля давитъ, Іонъ. Сижу
за столомъ—ни кубковъ осушенныхъ
и съѣденныхъ кусковъ я не считаю,
оволенъ или нѣтъ хозяинъ этимъ,
отя бы даже, глядя на меня,
онъ посѣрѣлъ съ досады.

Іонъ Рандъ.

Легче! легче!
подарилъ бы я тебѣ баронство,
Что сдѣлалъ бы ты, Карлъ?

Карлъ.

Вернулъ бы, Іонъ!
Я не хомякъ, и мнѣ норы не нужно.
Баронство—это въ родѣ ловчей птицы:
Цѣпь вкругъ ноги, колпакъ на головѣ!
Свободный соколъ я, не прирученный.
Что знатность мнѣ? Умру своею смертью,
Хочу и жить своею жизнью, Іонъ.
Богатство—грузъ: тащи, коль есть охота!
Вина въ подвалахъ будь хоть тридцать бочекъ,
На пятой кружкѣ ты упьешься, Іонъ!
Убей хоть сотню кабановъ, ты больше
Бедра не одолѣешь. Сотню замковъ

Имѣй, во всѣхъ ты скоро станешь гостемъ
Подобно мнѣ, бездомному. Чѣмъ меньше
Есть у тебя, тѣмъ ты богаче, Іонъ.
Отцовская цѣпочка, мечъ да рогъ
Охотничій, повѣрь мнѣ, я на двадцать
Баронствъ не промѣняю.

Іонъ Рандъ.

Легче! легче!

Карлъ.

Да сдѣлай опытъ! Я живу, пойми ты,
Лишь день, одинъ лишь день. «Вчера» и «завтра»
И такъ и сякъ ничто. «Вчера» и «завтра»
Сопровождать меня до смерти будутъ,
О смерти-жъ я безъ страха помышляю.
«Вчера» и «завтра»—двѣ лишь тѣни, Іонъ!
Попробуй ихъ поймать—поймаешь воздухъ.
«Вчера» и «завтра»—смерть и снова смерть!
А жизнь—сегодня только. Ты и Яу—
Онъ тамъ, ты здѣсь, дружище Іонъ!—вы оба
Скитальцы въ этомъ княжествѣ: оно
Все будетъ жить, а вы—и онъ и ты—
Давнымъ-давно въ своихъ гробахъ сгніете,
И оба вы равно его владыки.

Іонъ Рандъ.

Спасибо, Карлъ, за проповѣдь! Пойдемъ-ка
Да по бокалу хереса за бѣдныхъ
Скитальцевъ опрокинемъ, старина!
Вѣдь въ сущности цвѣтетъ и ночь и бездна,
Лишь путь туда особенный. Шагаешь
Отважно ты—онъ пирится какъ будто,
Да ширится и впрямь. Плетешься робко—
Все круча у тебя передъ глазами...
И каждый шагъ съ дыханьемъ затаеннымъ
Тебѣ со страху кажется послѣднимъ.

(Входитъ гофмаршалъ Мальмштейнъ).

Мальмштейнъ, здорово! что̀ нашъ князь, скажи-ка?
Очнулся ужъ, надѣюсь, отъ угара?
Я этого боялся, Карлъ, признаться,
Поэтому и спрашивалъ: отъ пира
Ты многаго ли ждешь... Пришелъ въ себя?

Не воскресилъ въ немъ память свѣжій воздухъ?
Въ канаву не свалился онъ съ коня,
Не очутился въ лужѣ по привычкѣ?

Карлъ.

Въ закладъ подагру ставлю, а въ придачу
И ревматизмъ, коль онъ очнулся, Іонъ!

Мальмштейнъ.

Нѣтъ, государь, онъ хорошо держался.
Задумавшись, когда и постучитъ
Въ лобъ кулакомъ, но на мгновенье только.
А тамъ «агу» и «у-лю-лю»—охота
Идетъ еще рѣзвѣй.

Іонъ Рандъ.

Теперь онъ гдѣ?

Мальмштейнъ.

Взялъ ванну. Ужъ и фыркалъ онъ, и пѣлъ,
И охалъ, и хихикалъ самъ съ собою,
И самъ себя свѣтлѣйшимъ величалъ.
По ванной разлилась вода до двери,
Гдѣ горничныя наши и пажи,
Чтобъ какъ-нибудь себя не выдать, корчась,
Отъ смѣха задыхались.

(Смѣхъ).

Карлъ.

Музыканты!
Искусники-горнисты, не зѣвать:
Едва войдетъ онъ въ залу—тушъ! Чуть съ мѣста
Привстанетъ—тушъ! На выходъ—тушъ! А вы,
Охотники, служить ему, какъ надо!
Смѣшокъ—ударъ охотничій. Сегодня
Онъ князь для васъ.

Іонъ Рандъ.

Да, пусть онъ будетъ княземъ.
Торжественно отъ всѣхъ господскихъ правъ
Я въ этомъ маскарадѣ отрекаюсь.

Мальмштейнъ.

Прошу прощенья, государь!

Іонъ Рандъ.

Лейбъ-медикъ.

Мальмштейнъ.

Простите, господинъ лейбъ-медикъ: Ну,
Свѣтлѣйшій блюдолизъ, идетъ сюда
Съ трофеемъ, заячьимъ хвостомъ, въ коронѣ.
Пройдетъ немало времени, пока
Онъ къ обществу привыкнетъ и усвоитъ
Пристойныя манеры: простодушно
На дѣвушекъ онъ скалилъ зубы, будто
На жареныхъ и сочныхъ перепелокъ;
Когда-жъ его пажи переодѣли,
Жену свою онъ два-три раза кликнулъ
И приказалъ ему передъ обѣдомъ
«Княгиношку» представить.

Карлъ.

Такъ и будетъ:
Свѣтлѣйшая супруга ужъ готова.
Идетъ. Всѣ по мѣстамъ своимъ. Ни звука!

(Ну, по-княжески одѣтый, входитъ со свитой. На головѣ у него зубчатая корона, какъ во второй сценѣ, но съ добавочнымъ украшеніемъ въ видѣ заячьяго хвоста. Охотники играютъ тушъ).

Ну (на мигъ остолбенѣвшій, остается на мѣстѣ и машетъ рукой). Ладно! Ладно ужъ! Хорошенькаго понемножку. Ужъ коли я князь, такъ можно, кажется, дать мнѣ минуточку покою.

Карлъ.

Занять извольте мѣсто, ваша свѣтлость.

Ну. Чего тамъ занять? Что есть, тѣмъ и займемся. Ага, ладно. Сколько васъ тутъ?

Карлъ.

По волѣ вашей свѣтлости, свой кругъ:
Всѣхъ девять съ вашей свѣтлостью.

Ну. Ну такъ садитесь! Садитесь и жрите, запрета отъ меня нѣтъ! (Садится и въ продолженіе послѣдующаго сидитъ). Нѣтъ! Стой! Встать! Сѣсть! Всѣмъ встать! всѣмъ сразу, ну! (Іону, который только слегка приподнялся). Задница у тебя прилипла, что ли? Бенешаль рядомъ со мной, а лейбъ-лѣкарь тамъ гдѣ-нибудь, особо. Не то опять онъ мнѣ безъ конца бре-

хать станетъ, какъ мой отецъ бредилъ, и всякую всячину. Теперь давайте, что̀ у васъ тамъ, я ѣсть хочу.

(Карлъ киваетъ охотникамъ. Тѣ приносятъ кушанья. Рога. Всѣ съ трудомъ удерживаются отъ смѣха).

Карлъ (встаетъ).

Свѣтлѣйшій князь! Охотники! Сначала
Охотнику здоровья! Снова нынче
Мы собрались за тѣмъ столомъ роскошнымъ,
Что̀ княжеская милость накрываетъ
Для насъ день изо дня. Но этотъ день,—
Хоть осень, лучезарная царица,
Къ намъ въ нынѣшнемъ году деньковъ чудесныхъ
Немало заронила,—этотъ день
Всѣ дни покрылъ собой! Нашъ пиръ сегодня—
Не наша заурядная пирушка.
А почему? Вы знаете, друзья!
Въ глазахъ у всѣхъ недаромъ блещетъ влага,
Недаромъ на носахъ повисли капли
Душевнаго волненія. Друзья...

Яу (перебивая). Стой! Все это на маслѣ жарено?

Іонъ Рандъ.

На первосортномъ маслѣ, ваша свѣтлость!

Яу. Никакъ у тебя печенка на тарелкѣ? (Перекладываетъ съ тарелки Іона Ранда на свою). Это для меня положено! Валяй дальше!

Карлъ (продолжая).

Впервые послѣ долгихъ лѣтъ нашъ князь,
Оправившись отъ тяжкаго недуга,
Вновь старый круглый столъ собой украсилъ:
Въ какомъ сиротствѣ былъ онъ, вамъ извѣстно!
Что̀ утро намъ безъ утренней звѣзды?
И что̀ намъ вечеръ безъ звѣзды вечерней?
Что̀ безъ алмаза княжескій вѣнецъ?
Что̀ день безъ солнца Божьяго? Всѣмъ этимъ
Безъ князя были мы до дня, въ который,
Какъ прежде, засіялъ онъ между нами.
Ахъ, дѣтушки мои! дрожитъ мой голосъ,
Отъ му̀ки сердце всхлипываетъ, слышно
Урчанье въ животѣ отъ лютой скорби,
Лишь годы злополучные я вспомню,

Когда, болѣзнью страшною сраженный,
Нашъ господинъ изнемогалъ въ страданьяхъ.
Лишь вспомню, какъ нашъ князь высокородный,
Владѣлецъ соломоновскихъ богатствъ,
Вообразилъ, злымъ духомъ ослѣпленный,
Что, словно мышь церковная, онъ бѣденъ.
Ахъ, ваша свѣтлость! князь боготворимый!
Вѣдь вы себя вели, клянусь вамъ Богомъ,
Какъ человѣкъ, что̀ на соломѣ спитъ,
Зловредную сивуху только дуетъ
И, съ прачкой состоя въ законномъ бракѣ,
Побои отъ нея вседневно терпитъ.
Вы всякіе остатки подъѣдали,
Не брезгая протухлымъ мясомъ даже,
Особенно-жъ плѣнили васъ котлеты
Изъ псины и конины. Самъ я видѣлъ,
Какъ, вырывъ изъ земли собственноручно,
Пять луковицъ сырыхъ вы сокрушили.

Яу (кричитъ тѣмъ временемъ). А ну-ка еще! Хорошо ужъ больно! Давай, сколько тамъ ни есть! Эй, вы, обезьяньи хвосты окаянные, сюда!

Карлъ.

Межъ тѣмъ плодились въ вашихъ замкахъ мыши
И крысы. Очаги вездѣ потухли.
Лисицы передъ погребомъ щенились,
Разсаживались зайцы въ огородѣ.
На поваровъ нагрянулъ моръ жестокій,
А поварята дюжинами гибли,
И плачъ великій былъ во всей странѣ.
Вы, государь, страдали, но сознанья
Въ васъ не было! А мы въ лицо смотрѣли
Всѣмъ ужасамъ! Смотрѣли, какъ ломала
Свѣтлѣйшая супруга ваша руки!
Какъ чахъ вашъ конь любимый! какъ собаки,
Всю ночь провывъ, околѣвали къ утру!
Какъ сто врачей искусныхъ—сарацины,
Евреи, греки, турки—безнадежно
Пытались вамъ помочь!.. Ахъ, государь!
За этимъ вѣдь столомъ, въ два года эти,
Кручину заглушая, что̀ пожрали
Мы каплуновъ, окороковъ кабаньихъ,
Олешины, дроздовъ, капусты кислой,

Индѣекъ фаршированныхъ, колбасъ,—
Но горшее обжорство порождало
Лишь горшее отчаянье! Въ винѣ
Забвенья мы искали, но, пьянѣя,
Сильнѣе лишь душой за васъ болѣли.
Вы наконецъ здоровы, государь!
Подарены вы снова намъ сегодня!
На томъ же мѣстѣ свѣтитъ наше солнце!
Восторженно мы льнемъ къ его лучамъ:
Мы снова дышимъ, пьемъ здоровье ваше,
И, чуть я поднялъ кубокъ, чуть поднесъ
Его къ губамъ и осушилъ,—дни скорби
Забыты вмигъ! Да здравствуетъ нашъ князь
Возлюбленный—ура! ура! ура!

(Всѣ встаютъ и чокаются съ Яу).

Яу (видимо тронутый). Сидите! Сидите! Не вставайте, сидите! Садитесь всѣ. (Всѣ садятся. Онъ встаетъ и въ тихомъ умиленіи обнимаетъ Карла, оставшагося на ногахъ). Ну, вотъ видите! Ну, вотъ видите! Все, стало-быть, какъ слѣдуетъ. Все опять на ладъ пошло, стало-быть! Да! Да! Такъ и есть! Такъ и должно было со мной случиться!.. Только... ну, да плюнемъ на это!.. Да, да! Нѣтъ, нѣтъ!.. Болѣлъ я, должно-быть... Лейбъ-лѣкарь! Можете, пожалуй, сюда пересѣсть, рядомъ со мной. Что вы скажете про мою болѣзнь? Да идите же, идите же, идите же, чего тамъ!.. Давеча вы что-то говорили про меня: что меня кошмаръ душилъ или что еще тамъ, и что будто вчера я былъ на охотѣ!?

Іонъ Рандъ.

Свѣтлѣйшій князь! Моею мыслью было
О лучшихъ вашихъ дняхъ воспоминанье
Въ васъ вызвать, и, объ этомъ-то стараясь,
Послѣднюю изъ тѣхъ временъ охоту
Припомнилъ я, какъ бывшую вчера.
За это я въ немилость впалъ, но все же
Не каюсь въ томъ нимало, государь:
Мой маленькій обманъ оправданъ вашимъ
Счастливымъ пробужденьемъ.

Яу (похлопавъ, жметъ его колѣно). Кончено объ этомъ, ни единаго слова больше! Будемъ друзьями, лѣкаришка! Выпейка со мною! (Протягиваетъ Іону Раяду свой кубокъ, изъ котораго тотъ отпиваетъ съ видимой неохотой). Ну, слушайте, хочу я вамъ

правду сущую повѣдать: я это примѣтилъ. Что я давно на охотѣ не былъ, это я примѣтилъ. Не хотѣлось мнѣ только показать, а я въ лучшемъ видѣ примѣтилъ. Мнѣ на моей кобылѣ было все равно, какъ на жерновѣ, когда, значитъ, мельница въ ходу: все колесомъ! все колесомъ! Ну, да погодите, опять все наладится.

Мальмштейнъ.

Никто и не замѣтилъ, ваша свѣтлость!
Охотники согласно утверждаютъ:
Сегодня всѣ мы въ скачкѣ отличились,
Но ваша свѣтлость всѣхъ насъ превзошли.

Яу. Ну, ну! Какъ знать, чего не знаешь! А только все, все наладится помаленьку.

Іонъ Рандъ.

Все дѣло въ томъ теперь, чтобъ ваша свѣтлость
Не очутились вновь въ кругу тѣхъ бредней,
Которыя владѣли вами раньше.
И очень вашу свѣтлость я прошу
Слѣдить построже въ этомъ за собою!
Пусть измѣнный обманный міръ со всѣми
Обманчивыми призраками будетъ
Отнынѣ мертвъ, какъ мертвъ онъ въ вашемъ сердцѣ.
Когда же васъ его видѣнья снова
Начнутъ одолѣвать, да обратится
Въ каленое желѣзо ваша воля
И сразу выжжетъ сорную траву!
Какъ пузыри изъ глубины болотной,
Свободные, всплываютъ на поверхность
И лопаются, вспыхивая,—такъ же
Блудящіе огни изъ нѣдръ душевныхъ
По временамъ пугать еще васъ будутъ.

Яу. Чортъ въ стулѣ! Сапоги всмятку! Ты, братъ, сальца-то не очень подпускай, мы жирнаго не ѣдимъ! Мое при мнѣ и останется! А тебѣ тутъ что?.. Музыки! Вина! Лейте въ утробу, пока не лопнетъ!.. И пусть я всѣ свои отрепья пропью! И пусть я всѣ свои достатки, съ Моисеемъ и со всѣми пророками, черезъ глотку пропущу... Стой! Что я такое сказалъ?.. Стой! Нѣтъ! Нѣтъ! Что же это такое опять!?. Нѣтъ-нѣтъ да и опять, нѣтъ-нѣтъ да и опять!.. Лѣкарь, что я тебѣ скажу: это мнѣ не нравится! Ежели я какую глупость сболтну, ты мени подъ ребро, слышишь?

Іонъ Рандъ.

Вотъ этимъ колокольчикомъ я буду
Держать настороже васъ, государь.

Яу. За твое здоровье, лѣкарь! За твое здоровье, шнель-клопсъ! И этакъ и такъ, на всѣ лады хорошо! Да, да, съ охотой-то у насъ не вышло, ну, а все-таки я дѣло понимаю. Вонъ того рогатаго, что̀ тамъ виситъ: это вѣдь я простѣлилъ — полтретья года назадъ. Въ самую лопатку: на мѣстѣ. Какъ свинья, на мѣстѣ растянулся! Это я помню, точно вотъ сегодня было. Тогда у меня еще одинъ король былъ въ гостяхъ, настоящій король, какъ есть,—такъ тотъ промахнулся. Хорошо стрѣлялъ, а промахнулся. Я попалъ. Какъ свинья растянулся! И хоть бы разокъ вздохнулъ.

(Смѣхъ. Яу, въ первую минуту остолбенѣвшій, самъ принимается смѣяться, и смѣхъ его кажется особенно громкимъ оттого, что всѣ кругомъ смолкаютъ).

Карлъ.

Припомнили, должно-быть, ваша свѣтлость
На дикихъ козъ охоту на Кавказѣ,
Какъ по горамъ, съ опасностью для жизни,
За однолѣткомъ вы гнались, а я
Изъ вѣрности карабкался за вами.
И вотъ вдвоемъ негаданно-нежданно
Мы очутились въ облакахъ! Коза
Отчаяннымъ прыжкомъ отъ насъ вметнулась—
Прыжокъ въ длину былъ съ добрыя три залы—
Фюить и нѣтъ... Что̀ дѣлать? какъ вернуться?
Отъ головокруженья чуть держался
Я на ногахъ и все шепталъ молитвы,
А ваша свѣтлость трубочку набили,
Козу послали къ чорту и сказали:
«Свѣженько здѣсь—простудишься, пожалуй.
Прекрасный видъ, но что̀ въ немъ безъ козы!
Добромъ иль недобромъ, спускаться надо».
И тутъ меня за грудь вы ухватили,
Приподняли, закинули назадъ,
И на своей спинѣ—ну вотъ, ей-Богу,
Не лгу!—снесли живымъ и невредимымъ
Въ долину, нашимъ спутникамъ на диво:
Они ужъ насъ погибшими считали.

Яу. Ну, само собой, бенешалъ, дѣло извѣстное! Развѣ

нѣтъ? Въ такихъ дѣлахъ у меня особая повадка, тутъ ужъ я не мѣшкаю: эйнъ, цвей, дрей! Вотъ вамъ рука — ухватите-ка: изъ творогу она, думаете? То-то и есть! Знай нашихъ. А ухватите ногу: на ней дрова колоть можно! Какова у нашего брата силища!.. Да и какъ же иначе напослѣдокъ-то? Ѣдимъ мы вволю, и пища у насъ хорошая. Этого добра сколько угодно! И на чистыя денежки! Такихъ-то вотъ рукъ да ногъ да такихъ костей огуречная похлебка не дастъ! Ну, само собой, теперь для меня все какъ на ладони! Не молодчина я развѣ? И очень просто, когда отъ хорошихъ родителей происходишь, видите ли. Десять пудовъ поднять для меня плевое дѣло—мизинца не согну! А теперь пить. Будемъ здоровы, господа честные! Ну, само собой, тогда вотъ—гдѣ, бишь, такое было?.. И то сказать, здорово-таки я поколесилъ по бѣлу свѣту... А головы я никогда не потеряю, это вы и знайте! И ежели мнѣ какъ слѣдуетъ взяться, такъ я двоихъ такихъ, какъ ты, на спину подниму. Поднять, что ли, этотъ подсвѣчникъ? Сейчасъ увидите! Глядите-ка! (Схватываетъ бронзовый канделябръ и безуспѣшно старается поднять его; но такъ какъ всѣ ему громко рукоплещутъ, то онъ стоитъ съ торжествующимъ видомъ). Я вѣдь мѣшки съ пшеницей таскалъ, когда въ батракахъ жилъ,—три недѣли въ батракахъ я прожилъ,—по два мѣшка заразъ съ чердака, съ высоченнаго чердака, да прямо во дворъ! Спросите кого угодно... (Іонъ Рандъ звонитъ). Стой! Что я такое говорю? Это я такъ, сболтнулъ только. Тс, тише! Я ужъ знаю, лѣкарь, сиди себѣ!.. Ребятушки, а вѣдь мнѣ тутъ хорошо! Очень хорошо! Очень хорошо! Нѣтъ ли тутъ кого, кто бы спѣть могъ? Неужто въ цѣломъ домѣ дѣвчонки не найдется? Ужъ очень разбираетъ меня, очень меня разбираетъ на всякія штуки! Да, да, по части охоты это статья особая—тутъ мнѣ и чортъ не братъ. Въ этомъ дѣлѣ я собаку съѣлъ. Не правда развѣ? Жареная кошка вещь хорошая, что и говорить, а ужъ заяцъ жареный... Вру я, что ли? Жареный заяцъ съ клецками въ воскресенье—да я изъ-за него и попа съ церковью забуду. Только одно; ни подъ какимъ видомъ не попадаться. Всѣ снасти налицо да въ исправности—такъ мы со Шлюкомъ какъ пойдемъ чесать... (Іонъ Рандъ звонитъ). Стой! Я хотѣлъ сказать: съ этимъ... Лѣкарь, чего тебѣ? Лѣкарь, перестань! Разъ навсегда: перестань! Все бойся да бойся—что за распроанаѳемская жизнь такая! Для чего-жъ я здѣсь тогда? Того гляди, кровавый потъ прошибетъ... На кой же прахъ я

опять выздоровѣлъ? На кой прахъ я княземъ называюсь, а? Вотъ я пью—и кончено! И ѣмъ съ удовольствіемъ, и таково хорошо мнѣ, и вы ужъ мнѣ не досаждайте. А станете досаждать... а станете досаждать, тогда ужъ не прогнѣвайтесь. Станете досаждать! Напрямки говорю, тогда... ну... напрямки говорю!.. Теперь еще куда ни шло. Но ежели вы на грѣхъ меня разсердите, тогда... (Примѣчаетъ на закрытой галлереѣ Зидзелиль и фрау Аделуцъ, таращитъ глаза и, сразу присмирѣвъ, говоритъ) Кто такія?

Карлъ.

Вглядѣться соизвольте, ваша свѣтлость!
Тамъ ваша дочь, принцесса Зидзелиль,
И съ нею камерфрау Аделуцъ.
Желанье ваше музыку послушать
Ей передалъ мой посланный—и вотъ
Дѣвица благородная, со всею
Готовностью отзывчиваго сердца,
Явилась усладить насъ нѣжной пѣсней.

Яу (продолжая таращить глаза). Ну, понятно, я знаю. Тише! Чего ужъ натуральнѣе! Стой, кто эта дѣвчонка-то?

Карлъ.

Принцесса Зидзелиль, дочь государя.

Яу. Хм!! Ага! Ну, понятно же, чего натуральнѣе! Потѣха! Какъ зовутъ-то?

Зидзелиль (поетъ подъ аккомпанементъ арфы).

Я тихо ударяю по струнамъ...

Яу. По чемъ ударяетъ?

Карлъ.

Тс, ваша свѣтлость! Тс!

Зидзелиль.

Я тихо ударяю по струнамъ—
Дыханье затаите.

Яу. Плохо слышно.

Зидзелиль.

Моя душа блуждаетъ—
Какъ птица-странница блуждаетъ надъ землей.

Я одинока.
Мнѣ смѣхъ возлюбленнаго тяжекъ:
Такъ сладокъ онъ!

Яу. Одно слово—сахаръ.

Зидзелиль.

Отъ смѣха сладкаго могу-ль я отказаться?
Но отказаться все-жь—увы!—придется мнѣ.

Карлъ. Духу! Духу! Чуточку духу больше!

Зидзелиль.

Я знаю! Знаю!
Я одинока.
Осенній небосклонъ весь въ тучахъ сѣрыхъ,
Да и сама я тучкой, вешней тучкой,
Брожу межъ тучъ осеннихъ, тихо тая.

(Молчаніе).

Яу. На совѣсть! Какъ есть на совѣсть! Не правда развѣ? Меня даже слеза прошибла, словно я табаку нюхнулъ. Въ аккуратъ! Въ аккуратъ! Въ аккуратъ потрафляетъ! Что? Не такъ, скажете? Могла бы своимъ пѣніемъ и деньгу зашибить, въ балаганѣ ежели, у цыгана какого-нибудь. Да, да, это мнѣ по нраву! Еще бы не по нраву!.. Про что она пѣла-то? Что она тучка? Ну да, да, ничего мудренаго! Не иначе, какъ такъ. Дома у меня, видите ли, дѣвчонка есть, тоже въ родѣ какъ тучка... Зато мальчишка—чистый разбойникъ! Водку хлещетъ такъ, что мнѣ куда: вѣрьте слову! Не вѣрите?.. Да, да! Нѣтъ, нѣтъ! И прямо надо сказать... У насъ всѣ, которые изъ нашего роду, всѣ съ головой. Всѣ съ головой! Ни одного такого, чтобъ безъ головы. Пьяницы мы, а всѣ съ головой. Мальчишка съ головой! Что, не правда развѣ? Съ такой головушкой я васъ всѣхъ урезоню. (Зидзелили, вверху) Ты! ягненочекъ! Слышишь? Чокъ! За твое здоровье! Я тоже спѣть могу. Ты думаешь, нѣтъ? Ты думаешь, я не могу спѣть? Оттого, что зобасть я малость? Эге! Послушали бы вы! Что? Да вы и во всей округѣ немного найдете такихъ, чтобы такъ хорошо нѣсни пѣли, какъ я! Ужъ кто настоящій Яу, у того и жилка на нѣсни.

Ахъ, бѣднякъ же я, бѣднякъ...

(Одинъ изъ слугъ прыскаетъ со смѣху).

Я вотъ только не хочу, никакой у меня сейчасъ охоты нѣтъ. А я могу! Нѣтъ такого Яу, чтобъ не могъ. Ужъ очень мы старательны, оттого. Во всякомъ дѣлѣ мы очень старательны, видите ли. Стараніе, видите ли, это первѣй всего! Всегда чтобы въ дѣйствіи, видите ли! И руки и ноги! Безъ отдыху чтобы!..

Чики-брики, тра-та-та!

Все чтобъ въ дѣйствіи, видите ли! За ваше здоровье! Не будь я старательный малый, чорта съ два сидѣлъ бы я тутъ. Я никакой работы не боюсь, видите ли! Вы навѣрно думаете, что я пьянъ, а?.. Ребятушки, увидала бы сегодня это моя баба—завтра мнѣ помирать!

Ахъ, бѣднякъ же я, бѣднякъ,
Сколько дней ужъ я не ѣвши!
А жена все подъ башмакъ...

Пей, пьянчужка! За твое здоровье!.. Пей, пьянчужка! Теперь ужъ одно на одно выходитъ. И молодчаги же мы, напою я васъ, голодныхъ дворняжекъ, а завтра въ Гирсдорфъ поплывемъ! Ты, тучка тамъ наверху, ну-ка еще пѣсенку!

Мужику далъ Богъ трехъ дочекъ...

За ваше здоровье! Запѣлъ бы я по-своему, то-то вы уши навострили бы, словно зайцы! Поглядѣлъ бы я, у кого бы лучше вышло.

Будь ты, Розочка, моя,
Ай, люли! Ай, люли!

(Поетъ серьезно и съ чувствомъ)

Пора бы спать, да сонъ-то прочь,
Мнѣ безъ возлюбленной невмочь:
Шмыгну я къ ней, какъ воръ ночной,
И въ стѣнку стукну разъ-другой.

(Іонъ Рандъ звонитъ).

Карлъ.

Княгиня къ вамъ желаетъ, ваша свѣтлость!

Яу (внѣ себя). Гдѣ же? Какъ же? Гдѣ же я? Ради Создателя, гдѣ же я? Ради Господа, ради куръ, утокъ, гусей и всего, что на свѣтѣ есть, скажи мнѣ скорѣй! Кто тамъ? Ты, бенешалъ, скорѣй скажи мнѣ: я, хоть съ голоду подохнуть, ничего не понимаю. Снится мнѣ, больше ничего!

Какъ? Что? Сердитая она очень, княгиня-то? Мнѣ какая-то злющая баба пригрезилась...

Карлъ.

Сердитая? Сердитая—княгиня?
Да лучше и добрѣе не найдете
Вы женщины на свѣтѣ, государь.

Яу. Ладно! Кончено! Пусть идетъ! Заврался я, лѣкарь! Дѣло возможное! Заврался и забрался, врюхался и вбухался, захлебнулся и задохнулся. А теперь я опять на ноги всталъ! Нѣтъ, скажете?

Карлъ.

Два слова, ваша свѣтлость, два лишь слова!
Молю васъ, государь, склонивъ колѣни,
Молю васъ: будьте тверды въ этотъ мигъ,
Какъ заступомъ, всей силой вашей воли
Исторгните недуга злого корень.
Супруга пусть для васъ супругой будетъ!
Разсудка ясность намъ явите въ томъ,
Въ чемъ затемненъ онъ былъ всего сильнѣе!
Княгиню принимайте съ этихъ поръ
За то, что есть она: не за мужчину—
За женщину! и данное ей имя
Не замѣняйте созданнымъ въ бреду.

(Идетъ, чтобы впустить Шлюка).

Яу. И все это одна дурацкая болтовня! У васъ умъ за разумъ заходить начинаетъ. Баба такъ баба, мужчина такъ мужчина: съ тѣхъ поръ, какъ на свѣтѣ живу, мнѣ это извѣстно.

(Адельцъ вводитъ Шлюка, одѣтаго княгиней. Охотники играютъ тушъ. Шлюкъ дѣлаетъ три очень глубокіе книксена. Яу невольно приподнялся и, закинувъ голову, пристально смотритъ на Шлюка. Шлюкъ остается въ отдаленіи. Когда музыка смолкаетъ, Яу одно мгновеніе безпомощно озирается, а потомъ, какъ бы рѣшившись съ отчаянія, широко раскрываетъ объятія, идетъ къ Шлюку и обнимаетъ его).

Яу. Ну, старая, помирились опять, стало-быть!

(Шлюкъ преувеличенно-нѣжно обнимаетъ и цѣлуетъ его и на разные лады приговариваетъ фистулой: «мужецекъ мой милый, сокровище мое» и т. п.).

Яу (внезапно ужаснувшись, съ быстротой молніи освобождается изъ объятій Шлюка и вскрикиваетъ). Шлюкъ!!!

Карлъ.

Всего святого ради, ваша свѣтлость,
Одумайтесь, забудьте имя это!

(Шлюкъ дѣлаетъ книксены во всѣ стороны и кружится съ плясовыми движеніями).

Яу (схватившись за голову, нѣкоторое время въ изумленіи смотритъ на него, потомъ коротко и сильно окликаетъ). Шлюкъ!!!

Шлюкъ (фистулой).

Я вамъ жена, мой сладкій сахаръ-князь!
Я куколка и сладкая вамъ женка.
Совсѣмъ не Шлюкъ, не Шлюкъ, не Шлюкъ, не Шлюкъ!
Кругляшка я бабенка, не мужчина!

(Выходя изъ роли)

У меня, изволите видѣть, прехорошенькое платье. Изволите видѣть, по чистой совѣсти, я вамъ истинную правду говорю: какъ передъ Богомъ, я настоящая женщина. Ахъ, нѣтъ, оставьте, вы и такъ должны вѣрить! (Жеманно, какъ бы отбиваясь отъ нескромныхъ посягательствъ) Нѣтъ! нѣтъ же! нѣтъ! нельзя этого! Нехорошо! Нѣтъ! Нѣтъ! Говорю вамъ: нѣтъ! а ужъ ежели я говорю «нѣтъ», изволите видѣть, такъ, значитъ, нѣтъ.

Ахъ, сколько вижу я господъ! мнѣ стыдно.
Какъ вижу столько я господъ—мнѣ стыдно.

(Выходя изъ роли, Карлу)

Будь у меня вѣеръ, изволите видѣть, какой ни есть вѣеръ, изволите видѣть, я бы все это какъ по нотамъ разыгралъ. Да ничего. Ничего. И такъ ничего. Я пѣсенку хорошую знаю, очень хорошую:

Медъ-муженекъ, медъ-муженекъ, медъ-муженекъ,
Ахъ, медъ мой муженекъ, да, да!
Вернулся мужъ домой—эге, смотри!—
Коней-то что: одинъ, и два, и три!
Въ толкъ не возьму, жена, ей-ей,
Зачѣмъ такъ много здѣсь коней?

(Подражаетъ дѣтскому крику, потомъ притворяется испуганнымъ) Ахъ, Боже мой, ребенокъ кричитъ! Ахъ, Боже мой! Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ! вотъ тебѣ! Будешь ты смирно лежать! (Дѣлаетъ видъ, что бьетъ ребенка, и подражаетъ крику, одновременно приговаривая) Противный мальчишка! Будешь ты смирно лежать! Противный мальчишка, будешь ты! Будешь ты

смирно лежать! Уа, уа, уа! (Выходя изъ роли) Изволите видѣть, у меня это совсѣмъ натурально выходитъ. Я у одного бродячаго подмастерья этому выучился, и словно взаправду! У меня это словно взаправду, совсѣмъ натурально выходитъ.

Зачѣмъ такъ много здѣсь коней?
«Коровъ мнѣ матушка наслала, ей же ей».
Коровы съ сѣдлами? О, чушь! о, чушь! о, чушь!
Я заурядъ несчастный мужъ!

Яу. Валяй дальше!.. Какъ есть, чортова баба. Кажись, ей молоко въ голову бросилось?

Шлюкъ (робко). Нѣтъ! Изволите видѣть, такъ надо, чтобъ совсѣмъ натурально выходило. Изволите видѣть, это я у проѣзжихъ господъ запримѣтилъ.

И дальше мужъ идетъ—эге, смотри!—
Плащей-то что: одинъ, и два, и три!
Въ толкъ не возьму, жена, ей-ей,
Зачѣмъ такъ много здѣсь плащей?
«Платковъ мнѣ матушка наслала, ей же ей».
Платки съ накидками? О, чушь! о, чушь! о, чушь!
Я заурядъ несчастный мужъ!

Уа, уа, уа! Будешь ты смирно лежать! (Наскакиваетъ на Яу, чтобы поцѣловать его) Поцѣлуй меня, мнѣ надо къ ребенку.

Яу (отбиваясь отъ него въ страшномъ испугѣ). Сгинь ты, чортова вѣдьма! Уберите эту бабу! Уберите сейчасъ! Уберите, говорю, уберите! Не то я сбѣгу. Никогда еще я такъ здоровъ не былъ! Ежели это моя баба... такъ это она, она меня больнымъ сдѣлала. Вонъ! Я уѣзжаю. Запрягать лошадей! я уѣзжаю. Всѣ со мной! Вонъ! Кабы хоть что-нибудь. А когда втыкаютъ въ землю сосновую жердь, да на нее навѣшиваютъ старую плисовую юбку, да сверху напяливаютъ старый ночной чепчикъ съ лентами: такъ тутъ до бабы еще далеко. Поняли!? (Быстро уходитъ со свитой).

Шлюкъ (послѣ того, какъ неистовый взрывъ хохота оставшихся смолкаетъ, обращается къ Карлу, испуганный и блѣдный; фрау Аделунь подходитъ къ нимъ). Не такъ я развѣ представилъ, прекраснѣйшій господинъ? Ужъ, кажется, представилъ по совѣсти — одно вотъ только: на колючку напоролся. Тутъ ужъ вы сами, мадамъ, сообразить можете. А кромѣ того, изволите видѣть, мнѣ всегда парочку деньковъ давали на выучку, изволите видѣть.

ПЯТОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ.

Дворъ замка со старыми орѣшниками. Іонъ Рандъ, Карлъ и другіе, смѣясь и болтая, выходятъ изъ главной двери.

Іонъ Рандъ.

Твоя затѣя, Карлъ, идетъ удачно!

Карлъ.

Тутъ филина я застрѣлилъ намедни,
Тринадцать фунтовъ вѣсилъ онъ, не меньше.
Моя Жужу его схватила мигомъ
И принесла мнѣ бережно въ зубахъ,
Съ трудомъ лишь радость гордую скрывая.
Но, свисши, волочилось по землѣ
Крыло у мертвой птицы—и собака
Все наступала на него, пока
Сама же и не вырвала изъ пасти.
И Яу такъ свой санъ высокій носитъ!
Продолжимъ мы игру, себѣ и шею
И ноги сломитъ онъ.

Іонъ Рандъ.

Нѣтъ, слушай, Карлъ:
Какъ не очнулся онъ, не понимаю,
Когда увидѣлъ королеву-Шлюка.
И бодрствуетъ и спитъ! вѣдь вотъ что̀ странно.
Опасный сонъ! И бодрствованье тоже!
Онъ вскрикнулъ: Шлюкъ. Однажды.

Карлъ.

Дважды, Іонъ.

Іонъ Рандъ.

Ну, все равно! Лишь свѣтлое мгновенье,
Не болѣе. А Шлюкъ, мнѣ показалось,
Товарища и вовсе не узналъ:
Такъ воплотился въ бабу-королеву
И важностью задачи такъ проникся,
Что ничего не видѣлъ и не слышалъ
И, не догадываясь, противъ воли,
Сердечнаго дружка, Пилада-Яу,
Помогъ намъ одурачить. Лишь бы онъ,

Какъ прежнимъ Яу станетъ, не лишился
Разсудка окончательно?

Карлъ.

Не бойся!
Сними съ него узорчатое платье—
И влѣзетъ снова онъ въ свои обноски,
Что въ уголъ лежать у кастеляна.
А платье платьемъ было, есть и будетъ!
Побольше чуть потерто у него,
Зато какъ разъ по немъ. И такъ какъ платье
Изъ той же ткани сшито, что и сны,—
Его и наши, Іонъ!—и къ тѣмъ предметамъ,
Что окружаютъ насъ, ничуть не ближе
Мы, чѣмъ ко снамъ, не ближе, чѣмъ и Яу,
То съ нашихъ намалеванныхъ небесъ
Спуститься въ грязь опять не очень будетъ
Замѣтно для него. Какъ такъ? Да такъ.
Ну вотъ любой изъ насъ—онъ развѣ больше,
Чѣмъ голый воробей? чѣмъ этотъ Яу?
Не думаю! Сравнить его и насъ—
Вѣдь мы немногимъ больше значимъ въ жизни:
Все счастье наше—въ мыльныхъ пузыряхъ.
Мы сердцемъ выдуваемъ ихъ и тѣшимъ
Игрою красокъ взоръ, пока не лопнетъ
Изъ нихъ послѣдній: такъ же вотъ и Яу.
До самой смерти этимъ заниматься
Онъ можетъ безъ помѣхи и запрета.

Іонъ Рандъ.

Святыя рѣчи, Карлъ! Есть польза, значитъ,
И въ мыльныхъ пузыряхъ; и если-бъ даже
Лишился онъ награды припасенной,
Въ убыткѣ не остался-бъ.

(Въ замкѣ шумъ и смѣхъ).

Что такое?

Карлъ.

Обходъ вновь испеченной королевы,
Со свитою, по замку твоему.
И Аделуцъ забыла вдовье горе,
Въ вѣнкѣ изъ астръ красуется, какъ будто
На свадьбу нарядилась.

Іонъ Рандъ.

Аделуцъ?
на вѣдь трауръ носитъ? По второмъ
упругѣ все тоскуетъ?

Карлъ.

Погляди-ка!
начокъ себѣ цвѣтной ужъ прицѣпила
І держитъ шлейфъ у королевы.

Іонъ Рандъ.

Лишь бы
)сенняго цвѣтка морозъ не тронулъ.
Послалъ бы ей Господь помягче зиму...
Эй, шутъ! ты что тамъ?

Шутъ.

Коноплю кручу.

Іонъ Рандъ.

На что тебѣ? Въ канатчики задумалъ?

Шутъ.

Нѣтъ, въ палачи.

Іонъ Рандъ.

Кого-жъ ты вѣшать хочешь?

Шутъ.

Себя! Теперь безъ хлѣба насидишься:
Такое развели кругомъ веселье,
Что я ужъ съ шутовствомъ своимъ не суйся.
Сталъ мудрецомъ—пора и въ петлю, значитъ.

Іонъ Рандъ.

Такъ пусть во-всю идетъ у насъ веселье!
Столовъ, скамей сюда, питья побольше!
Поразомните ноги, попляшите!
Вотъ и коверъ изъ листьевъ золотистыхъ—
Его намъ разостлалъ орѣшникъ старый.
Прощальный кругъ! Вина сюда, наливокъ!
Плодовъ осеннихъ! Полными руками

Берите ихъ изъ полныхъ чашъ. Вѣнчайте
Себя лозою дикою! Веселье
Вакхическимъ должно быть на прощанье.
Могильщикъ въ горностаѣ у порога:
Въ рукахъ онъ савант держитъ наготовѣ.
Веселыхъ дней промчится хороводъ—
Тогда добро пожаловать! Ужъ стало
Тянуть меня къ его одеждѣ бѣлой...
Ныряя въ морѣ сумасбродствъ,—съ охотой
Ныряя, Карлъ,—все-жъ рвется грудь къ землѣ
И къ зимнему глубокому покою.

(Ставятъ столы и скамьи, приносятъ вино, плоды и пр. и пр. Изъ замка выступаетъ шествіе красивыхъ женщинъ со Шлюкомъ, все еще одѣтымъ княгиней, во главѣ. Фрау Аделуцъ, пестро наряженная, вся въ лентахъ, несетъ его шлейфъ. Одинъ красивый подростокъ бьетъ въ барабанъ, другой играетъ на свирѣли. Въ толпѣ находится и Зидзелиль).

Карлъ.

Взглянуть лишь на нее—не сладко-ль сердцу?

Іонъ-Рандъ.

Она тебѣ не кажется съ хитринкой?

Карлъ.

Зови ужъ на крестины, если такъ.

Шлюкъ. Постойте! Чуточку полегче, прошу васъ! Чуточку полегче, прошу васъ! Не то мы раздеремъ ваше роскошное платье.

Фрау Аделуцъ.

О, что вы говорите, королева!
Вѣдь это платье ваше, какъ и то,
Что я ношу. Да и сама я ваша,
Какъ ваши всѣ собравшіяся здѣсь,
Чтобъ вамъ служить, чуть знакъ вы подадите.
Блаженны черви, вытkавшіе платье,
Что нынче облегаетъ вашу грудь!
Блаженно дерево, что ихъ питало!
Блаженна ткань, которую вы рвете!

Іонъ Рандъ.

Вотъ это рѣчь учтивая, со вкусомъ.

Карлъ.

Нашелъ бы ты еще въ ней больше вкусу,
Когда бы увидалъ ея рубашку,
Которую сама она расшила,
Да и другія вещи, что̀ на ней.

Шлюкъ. Ахъ, мадамъ! Я ужъ знаю, что вы тутъ театры едставляете, мадамъ. Только будьте милостивы...

(Дѣвушки толпятся вокругъ него и безъ стѣсненія тычутъ ему ъ носъ).

1-я дѣвушка. Хотите одеколону понюхать?
2-я дѣвушка. Богородской травки?
3-я дѣвушка. Резеды или лакфіоли?
4-я дѣвушка. Ванили?
5-я дѣвушка. Луку?
1-я дѣвушка. Мускусу?
2-я дѣвушка. Мускатнаго цвѣту?
3-я дѣвушка. Чесноку?

Шлюкъ. Что̀ вы говорите? Какъ? Что̀ за вониль такая? онючка, вѣрно, какая-нибудь, мадамы? Ахъ! Нѣтъ! Нѣтъ! рошу васъ, мадамы! Вамъ-то очень забавно, я знаю! олько вы бы ужъ чуточку полегче, изволите видѣть! У меня акъ разъ прыщикъ въ носу, и когда вы ужъ очень суете, зволите видѣть, такъ мнѣ чупиточку больно.

Фрау Аделунцъ.

Не будьте такъ невѣжливы, дѣвицы!
Не слишкомъ госпожѣ надоѣдайте!

Шлюкъ. Вѣдь я же отъ всего сердца съ вами балуюсь! асчудесно все выходитъ, и мнѣ очень нравится, только опросилъ бы я васъ немножечко полегче! (Фрау Аделунцъ арочно наступаетъ ему на шлейфъ). О, прокля... чортъ! Не ви-ишь, такъ смотри!

Фрау Аделунцъ.

Простите, королева, Бога ради!

Шлюкъ. Вы мнѣ шлейфъ оторвали, мадамъ! Изволите видѣть, какъ я говорю, такъ и есть, изволите видѣть. И ужъ тутъ я ничего подѣлать не могу: съ платьемъ про-ститься надо! Зашить его нельзя, нѣтъ, нѣтъ, мадамъ! Из-волите видѣть: я у портного учился, три года у портного учился.

Дѣвушки. Плясать! Плясать! (Образуютъ цѣпь и пляшутъ вокругъ Шлюка. Зидзелиль, участвующая въ пляскѣ, вдругъ громко и не совсѣмъ благозвучно взвизгиваетъ отъ избытка удовольствія).

Іонъ Рандъ.

Кто это, Карлъ?

Карлъ.

Не кто, какъ Зидзелиль!

Іонъ Рандъ.

Ну нѣтъ!

Карлъ.

Ну да! она!

Іонъ Рандъ.

Да не она же!
Какой-то судомойки визгъ, а вовсе
Не сладкій голосокъ моей голубки.

Карлъ.

Взгляни на женщинъ, какъ непринужденно
И пылко вереница ихъ несется.
Пыхтятъ, хохочутъ, дрыгаютъ ногами,
Раскрыты рты и волоса въ разлетъ,
Какъ у менадъ. Кружатся безъ сознанья,
А кто и сознаётъ—неудержимо
Душою къ безсознательному рвется.
Мистерія! Будь тамъ не Шлюкъ, довольно
Для нихъ кола иль камня, только былъ бы
Какъ слѣдуетъ обструганъ иль обтесанъ...
Здѣсь женщины въ своей стихіи: здѣсь
Воистину живутъ онѣ, иначе
Ихъ бытіе свелось бы къ полусмерти...
Оставь малюткѣ сладкія мгновенья,
Пускай себя забудетъ и тебя,
Пускай воспоминаніе изъ клѣтки
Перенесетъ ее на крыльяхъ воли
Въ безбрежное пространство, и пускай
Кричитъ она по-птичьи отъ восторга.

Дѣвушки (поютъ).

Нынче день веселья,
Завтра постъ съ похмелья,

Завтра встанемъ мы чуть свѣтъ,
Въ Божій храмъ протопчемъ слѣдъ.

(Зидзелиль, вскорѣ послѣ того какъ взвизгнула, вышла изъ цѣпи пристыженная. Іонъ Рандъ встрѣчаетъ ее съ раскрытыми объятіями).

Іонъ Рандъ.

Довольна ты? Сдается мнѣ, довольна!
Иначе бы твои, малютка, щечки
Не рдѣли, словно персики.
(Карлу)
Ты видишь,
Она ко мнѣ вернулась добровольно.

Карлъ.

А почему вернулась, хочешь знать?
Ступица-ль въ колесѣ скрипитъ, иль въ полѣ
Работникъ точитъ серпъ, и эти звуки
Случайно ловишь ты—тебѣ ужъ смерть.
Такое на лицѣ твоемъ страданье,
Что всякій, увидавъ, на помощь въ страхѣ
Къ тебѣ спѣшитъ: такъ точно и малютка.
Не правда ли, принцесса Зидзелиль?
Твой взглядъ—не солнца лучъ животворящій:
Онъ входитъ въ кровь, какъ въ молоко закваска,
Вмигъ отъ него она, свернувшись, киснетъ.
Кто въ чванности, какъ ты, неповоротливъ,
Тотъ берегись, чтобъ ловкій узурпаторъ
Не вырвалъ изъ-подъ носа у него
Прекраснѣйшаго мѣста въ государствѣ.

(Прорываетъ цѣпь и съ низкимъ поклономъ становится передъ Шлюкомъ).

О, королева! свѣточъ между женъ!
Въ сіяньи золотомъ небесный образъ!
О, снизойди до рыцаря простого:
Онъ, прелестью твоею упоенный,
Тебя принять участье въ пляскѣ проситъ.

Шлюкъ. Ахъ, превосходнѣйшій господинъ, мнѣ очень пріятно, что вы опять со мной заговорили, превосходнѣйшій господинъ. Изволите видѣть, я вамъ всей душой готовъ служить, по чести и совѣсти! Я ужъ знаю, что тутъ всей душой служить слѣдуетъ, изволите видѣть. А только вотъ у меня жена дома... Кабы я могъ туда сбѣгать, добрѣйшій господинъ! Я бы мигомъ слеталъ домой, женѣ показался бы только, ежели бы на то ваша милость была.

Карлъ.

Что-жъ это? Слѣпъ я? глухъ? Все то, что̀ мнѣ
Послышалось, и вправду вы сказали?
Вы, вы меня сѣчете, словно ледъ,
Холодными словами? Вы хотите
Мнѣ жажду утолить свинцомъ горячимъ,
Чтобъ заживо истлѣлъ я передъ вами?
О, королева! счастье, радость жизни...

Шлюкъ. Какъ такъ, прекраснѣйшій господинъ? Горячимъ свинцомъ? Нѣтъ, вы послушайте, превосходнѣйшій господинъ, что̀ я вамъ скажу, чуточку послушайте! Вы это шутите, я знаю! Знаю ужъ я! Я къ высокимъ господамъ попалъ, изволите видѣть... не въ первый разъ я это раздѣлываю. А вотъ баба моя—статья особая, изволите видѣть. Кабы мнѣ на полчасика только... Я бы живымъ манеромъ слеталъ, превосходнѣйшій господинъ, одна нога тутъ, другая тамъ, и назадъ. Изволите видѣть, баба-то у меня особенная: мнѣ бы только показаться ей, изволите видѣть.

Карлъ.

Изъ сказаннаго вами, королева,
Какъ похоронный звонъ, одно лишь слóво
Немолчно выдѣляется: немилость!

(Стремительно становится на колѣни).

За что же, Бога ради? На турнирахъ
Не ваши ли цвѣта я надѣвалъ?
Сломалъ я триста коній не за васъ ли?
Недавно, лунной ночью, въ благодарность
За спѣтую вамъ нѣжно серенаду,
Не на меня-ль помои изъ горшка
Вы вылили? Не изъ-за васъ ли палецъ
Себѣ я отрубилъ?—Вотъ что̀ осталось!..
Не вамъ ли повинуясь, я поѣхалъ
Въ Ерусалимъ? О, помогите мнѣ,
Дѣвицы, помогите это сердце
Алмазное смягчить мольбой смиренной!

(Вся цѣпь преклоняетъ колѣни).

Шлюкъ. Нѣтъ, вѣдь это же все въ шутку, превосходнѣйшій господинъ! Окажите ужъ мнѣ такую милость—встаньте, пожалуйста. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, что̀ такое въ самомъ дѣлѣ! Ежели этакъ пораскинешь умомъ... нѣтъ, ужъ

сдѣлайте милость, встаньте... Изволите видѣть, не очень-то я смекаю, по совѣсти сказать, какъ мнѣ тутъ быть. (Плаксиво) Въ новинку мнѣ это. Я былъ бы радъ, превосходнѣйшій господинъ! я былъ бы радъ, мадамы! нѣтъ, правда, какъ передъ истиннымъ Богомъ, я былъ бы очень радъ, мадамы! если бы вы только чуточку растолковали, какъ мнѣ тутъ... потому, изволите видѣть... (Плачетъ) Я совсѣмъ-таки въ толкъ не возьму, какъ мнѣ тутъ быть. (Дѣвушки накидываются на него съ поцѣлуями). Ахъ, да нѣтъ, постойте! Очень вы добры ко мнѣ, правда... Все хорошо было бы, изволите видѣть, кабы не замѣшалась моя баба. Бабы-то разныя бываютъ, изволите видѣть: иной разъ, чуть малость промахнулся, а ужъ на тебя съ ухватомъ.

(Зиздель цѣлуетъ его).

Іонъ Рандъ.

И ты туда же? Э! Кому-бъ другому
Такъ много сливъ съ деревьевъ перепало?
И какъ ты ухитрился это, Шлюкъ?
Ужъ если ты такой колдунъ, пріятель,
Я канцлеромъ тебя назначу въ царствѣ
Любви моей!

Карлъ.

Да онъ-то здѣсь при чемъ же!
Онѣ цѣлуютъ идоловъ своихъ,
Что̀ заперты въ сердцахъ у нихъ, какъ въ сумкахъ.

Іонъ Рандъ.

Хотя-бъ и такъ! А все-жъ ему теплѣе...
Ты что̀ тамъ смотришь? Покажи мнѣ, крошка!

Фрау Аделунцъ (разгорячennая, мимоходомъ).

Шлюкъ сдѣлалъ силуэтъ ей, государь,
И вотъ она съ нимъ носится: вертитъ
И такъ и сякъ и все не наглядится.

Іонъ Рандъ.

Будь я, какъ ты, я поступалъ бы такъ же—
Себя, какъ ты, любилъ бы я, себя
Единственно и никого другого.

(Беретъ и разсматриваетъ силуэтъ).

Хе!.. Карлъ, смотри, не лопнули бы струны.
Ужъ плакалъ онъ, чего-то испугался,
И хоть отъ всѣхъ дурачествъ, на него
Нагрянувшихъ нежданно, онъ, конечно,
Немало для себя предвидитъ выгодъ,
Но захотѣлось вдругъ ему недаромъ
За много миль отсюда очутиться.

Карлъ.

Дай погрести ему немного, Іонъ,
И съ бурей тѣлъ дѣвичьихъ поборотьея.
Вѣрь мнѣ: ужъ онъ опять въ себя приходитъ.
Эй, Аделуцъ, гдѣ-жъ вдовье покрывало?
Въ корзинѣ, что дала мнѣ королева,
Будь персикомъ ты зрѣлымъ, сладкимъ, сочнымъ!

Шлюкъ. Никакой я вамъ корзины не давалъ, я только во всей этой суматохѣ не сразу сообразилъ, чего вамъ отъ меня нужно. Изволите видѣть, добрѣйшій господинъ, касательно всякихъ секретныхъ предметовъ я тоже хорошо обученъ, можете ужъ мнѣ въ этомъ повѣрить. Въ гостиницахъ, изволите видѣть, все требуется. Теперь-то ужъ я понимаю, теперь-то ужъ я знаю хорошо, куда вы гнули, добрѣйшій господинъ. Насчетъ разныхъ этихъ обиняковъ, изволите видѣть, меня ужъ не учить. Только не плошай значитъ, смотри въ оба, не знаешь вѣдь: какъ и когда...

Фрау Аделуцъ (въ объятіяхъ у Карла).

Ты золотомъ даришь насъ, королева!
Живой потокъ рѣчей твоихъ струится
Чистѣйшимъ жемчугомъ!

Шлюкъ. А не вырѣзать ли мнѣ для васъ парочку этакихъ скромненькихъ силуэтовъ?

Фрау Аделуцъ.

Эй, въ фанты, господа! живѣе въ фанты!

Карлъ.

Ну, фрау Аделуцъ, держись! Ужъ если
Проштрафишься, взыскать я штрафъ сумѣю,
Хотя-бъ и ночью, въ комнатѣ твоей.

Фрау Аделуцъ.

Замокъ бы вамъ не сталъ помѣхой, сударь!

КАРЛЪ.

Отмычку я ношу всегда въ карманѣ.

4-Я ДѢВУШКА.

Въ косынку!

5-Я ДѢВУШКА.

Нѣтъ, въ жгуты, въ жгуты, дѣвицы!

ШЛЮКЪ. Изволите видѣть: мнѣ все единственно, во что ни играть. Только мнѣ куда было бы пріятнѣе, ежели бы эти юбки съ себя стащить. Изволите видѣть, въ нихъ играть никакъ невозможно: въ нихъ я сущій чурбанъ.

(Поспѣшно убѣгаетъ).

1-Я ДѢВУШКА.

Въ горшки!

2-Я ДѢВУШКА.

Въ загадки!

3-Я ДѢВУШКА.

Въ жмурки!

КАРЛЪ.

Въ жмурки, вѣрно!
Завязывайте мнѣ. Охотникъ старый,
Добыча смерти скорая, всю жизнь
За счастьемъ гнался я и, при удачѣ,
Его шутомъ слѣпымъ лишь становился.
Покрѣпче, коноплюшка!

МАЛЬМШТЕЙНЪ (входитъ).

Государь...

ІОНЪ РАНДЪ.

Мальмштейнъ, добро пожаловать! Ну, что
Подѣлываетъ нашъ медвѣдь въ звѣринцѣ?

МАЛЬМШТЕЙНЪ.

Да не къ добру нашъ Мишка разошелся!
Никакъ мнѣ съ нимъ не справиться. По заламъ
Такъ и снуетъ, бранится, проклинаетъ

И васъ, и господина Карла, всѣхъ.
Вдругъ, словно бѣсъ шальной изъ преисподней,
Давай плевать на занавѣси, рвать ихъ,
Распарывать подушки,—на бѣду
Въ его камзолѣ ножикъ оказался,—
А подъ конецъ, совсѣмъ ужъ обезумѣвъ,
Не хуже дикаря-тирана, прямо
По стульямъ дорогимъ пошелъ ногами!

(Слуга сѣшитъ съ кружкой и на ходу толкаетъ Іона Ранда).

Іонъ Рандъ.

Ты что̀, оселъ? Смотри, куда идешь.

Слуга.

Э, что̀ тамъ, не до васъ, долой съ дороги!

Іонъ Рандъ.

Что̀, что̀, бездѣльникъ? Повтори-ка!

Слуга.

Ладно!
И такъ сойдетъ, мнѣ некогда.

Карлъ.

Мерзавецъ,
Да съ кѣмъ ты говоришь?

Слуга.

Оставьте, сударь!
Я посланъ господиномъ! До другихъ
Мнѣ нѣтъ заботы! Ну, скорѣй съ дороги!

(Проходитъ).

Іонъ Рандъ.

Ты слышалъ, а? Онъ посланъ господиномъ!

Карлъ.

Да, дождались!

Іонъ Рандъ.

Прекрасно! Превосходно!
Развѣнчанъ я шутомъ! Въ дѣлахъ правленья
Шутамъ везетъ, смотри. Еще немного—
И, вмѣсто палки, скипетра шутовъ,

Махать онъ плетью станетъ. Не пора ли
Пожитки собирать намъ, Карлъ, что̀ скажешь?
Не явишься ты боженькой, какъ въ сказкѣ,
И волка изъ овчарни заклинаньемъ
Не удалишь, онъ такъ прикрутитъ насъ,
Что мы всю жизнь забавы не забудемъ!

Яу (еще не видимый). Лѣкарь!.. Бенешалъ! Черти вы полосатые, куда вы всѣ разомъ запропастились?

Мальмштейнъ.

Возможно-ль безъ кольца въ носу оставить
Молодчика, еще объ этомъ надо
Подумать, государь. Что тотъ грубьянъ
Бѣжалъ по уважительной причинѣ,
Могу я засвидѣтельствовать. Яу
Хватилъ токайскимъ объ стѣну и водки
Потребовалъ взамѣнъ. Слуга чуть началъ
Съ улыбкой объяснять ему, что водки
Въ подвалахъ замка нѣтъ, какъ тотъ—хлопъ-хлопъ!—
Затрещину ему, другую, третью,
Пока не стало ясно для бѣдняги,
Что долженъ онъ стремглавъ нестись за водкой
Въ гостиницу. И вотъ, ошеломленный
Расправой дикой, далъ онъ волю злобѣ
И ярости трусливой.

Яу (появляется). Лѣкарь! Старый клопъ, куда ты заползъ? Порошку мнѣ надо, захворалъ я! Отъ этой бабы захворалъ!

Карлъ.

Что̀ баранъ, что̀ шутамъ служить—все хамство!
Что̀ шутъ, что̀ баринъ, Іонъ, все спину гни!
Сапожникамъ, суконщикамъ, портнымъ
Поклоновъ я достаточно отвѣсилъ,
И было это мнѣ трудней, чѣмъ нынче.

Яу (спотыкается о ступеньку, смѣется, оборачивается, смотритъ на ступеньку и съ коротким смѣшкомъ идетъ дальше; за нимъ Хаидтъ). Гопъ!.. Что̀ это? Что̀ это, а? Больше чтобы этого не было, убѣдительно прошу!.. Мальчуга, осмотри ступеньку! Въ ней чортъ сидитъ! Не вѣришь?.. Старый медвѣдь!

Карлъ.

Выздоровленью вашему всѣ рады
Безмѣрно, государь. Къ вамъ отовсюду

Сѣшатъ послы. Какъ луговымъ пожаромъ,
Охвачена страна благою вѣстью.
Звучатъ колокола. Какъ надъ созрѣвшей пашней
Трепещетъ лѣтомъ воздухъ, такъ теперь
Онъ трепетомъ молитвъ горячихъ полонъ.
Ликующія вѣсти не смолкаютъ,
И двинулась, сдается, вся столица
Сюда на поклоненье! Разрѣшите,
Чтобъ этотъ день веселъемъ искрометнымъ
И въ нашемъ замкѣ былъ ознаменованъ!

Ну. Что? Да вы не видите развѣ, что я пришелъ? Самому мнѣ спины вамъ гнуть, что ли?.. Ну, что-жъ вы? чего рты разинули!?. Вы должны въ ногахъ у меня распластаться, какъ подъ валькомъ,—совсѣмъ какъ подъ валькомъ! (Показываетъ Іону Рандуна свой каблукъ.) Ну, дождусь ли я наконецъ? Хочешь не хочешь, а надо!

Іонъ Рандъ.

Не въ нашихъ это правахъ, ваша свѣтлость!
И самъ король не требуетъ отъ насъ,
Чтобъ у него каблукъ мы цѣловали.

Ну (смотритъ на Іона со злобной усмѣшкой). Торба лошадиная!.. Что онъ сказалъ? Какія-такія рѣчи? Какъ? Что такое? Чего онъ тамъ наворотилъ? Ты можешь сто восемьдесятъ шесть разъ безъ передышки выпалить: «король», а по мнѣ это все одно... такъ-таки все одно, что заладилъ бы ты: «печка»! Король пусть мнѣ задъ погрѣетъ!.. Я самъ король, и, кромѣ меня, никакого короля тутъ больше нѣтъ! Что я сказалъ, то и быть по сему, и ужъ не никни!.. Въ животѣ у меня забурчитъ—всѣ лети сломя голову, словно бы горѣло что. Чихну я—вы со страху должны въ штаны пустить: чего, молъ, изволите? Рыгну я—во всѣхъ селахъ звонаришки должны въ колоколя дуть, пока у нихъ духъ не захватитъ, все равно какъ если бы двадцать поповъ три часа подъ-рядъ, одинъ за другимъ, молитвы читали... Вина! Пива! Вмѣстѣ чтобъ и то и другое! Бѣгомъ, не иначе какъ бѣгомъ, я васъ научу! Прыгать и скакать должны! Сыру! Когда я говорю: сыру,—весь домъ чтобъ сыромъ воялъ. Поняли? (Всѣ съ трудомъ удерживаются отъ смѣха). Что такое, отчего у тебя ротъ на сторону? Блевать собрался? Я тебя съ грязью смѣшаю! Голову тебѣ, какъ голубю, сверну. Всѣхъ, ровно котятъ, перетопилю! Не дай Богъ!

Я сердитый, страсть сердитый! Мальчуга, иди сюда, утирай мнѣ носъ! Ну, ну, какъ слѣдуетъ! Помогать я долженъ тебѣ, что ли?.. Король!.. Что мнѣ тутъ король! Пусть сапоги мнѣ почиститъ: я ему за это пятакъ дамъ. Одинъ мой мизинецъ на ногѣ больше значитъ, чѣмъ весь король сверху донизу! Вотъ съ этимъ самымъ зобомъ, что у меня на шеѣ, я въ какія-нибудь четыре недѣли больше дѣлъ надѣлаю, чѣмъ вашъ король въ семнадцать лѣтъ. Дамъ ему расти, зобу-то, такъ онъ и мѣсяцъ, что на небѣ свѣтитъ, перерастетъ. А стану сбавлять, такъ и мѣсяцъ сбавится. Я это сдѣлаю! Я это сдѣлаю, какъ вотъ все равно плюну!.. Можетъ вашъ король погоду дѣлать? А я могу! Скажу: да будетъ снѣгъ, и будетъ снѣгъ; да будетъ дождь, и будетъ дождь; да взойдетъ солнце, и взойдетъ солнце; да побьетъ градъ пшеницу, и побьетъ градъ пшеницу. Король! И печка моя тоже король! Лѣкарь, скажи ты мнѣ теперь по совѣсти, я тутъ все мозгами ворочалъ: гдѣ я съ этой бабой окрутился?

Іонъ Рандъ.

Не знаю, что за баба, ваша свѣтлость!

Я у. Лѣкарь, бабѣ не жить!.. Раскинь-ка умомъ-разумомъ! Покажи свое умѣнье, состряпай мнѣ настоечку. Потомъ всю жизнь загребай золото ложкой, все одно какъ похлебку; я ужъ объ этомъ позабочусь, и шабашъ... Я своего богатства и не вижу!.. Что за пьянство? Безобразите вы по всей моей странѣ, транжирите мои деньги, набиваете себѣ животы на мой счетъ—а мнѣ отъ этого какая прибыль, ну? Первымъ дѣломъ долженъ я бабу съ шеи сбыть, тогда ни слова не скажу... Настоечку, лѣкарь, и все будетъ чисто!

Іонъ Рандъ.

За этимъ, государь, не станетъ дѣло!
А если вы раскаетесь и снова
Потребуете жизнь супруги вашей,
Когда ее вернуть нельзя ужъ будетъ?

Я у. Лѣкарь! На что у тебя голова-то? Этого никакая лошадь не придумаетъ. Тутъ у всякаго духъ захватитъ. (Примѣчаетъ фрау Аделуцъ и тотчасъ же подходитъ къ ней). Госпожа мадамъ! вы очень хороши собой: Вы очень хороши собой, госпожа мадамъ!

Фрау Аделуцъ.

Какъ, государь, вы и меня почтили
Вниманіемъ своимъ? О, соизвольте

На то, чтобъ ваша вѣрная служанка
Руки отцовской пальцы поднесла
Къ своимъ губамъ! Могу ли, ваша свѣтлость?

(Вытаскиваетъ у него изъ руки ножъ и передаетъ его позади себя Карлу: тотъ прячетъ).

Яу (заигрывая). Госпожа мадамъ! Госпожа мадамъ, вы можете получить мою благосклонность. Госпожа мадамъ, спрячьте это, какъ у себя въ карманѣ. Госпожа мадамъ, пребываю къ вамъ благосклоннымъ. Можете меня поцѣловать! Пребываю къ вамъ вполнѣ благосклоннымъ! Прямо-таки въ морду можете меня поцѣловать, и двадцать и тридцать разъ поцѣловать, а то и сорокъ и пятьдесятъ, по расположенію. Съ ногъ до головы, сколько угодно. (Іону) Лѣкарь, сгинь! Налѣво кругомъ маршъ!.. Сюда, не улепетывайте! Не улепетывайте, госпожа мадамъ! Возьмемся за ручки, честь-честью, и прогуляемся по двору. Вы очень хороши собой, госпожа мадамъ! Вамъ бы за меня замужъ. Да и зубовъ у васъ полонъ ротъ, а для одного мужчины это много значитъ, мужчина-то опытный. Колбасы хотите, а? Свинины хотите?

Фрау Аделуцъ.

Какая честь, какое счастье мнѣ!

Яу. Я васъ спрашиваю: хотите свинины? Хотите колбаснаго супу? Хотите свѣжей ливерной колбасы?

Фрау Аделуцъ.

Ахъ, государь, ни дамамъ молодымъ
Ни дѣвушкамъ нейдетъ болтать, я знаю,
О купаньяхъ съ красивымъ кавалеромъ.
Но изъ колбасъ за ливерную я,
Не утаю, повѣситься готова!..
Когда-жъ я о свининѣ слышу, слюнки
Такъ и текутъ!.. А ужъ колбасный супъ—
О, государь!—что съ нимъ сравниться можетъ!

Яу. Лѣкарь, отсрочка! Бенешаль, отсрочка! Теперь у меня въ башкѣ опять ясно становится. И здоровому иной разъ можетъ померещиться. Госпожа мадамъ, госпожа мадамъ, какъ мы сходимся-то! Вы ко мнѣ, я къ вамъ, точка въ точку сходимся. Мясника сюда: сейчасъ чтобъ съ мѣста заколоть свинью, щетину къ чорту и колбасный супъ намъ на столъ,—эйнъ-цвей-дрей!

Карлъ.

Угодно вамъ свинью зажарить тушей?

Я у. Для меня все одно! Чтобъ хрустѣло, вотъ главное. Хрустѣло чтобъ, такъ вѣдь, госпожа мадамъ? Чтобъ хрустѣло, вотъ главное, хорошенько чтобъ хрустѣло! Свинина должна хрустѣть, какъ слѣдуетъ, видите ли: иначе она мнѣ ни къ чему, госпожа мадамъ. А выпить чего-нибудь при этой оказіи желаете, госпожа мадамъ? Водочки покрѣпче, либо чего другого?

Фрау Аделуцъ.

Въ напиткахъ я воздержной быть стараюсь.
А случай подойдетъ—стаканъ-другой
Шампанскаго всегда я выпить рада.

Я у. Шампанскаго, бенешалъ! Видите ли, госпожа мадамъ, мнѣ тутъ пальцемъ повести довольно! Теперь у насъ всякаго добра вдосталь! Госпожа мадамъ, тащите все, что̀ вашей душенькѣ угодно: колбасу, ветчину, печенье, яблоки, и орѣхи, и телятину, и пирожное, и все, что̀ тутъ есть. Такъ вы мнѣ полюбились, госпожа мадамъ.

Фрау Аделуцъ.

Передо мной и воробей обжора!
Меня-жъ, спросите ихъ, питаетъ воздухъ
Да милость государя моего.

Я у. Вы очень хороши собой, госпожа мадамъ! Преаппетитная вы, можно сказать, штучка! Настоящій маленькій хорошенькій поросеночекъ. Такъ бы и ухватилъ зубами, госпожа мадамъ!

Фрау Аделуцъ.

Недавно лишь я мужа потеряла...

Я у. Эка бѣда! Пускай! Пожелаемъ ему царствія небеснаго, госпожа мадамъ. Повѣрьте, ничего ему больше и не нужно. Пускай лежитъ! Пускай лежитъ! Пускай лежитъ, всякому свое, пускай лежитъ! Померше назадъ не приходятъ, а помереть мы всѣ должны. Не хнычьте больше о томъ, Каролиночка, что вашъ мужъ въ могилѣ покой себѣ нашелъ. Ну, вернись онъ, вернись вотъ сейчасъ, всякій скажетъ: померъ, такъ покойникъ и есть, больше ничего... Видите ли: мужчина я видный! князь! денегъ у меня, что̀ навозу! Мужъ-то вашъ померъ, а я живъ. И живъ, и карманы у меня полны золотомъ. Я богачъ, видите ли, госпожа мадамъ: куда ни гляньте, все мое—и деревья, и дома, и

все, все на свѣтѣ. Хлѣба, рѣдька, картошка, коровы, куры, козы, воробьи, мыши, жуки, лягушки, коршуны, голуби, гуси, черепица, клопы, постели, пуховики и все, что кругомъ! Не вѣрите?.. Госпожа мадамъ! Вы щекотливы, госпожа мадамъ?

Фрау Аделуит.

Да, государь, чуть что коснется чести!

Яу. Какой чести? Что коснется? И при чемъ тутъ щекотливость? Чего хочу, тому и быть! и шабашъ. Буду я, какъ старый голубь на крышѣ, два часа подъ рядъ зудить: гурруку! гурруку! гурруку! Или буду я блеять, какъ старый козелъ? Малый я пригожій, малый я опрятный, съ головы до ногъ малый опрятный, и ужъ ежели я соблаговолилъ, такъ, значитъ, соблаговолилъ, и въ благоволеніи своемъ, значитъ, человѣкъ я вольный, госпожа мадамъ!.. Это какъ же называется? Тутъ ужъ ваша стойкость ни къ чему! Что за стойкость такая? Никакой не должно быть стойкости! (Примѣчаетъ Шлюка, который, въ своемъ обычномъ платьѣ, жмется у стѣны). Что это за человѣкъ тамъ стоитъ?

Фрау Аделуцъ.

Гдѣ, государь?

Іонъ Рандъ.

Что ваша свѣтлость видитъ?

Яу. Человѣкъ... баба... человѣкъ, вонъ тамъ!

Іонъ Рандъ.

Простите, ваша свѣтлость: ваша свѣтлость
Лишь на пустую стѣну все глядите.

Яу. Здорово дрызнулъ ты, лѣкарь, а?

Шлюкъ (Карлу, боязливо). Ахъ, не гнѣвайтесь, добрѣйшій господинъ.

Карлъ.

Что! Какъ ты очутился здѣсь, поганецъ?

Шлюкъ. Ахъ, не прогнѣвайтесь, достойнѣйшій господинъ: я больше не нуженъ, достойнѣйшій господинъ?

Карлъ.

Когда же, негодяй, ты былъ мнѣ нуженъ?
На что? На то-ль, чтобъ засадить въ кутузку?
Изволь! а на другое что едва ли.

Шлюкъ. Да вѣдь я Шлюкъ, истинная правда. Вы развѣ не узнаёте меня, добрѣйшій господинъ?

Яу. Лѣкарь, чтѣ это за человѣкъ, съ которымъ тамъ бенешалъ...

Іонъ Рандъ.

Гдѣ, государь? Я никого не вижу!

Яу. Лѣкарь!.. Тамъ... Лѣкарь!.. Вонъ... вонъ... вонъ... Лѣкарь, тамъ человѣкъ стоитъ! Помоги, лѣкарь!.. Чудится мнѣ... чудится. Лѣкарь! Мать! Мать! Лѣкарь!.. Тамъ, человѣкъ... Шлюкъ!!

Шлюкъ. Ахъ, не гнѣвайтесь, добрѣйшій господинъ...

Карлъ.

А, наутекъ: сообразилъ, каналья!

Шлюкъ. Ахъ, добрѣйшая, милостивѣйшая мадамъ! Добрѣйшій господинъ!

(Яу, какъ быкъ, дрожа отъ ярости и страха, идетъ къ Шлюку).

Карлъ.

Луни, луни, несчастный, есть отлядки!

Шлюкъ. Ахъ, прошу васъ, мадамъ: замолвите за меня словечко, мадамъ! Изволите видѣть, я же все это не по своей волѣ дѣлалъ.

Яу (съ мрачной рѣшимостью подкрадывается къ Шлюку). Поймаю я тебя, тутъ и капутъ!

Шлюкъ (убѣгая и прячась за людей). Пропайте, мадамъ! Покорнѣйше васъ благодарю за все ваше добро, мадамъ!.. Ахъ, будьте столь милостивы, достойнѣйшій господинъ: у меня тутъ въ людской мѣшокъ оставленъ со старыми вещами—съ платьемъ и разными другими рѣдкостями, превосходными рѣдкостями, достойнѣйшій господинъ! Можетъ, выбрали бы себѣ что-нибудь, я бы вамъ дешево уступилъ, изволите видѣть, а остальное хоть потомъ пришлите: я буду здѣсь насупротивъ въ гостинницѣ сидѣть.

(Слуга, котораго Яу послалъ за водой, возвращается черезъ ворота и даетъ возможность Шлюку ускользнуть).

Яу. Убью! Чуръ, кошмаръ!.. Чуръ, чуръ! убью!

(Во время этой сцены въ толпѣ произошло волненіе: дѣвушки участливо и весело загораживаютъ дорогу и прикрываютъ Шлюка: когда же тотъ исчезаетъ, всѣ разражаются смѣхомъ. Послѣ этого образуется кѣнь вокругъ Яу, который, въ тупомъ изумленіи, стоитъ съ закрытыми глазами, тяжело дыша и потирая лобъ).

Іонъ Рандъ.

Достаточно, давайте сонныхъ канель!
Звѣрь-человѣкъ, толкуя сны свои,
Теряетъ ключъ отъ міра грезъ, на стужѣ
Пространства мірового зябнетъ, голый,
И мучится передъ своей же дверью.

Карлъ.

Кончай теперь съ нимъ, фрау Аделунцъ.

Фрау Аделунцъ (проходитъ черезъ цѣпь съ кубкомъ).

Вотъ, государь, вино, что вы желали,
Цѣлебный, чудодѣйственный напитокъ.
Отвѣдайте! На доброе здоровье!

Я у (пьетъ и, постепенно слабѣя, бормочетъ въ полуснѣ, при чемъ дѣвушки поддерживаютъ его).

Голубенькій цвѣточекъ! Тминный сыръ!
Все шелкъ! все шелкъ! все шелкъ! все чудный, мягкій,
Премягкій шелкъ! И чудныя все платья!
И колбаса! Дѣвчонка, вишь, запѣла!
Поетъ не хуже тучки золотой.
Поетъ, какъ подъ ножомъ свинья,—такъ жирно.
Я выздоровѣлъ. Пугало воронье!
На колбасѣ разсѣлась и долбитъ:
Я князь! я князь! я князь! Откуда лента?
Я проглотилъ ее, она же сзади
Болтается опять... Я князь! Что, Шлюкъ?
Пить досыта! А водочка на славу!
Пойдемъ въ постель! пойдемъ, заляжемъ, рыло,
Согрѣемся. Свинина хороша.
Соленая, со свеклою свинина.
Премиленькая птичка, что поетъ.
О чемъ поетъ? Я ничему не вѣрю.
Свинью, что-ль, рѣжутъ? Звѣздочки! Кружками.
Я князь! я князь! Да что тамъ князь—король!
По моему приказу солнце всходитъ.
А въ этой бочкѣ водка. Уйма водки—
Всѣ мотыльки на свѣтѣ перепьются.

ШЕСТОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ.

Зеленая поляна передъ воротами замка, какъ вначалѣ. Яу спитъ подъ старымъ, частью уже обезлиствѣвшимъ, букомъ. Во дворѣ охотникъ трубитъ въ рогъ, а потомъ поетъ, вперемѣжку съ говоромъ.

Охотникъ.

О снѣ долой заботу!
Въ лѣсъ, въ лѣсъ, охотники, на рѣзвую охоту!
Добыча не уйдетъ:
Пусть ястребъ зайца на-смерть бьетъ.
Гоните сладкую дремоту,
Вставайте! выѣздъ ужъ готовъ:
Для васъ не музыка-ль—собакъ веселый зовъ?

(Входитъ Шлюкъ, продрогшій; онъ чуть-было не прошелъ мимо Яу).

Яу. Одна коробочка. Двѣ коробочки. Мы безъ таможни! Таможню къ чорту!

Шлюкъ. Яу, ты? Лежитъ здѣсь! Нѣтъ, и вправду лежитъ здѣсь. Яу, слушай, вставай! Что съ тобой приключилось? Гдѣ я только тебя ни искалъ, думалъ ужъ, что тебя въ иму нырнули.

Яу. Что такое, бенешалъ? Что такое, а? Разѣваю ротъ, а мнѣ въ ротъ мѣсяцъ, и начисто глотку вычистилъ. Глоткочистка настоящая.

Шлюкъ. Нѣтъ, Яу, тебѣ все еще снится, проснись-ка.

Яу (садится). Пусть никто мнѣ и на глаза не показывается! Я не истуканъ какой-нибудь: нечего передо мной распластываться. Мнѣ покою хочется. Главная вещь...

Шлюкъ. Ну, въ чемъ главная вещь?

Яу. Въ томъ главная вещь, что на землѣ бабища появилась! Съ бородой бабища! Тьфу ты, пакость, говорю.

Шлюкъ. Что ты все такое несообразное бормочешь?

Яу. Чумичка! Дырка! Я знаю, что говорю. Это вотъ ты развѣ самъ не знаешь, что городишь.

Шлюкъ. Долго ли намъ еще тутъ сидѣть, Яу, пора бы уже тебѣ очухаться. Слышь! Эй, Яу! Проснись же. Надо же домой-то! Слышалъ? Вернусь одинъ—что я женѣ твоей скажу?

Яу. Ту-ту, братъ! не увидимъ больше.

Шлюкъ. Что ту-ту? кого?

Яу. Мою бабу ту-ту, говорю я! Кто хочетъ слушать, слушай, и шабашъ.

Шлюкъ. Господи, вотъ ужъ никому въ голову не при-

деть! Явишься домой, такъ увидишь, какъ насъ обоихъ обладять: почувствуешь, живая она либо мертвая!

Яу. Шлюкъ! Шлюкъ! Шлюкъ! Шлюкъ! Да это Шлюкъ, это Шлюкъ. Гдѣ же мы?

Шлюкъ. Гдѣ же намъ быть? Лежимъ въ канавѣ! Промокли до грошa. Словно крысы, братъ, голы, словно крысы.

Яу. Кошмаръ, спрашиваю, ты опять здѣсь?

Шлюкъ. Нѣтъ, братецъ, ты ужъ не серчай: вѣдь я Шлюкъ, долженъ же ты меня знать. Мы вѣдь друзья! Мы вѣдь сродственники! Ты же въ люлькѣ меня качалъ, такъ долженъ знать, что я Шлюкъ.

Яу. Что́ за друзья! Что́ за сродственники! Я князь, а ты голодяга проклятый, голодяга и больше ничего. Мальчуга, утри-ка мнѣ носъ!

Шлюкъ. Никакого тутъ мальчуги нѣтъ, ей-Богу! И откуда онъ возьмется? Носъ-то я, пожалуй, тебѣ утру, только ужъ покончи ты со всей этой чепухой!

Яу. А теперь я въ постель хочу! Положи, какъ слѣдуетъ, подушки, взбей ихъ хорошенько...

Шлюкъ. Что-жъ, я и постель тебѣ могу сдѣлать! Только вставай да пойдемъ отсюда.

Яу. Шампанскаго мнѣ стаканъ.

Шлюкъ. Да было бы, такъ съ удовольствіемъ.

Яу. Шампанскаго стаканъ: слыхалъ!?

Шлюкъ. Яу, вотъ что́ я тебѣ скажу: тебѣ что-то приснилось. Что-то, видно, тебѣ недоброе приснилось.

Яу (командуетъ). Садись! Вставай! Скачи! Плюй!

Шлюкъ (все послушно продѣлывавшій). Куда ни шло! Что́ захочешь, то и сдѣлаю. Я тебя люблю и съ охотой дѣлаю для твоего удовольствія.

Яу. Любишь не любишь, а я князь! Что́? Не вѣришь?

Шлюкъ. Ну, понятно, братецъ,—понятно, вѣрю.

Яу. Нѣтъ: ты по всѣмъ правиламъ, по всѣмъ правиламъ долженъ мнѣ вѣрить.

Шлюкъ. По всѣмъ правиламъ и вѣрю. По чести и совѣсти.

Яу. Что я князь? Что замокъ мой?

Шлюкъ. А то какъ же? (Во дворѣ замка рога). Трубятъ ужъ, Яу! Опять ужъ трубятъ! Пойдемъ, не то опять въ яму угодимъ!

Яу. Да ты можешь меня понять или нѣтъ? Въ послѣдній разъ тебя спрашиваю: князь или не князь? Или тебѣ надо вдолбить, кто я такой?

Шлюкъ. Ну, натурально! Я же тебѣ говорю. Тысячный разъ тебѣ говорю. Только пойдемъ отсюда! Видишь, идутъ! Идутъ уже. Прилинъ ты, что ли!

Ну. Кто идетъ?

Шлюкъ. Да князь же!

Ну. Ну, такъ смотри теперь.

(Во дворѣ замка оживленіе. Послѣ нѣсколькихъ сигналовъ охотники отворяютъ большія рѣшетчатыя ворота. Іонъ Рандъ и Карлъ выходятъ немного впередъ, между тѣмъ какъ охота выстраивается за ними).

Іонъ Рандъ.

Сонливые лѣса! Я скоро-скоро
Васъ разбужу. И твой напитокъ, утро,
Что, сѣдинамъ моимъ наперекоръ,
Въ меня вливаетъ молодость,—уже
Въ крови я ощущаю. Въ каждомъ утрѣ
Есть молодость; въ его часахъ бодрящихъ
Блаженныхъ дней таится отголосокъ,
А въ немъ на счастье новое надежда!
И, въ тѣсномъ единеньи съ хоромъ жизни,
Внимаемъ нѣснѣ мы о томъ, что было,
Что есть, что будетъ, Карлъ, и въ насъ и возлѣ,—
Не такъ ли?

Фрау Аделунцъ.

Съ добрымъ утромъ, государь!

Іонъ Рандъ.

Я звалъ тебя—возьми-ка, Аделунцъ!
Вотъ изъ моихъ сокровищъ лучшій жемчугъ.
Его сестра покойная носила.
Малюткѣ на подушку, какъ привѣтъ
Мой утренній.

Фрау Аделунцъ.

Исполню, ваша свѣтлость.

Іонъ Рандъ.

Все спитъ еще, поди? Иль ужъ проснулась?

Фрау Аделунцъ.

Спитъ. Я ее оставила въ покоѣ,
Боясь, что, если нѣжный сонъ нарушу,

Утрачу вашу милость, государь.
Она взяла цвѣтокъ на длинномъ стеблѣ
Съ собой въ постель. Душистое дыханье—
Ея, а не цвѣтка—вздувать вихри
Пылинокъ, золотящихся на солнцѣ,
Какъ будто свѣтъ небесный все не можетъ
Налюбоваться личикомъ прелестнымъ.
На одѣялѣ бѣленькая ручка
Покоится по-дѣтски, а на ней
Осенній мотылекъ сидитъ, качаясь.
Но вотъ вспорхнулъ—и въ золотистой прядѣ
Ея волосъ ужъ крылышками бьетъ:
Ну, точно камень ожилъ драгоцѣнный.
Взглянули бы—нѣтъ, лучше не глядите...

Іонъ Рандъ.

Allons! Avant, avant! Впередъ, друзья!
Впередъ, впередъ! Да здравствуетъ охотникъ!
(Примѣчаетъ Шлюка и Яу).
Стой, это что?

Карлъ.

Образчикъ, если хочешь,
Измѣнчивости счастья на землѣ!
Потомкамъ македонца Александра
Пришлось невдолгѣ къ римлянамъ пойти
Въ писцы и въ столяры. А эта кипа
Заплатанныхъ лохмотьевъ нашимъ княземъ
Была еще вчера.

Іонъ Рандъ.

Э, Карлъ, довольно!
Довольно-предовольно. Та же дичь
На томъ же мѣстѣ: это ужъ противно.
Вчера—не нынче, нынче—не вчера.
(Охота по сигналу трогается въ путь).

Іонъ Рандъ (останавливаясь передъ Шлюкомъ и Яу).

Что нужно вамъ?

Мальмитейнъ.

Да что-нибудь стянуть,
Чего-жъ еще! хоть объ закладъ побиться.

Іонъ Рандъ.

Тогда имъ аппетитъ испортить надо.
На нарахъ вамъ, друзья, не полежать ли
Денекъ-другой на хлѣбѣ и водѣ?

Яу. Повертывай! Нынче мы на охоту не ѣдемъ! Повертывай, говорю, повертывай! Понялъ?

Іонъ Рандъ.

Зачѣмъ же такъ сердито, чудачина?
Иль въ правѣ ты приказывать намъ, а?

(Шлюку)

Ты какъ зовешься?

Шлюкъ.

Шлюкъ!

Іонъ Рандъ.

Что, Шлюкъ любезный,
Частенько на него находитъ дурь?
Чего отъ насъ онъ хочетъ? Объясни-ка!

Карлъ.

Шлюкъ! Это Шлюкъ. По правдѣ, ваша свѣтлость,
Его я никогда бы не узналъ.
Ты, значитъ, тотъ, кого въ корсетъ и въ платье
Одѣли наши фрейлины и фрау
И кто съ такимъ искусствомъ королеву
Представилъ намъ?

Шлюкъ.

Да, добрый господинъ.

Іонъ Рандъ (бросаетъ ему кошелекъ).

Такъ я его должникъ. На эти вещи
Ты мастеръ, братъ, и вотъ тебѣ награда.

(Къ Яу)

А ты? Что ты уставился на насъ—
Намъ не къ лицу выдумываешь клички
И не къ лицу себѣ кричишь такъ властно?

Яу. Повертывай, говорю! Я на охоту не ѣду! Я на охоту не ѣду, лейбъ-лѣкарь! Буркалы-то на меня пялить нечего, братъ. Повертывай! Повертывай! Я на охоту не ѣду!

(Охотники смѣются).

Мальмштейнъ.

Вполнѣ возможно, другъ,—по чести, въ этомъ
Изъ насъ не сомнѣвается никто.
Вотъ если-бъ ты охотиться затѣялъ
На чердакѣ иль въ кухнѣ съ мышеловкой,
Бурой иль мышьякомъ—статья иная.

(Охотники опять смѣются).

Яу. Повертывай, бенешаль! Что? Никакъ вы смѣяться вздумали? Надъ вашимъ княземъ вздумали смѣяться?

Мальмштейнъ.

Не мы, а ты смѣешься, другъ, надъ нами!
Сдается, у тебя не все въ порядкѣ,
Иначе-бъ не посмѣлъ ты передъ княземъ
Держать себя такъ дерзко. Шлюкъ, втолкуй
Собрату своему, кто мы такіе.

Яу. Лейбъ-лѣкарь!.. Лейбъ-лѣкарь!.. Эй, господинъ! Посмотрите-ка мнѣ въ лицо, господинъ!

Шлюкъ. Яу! Яу! Ради Господа, выслушай ты меня!.. Малый болѣнъ, по чести и совѣсти! И что съ тобой приключилось, Яу?

Іонъ Рандъ.

Скажи намъ, что тебѣ пригрезилось тебѣ?
Какъ говорятъ охотники, ты Яу,
Хоть малый и не глупый, но къ работѣ
Не очень склонный. Развѣ ты не Яу?
Подумай, кто же ты? Во снѣ, пожалуй,
Ты княземъ былъ? Такъ погляди кругомъ
И на себя: въ такой одеждѣ князя
Не видѣлъ свѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ есть князья.
Иди домой! И если поработать
Когда-нибудь захочешь, заяви
Объ этомъ управителю: получишь
Корову да кусокъ земли въ подарокъ,
Да и трудись надъ пашней—князь не князь,
Но самъ себѣ глава! Впередъ! Собакамъ
Ужъ невтерпежъ. Да здравствуетъ охотникъ!

(Охота трогается въ путь).

Охотникъ (поетъ).

Охотники, рогомъ
Раздался громкій зовъ!

Загонъ давно васъ ожидаетъ
И ранней пѣсней тишину
Лѣсную оглашаетъ.

Всѣ (подъ звуки роговъ).

Охотники, роговъ
Раздался громкій зовъ!

(Іонъ Рандъ и охота уходятъ. Карлъ остался. Рога удаляются и замираютъ. Карлъ успокоительно хлопаетъ по плечу Яу, который все еще время отъ времени въ глубокой задумчивости качаетъ головой).

Яу (въ испугѣ). Такъ, такъ, вѣрно! Заплатанныя лохмотья, ничего больше!

Карлъ.

Махни рукою, братъ! Ты просто бредилъ.
И я, какъ вотъ стою, и князь, и вся
Его охота, и прислуга, всѣ
Мы бредимъ, и у каждаго бываютъ
Часы на дню, когда себѣ онъ скажетъ:
Теперь проснись—ты бредилъ до сихъ поръ!
Вотъ золото тебѣ, утѣшься. Въ жизни
Такой же прихлебатель я, какъ ты.
За водкой ты со скрежетомъ смѣешься—
И такъ же я, когда мнѣ скалить зубы
Приходится за княжескимъ столомъ.
Иди и пей и въ это время думай:
Во снѣ плыла худая бочка мимо
И брызнула въ меня виномъ мускатнымъ.
О сладкомъ снѣ храни воспоминанье,
Но къ облакамъ не рвись, любезный другъ!

(Уходитъ. Молчаніе).

Яу. Такъ я это бредилъ, стало-быть? Нѣтъ!.. Да!.. Нѣтъ!.. Нѣтъ, говорю!.. Вотъ сейчасъ... Эка штука!.. Ну, и чортъ съ нимъ!.. Наплевать!.. Что! Скажи мнѣ, хуже я хоть настолечко, чѣмъ онъ? У него хорошая утроба: у меня тоже. Можетъ, еще и лучше! У него пара глазъ—ладно! А я-то слѣпой развѣ? У него четыре утробы, что ли? А? Три пары глазъ, что ли? Сплю я хорошо, пить свою водку могу и дышу не хуже его! Ну? Не правда развѣ? Коли и есть у него чего побольше, такъ это кошкѣ подъ хвостъ. Дай мнѣ разъ въ морду, Шлюкъ, и дай ему разъ въ рожу: у обоихъ зубы повылетятъ. Пусть-ка онъ себя за вихоръ ухватитъ! Эй, вы, ухватитесь-ка за голову! Хоть волосы на ней и

прилизаны, а все-жъ эту самую голову съ бархатной шапкой вмѣстѣ на хорошій конекъ черви сожрутъ! Такъ же чудесно сожрутъ, какъ и мою. Знаю я! Ужъ такъ-то знаю! Превосходно знаю! Все одно, что дерево, что бревно. Меня-то ужъ не проведете.

Шлюкъ. А у насъ деньги есть.

Яу. Пойдемъ, братецъ, пойдемъ! Въ трактиръ пойдемъ. Разскажу я тебѣ тамъ исторію...

Шлюкъ. И я тоже!

Яу. ...разскажу я тебѣ тамъ исторію: ты и ротъ и носъ разинешь!

Шлюкъ. И я тоже! И я тоже!

Яу. Вотъ, вотъ! говорю: и ротъ и носъ. Я надвое раскололся—ужъ повѣрь ты мнѣ. Я и тутъ, я и тамъ: раскололся, одно слово! И въ трактирѣ я сижу и въ замкѣ я сижу.

Шлюкъ. И я былъ въ замкѣ.

Яу. Не вѣришь? Лежу я дома на печи и тутъ же на охоту ѣду. Кислымъ пивомъ наливаюсь и тутъ же шипучее шампанское дрызгаю! Говорю тебѣ: я надвое раскололся, Шлюкъ! И князь я и обыкновенно Яу. Что, не правда развѣ?

Шлюкъ. Ну, чортъ! Разсудимъ все...

Яу. Говорю тебѣ: я надвое раскололся, Шлюкъ! И князь я и обыкновенно Яу. Пойдемъ, братецъ, пойдемъ—пусть я и князь: пойдемъ въ этотъ самый Большенхаинъ, и сяду я тамъ съ простыми людьми — и буду я съ каждымъ, какъ съ ровней, запросто.

Шлюкъ. Извѣстно ужъ, извѣстно: ты вѣдь у насъ молодчага.

(Занавѣсъ падаетъ).

А ПИППА ПЛЯШЕТЪ!

Сказка стекляннаго завода, въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Переводъ Ю. Балтрушайтиса.

Если сдѣлать исключеніе для послѣдняго акта «Потонувшаго колокола»,—пьеса о пляшущей Пиппѣ («Und Pippa tanzt») будетъ самымъ капризнымъ, самымъ причудливымъ дѣтищемъ музы Гауптмана и характернѣйшимъ вообще образчикомъ чисто-символическаго творчества въ области драмы.

Гауптманъ избѣгаетъ здѣсь феерическаго элемента. Пьеса проходитъ въ реальной, въ сущности, обстановкѣ и для перваго акта даже довольно прозаической — въ помѣщеніи трактира невдалекѣ отъ стекляннаго завода. Фантастическое—не въ этой обстановкѣ, какъ позднѣе не въ обстановкѣ хижины Гуна, а, какъ всегда у Гауптмана,—въ человѣческихъ душахъ и въ человѣческихъ характерахъ. Какъ художникъ, Гауптманъ только раскрываетъ эти души, воздерживаясь отъ всякаго комментарія. Это—дѣло самого читателя. Отсюда такое разнообразіе пониманій и толкованій этой драмы, всего ярче обнаружившееся на другой день послѣ первой постановки.

Это первое представленіе ея состоялось 19 января 1906 г. въ берлинскомъ Лессингъ-театрѣ. Пьеса имѣла только средній успѣхъ. Большую роль сыграло здѣсь указанное обстоятельство — туманность и неясность драмы. Чисто внѣшней эффектности и движенія въ ней къ тому же значительно меньше, чѣмъ въ первой символической драмѣ Гауптмана—«Потонувшемъ колоколѣ». Берлинская критика отнеслась къ автору довольно сурово.

Маленькое поэтическое существо Пиппа, дочь итальянца-гравировальщика на стекляномъ заводѣ, является маленькой феей силезскаго уголка. Вечерами она пляшетъ въ скромной заводской тавернѣ, и эта пляска становится необходимостью для всѣхъ, кто разъ ее видѣлъ. Одинаково неотразимо, хотя и разнородно по характеру, она влечетъ къ себѣ и сытаго директора завода, и лѣсныхъ рабочихъ, и дикаря выдувальщика стекла, уродливаго Гуна, и случайнаго прохожаго, мечтательнаго юношу Михеля Гелльригеля. Каждый рвется къ юной, прелестной Пиппѣ, каждый хочетъ быть съ нею, обладать ею. Гунъ похищаетъ Пиппу и уноситъ ее въ свою хижину-берлогу, но не можетъ ее здѣсь удержать. Она уходитъ отсюда съ Гелльригелемъ. Повидимому, они нашли другъ друга, повидимому, будутъ неразлучны. Но судьба, которая выше ихъ и властнѣе мудраго Вана, направляющаго согласно своей мудрости жизнь окружающихъ,—снова странно сталкиваетъ ее съ Гуномъ. Въ хижинѣ мудреца на вершинѣ хребта Пиппа умираетъ почти одновременно съ Гуномъ. Михелю остается вдохновляться только ея тѣнью и находить утѣшеніе въ своемъ молодомъ фантазерствѣ.

Только два первые акта выдерживают чисто реальное пониманіе. Понятен и избалованный буржуа, директоръ завода, въ своемъ совершенно земномъ влеченіи къ полудѣвушкѣ-полуребенку, понятна и отнюдь не страсть къ ней дикаря Гуна. Но уже съ третьяго акта сгущаются тона символики. Выдвигаются мелочи, заставляющія зрителя и читателя внимательно вдумываться въ нихъ, улавливая скрытый смыслъ образовъ.

Стараясь истолковать «Пиппу», какъ и всякую такого жанра вещь, надо помнить, что символическое произведеніе, рождающееся изъ колеблющихся, не вполнѣ формулированныхъ настроеній, изъ подсознательныхъ, неопредѣленныхъ ощущеній поэта, не можетъ подлежать по самому существу своему ясно-анатомическому или точно-математическому разложенію и уясненію. Въ символическомъ произведеніи важно понять основную идею, водящую писателемъ. Всѣ частности—дѣло личнаго, интимнаго пониманія каждаго, какъ всегда интимны бываютъ они для автора, очевидно, не нашедшаго словъ для полнаго, яснаго и реальнаго воплощенія ихъ. Можно безъ конца ломать голову надъ какою-нибудь деталью ибсеновскаго «Строителя Сольнеса» или «Пиппы», и результатъ догадки все-таки всегда останется спорнымъ.

Изъ многочисленныхъ комментаріевъ къ «Пиппѣ» намъ кажется во многихъ отношеніяхъ вѣрнымъ и построеннымъ на вѣрномъ принципѣ уловленія *главнаго*—толкованіе критика Фридриха Лязеля (Düsel), которымъ мы и воспользуемся, какъ основой для нашихъ поясненій.

Въ «Пиппѣ» Гауптманъ поставилъ передъ собой задачу образно показать различное отношеніе человѣчества на различныхъ его ступеняхъ къ вѣчно подвижному идеалу красоты. (Это слишкомъ опредѣленное и нѣсколько суженное обозначеніе можно, конечно, и значительно расширить,—Пиппа можетъ воплощать вообще *смыслъ жизни*, мелькающій передъ людьми въ исключительныя мгновенія, *счастье жизни*, тотъ какъ бы танцующій или улыбающійся элементъ бытія, безъ котораго была бы темна и мертвенна жизнь, то неясное, невыразимо прекрасное, свѣтлое, высокое, къ чему влечется человѣкъ отъ дикаря до мудреца и святого). Этотъ идеалъ—счастья ли, красоты ли, искусства ли, преображающаго прозаическую жизнь — открывается людямъ только мгновеніями, въ просвѣтленіяхъ и экстазахъ,—отсюда такой естественный образъ *танцующей*, мелькающей, мерцающей и ускользающей Пиппы.

«Прелестное дитя Мурано», родившееся близъ Венеціи, на родинѣ Тиціана (это такъ идетъ идеалу красоты и символу *искусства*), Пиппа есть то мерцающее сквозь мечту нѣчто, что даетъ людямъ представленіе о блаженствѣ, по которомъ они томятся тоскою. Она танцуетъ, «чтобы людямъ стало немножко свѣтлѣе», какъ говоритъ даже грубый Гунъ.

Вполнѣ и надолго она не достается никому,—ни сытому директору, ни полуживотному Гуну, ни даже славному малому—Михелю Гельригелю. Ея удѣлъ — мелькать, манить и исчезать. Въ то мгновеніе, когда человѣкъ, очарованный ея благоволеніемъ, готовъ вступить съ нею въ интимнѣйшій союзъ—она падаетъ замертво.

И директоръ, и Гунъ, и Гельригель—различныя воплощенія человѣческихъ категорій, разнородно преслѣдующихъ мечту красоты. Большинство невольно проявляетъ и здѣсь грубость и животность своей натуры и оскверняетъ Пиппу своимъ прикосновеніемъ.

И самыя чувства и понятія, какія возникаютъ у нихъ подъ ея вліяніемъ, различны.

Старый выдувальщикъ стекла Гунъ, огромный, красноволосый, бородатый и уродливый,—это низшая форма человѣка, почти полузвѣрь. Стремленіе къ Пиппѣ есть почти то единственное, что̀ ставитъ его на черту человѣка, но и самое стремленіе его почти грубо-животно. Его любовь къ Пиппѣ еще неотличима отъ простой стихійной алчности. Самъ мучимый мечтою о Пиппѣ, онъ, конечно, будетъ мучить и ее въ своей «могилѣ-хижинѣ», завладѣвъ ею. «Что-то неуклюжее, громадное стремится схватить что-то прекрасное, стройное, — точно медвѣдь обхаживаетъ пеструю бабочку», — эта ремарка Гауптмана, которою онъ иллюстрируетъ для актеровъ танецъ Пиппы и Гуна,— символизируетъ и вообще отношенія Гуна и Пиппы. Но Пиппа не дается грубымъ хищникамъ, и ее нельзя удержать сильными кулаками. Она уходитъ отъ Гуна съ Михелемъ, братомъ и другомъ.

Директоръ стекляннаго завода — символъ человѣческаго чувственнаго начала. Это сынъ земли и поклонникъ всего земного. Совершенно земнымъ колоритомъ облекаетъ онъ и Пиппу. Тонà вошедшаго въ азартъ самца совершенно рельефно прорываются въ первомъ актѣ, гдѣ онъ покупаетъ появленіе Пиппы и ея танецъ, не останавливаясь передъ цѣною. «Мнѣ необходимы *внѣшнія очарованія*,— признаётся онъ Вану.—Я вотъ и старъ, но меня влечетъ что-нибудь юное, веселое, жизнерадостное». Онъ вкусилъ блага просвѣщенія и можетъ цѣнить красоту. Черты эстета проскальзываютъ въ немъ, но обоготворенія красоты въ немъ нѣтъ. Потерявшій Пиппу, онъ уходитъ отъ мудраго Вана почти примиренный.

Онъ ясно видитъ, что Пиппа уже не можетъ принадлежать ему. У нея какія-то иныя, духовныя исканія и влеченія. Это ему чужое и ненужное. Красота подняла его, но и сбросила въ прежнія долины, въ сѣрыя будни, въ прозу бытія, гдѣ онъ со спокойнымъ сердцемъ будетъ попрежнему наживать деньги и обсчитывать рабочихъ. Гунъ умеръ, потерявъ Пиппу. Директоръ живъ и здоровъ. Но духовно— его прозябаніе «безъ Пиппы», безъ мечты и идеала, есть — трижды смерть.

Выше того и другого — странствующій подмастерье изъ швабовъ, Михель Гелльригель. Милая, свѣтлая душа, «божье дитя», какъ называетъ его Ванъ, онъ весь живетъ въ своихъ мечтахъ и фантазіяхъ, «сытый лазурью», вѣчно счастливый своими поэтическими вымыслами. Онъ «зимой слышитъ, какъ растетъ трава», «летитъ безъ всякой цѣли навстрѣчу голубому небу», пишетъ стихи, не то въ серьезъ, не то шутя говоритъ о какомъ-то столикѣ, замѣняющемъ ему скатерть-самобранку. Съ живымъ любопытствомъ ребенка онъ обходитъ землю, желая «научиться чему-нибудь совсѣмъ особенному», мечтая, что онъ «встрѣтитъ что-нибудь».

Въ Михелѣ нѣтъ возвышенной мудрости Вана. Въ немъ есть только та наивная мудрость, которою сказка награждаетъ своихъ любимцевъ, и сдѣланное З. Венгеровой сравненіе Михеля съ Иванушкой-дурачкомъ въ высокой степени вѣрно. Директоръ завода можетъ съ извѣстнымъ основаніемъ покичиться надъ этимъ, съ виду простоватымъ малымъ. Но симпатіи поэта на сторонѣ этого безхитростнаго сердца и этой поэтической фантазіи, въ которыхъ нѣтъ ужъ безусловно ничего общаго ни съ жестокими инстинктами стараго лѣсного чудовища Гуна, ни съ чувственнымъ и неглубокимъ директоромъ. Гауптманъ ласково и любовно подчеркнулъ въ Михелѣ духов-

ную жизнь, жизнь поэтическою мечтой даже въ ущербъ и даже на счетъ практической мудрости. «Кто не будетъ, какъ дѣти, — тотъ не достигнетъ блаженства». Подобно Пиппѣ, Гельригель нечувствителенъ къ реальному, не хочетъ его знать, не дорожитъ имъ. Величайшій идеалистъ, онъ этимъ покупаетъ ласковость Пиппы.

Самое влеченіе его къ ней совершенно свободно отъ мужского чувства. Онъ радъ Пиппѣ только какъ подругѣ, съ которой онъ дружно пойдетъ дальше по дорогѣ своей великолѣпной мечты. Онъ такъ настроилъ себя, что реальныя тернія его не ранятъ. Онъ мало огорченъ тѣмъ, что одѣтъ почти въ рубище и не каждый день сытъ. И когда Пиппа умираетъ,—даже это не является для него трагедіей. Онъ слѣпъ и глухъ къ реальному міру, къ реальному страданію. Простой тѣни Пиппы для него довольно. И мудрый Ванъ говоритъ не только слова утѣшенія, а прямую правду, когда утѣшаетъ Михеля. «Ключикъ отъ дворца въ твоихъ рукахъ, а вотъ и факелъ, который Пиппа понесетъ во тьмѣ передъ тобой. И ты, навѣрно, достигнешь мѣста покоя и тишины».

Все это, въ сущности, достаточно ясно и просто въ своей основѣ. Загадочнѣе, туманнѣе, спутаннѣе фигура мудраго Вана, этого идеализированнаго Рюбецаля, сказочнаго существа, живущаго на высокихъ горахъ, слышащаго «благоуханіе ледяныхъ кристалловъ и пѣсни мертвецовъ въ водопадѣ» и «ждущаго свою собственную смерть и вступленія въ другой музыкально-космическій міръ». «Въ лицѣ старика, который способствуетъ тому, чтобы каждый исполнялъ свое внутреннее призваніе и назначеніе, воплощена *божественная мудрость міра*,—самое таинственное и столь необходимое, что оно кажется простымъ. У старика Вана есть странныя красивыя игрушки, маленькія модели венеціанскихъ гондолъ, и ими онъ создаетъ очаровательные сны для своихъ любимцевъ. Онъ погружаетъ Михеля въ сонъ, даетъ ему въ руки игрушечную гондолу,—и въ своемъ волшебномъ снѣ Михель странствуетъ по тѣмъ волшебнымъ краямъ, куда стремится наяву. Не трудно уловить смыслъ этой сцены, въ которой подъ поэтическими образами воплощена власть творческой мечты, и въ «фабрикантѣ игрушекъ»—воплощеніе силы, управляющей міромъ—не по своему произволу, а законами, вложенными въ бытіе каждаго существа» (З. Венгерова).

Дизель видитъ въ Ванѣ миѳическую личность, которая, въ свою очередь, на краткій мигъ поддается непреодолимымъ чарамъ Пиппы, чтобы затѣмъ безболѣзненно отъ нея отказаться.

Если Михель Гельригель ведетъ читателя «Пиппы» къ народной нѣмецкой сказкѣ и романтикѣ, то другіе образы пьесы слегка вызываютъ литературныя фигуры. Такъ, въ танцующей Пиппѣ можно уловить отзвуки гётевской Миньоны (изъ «Ученическихъ годовъ Вильгельма Мейстера»). Что-то отдаленно роднитъ эти образы, являющіеся въ обоихъ случаяхъ въ ореолѣ обаянія музыки и танца. Только Пиппа эфирнѣе, символичнѣе, можно бы сказать, лунатичнѣе. Въ фантастичности описанія жилища Вана и въ картинѣ смерти Гуна критика не вовсе безосновательно видѣла долю вліянія знаменитаго сказочника Гофмана.

На философскомъ содержаніи драмы можно безъ натяжки чувствовать вліянія Шопенгауэра и особенно Ницше. Намъ уже приходилось пояснить, почему Гауптманъ взялъ *танецъ* Пиппы для выраженія ея обаянія надъ людьми. Взглядъ Ницше на танецъ могъ бы внести сюда еще новыя проясняющія черты. Вспомнимъ, какое высокое значеніе

придавалъ танцу нѣмецкій философъ и какъ часто онъ пользовалъ этотъ образъ для выраженія высшихъ проявленій человѣческой души. «Я хотѣлъ плясать выше всѣхъ небесъ,—говоритъ Заратустра:—только въ пляскѣ я умѣю говорить о самыхъ высокихъ вещахъ. Теперь самое высокое сравненіе мое осталось невыраженнымъ въ тѣлодвиженіяхъ моихъ!..» Совершенно по тѣмъ же побужденіямъ Гауптманъ заставляетъ въ «Дѣвахъ изъ Бишофсберга» танцовать при лунѣ одну изъ сестеръ, Людовику, воплощающую беззаботную радость бытія.

Туманность образовъ Гауптмана, особенно сгущающаяся въ финалѣ драмы, конечно, не можетъ быть отнесена къ ея достоинствамъ. Съ точки зрѣнія реальной самыя высокія требованія можетъ выдержать только первый актъ пьесы. Въ немъ много движенія и красокъ, всѣ фигуры очень выразительны, и, какъ завязка драмы, эта часть пьесы полна самаго несомнѣннаго интереса. Въ послѣднихъ актахъ критика сочувственно отмѣчала мастерскую передачу «настроенія» снѣжной бури въ горахъ и жуткаго умиранія дикаря въ хижинѣ мудреца. Множество прелестныхъ чертъ разсѣяно въ образѣ Пиппы, этого «благоухающаго, хрупкаго цвѣтка на гнущемся стеблѣ», этой новой «Принцессы Грезы», «вышедшей изъ сказки и вновь въ нее возвращающейся». Слегка и въ этомъ образѣ Гауптманъ напоминаетъ намъ Раутенделейнъ. Въ необычайно симпатичномъ образѣ Михеля поэтъ воплотилъ много лучшихъ настроеній нѣмецкой души, и родная критика ставила это въ большую заслугу своему драматургу.

А ПИППА ПЛЯШЕТЪ!

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Тальяцони, стеклянныхъ дѣлъ мастеръ, итальянецъ.
Пиппа, его дочь.
Директоръ стекляннаго завода.
Старикъ Гунъ, бывшій выдувальщикъ стекла.
Михель Гелльригель, странствующій подмастерье.
Ванъ, миѳическая личность.
Венде, хозяинъ корчмы въ Ротвассергрундѣ.
Кельнерша въ той же корчмѣ.
Шедлеръ, Антонъ } живописцы по стеклу.
Первый, Второй, Третій, Четвертый } дровосѣки.
Іонаѳанъ, слуга Вана, нѣмой.
Нѣсколько выдувальщиковъ и живописцевъ, гостей Венде.
Зобастый игрокъ на окаринѣ.

Сказка разыгрывается въ Силезскихъ горахъ, глубокою зимою.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ корчмѣ старика Венде въ Ротвассергрундѣ. Направо и на заднемъ планѣ по двери, послѣдняя ведетъ въ сѣни. Въ углу, направо, голландская печь, налѣво — прилавокъ. Маленькія окна, скамейки вдоль стѣнъ, темный накатный потолокъ. Налѣво три занятыхъ стола. За первымъ, у прилавка, сидятъ дровосѣки. Они пьютъ водку и пиво и курятъ трубки. За вторымъ столомъ, ближе къ переднему плану, сидятъ лучше одѣтые люди: живописцы по стеклу Шедлеръ и Антонъ, еще нѣсколько человѣкъ и итальянецъ лѣтъ 50, по имени Тальяцони, по виду—сорвиголова. Они играютъ въ карты. За самымъ переднимъ столомъ сидитъ директоръ стекляннаго завода: высокаго роста, сорокалѣтній мужчина съ маленькой головой, стройный и энергичный на видъ. Передъ нимъ полбутылки шампанскаго и налитый стаканчикъ тонкой работы. Тутъ же на столѣ—хлыстъ. За полночь. На дворѣ суровая зима. Нѣсколько лампъ разливаютъ скудный свѣтъ. Въ окна проникаетъ лунный свѣтъ въ наполненную паромъ комнату. Прислуживаютъ гостямъ старый хозяинъ Венде и простая кельнерша.

Венде (сѣдой, съ неподвижно серьезнымъ выраженіемъ лица). Еще половиночку, г. директоръ?

Директоръ. А то какъ же, Венде?.. Цѣлую!.. Кобылу хорошо вытерли?

Венде. Самъ ходилъ. Такую скотину надобно уважить. Точно бѣлой масти, вся была въ мылѣ.

Директоръ. Лихо скакалъ!

Венде. Заводская лошадь.

Директоръ. Рѣзвая! Иногда зарывались въ снѣгъ по животъ. Хоть бы что!

Венде (съ легкой ироніей). Вѣрный завсегдатай, г. директоръ.

Директоръ (барабанитъ по столу, съ веселымъ смѣхомъ). А вѣдь странно, а? Январь, два часа ѣзды по лѣсу, старикъ—забавная привязанность! А моя форель скоро?

Венде. Поспѣшишь—людей насмѣшишь!

Директоръ. Такъ, такъ, такъ! Вы только не унывайте!.. Чѣмъ я-то виноватъ, что вы торчите здѣсь, въ этомъ получешскомъ, полунѣмецкомъ заброшенномъ сараѣ, Венде?

Венде. Не въ этомъ дѣло, г. директоръ! Главное, что мнѣ здѣсь не житье!

Директоръ. Будетъ вамъ толковать, старый брюзга!

Венде. А вы посмотрите въ окошко.

Директоръ. Знаю,—старая, гнилая избушка конкурента. Да ее скоро на сломъ продадутъ, такъ что вамъ не вѣкъ ворчать на этотъ счетъ... Что вы плачетесь? Дѣла-то вѣдь

хоть куда! Они же приходить сюда часа на два, на три и оставляють уйму денегъ.

Венде. Долго ли будетъ длиться эта кутерьма? Пока еще сосѣдній заводъ работалъ всего на двухъ печахъ, былъ спокойный, вѣрный хлѣбъ, нынче—одно свинство.

Директоръ. Эхъ, вы, упрямая башка! Давайте же вина!

(Венде, пожимая плечами, удаляется. За игорнымъ столомъ поднялся споръ).

Тальяцони (кричитъ). No, signore. No, signore! Impossibile [1])! Я же выложилъ золотой! No, signore! Вы ошибаетесь! No, signore...

Шеллеръ. Стой! Все это враки, чортъ возьми...

Тальяцони. No, signore! per Bacco, вотъ тебѣ! Ladri! Ladri! assassini! ti ammazzo [2])!

Антонъ (Шеллеру). Да вотъ же твои деньги!

Шеллеръ (находитъ искомую монету). Твое счастье, проклятый паршивецъ!

Директоръ (играющимъ). Эй, вы тамъ, бездѣльники! Скоро перестанете?

Антонъ. Когда г. директоръ уѣдетъ домой.

Директоръ. Тогда вы побѣжите толкомъ за лошадью Къ тому времени вы все до нитки проиграете!

Антонъ. А это мы еще посмотримъ, г. директоръ!

Директоръ. А все оттого, что графъ даетъ вамъ чертовски много денегъ зарабатывать. Придется мнѣ поубавить вамъ платы. А то чѣмъ больше у васъ въ карманѣ, тѣмъ больше вы прокучиваете!

Антонъ. Графъ наживаетъ и директоръ наживаетъ, живописцамъ тоже не съ голоду помирать!

Тальяцони (стасовалъ карты, начинается новая игра. Передъ каждымъ изъ играющихъ лежитъ настоящая куча золота). Basta! Incominciamo adesso [3])!

Директоръ. Dove è vostra figlia oggi [4])?

Тальяцони. Dorme, signore! è ora mi pare [5]).

Директоръ. Altro che [6])!

(Замолкаетъ съ выраженіемъ легкаго смущенія. Въ это время

---

[1]) Нѣтъ, сударь! Нѣтъ, сударь! Невозможно!

[2]) Нѣтъ, сударь! Будь ты проклятъ! Мошенникъ! Разбойникъ! Убить тебя!

[3]) Довольно! Начнемъ теперь!

[4]) Гдѣ ваша дочь сегодня?

[5]) Спитъ, сударь! И пора, по-моему.

[6]) Еще бы!

Венде самъ подаетъ ему форели и руководитъ кельнершей, которая несетъ бутылку шампанскаго и картофель).

Директоръ (вздыхая). Чертовски скучно у васъ нынче, Венде! Платишь дорого, а толку никакого.

Венде (перестаетъ усердно хлопотать вокругъ своего гостя и грубо говоритъ). Впредь-то ходите въ другое мѣсто!

Директоръ (оборачивается и смотритъ въ окошко за своей спиной). Кто тамъ поскрипываетъ по снѣгу?—точно по стеклу ходитъ!

Венде. Вокругъ стекляннаго завода осколковъ-то сколько хочешь.

Директоръ. Гигантская тѣнь! Кто же это?

Венде (дышитъ на окно). Не кто какъ старый выдувальщикъ Гунъ, должно-быть. Этакое привидѣніе изъ стараго завода, которому ни жить ни умереть нельзя!.. Если вы покончили съ вашимъ Софинау, отчего бы вамъ не пустить его въ ходъ, какъ отдѣленіе?

Директоръ. Да потому, что доходу не приноситъ, а стоитъ-то уйму денегъ. (Продолжая смотрѣть въ окно) Восемнадцать градусовъ! Свѣтло, какъ средь бѣла дня! а звѣздное небо — съ ума сойти! Синева, сплошная синева! (Поворачивается къ своей тарелкѣ) Даже на фореляхъ... Господи, какъ эти скоты дерутъ глотки.

(Входитъ исполинскаго роста человѣкъ съ длинными рыжими волосами, рыжими густыми бровями и рыжей бородой, съ ногъ до головы одѣтый въ лохмотья. Онъ снимаетъ свои тяжелые деревянные башмаки, смотритъ слезящимися, въ красныхъ кругахъ глазами и, что-то бормоча, открываетъ и закрываетъ свои влажныя, одутловатыя губы).

Директоръ (явно безъ аппетита пробуя форели). Старикъ Гунъ! Бормочетъ себѣ подъ носъ! Старику Гуну крѣпкаго грогу, Венде! Ну, что вы на меня уставились?

(Старикъ Гунъ, продолжая ворчать и смотрѣть на директора, расположился за пустымъ столомъ у правой стѣны, между печкой и дверью).

Первый дровосѣкъ. Онъ не хочетъ вѣрить, что здѣсь, въ Ротвассергрундѣ, больше нѣтъ работы.

Второй дровосѣкъ. Говорятъ, онъ является иной разъ ночью и бродитъ кругомъ, какъ привидѣніе.

Первый дровосѣкъ. Потомъ разводитъ огонь въ холодной плавильной печи, становится у стараго колошника и давай выдувать громадные стеклянные шары.

Второй дровосѣкъ. Легкія у него, что раздувальные мѣхи. Я знаю! Тутъ ужъ съ нимъ никто не сравняется.

Третій дровосѣкъ. Что подѣлываетъ старикъ Яковъ, Гунъ? А онъ вотъ каковъ: съ людьми-то не говоритъ, но

дома у него старая галка, вотъ онъ и толкуетъ съ ней по цѣлымъ днямъ.

Директоръ. Что же онъ все празднуетъ, почему не приходитъ? Ему бы и въ Софинау работишка нашлась!

Первый дровосѣкъ. На широкомъ свѣтѣ этого у него хоть отбавляй.

Директоръ. Посмотришь на старика и вспомнишь о Парижѣ,—не вѣрится, что есть Парижъ.

Венде (скромно подсаживается къ столу директора). А вы никакъ опять въ Парижъ ѣздили?

Директоръ. Всего три дня, какъ вернулся. Огромные заказы привезъ!

Венде. Ну, тогда оплачивается.

Директоръ. Оплачивается!.. Стоитъ денегъ и приноситъ кое-что: но больше! Какъ только съ ума не спятишь, Венде, когда попадаешь въ Парижъ: освѣщенные рестораны! Герцогини въ золотѣ и въ шелку и въ брюссельскихъ кружевахъ! Дамы изъ Пале-Рояля! Наше стекло, тончайшій хрусталь на столахъ: все, поди, вещи, сдѣланныя вотъ этакимъ косматымъ великаномъ!.. Чортъ возьми, что за зрѣлище! Когда настоящая, нѣжная ручка подноситъ такой-то вотъ стеклянный цвѣтокъ, такой-то ледяной цвѣтокъ, мимо обнаженной груди къ горячимъ, румянымъ губамъ, съ огненнымъ взглядомъ: — диву дашься, какъ онъ не растаетъ подъ такимъ грѣшнымъ женскимъ взглядомъ!.. Ваше здоровье!.. (Пьетъ) Ваше здоровье, Венде! Прямо узнать нельзя, во что обратились наши издѣлія!

Кельнерша (ставя грогъ передъ старикомъ Гуномъ). Не хватай! Горячо!

(Старикъ Гунъ беретъ стаканъ и, недолго думая, бросаетъ его).

Директоръ (замѣчая это). Этакое чортово отродье!

(Дровосѣки разражаются хохотомъ).

Первый дровосѣкъ. А поставьте-ка ему политофа, такъ онъ вамъ горящіе уголья глотать начнетъ.

Второй дровосѣкъ. Онъ беретъ пивную кружку да трахъ ее пополамъ и грызетъ себѣ осколки, что сахаръ.

Третій дровосѣкъ. А вы бы посмотрѣли, какъ онъ съ маленькой итальяночкой пляшетъ, когда слѣпой Францъ играетъ на окаринѣ.

Директоръ. Францъ, тащи-ка окарину [1])!.. (Громко, обра-

---

[1]) Родъ глиняной флейты.

щаясь къ Тальяцони) Dieci lire [1]), если Пиппа будетъ плясать.

Тальяцони (играя). Non va. Impossibile, signor padrone [2]).

Директоръ. Venti lire!.. trenta [3])!?..

Тальяцони. No [4]).

Венде. Она уже третій сонъ видитъ, г. директоръ.

Директоръ (настаивая на своемъ, почти страстно). Quaranta [5])!?.. Дайте же чуточку душу отвести! Мерзавцы! Зачѣмъ же ѣздить сюда! Не будь этой вшивой цыганки, въ этомъ кабачишкѣ моей бы и ноги больше не было!.. (Продолжая торгъ) Cinquanta [6])!

Тальяцони (не отрываясь отъ игры, съ упорствомъ черезъ плечо). No! no! no! no! no! no!

Директоръ. Cento lire [7])!

Тальяцони (отрывисто). Per cento, si [8])!

(Нагибаясь, оборачивается и ловко схватываетъ брошенную ему синюю бумажку).

Директоръ (нѣсколько теряя равновѣсіе). А жрать моей львицѣ дали?

Кельнерша. Да, г. директоръ, пожрала собака.

Директоръ (рѣзко). Не разговаривать!

Кельнерша. Должна же я отвѣчать, разъ вы меня спрашиваете.

Директоръ (отрывисто, прекращая разговоръ, свирѣпо). Молчать, держи свое немытое рыло!.. Этакая вонючая дыра! Какъ только малютка можетъ дышать здѣсь?!

Тальяцони (всталъ и, стоя въ дверяхъ въ сѣни, дикимъ голосомъ кричитъ въ верхнюю часть дома). Пиппа! А Пиппа! Vien giù, presto! sempre avanti [9])!

Директоръ (негодующе поднимаясь). Держи рыло, пусть спитъ! Скотина!

Тальяцони. Пиппа!

Директоръ. Возьми себѣ деньги и дай ей спать! Возьми себѣ деньги, дубина, она мнѣ ненужна.

---

[1]) Десять лиръ.
[2]) Не пройдетъ. Невозможно, г. хозяинъ.
[3]) Двадцать лиръ!.. тридцать.
[4]) Нѣтъ.
[5]) Сорокъ.
[6]) Пятьдесятъ.
[7]) Сто лиръ.
[8]) За сто, да.
[9]) Приходи внизъ, живо! Пошевеливайся!

Тальяцони. Come vuole. Grazie, signore, beh [1])!..

(Рѣшительно пожавъ плечами, опять преспокойно садится за игорный столъ).

Директоръ. Сѣдлать, Венде! Выводи лошадь!

Пиппа (появляется въ дверяхъ; заспанная и застѣнчивая, она ежится у дверного косяка).

Директоръ (замѣчаетъ ее и говоритъ изумленно). Да вотъ и она!.. Эхъ, что тамъ, ложись, Пиппа!.. Или ты еще не спала?.. Подь-ка, пригубь, замочи губки, тутъ кое-что и для тебя.

(Пиппа послушно идетъ къ столу и беретъ стаканъ шампанскаго).

Директоръ (протягивая свой тонкій стаканъ). Тонкая штучка! Тонкая штучка! Тоже венеціанка!.. Ну что, вкусно, малютка?..

Пиппа. Спасибо, сладко!

Директоръ. А спать тебѣ не хочется?

Пиппа. Нѣтъ.

Директоръ. Тебѣ холодно?

Пиппа. Здѣсь-то почти всегда.

Директоръ. Тогда надо топить!.. Впрочемъ, я не удивляюсь, что ты зябнешь, ты, тонкая, нѣжная лоза! Ну, иди, садись, накинь мой плащъ! Ты же, собственно, ломъ изъ стеклоплавильной печи: мнѣ это какъ разъ вчера снилось.

Пиппа. Брр! Я очень люблю сидѣть у самой стекольной печи!

Директоръ. Какъ мнѣ снилось, скорѣе—въ самой печи. Я, видишь ли, взбалмошный малый! Старый осель, директоръ стекляннаго завода, который вмѣсто того, чтобы считать, видитъ сны. Когда валитъ бѣлокалильный жаръ изъ печи, я частенько вижу, какъ ты, совсѣмъ какъ саламандра, дрожишь въ раскаленномъ воздухѣ. И потомъ медленно расплываешься въ темнотѣ.

Старикъ Гунъ. Про это и мнѣ уже снилось.

Директоръ. Что тамъ опять бормочетъ это чудовище?

(Пиппа задумчиво поворачиваетъ головку и всматривается въ старика, разглаживая правой рукою за спиной свои русые, тяжелые, распущенные волосы).

Старикъ Гунъ. Будемъ снова плясать, маленькій духъ?

Директоръ (рѣзко). Ну, вотъ еще! Мнѣ теперь не до танцевъ! (Одной Пиппѣ) Съ меня довольно, что ты здѣсь, красоточка!

Кельнерша (за стойкой, хозяйка). Ишь, директоръ опять размякъ!

---

[1]) Какъ вамъ угодно. Спасибо, господинъ, хэ!

Венде. А тебѣ-то что?

Директоръ. Устала! Ступай спать, бѣдняжечка! Твое мѣсто во дворцѣ съ фонтанами!.. А теперь ты должна жить въ этой трущобѣ! Не взять ли тебя, въ чемъ ты есть, посадить на вороную да уѣхать съ тобой?

Пиппа (плавно и отрицательно качаетъ головой).

Директоръ. Значитъ, тебѣ здѣсь больше нравится? разъ ты вотъ опять качаешь головкой!.. Давно ли вы живете въ этомъ домѣ?

Пиппа (задумывается, смотритъ на него большими глазами). Не знаю!

Директоръ. А до того, какъ вы пріѣхали сюда? Гдѣ ты тогда жила?

Пиппа (задумывается, смѣется своему собственному невѣдѣнью) Я жила... развѣ я не всегда жила здѣсь?

Директоръ. Ты-то? Среди нѣмыхъ и говорящихъ древесныхъ стволовъ?

Пиппа. Cosa [1])?

Директоръ. Въ оледенѣлой, засыпанной снѣгомъ варварской странѣ? (Къ Тальяцони) Откуда, бишь, ея мать?

Тальяцони (черезъ плечо). Si, signore! Pieve di Cadore [2]).

Директоръ. Pieve di Cadore такъ. что ли? По ту сторону Альпъ.

Тальяцони (смѣясь). Siamo parenti del divino Tiziano, signore [3])!

Директоръ. Ну, малютка, тогда мы, пожалуй, родственники, потому что у Тиціана такая же наружность, какъ у моего дяди, лѣсничаго... Значитъ, ты и здѣсь наполовину на родинѣ! Но вѣтеръ уноситъ твои золотистые волосы куда-то въ другую сторону!

(Входитъ маленькій, зобастый, оборванный человѣчекъ и, играя на окаринѣ, садится по срединѣ комнаты. Сидящіе за столомъ, съ трубками и водкою, дровосѣки привѣтствуютъ его крикомъ: «ура!»).

Первый дровосѣкъ. Гунъ долженъ плясать!

Второй дровосѣкъ. И дѣвочка должна плясать!

Третій дровосѣкъ. Ежели она будетъ плясать, я ей заплачу.

Четвертый дровосѣкъ. Вы только смотрите, какія Гунъ рожи корчитъ!

---

[1]) Что такое?
[2]) Да, сударь. Изъ Пьеве да-Кадоре (родина Тиціана).
[3]) Мы — родственники божественнаго Тиціана, сударь.

Директоръ. Эй, вы, топоры, дѣло-то не пойдетъ! Поняли?

Первый дровосѣкъ. Да вы же сами хотѣли, г. директоръ!

Директоръ. Чортъ возьми, а теперь не хочу!

Гунъ (поднимается во весь свой ростъ, хочетъ встать передъ столомъ, при чемъ, лихорадочно вытаращивъ глаза, не перестаетъ смотрѣть на Пиппу).

Директоръ. Сядь, Гунъ!

Вейдт (рѣшительно выступая впередъ и схватывая Гуна за руки). Сядь! Нечего прыгать-то!.. Вы мнѣ тутъ еще полъ проломаете. (Игроку на окаринѣ) Брось эту чортову свистульку!

(Гунъ продолжаетъ смотрѣть, тупо вытаращивъ глаза, не собираясь садиться. Окарина замолкаетъ.

Игроки снова окончили партію. Тальяцони сгребаетъ кучку золота. Живописецъ Антонъ вдругъ вскакиваетъ и ударяетъ кулакомъ по столу такъ, что золотыя монеты разсыпаются по комнатѣ).

Антонъ. Тутъ кто-то плутуетъ!!

Тальяцони. Кто? io? io? dica [1])! Кто же?

Антонъ. Я не говорю, кто! Я просто говорю: кто-то! Тутъ дѣло нечисто!

Первый дровосѣкъ. Да, кто играетъ съ итальянцемъ, пускай черной магіей займется.

Шеллеръ. Я тутъ не досчитываюсь, многаго не досчитываюсь.

Первый дровосѣкъ. Смотрите теперь, а то скоро лампы погаснутъ. Тогда онъ вамъ покажетъ фокусъ.

Директоръ. А вы бы не давали плуту держать банкъ!

Тальяцони (преспокойно загребая золото, въ полуоборотъ къ директору). Altro! Плуты-то другіе, io no. Basta! Andiamo a letto! Pippa, avanti! Vien qua [2])!

Антонъ. Какъ, теперь онъ уже идетъ спать, обобравъ-то насъ дочиста? Оставайся здѣсь! Будемъ дальше играть!

Тальяцони. E altro! Почему бы нѣтъ! Сыграемъ! Come vuole! Come vuole, signor mio [3])!

(Кельнерша, хозяинъ, игрокъ на окаринѣ, одинъ изъ живописцевъ и одинъ изъ дровосѣковъ ищутъ денегъ на полу.

Изъ сѣней появляется Михель Гелльригель, подмастерье, лѣтъ около двадцати трехъ; на немъ легкая шляпа и ранецъ съ отстегнутой крышкой. Куртка, жилетъ и брюки—еще приличные, но башмаки изношены. На блѣдномъ, истощенномъ лицѣ и въ движеніяхъ юноши

---

[1]) Я? и? говори!

[2]) Ну нѣтъ! я — нѣтъ. Довольно! Пойдемъ спать! Пиппа, маршъ! Поди сюда!

[3]) Еще бы! Какъ вамъ угодно! Какъ вамъ угодно, сударь мой!

замѣтны слѣды дальняго, изнурительнаго пути. Его лицо обнаруживаетъ тонкія, необычныя и почти благородныя черты. На верхней губѣ первый нѣжный пушокъ. Во всей стройной фигурѣ оттѣнокъ фантастическаго и оттѣнокъ болѣзненнаго).

Кельнерша. Господи, еще одинъ подмастерье — такъ поздно!

Гельригель (ослѣпленный, моргая глазами отъ ѣдкаго дыма, бросая лихорадочные взгляды изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ, стоитъ въ освѣщенномъ кругѣ лампы; вертитъ въ рукахъ шляпу и старается скрыть, что его руки и ноги страдаютъ отъ холода). Найдется здѣсь ночлегъ для странствующаго подмастерья?

Венде. Почему бы нѣтъ? За деньги и привѣтливое слово... (Юноша озирается кругомъ и не находитъ свободнаго мѣста). Садитесь на боченокъ съ водкой да отсчитывайте деньги. Если вамъ угодно еще что-нибудь... а мѣста тутъ хватитъ.

Первый дровосѣкъ. Куда это васъ Богъ несетъ въ такую позднюю пору, паренекъ?

Директоръ. Въ страну, гдѣ всѣ рѣки текутъ млекомъ и медомъ.

Гельригель (со смиреннымъ поклономъ, сначала дровосѣкамъ, потомъ директору). Мнѣ бы перевалить черезъ хребетъ въ Богемію.

Директоръ. Чѣмъ же вы занимаетесь?

Гельригель. По стеклянной части.

Второй дровосѣкъ. Видно, въ головѣ-то у него не все на мѣстѣ! Карабкаться въ горы въ такой-то морозъ да еще здѣсь, гдѣ ни пройти ни проѣхать? Онъ хочетъ превратиться въ снѣжную бабу и погибнуть самымъ жалкимъ образомъ?

Венде. Его дѣло, насъ это не касается.

Третій дровосѣкъ. Ты, поди, не съ горъ, паренекъ? Ты и не знаешь, что̀ такое глубокая зима?

Гельригель (скромно и почтительно выслушалъ; теперь онъ нерѣшительно вытираетъ свою шляпу. Потомъ садится на указанный боченокъ, вздрагиваетъ, стискиваетъ зубы и проводитъ растопыренной рукою по волосамъ).

Директоръ. Если бумаги у васъ въ порядкѣ, зачѣмъ вамъ тащиться въ Богемію? Въ Силезіи мы тоже плавимъ стекло.

Гельригель (вскочивъ). Я хочу выучиться чему-нибудь совершенно особенному.

Директоръ. Да что̀ вы! Что̀ же это могло бы быть? Ужъ не шары ли дѣлать—изъ чистой водицы да сухими руками?

Гельригель (пожимаетъ плечами).

Директоръ. Впрочемъ, мы это здѣсь изъ снѣгу дѣлаемъ!

Гельригель. Снѣгъ не вода! Я хочу Божій свѣтъ повидать.

Директоръ. А здѣсь вы развѣ не на Божьемъ свѣтѣ?

Гельригель. Я ищу.

Директоръ. Вы что-нибудь потеряли?

Гельригель. Нѣтъ! Я хочу сказать, можно набрести на что-нибудь. (Въ полустоячемъ положеніи и устало опираясь, онъ озирается кругомъ большими и изумленными глазами). Я, собственно, совсѣмъ не знаю, гдѣ я.

Директоръ. Да, да, такъ-то вотъ. Утромъ полное пѣсенъ небо, а вечеромъ ни одного живого мѣста на тѣлѣ.

Гельригель. Я здѣсь... я здѣсь уже въ Богеміи, г. хозяинъ?

Первый дровосѣкъ. Да ну? Развѣ здѣсь такой ужъ дурной запахъ?

(Гельригель снова опустился на бочекъ, широко раздвинувъ локти на завалинкѣ; положивъ руки на лобъ, онъ съ подавленнымъ стономъ закрываетъ лицо).

Третій дровосѣкъ. Да онъ еще совсѣмъ-совсѣмъ младенецъ!

(Пиппа, стоя у директорскаго стола, не отрываясь, смотрѣла на пришлеца. Теперь, какъ бы погруженная въ думы, она подходитъ къ нему и садится недалеко отъ того мѣста на столѣ, гдѣ лежитъ его голова, сложивъ руки, задумчиво качая ногами и искоса поглядывая на него).

Директоръ. Ликовинный святой, Пиппа, а? (Насмѣшливо напѣвая вполголоса) «Къ кому Всевышній благосклоненъ, того Онъ шлетъ...» и такъ далѣе. Небось, онъ тоже поетъ, когда все у него въ порядкѣ. Держу пари на тринадцать бутылокъ шампанскаго, что въ ранцѣ у него имѣются даже стишки его собственнаго сочиненія!

Пиппа (въ нѣкоторомъ смущеніи, машинально поднимается, то посматривая на юношу, то безпомощно окидывая глазами окружающее; вдругъ она подбѣгаетъ вплотную къ директору). Padrone! Padrone! Гость плачетъ.

Директоръ.

Жидокъ усъ—
На мой вкусъ!

Шедлеръ (встаетъ отъ игорнаго стола и съ военной выправкой останавливается передъ директоромъ). Г. директоръ, я—честный человѣкъ!

Директоръ. Ну, и что же? Зачѣмъ вы мнѣ говорите это теперь? Послѣ полуночи, да еще въ кабакѣ.

Шедлеръ (вытирая холодный потъ со лба). Я — безупречный мастеръ...

Директоръ. Ну, и что же?

Шедлеръ. Мнѣ бы получить впередъ!

Директоръ. По-вашему, я всегда вожу денежный шкапъ въ своей курткѣ?

Шедлеръ. ...частнымъ образомъ!..

Директоръ. Частнымъ образомъ—и не подумаю! Стану я помогать вамъ разоряться.

Шедлеръ. Собака насъ всѣхъ обираетъ.

Директоръ. Зачѣмъ же вамъ играть съ нимъ? Прикончите съ подлецомъ всякіе счеты.

Шедлеръ. Мы когда-нибудь прикончимъ съ нимъ!

Директоръ. Дома-то у васъ жена и дѣти...

Шедлеръ. Этого добра у насъ у всѣхъ много, г. директоръ! Но разъ ужъ тутъ чортъ попуталъ...

Директоръ. Нѣтъ! Подобнаго безумія я не поощряю!

(Шедлеръ пожимаетъ плечами и направляется къ Венде за прилавокъ. Видно, какъ онъ настойчиво проситъ ссудить ему денегъ; Венде долго отказываетъ, наконецъ даетъ. Въ это время подмастерье жадно пьетъ горячій грогъ, который кельнерша поставила ему на скамейку. Потомъ она приноситъ ему ѣсть, и онъ ѣстъ).

Директоръ (поднимая стаканъ въ его сторону). Эй, вы, поздняя ласточка! Будьте здоровы!

Гелльригель (встаетъ со стаканомъ, учтиво благодаритъ, пьетъ и снова садится).

Директоръ. До тридевятаго царства еще далеконько.

Гелльригель (снова быстро вскакиваетъ). Зато у меня охота и выносливость!

Директоръ. И кровохарканье!

Гелльригель. Немножко—не вредно!

Директоръ. Нѣтъ. Если-бъ вы только знали, до чего у васъ охота. Что это васъ передергиваетъ, и вы все вотъ вскакиваете ни съ того ни съ сего?

Гелльригель. Иной разъ меня положительно толкаетъ впередъ отъ нетерпѣнія!

Директоръ. Какъ ребенка въ темной комнатѣ, да? Когда милая маменька уже зажгла первую свѣчку на елкѣ за дверью? Сейчасъ, сейчасъ! Тише ѣдешь, дальше будешь!

Гелльригель. Все должно быть иначе... Весь міръ!

Директоръ. И прежде всего — вы, ваше высокородіе! (Пишетъ) Это—такой сумасбродный малый, дѣтка, изъ тѣхъ умницъ, которые попадаются развѣ подъ стекляннымъ кол-

пакомъ! (Гельригелю) «Ты радостно мчишься на крыльяхъ зари...» Короче: твое путешествіе не изъ легкихъ!.. (Пиппѣ) Прыгъ, прыгъ, по шиямъ да камнямъ... (Онъ хочетъ привлечь ее къ себѣ на колѣни, она противится, смотритъ на Гельригеля. Послѣдній вскакиваетъ, краснѣетъ).

Гельригель. Я бы позволилъ себѣ одно непосредственное замѣчаніе!

Директоръ. Вамъ еще что-нибудь новое въ голову пришло?

Гельригель. Покуда-что—нѣтъ!

Директоръ. Напримѣръ,—небо.

(Михель съ упавшимъ духомъ смотритъ на директора и забываетъ сѣсть).

Пиппа (схватываетъ узенькій ремешокъ и больно бьетъ директора по рукѣ).

Директоръ. Ай!

(Пиппа улыбается Гельригелю, который, забывая все окружающее, смотритъ ей въ глаза. При этомъ онъ беззвучно шевелитъ губами).

Директоръ (протягиваетъ руку). Ну, еще разокъ, Пиппа! (Пиппа бьетъ). Ай, слишкомъ больно! Богъ троицу любитъ: ну, третій разъ! (Она, смѣясь, ударяетъ изо всей силы). Такъ! Теперь я проученъ и наказанъ. А если опять птенчикъ выпадетъ изъ гнѣзда, то я, по крайней мѣрѣ, буду знать, что мнѣ дѣлать.

(Старикъ Гунъ, который въ это время опять усѣлся, протянулся надъ столомъ, далеко вытянувъ руку, и манитъ къ себѣ Пиппу длиннымъ, волосатымъ пальцемъ. И такъ какъ она не слушается или не замѣчаетъ его, то, насмотрѣвшись вдоволь на игру между нею, директоромъ и Гельригелемъ, онъ снова встаетъ, волоча ноги, подходитъ къ подмастерью, смотритъ на него, поднимаетъ свою длинную, дрябло болтающуюся руку гориллы и кладетъ ее ладонью ему на грудь, медленно пригибая его къ самому боченку; затѣмъ поворачивается, лукаво киваетъ Пиппѣ и своеобразнымъ движеніемъ поднимаетъ свои локти, напоминая покачивающагося на перекладинѣ въ клѣткѣ орла; при этомъ онъ какъ бы выступаетъ впередъ и приглашаетъ къ танцу).

Директоръ. Что тебѣ вздумалось, старый Гоптыгинъ?

Дровосѣки (кричатъ, въ общей суматохѣ). Дѣвочка должна плясать! Дѣвочка должна плясать!

Кельнерша (снявъ съ полки, гдѣ стоятъ бутылки съ водкой, маленькій барабанъ, бросаетъ его Пиппѣ, которая подхватываетъ его). На, чучело, не заставляй себя просить, не жеманься; ты же не принцесса сахарная!

(Пиппа смотритъ сначала на директора, затѣмъ на Гельригеля и наконецъ презрительнымъ взглядомъ мѣритъ великана съ головы до ногъ. Вдругъ, начиная пляску, она гремитъ бубенцами и, приплясывая, подвигается къ Гуну, съ тѣмъ однако расчетомъ, чтобы ускользнуть отъ него. Раздается окарина, и старикъ начинаетъ пляску въ

свою очередь. Она заключается въ томъ, что нѣчто неуклюжее, громадное силится поймать нѣчто красивое, проворное, какъ медвѣдь бабочку, что̀, переливаясь цвѣтами, порхаетъ вокругъ него. Ускользая отъ него, дѣвочка всякій разъ смѣется звонкимъ, какъ колокольчикъ, смѣхомъ. Иногда она вырывается отъ него, вертясь вокругъ самой себя и наматывая на себя свои золотистые волосы. Когда онъ гонится за нею, издаваемые ею звуки раздаются, какъ *ай*, и похожи на дѣтскій визгъ. Старикъ подпрыгиваетъ, смѣшно и угловато, какъ пойманная хищная птица. Онъ подстерегаетъ, хватаетъ, промахивается, и пыхтитъ, все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ возбужденіемъ, все громче и громче ворча. Пиппа пляшетъ, все въ большемъ и большемъ экстазѣ... Дровосѣки поднялись. Игроки бросили карты и всецѣло поглощены пляской. Тальяцони, безучастный къ происходящему, пользуется случаемъ прикарманить деньги и подтасовать карты. Незамѣтно для него, Шедлеръ наблюдаетъ за нимъ. Теперь кажется, что Пиппа не можетъ ускользнуть отъ чудовища; она громко взвизгиваетъ, и въ то же мгновеніе Шедлеръ схватываетъ обѣими руками лѣвую руку Тальяцони).

Шедлеръ (перекрикивая все). Стой!

Тальяцони. Cosa, signore [1])?

Шедлеръ. Коза̀-коза̀! Плутовать въ игрѣ! Теперь-то мошенникъ попался!

Тальяцони. E matto! è matto! diavolo! Son fiol di Murau. Conosce la casa de' Coltelli [2])?

Шедлеръ. Коза съ козломъ и прочее теперь тебѣ не поможетъ. Антонъ, держи-ка ту покрѣпче, теперь-то дѣло къ расплатѣ! (Живописецъ Антонъ держитъ крѣпко другую руку Тальяцони). Онъ тутъ фальшивыя карты подсунулъ, а еще на двухъ помѣтку сдѣлалъ.

(Всѣ присутствующіе, кромѣ Гельригеля и Пиппы, толпятся вокругъ игорнаго стола; Пиппа, тяжело дыша, блѣдная, забилась въ уголъ).

Директоръ. Тальяцони, я вамъ что̀ говорилъ,—не слишкомъ-то зарываться!

Тальяцони. Пусти, или я укушу тебя въ рыло!

Шедлеръ. Плюйся и кусайся, сколько хочешь, но наши-то денежки ты долженъ выложить назадъ, каналья!

Всѣ игроки. Да, все, до послѣдняго гроша!

Тальяцони. Cazzo [3]), и не чихну; проклятыя нѣмецкія бестіи, сумасшедшія, подлыя, низкія бестіи! Что̀ мнѣ съ вами, колбасниками, мараться?

---

[1]) Что такое, сударь?

[2]) Сумасшедшій! Сумасшедшій! Чортъ! Я—краса Мурано! Знаете заводъ Кольтелли?—Мурано — всемірно-извѣстная фирма хрустальныхъ издѣлій въ Венеціи. Тоже—де' Кольтелли. Здѣсь непереводимая игра словъ (coltello—ножъ). *(Примѣч. переводчика).*

[3]) Кукишъ.

Первый дровосѣкъ. Размозжите стервѣ голову!

Второй дровосѣкъ. Оглоблей его по башкѣ! Чтобъ у него въ глазахъ потемнѣло! Другого итальянецъ по-нѣмецки не понимаетъ!

Венде. Тише, вы: я этого не допущу!

Шедлеръ. Венде, вырви у него карты изъ кулака!

Тальяцони. Я васъ всѣхъ перерѣжу!

Антонъ (не отпуская). Ладно!

Второй дровосѣкъ. У мерзавца на рукахъ однихъ-то колецъ сколько!

Тальяцони. Хозяинъ, будьте свидѣтелемъ! Да тутъ разбойники! Я больше не возобновляю контракта! Lavoro niente, niente piii [1])! Сейчасъ же бросаю работу!.. Carabinieri [2])! Городовой! Pazzia bestialissima [3])!

Первый дровосѣкъ. Ори, ори! Тутъ нѣтъ полиціи!

Второй дровосѣкъ. Тутъ и вширь и вглубь одинъ снѣгъ да сосны!

Тальяцони. Chiama... Chiamate i carabinieri! Briganti [4])! Г. Венде! Пиппа, бѣги!

Директоръ. Эй, вы! Я вамъ совѣтую покончить миромъ. А то я не ручаюсь за послѣдствія!

Тальяцони. Brutte bestie! Basta cosi [5])!

(Неожиданно, съ быстротой молніи, Тальяцони вырывается, выхватываетъ кинжалъ и убѣгаетъ за столъ. Нападающіе на одно мгновеніе растерялись).

Третій дровосѣкъ. Ножъ! Убейте его, собаку!

Всѣ (какъ одинъ человѣкъ). Теперь онъ ни шагу! Теперь конецъ!

Директоръ. Не коверкайте мнѣ Тальяцони! Онъ мнѣ слишкомъ нуженъ на заводѣ! Не дѣлайте ничего, въ чемъ бы завтра не раскаяться!

(Тальяцони только инстинктивно чувствуетъ всю ужасную опасность мгновенія и бѣжитъ мимо нападающихъ къ двери. Игроки и дровосѣки бросаются за нимъ съ криками: «Бей, бей, убей его!». Видно, какъ при этомъ сверкнуло нѣсколько ножей).

Директоръ. Какъ бы они не укокошили парня въ конецъ-то концовъ!

Венде. Тогда они закроютъ мою лавочку.

Кельнерша (смотритъ наружу у открытаго окна). Тамъ въ

---

[1]) Не работаю, больше не работаю.
[2]) Жандармы.
[3]) Сумасшедшія бестіи.
[4]) Зови... зовите жандармовъ! -Разбойники!
[5]) Подлецы! Довольно этого!

лѣсу свалка; одинъ падаетъ; вскочилъ! Всѣ за нимъ по пятамъ!

Директоръ. Я вотъ спущу датскаго дога да разорву всю эту ватагу.

Венде. Я ни за что не отвѣчаю! Ни за что не ручаюсь!

Директоръ. Ну, что тамъ?

Кельнерша. Одинъ остался на снѣгу! Другіе бѣгутъ дальше въ лѣсъ!

(Доносится ужасный, смягченный разстояніемъ, раздирающій душу крикъ).

Венде. Закрой окно, лампа гаснетъ! (Лампа дѣйствительно догорѣла; кельнерша захлопываетъ окно).

Директоръ. Это добромъ не кончится! Пойдемте, Венде!

Венде. Я ни за что не отвѣчаю! Ни за что не ручаюсь! (Уходитъ, съ директоромъ впереди).

Кельнерша (въ своей растерянности, громко, Гельригелю). Вставай же! Помогите! Помогите, ловите! А то кто-нибудь явится сюда!.. Проклятыя карты! (Собрала со стола карты и швыряетъ ихъ въ печку). Туда-то имъ и дорога, одного-то уже сгубили! Приносятъ несчастіе и никогда не доводятъ до добра!

(Гельригель вскочилъ: и то самъ, то увлекаемый и подталкиваемый кельнершей, уходитъ въ сѣни, исчезая вмѣстѣ съ нею. Гунъ стоитъ почти въ томъ же положеніи, въ какомъ засталъ его за пляской взрывъ драки. Его глаза съ безпокойнымъ ожиданіемъ слѣдили за происходящимъ. Теперь онъ, медленно поворачиваясь кругомъ, старается осмотрѣться впотьмахъ. Не замѣчаетъ Пиппы, которая, съежившись въ клубокъ и забившись въ уголъ, сидитъ на землѣ. Онъ достаетъ сѣрную спичку, чиркаетъ и зажигаетъ лампу. Опять принимается за поиски и находитъ дѣвочку. Стоя по серединѣ комнаты, онъ киваетъ ей съ гнуснымъ дружелюбіемъ. Пиппа тупо смотритъ на него, какъ выпавшая изъ гнѣзда, пойманная птичка. Маленькое оконце распахнулось съ наружной стороны, и слышенъ голосъ директора).

Голосъ директора. Пиппа! А Пиппа! Ей нельзя оставаться здѣсь! Я возьму ее съ собой!

(Не успѣлъ директоръ отойти отъ окна, какъ Гунъ бросается къ подскочившей дѣвочкѣ, обхватываетъ ее, поднимаетъ на руки, причемъ Пиппа съ отрывистымъ, похожимъ на вздохъ, крикомъ падаетъ въ обморокъ: онъ приговариваетъ:)

Гунъ. Въ концѣ-то концовъ онъ еще не взялъ тебя! (Съ этими словами онъ убѣгаетъ въ дверь).

Голосъ директора (снова у окна). Пиппа! А Пиппа! Ты все еще здѣсь? Не бойся! Тебя и волоскомъ не тронутъ!..

Кельнерша (возвращается). Здѣсь больше ни души? Никто не возвращается, а тамъ одинъ уже свалился, истекая кровью.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Внутренность уединенной избушки въ горахъ. Большая и низкая комната до послѣдней степени запущена. Потолокъ почернѣлъ отъ дыма и времени. Одинъ изъ брусьевъ растрескался, остальные прогнулись и подперты кое-какъ неотесанными кольями. Подъ колья положены маленькія дощечки. Глиняный полъ съ выемками и выступами; только вокругъ развалившейся печки онъ выложенъ кирпичомъ. Изъ трехъ крошечныхъ, четырехугольныхъ оконныхъ отверстій, подъ которыми тянется обугленная скамейка, два закрыты соломой, мхомъ, листьями и досками; въ третьемъ—оконная рама съ тремя тусклыми стеклами, а вмѣсто четвертаго—опять доски и мохъ. У той же стѣны, въ углу, нѣсколько ближе къ покрытому пятнами столу, печка. Дверь въ задней стѣнѣ. Въ нее видны темныя сѣни, гдѣ балки на тѣхъ же подпорахъ, какъ и въ комнатѣ, и наклонная, изъ перекладинъ, лѣстница, ведущая на чердакъ. Отгороженный досками уголъ въ комнатѣ набитъ березовыми, буковыми и дубовыми листьями, тамъ же нѣсколько старыхъ лоскутьевъ отъ платьевъ и одѣялъ; это—постель старика Гуна, владѣльца избушки. На стѣнѣ виситъ старое ружье, рваная съ отвислыми краями шляпа, платье и множество вырѣзанныхъ изъ журналовъ картинокъ. Много листьевъ и на полу. Въ углу куча картофеля; на потолкѣ висятъ пучки луку и сушеныхъ грибовъ. Единственная свѣтлая полоска свѣта проникаетъ въ комнату изъ ясной лунной ночи въ окно.

Въ сѣняхъ вдругъ тоже стало свѣтло. Слышно фырканье и тяжелое дыханье. Затѣмъ показывается старикъ Гунъ съ Пиппой на рукахъ. Онъ входитъ въ комнату и укладываетъ Пиппу въ постель изъ листьевъ, покрывая ее тутъ же лежащими лохмотьями. Затѣмъ онъ достаетъ изъ угла старую подставку съ лучиной, зажигаетъ ее, при чемъ тотчасъ же, въ большомъ возбужденіи, смотритъ на дѣвочку. Доносятся первые порывы начинающейся вьюги. Снѣгъ вихремъ врывается въ сѣни. Теперь Гунъ достаетъ съ одной изъ полокъ бутылку и вливаетъ Пиппѣ въ ротъ водки. Она глубоко дышитъ, онъ еще заботливѣе закутываетъ ее, бѣжитъ къ печкѣ и разводитъ изъ тутъ же лежащей кучи хворосту огонь.

Гунъ (сейчасъ же выпрямляется, прислушивается у двери и зоветъ съ безумной поспѣшностью и таинственностью). Подь сюда, подь сюда, старый Яковъ!.. А старый Яковъ, я тутъ кое-что принесъ!

(Онъ ждетъ отвѣта и смѣется про себя).

Пиппа (стонетъ, очнувшись отъ крѣпкаго напитка; вдругъ она поднимаетъ туловище, въ ужасѣ озирается кругомъ, прижимаетъ глаза руками, снова отнимаетъ ихъ, стонетъ, вскакиваетъ и бросается, какъ испуганная птичка, слѣпо къ стѣнѣ). Фрау Венде, фрау Венде, гдѣ же я? (Въ ужасѣ, хватаясь за стѣну, оглядывается назадъ, замѣчаетъ Гуна и, въ новомъ приступѣ отчаяннаго страха, слѣпо бросается къ стѣнѣ, то въ одну, то въ другую сторону) Задыхаюсь! Помогите! Не хороните меня! Padre! Padrone! ахъ, ахъ! Помогите! Фрау Венде, я въ бреду!

Гунъ (подбѣгаетъ къ ней, при чемъ она въ безмолвномъ ужасѣ дѣлаетъ отстраняющее движеніе руками). Тише, старикъ Гунъ не тронетъ тебя! и старикъ Яковъ тоже ласковъ. (Когда же Пиппа, совершенно оцѣпенѣвъ, не мѣняетъ своего оборонительнаго положенія, онъ неувѣренно дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ ней, но вдругъ пріостанавливается, скованный выраженіемъ безотчетнаго ужаса). Не надо такъ!.. Ну?.. Скажи хоть слово!.. Не бейся о стѣну!.. У меня славно, а на дворѣ притаилась смерть! (Онъ нѣкоторое время испытующе и выжидательно смотритъ на нее; вдругъ его осѣняетъ мысль) Стой!.. Яковъ, веди сюда козу!.. А Яковъ!.. Козье молоко согрѣваетъ! Козье молоко будетъ хорошо! (Подражаетъ блеянью козъ и овецъ, какъ бы соннаго стада въ хлѣву) Бэ-бэ-э, бэ!.. Слышишь, онѣ идутъ по лѣстницѣ сюда. Яковъ, Яковъ, веди ихъ сюда!

Пиппа (замѣтила и узнала, гдѣ дверь; она машинально подымается и бросается къ ней, желая убѣжать. Гунъ заступаетъ ей дорогу).

Гунъ. Я-жъ тебя не хватаю! Я тебя не трогаю, дѣвочка! И ты должна со мной... остаться со мной.

Пиппа. Фрау Венде! Фрау Венде! (Встаетъ и закрываетъ лицо руками).

Гунъ. Да не бойся же! Одно было — а другое будетъ!.. Иногда весной ставится ловушка... а то иногда зимой попадаются овсянки!.. (Онъ дѣлаетъ большой глотокъ изъ бутылки съ водкой. Теперь одна коза просовываетъ голову въ дверь).

Гунъ. Стой, Яковъ, оставь Лизаньку за дверью. Она мнѣ дастъ капельку молочка! (Схватываетъ маленькую скамеечку, бѣжитъ въ сѣни и доитъ козу, въ то же время загораживая собою дверь. Между тѣмъ Пиппа, видно, нѣсколько успокоилась. Въ ея плачѣ и стонѣ звучитъ безсильное подчиненіе, ей снова холодно, и ее невольно привлекаетъ свѣтлое пятно на стѣнѣ отъ свѣта огня изъ печного отверстія; это, повидимому, вызываетъ въ ней какія-то воспоминанія, и, стоя на колѣняхъ, она устремляетъ взоръ на трескучее пламя).

Пиппа. O santa Maria, madre di Dio! o madre Maria! o santa Anna! O Maria, madre santa [1])!

(Старикъ Гунъ подоилъ козу и возвращается въ комнату. Страхъ и ужасъ Пиппы тотчасъ же усиливается; онъ подходитъ къ ней, ставитъ горшокъ съ молокомъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея и отступаетъ назадъ).

Гунъ. Попей козьяго молочка, золото мое, слышь! (Пиппа, колеблясь, смотритъ на Гуна и настолько набирается храбрости, что пьетъ послѣ молоко изъ поставленнаго горшка, съ жадной поспѣшностью).

---

[1]) Святая Марія, матерь Божья! О, матерь Божья! Святая Анна! Марія, матерь святая!..

Гунъ. Такъ-то покойники лакаютъ свое молоко! (Старикъ Гунъ, хлопая объими руками себя по колѣнямъ, разражается хриплымъ торжествующимъ хохотомъ). Вотъ видите, теперь-то она можетъ опять окрѣпнуть! (При этомъ онъ бѣжитъ мелкими шагами, вытаскиваетъ изъ-за печки сумку, вытряхиваетъ оттуда кусочки хлѣба на столъ, вытаскиваетъ изъ трубы желѣзный разбитый горшокъ съ картофелемъ, ставитъ его туда же, пьетъ, ставитъ и бутылку водки на столъ и усаживается на скамейку ѣсть. Новый порывъ вѣтра бѣшено налетаетъ на избушку; Гунъ, въ свою очередь, отвѣчаетъ ему диким вызовомъ) Ну, ну, шуми; попробуйте, попробуйте вытащить насъ.

Пиппа. Гунъ, старикъ Гунъ, пусти меня! Я же васъ знаю: вы—дядя Гунъ! Что случилось? Почему я здѣсь, съ вами?

Гунъ. Потому что рано или поздно такъ должно сложиться на свѣтѣ.

Пиппа. Что должно сложиться? Что вы хотите сказать?

Гунъ. Чего у кого нѣтъ, то онъ долженъ взять!

Пиппа. Что вы хотите сказать? Я васъ не понимаю!

Гунъ. Не касайся меня, иначе мое сердце разорвется!.. (Онъ поблѣднѣлъ, дрожитъ, глубоко дышитъ и отодвигается назадъ, потому что Пиппа коснулась устами его руки).

Пиппа (пораженная, бѣжитъ и бросается къ запертой двери). Помогите! Помогите!

Гунъ. Нѣтъ! Тутъ не пройдешь! Ты останешься со мной, и у меня хорошо! Живи ты у императора... не лучше было бы! И ты должна слушаться, послушной быть.

Пиппа. Дядя Гунъ, дядя Гунъ, ты со мной ничего не сдѣлаешь?

Гунъ (рѣшительно трясетъ головой). И никто другой тебя ни столечко не тронетъ! Ни отецъ ни директоръ. Ты здѣсь въ безопасности и—моя.

Пиппа. И здѣсь я должна быть схоронена навсегда!

Гунъ. Гусеница, куколка, бабочка! Слышь: ты расцвѣтешь въ гробу... Слушай, слушай, ночной охотникъ идетъ! Прячься! Идетъ ночной охотникъ съ горъ! Слышишь, на дворѣ дѣтки уже вопятъ! Они стоятъ голенькія, на холодномъ камнѣ въ сѣняхъ, и визжатъ. Они мертвыя! И такъ какъ они мертвыя, то имъ страшно. Спрячься, надѣвай шапочку; иначе онъ схватитъ тебя рукою за хохолъ, и, упаси тебя Богъ, ты улетишь съ вихремъ. Поль сюда, я спрячу тебя! Закутаю! Слышишь, какъ воетъ и пыхтитъ и мяукаетъ, мететъ съ крыши въ два соломенныхъ помела! Передо мной все вокругъ головы!.. Теперь прошло: ну, это было—привидѣніе?

Я—привидѣніе и ты—привидѣніе, весь міръ—привидѣніе и больше ничего! Но когда-нибудь, можетъ-быть, все будетъ по-иному. (Неистовый порывъ бури бѣшено пронесся мимо. Пиппа опять обнаруживаетъ признаки почти безотчетнаго ужаса. Гунъ стоитъ по серединѣ комнаты, даже тогда, когда воцаряется глубокая, зловѣщая тишина. Въ это время со двора доносится голосъ и явственный стукъ: сперва въ одно изъ заколоченныхъ оконъ, потомъ въ стекло, которое темнѣетъ отъ чьей-то тѣни. Гунъ съежился и тупо смотритъ на новое явленіе).

Голосъ (глухо, за окномъ). О-го! Го-го! Чортъ возьми, адскій утренній воздухъ! Эй? Здѣсь живетъ кто-нибудь? Награди васъ Господь! Вы мнѣ ничего не дѣлайте, и я вамъ ничего не сдѣлаю! Дайте мнѣ немного горячаго кофе и позвольте мнѣ до разсвѣта посидѣть у печи! Всепреданнѣйше продрогшій подмастерье!

Гунъ (въ бѣшенствѣ). Кому и что здѣсь нужно? Кто здѣсь шатается вокругъ избушки стараго Гуна? Человѣкъ? Привидѣніе? Я тебѣ покажу... (Схватываетъ увѣсистое полѣно и бросается въ дверь).

(Пиппа со вздохомъ закрываетъ глаза. И вотъ по темной комнатѣ проносится какъ бы звонкая воздушная волна. И съ возрастающимъ приливомъ и отливомъ музыки въ дверяхъ появляется Гельригель. Съ трудомъ и осторожностью онъ движется въ освѣщенномъ кругу лучины, устремляя въ темноту подозрительно-испытующіе глаза).

Гельригель. Это же довольно-таки гармоническій разбойничій притонъ!.. Эй, хозяева!.. Никакъ мучной жукъ на гармоніи играетъ?.. Эй, хозяинъ! (Чихаетъ). Должно-быть... (Пиппа также чихаетъ). Это я, или кто-нибудь другой?

Пиппа (въ полуснѣ). Здѣсь... кто-то играетъ на гармоніи?

Гельригель (прислушиваясь, не замѣчая Пиппы). Совершенно вѣрно, мучной жукъ, на мой взглядъ!..—Жужжалка, что тамъ шелестишь въ соломѣ?.. Когда ночью крыса скребетъ, то думаютъ, это, молъ, пильная мельница, и когда струйка воздуха проникаетъ въ дверную щель и шелеститъ двумя сухими буковыми листьями, то сейчасъ же думаютъ, что шепчетъ красавица-дѣвушка или вздыхаетъ о своемъ спасителѣ!.. Михель Гельригель, ты очень уменъ! Тебѣ даже зимою слышно прозябаніе травинокъ! Но я тебѣ говорю, смотри за своей головой! Твоя мать права! Не давай своей фантастической душѣ выливаться черезъ край, какъ молоку въ горшкѣ! Не вѣрь слишкомъ упорно и твердо всему, что̀ неправда, и не гоняйся за летучей паутиной сто миль и больше!.. Добрый вечеръ!.. Мое имя Михаэль-Либрехтъ Гельригель!.. (Онъ нѣкоторое время прислушивается, никто не отвѣчаетъ). Теперь меня удивляетъ, что мнѣ никто не отвѣчаетъ,

хотя въ печи настоящій огонь, и хотя здѣсь собственно можно требовать чего-нибудь совершенно особеннаго; видно по всему! Если-бъ я здѣсь увидѣлъ, напримѣръ, попугая, сидящаго на печномъ горшкѣ и мѣшающаго ложкой кровяной супъ, при чемъ онъ мнѣ крикнулъ бы: «Негодяй! Мошенникъ! Воръ!»—то по здѣшнему мѣсту этого собственно было бы совсѣмъ мало. Я не предполагаю здѣсь людоѣда! Или, коль на то пошло, здѣсь должна быть и заколдованная принцесса, которую извергъ проклятый держитъ въ клѣткѣ; напримѣръ, маленькая, миленькая дѣвушка-плясунья,—стой, мнѣ пришла въ голову умная мысль: я купилъ окарину! Я пріобрѣлъ у стараго бездѣльника, что̀ игралъ танецъ въ кабакѣ, на мой послѣдній талеръ окарину,—что̀ очень умно! Почему—я, собственно, и самъ не знаю! Можетъ-быть, потому, что имя звучитъ такъ диковинно! Или же я вообразилъ, что тамъ сидитъ маленькая рыжая русалочка и тотчасъ же выскочитъ и запляшетъ, когда заиграешь на ней?.. И я хочу въ самомъ дѣлѣ попробовать! (Михель Гельригель прикладываетъ къ губамъ окарину, испытующе оглядывается кругомъ и играетъ. При первыхъ же звукахъ Пиппа встаетъ съ закрытыми глазами, маленькими шажками выходитъ на середину комнаты и становится въ позу пляшущей).

Пиппа. Да, отецъ, иду! Я уже здѣсь!

(Михель Гельригель роняетъ окарину и смотритъ съ раскрытымъ ртомъ, опѣшивъ отъ изумленія).

Гельригель. Видишь, Михель, что̀ у тебя вышло: теперь ты на самомъ дѣлѣ рехнулся!

Пиппа (раскрываетъ, какъ бы просыпаясь, глаза). Есть тутъ кто-нибудь?

Гельригель. Нѣтъ, кромѣ меня, собственно, никого, съ вашего позволенія.

Пиппа. Кто же тогда говоритъ? И гдѣ я?

Гельригель. Въ моей безсонной головѣ! (Пиппа вспоминаетъ Гельригеля изъ лѣсной корчмы и бросается къ нему въ объятія). Помоги мнѣ! Помоги! Спаси меня!

(Гельригель неподвижными глазами смотритъ на пышные, свѣтлые, тиціановы волосы головки, припавшей къ его плечу. Онъ не шевелитъ руками, которыя Пиппа крѣпко обхватила).

Гельригель. Будь у меня теперь... будь у меня теперь... напримѣръ: будь у меня, положимъ, руки свободны, то я бы теперь, хотя мать глядитъ на это косо, занесъ бы короткую замѣтку въ мою книжку, по возможности даже въ стихахъ... Но я не могу освободить своей руки! Фантазія крѣпко обхватила меня! Она меня, чортъ возьми, захва-

тила волшебно-страннымъ образомъ, такъ крѣпко обхватила меня, что сердце у меня бьется въ глоткѣ и свѣтлые углы бѣгаютъ передъ глазами!

Пиппа. Помоги мнѣ! Помоги! Освободи меня! Спаси меня отъ стараго чудовища и изверга!

Гелльригель. А какъ тебя зовутъ?

Пиппа. Пиппа!

Гелльригель. Правильно, да. Я слышалъ, такъ звалъ тебя парень въ сапогахъ со шпорами. Потомъ парень-то убѣжалъ: убрался потихоньку. Когда они убили итальянскую собаку, онъ предпочелъ быть гдѣ-нибудь подальше. И тебя уже не было, когда я вернулся назадъ...—т.-е. мы—съ умирающимъ итальянцемъ,—по крайней мѣрѣ внизу я не застадъ тебя, а въ его спальню я не поднимался... Я бы радъ былъ спросить его о тебѣ, но онъ забылъ говорить по-итальянски!

Пиппа. Уйдемъ, уйдемъ отсюда! Ахъ, не оставляй меня!

Гелльригель. Нѣтъ! Можешь быть совершенно спокойна, мы оба впредь не оставимъ другъ друга. Кто наконецъ-то, какъ я, поймалъ птичку, тотъ не такъ-то легко дастъ ей снова улетѣть. Такъ вотъ, Пиппа, садись, успокойся! И мы хорошенько обсудимъ дѣло! Какъ если бы ни одинъ винтикъ не лопался!

(Онъ мягко освобождается отъ нея, заключаетъ мизинецъ Пиппы съ рыцарской учтивостью и сдержанностью между указательнымъ и большимъ пальцами и ведетъ ее въ сторонку въ освѣщенномъ кругу у печки, гдѣ она и садится).

Гелльригель (стоя передъ Пиппой, съ фантастическимъ жестомъ). Стало-быть, тебя похитилъ драконъ,—я это сейчасъ подумалъ въ лѣсной корчмѣ,—укралъ тебя у волшебника-итальянца, и такъ какъ я странствующій художникъ, я сейчасъ же твердо рѣшилъ въ душѣ освободить тебя и, недолго думая, побѣжалъ безъ всякой цѣли, куда глаза глядятъ.

Пиппа. Откуда же ты пришелъ? Кто ты?

Гелльригель. Сынъ вдовствующей торговки зелетьи, Гелльригель.

Пиппа. И откуда ты?

Гелльригель. Изъ великаго котла нашего Создателя!

Пиппа (смѣется отъ всего сердца). Но ты такъ странно говоришь!

Гелльригель. Этимъ я всегда отличался!

Пиппа. Но смотри, я же изъ крови и изъ плоти! А ста-

рый сумасшедшій Гунъ—старый, выгнанный выдувальщикъ стекла и больше ничего; отсюда у него зобъ и вздутыя щеки; а огненныхъ драконовъ вѣдь и не бываетъ.

Гельригель. Господи упаси! Почему же нѣтъ?

Пиппа. Живо! Веди меня назадъ къ тетушкѣ Венде! Пойдемъ вмѣстѣ; я знаю дорогу въ Ротвассергрундъ. Я поведу тебя! Не заблудимся! (Такъ какъ Гельригель отрицательно качаетъ головой) Или ты въ самомъ дѣлѣ хочешь оставить меня опять одну?

Гельригель (горячо отрицая). Своей окарины я не продамъ!

Пиппа (смѣется, дуется, робко жмется къ нему). Но что же у тебя съ окариной? Отчего ты не скажешь ни одного разумнаго слова? Ты говоришь однѣ глупости! Ты такъ глупъ, signore Гельригель! (Сердечно цѣлуя его, почти въ слезахъ) Ужъ я не знаю, какъ ты глупъ!

Гельригель. Стой! Тутъ мыловаръ явился!.. (Беретъ ее за голову, близко смотритъ ей въ глаза и со спокойной рѣшимостью долго и пламенно прижимается къ ея губамъ). Михель не дастъ себя оставить въ дуракахъ! (Не отрываясь, оба смотрятъ другъ на друга, смущенно и съ нѣкоторой неувѣренностью). Во мнѣ что-то совершается, маленькая Пиппа! Странная перемѣна!

Пиппа. Ахъ, славный...

Гельригель (добавляя). Михель.

Пиппа. Михель, что съ тобой?

Гельригель. Теперь и у меня все перепуталось! Пожалуйста, отвѣть мнѣ! Ты на меня не сердишься за это?

Пиппа. Нѣтъ.

Гельригель. Значитъ, мы могли бы, пожалуй, сдѣлать это еще разъ?

Пиппа. Почему же?

Гельригель. Потому что это такъ просто!.. Это же такъ просто и такъ безумно, и такъ... такъ сладостно стать безумнымъ.

Пиппа. Я думаю, Михель, ты уже и безъ того обезумѣлъ.

Гельригель (почесывая себя за ухомъ). Если-бъ только это было надежно! Я говорю, на свѣтѣ рѣшительно все ненадежно!.. Знаешь, мнѣ опять пришло въ голову!.. Намъ только нужно улучить минуту... Пойдемъ до конца! Подька, садись сюда, возлѣ меня. Итакъ, во-первыхъ, вотъ рука!.. Позволь-ка, мы скоро перейдемъ къ главному: имѣется ли пружина въ часахъ?.. (Выслушиваетъ у нея грудь, какъ врачъ) Да ты живая! У тебя же есть сердце, Пиппа!

Пиппа. Но, Михель, развѣ ты въ этомъ сомнѣваешься?

Гелльригель. Нѣтъ, Пиппа!—но разъ ты живая, тогда мнѣ раньше нужно перевести духъ! (На самомъ дѣлѣ стараясь перевести духъ, отходитъ отъ нея).

Пиппа. Михель, намъ совсѣмъ некогда! Слышишь, какъ на дворѣ гудитъ и какъ кто-то все время стучитъ ногами вокругъ избушки! Онъ уже трижды прошелъ мимо окна. Онъ убьетъ тебя на мѣстѣ, Михель, если застанетъ насъ. Видишь, онъ опять смотритъ сюда!

Гелльригель. О, бѣдная принцесса! Эхъ, ты еще не знаешь сына моей матери! Пусть старая горилла не тронетъ тебя! Если захочешь, въ его голову сапогъ полетитъ!

Пиппа. Михель, нѣтъ, Михель, не дѣлай этого!

Гелльригель. Непремѣнно!.. Или же намъ начать иначе новую жизнь,—отправиться хладнокровно и трезво въ міръ! Уцѣпиться за дѣйствительность, Пиппа! Такъ, что ли? Ты за меня, а я за тебя! Но нѣтъ: я едва рѣшаюсь выговорить это, потому что вѣдь ты такъ душиста и такъ хрупка, какъ цвѣтокъ на гибкомъ стебелькѣ! Довольно, дитя, оставимъ фантазіи! (Снимаетъ ранецъ и отстегиваетъ его). Здѣсь, въ ранцѣ, ларчикъ. Замѣть, что Михель Гелльригель дѣйствительно родился на свѣтъ съ врожденной остротой на всякій случай... (Протягивая маленькую коробку) Практично! Тутъ практическія вещи. Во-первыхъ: это заколдованная зубочистка! Смотри: въ видѣ меча; ты можешь убивать ею наповалъ драконовъ и великановъ!.. Въ этой бутылкѣ у меня эликсиръ, этимъ мы потомъ отплатимъ грязной твари; это такъ-называемое сонное зелье, необходимое противъ великановъ и волшебниковъ! Этотъ маленькій клубокъ нитокъ не стоитъ вниманія, но если ты крѣпко привяжешь вотъ этотъ конецъ, то катушка тотчасъ побѣжитъ и будетъ прыгать передъ тобой, какъ бѣлая мышка, и если только ты все пойдешь за ниткой, то придешь въ обѣтованную землю... А вотъ еще маленькій кукольный столикъ: но это, Пиппа, не очень важная вещь: это просто «волшебный столикъ». Вотъ каковъ я молодецъ, и ты теперь довѣряешь мнѣ?

Пиппа. Михель, но я ничего этого не вижу!

Гелльригель. Постой, тогда я долженъ сперва снять у тебя бѣльмо съ глазъ!

Пиппа. Я тоже думаю! Спрячься, старикъ идетъ!

Гелльригель. Скажи, Пиппа, гдѣ ты родилась?

Пиппа. Я думаю, въ водяномъ городѣ!

Гельригель. Вотъ видишь, я сейчасъ же такъ и подумалъ! И тамъ все было такъ же забавно, какъ здѣсь? И небо тоже въ большинствѣ случаевъ въ облакахъ?

Пиппа. Нѣтъ, Михель, я тамъ никогда ни облачка не видѣла, тамъ изо дня въ день сіяетъ славное солнышко!

Гельригель. Ишь ты! Такъ вотъ ты какая! А ты думаешь, мать поверила бы?.. А теперь скажи вотъ что: ты вѣришь въ меня?

Пиппа. Десять тысячъ разъ, Михель, во всѣхъ отношеніяхъ.

Гельригель. Отлично! Тогда мы пойдемъ черезъ горы, а это, собственно, сущіе пустяки! Я тутъ каждую дорожку и тропинку знаю! И тамъ-то сейчасъ же начинается весна!

Пиппа. О, no, no, no! Не пойду! Mio padre è tanto cattivo [1])! Онъ опять запретъ меня на цѣлыхъ три дня и будетъ давать одну воду да хлѣбъ!

Гельригель. Ну, Пиппа, твой отецъ теперь совсѣмъ ласковъ! Нравомъ-то онъ теперь смиренехонекъ сталъ! Онъ изумительнымъ образомъ кротокъ! Меня удивило, какъ онъ терпѣливъ! Совсѣмъ хладнокровенъ, совсѣмъ не какъ итальянецъ: мягокъ! Онъ больше и мухи не обидитъ!.. Понимаешь, Пиппа, что я хочу сказать?.. Твой отецъ такъ долго игралъ и выигрывалъ, пока не проигралъ. Въ концѣ-то концовъ каждый проигрывается, Пиппа! Собственно, короче говоря—твой отецъ умеръ.

Пиппа (*бросается Гельригелю на шею, больше смѣясь, чѣмъ плача*). Ахъ, значитъ, у меня на свѣтѣ больше ни души! Никого, кромѣ тебя!

Гельригель. Этого и достаточно, Пиппа! Я продаюсь тебѣ со шкурой и костями! Отъ головы до пятъ, какъ есть!.. И живо, живо, теперь намъ пора въ путь-дорогу!

Пиппа. Ты берешь меня съ собой, не оставишь меня?

Гельригель. Оставить тебя? Не взять тебя съ собой?.. Теперь-то я поведу тебя, теперь ты положись на меня! Ты не ранишь своей ноги о камень!.. Слышишь, какъ звенитъ стекло на горныхъ соснахъ! Слышишь? Длинныя сосульки гремятъ. Близокъ день, но очень холодно. Я закутаю тебя, понесу тебя! Мы будемъ согрѣвать другъ друга, нѣтъ? И ты удивишься, какъ быстро мы пойдемъ! Уже пробивается немного свѣта! Взгляни на концы моихъ пальцевъ; на нихъ

---

[1]) Мой отецъ такой сердитый.

уже немножко солнца. Ихъ можно ѣсть! Ихъ нужно облизывать! Тогда не коченѣешь, и кровь остается горячэй!.. Слышишь, Пиппа, и птицы поютъ?

Пиппа. Да, Михель!

Гелльригель. Цыпъ, цыпъ! Должно-быть, мышь, овсянка или дверной крюкъ!—все равно!—всѣ что-нибудь да замѣчаютъ. Старый домъ окончательно трещитъ! Иногда я положительно ликую: когда наступитъ безмѣрное событіе и океанъ свѣта прольется изъ горячей золотой чаши!..

Пиппа. Михель, ты не слышишь голосовъ?

Гелльригель. Нѣтъ, я слышу только одинъ голосъ! Точно быкъ мычитъ на луну!

Пиппа. Это—старикъ Гунъ! Ужасно!

Гелльригель. Но какъ странно онъ кричитъ!

Пиппа. Вонъ онъ стоитъ, Михель, тебѣ его не видно!

Гелльригель (съ Пиппой у окна). Да! Повидимому, это—страшный лѣшій!.. Борода и рѣсницы въ ледяныхъ сосулькахъ, воздѣваетъ растопыренныя руки: стоитъ и даже не шевельнется! Устремивъ закрытые глаза на востокъ!

Пиппа. Теперь его озаряютъ первые утренніе лучи.

Гелльригель. И онъ снова кричитъ!

Пиппа. А ты понимаешь, что онъ кричитъ?

Гелльригель. Это звучало какъ... это звучитъ какъ... какъ... нѣкій благовѣстъ!

(Доносится своеобразный, медленно и могуче поднимающійся возгласъ, издаваемый старикомъ Гуномъ и звучащій какъ «юмалаи»).

Гелльригель. Мнѣ это звучитъ какъ ю... юмалаи.

Пиппа. Юмалаи? Что же это значитъ?

Гелльригель. Вполнѣ точно, малютка Пиппа, я не знаю. Но какъ мнѣ представляется, это значитъ: «Радость всѣмъ!»

(Возгласъ «Юмалаи» повторяется громче, въ то время какъ въ комнатѣ становится свѣтлѣе).

Пиппа. Ты плачешь, Михель?

Гелльригель. Пойдемъ, малютка Пиппа, ты ошибаешься!

(Тѣсно обнявшись, Гелльригель и Пиппа направляются къ двери. Сцена кончается, и музыка, начавшаяся со свѣтомъ на кончикахъ пальцевъ Гелльригеля, усиливается и, развертываясь, изображаетъ восходъ зимняго солнца).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Внутренность занесенной снѣгомъ хижины на гребнѣ горы. Низкая, большая и уютная комната съ плоскимъ потолкомъ и бревенчатыми стѣнами. Три маленькихъ, хорошо задѣланныхъ двойныхъ окошка въ стѣнѣ налѣво; подъ ними тянется неподвижная скамейка. Задняя стѣна пробита маленькой дверью, ведущей въ сѣни. Пестро выкрашенные простые шкапы образуютъ уютный уголъ налѣво. Тщательно разставленная кухонная посуда и пестрыя тарелки украшаютъ верхнюю открытую половину одного изъ шкаповъ. Направо отъ двери обыкновенная большая голландская печь со скамейкой. Эта скамейка переходитъ въ неподвижную скамейку вдоль стѣны направо. Въ образованномъ этими предметами углу стоитъ тяжелый и большой коричневый столъ; надъ нимъ — лампа, вокругъ него — пестро расписанные деревянные стулья. Близъ двери плавно качаютъ свой жестяной маятникъ большіе шварцвальдскіе часы. Такимъ образомъ вся комната имѣетъ видъ жилища болѣе зажиточнаго горца. Необыченъ только столъ на переднемъ планѣ, налѣво, съ подставкою для чтенія и старинною раскрытою книгой на ней; онъ заваленъ разнаго рода книгами и странными предметами, какъ-то: лампой между двумя сапожными колодками, спиртовальной лампой со стеклянными трубками, старой аптекарской посудой, чучеломъ зимородка и т. д.; даже на стѣнахъ рядъ испаемыхъ предметовъ, каменныхъ ножей, молотовъ и наконечниковъ копій такъ-называемаго каменнаго вѣка и собраніе обыкновенныхъ горныхъ молотковъ для геологическихъ цѣлей. Еще необычнѣе—тонко сдѣланная модель венеціанской гондолы на подставкѣ передъ пюпитромъ, равно какъ другія модели древнихъ, средневѣковыхъ и современныхъ судовъ для рѣчного судоходства и мореплаванія, которыя висятъ на потолкѣ, и большая подзорная труба со штативомъ. Дорогіе восточные ковры на полу. Окошка въ комнатѣ горятъ отблескомъ заходящаго солнца, который ярко и фантастически озаряетъ и предметы внутри. Въ стѣнѣ направо—дверь.

Іонаѳанъ (нѣмой, растрепанный парень лѣтъ около тридцати, моетъ тарелки въ деревянной лоханкѣ, стоящей на двухъ скамейкахъ у печки).

(Слышенъ многократный стукъ въ дверь въ сѣняхъ. Нѣмой не оборачивается, и вотъ дверь открывается, и появляется директоръ, закутавшись по-горному, съ ружьемъ и лыжами подъ мышкою).

Директоръ. Іонаѳанъ! Твой баринъ дома? Іонаѳанъ! Отвѣчай же, чучело! Чортъ васъ возьми, если его нѣтъ дома! Ну? Можетъ-быть, онъ пошелъ за подснѣжниками? Или ловитъ бѣлыхъ мошекъ сѣткой? Брр! Собачій холодъ на дворѣ! Іонаѳанъ!

(Іонаѳанъ оборачивается, отъ радости и испуга хлопаетъ руками надъ головой, вытираетъ ихъ сзади передникомъ и цѣлуетъ правую руку у директора).

Директоръ. Старикъ-то дома, Іонаѳанъ? Старикъ Ванъ?.. (Іонаѳанъ издаетъ звуки и дѣлаетъ знаки). Выражайся яснѣе, тупая тварь! (Іонаѳанъ дѣлаетъ двойное усиліе, оживленно пока-

зываетъ въ окно въ знакъ того, что его господинъ вышелъ, потомъ бѣжитъ къ часамъ, на которыхъ три четверти пятаго, указываетъ пальцемъ, что хозяинъ хотѣлъ вернуться въ половинѣ пятаго, удивленно пожимаетъ плечами, что онъ еще не вернулся, спѣшитъ назадъ къ окну, прижимается къ нему носомъ, прикладываетъ руку къ глазамъ и смотритъ). Ну, ладно, понялъ! Онъ вышелъ и скоро вернется! Собственно, уже долженъ былъ вернуться! (Нѣмой звукомъ «вау, вау, вау» подражаетъ собакѣ). Правильно, онъ взялъ съ собою обѣихъ сенбернардокъ. Понялъ! Отлично! Хочетъ немного прогуляться съ собаками!.. Почисти меня, плутъ, я здѣсь останусь! (Такъ какъ у него видъ снѣжной бабы, то онъ возвращается въ сѣни и отряхивается; нѣмой старательно помогаетъ ему).

(Въ это время изъ двери направо, почти безшумно, появляется старый, почтенный человѣкъ. Онъ высокаго роста, широкоплечій, а его могучая голова покрыта длинными, вьющимися сѣдыми волосами. Его безбородое строгое лицо какъ бы испещрено рунами. Густыя брови нависаютъ надъ большими, на выкатѣ, глазами. На видъ ему девяносто съ лишнимъ лѣтъ, но такъ, какъ если-бъ старость была усугубленная сила, красота и молодость. Его платье состоитъ изъ толстой полотняной блузы съ длинными рукавами, доходящей до колѣнъ. Онъ носитъ круглые башмаки изъ красной шерсти со шнуровкою и кожаный поясъ вокругъ поясницы. За этимъ поясомъ, при входѣ, онъ держитъ свою большую, тонкую правую руку. Это—Ванъ.

Ванъ бросаетъ внимательный и смѣющійся взглядъ въ сѣни, спокойно шагаетъ впередъ по комнатѣ и садится за столъ, у пюпитра. Онъ облокачивается, задумчиво проводитъ пальцами по волосамъ, бѣлыя космы которыхъ разсыпаются по раскрытому фоліанту, куда онъ устремилъ свой взоръ. Скинувъ свое верхнее платье, директоръ возвращается назадъ. Сначала онъ не замѣчаетъ Вана).

Директоръ. О, газели!.. Милые близнецы!.. Такъ! Теперь же мы постараемся чувствовать себя у стараго хитреца какъ можно пріятнѣе!

Ванъ. И я такъ думаю! А для этого выпьемъ темнаго фалернскаго!

Директоръ (пораженный). Проклятіе! Какъ это вы вдругъ очутились здѣсь?

Ванъ (улыбаясь). Да, если бы кто-нибудь твердо зналъ это, директоръ!.. Добро пожаловать на зеленый просторъ!.. Іоганнъ!

Директоръ. Да! Позеленѣетъ и посинѣетъ въ глазахъ, разъ человѣкъ четыре часа скользилъ да карабкался! Я надѣлъ черные очки! Но, несмотря на это, мое зрѣніе представляется мнѣ какъ прудъ, въ которомъ я утонулъ и надъ которымъ все время проносятся цвѣтные островки!

Ванъ. И вамъ бы хотѣлось взобраться на одинъ изъ нихъ? Не разыскать ли мнѣ удочку?

Директоръ. Зачѣмъ же?

Ванъ. Ну, просто мелькнуло въ головѣ... Во всякомъ случаѣ, вы же — отмѣнный ходокъ на лыжахъ и такой смѣльчакъ, какимъ, напримѣръ, олень бываетъ только въ ноябрѣ, а ястребъ только тогда, когда онъ увлеченъ погоней за добычей и его охотничья ярость сдѣлала его глухимъ и слѣпымъ ко всякой опасности; это мнѣ пришло въ голову при видѣ васъ, когда вы, подобно птицѣ, неслись внизъ съ горной вершины! И такъ какъ вы—человѣкъ, то я подумалъ о третьей человѣческой возможности: можетъ-быть, вы старались выгнать потомъ какой-нибудь недугъ.

Директоръ. Чего только ни выдумаетъ человѣкъ, когда на всемъ свѣтѣ у него нѣтъ другого дѣла, какъ зиму и лѣто, во всякую погоду, прогуливаться по Млечному пути!

Ванъ (смѣясь). Признаться, я часто взбираюсь на своемъ конькѣ нѣсколько повыше, и благодаря этому я сталъ немного дальнозоркимъ; но я и вблизи вижу еще вполнѣ хорошо!.. Напримѣръ, вотъ это милое дитя Мурано и прекрасный хрусталь съ темнымъ виномъ, который, въ утѣшеніе, несетъ намъ Іоганнъ!

Директоръ. Montes chrysocreos fecerunt nos dominos [1]! Знаете, Ванъ, какъ я иногда представляю васъ?—въ видѣ одного изъ тѣхъ сказочныхъ искателей золота, которыхъ питающіеся кислой капустой, шетинистые, грубые оборванцы въ нашихъ горахъ называютъ вѣлами.

Ванъ. Вотъ какъ? На что же это похоже, милѣйшій директоръ?

Директоръ. На человѣка, который владѣетъ окруженнымъ водою волшебнымъ арабскимъ замкомъ въ Венеціи, но дѣлаетъ видъ, что не можетъ и до трехъ сосчитать и ѣстъ всякую заплесневѣлую крошку хлѣба.

Ванъ. Salute [2]! Выпьемъ за это, милѣйшій директоръ! (Пьютъ другъ за друга и потомъ весело смѣются). Такъ вотъ за кого вы меня принимаете! Впрочемъ, за исключеніемъ крохъ хлѣба,—такъ какъ я не знаю за собою подобнаго лицемѣрія,—въ вашемъ предположеніи, пожалуй, есть крупица

---

[1]) Горы сдѣлали насъ творящими злато господами.
[2]) Ваше здоровье!

правды! Хотя я отнюдь не изъ тѣхъ венеціанскихъ волшебниковъ, которые иногда показываются дровосѣкамъ и инымъ фантастамъ и обладаютъ золотыми пещерами, гротами и замками въ нѣдрахъ земли, но я не отрицаю, что въ извѣстномъ смыслѣ эти горы для меня—дѣйствительно золотоносныя.

Директоръ. Ахъ, кто сталъ бы сидѣть въ снѣгу и во льду, въ столь тихомъ довольствѣ, какъ вы, мейстеръ Ванъ! Ни заботъ о пищѣ, ни дѣлъ, ни жены — совершенно внѣ какихъ бы то ни было глупостей, которыя способны вскружить голову нашему брату; столь глубоко погружаясь въ научныя изслѣдованія, что за деревьями лѣса не видно: это же—воистину идеальное состояніе!

Ванъ. Я вижу, что мой образъ пока еще колеблется въ вашей директорской душѣ. То я для васъ—сказочная личность, владѣющая домомъ въ Венеціи, то—старый майоръ въ отставкѣ, мирно проживающій свою пенсію!

Директоръ. Да, видитъ Богъ, не легко вѣдь составить вполнѣ точное понятіе о васъ!

Ванъ. Іонаванъ, зажги лампу! Надѣюсь, при свѣтѣ вы нѣсколько лучше разглядите меня!

(Наступаетъ короткое молчаніе, безпокойство директора возрастаетъ).

Директоръ. Ванъ, чего собственно вы ждете здѣсь въ горахъ, изъ году въ годъ?

Ванъ. Разнаго!

Директоръ. Чего же, напримѣръ?

Ванъ. Всего, что приноситъ роза вѣтровъ: облаковъ, благоуханія, ледяныхъ кристалловъ! Беззвучныхъ двойныхъ молній великаго огненнаго Пана! Маленькаго пламени, вспыхивающаго на очагѣ! Пѣнія мертвыхъ въ водопадѣ! Моего блаженнаго конца! Новаго начала и вступленія въ иное космически-музыкальное братство!

Директоръ. А вамъ не бываетъ скучно иногда въ такомъ одиночествѣ?

Ванъ. Почему же? Se tu sarai solo, tu sarai tutto tuo [1]). И скука тамъ, гдѣ Бога нѣтъ!

Директоръ. А я бы вотъ не удовольствовался этимъ, мейстеръ! Я всегда нуждаюсь во внѣшнемъ возбужденіи.

Ванъ. Что же, переливы страсти великаго честолюбія, по-моему, относятся сюда же!

---

[1]) Если ты будешь одинокъ, ты будешь весь принадлежать себѣ.

Директоръ. Да, да, конечно! Однако, какъ я ни старъ, передо мною снова и снова должно возникать что-нибудь молодое, веселое, живое.

Ванъ. Какъ, напримѣръ, вотъ эта божья коровка. Всю зиму она живетъ со мною вотъ здѣсь на столѣ, среди разныхъ игрушекъ. Всмотритесь-ка въ такое-то созданьице. Когда я дѣлаю это—я положительно слышу громъ сферъ. Случись это съ вами, вы бы оглохли.

Директоръ. Этого оборота я не понимаю.

Ванъ. Очень просто: животное на моемъ пальцѣ ничего не знаетъ обо мнѣ, какъ ничего не знаетъ о васъ. И все же и мы существуемъ и окружающій насъ міръ, понять который она, замкнутая въ своемъ кругу, не въ силахъ. Нашъ міръ—внѣ ея чувствъ. Подумайте, что̀ лежитъ по ту сторону нашихъ чувствъ... Развѣ глазъ, напримѣръ, могъ бы сказать вамъ, какъ журчитъ ручей и какъ грохочетъ туча? Не будь у васъ чувства слуха, вы бы никогда не узнали, что это такъ. И, съ другой стороны, обладай вы самымъ тонкимъ слухомъ, вы во вѣки вѣковъ ничего не знали бы о величественныхъ вспышкахъ свѣта въ небесахъ!

Директоръ. Спасибо за откровенность! Лучше въ другой разъ! Нынче мнѣ не сидится! Я намекалъ совсѣмъ на другое...

Ванъ (поднимая кубокъ). Очевидно, на милое дитя Мурано!

Директоръ. Возможно! Откуда вы знаете?

Ванъ. Иначе зачѣмъ же обладать средне-германской обсерваторіей на высотѣ тысячи метровъ? На что же подзорная труба съ призмой собственнаго изготовленія? Развѣ иногда не слѣдуетъ взглядывать на старый подлунный міръ и присматривать за дѣтьми? И наконецъ, у кого сапогъ не жметъ, тотъ не ходитъ къ сапожнику!

Директоръ. Хорошо! Разъ ужъ вы дѣйствительно такой чертовски-страшный ученый—ваше сапожное ремесло мы оставимъ въ сторонѣ!.. Допускаю, что мой сапогъ жметъ во многихъ мѣстахъ!.. Скажите, пожалуйста, что̀ произошло сегодня ночью въ корчмѣ старика Венде?

Ванъ. Зарѣзали итальянца!

Директоръ. Чего же тогда вы ищете въ книгѣ?

Ванъ. Нуженъ же регистраторъ, въ концѣ-то концовъ!

Директоръ. Тамъ и дальнѣйшее записано?

Ванъ. Покуда-что—нѣтъ.

Директоръ. Ну, тогда ваша подзорная труба и ваши напыщенные фоліанты ни къ чему!.. Я не могу простить

себѣ этой исторіи! Почему я не досмотрѣлъ! Я бы ее десять разъ выкупилъ у собаки! Такъ-то и бываетъ, разъ кто въ самомъ дѣлѣ щепетиленъ!

(Онъ вскакиваетъ и въ сильномъ возбужденіи ходитъ по комнатѣ; наконецъ останавливается у подзорной трубы, поворачиваетъ ее на штативѣ и поочередно направляетъ ее въ разныя черныя окна. Свистъ вѣтра).

Директоръ. Странно, что здѣсь у васъ въ горахъ всегда чувствуешь себя, какъ въ корабельной рубкѣ, во время бури въ Великомъ океанѣ!

Ванъ. И не точнѣе ли всего этимъ выражается положеніе, въ которомъ мы оказываемся, рождаясь!

Директоръ. Возможно! Но съ подобныхъ фразъ нельзя начинать. Это не выводитъ меня изъ моего частнаго затрудненія! Иное дѣло, если-бъ въ вашъ телескопъ было видно что-нибудь! Но, къ сожалѣнію, я замѣчаю, что это— лишь отраженіе мнимой дѣйствительности.

Ванъ. Но вѣдь сейчасъ непроглядная ночь, директоръ!

Директоръ. Днемъ-то я и не нуждаюсь въ подобныхъ вещахъ!

(Онъ оставляетъ трубу, снова ходитъ взадъ и впередъ и наконецъ останавливается передъ Ваномъ).

Ванъ. Ну, говорите: кого вы ищете?

Директоръ. Ее.

Ванъ. Развѣ послѣ этого она у васъ пропала?

Директоръ. Я бросился въ погоню за нею и не нахожу!.. Съ меня довольно безумія, мейстеръ Ванъ! Вытащите у меня занозу, если вы такой рѣшительный знахарь! А то я ни живъ ни мертвъ! Возьмите скальпель и отыщите обломокъ отравленной стрѣлы, сидящій гдѣ-то въ тѣлѣ у меня и съ каждымъ мгновеніемъ проникающій все глубже. Съ меня довольно страха и зуда, дурного сна и плохого аппетита; что до меня, я готовъ стать папскимъ пѣвчимъ, лишь бы мнѣ, хотя бы на мигъ, освободиться отъ жажды, снѣдающей меня.

(Тяжело дыша, онъ опускается въ кресло и вытираетъ потъ со лба. Ванъ съ нѣкоторой озабоченностью встаетъ).

Ванъ. И вамъ не на шутку нужно лѣченіе?

Директоръ. Разумѣется, да! Зачѣмъ же я тогда пришелъ!

Ванъ. А вы будете сидѣть смирно, если-бъ даже понадобилось вырвать изъ души злокачественное растеніе со всѣми развѣтвленіями проникшихъ до конца пальцевъ корней?

Директоръ. Будь то даже конское лѣченіе!

Ванъ. Въ такомъ случаѣ обратите самое дружеское вниманіе, директоръ... Вотъ я хлопаю первый разъ! (Дѣлаетъ это). Если-бъ у старца было меньше силы, чѣмъ у мужчины, въ чемъ же тогда былъ бы смыслъ старости? (Онъ достаетъ длинный шелковый платокъ). Теперь я хлопаю второй разъ! (Дѣлаетъ это). Потомъ я завязываю этимъ платкомъ ротъ, какъ дѣлаетъ парсъ во время молитвы...

Директоръ (нетерпѣливо). И тогда я пойду своей дорогой, потому что вы, я вижу, морочите меня, мейстеръ Ванъ!

Ванъ. ...И тогда: incipit vita nova [1]), директоръ. (Онъ завязываетъ ротъ и громко хлопаетъ руками. Тотчасъ же, какъ бы на зовъ, врывается Пиппа, полуокоченѣвъ отъ холода, съ трудомъ переводя дыханіе; за нею врывается цѣлое облако тумана).

Пиппа (бросаясь впередъ, съ хриплымъ крикомъ). Спасите, спасите! Люди, помогите! Въ тридцати шагахъ отсюда, въ снѣгу, умираетъ Михель! Онъ лежитъ и задыхается! Не можетъ встать! Несите свѣтъ! Онъ замерзнетъ! Онъ больше не въ силахъ! Ужасная ночь! Пойдемте, пойдемте!

Директоръ (въ безпредѣльномъ изумленіи смотритъ то на Пиппу, то на своего хозяина). Что! Да вы—самъ сатана, Ванъ?

Ванъ. Лѣченіе начинается. Отнюдь не отговариваться усталостью!.. Веревку! Привяжи конецъ сюда покрѣпче, Іонаоанъ!

(Пиппа схватила Вана за руку и увлекаетъ его въ дверь. Директоръ слѣдуетъ за ними, точно оглушенный. Комната пуста, въ сѣняхъ бушуетъ мятель, взметая вихри снѣга. Въ сѣняхъ вдругъ появляется голова старика Гуна. Удостовѣрившись, что въ комнатѣ нѣтъ никого, онъ прокрадывается внутрь. Онъ осматриваетъ предметы въ комнатѣ и, едва доносится голосъ возвращающагося Вана, прячется за печкой).

Ванъ (еще въ сѣняхъ, ведя остальныхъ на веревкѣ за собою). Держи крѣпче дверь, Іонаоанъ!

(Показывается полуокоченѣлый Михель, поддерживаемый Ваномъ и директоромъ. Его вносятъ въ комнату, кладутъ на скамейку у печи; Пиппа снимаетъ съ него обувь, а директоръ натираетъ ему грудь).

Ванъ (Іонаоану). Полную чашку чернаго кофе съ коньякомъ!

Директоръ. Чортъ возьми! Ротъ замерзаетъ!.. Тамъ на дворѣ положительно колетъ иголками и ножами!

Ванъ. Да, дѣло нешуточное! Съ трудомъ переводя духъ въ этомъ черномъ пожарѣ Гадеса, по крайней мѣрѣ узнаёмъ, что мы—борцы, и что намъ еще далеко до рая

---

[1]) Начинается новая жизнь.

свѣта!.. Только одна искорка вырвалась оттуда!.. И славно, малютка, ты пробилась!

Пиппа. Михель, signore, Михель, не я!

Ванъ. Какъ вы себя чувствуете, директоръ?

Директоръ. Я не знаю, кто вы! Но вообще мнѣ пріятно, какъ на висѣлицѣ! Въ концѣ-то концовъ одинаково удивительно, муха ли пачкаетъ воротъ моей рубахи, или то, что вы или кто-нибудь другой затѣваетъ подобныя исторіи.

Ванъ. Вмѣсто одной ихъ стало двѣ!

Директоръ. Благодарю васъ! Настолько-то у меня еще хватаетъ смѣкалки... Мое предположеніе относилось только къ Гуну,—и что же?—вмѣсто него оказался другой!.. Іонаѳанъ, мои лыжи, живо!

Ванъ. Уже уходите?

Директоръ. Довольно двухъ. Третій—лишній. Хотя мнѣ нѣсколько ново проявлять благородство въ столь высокой степени, но на болѣе продолжительное время это совсѣмъ не мое призваніе! Тебѣ не кажется, Пиппа?

Пиппа (съ тихимъ плачемъ осушаетъ и вытираетъ своими волосами ноги Михелю). Cosa, signore?

Директоръ. Ты же меня еще узнаёшь? (Пиппа отрицательно качаетъ головой). Неужели ты меня такъ-таки нигдѣ не видала? (Пиппа еще разъ отрицательно качаетъ головой). Неужели нѣкій добрый дядя въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ не носилъ тебѣ сласти, красивые кораллы, шелковыя ленты? (Пиппа убѣдительно качаетъ головой). Bravo! Я такъ и думалъ! У тебя не было отца, который теперь уже умеръ? (Пиппа отрицаетъ).

Ванъ. Вы замѣчаете что-нибудь, директоръ?

Директоръ. Замѣчаю ли?

Ванъ. Какой старый, могучій волшебникъ орудуетъ здѣсь?

Директоръ. Само собой разумѣется! Превеселое колдовство на свѣтѣ! (Стуча безыменнымъ пальцемъ по лбу Михеля) Эй, ты, когда проснешься, постучись въ небо, авось Господь Богъ скажетъ: войдите!.. Прощайте! Вотрите Михеля опять въ бытіе! (Уже въ сѣняхъ) Желаю вамъ всѣмъ пріятнаго аппетита! Помогло! Я исцѣленъ! Угу! Іоккеле, открой бездну!

(Слышно, какъ открывается дверь изъ хижины, и на дворѣ еще раздается многократное *угу* директора).

Геллригель (раскрываетъ глаза, подскакиваетъ и тоже кричитъ). Угу! ого! Вотъ и готово, маленькая Пиппа!

Ванъ (изумленный и радостный, возвращается назадъ). Эй! Что же готово, осмѣлюсь спросить?

Гельригель. Ахъ, вотъ какъ, Пиппа, мы здѣсь не одни! Скажи, откуда такъ неожиданно появился этотъ старикъ?

Пиппа (робко, тихо). Ахъ, я не знала, какъ мнѣ быть иначе!

Гельригель. Но развѣ было не великолѣпно! Развѣ ты не рада карабкаться вверхъ сквозь бурю и снѣгъ? Все впередъ, рука объ руку?

Ванъ. Куда же вы направлялись, осмѣлюсь васъ спросить?

Гельригель. Эхъ, старина! Больно вы любопытны! Развѣ я спрашиваю тебя, зачѣмъ ты мямлишь здѣсь въ горахъ, сидишь въ теплѣ и ѣшь печеныя яблоки?

Ванъ. Тогда ты всюду дома, милое дитя!

Гельригель. Вѣчно бродить и не думать о цѣли! Ее считаютъ или слишкомъ близкой, или слишкомъ далекой... Впрочемъ, у меня ноетъ въ костяхъ.

Пиппа (испуганно). Михель, развѣ намъ нельзя быть немного благодарными старому, дружелюбному человѣку? Или, по-твоему, нѣтъ?

Гельригель. За что же?

Пиппа. Онъ же не далъ намъ замерзнуть!

Гельригель. Замерзнуть? Съ Михелемъ теперь этому не бывать!.. Если-бъ мы не забрели по ошибкѣ въ это убѣжище, мы теперь были бы на добрыхъ десять миль дальше! Подумай, Пиппа, на десять миль ближе къ цѣли! Кто владѣетъ волшебнымъ клубкомъ и кому даны въ большомъ количествѣ несомнѣнныя указанія свыше, что онъ къ чему-то призванъ... ну, хотя бы изобрѣсти мѣсильное стекло!

Ванъ. Ты смѣешься, малютка: ты вѣришь ему? (Пиппа довѣрчиво взглядываетъ на Вана и рѣшительно киваетъ головой). Вотъ какъ!? Впрочемъ, его слова возбуждаютъ безусловное довѣріе!.. Ну, скажите откровенно, я васъ не стѣсняю! (Онъ садится за свой столъ съ книгами, украдкою наблюдая за ними; при этомъ онъ перелистываетъ большую книгу).

Пиппа (таинственно). Да ты только смотри, Михель, куда мы попали!

Гельригель. Въ самое подходящее мѣсто, какъ мнѣ теперь представляется! Клубокъ-то насъ велъ совершенно правильно. Ты же замѣтила, какъ онъ тащилъ насъ все впередъ и вонъ изъ непогоды?

Пиппа. Но это же была веревка старика, Михель!

Гельригель. И, малютка, все не такъ, какъ ты ду-

маешь! Во всякомъ случаѣ, мы должны были прежде всего придти сюда. Во-первыхъ, во время подъема я постоянно видѣлъ свѣтъ. Но если-бъ я и не видѣлъ свѣта, непреодолимая сила вела и влекла меня подъ эту надежную кровлю!

Пиппа. Я такъ рада, что опасность миновала, и все же я все еще побаиваюсь!

Гельригель. Чего же ты боишься?

Пиппа. Сама не знаю, чего... Крѣпко ли заперта дверь?

Ванъ (разслышавъ ея слова). Крѣпко!

Пиппа (просто и съ невиннымъ видомъ, Вану). Ахъ, господинъ, вы—добрый, это видно! Но все-таки... Не правда ли, Михель?.. намъ пора въ путь!

Ванъ. Почему же? Кто васъ преслѣдуетъ?

Гельригель. Никто! По крайней мѣрѣ, никто, кто бы могъ безпокоить насъ! Но если ты хочешь пойти дальше, то пойдемъ, Пиппа!

Ванъ. Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что я васъ отпущу?

Гельригель. Конечно! Чѣмъ же вы хотѣли бы удержать насъ?

Ванъ. Въ подобныхъ средствахъ у меня нѣтъ недостатка!.. Я тебя не спрашиваю, куда ты идешь! Куда ты держишь путь съ этой маленькой, запуганной мошкой, прилетѣвшей къ моей лампѣ! Но всю эту ночь вы останетесь здѣсь!

Гельригель (раздвинувъ ноги, стоитъ по серединѣ комнаты). Холла! Холла! Не на того попали!

Ванъ. Кто знаетъ, что ты за птица! Можетъ-быть, изъ тѣхъ, кто отправился извѣдать страшное: тогда ты только потерпи, ты еще извѣдаешь его!

Гельригель. Веселѣе, дядюшка, домъ-то еще на мѣстѣ!— какъ моя матушка говаривала. А уходить ли намъ или оставаться, это—наше дѣло!

Ванъ. Значитъ, у тебя крупный изюмъ въ мѣшкѣ!

Гельригель. Да? Развѣ у меня такой видъ, точно у меня изюмъ въ мѣшкѣ? Возможно! Не забывай!.. Вѣрно! Мѣшокъ у меня изрядный! И въ немъ есть и другія вещи, а не одинъ этотъ дрянной изюмъ. И разъ мнѣ пришло въ голову, то мы и отправились! И ты такъ же мало можешь удержать насъ, какъ пару лебедей, несущихся подъ перистыми облаками и, въ видѣ двухъ точекъ, тянущихся къ югу.

Ванъ. Въ этомъ я съ тобой согласенъ, юный заоблачный скиталецъ!.. Но иногда мнѣ все же удается сманить по-

добныхъ пернатыхъ къ моему корытцу, что̀, напримѣръ, я и сдѣлалъ съ вами.

(Іонаѳанъ уставляетъ столъ близъ печки южными фруктами, дымящимся виномъ и печеньемъ).

Гелльригель. Къ корытцу! Мы не голодны, мы не ѣдимъ! Это вовсе не дѣло Михеля!

Ванъ. И съ давнихъ ли поръ?

Гелльригель. Съ тѣхъ самыхъ... съ тѣхъ поръ, какъ онъ нашелъ золото въ грязи!

Ванъ (Пиппѣ). А ты?

Пиппа. Я тоже не голодна.

Ванъ. Нѣтъ?

Пиппа (тихо, Михелю). У тебя же волшебный столикъ!

Ванъ. Такъ вы не хотите оказать мнѣ честь?

Гелльригель. Опять, я вижу, ты изъ разряда тѣхъ, кто даже и не догадывается, что̀ такое Михель Гелльригель. Мнѣ-то что̀ до этого! Да и какой смыслъ объяснять тебѣ это! Хотя ты и знаешь, что архангелъ Михаилъ—витязь и укротитель дракона: въ этомъ ты не сомнѣваешься. Но теперь мнѣ стоитъ только отправиться дальше и дать хотя бы десять клятвъ, что со вчерашняго дня я пережилъ чудо изъ чудесъ и вышелъ побѣдителемъ изъ столь же чудовищнаго приключенія, и ты скажешь: почему бы нѣтъ? Это же человѣкъ, играющій на окаринѣ!.. Стоитъ мнѣ разсказать о моей сумкѣ...

Ванъ. Ахъ, Михель, славное дитя Божье, догадайся я, что это ты, за кѣмъ сегодня съ самаго разсвѣта я слѣдилъ въ мой телескопъ и горячо манилъ къ моей духовной искѣ: я бы празднично украсилъ мою избушку и—чтобъ ты видѣлъ, что я тоже въ своемъ родѣ музыкантъ—встрѣтилъ бы тебя квинтетомъ и розами!.. Будь спокоенъ, Михель, примирись! И совѣтую тебѣ закусить немного! Какъ ты ни сытъ лазурью, но такъ можетъ быть сыта одна душа, отнюдь не тѣло такого долговязаго олуха, какъ ты!

Гелльригель (подходитъ къ столу, беретъ тарелку, жадно ѣстъ и тихо и сердито говоритъ Пиппѣ). Ѣсть мнѣ противно, не хочу! Только для того, чтобы выбраться по-хорошему...

Ванъ. Ѣшь, ѣшь, Михель, не разсуждай! Безполезно враждовать съ Создателемъ твоимъ, разъ тебѣ нужно дышать, и ѣсть, и пить! Зато потомъ тѣмъ привольнѣе парить и качаться!

Пиппа (пока Михель занятъ ѣдой, подкралась къ Вану и, въ избыткѣ радости, шепчетъ ему). Я такъ рада, что Михель ѣстъ!

Ванъ. Онъ блуждаетъ во снѣ, и ты не буди его! Иначе онъ уронитъ ножъ и вилку, подскочитъ на тысячу метровъ въ воздухъ и, чего добраго, сломаетъ себѣ ноги и шею.

(Обѣими руками онъ бережно снимаетъ со стола модель венеціанской гондолы).

Ванъ. Можешь сказать, что̀ это такое?

Пиппа. Нѣтъ.

Ванъ. Вспомни! Развѣ въ твоемъ снѣ ни разу не промелькнула черная ладья, какъ эта?

Пиппа (быстро). Да, давно, очень давно—припоминаю!

Ванъ. А ты знаешь, какая, собственно, это могучая вещь?

Пиппа (въ раздумьѣ). Я знаю только то, что однажды ночью я плыла на такой лодкѣ вдоль какихъ-то домовъ...

Ванъ. Такъ! (Михелю) Ну, пожалуй, и ты послушай, и ты мало-по-малу убѣдишься, что и здѣсь сидитъ человѣкъ, кое-что смыслящій въ воздухоплаваніи и во многомъ другомъ.

Гельригель. Рано пташечка запѣла...

Ванъ. Такъ вотъ этотъ маленькій корабликъ создалъ сказочный городъ между двумя небосводами, и какъ разъ тотъ, гдѣ и ты, доброе дитя, родилась на сердцѣ земли... Потому что ты возникла изъ сказки и хочешь вернуться въ нее.

Гельригель. Гопъ! Что-то прилетѣло! Гопъ! Еще другая картина! Крыса! Соленая селедка, дѣвушка! Чудо! Лови! Окарина! Гопъ, гопъ, гопъ!.. Отправившись отъ матери кружить, я былъ готовъ на всякія штуки и радостно спѣшилъ имъ навстрѣчу, все же теперь у меня порою холодный потъ выступаетъ на лбу. (Зажавъ ножъ и вилку въ кулаки, онъ глубокомысленно смотритъ прямо передъ собою). Стало-быть, вы знаете городъ, куда мы идемъ!

Ванъ. Конечно, знаю, и—если вы довѣряете мнѣ—я могъ бы сдѣлать для васъ еще что-нибудь и совѣтомъ и наставленіемъ указать вамъ дорогу туда!.. Въ концѣ-то концовъ кто знаетъ что-нибудь больше этого!.. Откровенно говоря, хорошенько присмотрѣвшись къ вамъ, начинаешь сомнѣваться, въ самомъ ли дѣлѣ вы такъ ужъ увѣренно, и высоко, и цѣлесообразно парите въ небесахъ! Въ васъ есть нѣчто, какъ бы это сказать, напоминающее сбившихся съ пути птицъ, которыхъ безпомощно занесло куда-нибудь на сѣверный полюсъ. Такъ сказать, на волю судебъ!.. Не взвивайся, Михель! Не горячись! Ты не хочешь сознаться, что ты ужасно обезсиленъ и усталъ, помимо неопредѣленнаго страха, ужаса, который иногда все еще овладѣваетъ вами, хотя вы отчасти

уже спаслись отъ ужасовъ бѣгства въ зимнюю ночь. (При упоминаніи о бѣствѣ и страхѣ Гельригель и Пиппа вскакиваютъ и испуганно смотрятъ другъ на друга. Теперь онъ подходитъ къ двери въ сѣни и прислушивается).

Гельригель. Спокойствіе, Михель! Будь только въ этомъ дѣло!.. Я же предполагаю, что дверь хорошо заперта и закрыта?.. И тогда намъ нечего бояться!.. (Возвращается назадъ). Что же! возможно, что вы—диковинка, хотя мы все равно будемъ въ водяномъ городѣ стеклянныхъ дѣлъ мастеровъ, гдѣ вода превращается въ стеклянные цвѣты, и гдѣ я всю мою жизнь видѣлъ во снѣ каждый мостикъ, лѣсенку и переулочекъ... Хотя мы все равно... будемъ ѣсть апельсины завтра послѣ обѣда... Но все же: какъ далеко до него?

Ванъ. Все зависитъ отъ того, какъ ѣхать, Михель.

Гельригель. Самымъ практическимъ образомъ, хочу я сказать.

Ванъ (улыбаясь). Тогда ты, очевидно, никогда не пріѣдешь туда. Но если ты отправишься на этомъ корабликѣ, на которомъ уже выѣзжали въ лагуны первые строители и изъ котораго, какъ изъ плавучей кадильницы, въ видѣ волшебнаго дыма, возникъ творческій сонъ — Венеція, а изъ него, какъ кристаллъ изъ раствора, осѣлъ блистательный, каменный городъ... Такъ вотъ, если ты отправишься на этомъ корабликѣ, да еще при содѣйствіи ниспосланнаго тебѣ чуда, то когда-нибудь ты увидишь все, къ чему стремится твоя тоскующая душа.

Гельригель. Стой! Я сперва долженъ тихо и сосредоточенно сообразить... Дайте мнѣ въ руки эту вещь!.. (Онъ беретъ и держитъ кораблик). Какъ? Я долженъ отправиться въ этой орѣховой скорлупѣ?.. ахъ! Какой умница старый хозяинъ постоялаго двора и какой же оселъ Михель!.. Но какъ же сюда взбираются?.. Пожалуйста! Мнѣ не до шутокъ! Теперь мнѣ вся эта исторія ясна! Я только боюсь, какъ бы не заблудиться въ корабликѣ! И если такъ и должно быть, то мнѣ лучше захватить съ собой двухъ моихъ сестеръ, шестерыхъ старшихъ братьевъ, дядюшекъ и прочихъ родственниковъ, которые всѣ-то, слава Богу,— портные!

Ванъ. Храбрѣе, Михель! Кто покинулъ гавань, тому ужъ нѣтъ возврата: онъ долженъ нестись по высокимъ валамъ. А ты (Пиппѣ) пошли ему волшебный вѣтеръ въ паруса!

Гельригель. Это мнѣ нравится, прямехонько поѣдемъ!
Ванъ (проводя пальчикомъ Пиппы по краю венеціанскаго кубка). «Въ путь-дорогу, въ путь-дорогу, гондола моя!» Повторяй за мной.

Пиппа.

Въ путь-дорогу, въ путь-дорогу, гондола моя!

Ванъ.

Изъ зимней ночи, льдовъ и снѣжныхъ бурь,
Изъ этой тѣсной хижины—въ лазурь...

Пиппа.

Изъ зимней ночи, льдовъ и снѣжныхъ бурь,
Изъ этой тѣсной хижины—въ лазурь...

Ванъ.

Въ путь-дорогу, въ путь-дорогу, гондола моя.

(Кубокъ, по краю котораго водитъ пальцемъ Пиппа, издаетъ легкій звонъ; онъ становится все сильнѣе и сильнѣе, пока къ нему не присоединяются другіе гармоническіе звуки; усиливаясь, они вырастаютъ въ короткую, но могучую музыкальную бурю, которая внезапно ослабѣваетъ и замолкаетъ. Михель Гельригель, съ открытыми глазами, впадаетъ въ гипнотическій сонъ).

Ванъ.

Теперь несется Михель выше облаковъ,
Въ безмолвіи, одинъ; въ заоблачныхъ краяхъ
Нѣмѣетъ всякій звукъ. Свободенъ путь его.
Гдѣ ты?

Гельригель.

Свѣтло витаю въ утренней зарѣ!

Ванъ.

И что-жъ теперь ты видишь?

Гельригель.

Больше вижу я,
Чѣмъ человѣку можно разумомъ постичь,
И по морямъ волшебнымъ мой направленъ бѣгъ!

Ванъ.

Но твой корабль теперь спускается!..—иль нѣтъ?

Гельригель.

Передо мной встаютъ громады горъ земныхъ.
Гигантскою стѣною вскинутъ Божій міръ.

Ванъ.

Теперь?

Гельригель.

Теперь безшумно палаю я внизъ,
И средь садовъ теперь скользитъ мой тихій челнъ.

Ванъ.

Ты видишь садъ?

Гельригель.

О, да! я—въ каменномъ саду.
Въ сѣняхъ лазуриыхъ отблескъ мраморныхъ цвѣтовъ...
Дрожатъ ряды колоннъ въ зеленой глубинѣ.

Ванъ.

Остановись, пловецъ... Скажи намъ, гдѣ же ты!

Гельригель.

По лѣстницамъ теперь иду я, по коврамъ,
Въ чертогахъ изъ коралловъ шествую, и вотъ
У золотого входа трижды я стучусь!

Ванъ.

И что же ты, дружокъ, на стукальцѣ прочелъ?

Гельригель.

Montes chrysocreos fecerunt nos dominos!

Ванъ.

И что же было, другъ, когда ты постучалъ?

(Михель Гельригель не отвѣчаетъ и вмѣнъ начинаетъ стонать, какъ бы въ тяжеломъ кошмарѣ).

Нинна.

Буди его скорѣе, мудрый старецъ мой!

Ванъ (вынимая корабликъ изъ рукъ Михеля).

Довольно! Къ хижинѣ заброшенной вернись,
Къ изгнанникамъ, томящимся въ снѣгу,

Опомнись же, отдай намъ золото свое,
Что ты нашелъ въ пути, мы алчно ждемъ его.

(Михель Гельригель просыпается, смущенно озирается кругомъ и старается придти въ себя).

Гельригель. Галло!.. Зачѣмъ старый, проклятый боровъ Гунъ стоитъ у двери и грозитъ и не даетъ мнѣ войти? Пиппа! Просунь мнѣ золотой ключъ сквозь рѣшетку! Я проберусь въ боковую дверь!.. Гдѣ?.. Пиппа!.. Проклятіе! нѣтъ! Да гдѣ же я?.. Извини, старикъ! Лучше не проклинать, когда вотъ такъ-то... когда въ концѣ концовъ оказываешься въ дуракахъ!.. Въ какой же это заколдованный футляръ пришлось мнѣ угодить?.. Что тутъ такое, чортъ возьми?.. Гдѣ Пиппа?.. Развѣ золотой ключъ не у тебя?.. Сюда! давай его сюда! мы сейчасъ же отопремъ!

Пиппа. Проснись же, Михель! Ты грезишь! Опомнись!

Гельригель. Тогда я предпочитаю быть въ бреду, чѣмъ просыпаться такимъ унизительнымъ образомъ, въ лужѣ, на глубинѣ четырнадцати миль. Рѣшительно ничего не видно! Что же это? Кто сдавилъ мнѣ пальцами глотку? Кто выжимаетъ чудовищнымъ бременемъ страха счастье изъ моей груди?

Ванъ. Какой же страхъ! Только не страхъ, милѣйшій Михель! Въ этомъ домѣ все въ моей власти! И нѣтъ ничего, что могло бы причинить тебѣ вредъ.

Гельригель. Ахъ, мейстеръ, зачѣмъ ты такъ скоро позвалъ меня назадъ въ этотъ склепъ? Зачѣмъ старый, дикій, оборванный звѣрь не пустилъ меня въ мой водяной, въ мой волшебный дворецъ! Вѣдь я же этого всегда-то и жаждалъ! Оказалось то же самое! Я же отлично узналъ все то, о чемъ я мечталъ еще маленькимъ мальчикомъ, сидя передъ печнымъ отверстіемъ! И Пиппа смотрѣла въ окошко! И вокругъ нея, подъ стѣною, сладостно играла вода, какъ пѣсня на флейтѣ! Позволь намъ повторить путешествіе! Подари намъ твою очаровательную гондолу, и я не замедлю... я отдамъ тебѣ взамѣнъ всю мою сумку со всѣмъ ея драгоцѣннымъ добромъ!

Ванъ. Нѣтъ, Михель, рано! Потерпи! Во-первыхъ, ты еще слишкомъ горячишься! И я прошу васъ обоихъ успокоить ваши мятущіяся сердца и не мучить себя страхомъ! Полноте: утро вечера мудренѣе! Въ моемъ домѣ много комнатъ для гостей! Пробудьте, я васъ прошу, до завтра у меня!.. Позвольте мнѣ на одну ночь пріютить полную, молодую надежду!.. А завтра отправитесь дальше, съ Богомъ! Іонаѳанъ, проводи гостей наверхъ!

Гельригель. Мы принадлежимъ другъ другу, и мы не разстанемся!

Ванъ. Вертись, какъ хочешь или можешь, славный Михель: сонъ все равно исторгнетъ ее изъ рукъ твоихъ, и ты долженъ предоставить ее судьбѣ и Богу!

(Гельригель обнимаетъ Пиппу. Онъ всматривается въ нее и замѣчаетъ, что отъ крайняго переутомленія сна почти лишилась сознанія: онъ опускаетъ уснувшую на скамейку).

Гельригель. И ты отвѣчаешь за нее?

Ванъ. Устами и руками!

Гельригель (цѣлуетъ Пиппу въ лобъ). Значитъ, до завтра!

Ванъ. Усни! Спокойной ночи!.. А далеко на Адріатикѣ дремлетъ домъ, ожидающій новыхъ юныхъ гостей.

(Іонаѳанъ стоитъ въ дверяхъ со свѣчой, Гельригель освобождается и исчезаетъ съ нимъ въ сѣняхъ).

Ванъ (нѣкоторое время пристально и задумчиво всматривается въ Пиппу; потомъ говоритъ).

Въ мой зимній уголъ вдругъ проникло волшебство
И, златокудрый ликъ, ледъ мудрости во мнѣ,
Какъ хищникъ, сокрушило. Я ему далъ кровъ
Моей отцовской, старой, хитрою душой.
Но кто же щеголь тотъ, что хочетъ завладѣть
Божественнымъ ребенкомъ, сдвинувшимъ мой флотъ—
Вѣдь вотъ скрипитъ рулемъ, качается, дрожитъ
Своей кормою ветхой каждое судно!..
Что-жъ Михелю я отдалъ свой корабль,
Когда со всей армадой могъ бы плыть я самъ,
Какъ съ Галеономъ, съ нею во главѣ, чтобъ вновь
Вернуть себѣ просторъ утраченныхъ небесъ.
О, ледъ въ моихъ сѣдинахъ, ледъ въ моей крови!
Отъ дуновенья счастья быстро таешь ты.
Святой, чуть внятный вихрь, не вспыхивай въ груди
Глухимъ и дикимъ, алчнымъ пламенемъ страстей.
Чтобъ, какъ Сатурну, мнѣ дѣтей своихъ не съѣсть!
Вкушайте тихій сонъ! Я буду васъ беречь,
Лелѣя въ васъ все то, чье имя—бѣглый мигъ.
Плывите предо мной, какъ образы, пока
Моя душа—лишь образъ, чуждый естества,
Лишь неземной, незримый, чистый элементъ.
Ты долженъ тлѣть, мой ветхій флотъ! и мнѣ
Не суждено пускаться въ новый путь.

(Онъ поднялъ спящую, поддерживаетъ ее и медленно, съ отцовскою осторожностью, уводитъ въ комнату направо. Когда онъ и

Пиппа исчезли, изъ-за печки появился Гунъ и стоитъ по серединѣ комнаты, не сводя неподвижно устремленныхъ глазъ съ двери. Ванъ возвращается, закрываетъ за собою дверь на замокъ и говоритъ про себя, не замѣчая Гуна. Онъ поворачивается къ моделямъ своихъ кораблей и видитъ Гуна. Сначала, сомнѣваясь въ дѣйствительности явленія, онъ держитъ руку передъ глазами и всматривается; потомъ опускаетъ руку, каждая его мышца напрягается, и оба они мѣрятъ другъ друга полнымъ ненависти взглядомъ).

Ванъ (медленно, дрожа).

Здѣсь... впредь... дороги... нѣтъ!

Гунъ (такъ же).

Здѣсь... впредь... ненужно... словъ!

Ванъ.

Иди!

(Гунъ бросается впередъ, и они стоятъ другъ передъ другомъ въ положеніи борцовъ).

Гунъ.

Здѣсь все—мое!.. мое, мое, мое.

Ванъ.

Исчадье ночи! Темный кровожадный звѣрь,
Издашь ли ты еще единый звукъ людской!

(Старикъ Гунъ бросается на него, и они борются; при этомъ старикъ Гунъ внезапно издаетъ ужасающій крикъ и тотчасъ же беззащитно свисаетъ въ объятіяхъ Вана. Ванъ опускаетъ его, хрипящаго, на землю).

Ванъ.

Такъ быть должно, всевластный великанъ!
Больной, могучій, дикій звѣрь!
Врывайся въ хлѣвъ! Въ занесенной мятелью
Избушкѣ Божьей корма хищнымъ нѣтъ!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Происходящее примыкаетъ непосредственно къ третьему дѣйствію въ той же комнатѣ. Старикъ Гунъ лежитъ на скамейкѣ у печки, издавая громкій, ужасающій хрипъ. Грудь у него обнажена; длинные, цвѣта ржавчины, волосы свисаютъ до земли. Старикъ Ванъ стоитъ возлѣ него, положивъ лѣвую руку на грудь богатыря. Изъ двери въ комнату направо, робко и дрожа, съ выраженіемъ глубокаго страха, появляется Пиппа.

Ванъ. Войди же, войди, маленькій, трепетный огонекъ! Войди! Теперь для тебя, если ты будешь нѣсколько осторожнѣе, больше нѣтъ никакой опасности!

Пиппа. Я это знала! Я знала это и чувствовала, signore!.. Держи его! Свяжи его покрѣпче!

Вань. Я не могу связать его больше, чѣмъ онъ связанъ!

Пиппа. Это—старикъ Гунъ, или это не онъ?

Вань. Пытка искажаетъ его лицо. Но если ты лучше всмотришься въ него...

Пиппа. То онъ окажется почти такимъ же, какъ ты!

Вань. Я — человѣкъ, а онъ хочетъ стать человѣкомъ: какъ это пришло тебѣ въ голову?

Пиппа. Non sò, signore [1])!

(На порогѣ въ сѣни появляется испуганный Гелльригель).

Гелльригель. Гдѣ Пиппа? Я предчувствовалъ, что вшивый гонецъ слѣдуетъ за нами по пятамъ! Пиппа!.. Слава Богу, что ты опять подъ моей защитой!

Вань. Но и пока тебя не было здѣсь, ее никто и волоскомъ не тронулъ!

Гелльригель. Все же лучше, что я здѣсь!

Вань. Да будетъ воля Господня!.. Принеси мнѣ ведро снѣгу! Принеси снѣгу! Мы положимъ ему снѣгу подъ ложечкой, чтобы успокоить грудь бѣдному, плѣнному, бьющемуся крыльями звѣрю!

Гелльригель. Онъ раненъ?

Вань. Очень возможно!

Гелльригель. А каково намъ будетъ, если онъ снова соберется съ силами? Онъ начнетъ драться кулаками и всѣхъ насъ троихъ изрубитъ!

Вань. Только не меня! Да и вообще никого, если ты будешь благоразумнѣ.

Пиппа. Это же онъ! Это же старый выдувальщикъ стекла Гунъ!

Вань. Теперь ты узнаёшь его? Гостя, пришедшаго столь поздно, чтобы ждать здѣсь того, кто выше!? Да ты подойди, малютка, не бойся! Твой преслѣдователь теперь уже—преслѣдуемый! (Гелльригель приноситъ ведро снѣга). Ты что̀ увидѣлъ, Михель, на дворѣ, разъ ты блѣденъ, какъ полотно!

Гелльригель. Не знаю! (Выкладывая ледъ) Но это же вовсе не та лохматая громада, что̀ плясала съ тобою въ корчмѣ и прыгала, и отъ кого я, къ счастью, увелъ тебя.

Пиппа. Ты только хорошенько всмотрись, это—онъ!

Гелльригель. Но онъ сталъ нашимъ братомъ!

Пиппа. Что̀ съ тобой, Михель? Какой у тебя видъ?

---

[1]) Не знаю, господинъ.

Ванъ. Что же ты увидѣлъ на дворѣ, разъ ты блѣденъ, какъ полотно?

Гельригель. Ну, такъ и быть: я видѣлъ премилыя вещи! Тамъ была, такъ сказать, стѣна изъ рыбообразныхъ женскихъ лицъ, словно возбуждающихъ ужасъ! Миловидно-чудовищныхъ! Мнѣ бы не хотѣлось имѣть ихъ здѣсь въ комнатѣ. Такъ-то и бываетъ, когда изъ свѣта входишь въ темноту!

Ванъ. Наконецъ ты узнаешь, что такое ужасъ!

Гельригель. Во всякомъ случаѣ, совсѣмъ непріятно быть тамъ, на дворѣ. Повидимому, у дамъ болитъ горло — это замѣтно по судорогамъ въ коченѣлыхъ, отекшихъ глоткахъ!.. Иначе зачѣмъ имъ было бы обвязывать шею толстымъ платкомъ изъ длинныхъ, слизистыхъ червей!

Ванъ. Ну, Михель, ты ищешь помощи!

Гельригель. Если-бъ только шутливые ангелочки не проникали сквозь стѣну!

Ванъ. Михель, ты не могъ бы еще разъ выйти за дверь и громкимъ голосомъ крикнуть въ темноту, чтобы Онъ пришелъ?

Гельригель. Нѣтъ! Это уже слишкомъ, этого я не могу!

Ванъ. Ты боишься молніи, которая должна принести освобожденіе? Тогда будь готовъ слушать, какъ ужасающимъ образомъ будутъ выть хвалу Господу, потому что иначе нельзя предупредить появленіе стан!

(Старикъ Гунъ издаетъ такой вопль боли, что Пиппа и Гельригель разражаются сострадательнымъ визгомъ и противъ воли спѣшатъ къ нему на помощь).

Ванъ. Не слишкомъ опрометчиво! Это вамъ не поможетъ!.. Здѣсь нѣтъ милосердія! Здѣсь неистовствуетъ ядовитый зубъ и огнедышащій вѣтеръ, пока онъ неистовствуетъ! Здѣсь силы урагана исторгаютъ пронзительный крикъ боли неистоваго познанія Бога. Слѣпо, безъ состраданія, своими ударами извлекаютъ онѣ его изъ воющей души, отъ ужаса утратившей языкъ.

Гельригель. И тебѣ нельзя помочь ему, старикъ?

Ванъ. Безъ того, кого ты не хочешь позвать.

Пиппа (дрожа). Зачѣмъ же такая пытка? Я боялась его и ненавидѣла его! Но зачѣмъ преслѣдовать его съ такимъ бѣшенствомъ и съ такой немилосердной ненавистью?.. Я этого не требую!

Гунъ. Что же? Пустите! пустите, пустите! Не вонзайте

кликовъ мнѣ въ спину! Пустите, пустите! Не отрывайте мнѣ бедеръ отъ костей! Не разрывайте моего тѣла! Не рвите меня! Не разрывайте души у меня!

Гельригель. Чортъ возьми! Если это—испытаніе силы, если этотъ хладнокровный великанъ думаетъ этимъ импонировать кому-нибудь... то ужъ во всякомъ случаѣ не мнѣ! Или волею-неволею!.. Значитъ, у него нѣтъ больше уваженія къ своему созданію, или онъ не можетъ? Разъ онъ, что̀ ни мигъ, разитъ все малое? Да еще на этотъ странный ладъ, надо полагать, не единственный, на который онъ забавляется!

Ванъ. Вся суть, собственно, въ томъ, Михель, чтобы кто-нибудь изъ васъ вышелъ и посмотрѣлъ, гдѣ замѣшкался тотъ, кого мы страстно ждемъ. Твоя рѣчь ровно никуда не ведетъ.

Гельригель. Выходи ты! Я здѣсь останусь.

Ванъ. Хорошо! (Пишетъ) Но ты не вздумай плясать съ нимъ!

Гельригель. О, Господи! Если человѣкъ въ такомъ мудреномъ положеніи еще можетъ шутить, то что̀ же тогда остается сказать о самомъ несчастіи?!

Ванъ. Смотри, кому довѣрять! Во всякомъ случаѣ наблюдай за ребенкомъ! (Ванъ удаляется въ сѣни).

Пиппа. Ахъ, лишь бы намъ убраться отсюда, Михель!

Гельригель. Мнѣ бы тоже хотѣлось! Слава Богу, что мы теперь, по крайней мѣрѣ, на высотахъ! Завтра, на разсвѣтѣ, мы можемъ—это идетъ, какъ по маслу!—скатиться внизъ на санкахъ, по южному склону. И тогда мы навсегда выберемся изъ этой области горныхъ травъ, шаровыхъ молній и хрюкающихъ павіановъ.

Пиппа. Ахъ, если-бъ только онъ опять не началъ кричать!

Гельригель. Пускай кричитъ! Здѣсь все-таки лучше: тишина тамъ наружу кричитъ еще ужаснѣе.

Гунъ (отяжелѣвшимъ языкомъ). Убійца! Убійца!

Пиппа. Онъ опять заговорилъ!.. Я думаю, старый торговецъ игрушками сдѣлалъ ему больно!

Гельригель. Держись за меня! Прижмись крѣпко къ моему сердцу.

Пиппа. Ахъ, Михель, ты прикидываешься такимъ спокойнымъ, а сердце такъ бурно бьется у тебя!

Гельригель. Какъ и твое!

Пиппа. И его!.. Я слышу, какъ бьется и его сердце!.. Какъ сильно оно работаетъ!.. Какъ тяжело трудится!

Гельригель. Да? Въ самомъ дѣлѣ, это стучитъ сердце?

Пиппа. Что-жъ иначе? Прислушайся, что̀ же тогда должно стучать такъ?! Не знаю, это такъ больно пронизываетъ меня... надрываетъ меня до глубины—съ каждымъ біеніемъ, точно я должна мучиться вмѣстѣ.

Гельригель. Посмотри на грудную клѣтку людоѣда! Развѣ она не похожа на обросшіе рыжей щетиной мѣхи? Точно ей все время приходится раздувать огонекъ на кузницѣ.

Пиппа. Ахъ, какъ эта бѣдная, пойманная птичка, въ такомъ страхѣ, должна биться о его ребра!.. Михель, не приложить ли мнѣ руку?

Гельригель. Съ моего позволенія! Нѣтъ ничего на всемъ свѣтѣ, что̀ могло бы оказать такое чудесное дѣйствіе!

Пиппа (кладетъ руку на сердце Гуну). Я не знала, что старый Гунъ подъ своими лохмотьями бѣлъ, какъ дѣвушка.

Гельригель. Вотъ видишь, дѣйствуетъ! Онъ уже спокойнѣе!.. А теперь дадимъ ему немного вина, пусть онъ мирно вздремнетъ.

(Идетъ къ столу, наливаетъ вина, Пиппа продолжаетъ держать свою руку на груди Гуна).

Гунъ. Кто это положилъ мнѣ лапку на грудь?.. Я сидѣлъ тамъ у себя въ темнотѣ—мы сидимъ въ темнотѣ! Въ мірѣ было холодно!.. Больше не было дня, больше не было утра! И мы сидѣли тамъ вокругъ холодной стеклянной печи!.. И вотъ пришли люди, да, да... они приползли по сугробамъ издалека! Они пришли издалека, потому что были голодны: они хотѣли найти крупицу свѣта; они хотѣли влить немного тепла въ свои окоченѣлыя кости!.. Такъ-то вотъ!.. И потомъ они лежали ночью на стеклянномъ заводѣ! Мы слышали ихъ стоны! Мы слышали ихъ визгъ!.. И тогда мы встали и начали рыться въ пеплѣ—и вдругъ вспыхнула еще одна единственная искорка... искорка вспыхнула въ пеплѣ!.. О, Боже, какъ мнѣ быть съ этой искоркой, вспыхнувшей изъ пепла еще разъ?.. Я долженъ служить тебѣ, искорка?.. долженъ поймать тебя? долженъ гнаться за тобой? долженъ плясать съ тобой, маленькая искорка?

Гельригель. Говори; да, говори; да, не противорѣчь ему!.. Ну, разсказывай, что̀ было дальше!.. Вотъ, сдѣлай сперва глотокъ, старый незнакомецъ! Нынче съ тобой—завтра со мной! Будемъ вмѣстѣ, потому что въ глубинѣ сердца я тоже въ родѣ засыпаннаго снѣгомъ, призрачнаго выдувальщика стекла.

Гунъ (отпивъ вина). Кровь! черная кровь, вкусная! Но я все могу! Я тоже дѣлаю стекло! Ахъ, чего только я ни таскалъ изъ стеклянной печки! Жемчугъ! Драгоцѣнные каменья! Огромные бокалы! Все совалъ трубку въ гущу! Ну, ладно, я пляшу съ тобой, маленькая искорка! Постойка: я снова разведу огонь въ печи! Ишь, жаръ такъ и валитъ изъ отверстій! Со старымъ Гуномъ никому не сравняться! Вы видѣли, какъ она пляшетъ въ раскаленномъ воздухѣ?

Гельригель. О комъ ты говоришь?

Гунъ. О комъ? Что же? Онъ еще не знаетъ, что дѣвочка вышла изъ стеклоплавильной печи!

Гельригель (хихикая). Слышишь, Пиппа, ты вышла изъ стеклянной печи!

Пиппа. Ахъ, Михель, я готова заплакать!

Гунъ. Пляши, пляши! Чтобъ стало чуточку свѣтлѣе! Явись здѣсь, явись тамъ, чтобы у людей былъ свѣтъ! Зажигай! Зажигай! Мы примемся за работу!

Гельригель. Послушай! Въ такомъ случаѣ и мнѣ бы хотѣлось пособить! Чортъ возьми! И не только какъ подмастерье...

Гунъ. Мы стояли въ нашей стеклянной печи, и со всѣхъ сторонъ изъ беззвѣздной ночи подползалъ страхъ! (Онъ хрипитъ громче) Мыши, собаки, звѣри и птицы ползли въ огонекъ. Онъ становился все меньше и меньше и готовъ былъ погаснуть! Мы все смотрѣли и смотрѣли—о, Господи! Страхъ! Шлёпъ въ огонекъ!.. И вотъ онъ погасъ! И всѣ мы вскрикнули! И снова вспыхнулъ голубой огонекъ! И мы снова вскрикнули! И вотъ онъ совсѣмъ исчезъ!.. Я сидѣлъ тамъ, у моего холоднаго огонька! И ничего не видѣлъ! И я рылся и рылся въ золѣ! Вдругъ вспыхнула [еще одна искорка, одна единственная искорка, предо мной. Будемъ опять плясать, маленькая искорка?

Пиппа (шепчетъ Михелю). Михель, ты здѣсь еще?

Гельригель. Ну, конечно! Ты думаешь, что Михель способенъ прятаться? Но, видитъ Богъ, этотъ старикъ больше, чѣмъ выгнанный выдувальщикъ стекла!.. Смотри, какая кровавая, мучительная судорога разлилась по его лицу!

Пиппа. И какъ его сердце борется, какъ стучитъ!

Гельригель. Какъ вѣчная пляска кузнеца съ кузнечнымъ молотомъ!

Пиппа. И при каждомъ ударѣ дрожитъ и горитъ въ моей собственной груди!

Гельригель. И у меня. Съ силой пробѣгаетъ по моимъ костямъ и разрываетъ меня, точно я долженъ работать и колотить вмѣстѣ.

Пиппа. Слышишь, Михель! Точно такой же ударъ раздается глубоко подъ нами и стучитъ въ землѣ.

Гельригель. Глубоко подъ нами, да, ударяетъ ровный, ужасный кузнечный молотъ!

Гунъ. Прикажешь плясать съ тобою, маленькій духъ?

(Подземный, похожій на грозу, грохотъ).

Пиппа. Михель, ты слышалъ подземный гулъ?

Гельригель. Нѣтъ! Иди сюда! Тебѣ лучше снять руку съ его груди! Когда все колеблется, и земля дрожитъ, и мы улетаемъ, невѣдомо куда, какъ подневольный метеоръ въ міровое пространство. Но намъ лучше поскорѣе сплестись въ неразрывный клубокъ. Я просто пошутилъ!

Пиппа. Ахъ, Михель, брось теперь шутки!

Гельригель. Завтра мы оба будемъ шутить надъ этимъ!

Пиппа. Знаешь, у меня почти такое чувство, будто я единственная искра и ношусь одиноко, затерянная въ безконечномъ пространствѣ!

Гельригель. Пляшущая звѣздочка въ небесахъ, Пиппа! Почему бы нѣтъ!

Пиппа (шопотомъ). Михель, Михель, давай плясать со мной! Михель, держи меня крѣпче, я не хочу плясать! Михель, Михель, пляши со мной!

Гельригель. Видитъ Богъ, я буду плясать, какъ только мы выберемся изъ бѣды!.. Представь себѣ все великолѣпіе! Какъ только пройдетъ эта ночь, я уже рѣшилъ: впредь ты будешь ходить только по розамъ да коврамъ. Вотъ мы будемъ смѣяться, какъ только мы очутимся внизу, въ водяномъ замкѣ... а мы придемъ туда, увѣряю тебя... и тогда-то я уложу тебя въ твою шелковую кровать... и тогда-то я буду носить да носить тебѣ сладости.. и закрою тебя и буду разсказывать страшныя исторіи... и ты будешь громко хохотать, такъ нѣжно, что благозвучіе будетъ дѣлать мнѣ больно. И тогда-то ты уснешь! А я буду играть всю ночь, тихо - тихо, на моей стеклянной арфѣ.

Пиппа. Михель!

Гельригель. Я здѣсь, Пиппа!

Пиппа. Да гдѣ же ты?

Гельригель. Здѣсь, возлѣ тебя! Я крѣпко держу тебя въ объятіяхъ!

Гунъ. Мы будемъ снова плясать, маленькій духъ?

Пиппа. Михель, держи меня... не выпускай!.. онъ рветъ меня!.. меня рвутъ!.. Иначе я должна плясать!.. я должна плясать! иначе я умру! пусти меня!

Гельригель. Вотъ какъ!? Самое лучшее, по-моему, при этихъ дѣйствительно нѣсколько кошмарныхъ обстоятельствахъ, подумать о своей старой, славной швабской крови! Разъ зудитъ во всѣхъ членахъ, отчего бы и не проплясать послѣдній танецъ бѣдному пьянчугѣ, придающему этому значеніе? На мой взглядъ, въ этомъ не можетъ быть ничего дурного... Недаромъ же были веселые братья, которые украли адскій огонь изъ-подъ хвоста у сатаны и закурили имъ трубку. Почему бы и не сыграть ему танецъ!?. (Вынимаетъ свою окарину) Тра-та-та, тра-ля-ля! Какой тактъ?.. Такъ и быть, начинай плясать, Пиппа! Разъ такъ ужъ должно быть... въ смыслѣ мѣста и времени нечего быть разборчивымъ на этой землѣ!.. (Трели и переливы на окаринѣ). Пляши свободно, наплящись вволю! Это еще далеко не послѣднее дѣло: веселиться со смертельно опечаленнымъ!

(Подъ звуки окарины, на которой играетъ Михель, Пиппа дѣлаетъ мучительно-плавныя движенія, въ которыхъ сквозитъ нѣчто судорожное. Мало-по-малу танецъ становится болѣе дикимъ и болѣе вакхическимъ. Ритмическое содроганіе пробѣгаетъ по тѣлу старика Гуна. При этомъ онъ неистово отбиваетъ кулаками ритмъ пляски Пиппы. Въ то же время онъ, повидимому, трясется отъ чудовищнаго ощущенія холода, какъ человѣкъ, пришедшій съ самаго рѣзкаго мороза въ тепло. Изъ нѣдръ земли доносится глухой гулъ: раскаты грома, звонъ треугольниковъ, тимпановъ и литавровъ. Наконецъ изъ сѣни входитъ старый Ванъ).

Гунъ. Я тоже дѣлаю стекло! Я дѣлаю... (Устремивъ на Вана неподвижный, враждебный взглядъ) Дѣлаю и опять разбиваю!.. Пойдемъ... со... мной... въ темноту, маленькая искорка... (Онъ раздавливаетъ стаканъ, который еще у него въ рукѣ; осколки звенятъ. Пиппа вздрагиваетъ, и внезапное оцѣпенѣніе сковываетъ ее).

Пиппа. Михель! (Она шатается, Ванъ подхватываетъ ее. Она умерла).

Ванъ. Ты все же исполнилъ свою волю, старый корибантъ?

Гельригель (на нѣсколько мгновеній перестаетъ играть на окаринѣ). Хорошо! Отдохни одинъ мигъ, Пиппа!

Гунъ (судорожно и съ могучимъ торжествомъ смотритъ на Вана; потомъ съ его устъ срывается трудный, но могучій крикъ). Юмалан!!! (Потомъ онъ снова опускается и умираетъ).

Гельригель (только-что хотѣлъ приняться за окарину). Что это? Правильно! Я слышалъ этотъ крикъ вчера утромъ!..

Что ты скажешь на это, старый колдунъ? Впрочемъ, очень хорошо, что ты вернулся! А то мы уже скакали бы кто знаетъ куда, по ножамъ да осколкамъ въ неизвѣстное! Значитъ, ты нашелъ-таки его?

Ванъ. Конечно!

Гельригель (послѣ одной трели). Гдѣ же ты нашелъ его?

Ванъ. За сугробомъ снѣга я нашелъ его. Усталаго. Онъ сказалъ, что на немъ бремя непосильнаго труда. Мнѣ долго пришлось уговаривать его. (Взглядывая на Пиппу) И вотъ, повидимому, онъ не понялъ меня.

Гельригель (послѣ трели). Но теперь-то онъ, по крайней мѣрѣ, придетъ?

Ванъ. Развѣ ты не видѣлъ его? Онъ же вошелъ какъ разъ передо мной.

Гельригель. Хотя я и ничего не видѣлъ, но я что-то почувствовалъ, когда старикъ прокричалъ свое глупое непонятное слово, которое, впрочемъ, и сейчасъ гудитъ у меня въ костяхъ.

Ванъ. А ты слышишь, какъ грохочетъ эхо на дворѣ?

Гельригель (съ любопытствомъ подходитъ къ Гуну). Правильно! Старое копыто больше не стучитъ! Признаться, у меня свалился камень съ души! Что, наконецъ-то старый бегемотъ доигрался-таки! Скажи, ты, очевидно, повредилъ у него позвоночникъ. Но, можетъ-быть, это, собственно, было и не нужно, хотя это и спасло насъ.

Ванъ. Да, Михель, разъ ты спасенъ, то другимъ путемъ трудно было достигнуть этого.

Гельригель. Слава Богу, да, я это чувствую, мы выпутались изъ бѣды. Поэтому я тоже больше не хочу быть ханжой, разъ ужъ старикъ,—онъ же выжилъ изъ юношескихъ шалостей!—разъ ужъ старикъ скончался отъ волокитства и не можетъ обладать тѣмъ, чѣмъ я обладаю. Каждый за себя, а Богъ за всѣхъ! Но какое, собственно, мнѣ дѣло до этого?! Пиппа!!. Почему же у тебя двѣ свѣчки на плечахъ, одна слѣва, а другая справа?

Ванъ (обнявъ Пиппу). Ecce deus fortior me, qui veniens dominabitur mihi [1]).

Гельригель. Не понимаю! (Наклонивъ голову впередъ, онъ нѣсколько мгновеній испытующе всматривается въ поникшую въ объятіяхъ Вана Пиппу). Ахъ, вотъ у меня снова разрывается

---

[1]) Вотъ Богъ сильнѣе меня, что придетъ и будетъ властвовать надо мной.

грудь! Теперь снова нетерпѣніе такъ глубоко проникаетъ меня! Такъ мучительно-сладко, точно я долженъ здѣсь же и сейчасъ же очутиться за милліоны лѣтъ впереди... Вѣдь все-то вокругъ меня въ ярко-красномъ свѣтѣ!.. (Онъ играетъ, останавливается и говоритъ) Пляши, дитя! Радость! Ликуй, ибо съ помощью вѣчнаго свѣта въ моей груди мы нашли дорогу изъ ночного лабиринта; и если ты наплясалась вдоволь и успокоилась въ вѣрномъ счастьѣ, то мы тотчасъ же отправимся. (Вану) Съ твоего позволенія! По яркому снѣгу, точно на курьерскихъ, туда, внизъ, въ бездну весны.

Ванъ. Да. Если ты видишь бездну весны, славный Михель, конечно!

Гельригель (съ движеньями слѣпого, видящаго только внутри, у чернаго окна). Эхъ, я вижу ее хорошо, бездну весны! Я же не слѣпъ! Она видна ребенку! Изъ твоего окна, дряхлый хозяинъ, видна вся страна... На пятьдесятъ миль кругомъ! Я вовсе не сижу, какъ духъ, въ склянкѣ и не лежу, закупоренный, на морскомъ днѣ! Это было когда-то— дай только золотой ключъ и позволь намъ уѣхать!

Ванъ. Когда зима сверкнетъ вдругъ, легко ослѣпнуть!

Гельригель. Или получить всевидящее зрѣніе!.. Можетъ почти показаться, что живешь во снѣ: столь таинственно бодритъ меня бѣлоснѣжное, пылающее утреннимъ свѣтомъ великолѣпіе горъ и манящее благоуханіе полуострововъ, заливовъ и садовъ глубины, и—что ты скажешь!—точно находишься на другой звѣздѣ!

Ванъ. Такъ и бываетъ, когда горы омыты игрою Эльмовыхъ огней великаго Пана.

Гельригель. Пиппа!

Ванъ. Она уже опять далеко отъ насъ въ своемъ собственномъ странствіи! И онъ, старый, неутомимый, непобѣдимый великанъ, снова слѣдуетъ за ней. (Опускаетъ Пиппу на скамейку. Потомъ зоветъ) Іонаѳанъ!.. Вотъ и опять незримая рука, проникающая сквозь стѣны и крыши, разстроила мои планы и завладѣла добычей... Іонаѳанъ!.. Онъ уже похолодѣлъ! Огненный кратеръ погасъ! Что̀ преслѣдуетъ охотникъ? Не животное, которое онъ убиваетъ! Что̀ преслѣдуетъ охотникъ? Кто можетъ отвѣтить мнѣ?

Гельригель (у чернаго окна). Пиппа, ты только взгляни внизъ, мысы усѣяны золотыми куполами... и видишь: тамъ нашъ водяной дворецъ—и золотыя ступени, ведущія въ него!

Ванъ. И радуйся. Радуйся тому, что̀ ты видишь, и тому, Михель, что̀ скрыто отъ тебя!

Гельригель. Море!.. ахъ, еще другое, верхнее, раскрывается: другое море возвращаетъ нижнему морю милліоны мерцающихъ звѣздъ! ахъ, Пиппа!.. и, смотри, раскрывается третье море! Безконечное отраженіе и утопаніе свѣта въ свѣтѣ! И мы плывемъ, между океаномъ и океаномъ, на нашей опьяняющей золотой галерѣ!

Ванъ. Тогда тебѣ больше не нуженъ мой кораблик!.. Открой ставни, Іонаѳанъ.

(Іонаѳанъ, заглянувшій-было въ комнату, раскрываетъ дверь, и въ сѣни проникаетъ слабый, первый утренній свѣтъ).

Гельригель. Пиппа!

Ванъ. Вотъ она, обнимитесь! (Онъ подошелъ къ Михелю, который стоитъ у окна съ выраженіемъ слѣпого ясновидца, и дѣлаетъ видъ, будто Пиппа стоитъ возлѣ него и онъ кладетъ руку Михеля въ въ ея руку). Такъ! Я вѣнчаю васъ! Я вѣнчаю тебя съ тѣнью! Обвѣнчанный съ тѣнью вѣнчаетъ тебя съ тѣнью!

Гельригель. Недурно, Пиппа, ты—тѣнь!

Ванъ. Иди, иди съ нею въ міръ... въ вашъ водяной дворецъ, хотѣлъ я сказать!.. На то у тебя и ключъ! Чудовище больше не властно не впустить васъ! И за дверью стоятъ уже сани съ двумя загнутыми рогами...

Гельригель (съ крупными слезами на щекахъ). И тамъ я буду дѣлать шары изъ воды!

Ванъ. Ты уже дѣлаешь ихъ своими глазами!.. Такъ! Идите! Не забудь свою окарину!

Гельригель. Ну, нѣтъ! моей маленькой, нѣжной, вѣрной жены я не забуду!

Ванъ. Вѣдь въ концѣ концовъ вполнѣ возможно, что тебѣ придется, то здѣсь, то тамъ, играть и пѣть передъ людскими дверьми. Но ты только не падай духомъ. Во-первыхъ, у тебя ключикъ отъ дворца, а когда стемнѣетъ, этотъ факелъ, который понесетъ передъ тобою Пиппа; и потомъ ты вѣрно и непремѣнно придешь туда, гдѣ ждутъ тебя и радость и покой. Ты только весело пой и играй и не сомнѣвайся!

Гельригель. Ура! Я запою пѣсню слѣпыхъ.

Ванъ. Что ты хочешь сказать?

Гельригель. Я буду пѣть пѣсню о слѣпыхъ людяхъ, не видящихъ большой, золотой лѣстницы!

Ванъ. И тѣмъ выше ты поднимешься по Scala d'Oro [1]), по Scala dei Giganti [2]).

---

[1]) Золотая лѣстница.
[2]) Лѣстница гигантовъ.

Гельригель. И буду пѣть пѣсню о глухихъ!
Ванъ. Которые не слышатъ потока вселенной?
Гельригель. Да!
Ванъ. Конечно, пой! Но если она не тронетъ ихъ, Михель, и они станутъ грозить тебѣ суровыми словами или каменьями, что тоже бываетъ, то ты повѣдай имъ тогда, какъ ты богатъ... Принцъ, путешествующій со своей принцессой! Разскажи имъ о своемъ водяномъ дворцѣ и умоляй ихъ, именемъ Бога, проводить васъ въ путь на одну милю дальше!

Гельригель (хихикая). А Пиппа въ это время пляшетъ!
Ванъ. А Пиппа пляшетъ!

(Стало совсѣмъ свѣтло. Ванъ кладетъ слѣпому и безпомощному Михелю палку въ руку, надѣваетъ на него шляпу и ведетъ его, идущаго ощупью, но тихо и блаженно хихикающаго, къ выходу. Теперь Михель прикладываетъ къ губамъ окарину и играетъ разрывающую душу, скорбную пѣсню. Въ сѣняхъ слѣпого беретъ Іонаѳанъ, а Ванъ возвращается назадъ. Онъ прислушивается къ раздающейся все дальше и дальше мелодіи окарины, беретъ со стола маленькую гондолу, разсматриваетъ ее и съ мучительнымъ отреченіемъ въ голосѣ говоритъ):

«Въ путь-дорогу, въ путь-дорогу, гондола моя!»

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢВЫ ИЗЪ БИШОФСБЕРГА.

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

Переводъ Ю. Балтрушайтиса.

Талантъ Гауптмана по существу своему есть талантъ глубоко трагическій.

Даръ комизма присущъ ему въ завидной мѣрѣ, и «смѣшное» сряду и сплошь прорѣзаетъ страницы его драмъ. Но гораздо чаще это—трагикомическое отраженіе жизни, а не безоблачный смѣхъ. Его комедія «Бобровая шуба» переливается въ «Красномъ пѣтухѣ» въ подлинную драму.

Изъ девятнадцати написанныхъ имъ пьесъ, если исключить не вполнѣ самобытную комедію «Шлукъ и Яу»,—только три въ полномъ смыслѣ подходятъ подъ названіе комедій: это названная «Бобровая шуба», «Коллега Крамптонъ» и «Дѣвы изъ Бишофсберга».

Такое процентное отношеніе комедіи къ драмѣ у Гауптмана—несомнѣнно, говоритъ за то, что въ чистой области комическаго драматургъ чувствуетъ себя далеко не тѣмъ хозяиномъ положенія, какимъ онъ является въ драмѣ. И по внѣшнему успѣху, какимъ комедіи были встрѣчены, и по внутреннимъ достоинствамъ — онѣ стоятъ въ тѣни и не представляютъ лучшаго въ литературной сокровищницѣ поэта.

Не представляетъ счастливаго исключенія и пятиактная комедія «Дѣвы изъ Бишофсберга» («Die Jungfern von Bischofsberg»), написанная и законченная Гауптманомъ въ 1905 г. и изданная въ свѣтъ въ 1907 году, уже послѣ появленія полнаго фишеровскаго изданія его сочиненій. Поставленная въ берлинскомъ Лессингъ-театрѣ, она вызвала у публики протесты, у критики—осужденіе.

Пьеса Гауптмана не произвела замѣтнаго впечатлѣнія. Она падаетъ на время сравнительнаго ослабленія интереса къ личности нѣмецкаго драматурга. Выдающая значительное утомленіе автора, она и по существу не обладала тѣми данными, какія создаютъ шумъ около произведенія. «Дѣвы изъ Бишофсберга» (мѣстность, которую въ переводѣ слѣдовало бы назвать «епископской горой»)—одна изъ наиболѣе слабыхъ и наименѣе глубокихъ по замыслу пьесъ Гауптмана.

Комедія не преслѣдуетъ никакой философской или идейно-общественной задачи. Всегда ударявшій въ какой-нибудь «проклятый» вопросъ дѣйствительности и иногда, какъ въ «Одинокихъ», умѣвшій властно взволновать современныя сердца,—драматургъ разрабатываетъ здѣсь просто одну изъ обыкновенныхъ семейныхъ исторій, варіантъ на знакомую тему о женщинѣ, дѣлающей несвободный выборъ въ силу сознанія долга и въ счастливую минуту просвѣтленія сбрасывающей съ себя тяжелое ярмо для того, чтобы сочетать свою жизнь съ

любимымъ человѣкомъ. Не новую идею: счастье свѣтитъ только смѣлымъ и свободнымъ—Гауптманъ не выдвигаетъ съ особенною философски-психологическою тонкостью. И для новой литературы не нова сама по себѣ эта мысль, что будущность—за сильными и свободными душами, деревенно берущими радость жизни, а не за сухими моралистами, оковавшими всю жизнь обручами приличія, условности и «порядочности».

Въ бишофсбергской усадьбѣ живутъ четыре дѣвушки-невѣсты. Гауптмана по преимуществу занимаетъ романъ третьей изъ нихъ—Агаты. Она — объявленная невѣста старшаго учителя Наста, ограниченнаго педанта, ходячей прописи. Уже съ середины перваго акта читатель и зритель угадываютъ драму, переживаемую этою молодой душой. Агата любила и любитъ другого, и выходитъ почти изъ мести за нелюбимаго. У нея что-то было съ докторомъ Грюнвальдомъ,—полною противоположностью Насту,—живымъ, смѣло мыслящимъ, свободнымъ человѣкомъ. Когда-то у нихъ была «встрѣча» и, повидимому, объясненіе. Но они должны были разстаться и разстались, обѣщавъ давать другъ другу знать о себѣ разъ въ годъ. Однако и этого не могъ или не захотѣлъ выполнить Грюнвальдъ.

Дѣвушка хранитъ чувство къ любимому человѣку, но хочетъ погасить его, выйдя за нелюбимаго. Она отстраняетъ моментъ встрѣчи и объясненія съ Грюнвальдомъ, неожиданно появившимся вновь на ея горизонтѣ. Тотъ добивается свиданія, но и оно не приводитъ ни къ чему. Случай приходитъ на помощь страдающимъ отъ любви. Шутка, которую продѣлываетъ надъ надутымъ учителемъ одинъ изъ членовъ бишофсбергской семьи, оскорбляетъ его до такой степени, что въ первомъ порывѣ раздраженія онъ готовъ оттолкнуть отъ себя даже дѣвушку, которую рѣшилъ «осчастливить» своимъ супружествомъ. Агата впервые со всею ясностью видитъ, съ кѣмъ она хотѣла связать свою судьбу. Новое объясненіе съ любимымъ человѣкомъ подготовляется этою драматическою случайностью. И онъ и она узнаютъ о томъ, что безумно любятъ другъ друга, и вмѣсто одного, насильственнаго союза читателю предоставляется угадывать приближеніе другого, свободнаго и прекраснаго.

Тамъ, гдѣ драматургъ ведетъ исторію любви Агаты и Грюнвальда, чувствуется Гауптманъ. Въ изображеніи страданій любви двухъ этихъ существъ, въ боязни Агаты за самое себя, въ горячемъ объясненіи ихъ въ послѣднемъ актѣ — чувствуется именно его душевная чуткость, проникновенность и нѣжность. Все это «отъ драмы», а не отъ комедіи, и потому поэтъ чувствуетъ здѣсь себя на мѣстѣ и хозяиномъ. Первый актъ, въ сущности, даетъ завязку истинно-драматическаго произведенія. Въ заключающихъ актъ словахъ Агаты по адресу Грюнвальда: «онъ не долженъ ни подъ какимъ видомъ явиться сюда» — улавливается настоящая драма въ прошломъ и возможная бурная въ будущемъ драма души, неспособной совладать съ собою.

Можетъ-быть, первоначальное настроеніе, изъ котораго возникла пьеса, было драматическимъ, и лишь потомъ свободное творчество увлекло здѣсь Гауптмана на путь комедіи. Въ этой сторонѣ онъ оказался далеко не на той же высотѣ. Эпизодъ съ мнимой археологической находкой, заинтриговывающій читателя и сводящійся потомъ къ безсодержательной шуткѣ, обѣщаетъ больше, чѣмъ даетъ, и поэтому разочаровываетъ читателя и обманываетъ его ожиданіе. Игра едва ли стоила свѣчъ. Все это понадобилось только для того, чтобы Агата увидѣла Наста «безъ маски», во всей его тупой

надутости и мелкости? Но удалите этотъ эпизодъ, и въ комедіи останется одна драма Грюнвальда и любимой имъ дѣвушки.

Случайность этого, столь рѣшительнаго для пьесы эпизода ничуть не диссонируетъ съ общею ролью случая въ этой комедіи, — что̀, разумѣется, не можетъ быть отнесено къ ея достоинствамъ. Психологическая необходимость—то, что̀ такъ цѣнно для развитія драматической темы,—естественно устраняется этою случайностью. Случай разъединяетъ Агату и Наста, когда, строго говоря, узелъ, стянувшій ихъ, кажется неразрѣшимымъ. Случай сводитъ Агату и Грюнвальда и разрѣшаетъ драму тонами свѣтлой комедіи.

Первый актъ пьесы, заражающій зрителя тревогами Агаты, и послѣдній въ томъ мѣстѣ, гдѣ Гауптманъ чудесно изображаетъ восторгъ любви, «непосильное счастье» двухъ гордыхъ натуръ—лучшія мѣста пьесы. Оба они—изъ драмы, а не изъ комедіи. Весь эпизодъ съ таинственнымъ ящикомъ, этотъ чисто внѣшній эффектъ, настораживающій зрителя и разрѣшающійся пустякомъ,—въ художественномъ отношеніи слабъ и наивенъ.

Стоитъ отмѣтить, что чисто комическія средства Гауптмана сказались здѣсь очень блѣдно. Собственно, смѣшного и забавнаго въ комедіи немного—ни въ положеніяхъ ни въ діалогѣ.

Наиболѣе удавшійся характеръ комедіи—«старшій учитель», Эвальдъ Настъ, этотъ нѣмецкій Иванъ Миронычъ, воплощенная пропись и несноснѣйшій изъ педантовъ, тупорылый кротъ, убѣжденный въ своей непогрѣшимости и не видящій ничего дальше своихъ учебниковъ. Гауптманъ, убѣжденный врагъ формализма, мечтатель о свободѣ вообще и свободѣ школы въ частности, находитъ злыя слова и язвительные штрихи для характеристики этой «безплодной, муміеобразной, маринованной обезьяны третичной формаціи». Онъ вводитъ немножко черезчуръ серьезный для комедіи разговоръ Грюнвальда съ Настомъ о школѣ и ея идеалахъ, о «солнцѣ Гомера», которое должно свѣтить въ гимназіяхъ,—увлекшись желаніемъ столкнуть мертвечину понятій учителя въ футлярѣ, «читающаго Горація во снѣ», съ живымъ мечтателемъ о здоровомъ воспитаніи. Этотъ индѣйскій пѣтухъ, 20 лѣтъ просиживающій надъ «мѣстной исторіей», чтобы въ итогѣ быть одураченнымъ первымъ шутникомъ и первымъ бродяжкой, невольно вызываетъ въ памяти фигуру такого же надутаго и узколобаго представителя казенной мысли въ области правосудія, Вергана изъ «Бобровой шубы». Такимъ Настъ является въ области педагогіи. Въ этой злости и раздраженіи противъ представителей умственной казенщины Гауптманъ напоминаетъ нашего Чехова съ его карикатурами на педагоговъ и чиновниковъ.

Если Эвальдъ—лучшая изъ фигуръ комедіи, то нельзя сказать, чтобы моментъ отверженія его Агатой данъ Гауптманомъ въ совершенствѣ. Онъ мало мотивированъ и развитъ. Конечно, въ самомъ образѣ Наста достаточно данныхъ для того, чтобы Агата чувствовала себя ему чужою. Но если считать достаточнымъ убѣжденіе ея въ его ничтожности, то можно упразднить и вообще необходимость всякаго повода къ ея разрыву.

Въ Грюнвальдѣ довольно удачно оттѣнено мужественное страданіе умнаго, сильнаго и душевно краснваго человѣка, но вся исторія его прошлой «встрѣчи» съ Агатой покрыта туманомъ со всѣмъ поэтическимъ, что̀ тамъ было. Довольно однотонно обрисованы фигуры сестеръ Агаты, какъ неярки и остальные персонажи комедіи.

Въ заключительныхъ сценахъ «Дѣвъ изъ Бишофсберга» звучатъ

рѣзко модернистскіе тона, нѣсколько несродные общему строю комедіи и устанавливающіе родство автора ея съ авторомъ танцующей «Пиппы». Въ особенности это можно видѣть на образѣ послѣдней изъ сестеръ, Людовики, символически воплощающей «радость бытія», подобно Пиппѣ. Самый танецъ ея «при лунѣ» непосредственно вызываетъ въ памяти образъ символической итальянки изъ предшествующей пьесы Гауптмана.

ДѢВЫ ИЗЪ БИШОФСБЕРГА.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢИСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Сабина Рушевей
Адельгейда Рушевей
Агата Рушевей
Людовика Рушевей
} Четыре сестры въ возрастѣ 25, 22, 20 и 15 лѣтъ, дочери купца Бертольда Рушевей.

Густавъ Рушевей
Эмилія Рушевей
} Сестра и братъ покойнаго Бертольда Рушевей; Густавъ—68, Эмилія—60 лѣтъ.

Старшій учитель д-ръ Настъ, пріемный сынъ тетки Эмиліи, 37 лѣтъ.
Фрау Маделонъ фонъ-Гейдеръ, бабушка сестеръ Рушевей.
Рейнгольдъ Кранцъ, женихъ Адельгейды, купецъ, 27 лѣтъ.
Отто Кранцъ, его братъ, 17 лѣтъ, студентъ академіи художествъ въ Мюнхенѣ.
Д-ръ Грюнвальдъ, врачъ, 34 лѣтъ.
Д-ръ Козакевичъ, библіотекарь, 36 лѣтъ, болѣзненный.
Совѣтникъ консисторіи Іоэль, 70 лѣтъ.
Бродяга.
Господинъ.

Четыре сестры Рушевей одѣты одинаково. Время дѣйствія—вторая половина прошлаго столѣтія.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ Бишофсбергѣ, старинной усадьбѣ, расположенной среди виноградниковъ и садовъ на Зале. На заднемъ планѣ, въ глубокой нишѣ въ толстой стѣнѣ, широкое окно въ свинцовой оправѣ. Въ это раскрытое окно, на противоположномъ склонѣ, въ долинѣ, видны башни и крыши стариннаго города. Это—Наумбургъ. По обѣ стороны, въ нишѣ—старинныя кресла, на уступчатомъ возвышеніи изъ того же песчаника, что и полъ; тамъ же прялка. Потолокъ въ комнатѣ—сводчатый. Съ его середины свисаетъ жестяная люстра со свѣчами, подъ нею большой, круглый и тяжелый столъ. На этомъ столѣ, покрытомъ чернымъ съ золотою обшивкою бархатомъ, нѣсколько старинныхъ серебряныхъ сосудовъ и золотой бокалъ съ инкрустаціей. Стѣну налѣво украшаетъ старинный каминъ. По обѣ стороны камина очень старые, почернѣвшіе портреты, изображающіе епископовъ въ облаченіи. У противоположной стѣны—огромный шкапъ въ стилѣ Возрожденія. За каминомъ, и направо, впереди шкапа—по маленькой круглой двери. Въ двухъ креслахъ съ высокими спинками, другъ противъ друга, сидятъ старый г. Рушевей въ деревенскомъ домашнемъ платьѣ и чужой, пожилой господинъ, шляпа, зонтикъ и верхнее платье котораго лежатъ на колѣняхъ. Рушевей—загорѣлый, бородатый, бодрый и жизнерадостный. Господинъ, не очень привлекательной наружности, — въ очкахъ и калошахъ, производитъ впечатлѣніе кабинетнаго ученаго.

Рушевей. Да, да. Вы мнѣ позволите, покуда что, закурить трубку?

Господинъ. Ахъ, мнѣ нечего позволять, г. Рушевей. Я вѣдь пришелъ... весьма почтительно... мнѣ лишь хотѣлось почтительнѣйше и покорнѣйше справиться о здоровьѣ молодыхъ дамъ, у которыхъ, какъ я, къ моему глубокому прискорбію, прочелъ, неумолимая судьба такъ рано отняла отца и мать. Молодыя дамы чувствуютъ себя до извѣстной степени удовлетворительно, если смѣю спросить? Разумѣется, сообразно съ обстоятельствами?

Рушевей. О, да. Моимъ племянницамъ живется довольно сносно.

Господинъ. Да, да, очень тяжелый ударъ. Отецъ и мать, такъ скоро одинъ за другимъ...

Рушевей. Конечно, да. То-есть: въ какой газетѣ это напечатано? Мою бѣдную невѣстку, которая была дѣйствительно слишкомъ добра для этой земли, нашъ Отецъ Небесный взялъ къ Себѣ, собственно, уже пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Братъ Бертольдъ пережилъ ее ровно на четырнадцать лѣтъ. Въ то время я боялся, что онъ и шести мѣсяцевъ не протянетъ. Гдѣ же, собственно, вы познакомились съ моимъ братомъ?

Господинъ. При странныхъ обстоятельствахъ, въ одномъ

антикварномъ магазинѣ въ Амстердамѣ. Я еще очень ясно помню. Это была очень мало подходящая для свѣтскаго знакомства часть еврейскаго города. Но г. Рушевей, какъ онъ мнѣ говорилъ, пріѣзжалъ уже третій разъ и притомъ за какою-то старою скрипкой, которая была у еврея-антикварія.

Рушевей (встаетъ и открываетъ шкапъ). Онъ пріобрѣлъ эту старую скрипку; вотъ она, если это васъ интересуетъ. (Онъ вынимаетъ изъ шкапа запертый футляръ и ставитъ его на столъ). Но прошло уже очень много лѣтъ, какъ Бертольдъ купилъ эту скрипку.

Господинъ. Во время войны 71 года. Вашъ братъ былъ очень веселый господинъ и часто заставлялъ еврея смѣяться; но они долго не сходились въ цѣнѣ.

Рушевей. Знаю, эта скрипка была очень нужна ему. Онъ вбилъ себѣ въ голову, что это была та самая скрипка, которая нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ была украдена у моего покойнаго отца. Нашъ покойный отецъ былъ органистъ, какъ разъ при старомъ Наумбургскомъ соборѣ, и въ свою очередь нашелъ инструментъ не то въ ризницѣ, не то на колокольнѣ, не то въ другомъ святомъ мѣстѣ въ соборѣ для моли, таракановъ и червей, и притомъ въ отдѣльныхъ кускахъ. (Онъ раскрылъ ящикъ и осторожно снялъ со скрипки шелковое покрывало). Сохрани Богъ, какъ бы Люксъ не пришла: а то она выдеретъ дядю за ухо.

Господинъ. Она, конечно,—собственность молодой дамы.

Рушевей. Конечно, ея собственность, и по праву: потому что вторымъ основаніемъ купить скрипку было то, что Люксъ, шести-или семилѣтней дѣвочкой, все распѣвала пѣсенку, гдѣ были слова: «Я такъ была бы рада скрипку получить». Впослѣдствіи она дѣйствительно выучилась хорошо играть.

Господинъ. Фрейлейнъ Люксъ—которая по счету?

Рушевей. Послѣдній птенчикъ. Впрочемъ, достаточно оперившійся.

Господинъ. Могу я предложить одинъ вопросъ, если это не будетъ нескромно съ моей стороны: можно будетъ повидать дамъ, хотя бы на самый короткій драгоцѣнный мигъ?

Рушевей. Не думаю.

Господинъ. Даже въ томъ случаѣ, если есть возможность сообщить имъ кое-что о лицахъ, встрѣчавшихся съ ихъ отцомъ?

Рушевей. Увы! Дѣвушки пугливы, какъ дикіе голуби.

Господинъ. Да, это мнѣ передавали еще въ гостиницѣ въ Наумбургѣ, когда я наводилъ справки объ имѣніи. При-

знаться, мнѣ это непріятно... Надѣюсь, вы поймете мои слова въ прямомъ смыслѣ, если между нами, мужчинами, я скажу, что я—обезпеченный, не безъ частныхъ средствъ человѣкъ, холостой, и кромѣ того ординарный профессоръ классической филологіи въ Деритѣ. Вы, конечно не истолкуете это въ дурную сторону?

Рушевей. Боже упаси. Что могло бы привести меня къ подобному...

Господинъ. Боже упаси! Въ особенности имѣя въ виду, что, какъ сынъ бѣдныхъ родителей, я съ трудомъ добился всего этого желѣзнымъ, неусыпнымъ прилежаніемъ. Да. Такъ вотъ: «Разъ вы профессоръ — отлично,—сказалъ мнѣ бѣдный г. Рушевей въ Амстердамѣ, когда мы вмѣстѣ съ такимъ удовольствіемъ осматривали португальскую синагогу.— Разъ вы профессоръ, пріѣзжайте ко мнѣ. У меня великолѣпный выводокъ фазановъ,—прибавилъ онъ весело.—Они, пожалуй, развеселятъ васъ». Къ сожалѣнію, я упустилъ подходящій мигъ; потому что, ставъ профессоромъ...

Рушевей. Если вамъ угодно, г. профессоръ, то пойдемте теперь въ садъ, и я сейчасъ же провожу васъ въ калитку. А то вѣрхомъ вамъ значительно дальше.

Господинъ. Я вамъ въ высшей степени признателенъ... Но, прежде чѣмъ мнѣ уйти, еще одно слово... Я совершилъ далекое путешествіе... и я не такъ ужъ молодъ... По-вашему, было бы совершенно безполезно... между нами говоря, между честными людьми... Признаться, я имѣлъ въ виду старшую изъ дамъ: мнѣ нуженъ человѣкъ въ болѣе степенномъ возрастѣ... по-вашему, было бы совершенно безполезно тратить впредь время и трудъ...

Рушевей. Совершенно безполезно, безусловно.

(Слышны отрывистые возгласы и тотчасъ же свѣжій, звонкій, какъ колокольчикъ, дѣвичій смѣхъ).

Господинъ (поднимается и низко кланяется). Простите, пожалуйста, если я обезпокоилъ... Тяжелая дорога въ гору, сюда.

Рушевей. Зато назадъ будетъ значительно легче. (Отворяетъ дверцу, пропускаетъ господина впередъ и уходитъ съ нимъ).

(Людовика Рушевей, стройная пятнадцатилѣтняя дѣвочка съ маленькой головой и легкой походкой, является изъ двери возлѣ камина. Замѣтивъ на столѣ скрипку, она вскрикиваетъ и негодуетъ).

Людовика. Что же это значитъ? У кого это, выражаясь мягко, хватило смѣлости взять да вынуть мою скрипку? (Вынимаетъ инструментъ, разсматриваетъ его и кладетъ обратно. Въ это время въ ту же дверь, что и она, входитъ Адельгейда. Людовика кричитъ ей навстрѣчу) Ты трогала мою скрипку?

Адельгейда (взрослая и красивая дѣвушка, съ выразительнымъ лицомъ и почти южнымъ темпераментомъ и огнемъ, отвѣчаетъ вскользь). Но, глупая, откуда ты взяла? А потомъ, спрячься за занавѣску. Дядя опять кого-то спроваживаетъ. (Спрятавшись за занавѣской, выглядываетъ въ окно).

Людовика (становится рядомъ съ сестрой). Господи, точно изъ склепа выскочилъ. Лицо, какъ старый пергаментъ.

Адельгейда. Почти какъ братъ Эвальда Наста; или, по-твоему, красивѣе?

Людовика (содрогаясь). Бррр, Адельгейда, прошу тебя, пощади. (Снова отходитъ къ своей скрипкѣ, запираетъ ящикъ и ставитъ его въ шкапъ).

Адельгейда. Тебѣ не хочется сыграть что-нибудь сейчасъ, милая?

Людовика (мгновенно принимаетъ видъ благословляющаго священника). Избранная дѣва: нѣтъ.

Адельгейда. Но почему же нѣтъ, милочка? Тебѣ еще долгонько ждать.

Людовика. Откровенно говоря, ваши пріобрѣтенія и надежды меня-го, собственно, не ослѣпляютъ. Тебя какъ будутъ звать? Не фрау фонъ-Кранцъ, а будутъ звать просто фрау Кранцъ. Рушевей звучитъ въ десять разъ лучше, и кромѣ того у насъ родословная. Напримѣръ, у ротмистра былъ премилый видъ, когда лейтенанты недавно садились на лошадей... Но Агата слѣпа: она самыхъ прекрасныхъ ногъ не замѣчаетъ. Стало-быть, остается педагогъ Эвальдъ: чѣмъ выходить за него, я бы скорѣе стала швеей.

Адельгейда (странно смущенная). Ишь ты, цыпленокъ. А я еще принесу тебѣ конфетъ.

Людовика. Но скажи теперь по чести, Адельгейда: какая мнѣ, собственно, польза въ томъ, что ты, напримѣръ, скоро выйдешь замужъ? Ну да, я буду танцовать на свадьбѣ. Но послѣ этого сейчасъ же тебя вѣдь теряешь. Или посмотри на Агату... раньше она была обходительна и весела—а послѣ обрученія она сплошь да рядомъ разстроена и нелюдима.

Адельгейда. Развѣ же она вообще-то обручена?

Людовика. Да развѣ иначе Эвальдъ сталъ бы мучить ее такъ? Вы должны видѣть это, онъ же мучитъ ее. Онъ дѣлаетъ ее совершенно больной и тоскливой. Какое мнѣ дѣло до вашихъ жениховъ, разъ они сманиваютъ у человѣка сестеръ. Васъ просто-напросто ужасно жаль: безъ одобренія жениховъ вы ни шагу не ступите. А раньше вы были свободны, какъ вѣтеръ.

Адельгейда (присѣдая). Au contraire! Мы только теперь и стали свободны.

(Дверь возлѣ шкапа осторожно отворяется за спиной дѣвушекъ, и появляется человѣкъ въ изношенныхъ ботинкахъ, въ заплатанномъ платьѣ, съ дубиной и лихо надѣтою шляпой. На немъ большая кожаная сумка. Козлиное лицо покрыто веснушками, впрочемъ, оно не лишено интереса. Рыжеватые волосы и борода. Бродягѣ можетъ быть около 35 лѣтъ).

Бродяга. Позвольте мнѣ предложить одинъ вопросъ.

Адельгейда (испуганно оборачиваясь). Господи! Что вамъ нужно?

Людовика (бросилась къ звонку и сильно позвонила).

Бродяга. Ей-Богу, сударыни, мнѣ больше ничего не нужно. Я позволю себѣ только одинъ вопросъ: какъ мнѣ пройти въ Мерзебургъ?

Адельгейда. Какъ вы сюда попали?

Бродяга. По чести, я и самъ не знаю. Сперва я поднялся по кустамъ, потомъ прошелъ по винограднику, потомъ выбрался на садовую дорожку, потомъ вошелъ въ красивую переднюю, потомъ въ столовую, потомъ поднялся по маленькой лѣстницѣ, и теперь мнѣ хотѣлось бы попасть къ себѣ на родину.

(Адельгейда и Людовика смотрятъ то на страннаго непрошеннаго, то другъ на друга, и наконецъ разражаются сердечнымъ смѣхомъ).

Людовика. Гдѣ же собственно ваша родина? Не въ нашей же столовой.

Бродяга. Никакъ нѣтъ. Моя родина—Узингенъ.

Адельгейда. Тебѣ уже приходилось слышать это имя, Люксъ?

Людовика. Non, mon enfant.

Бродяга. Ce n'est rien que Silesie, mesdames.

Адельгейда. Вы говорите по-французски?

Бродяга. C'est ça. Я провелъ цѣлый годъ въ Алжирѣ: я, собственно, числился въ иностранномъ легіонѣ. Но потомъ мнѣ пришлось сократиться.

Людовика (кричитъ внизъ, въ окно). Вотъ Отто. Отто, иди сюда. У насъ тутъ гость изъ Алжира.

Бродяга. Я могу показать вамъ бумаги. Parole d'honneur, я васъ не обманываю.

(Онъ роется въ своей сумкѣ, которую онъ, не стѣсняясь, кладетъ на столъ.

Въ дверь въ стѣнѣ съ каминомъ входитъ семнадцатилѣтній Отто Кранцъ, братъ жениха Адельгейды. Онъ идеально одѣтъ, въ башмакахъ съ пряжками, съ развѣвающимися концами галстука и длинными волосами).

Людовика (задорно). Позвольте представить васъ, господа: г. Отто Кранцъ, sculpteur du talent de Munich, и..?

Бродяга. Я—урожденный Клемтъ... (Послѣ важнаго поклона) А теперь, пожалуй, я могу перейти къ дѣлу. Вѣдь здѣсь старинный домъ. Еще издали, по высокой крышѣ, поднимавшейся надъ липами, и каштанами, и орѣшникомъ, я видѣлъ, что это—старинный домъ. А такія-то гнѣзда кое-что значатъ для меня: на то я камеръ-егерь по призванію.

Отто (тотчасъ же, громко). Какъ онъ сюда пробрался, проходимецъ?

Бродяга. Проходимецъ? Ну нѣтъ, паренекъ. Тутъ вы ошибаетесь. Я промышляю моимъ ремесломъ, какъ гончая, какъ настоящая ищейка, видите ли. И вотъ я всегда нахожу что-нибудь и дѣйствую безъ промаху.

Отто. Ваше ремесло, очевидно, попрошайничество. Пойдемте. Я вамъ покажу дорогу.

Бродяга. А крысъ и мышей у васъ нѣтъ? Ни мѣдянокъ въ виноградникѣ? Ни жуковъ? И таракановъ нѣтъ? Никакихъ насѣкомыхъ во всемъ домѣ? Ни черныхъ гусаровъ, mesdames?

Отто. Ничего, кромѣ собаки, съ кличкою Швейцарецъ. Довольно злого сенъ-бернара.

Бродяга. Швейцарцы—хорошіе солдаты. Оно точно... Значитъ, ничего нехорошаго. C'est ça, mesdames. (Онъ уходитъ подъ конвоемъ Отто; въ дверяхъ онъ еще разъ оборачивается и плутовато взглядываетъ на золоченые сосуды, украшающіе столъ) Славныя золотыя вещи у васъ. Есть на что полюбоваться старому хапуну. (Уходитъ въ сопровожденіи Отто).

Адельгейда (иронически). Отто совсѣмъ не въ духѣ сегодня. Я думала, этотъ человѣкъ покажется ему забавнымъ.

Людовика. Я помѣшала ему «работать». Онъ рисовалъ или сочинялъ стихи... Твой женихъ тоже сочиняетъ стихи?

Адельгейда (иронически). Къ сожалѣнію, нѣтъ. Отто считаетъ себя геніемъ въ семьѣ.

Людовика. Тогда я бы выбрала Отто.

Адельгейда. Ребенка-то?

Людовика (собираясь уходить, сталкивается въ дверяхъ съ Отто и Сабиной).

Сабина. Вы видѣли? Онъ имѣлъ виды на меня. Каково же мнѣ: опять новое предложеніе. Дядюшка разстроилъ мнѣ уже четыре предложенія. При первой встрѣчѣ я ущипну его за ушко... (Смѣхъ). Вы не знаете, гдѣ Агата?.. Отто, она сегодня утромъ не позировала тебѣ?

Отто. Да. Я лѣлилъ ее какихъ-нибудь полчаса тому назадъ въ домѣ для работниковъ; потомъ почтальонъ пришелъ, что ли. и она вдругъ встала и исчезла.

Сабина. Я искала ее въ саду по меньшей мѣрѣ полчаса.

Адельгейда. Давай денегъ, Сабина, еще посылки принесли.

Сабина. Послушай, твое приданое разоряетъ насъ.

Адельгейда. Мы же опять получимъ наслѣдство отъ бабушки.

Людовика. Возможно, что пришелъ Эвальдъ, и она опять должна переписывать начисто какой-нибудь нелѣпый годовой отчетъ Общества украшенія или другое что-нибудь. Или денежныя дѣла тети Эмиліи, которую онъ держитъ въ когтяхъ.

Сабина. Фу, Людовика, кто говоритъ о когтяхъ. Раньше двѣнадцати онъ вообще не приходитъ, потому что до одиннадцати у него же уроки. (Вполголоса Адельгейдѣ) Я тебѣ должна сказать кое-что потихоньку.

Отто. Пожалуйста, громко, я вамъ не мѣшаю. (Уходитъ).

Сабина. Отто, почему же? Останься, пожалуйста.

Адельгейда (съ любопытствомъ). Оставь его въ покоѣ. Такъ ему и надо.

Сабина. Да дѣло только въ томъ, что докторъ Гронвальдъ со своимъ старымъ другомъ Козакевичемъ находятся въ «Черномъ Конѣ» въ Наумбургѣ.

Людовика (которая съ любопытствомъ подкралась къ нимъ). Кто?

Сабина. Больно ты любопытна.

Адельгейда (въ крайнемъ изумленіи). Да нѣтъ же, Сабина, я тебѣ не вѣрю.

Сабина. Но это не мѣняетъ дѣла. Справься объ этомъ у дяди.

(Она становится на колѣни, открываетъ ящикъ въ шкапу и роется въ немъ).

Адельгейда (ломая руки, въ своего рода юмористическомъ отчаяніи). Но скажите ради Бога, дѣвушки: что же теперь будетъ дѣлать Агата?

Людовика. Но что же случилось?

Адельгейда (Сабинѣ, намекая на Агату). Она-то уже знаетъ?

Сабина. Не думаю. По крайней мѣрѣ, не замѣтно.

Адельгейда. И тогда дядюшка долженъ снова вмѣшаться. Вѣдь все то давно кончено.

Людовика. Послушайте, если вы и дальше будете говорить загадками, то я, собственно, лишняя.

Сабина (весело). Такъ оно и есть. Маршъ, уходи.

Людовика. Ничуть не бывало. Настолько-то я взрослая. И если вы хотите быть мнѣ сестрами, то вы не должны имѣть тайнъ отъ меня.

Адельгейда. Сабина, я тебѣ никогда не повѣрю: ты тутъ опять шутишь. Онъ же въ Америкѣ... неизвѣстно гдѣ; какъ въ воду канулъ и пропалъ.

Сабина. А вотъ теперь вернулся и превесело сидитъ въ «Конѣ» въ Наумбургѣ.

Людовика. Если вы думаете, что я этой исторіи не знаю, то вы жестоко ошиблись.

Сабина. Глупая, какой исторіи?

Людовика. Почему-жъ Агата вѣчно такъ грустна? Потому что она перестала получать отъ него письма.

Сабина (вскользь). Отъ кого?

Людовика. Ну, отъ американца.

Сабина. Ты слышала звонъ, да не знаешь, гдѣ онъ, дѣточка.

Людовика. И потомъ она изъ бѣшенства или чего тамъ еще продала душу школьному учителю.

Сабина. Тсс, милая Люксъ, не говори глупостей. Въ сущности, все это насъ не касается, и нужно каждому предоставить самому спасать свою душу. Впрочемъ, ты уже настолько взрослая, и тебѣ же лучше — ты не находишь, Адельгейда? — знать дѣйствительное положеніе вещей. И тогда ты можешь, пожалуй, избѣжать безтактностей, вмѣсто того, чтобы допускать ихъ по невѣдѣнію. Вѣдь чувствительность Агаты почти вошла въ поговорку.

Адельгейда. Значитъ, правда? Грюнвальдъ въ Наумбургѣ?

Сабина. Онъ спрашивалъ дядю, пріятенъ ли намъ его визитъ.

Адельгейда. А если онъ встрѣтится съ Эвальдомъ?

Сабина. Ну такъ что? Они же образованные люди.

Людовика. Я все еще не пойму.

Сабина. Покажи, что ты на высотѣ своего положенія; Грюнвальдъ—бывшій морской врачъ, о которомъ ты, конечно, уже часто слыхала. Папа во всякомъ случаѣ часто говорилъ о немъ. Между нимъ и Агатой что-то произошло. Они познакомились на морскихъ купальняхъ на Зильтѣ. Одно лѣто, какъ тебѣ извѣстно, папа со мной и Агатой былъ въ Вестерландѣ.

Адельгейда. Смотрите, чтобъ насъ Агата не услышала.

Сабина. Но Эвальдъ можетъ явиться каждую минуту.

Людовика. Значитъ, они были обручены совсѣмъ по-настоящему?

Сабина. И обручены и нѣтъ.

Людовика. Какъ же это?

Адельгейда. Собственно, они были помолвлены, а съ другой стороны, были опять свободны.

Сабина (при чемъ всѣ три все таинственнѣе перешептываются). Милая, ты не замѣчала иногда, что въ душѣ Агата питаетъ нѣкоторую вражду къ покойному папѣ?

Людовика. Ты же знаешь, я бываю даже рѣзка. Я не позволю касаться памяти папы.

Сабина. Да въ сущности Агата этого и не дѣлаетъ. Но въ то время папа сказалъ Грюнвальду, что ему слѣдуетъ помыкаться еще года два-три, и только тогда можетъ быть рѣчь о вопросѣ, на который онъ не могъ отвѣтить ему сейчасъ же.

Людовика. О, горе, милый папа, тогда я пропала!..

Адельгейда. И теперь ты можешь представить себѣ, что̀ пришлось выстрадать Агатѣ. Переписываться папа запретилъ. Словесно они рѣшили: давать вѣсточку по прошествіи каждаго года.

Сабина. Онъ долженъ былъ написать.

Адельгейда. Но онъ не писалъ. Срокъ приближался, а о немъ ни слуху не было. Тогда умеръ папа, и все оставалось безъ перемѣны. Потомъ пришла ея болѣзнь и сватовство Эвальда и происки тети Эмиліи.

Сабина. А теперь Грюнвальдъ вдругъ опять здѣсь и, кто знаетъ, можетъ-быть, появится на первомъ планѣ.

Адельгейда. Сабина, ты же пошутила.

Сабина (пожимая плечами). Такими вещами не шутятъ. Думайте, что̀ хотите, только не проговоритесь.

(Появляется старшій учитель д-ръ Эвальдъ Настъ. Онъ въ сюртукѣ, цилиндрѣ и съ чернымъ галстукомъ, въ блестящихъ, но неуклюжихъ башмакахъ. Сшитое у провинціальнаго портного платье ношено долго, но хорошо сохранилось. На лѣвой рукѣ у Наста лѣтнее пальто, въ той же рукѣ зонтикъ; въ правой—цилиндръ, во рту—окурокъ сигары).

Д-ръ Настъ (выступая, громко, съ сознаніемъ собственнаго достоинства). Доброе утро, дѣвушки, — великолѣпный день! Я прямо отъ зубного врача. Коренной зубъ, три отвратительныхъ корня! Держалъ себя, какъ Муцій Сцевола. Только нужно еще докурить сигару. Табакъ, какъ извѣстно, дезинфицируетъ... (Шутливо, Людовикѣ) Не правда ли, сударыня?

Людовика. И воняетъ, какъ извѣстно.

Д-ръ Настъ. Это всегда зависитъ отъ сигары.

Людовика. Ваши же стоятъ шесть пфенниговъ.

Д-ръ Настъ. Кузенъ и кузина, я прошу говорить *ты*. Не сомнѣваюсь, что есть и лучше. Но по одежкѣ протягивай ножки. Какъ здоровье нашей милой Агаты, хорошо?

Сабина. Я съ ней еще не говорила сегодня.

Д-ръ Настъ. Ну, я скоро увижу ее самъ. Чѣмъ больше я вдумываюсь, тѣмъ забавнѣе мнѣ кажется предстоящая свадьба... У учениковъ сегодня была классная работа, и пока я сидѣлъ на каѳедрѣ, я кое-что придумалъ, что̀ обрадуетъ тебя, милая Адельгейда. Я имѣю въ виду вечеръ въ честь тебя.

Адельгейда. Можешь поразить меня, изволь!

Д-ръ Настъ. Твой маленькій зять, собственно, ловокъ?

Адельгейда. Насколько же, Эвальдъ, онъ долженъ быть ловокъ?

Д-ръ Настъ. Во-первыхъ, мнѣ нуженъ кто-нибудь, кто бы переписалъ начисто мое маленькое стихотвореніе.

Людовика. Переписать ваши стихи? Отто этого не сдѣлаетъ. Онъ слишкомъ гордъ для этого. Онъ самъ пишетъ стихи.

Д-ръ Настъ. Бѣда, коль сапоги начнетъ тачать пирожникъ... Но все же—мы доставимъ ему удовольствіе риѳмовать горе и море, если только это никому не въ обиду; въ концѣ-то концовъ начисто перепишетъ мнѣ Агата, а для него у меня припасено нѣчто другое.

Сабина. Переговори съ нимъ самъ, Эвальдъ.

Д-ръ Настъ. Только не въ присутствіи Адельгейды.

Адельгейда. Мнѣ все равно нужно къ бѣлошвейкамъ. У меня цѣлыхъ три швеи въ домѣ. Если я увижу Отто, я пошлю его сюда.

Д-ръ Настъ. Пожалуйста, если онъ соблаговолитъ.

(Адельгейда уходитъ).

Д-ръ Настъ (продолжая). А то я возьму кого-нибудь изъ моихъ четвертоклассниковъ... Вотъ что̀ еще: вы бы удалили вашего садовника.

Сабина. Почему?

Д-ръ Настъ. А потому, что онъ дерзокъ и неспособенъ. У меня сейчасъ дѣло дошло чуть не до столкновенія съ нимъ.

Сабина. Дядя очень цѣнитъ его.

Д-ръ Настъ. Laissez aller: это — принципъ дяди. А я

вамъ говорю: удалите этого садовника. И вы это сдѣлаете, невзирая на милаго дядю и его вопіющее добродушіе.

Сабина. Что же такое вышло съ садовникомъ?

Д-ръ Настъ. Я долженъ говорить осторожнѣе. (Берется за щеку) Онъ грубъ со мной, и притомъ при всякомъ удобномъ случаѣ. И потомъ онъ положительно дѣлаетъ глупости.

Сабина. Какія?

Д-ръ Настъ. Я называю это глупостью, Сабина, потому что онъ держитъ здѣсь одного парня... хочу сказать, работника въ вашемъ саду... болѣе чѣмъ подозрительнаго субъекта. Парня, который вчера вечеромъ уже напугалъ нашъ Наумбургъ, пока не поднялся во второй этажъ ко мнѣ, гдѣ я ему, какъ слѣдуетъ, прочелъ урокъ. Мнѣ этотъ человѣкъ говорилъ, что онъ, молъ, работаетъ на живодернѣ; а здѣсь садовникъ поручаетъ ему истреблять кротовъ.

Сабина. Ахъ, милый Эвальдъ, въ домѣ же есть рабочіе.

Д-ръ Настъ. Если вамъ угодно дѣлать глупости, то я не допущу. Или дядя прогонитъ его, или я дамъ знать полиціи. Самое лучшее, заодно вылетитъ и садовникъ; потому что стоитъ вамъ отвернуться, онъ васъ надуваетъ.

Сабина. Папа всегда относилъ извѣстную сумму на счетъ надуванія.

Д-ръ Настъ. Это могъ дѣлать папа, а вамъ нельзя. Это значило бы безотчетно хозяйничать. Нельзя выбрасывать деньги въ окно.

Людовика (входя, уходя). А почему бы и не выбрасывать, у кого есть.

Д-ръ Настъ. Охъ! охъ! охъ! охъ! Чортъ возьми! Что касается Люкъ, то тутъ много грѣха. Недостатокъ строгаго и послѣдовательнаго воспитанія мститъ за себя.

Сабина. Но, Эвальдъ, это же простая невинная невѣжливость.

Д-ръ Настъ. Вы мнѣ не вѣрите. Вы мнѣ не вѣрите. Вы предоставляете дѣвочкѣ непозволительно много свободы. Въ этомъ тетя Эмилія совершенно права. Въ одинъ прекрасный день, я вамъ говорю, это должно отмстить за себя.

Сабина. Ахъ! ахъ! Это же звучитъ ужасно.

Д-ръ Настъ. Вы думаете, что вы никому не обязаны отчетомъ, разъ вы независимо живете здѣсь, на горѣ. Вы стоите за свободу и отсутствіе всякихъ путъ; но если вы когда-нибудь услышите, что про васъ въ Наумбургѣ гово-

рятъ, тогда вы увидите, что міръ не спитъ, и что нѣтъ настолько независимыхъ людей, чтобы даже въ самой малой степени безнаказанно грѣшить противъ него.

Сабина. Ай! ай! ай! ай! Что же это значитъ?

Д-ръ Настъ. Милая сестрица, мы не станемъ воевать. Надѣюсь, ты понимаешь меня. Моя славная Агата совершенно моего мнѣнія; и я вижу, что недалеко время, когда и ты, въ сущности, разумъ семьи, сойдешь на среднюю линію отношенія къ жизни. (Входитъ Отто). Теперь же мы посвятимъ себя предварительнымъ обсужденіямъ веселыхъ часовъ... Скажи-ка мнѣ, юный Адонисъ 16-ти весенъ. У меня дѣло къ тебѣ... Ты блѣднѣешь: не пугайся. Тебѣ же не придется склонять mensa! Рѣчь идетъ объ одной шуткѣ.

Отто. Развѣ я безусловно нуженъ при этомъ?

Д-ръ Настъ. Никто, дитя мое, не нуженъ безусловно. Такъ вотъ, слушай, чего я, собственно, хочу. Ты знаешь, что такое шутка?

Отто. Надѣюсь.

Д-ръ Настъ. Я тоже. Стало-быть, мы скоро поладимъ... Я тутъ сочинилъ пьеску, и въ этой пьесѣ только двѣ роли, а третья...

Сабина. Я думаю, всего-то двѣ?

Д-ръ Настъ. А третью, юный другъ, долженъ сыграть ты. Петера-Сквенца Гриффіуса ты не знаешь... и мнѣ лучше пояснить нѣсколько обстоятельнѣе. Этотъ домъ раньше принадлежалъ собору. Собственникомъ былъ соборный капитулъ, и жили въ немъ раньше настоятели, а также епископъ Трота, иногда князья церкви; и гербъ, сохранившійся на каминѣ, заключаетъ вербнаго осла, посохъ и митру. Но дѣло въ одномъослѣ.

Сабина. И Отто долженъ изображать вербнаго осла?

Д-ръ Настъ. Третья очень веселая роль—дѣйствительно безъ словъ и почти сводится къ ослу.

(Сабина на одно мгновеніе смущена, но затѣмъ разражается звонкимъ смѣхомъ. Д-ръ Настъ въ свою очередь сначала смущенъ, и какъ разъ изъ-за вызваннаго имъ же смѣха, во всякомъ случаѣ чувствуетъ нѣкоторую неловкость, но наконецъ присоединяется къ смѣху. Отто явно сдерживаетъ злобу по поводу оскорбленія его достоинства и потомъ спокойно говоритъ).

Отто. Призваніе клоуна, г. учитель, мнѣ не нравится. Но, какъ скульпторъ, я бы охотно взялся вылѣпить съ натуры весьма схожаго осла. Если же понадобится ревъ, то это, можетъ-быть, сдѣлаетъ рабочій.

Д-ръ Настъ. Ахъ. ахъ. ахъ! Значитъ, опять оскорблена

юношеская гордость и тщеславіе. Молодежь нынче совершенно перевелась.

Отто. Тогда это, пожалуй, зависитъ отъ ея наставниковъ.

Д-ръ Настъ. Оставимъ это. Безъ преній. Это не твое дѣло. И мнѣ рѣшительно не подобало бы спорить съ тобою о серьезныхъ вещахъ. Несоотвѣтствіе было бы слишкомъ ощутительно.

Отто. Почему, собственно, вы говорите мнѣ *ты*?

Д-ръ Настъ. Любезнѣйшій, вамъ недостаетъ наивности. Вспомните карнавальныя комедіи. Вспомните мейстера Ганса Сакса. Вспомни старыя живописныя сказки, Ткача изъ «Сна въ лѣтнюю ночь». Чтобы представить осла согласно съ природою, отнюдь не нужно быть длинноухимъ.

Сабина. Милые товарищи по празднеству in spe, не вздумайте ссориться. Рекомендуется оставаться въ хорошемъ настроеніи духа; вѣдь цѣль — хорошее расположеніе духа.

Д-ръ Настъ. Эта гордость, не понимающая шутокъ... напыщенность. Преждевременныя претензіи. Не знаю, что для меня было бы мучительнѣе.

Сабина (обнимаетъ Отто). Пойдемъ, Отто, а милый братецъ пусть отведетъ душу. Сегодня у него, повидимому, раздражительный день. Школьники разозлили его.

Д-ръ Настъ (съ заносчивой веселостью). Ну, нѣтъ, прекрасная сестрица, тутъ ты ошибаешься. Школьничьи проказы не смущаютъ мудреца. Такія вещи не портятъ моего веселаго расположенія духа.

(Сабина и Отто уходятъ).

(Въ дверь въ стѣнѣ со шкапомъ является Агата, красивая, нѣсколько блѣдная, пышная дѣвушка. Свѣтлые, съ гладкимъ проборомъ, волосы окаймляютъ овальное, съ большими глазами, лицо, отмѣченное грустью. Движенія Агаты мягки и безшумны. Ея походка ритмична и какъ бы воздушна. Зябкая, она кутается въ кружевной платокъ).

Агата. Здравствуй, Эвальдъ.

Д-ръ Настъ. Вотъ и ты... Боже мой, что у тебя за видъ?

Агата (оглядываясь на себя). А что? Опять подолъ оборвался?

Д-ръ Настъ. Тебѣ нездоровится, дѣтка?

Агата. Почему же мнѣ быть нездоровой, братъ?

Д-ръ Настъ. Братъ? Что это за слово?

Агата. Это слово относится и къ тебѣ, Эвальдъ.

Д-ръ Настъ. Ну, милая, я отказываюсь. И въ свою

очередь я не хочу называть тебя кузиной... Но скажи мнѣ наконецъ, что̀ съ тобой?

Агата. Въ чемъ дѣло?.. Я не знаю, что̀ тебѣ отвѣтить на это.

Д-ръ Настъ. Ты плакала.

Агата. Я ничуть не плакала, милый Эвальдъ. А если-бъ... Почему же мнѣ и не плакать въ концѣ концовъ?

Д-ръ Настъ. Видишь, я хватаюсь за голову. Никакъ не приду въ себя. Что̀ же съ тобой случилось?

Агата. Ничего. Рѣшительно ничего, Эвальдъ. Ровно ничего. Я только-что гуляла съ дядей Густавомъ...

Д-ръ Настъ. И о чемъ же вы говорили?

Агата. Ни о чемъ. Конечно, ни о чемъ, что̀ могло бы интересовать тебя.

Д-ръ Настъ. Вотъ какъ? И ты думаешь этимъ-то отдѣлаться?

Агата. Ахъ, Эвальдъ, прошу тебя. Ты меня мучишь. Ты долженъ сколько-нибудь оставить меня въ покоѣ.

Д-ръ Настъ. Когда же я нарушалъ твой покой? Если ты теперь не хочешь видѣть меня, Агата, то лишь скажи... Ты имѣешь право на всякую предупредительность, какъ больная и какъ выздоравливающая.

Агата (быстро ходитъ кругомъ). Я больше не больна. И оставь это. Что̀ ты ежедневно напоминаешь мнѣ объ этомъ? Я—такой же человѣкъ, какъ всѣ другіе, и вовсе не требую большей предупредительности.

Д-ръ Настъ. Старое заблужденіе, старая бѣда. Конечно, если мой совѣтъ что-нибудь значитъ для тебя, и будущее, съ которымъ мы торопимся... Я не могу иначе! Мнѣ это больно... я тебя снова прошу! Предпримемъ наконецъ твердое рѣшеніе! Это же положеніе только мучитъ насъ обоихъ.

Агата. Вотъ и опять все этотъ же оборотъ.

Д-ръ Настъ. Да, и вполнѣ сознательный, дѣтка... Я могу ждать, мнѣ не такъ ужъ не терпится, и въ твоемъ характерѣ я не сомнѣваюсь, и то обстоятельство, что ваше положеніе блестяще, больше не вліяетъ на меня. Я невзыскателенъ и свожу концы съ концами. Нѣтъ! Но мы у всѣхъ на языкѣ... Я, собственно, не знаю, чего мы ждемъ... Или, Агата, ты играешь со мной?

Агата. Какъ только, Эвальдъ, ты можешь думать подобное?

Д-ръ Настъ. Ну, хорошо, я, собственно, этого не думаю.

Да, наоборотъ, я твердо увѣренъ. Впередъ же! Не будемъ медлить! Ты молчишь... Вѣчно одно и то же молчаніе, которое ты ставишь какъ стѣну передо мной, когда бы я теперь ни возвращался къ этому вопросу. Я не могу объяснить себѣ это молчаніе.

Агата (послѣ нѣкотораго молчанія). Эвальдъ, тебѣ нужна жена, дѣльная... во всякомъ случаѣ другая. Что же ты хочешь дѣлать съ человѣкомъ, какъ я, живущимъ въ разладѣ съ самимъ собою, такимъ неспособнымъ и столь превратно воспитаннымъ? Повѣрь мнѣ, ты не знаешь меня.

Д-ръ Настъ. Ты страдаешь извѣстнымъ малодушіемъ и больше ничего. Это мое дѣло; я иду на это. Если только ты сколько-нибудь расположена ко мнѣ, то мы съ этимъ справимся. Такъ вотъ, милѣйшая Агата... (Беретъ ея руку) Рѣшайся!

Агата (въ волненіи, пересиливая себя) Въ тѣ дни, Эвальдъ, когда ни одна душа въ мірѣ дѣйствительно не заботилась обо мнѣ, когда я была совершенно разбита тѣлесно и даже душевно, изо всѣхъ людей только ты одинъ и позаботился обо мнѣ. Ты одинъ помогъ мнѣ. Хорошо же: я не останусь у тебя въ долгу... Въ возмѣщеніе, ты возьмешь меня. Да будетъ такъ. За остальное долженъ отвѣчать ты. Но теперь... я прошу тебя еще объ одномъ... тутъ есть человѣкъ... докторъ Грюнвальдъ опять появился... я тебѣ никогда даже не намекала... возможно, что ты самъ смутно слышалъ что-нибудь... онъ не долженъ ни подъ какимъ видомъ явиться сюда. Во всякомъ случаѣ я ни подъ какимъ видомъ не стану съ нимъ встрѣчаться... И ты долженъ защитить меня, чтобъ мнѣ не пришлось нарушить это рѣшеніе.

Д-ръ Настъ. Какъ? Что?.. Ты меня знаешь; я приму всѣ мѣры.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Очень высокая комната, столь же высокія окна которой съ лѣвой стороны снабжены тяжелыми красными камчатными занавѣсками, равно какъ дверь между окнами, ведущая на террасу. Дверь въ глубинѣ, другая— въ стѣнѣ направо. Ковры въ комнатѣ того же темно-краснаго цвѣта. Штукатурка потолка съ живописью и позолотой. Надъ диваномъ, направо, въ тяжелыхъ золотыхъ рамахъ, масляные портреты покойныхъ супруговъ Рушевей во весь ростъ. Диванъ, большой овальный столъ, письменный столъ, кресло, швейный столикъ у одного изъ оконъ, рояль, равно какъ уставленный цвѣтущими растеніями столъ для цвѣтовъ, изъ краснаго дерева, въ стилѣ рококо. Полъ совершенно закрытъ такимъ же темно-краснымъ ковромъ. Подушки на мебели обтянуты темнымъ плюшемъ. Въ углу комнаты, между двумя дверьми, въ видѣ высокой надстройки, поразительный каминъ 17-го вѣка съ прямыми фигурами.

Такое же утро. Солнце проникаетъ въ окна. Китайскія вазы, бездѣлушки, бронза стоятъ всюду кругомъ, и тяжелые золоченые канделябры на мраморныхъ колоннахъ. Хрустальная люстра.

Агата и Людовика, недалеко другъ отъ друга, сидятъ за столомъ, одна за чтеніемъ, другая за шитьемъ.

Агата. Что ты читаешь?

Людовика. Отто, собственно, вовсе не такъ глупъ. Онъ готовитъ къ дѣвичнику Адельгейды театръ китайскихъ тѣней, и вотъ онъ устроилъ здѣсь очень забавную сцену... Что ты все издаешь такіе печальные вздохи?

Агата. Я?

Людовика. А ты совсѣмъ не замѣчаешь этого?

Агата. Сегодня ночью я опять видѣла папу во снѣ.

Людовика. Хорошій сонъ или дурной?

Агата. Ни хорошій ни дурной: странный. Онъ поднимался тамъ, въ виноградникѣ, вдоль старыхъ стѣнъ. Я знала, что онъ умеръ, и ты можешь представить, какъ у меня билось сердце. Я сказала: «папа!» и бросилась къ нему. Но, когда я обнимала его или хотѣла обнять, не могла. Я все чувствовала мучительное сопротивленіе. Я не могла и не могла обнять папы. И когда я съ невыразимою горечью оставила эту попытку и, думаю, съ ужасомъ взглянула на него:—думаю, съ ужасомъ и въ то же время съ вопросомъ!— тогда я услышала, какъ онъ сказалъ мнѣ: «Агата, у тебя отчаяніе въ сердцѣ».

Людовика. Мнѣ снятся только пріятные сны о папѣ.

Агата. Если бы я не желала угодить Адельгейдѣ, я предпочла бы уклониться отъ ея свадебныхъ торжествъ. Я не чета веселымъ людямъ.

Людовика. Но, милая Агата, отчего же?

Агата (быстро). Пожалуйста, Люксъ, тише. Я слышала шаги.

Людовика. Такъ, я въ бѣшенствѣ. Я въ бѣшенствѣ, говорю тебѣ.

Агата. Нѣтъ, нѣтъ, не надо. Я ошиблась. Или это былъ садовникъ.

Людовика. Конечно, нѣтъ: козелъ въ увеселительномъ саду.

Агата. Что ты хочешь сказать?

Людовика. Такъ, ради краснаго словца. Ахъ, милая Агата, я такъ люблю тебя. Я такъ обожала тебя всегда. Ты всегда была самая красивая изъ насъ. Отто говоритъ, ты была настоящая красавица. И какъ мы смѣялись иногда и неимовѣрно веселились. А теперь ты, какъ восковая фигура: не смѣешься, почти не говоришь, видишь дурные сны и мрачна. Радуйся же! Веселись! Мы же всѣ веселимся и радуемся.

Агата. Это меня ничуть не удивляетъ, но я-то, къ сожалѣнію, не могу. А иногда меня даже удивляетъ... И какъ разъ радость, праздность... И тогда мною всегда овладѣваетъ чувство страха. Страха, доходящаго порою до сердечной боли.

Людовика. А ты сказала это своему врачу?

Агата. Ахъ, оставьте меня въ покоѣ съ врачами. Избѣгать всего, что любитъ человѣкъ. Пить желѣзо и молоко, ведрами.

Людовика. Тебѣ слѣдовало бы пить кульмбахское пиво.

Агата (развеселясь, смѣется, потомъ продолжаетъ). А бабушка вылѣзла изъ-подъ перинъ?

Людовика. Она уже три четверти часа тому назадъ позавтракала. Я говорю тебѣ: старуха путешествуетъ. Пришли двѣнадцать огромныхъ сундуковъ.

(Въ двери на террасу появляется д-ръ Настъ, одѣтый, какъ въ первомъ дѣйствіи, въ очень веселомъ расположеніи духа).

Д-ръ Настъ. Здравствуйте, красавицы... О чемъ это такъ горячо говорятъ молодыя дѣвушки?

Агата. Мы только-что говорили о бабушкѣ

Д-ръ Настъ. Она въ самомъ дѣлѣ совершила далекое путешествіе?

Агата. Она пріѣхала вчера вечеромъ.

Д-ръ Настъ. Въ такомъ случаѣ Адельгейда и ея женихъ могутъ говорить о счастьѣ. Это подчеркиваетъ ихъ союзъ. Вашего дяди врядъ ли было бы достаточно для этого. (Людовика поднимается и хочетъ уходить).

Д-ръ Настъ. Останься же; я опять выживаю тебя, дитя?

Вчера вечеромъ я именно выжилъ ее. Она играла на скрипкѣ тамъ, въ виноградникѣ, въ маленькой часовнѣ, а тамъ какъ разъ рядомъ старая башня и старый, разрушенный водопроводъ, съ подземнымъ ходомъ. Ко мнѣ приходилъ старый школьный товарищъ, историкъ искусства Остерманъ: человѣкъ съ глубокою эрудиціей, которому, какъ спеціалисту, я показалъ ваши въ высшей степени интересныя развалины. И при этомъ, въ пылу изслѣдованія, мы, двое ученыхъ, заговорили слишкомъ громко, такъ что фея со скрипкой, какъ мнѣ показалось, ушла изъ своего домика съ нѣкоторымъ негодованіемъ.

Людовика. Вообще теперь здѣсь въ домѣ стало ужасно: куда ни придешь, всюду чувствуешь себя лишней. (Уходитъ).

Д-ръ Настъ (весело засмѣявшись) Остерманъ еще холостой; и я могу тебя увѣрить, что онъ очень заинтересовался появленіемъ быстро промелькнувшей Люксъ... Впрочемъ, покончимъ съ ближайшимъ. Голубка моя, дѣло улажено. И впредь тебѣ нечего больше безпокоиться. (Агата поникаетъ надъ своимъ шитьемъ). Я пошелъ кратчайшимъ путемъ. Разумѣется, не нарушая формы. Я взялъ быка за рога, т.-е. вчера же, когда я получилъ отъ тебя порученіе и послѣ обѣда вернулся въ Наумбургъ, я просто-напросто отправился къ обоимъ господамъ, д-ру Грюнвальду и д-ру Козакевичу, въ гостиницу. Долженъ сказать, что они были сговорчивы и разсудительны и произвели впечатлѣніе джентльменовъ, вполнѣ оцѣнившихъ положеніе вещей. Мы разстались дружески и въ полномъ согласіи.

Агата (не взглядывая на него). Что же ты имъ сказалъ?

Д-ръ Настъ. Разумѣется, что подсказывало мгновеніе. Подробностей не помню. Что вашъ отецъ умеръ, они уже знали. Я сказалъ, что въ настоящее время въ домѣ большая смута, и многія обстоятельства, такъ сказать, измѣнились кореннымъ образомъ. Разумѣется, я особенно подчеркнулъ слово *коренныхъ*, и это произвело должное впечатлѣніе. Я далъ, разумѣется, съ большимъ тактомъ, вскользь понять, что встрѣча при настоящемъ положеніи дѣлъ была бы мучительна и что во всякомъ случаѣ необходимо избѣжать ея.

Агата. Такъ, и что же они отвѣтили?

Д-ръ Настъ. Само собою разумѣется, весьма корректно. Что они, собственно, явились сюда просто съ цѣлью осмотрѣть великолѣпную скульптуру Вексельбурга въ нашемъ соборѣ. Вообще же онъ, повидимому, весь ушелъ въ антропологію. Кругомъ висѣло множество рисунковъ. Я видѣлъ

подлинный негритянскій черепъ и человѣкообразную обезьяну; и такъ какъ онъ придавалъ этому достаточное значеніе и, казалось, интересовался моей головой, я почти позволилъ ему сдѣлать нѣсколько измѣреній... Но, Агата, теперь я особенно претендую на доказательство твоего довѣрія. Почему появленіе доктора Грюнвальда столь явно взволновало тебя? На какомъ основаніи ты боишься его?

Агата. Я никого не боюсь, кромѣ себя, милый Эвальдъ.

Д-ръ Настъ. Этотъ отвѣтъ, милая, нѣсколько неясенъ. Нельзя ли тебѣ быть нѣсколько яснѣе?

Агата. Къ сожалѣнію, во мнѣ все совершенно неясно.

Д-ръ Настъ. Я требую отъ тебя, Агата, только того, на что даютъ мнѣ право мои отношенія къ тебѣ. У тебя не должно быть тайнъ передо мною.

Агата (медленно качаетъ головой). Немыслимо! Я не могу, милый Эвальдъ.

Д-ръ Настъ. Стало-быть? Агата, ты не хочешь сказать мнѣ, что тамъ случилось на морскихъ купаньяхъ? Ты думаешь, я не зналъ, что все это тяготѣло надо мной? Ты думаешь, я ничего не зналъ объ этомъ?

Агата. Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ же постаралась тетя Эмилія.

Д-ръ Настъ. Тетя Эмилія не обмолвилась ни словомъ. Значитъ, ты въ самомъ дѣлѣ не хочешь быть откровенной?

Агата (вынимаетъ письмо, которое она носила на груди). Я могу, пожалуй, дать тебѣ вотъ это письмо. Но оно не больше объяснитъ тебѣ. Прочти. Въ концѣ-то концовъ рѣшительно все равно.

Д-ръ Настъ (прежде чѣмъ читать). Постой, мнѣ еще кое-что вспомнилось, дѣтка. Я говорю только для порядка. Когда будешь бесѣдовать съ Сабиной: я уплатилъ за нее двѣ марки почтальону. А если она и забудетъ, — ничего... (Читаетъ). Старыя слова. Обыкновенный герой на словахъ. Не очень опредѣленный въ своихъ намѣреніяхъ.

Агата (встаетъ и все больше и больше краснѣетъ) Нѣтъ, Эвальдъ... оставь... я этого не переношу. (Уходитъ).

Д-ръ Настъ. Агата, что же я опять надѣлалъ. (Одинъ) Вѣчно эта проклятая, смѣшная чувствительность. (Возбужденный, онъ нѣсколько разъ ходитъ взадъ и впередъ).

(Г-нъ Рушевей приводитъ д-ра Грюнвальда и д-ра Козакевича).

Рушевей. Милости прошу, господа, войдите сюда.

(Они, очевидно, были увлечены оживленнымъ разговоромъ и входятъ въ комнату смѣясь, при чемъ веселое настроеніе д-ра Грюнвальда кажется нѣсколько дѣланнымъ. Какъ д-ръ Козакевичъ, такъ и онъ безу-

корнзненно одѣты: цилиндры, сюртуки. Д-ръ Грюнвальдъ: стройный, живой, загорѣлый, со свѣтлыми усами. Д-ръ Козакевичъ: нѣмецкій полякъ. Онъ носитъ очки съ круглыми стеклами. Преобладающее выраженіе его лица—тонкая иронія).

Д-ръ Козакевичъ (оживленно, только съ легкимъ польскимъ акцентомъ). Удивительно, какъ г. Рушевей во всемъ похожъ на своего покойнаго брата.

Рушевей. А вотъ и Эвальдъ. Позвольте васъ представить...

Д-ръ Козакевичъ. Въ смѣхѣ, въ каждомъ движеніи, въ словахъ.

Рушевей. Такъ вотъ: старшій учитель, докторъ Настъ. Докторъ Грюнвальдъ. Докторъ Козакевичъ. Старые друзья моего покойнаго брата Бертольда Рушевей.

(Д-ръ Настъ, крайне пораженный, дѣлаетъ натянутый и холодный поклонъ, при чемъ онъ не можетъ скрыть своего изумленія, даже своего негодованія. Грюнвальдъ кланяется очень серьезно и смотритъ ему въ глаза спокойнымъ и рѣшительнымъ взглядомъ. На губахъ поляка во время молчаливаго поклона дрожитъ подавленная веселость).

Д-ръ Настъ (съ удареніемъ). Меня удивляетъ, господа, что вы здѣсь.

Рушевей. Да вы, господа, повидимому, знакомы.

Д-ръ Настъ. То-есть... я имѣлъ удовольствіе познакомиться лишь мелькомъ.

Д-ръ Козакевичъ. Вы изволили быть съ какимъ-то господиномъ въ соборѣ. Съ несомнѣннымъ нѣмецкимъ профессоромъ. Мы какъ разъ подымались на хоры.

Д-ръ Настъ. Совершенно вѣрно.

Д-ръ Козакевичъ. Я причисляю пластику въ соборѣ къ самымъ поразительнымъ вещамъ. Я не видѣлъ ничего чище по замыслу, даже въ пресловутой Италіи. И, признаться, непостижимо, что нѣмцы не совершаютъ паломничества къ этимъ остаткамъ почти эллински-радостной культуры, какъ къ животворящему источнику. А что въ особенности поразительно, это то, что, какъ мнѣ извѣстно, даже Гёте не зналъ и не оцѣнилъ этого столь близкаго ему чуда совершеннѣйшей красоты.

Д-ръ Настъ. Я затрудняюсь высказать мое мнѣніе на этотъ счетъ.

Д-ръ Козакевичъ. Когда изъ заколдованнаго круга этихъ высокихъ хоровъ случайно попадаешь въ городскую жизнь вокругъ собора, то испытываешь... испытываешь своего рода смущеніе: такъ пусто, такъ ничтожно все кругомъ. Какъ бы проклято и осуждено на непоправимое уродство.

Д-ръ Настъ. На это мнѣ слѣдовало бы возразить вамъ, не будь я далекъ отъ намѣренія и охоты вмѣшиваться въ этотъ разговоръ.

Рушевей. Для меня, господа, куклы въ соборѣ... я готовъ почти сказать: живые люди. Настолько день изо дня мы сжились съ ними. У нашего отца было богатое воображеніе. Какъ вамъ извѣстно, онъ былъ органистомъ при соборѣ. Онъ всегда утверждалъ, что почти никогда не игралъ своихъ фугъ на высокихъ хорахъ прихожанамъ, но дамамъ и господамъ изъ песчаника.

Д-ръ Козакевичъ. Это очаровательно и мнѣ очень понятно. Я могу сказать о себѣ: мнѣ хотѣлось жить въ тѣ времена, когда художники сажали эти изящныя, фіолетовыя римскія колонки на ихъ стержни, вокругъ витой лѣстницы на хоры. Способъ, какимъ круглое подножіе колонны посажено на четырехугольный цоколь, въ высшей степени восхитителенъ.

Рушевей. Да, сегодня этого никому не сдѣлать. Братъ Бертольдъ... Вамъ тутъ угодно было найти сходство между моимъ братомъ и мною. Это былъ совсѣмъ другой человѣкъ. Братъ Бертольдъ думалъ совсѣмъ, какъ мой отецъ. Онъ родился на свѣтъ съ опозданіемъ лѣтъ на 600. И его тайной и упорной мечтой было, такъ сказать, снова оживить сколько-нибудь духъ того времени, по крайней мѣрѣ, для самого себя и въ маленькомъ кругу.

Д-ръ Козакевичъ. И это ему удалось, какъ мнѣ кажется.

Рушевей. Удалось, какъ въ большинствѣ случаевъ удается въ жизни. Да. То да се осуществляется, иное совершенно неисполнимое на видъ желаніе сбывается—какъ покупка этого стараго имѣнія Бертольдомъ. И опять-таки это не то, къ чему стремился человѣкъ, во всякомъ случаѣ не совсѣмъ то.

Д-ръ Козакевичъ. Алканіе остается алканіемъ, какъ я представляю, а дѣйствительность—всегда нѣчто другое.

Рушевей. У Бертольда на самомъ дѣлѣ была счастливая рука. За что онъ принимался, какъ купецъ, то ему и удавалось и приносило и почести и деньги. Его духъ былъ преданъ веселому наслажденію до самаго конца и былъ всецѣло склоненъ къ культу радости.

Д-ръ Козакевичъ. Такою, исполненною радостнаго наслажденія въ благородномъ смыслѣ, я всегда и представлялъ себѣ домашнюю жизнь этого незабвеннаго человѣка.

Рушевей. Угрюмость казалась ему преступленіемъ.

Д-ръ Настъ. Простите, дядя: въ такомъ случаѣ я нахожусь въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ вашимъ мнѣніемъ. Дядя Бертольдъ врядъ ли унаслѣдовалъ эксцентричный характеръ органиста. По натурѣ онъ былъ практикъ.

Рушевей. Двѣ души жили въ груди Бертольда. Но ты въ этомъ ничего не смыслишь.

Д-ръ Настъ. Вы думаете? По-моему, вы ошибаетесь, дядя. Мнѣ только одному хотѣлось бы помѣшать: чтобы эти господа составили не совсѣмъ ясное понятіе о духѣ этого дома, который покуда-что есть духъ печали по его основателѣ.

Рушевей. Ну, говори же прямо, мой милый Эвальдъ.

Д-ръ Настъ. Боже упаси! Я не могу вмѣшиваться въ права г. опекуна.

Рушевей. Вмѣшивайся, пожалуйста, въ дѣла опекуна. Онъ въ свою очередь не будетъ стѣсняться, въ случаѣ надобности, помѣшать помѣхѣ.

Д-ръ Настъ. Значитъ, игра словъ, дядя Рушевей.

(Оживленная и, повидимому, очень обрадованная, въ дверяхъ въ глубинѣ появляется Сабина со связкой ключей за поясомъ. Она тотчасъ же подходитъ къ д-ру Грюнвальду и протягиваетъ ему руку).

Сабина. Я не вѣрю своимъ глазамъ... Гости... Только-что пришли гости,—сказалъ мнѣ мой маленькій зять Отто... Но кто же могъ бы подумать? Вѣдь не вѣрятъ въ примѣты и чудеса.

Д-ръ Грюнвальдъ (очень взволнованный и блѣдный). Значитъ, мы являемся крайне некстати?

Сабина (совершенно спокойная на видъ). Но почему же? Видитъ Богъ, нѣтъ! Когда вы собственно пріѣхали? Гдѣ живете? Откуда вы?

Д-ръ Грюнвальдъ. Я издалека, фрейлейнъ, такъ сказать, изъ Южной Америки, а теперь мы живемъ въ «Конѣ», въ Наумбургѣ, мой старый другъ д-ръ Козакевичъ и я.

Сабина. Вы живете въ «Конѣ», это же очень удивительно. И гдѣ же вы пропадали, г. докторъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы въ послѣдній разъ махали вамъ платкомъ на мосту?

Д-ръ Козакевичъ. Очень вамъ благодаренъ, фрейлейнъ. Къ сожалѣнію, въ очень сладкомъ мѣстѣ.

Сабина (смѣясь). Все такой же! Развѣ это отвѣтъ?

Д-ръ Козакевичъ. Къ сожалѣнію, это—правда, и больше ничего. Взгляните на моего друга д-ра Грюнвальда, онъ похожъ на Южную Америку; и моя наружность подтверждаетъ то, что я вамъ сказалъ.

обоихъ. (Она дѣлаетъ знакъ Грюнвальду и Козакевичу слѣдовать за собой и, въ сопровожденіи ихъ обоихъ, уходитъ въ ту же дверь, въ которую вошла. Рушевей достаетъ свою трубку и набиваетъ ее. Настъ, съ возрастающимъ возбужденіемъ, ходитъ взадъ и впередъ).

Д-ръ Настъ (останавливаясь съ какой-то книгой). Признаться, я пораженъ.

Рушевей (въ легкомъ испугѣ). Гм! Ты пугаешь народъ, милый Эвальдъ.

Д-ръ Настъ. И это... Вы, дядя, терпите это?

Рушевей. Ну, опять что-нибудь не ладно?

Д-ръ Настъ. Мое слово ничего не значитъ въ этомъ домѣ. Мои неусыпныя заботы о благѣ дѣвушекъ и объ ихъ уваженіи въ этомъ домѣ не признаются. Я могу совѣтовать и предупреждать, сколько хочу, и все же дѣлаются глупость за глупостью.

Рушевей. Послушай, выпей сельтерской воды.

Д-ръ Настъ. Такъ-то, дядя, вы отъ меня не отдѣлаетесь. Вы мнѣ должны прямо отвѣтить на вопросъ: какъ эти господа... по какому праву... какъ они могли переступить порогъ этого дома? Это противорѣчитъ правиламъ приличія, нравственности, всякой благопристойности и желанію самихъ дѣвушекъ.

Рушевей. Да ты бы посмотрѣлъ на меня. Въ самомъ дѣлѣ это похоже на меня, Эвальдъ. Скажи, сколько же мнѣ лѣтъ, по-твоему? Я далекъ отъ желанія оскорблять тебя: твой дѣльный нравъ... и что̀ тамъ еще! Твое стараніе. Твое поведеніе. Вся твоя служебная жизнь, на мой взглядъ, образцова, но ты не долженъ допускать подобныхъ выходокъ. Этихъ господъ, которыхъ ты видѣлъ, изволь считать за моихъ гостей, потому что они пришли по моей настоятельной просьбѣ.

Д-ръ Настъ. А вы не спрашиваете, какъ Агата отнесется къ этому?

Рушевей. Нѣтъ. Потому что она еще несовершеннолѣтняя, и въ данномъ случаѣ у меня свои соображенія. (Онъ закурилъ трубку и уходитъ въ дверь на веранду).

Д-ръ Настъ (одинъ). Такъ, такъ... (Машинально, вполголоса) Ну, такъ-то знаешь, какъ и что̀... Я дался-таки въ обманъ... Нѣтъ, нѣтъ, тетя Эмилія, ты права... На дядю тутъ нечего разсчитывать... Будь, что̀ будетъ... Дѣйствительно, ты была права, тетя Эмилія... Мнѣ бы только тебѣ... въ самомъ дѣлѣ, тетя Эмилія!.. И пусть, тетя Эмилія, ты только потерпи!.. (Д-ръ Настъ сѣлъ такъ, и притомъ въ поль-

оборота къ столу, что его спина обращена къ двери на террасу. Съ безпокойнымъ шопотомъ, онъ барабанитъ пальцами по столу или, по обыкновенію, по своей, нѣсколько просѣчивающей макушкѣ.

Незамѣтно снова появляется БРОДЯГА, приходившій уже въ первомъ дѣйствіи. Въ сравненіи съ прежнимъ, онъ нѣсколько измѣнился, обнаруживая повышенную шутливую аффектацію. Войдя, онъ засовываетъ два пальца между верхними пуговицами жилета, принимая важную на его взглядъ осанку, и косо смотритъ на потолокъ. Такъ какъ учитель нѣкоторое время не замѣчаетъ его, то, не мѣняя позы, онъ кашляетъ, при чемъ перепуганный д-ръ Настъ поворачивается къ нему).

Д-ръ Настъ. Человѣкъ... что это?.. Что вамъ здѣсь нужно?.. Проваливайте, сію же минуту... Поняли?.. Или вы глухи?.. Ну, тогда другіе похлопочутъ о васъ!.. (Идетъ къ звонку).

БРОДЯГА (распарживаясь, отвѣшиваетъ д-ру Насту глубокій поклонъ и тотчасъ же принимаетъ прежнюю неподвижную позу).

Д-ръ Настъ. Теперь-то я узнаю васъ, любезнѣйшій. Третьяго-дня вы напугали весь Наумбургъ. Вы тамъ косточто выдумали, чтобы выманивать деньги у робкихъ людей; вы сказали, вы, молъ, палачъ. На меня, дружокъ, это не произвело никакого впечатлѣнія; и здѣсь вы не туда попали.

БРОДЯГА (снова отвѣшиваетъ низкій поклонъ и принимаетъ прежнее положеніе).

Д-ръ Настъ. Мнѣ некогда, добрѣйшій. Палача здѣсь не требуется; или въ чемъ тамъ ваше призваніе?.. Я принципіально не подаю ни пфеннига.

БРОДЯГА (неподвиженъ).

Д-ръ Настъ. Ну, не выводите меня изъ терпѣнія. Эй, вы, я сейчасъ велю запрятать васъ... Я...

БРОДЯГА (съ поразительной неожиданностью, очень оживленно, очень сердечно). Нѣтъ, видите ли, мы останемся при своемъ. Мы останемся при своемъ... Все шагъ за шагомъ. Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ!.. Важное дѣло, сударь.

Д-ръ Настъ (изумленно, со вниманіемъ). Въ чемъ же дѣло? Васъ кто-нибудь послалъ?

БРОДЯГА (какъ выше). Тамъ видно будетъ, кто меня послалъ. Дѣло-то важное, сударь... Я, видите ли, самъ себѣ хозяинъ. Меня никто не посылаетъ. Меня нельзя посылать. Меня-то и король не пошлетъ.

Д-ръ Настъ. Какъ васъ зовутъ и кто вы?

БРОДЯГА (напыщенно). Я человѣкъ, понимающій жизнь.

Д-ръ Настъ. Вы не лишены юмора, дружокъ, но съ меня довольно этого.

Бродяга (предостерегающе). Не отсылайте меня, г. профессоръ.

Д-ръ Настъ. Откуда вы знаете, что я профессоръ?

Бродяга. Откуда знаю? Этого нельзя не знать.

Д-ръ Настъ. Покуда что̀, я ничего не понимаю.

Бродяга. Потому что... Слушайте хорошенько, что̀ я вамъ скажу!.. Потому что я... говорю чистѣйшую правду... потому что я... узна̀ютъ ли это другіе?.. я знаю мѣсто... знаю тайну...

Д-ръ Настъ (повидимому, вдругъ начинаетъ думать, что передъ нимъ сумасшедшій, и ищетъ кругомъ помощи). Конечно, я допускаю, что это вполнѣ возможно! Но я не люблю тайнъ.

Бродяга. Что̀ вы говорили про водопроводный ходъ?

Д-ръ Настъ. Я говорилъ о водопроводномъ ходѣ?

Бродяга. Что̀ знаю, то̀ знаю! Я слышалъ!.. Я былъ тамъ внутри горы. Я тоже слышалъ желѣзнаго пса. Онъ выл̀ъ, и я выл̀ъ. Мы оба выли. Потому что я, видите ли, умѣю собакой лаять.

Д-ръ Настъ. И отъ этого, милѣйшій, я могу отказаться.

Бродяга. Отъ этого, пожалуй, но отъ этого—нѣтъ. (Онъ вынулъ изъ кармана часть четокъ съ романскимъ маленькимъ распятіемъ изъ слоновой кости и держитъ ее передъ Настомъ).

Д-ръ Настъ (заинтересованный, не выходя изъ-за стула). Что̀ это такое?.. Что̀ это у васъ?

Бродяга. Это не краденое. Это найдено... Отгадайте, гдѣ это найдено?

Д-ръ Настъ. Покажите-ка мнѣ вещь.

Бродяга. Стойте. Не торопитесь. Не вздумайте прикарманить.

Д-ръ Настъ. Давайте же, полно дурачиться. Я вамъ не товарищъ. (Беретъ и разсматриваетъ крестъ) Старинное издѣліе изъ чистой слоновой кости. Гдѣ вы его раздобыли?

Бродяга. Все вышло естественнымъ путемъ, и съ чортомъ я не путаюсь. Я это могу и, значитъ, могу!—и больше ничего. Творю молитву, поворачиваюсь кругомъ, дважды, трижды плюю въ ладонь, растираю, потомъ иду и — разъ, два, три. И что-нибудь нахожу.

Д-ръ Настъ (изумленно смотритъ то на бродягу, то на распятіе въ рукѣ, качая головой и задумываясь). Такъ или иначе, вы мнѣ это покажите... Пока же у меня свои соображенія... Совсѣмъ неправдоподобно, чтобы такую вещь, какъ эта, можно было найти въ предѣлахъ нашего владѣнія.

Бродяга. Да, вѣрно, г. коммерціи совѣтникъ.

Д-ръ Настъ. И сколько же вы хотите за нее?

Бродяга. Ничего, крестика я не продамъ.

Д-ръ Настъ. Вотъ какъ?.. И это ваше твердое рѣшеніе? Это мѣняетъ дѣло. Кажись, васъ снялъ на время садовникъ, насколько я слышалъ. Вы должны истребить мышей и крысъ?..

Бродяга. Я очень помогаю и отъ насѣкомыхъ.

Д-ръ Настъ. Ну, разъ это дѣйствительно такъ и вы здѣсь бродите Богъ вѣсть гдѣ: въ виноградникѣ, по погребамъ, по чердакамъ, то, безъ особой прозорливости, напрашивается подозрѣніе, что эта вещь либо уже находится въ дѣйствительномъ владѣніи этого дома, либо найдена на этой землѣ и право собственности на нее принадлежитъ владѣльцу. Но я не хочу поступать по всей строгости и спрашиваю васъ вторично: хотите продать этотъ крестикъ?

Бродяга. Подарить—да! Продать—нѣтъ!

Д-ръ Настъ. Что? Я долженъ взять у васъ что-нибудь въ подарокъ?

Бродяга. Вы тоже можете подарить мнѣ что-нибудь за это.

Д-ръ Настъ. Хорошо. Въ такомъ случаѣ мы заключимъ договоръ... Такъ вотъ слушайте и поймите меня: вы отведете меня на то мѣсто, только по чести,—гдѣ вы нашли вещь. Я же...

Бродяга. Въ отверстіи стараго колодца.

Д-ръ Настъ. Въ старой цистернѣ на горѣ?

Бродяга. У башни, въ старой цистернѣ, я же вамъ уже раньше сказывалъ.

Д-ръ Настъ. Ахъ, теперь я понимаю. Вѣроятно, вчера вы подслушали насъ, вашего покорнаго слугу и другого профессора. Цистерна, конечно! И башня, конечно, которую мы подвергли изслѣдованію, какъ и все это заброшенное великолѣпіе. И я сказалъ: съ чутьемъ и пониманіемъ тамъ возможна не одна славная находка.

Бродяга. Точно! Такъ оно и было! И вы правы. За это я возьму у васъ на ужинъ, г. профессоръ.

Д-ръ Настъ. Вотъ три марки.

Бродяга. Лучше шесть.

Д-ръ Настъ. На-те пять, но я требую отъ васъ полнаго молчанія... Поняли?.. Вы слышите?.. Потомъ приходите завтра въ шесть вечера, и мы оба, только мы, взберемся еще разъ на старыя развалины. Мы встрѣтимся внизу, у

домика садовника... Вы согласны?.. Вы поняли меня?.. Боже мой, что же вы не отвѣчаете?

Бродяга. Теперь вы увидите, умѣю ли я молчать?

Д-ръ Настъ. Стало-быть, рѣшено, а теперь — проваливайте!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та же комната, что и во второмъ дѣйствіи, на слѣдующій день вечеромъ. Д-ръ Козакевичъ сидитъ у рояля. Людовика, со скрипкой, стоитъ у пюпитра.

Д-ръ Козакевичъ. Ну, вы исполнили это дѣйствительно прекрасно. Тонъ этой старой скрипки звучитъ неописуемо. Она сіяетъ! Порою у меня было ощущеніе какого-то испускающаго черные лучи тепла, порою же чего-то золотисто-огненнаго, мягкаго. А ваша игра, дорогая... да, когда рѣчь идетъ о тонѣ... сколько, собственно, приходится на долю инструмента и сколько—на долю играющаго? Они должны быть достойны одинъ другого. А это, милѣйшая фрейлейнъ Люксъ — поздравляю васъ! — въ безусловной мѣрѣ имѣетъ мѣсто здѣсь.

Людовика. Когда дѣдушка игралъ на скрипкѣ въ соборѣ, то всегда былъ праздникъ. Ея тонъ проникаетъ невѣроятно далеко; онъ долженъ былъ поразительно раздаваться даже въ самой отдаленной части большой церкви. Еще и теперь живъ въ Наумбургѣ одинъ нашъ старый далекій родственникъ, заслуженный пасторъ. Ему уже лѣтъ за девяносто, и онъ уже пережилъ троихъ своихъ преемниковъ. Онъ плачетъ, вспоминая времена, когда еще нашъ дѣдъ игралъ на этой скрипкѣ.

Д-ръ Козакевичъ. Совершенно достовѣрно, что это та же скрипка?

Людовика. Разумѣется. Одинъ кусочекъ вставленъ здѣсь въ шейку, а другая починка, исполненная еще самимъ Страдиваріусомъ, какъ видите, находится вотъ здѣсь, на спинкѣ. Папа самъ игрывалъ на этой скрипкѣ и сейчасъ же узналъ инструментъ у антикварія.

Д-ръ Козакевичъ. Эта романтическая исторія объ украденной скрипкѣ, право, могла бы принадлежать перу Гофмана. Скрипкѣ, самой по себѣ, присуще нѣчто мистиче-

ское: старая коробка, обтянутая поющими бараньими кишками, таящая въ груди столь непостижимо божественную душу. Но эту благородную фамильную вещь вашъ дѣдушка любилъ, какъ родную дочь—вѣдь онъ, право, изъ разрушенія вызвалъ ее снова къ жизни... Какъ по родной дочери, онъ тосковалъ по ней и искалъ ее. И наконецъ сыномъ этого человѣка она вторично извлечена на свѣтъ Божій изъ гроба стараго чулана въ Амстердамѣ.

Людовика. Уже дѣдушка ѣздилъ за этой скрипкой, а потомъ папа. Они хотѣли напасть на слѣдъ преступника. Они прислушивались въ каждой танцовальной залѣ, не раздается ли знакомый голосъ. Папа всегда говорилъ, что «сестрица» уѣхала черезъ Тюрингенскій Лѣсъ, внизъ по Майну, мимо Франкфурта и далѣе, по почтовой дорогѣ, на Кёльнъ и наконецъ, черезъ море, въ Новый Свѣтъ, на великое кладбище старыхъ скрипокъ.

Д-ръ Козакевичъ. И все же было суждено иначе. Въ книгѣ судьбы было начертано, что двухъ истинныхъ сестеръ ждетъ жребій торжественнаго возсоединенія.

Людовика. Да, она и я, мы понимаемъ другъ друга, и я никогда не разстанусь съ нею.

Д-ръ Козакевичъ. Да, если-бъ кто теперь захотѣлъ отнять ее у васъ, то, въ сравненіи съ тѣмъ первымъ преступникомъ, онъ сталъ бы въ десять разъ бо́льшимъ преступникомъ.

Людовика. О, тетя Эмилія часто даетъ намъ понять, что мы должны продать скрипку.

Д-ръ Козакевичъ. Дама, что́ здѣсь гоститъ сегодня?

Людовика. Ну, конечно.

Д-ръ Козакевичъ. Она въ самомъ дѣлѣ—сестра вашего батюшки?

Людовика. Родная сестра.

Д-ръ Козакевичъ. Это меня удивляетъ.

Людовика. Они и при жизни никогда не понимали другъ друга; но они—родные братъ и сестра.

Д-ръ Козакевичъ. Я беру на себя смѣлость сказать нѣсколько словъ объ этой дамѣ: вашъ батюшка и она не понимали другъ друга, что́ же?—противоположное очень удивило бы меня. Другое дѣло вашъ дядя; въ немъ дѣйствительно тотъ же духъ, что́ и въ вашемъ покойномъ батюшкѣ. По поводу скрипки онъ мнѣ говорилъ: въ старыхъ соборахъ недалеко отъ дарохранительницы сплошь да рядомъ ставятъ жестянаго или вызолоченнаго пеликана, какъ символъ церкви,

такъ какъ, по преданію, эта птица разрывала клювомъ свою собственную грудь, чтобы, какъ дѣлаетъ церковь, кормить своихъ птенцовъ кровью своего собственнаго тѣла. Когда же отецъ игралъ на хорахъ на скрипкѣ, а они, братья Бертольдъ и Густавъ, сидѣли внизу по серединѣ собора, то они часто говорили другъ другу: пеликанъ поетъ! Такъ имъ представлялось. А эта старая протестантская дама, вонъ тамъ—(указывая ея дверь направо) никогда не слышала, какъ пѣлъ этотъ пеликанъ?

Людовика. Нѣтъ, все это для нея, право, одна экзальтація.

Д-ръ Козакевичъ. Посмотришь, фрейлейнъ Люксъ, какъ вы скачете съ вашимъ юношески-красивымъ, новоиспеченнымъ зятемъ, и трудно предположить, что въ васъ скрыто столько серьезнаго.

Людовика. Да я же не серьезна. Я рада прыгать цѣлый Божій день.

Д-ръ Козакевичъ. А мнѣ хотѣлось бы при этомъ быть—какъ говорится—мышенкомъ.

Людовика. Если никто не удерживаетъ меня, то я танцую, пока сердце не замретъ.

Д-ръ Козакевичъ. Пусть же ваше сердце совершитъ усыпанный цвѣтами путь черезъ десятки лѣтъ, allegro con amore исполняя свой нѣжный и божественный долгъ!

Людовика. И ваше тоже.

Д-ръ Козакевичъ. Ахъ! Въ его долгѣ ни сладостнаго ни божественнаго, и не-сегодня-завтра оно угомонится. Смѣйтесь! Смѣйтесь же, прекрасное дитя! Вы должны смѣяться надо мной отъ всей души, а лучше всего выжить меня смѣхомъ со свѣта. Пустое, вамъ это ничего не значитъ! (Онъ беретъ нѣсколько дикихъ тактовъ мазурки). Если пляска веселитъ васъ, пляшите! Я сыграю вамъ польскую. (Онъ мастерски играетъ мазурку, ор. 24, № 4, Шопена).

(Со стороны террасы входитъ Грюнвальдъ. Въ рукѣ у него легкое лѣтнее пальто и камышевая трость. Онъ осторожно останавливается, чтобы не помѣшать. Онъ слушаетъ и смотритъ, какъ Людовика не вольно впадаетъ въ ритмъ мазурки и обозначаетъ импровизированныя движенія пляски).

Д-ръ Козакевичъ (Людовикѣ, еще во время паузы). Браво. Великолѣпно. Безподобно. Вы пляшете съ величайшимъ талантомъ.

Д-ръ Грюнвальдъ (слегка хлопаетъ руками, при чемъ у него довольно серьезный видъ; и когда Козакевичъ кончилъ играть, говоритъ). Правда, вы пляшете безподобно.

Людовика. При зрителяхъ еще далеко не хорошо.

Д-ръ Козакевичъ. Развѣ иногда танцуютъ для одиихъ себя?

Людовика. Порою, да,—почему же нѣтъ? Я часто взбираюсь на чердакъ и танцую четверть часа для себя. Собственно, изъ-за траура мнѣ все еще нельзя. Но вы же не донесете.

Д-ръ Грюнвальдъ. Совершенно неожиданное наслажденіе.

Д-ръ Козакевичъ. И онъ говоритъ это съ могильнымъ видомъ (*Людовика смѣется*), точно онъ наглотался горькаго, и теперь дѣлаетъ видъ, что это—хорошее лѣкарство.

Д-ръ Грюнвальдъ. Почему тебѣ не сказать сразу—яду, другъ?

Д-ръ Козакевичъ. Ахъ, что только вышло изъ этого отважнаго паладина, который цѣлыхъ тринадцать мѣсяцевъ гонялся за дикарями и, съ желтыми перьями за ухомъ, жилъ въ эллиптическихъ избушкахъ. А теперь его пугаетъ падающій листъ... Никакъ ты опять лежалъ на верескѣ и писалъ стихи?

Д-ръ Грюнвальдъ. Этому противорѣчитъ мое бѣлое платье, шутливый другъ.

Д-ръ Козакевичъ. Вѣдь онъ же происходитъ отъ стараго миннезингера Грюневальда и страдаетъ припадками атавизма.

(Вдали доносится звонъ рѣзко зазвучавшаго маленькаго колокольчика).

Людовика (тотчасъ же обративъ вниманіе). Колокольчикъ; я должна сейчасъ же идти къ Отто. Мы условились встрѣтиться въ часовнѣ. (Быстро убѣгаетъ).

Д-ръ Козакевичъ. Вонъ она порхаетъ, какъ бабочка.

(Молчаніе. Д-ръ Козакевичъ нѣсколько мгновеній варьируетъ мелодію: «Ахъ, можетъ ли быть». Грюнвальдъ устало садится).

Д-ръ Грюнвальдъ. Да что, собственно, здѣсь опять затѣваютъ?..

Д-ръ Козакевичъ (отнимаетъ пальцы отъ клавишей и смѣется).

Д-ръ Грюнвальдъ. Послушай, ради Бога, не смѣйся теперь. Взвѣсь, каково мнѣ, и обнаружь сколько-нибудь пониманія.

Д-ръ Козакевичъ. Отъ всей души, дружокъ, разумѣется.

Д-ръ Грюнвальдъ. Ну, скажи самъ, чего же еще ждать? Эти ужасныя мучительныя обиды. Стоишь, гдѣ человѣкъ—

линній. Ждешь, гдѣ ни одна рука не протягивается, какъ тупой и назойливый нищій.

Д-ръ Козакевичъ. Нельзя же такъ круто.

Д-ръ Грюнвальдъ. Будь еще искорка пристойности, искорка пристойности и чувства чести, человѣкъ не сидѣлъ бы здѣсь репейникомъ, хотя уже все кончено и рѣшено. Вмѣсто этого день изо дня являешься сюда. Затыкаютъ уши, не понимаютъ ни малѣйшаго намека. Систематически прикидываются толстокожими. Крадешься. Пугаешься дребезжанія окна. Голубой шелковый платокъ, мелькнувъ только издали, тотчасъ лишаетъ человѣка разсудка. Я долженъ уѣхать. Я больше не въ силахъ.

Д-ръ Козакевичъ. Хорошо. Уѣдемте.

Д-ръ Грюнвальдъ (пораженный, измученный). Нѣтъ, не могу. (Закрываетъ лобъ руками).

Д-ръ Козакевичъ (нѣсколько помолчавъ). Такъ тогда намъ остается только выносить все это здѣсь.

Д-ръ Грюнвальдъ. Ну, скажи самъ, чего же еще ждать Я таилъ все это въ сердцѣ... я носилъ это въ сердцѣ... такъ свято! Все осталось тамъ неприкосновеннымъ. Такъ что же: она забыла эту исторію. Ничего не знаетъ объ этомъ. Не помнитъ.

Д-ръ Козакевичъ. Ты уже говорилъ съ ней?

Д-ръ Грюнвальдъ. Разумѣется.

Д-ръ Козакевичъ. Ты уже говорилъ съ нею съ глазу на глазъ?

Д-ръ Грюнвальдъ. Какъ же я могу! Она не узнаётъ меня. Она избѣгаетъ смотрѣть на меня. Я же для нея больше—ничто. И кромѣ того, стоитъ мнѣ появиться гдѣ-нибудь... на какихъ-нибудь двѣ-три минуты, какъ она исчезаетъ.

Д-ръ Козакевичъ. Согласенъ, милый мой, что твое положеніе въ извѣстномъ смыслѣ критическое...

Д-ръ Грюнвальдъ (вспыльчиво). Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ и нѣтъ! Я теперь не могу уѣхать. Я хочу быть осужденнымъ и проклятымъ навѣки.

Д-ръ Козакевичъ. Проклятье лучше хныканья, другъ.

Д-ръ Грюнвальдъ. Я буду больно кусаться. Я прирасту, какъ губка къ строенію. Я лишь тогда уѣду отсюда, когда не станетъ ни капли вина въ подвалѣ и меня не вышвырнутъ за дверь, какъ деревяннаго истукана.

Д-ръ Козакевичъ. На это они, покуда что, врядъ ли рѣшатся.

Д-ръ Грюнвальдъ. Ахъ, дружище, она стала такъ красива... Я въ одинъ мигъ убью его! Я ему всѣ кости переломаю. (Онъ сидитъ въ судорожномъ возбужденіи, съ трудомъ владѣя собой).

Д-ръ Козакевичъ. Я вполнѣ искренно поздравляю тебя съ этой завидной страстью. Тогда-то на Зильтѣ у тебя не было и половины такого огня.

Д-ръ Грюнвальдъ (вскакиваетъ). Прощай, Козакевичъ, я уѣзжаю.

Д-ръ Козакевичъ. Ч-т-о?

Д-ръ Грюнвальдъ. Что же, мнѣ соперничать съ этой куклой? Съ этимъ чудовищемъ во образѣ старшаго учителя? Съ этой безплодной, муміеобразной, скуластой, соленой обезьяной третичной формаціи? Одна мысль объ этомъ сводитъ меня съ ума. Неужели ей не противенъ этотъ дрессированный пудель?.. Послушай, какой чортъ навелъ меня на мысль, какъ собака подъ хлыстомъ, ползти назадъ въ эту дряхлую, испорченную, изгаженную Европу? Развѣ мнѣ нельзя было взять себѣ негритянку въ домъ и залѣчивать на смерть больныхъ португальцевъ?

Д-ръ Козакевичъ. Послушай, никакъ ты всѣми бѣсами одержимъ?

Д-ръ Грюнвальдъ. И вотъ, взамѣнъ, повѣрилъ въ клятву подростка.

Д-ръ Козакевичъ. Мой мальчикъ, клясться-то она же не клялась. По крайней мѣрѣ, какъ ты тогда излагалъ мнѣ дѣло. А теперь опомнись. Приведи себя въ порядокъ... Вѣдь ты измѣнился самымъ болѣзненнымъ образомъ. Благодари Бога, что здѣсь нѣтъ поблизости врача для сумасшедшихъ. Твое дѣло дрянь. Но не безнадежно. Конечно, такъ-то вотъ ты ничего не добьешься. Ты долженъ снова кореннымъ образомъ передѣлать себя.

Д-ръ Грюнвальдъ. Ахъ, чего только я уже ни дѣлалъ съ собой!

Д-ръ Козакевичъ. Сталъ недостойнымъ любви человѣкомъ. Нелюдимымъ, злымъ человѣкомъ, облегчающимъ побѣду врагу.

Д-ръ Грюнвальдъ. Къ сожалѣнію, я не умѣю лицемѣрить.

Д-ръ Козакевичъ. Жаль, тогда тебѣ безусловно нужно выучиться; потому что иначе тебѣ никакъ не достигнуть

цѣли. Ты здѣсь не безъ союзниковъ, которые тайно благоволятъ тебѣ. Я замѣтилъ это у младшей. Равно какъ и у старшей сестры. И у дяди по лицу видно...

(Быстро входитъ Сабина, направляется къ письменному столу, открываетъ ящики и чего-то ищетъ).

Сабина. Я вамъ не буду мѣшать, господа. Я только куда-то засунула одну вещь, какъ мнѣ кажется, и, къ сожалѣнію, никакъ не найду... Мнѣ уже весь день отравленъ... Какъ въ такихъ случаяхъ говорится? Нечистый заносъ водитъ.

Д-ръ Козакевичъ. Что же это, осмѣлюсь спросить?

Сабина. Маленькій крестикъ изъ слоновой кости. Прекрасной старой работы. Папа когда-то купилъ его въ Ахенѣ и въ видѣ особой милости повѣсилъ на мнѣ въ день перваго причастія: затеряйся онъ, я была бы несчастна... Нѣтъ, его здѣсь нѣтъ... Прощайте, господа. Вы не пойдете въ садъ играть въ крокетъ?

(Со стороны террасы входитъ Агата).

Сабина (Агатѣ, которая тотчасъ же замѣчаетъ ее). Тетя Эмилія ждетъ тебя. Впрочемъ, вотъ что: я ищу мой крестикъ. Тебѣ онъ не попадался?

Агата. Въ послѣдній разъ онъ былъ у Люксъ. Она, помнится, хотѣла показать его Отто.

Сабина. Отто? Крестикъ? Что же это значитъ?

Агата. Можетъ-быть, ему интересно: онъ же—скульпторъ.

Сабина. Тогда нужно сейчасъ же разыскать Отто.

Д-ръ Козакевичъ (съ очевиднымъ намѣреніемъ оставить Агату и Грюнвальда однихъ). Я присоединяюсь къ вамъ, фрейлейнъ. Вашъ маленькій зять иногда великолѣпенъ. (Онъ и Сабина, смѣясь, уходятъ на террасу).

Агата (съ нѣкоторой безпомощностью). Сабина, еще минуточку...

(Д-ръ Грюнвальдъ, при первомъ появленіи Агаты, почтительно всталъ. Его лицо покрылось густою краской. Теперь онъ рѣшительно подходитъ къ ней, встрѣчаетъ ея холодный, отстраняющій взглядъ, останавливается, отвѣчаетъ на него съ твердостью и потомъ смиренно опускаетъ голову).

Агата. Чему я обязана чести, г. докторъ?

Д-ръ Грюнвальдъ. Я больше не въ силахъ. Я желаю услышать мой приговоръ изъ вашихъ устъ—такъ или такъ.

Агата. Я васъ не понимаю...

Д-ръ Грюнвальдъ. Я самъ себя не понимаю, фрейлейнъ Агата. Но я просилъ бы васъ однимъ словомъ сократить время моей ужасающей пытки.

Агата. Я не пытаю васъ и, стало-быть, не могу и сокращать вашу пытку. Я васъ не понимаю.

Д-ръ Грюнвальдъ. Но когда-то вы понимали меня.

Агата. Что̀ было когда-то, я не знаю.

Д-ръ Грюнвальдъ. Повидимому. Но я осмѣлюсь попытаться напомнить вамъ объ этомъ.

Агата. Нѣтъ. У меня достаточно дѣла съ моимъ маленькимъ текущимъ существованіемъ.

Д-ръ Грюнвальдъ. Судя по этому, вы, значитъ, не вполнѣ довольны вашимъ текущимъ существованіемъ?

Агата. Помилуйте. Даже очень. Кто вамъ сказалъ?

Д-ръ Грюнвальдъ. Я ошибочно вывелъ это изъ признанія, которое вы только-что сдѣлали.

Агата. Въ такомъ случаѣ вы ошибаетесь.

Д-ръ Грюнвальдъ. Кажется, такъ оно и есть.

Агата. Жаль. Теперь я оставлю васъ одного. Я...

Д-ръ Грюнвальдъ. О, да. Вы оставляете меня очень одинокимъ.

Агата. Одинъ вчера, другой сегодня. Каждому свой чередъ, г. докторъ. Таковъ естественный ходъ вещей.

Д-ръ Грюнвальдъ. Мнѣ же, напротивъ, онъ кажется крайне неестественнымъ.

Агата (пожимая плечами). Но порядокъ вещей измѣнить не намъ.

Д-ръ Грюнвальдъ. Фрейлейнъ Агата, прежде чѣмъ вамъ уйти, прежде чѣмъ мнѣ упустить случай, который, пожалуй, больше никогда не повторится, я осмѣлюсь сказать кое-что въ мое извиненіе.

Агата. Вамъ рѣшительно не въ чемъ извиняться.

Д-ръ Грюнвальдъ. Возможно, что и не въ чемъ, но все же мнѣ хотѣлось бы извиниться.

Агата. Г. докторъ, подобные разговоры только мучатъ насъ; они намъ ни въ чемъ не помогутъ. И намъ лучше сразу же прервать ихъ.

Д-ръ Грюнвальдъ. Не говорите этого по отношенію ко мнѣ. Я не хочу заводить длинныхъ разговоровъ. Я... уже одно ваше присутствіе... я долженъ еще разъ высказаться передъ вами.

Агата. Г. докторъ, можно прожить и безъ этого. Конечно, иногда представляешь себѣ,—когда одинокимъ часамъ нѣтъ конца и все-то снѣдаетъ душу... когда порой случается дурное: смерть, горе и тому подобное. Надежда и ожиданіе по цѣлымъ мѣсяцамъ, въ теченіе которыхъ

было неразумное довѣріе. Но въ концѣ-то концовъ побѣждаешь все это, и оно проходитъ.

Д-ръ Грюнвальдъ. Вашъ батюшка сказалъ мнѣ: что вы можете предложить моей дочери?

Агата. Я-то вамъ этого не говорила. Но оставимъ, что сказалъ папа. И папа и все это—въ гробу, а мертваго вновь не воскресить.

Д-ръ Грюнвальдъ. Вашъ папа задѣлъ мою гордость.

Агата. Теперь, г. докторъ, моя тоже смирилась. Подумайте, что значитъ ждать часа. Мой отецъ умеръ; мнѣ было очень тяжело; но пришла пора, и дорога была свободна. И можно было бы ликовать даже въ скорби... И что же? Человѣкъ оказался отвергнутымъ, обманутымъ и слышалъ вокругъ себя шопотъ и хихиканье.

Д-ръ Грюнвальдъ (заступаетъ убѣгающей дорогу). Агата, еще одно мгновеніе. Я не могъ явиться съ пустыми руками.

Агата. Что же теперь у васъ въ рукахъ для меня?

Д-ръ Грюнвальдъ. Столь же мало, какъ и тогда—ничего.

Агата. Мы оба ловили пустоту.

(Она быстро уходитъ, оставляя его).

(Д-ръ Грюнвальдъ впивается глазами въ дверь, въ которую исчезла Агата. Онъ не можетъ устоять: онъ долженъ поцѣловать защелку, которую она трогала).

Д-ръ Козакевичъ (входитъ осторожно съ террасы). Это не очень тактично, молодой человѣкъ. Но ты отнесешь насчетъ моей дружбы, если я спрошу тебя—какъ дѣла?

Д-ръ Грюнвальдъ. Что-то пронеслось надо мной, не знаю что... Хотя мнѣ бы слѣдовало быть печальнымъ.

Д-ръ Козакевичъ. Что же, милѣйшій, будь тогда доволенъ.

Д-ръ Грюнвальдъ. Никакъ нельзя. Было бы преждевременно. Во всякомъ случаѣ, я былъ совершенно безуменъ, когда покинулъ это созданіе. Кто упускаетъ изъ виду такой драгоцѣнный кладъ, тотъ просто недостоинъ обладать имъ.

Д-ръ Козакевичъ. Во всякомъ случаѣ вы, стало-быть, соприкоснулись.

Д-ръ Грюнвальдъ. Слушай, я могъ бы трижды пройтись на рукахъ вокругъ комнаты. Вотъ эти мои уши впивали звонъ ея голоса. Мы смотрѣли другъ другу въ глаза. Я снова прочелъ въ ея глазахъ упорство, упрекъ, горечь, слезы и еще кое-что другое, что, можетъ-быть, еще не погасло.

Д-ръ Козакевичъ. Мѣткая нѣмецкая пословица говоритъ: «Кому нужно огня,—пусть ищетъ его въ пеплѣ».

Д-ръ Грюнвальдъ. Что же дальше? Дальше? Дальше? Дальше?

Д-ръ Козакевичъ. Любезнѣйшій, по-моему, у тебя такой видъ, точно теперь ты можешь перемѣнить твой тонъ на болѣе счастливый.

Д-ръ Грюнвальдъ. Собственно, ты совершенно правъ. У меня такое состояніе, точно мнѣ въ это же мгновеніе и неотложно слѣдовало бы вызвать на бой на жизнь и смерть всю ремесленную науку, все цеховое духовенство, всѣхъ старшихъ учителей міра. Но весело, говорю тебѣ, съ наслажденіемъ. Развѣ у меня не найдется какого-нибудь совершенно особеннаго козыря?

Д-ръ Козакевичъ. Ты неисправимый идеалистъ и можешь каждыя двѣ минуты переходить отъ одного къ другому.

(На террасѣ появились: Настъ, Сабина, Людовика, г. Рушевей и Отто. Первыми входятъ въ комнату Сабина и Отто).

Сабина. Значитъ, ты знаешь, гдѣ крестикъ?

Отто (весь красный и возбужденный). Я даю тебѣ честное слово, что ты получишь назадъ твой крестикъ, если ты никого не будешь спрашивать о немъ въ теченіе трехъ дней, но только—никого.

Людовика (присоединяясь къ нимъ). Ради Бога, Сабина, молчи.

Сабина. Что у васъ опять за глупости?

Людовика (страстно закрываетъ Сабинѣ ротъ, такъ какъ только-что вошли въ комнату д-ръ Настъ и остальные).

Д-ръ Настъ. Безусловно необходимо, говорю я вамъ, чтобы все это носило почтенный, серьезный характеръ.

Людовика. Наоборотъ: веселый.

Д-ръ Настъ. Я не дамъ ввести себя въ заблужденіе, хотя бы молодежь въ своей опрометчивости была другого мнѣнія. Вѣдь я же на этомъ основаніи уклонился уже отъ моего прежняго плана съ вербнымъ осломъ.

Людовика. Не хныкать же намъ въ дѣвичникъ?

Д-ръ Настъ. Нѣтъ. Да намъ и не придется хныкать, дитя мое, потому что дѣвичника не будетъ.

Людовика. Почему же? Непремѣнно будетъ, г. Настъ. (Тихо, Отто) Онъ такъ смѣлъ потому, что тетя здѣсь.

Отто (громко). Развѣ вы одни рѣшаете это?

Д-ръ Настъ. Ты положительно заблуждаешься, Отто. Въ подобныхъ вопросахъ благонравія рѣшаетъ категори-

ческій императивъ... Уже завтра приходитъ совѣтникъ консисторіи. Въ числѣ прочихъ гостей будетъ четыре или пять строго церковныхъ душъ; а ихъ-то и нельзя озадачивать. Сабина, ты-то, конечно, согласна со мною?

Сабина. Можетъ-быть, изъ-за чужихъ, какъ ты говоришь. Иначе я не стала бы стѣсняться веселиться въ дѣвичникъ въ духѣ папы.

Д-ръ Настъ. Но этимъ ты совершила бы большой грѣхъ, потому что этотъ вечеръ почти совпадаетъ съ годовщиной смерти.

Людовика. Дядя, что сказалъ папа за какихъ-нибудь два часа до смерти, когда онъ посылалъ васъ въ виноградникъ?

Рушевей. Онъ просилъ винограда, не такъ ли?

Людовика. И мы должны были стрѣлять изъ пистолетовъ. А что онъ сказалъ тебѣ за шампанскимъ?

Рушевей. Радостно пилъ и блаженно умеръ. Но оставьте меня въ покоѣ съ этой исторіей. Спросите тетю Эмилію: я больше ничего не рѣшаю. Мнѣ уже досталось.

Людовика. И поэтому будутъ воспрещены и танцы?

Д-ръ Настъ. Развѣ во всемъ этомъ кругу кто-нибудь станетъ сомнѣваться въ единственномъ возможномъ отвѣтѣ?

Д-ръ Грюнвальдъ. Извѣстные народы въ дни скорби ходятъ въ бѣломъ и пляшутъ.

Людовика. Значитъ, и вы носили трауръ, г. докторъ?..

Д-ръ Козакевичъ. Ахъ, на какую малость мертвые лежатъ глубже, чѣмъ мы.

Д-ръ Настъ. Я не понимаю, что вамъ угодно разумѣть подъ этимъ.

Д-ръ Козакевичъ. Это же—намекъ.

Д-ръ Настъ. Въ дѣйствительности это ничего не мѣняетъ въ томъ, что мы должны оберегать достоинство этого дома при всякихъ обстоятельствахъ.

Д-ръ Козакевичъ. И, стало-быть, вы этого достигаете тѣмъ, г. учитель, что сочинили трагедію для торжества дѣвичника?..

Д-ръ Настъ. Кто это говоритъ? Дѣйствительно, я кое-что написалъ и, разумѣется, нѣчто въ классическомъ духѣ; но...

Д-ръ Козакевичъ. По-вашему, это не будетъ печально?

Д-ръ Настъ (раздраженно). Почему же? Какъ сказать? Серьезно, но не печально.

Д-ръ Грюнвальдъ. Тогда дамамъ, можетъ-быть, еще не нужно оставлять надежду на веселый день.

Д-ръ Настъ. Я могу оставить это замѣчаніе безъ вниманія, такъ какъ, думается, я знаю почву, на которой оно возникло.

Д-ръ Козакевичъ. Браво. Это просто зависть поэта. Онъ самъ часто садится на пегаса...

Д-ръ Настъ. Я это совѣтовалъ бы одному лишь хорошему сѣдоку...

Д-ръ Козакевичъ. Ахъ, въ нашемъ кругу три поэта, древній Діонисъ зашевелился въ виноградникѣ.

Д-ръ Настъ. Гдѣ же третій? Я что-то не вижу.

Д-ръ Козакевичъ. Мы могли бы сейчасъ же устроить турниръ. Было бы видно, кто крѣпче въ сѣдлѣ.

Д-ръ Настъ. Вашъ юморъ, господа, меня не трогаетъ. Мой отецъ былъ директоромъ гимназіи, я выросъ подъ солнцемъ Гомера. Я читаю моего Горація во снѣ. Въ метрикѣ и просодіи не такъ-то легко перещеголять меня, и наконецъ мнѣ остается только прибавить, что покойный Минквицъ былъ моимъ учителемъ.

Отто. Томъ стиховъ стараго Минквица, повидимому, упалъ въ рѣку Плейссе.

Д-ръ Настъ. Пардонъ?

Отто. Отсюда въ Лейпцигѣ пошелъ моръ на рыбъ.

Д-ръ Настъ. Мой сынъ, кто хочетъ въ высь, сперва оперись. По тебѣ карцеръ давно тоскуетъ.

(Всѣ, кромѣ д-ра Наста, сердечно смѣются).

Д-ръ Грюнвальдъ (съ кажущейся добротой). Много ли, собственно, говоритъ въ пользу нашей системы воспитанія то обстоятельство, что между учителями и учениками, и вообще молодыми людьми, въ большинствѣ случаевъ существуетъ природная вражда?

Д-ръ Козакевичъ. Собственно, немного.

Д-ръ Грюнвальдъ. И это мнѣ особенно непонятно всякій разъ, когда, какъ вотъ сейчасъ, я слышу утвержденіе, будто въ гимназіяхъ свѣтитъ солнце Гомера.

Д-ръ Настъ. Вамъ хочется спорить? Мнѣ это все равно; я готовъ.

Сабина. Люксъ, вотъ будетъ забавно; поди сюда.

Д-ръ Грюнвальдъ (твердо, безъ рѣзкости, скорѣе заносчиво). Мнѣ, собственно, жаль нѣмцевъ съ ихъ окостенѣлымъ гимназическимъ воспитаніемъ. Гуманистическій училищный домъ смѣшонъ уже снаружи. Непонятно, что въ этихъ строеніяхъ живетъ странный, трезвый термитъ, мнящій себя хранителемъ и защитникомъ прекраснаго.

Д-ръ Настъ. Мы, конечно, не сторонники фантастики. Этимъ вы сказали бы нѣчто весьма правдивое. Что же касается остальныхъ гнусностей, то я отказываюсь отъ возраженія. Нѣмецкая школа образцова. Образцова, говорю: это—фактъ. И кому угодно было бы утверждать нѣчто другое, тотъ, въ силу своей глупости, очень просто навлекъ бы на себя проклятіе быть смѣшнымъ.

Д-ръ Грюнвальдъ. Я боюсь скорѣе другого проклятія. Это — проклятіе безчисленныхъ исправительныхъ домовъ, называемыхъ высшими школами: это проклятіе подтачиваетъ національную гордость, національную силу, красоту и веселость. Это проклятіе подтачиваетъ національный характеръ. Невѣрно, что форма древнихъ гимназій съ ихъ банями, колоннадами, палестрами и садами неосуществима. Школа должна быть бодрой, радостной и въ преизбыткѣ проникнутой счастьемъ и жизнью. Должна оглашаться священными мелодіями, радостной пляской и пѣніемъ

Д-ръ Настъ. Что же, пляшите и пойте, мои милыя дѣвушки! Это будетъ увеселительный послѣдній танецъ. Въ палестрахъ юноши ходили нагими. Не ходить ли и намъ нагими? У этихъ господъ странные взгляды. И эти взгляды будутъ отстаиваться со своего рода самоопьяненіемъ. Громкими словами опьяняются, что, собственно, допускается лишь въ первые семестры. Приходятъ въ экстазъ маркиза Позы. Декламируютъ на весь міръ. Со всѣмъ этимъ мнѣ нечего дѣлать. Да и какое мнѣ дѣло до подобнаго сумасбродства. Я твердъ въ своемъ призваніи, и въ концѣ-то концовъ еще нужно доказать, кто приноситъ больше пользы отечеству. Бездомный ли бродяга, искатель ли приключеній, или тотъ, кто тихо и строго, въ домашнемъ кругу, неуклонно исполняетъ свой долгъ.

Д-ръ Грюнвальдъ. Если-бъ мнѣ выпало на долю счастье быть отцомъ здороваго, хорошо сложеннаго мальчика...

(Всѣ, кромѣ д-ра Наста, разражаются веселымъ смѣхомъ).

Рушевей. Докторъ, а докторъ, не горячитесь.

Д-ръ Грюнвальдъ. Повторяю: если-бъ мнѣ когда-нибудь суждено было пережить эту истинную радость, то, по мѣрѣ моихъ силъ, я позаботился бы о томъ, чтобы у него не оказалось ни кривыхъ большихъ пальцевъ, ни косого рта, чтобы онъ правымъ глазомъ не считалъ денегъ въ лѣвомъ карманѣ, и не чувствовалъ себя въ темнотѣ лучше и пріятнѣе, чѣмъ въ дневномъ свѣтѣ, и чтобы онъ не повредилъ себѣ спинного хребта при исправленіи. Я хочу позабо-

титься о томъ, чтобы онъ научился смѣяться тѣмъ смѣхомъ, отъ котораго всѣ пугала на каѳедрахъ начинаютъ дрожать и, стремглавъ, опрокидываются въ свои катакомбы. (Уходитъ).

(Опять всѣ, кромѣ д-ра Наста, дружно и весело смѣются. Въ это мгновеніе изъ двери направо появляется тетя Эмилія, маленькая, невзрачная, высохшая женщина въ чепчикѣ и платкѣ. Смѣхъ тотчасъ же обрывается, и наступаетъ всеобщее молчаніе смущенія).

Тетя Эмилія. Надѣюсь, я не помѣшала?

Д-ръ Настъ. Нѣтъ, милая тетя. Эта помѣха можетъ быть намъ всѣмъ, почти безъ исключенія, только какъ нельзя кстати.

Тетя Эмилія. Мой милый Эвальдъ, не волнуйся.

Рушевей. Нѣтъ. И я прошу о томъ же. Можно быть разнаго мнѣнія, и каждый можетъ защищать свое мнѣніе; и ради этого еще далеко не нужно доходить до дуэли.

Тетя Эмилія. Дуэли! Милый Густавъ, что это значитъ?

(Людовика и Отто при видѣ тети, поблѣднѣвшей отъ страха, со взрывомъ хохота, убѣгаютъ на террасу).

Д-ръ Настъ. Нѣтъ, милѣйшая тетя, ты знаешь мои принципы; пойми только дядю, какъ слѣдуетъ. И мое возбужденіе ты не должна истолковывать въ дурную сторону: я вполнѣ хладнокровенъ.

Тетя Эмилія. Сабина, я все смотрю на тебя и все спрашиваю себя, что ты думаешь.

Сабина. Да, я не высказываю своихъ мыслей.

Д-ръ Козакевичъ (подходитъ къ теткѣ, кланяется). Сударыня! (Удаляется).

Сабина. Если ты думаешь выйти, дорогая тетя, то я еще нарѣжу винограда и буду ждать съ корзинкой внизу, у воротъ.

Тетя Эмилія. Густавъ, ты только не хлопочи больше обо мнѣ: меня Агата проводитъ.

(Сначала удаляется Сабина; потомъ Рушевей, флегматично пожимая плечами).

Д-ръ Настъ. Безчувственный, совершенно безчувственный, дядя. И что касается меня... то моя вина... кто станетъ утверждать, что я вообще вмѣшиваюсь въ такую безотрадную борьбу. Изъ-за меня положительно спорятъ лучшія семьи. Эта въ высшей степени благоразумная вдова изъ Ульма... дамы со средствами изъ всѣхъ слоевъ общества... Открытая дверь... такому человѣку, какъ я... всюду.

Тетя Эмилія. Эвальдъ, милый, успокойся. Агата же не

такъ ослѣплена и не промѣняетъ такого значительнаго человѣка, какъ ты, на перваго встрѣчнаго бродягу.

Д-ръ Настъ. Ты впутала меня, теперь помоги. Я больше палецъ о палецъ не ударю. (Быстро уходитъ въ садъ).

(Входитъ Агата, съ большой соломенной шляпкой съ лентами въ рукѣ).

Тётя Эмилія. Наконецъ-то, милая голубка моя. Итакъ, теперь пойдемъ; я готова... Мнѣ очень хотѣлось еще разъ повидать всѣхъ васъ и переговорить: кто знаетъ, долго ли ждать, а тамъ вы всѣ разсыплетесь по свѣту.

Агата. Ахъ, тетя, я неохотно думаю объ этомъ. Если-бъ пришлось покинуть этотъ уголокъ, человѣкъ сталъ бы безроднымъ.

Тетя Эмилія (съ дѣланной шутливостью). И все же ты сама была бы рада уѣхать въ чужіе края, какъ ты во время твоей болѣзни признавалась мнѣ.

Агата (щиплетъ розу, которую она вынула изъ бокала).

Тетя Эмилія. А какъ твое здоровье?

Агата. Я здорова, какъ рыба въ водѣ.

Тетя Эмилія. Для этого у тебя недостаточно свѣжій видъ.

Агата. Со своимъ видомъ, тетя, ничего не подѣлаешь.

Тетя Эмилія. Ну, въ невѣстахъ я тоже не цвѣла. Восемь недѣль тому назадъ ты лежала еще въ клиникѣ. Потомъ только четырнадцать дней въ Тюрингенскомъ Лѣсу, а съ тѣхъ поръ вѣчно гости и домашнія волненія; а это ужъ слишкомъ.

Агата. И то сказать.

Тетя Эмилія. Какъ же и быть, дитя мое: у меня все, конечно, очень просто; но если бы я, какъ во время твоей болѣзни, отвела тебѣ идиллическую горницу,—ты же говорила, что очень любила ее,—и ты избѣжала бы всей этой кутерьмы и жила бы себѣ въ моемъ домѣ со мной?..

Агата (съ пугливой рѣшимостью). Ахъ, тетя, милая тетя, не могу.

Тетя Эмилія. Какъ хочешь, но, собственно, мнѣ жаль... Почему же нельзя?

Агата. По разнымъ причинамъ. И, видишь ли, у меня щемитъ въ груди при всемъ, что̀ мнѣ напоминаетъ о моей болѣзни.

Тетя Эмилія. Я могла бы устроить тебѣ комнатку внизу, гдѣ тебѣ всего два шага до сада.

Агата. Да мнѣ и Адельгейду нельзя огорчить.

Тетя Эмилія. Дитя мое, я скажу тебѣ откровенно: Эвальдъ упирается. Обстоятельства сложились такъ, что его отношенія къ Бишофсбергу составляютъ общеизвѣстную тайну. Эвальдъ живетъ среди своихъ товарищей. А тамъ въ «Конѣ» вотъ уже нѣсколько дней живутъ двое молодыхъ людей, которые полъ-ночи просиживаютъ за виномъ. Говорятъ, шампанское льется рѣкой. Они ходятъ ежедневно къ вамъ. Фактъ тотъ, что уже пошли шептать. Если такое положеніе вещей не измѣнится, то можетъ, безъ всякаго умысла, случиться, что Эвальдъ на своемъ горько доставшемся мѣстѣ, въ отечественномъ кругу своего призванія, окажется смѣшнымъ. И невозможное дѣло, Агата, чтобы ты, какою я знаю тебя, не отблагодарила его за его самопожертвованіе.

Агата. Конечно, нѣтъ. Но я не могу. Я...

Тетя Эмилія. Не будемъ, пожалуй, обращать вниманія на мгновенную перемѣну мѣста. Я даже не понимаю твоихъ соображеній: кто изъ твоихъ сестеръ позаботился о тебѣ, пока ты была больна... Состояніе, въ которомъ ты тогда была. Непозволительное поведеніе этого Грюнвальда, въ значительной мѣрѣ вызвавшее твою болѣзнь. Нѣжное и тактичное вмѣшательство Эвальда... Онъ ежедневно носилъ тебѣ цвѣты и книги... Твое выздоровленіе. Твое рѣшеніе. Все это должно было бы придать тебѣ силы—и не одной только силы, но и гордости... Поэтому ты больше не должна колебаться въ твоихъ намѣреніяхъ и упорствовать въ твоемъ отказѣ.

Агата (тихо). Я же такъ и дѣлаю, милая тетя Эмилія.

Тетя Эмилія. Что этому человѣку еще нужно въ вашемъ домѣ?.. Въ сущности, я твердо увѣрена въ тебѣ. Оставайся здѣсь. Хорошо. Не ходи со мной. Эвальдъ и не подозрѣваетъ, что мнѣ хотѣлось переговорить съ тобой. Я знаю, онъ сталъ бы очень браниться. (Уходитъ).

(Агата смотритъ ей вслѣдъ и, повидимому, дружески киваетъ ей на прощанье. Потомъ она оборачивается, и по дрожи въ углахъ ея рта видно, что она борется съ внутреннимъ волненіемъ. И вотъ она подходитъ къ портрету своей матери и смотритъ на него, въ тихихъ слезахъ, скомкавъ платокъ и прижимая его ко рту. Въ дверь направо появляется Людовика).

Людовика. Ты здѣсь одна, Агата?

Агата. Да, и мнѣ пріятнѣе всего быть одной. (Людовика замѣчаетъ волненіе Агаты, заражается имъ и схватываетъ ее за руку).

Людовика. Открой же мнѣ твое сердце, Агата. (Агата начинаетъ тихо плакать, равно какъ и Людовика у стола).

Адельгейда. Ура, дѣти! Черезъ пятнадцать минутъ пріѣдетъ мое сокровище. (Останавливается, смотритъ на охваченныхъ волненіемъ дѣвушекъ, сама встревожена, гладитъ Агату по головѣ и говоритъ). Ахъ, милая, что ты все убиваешься попустому!

(Агата всхлипываетъ громче, заражаетъ плачемъ и Адельгейду, которая, прижимая къ себѣ сестру, опускается въ то же кресло. Входитъ Сабина съ корзиной винограда).

Сабина. Тетя уже ушла?.. Что съ вами, дѣти?.. Но, милая Агата, успокойся. Вѣдь въ сущности еще ничего не потеряно.

Агата (рыдая). Ничего... Ничего.

Сабина (со слезами). Вѣдь все-то еще въ твоихъ рукахъ... Ты... (Она обнимаетъ Агату, и всѣ три плачутъ вмѣстѣ).

Агата. Удалите... удалите обоихъ пріѣзжихъ.

Сабина. Все устроится само собой.

(Входитъ г. Рушевей съ бутылкой мозельвейна подъ мышкой, со стаканомъ и газетой въ рукѣ).

Рушевей. Слава Богу! Гласъ Господень умолкъ. Угрызеніе совѣсти—за оградой. Я видѣлъ, какъ заперли ворота. (Замѣчаетъ ихъ плачъ) Да ну же?.. Это еще что? Дѣти! Зале выходитъ изъ береговъ. Чортъ возьми, намъ грозитъ наводненіе.

(Плачущія дѣвушки разбѣгаются въ разныя стороны, такъ что Рушевей остается одинъ въ комнатѣ).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Въ верхней части виноградника, на склонѣ къ долинѣ, въ паркѣ Бишофсберга. Задній планъ образуетъ долина р. Зале, гдѣ, не слишкомъ далеко, виденъ Наумбургъ. Наполовину въ виноградникѣ, налѣво—разрушенная старая вышка. Входныя ворота безъ дверей; направо, ближе къ переднему плану, закрытая досками цистерна. Со стороны виноградника передній планъ окружаетъ стѣна, надъ которой торчатъ виноградные колышки. Налѣво возвышается маленькая одинокая часовня съ ведущими къ ней ступенями и маленькой колокольней изъ бересты. По серединѣ всего этого широкая поляна, окруженная деревьями, съ далекимъ видомъ на стѣну, долину и холмы за рѣкой. Пестрыя осеннія краски, то здѣсь, то тамъ пистолетные выстрѣлы въ прилегающихъ виноградникахъ, голоса рабочихъ, звонъ оттачиваемыхъ серповъ и т. д.

Ясный осенній день, около двѣнадцати часовъ дня.

Изъ часовни доносится игра на скрипкѣ. На нижнихъ ступеняхъ, ведущихъ въ нее, сидятъ д-ръ Козакевичъ и д-ръ Грюнвальдъ въ соломенныхъ шляпахъ, съ тростями, въ свѣтлыхъ лѣтнихъ платьяхъ.

Д-ръ Козакевичъ. Ceterum censeo! Я считаю это за лучшее, молодой человѣкъ.

Д-ръ Грюнвальдъ. Во всякомъ случаѣ, мнѣ это будетъ скорѣе тяжело, чѣмъ легко. Невыносимо и чертовски тяжело, Козакевичъ.

Д-ръ Козакевичъ. Почему? Это поможетъ отвыкнуть во всякомъ случаѣ, а въ благопріятномъ случаѣ это же ничего не будетъ значить.

Д-ръ Грюнвальдъ. Отвыкнуть?

Д-ръ Козакевичъ. Я сказалъ—отвыкнуть, да. И такой оборотъ нужно принять въ соображеніе. Имѣя въ виду, что это было бы нелегко тебѣ, потому что она блещетъ красотой. Она красива. Взглядъ ея таковъ: всякій мужчина долженъ тотчасъ же потерять голову. Но смотри, въ ней есть еще что-то, что впослѣдствіи, послѣ ряда лѣтъ, будетъ еще глубже и горше смущать тебя.

Д-ръ Грюнвальдъ. Дуэль. Дуэль, больше я ничего не говорю.

Д-ръ Козакевичъ. Не нужно дуэли. Я убѣдительнѣйше прошу тебя. Вызывать этого человѣка на поединокъ—значитъ оскорблять мое чувство благопристойности. Къ тому же мнѣ нѣсколько жаль его. Нѣтъ, лучше отойти нѣсколько въ сторону, а я постараюсь дѣйствовать за тебя, имѣя въ виду твою возможную пользу.

Д-ръ Грюнвальдъ. Чѣмъ же я буду дышать, если ты удалишь меня изъ этого сада?

Д-ръ Козакевичъ. Не отрицаю, что даже мнѣ здѣсь на горкѣ дышится особенно легко и цѣлительно. Сказочною сладостью пропитанъ этотъ воздухъ,—чѣмъ-то тихимъ, невиннымъ, заколдованнымъ, старыми, мшистыми камнями стѣны въ паркѣ, оградившемся отъ рѣзкаго шума европейскаго культурнаго пароксизма. Читай что-нибудь. Старайся задремать. Коротай часы на всѣ лады.

Д-ръ Грюнвальдъ. Читать? Я смотрю на книги, какъ на камни, точно это—камни, которыми должны убить меня. Какое замѣчаніе ты сдѣлалъ?

Д-ръ Козакевичъ. Когда?

Д-ръ Грюнвальдъ. Которое относилось къ нашему будущему.

Д-ръ Козакевичъ. Я говорилъ, что у тебя будетъ съ нею много хлопотъ, хотя, въ сущности, ты и сегодня побѣдитель.

Д-ръ Грюнвальдъ. Стой. Не хули—божества, готовъ я сказать... не хули ее. Взгляни на этотъ открытый лобъ. Высокую грудь. Простоту. Открытые глаза... Ни одного печальнаго часа, говорю тебѣ...

Д-ръ Козакевичъ. Ахъ, моя маленькая ангорская кошечка. Что ты дѣлаешь тамъ дома, и кто заботится о тебѣ?

Д-ръ Грюнвальдъ. Но вообще-то, Козакевичъ, есть ли хоть искорка надежды для меня?

Д-ръ Козакевичъ. Въ этомъ не станетъ сомнѣваться ни одна душа въ мірѣ. Младшая сдѣлала намекъ; кто знаетъ, вѣрна ли ея догадка? И въ самомъ ли дѣлѣ сегодня состоится объявленіе о помолвкѣ твоей дамы червей съ этимъ трефовымъ тузомъ? А хотя бы и такъ, помолвка еще не свадьба.

Д-ръ Грюнвальдъ. Дуэль. Дуэль. И ничего кромѣ дуэли... Сколько времени?

Д-ръ Козакевичъ. Время тебѣ исправиться, другъ. Слѣпое рвеніе всегда вредно. Не принесла тебѣ пользы даже вчерашняя выходка, хотя молодежь на твоей сторонѣ. Ты только сдѣлалъ противника рѣшительнѣе, показалъ ему серьезность его положенія. Если даже рѣшительно все будетъ потеряно: взгляни на меня. Велика ли бѣда, Грюнвальдъ? Мы соприкоснулись еще разъ, философствовали ночи напролетъ. Это же что-нибудь да значитъ и, во всякомъ случаѣ, обезпечиваетъ намъ примиренное воспоминаніе. Ты только послушай, какъ поетъ пеликанъ.

Д-ръ Грюнвальдъ. Никакъ и ты влюбленъ?

Д-ръ Козакевичъ. Къ сожалѣнію, я уже давно въ отпуску, мой другъ, и, стало-быть, больше мнѣ не нужно говорить о службѣ. А ты слушайся, понимаешь?

(Они оба поднялись; д-ръ Грюнвальдъ, въ сопровожденіи друга, направляется по дорогѣ).

Д-ръ Грюнвальдъ (останавливаясь). Ты увидишь ее. Не забывай меня. (Оба исчезаютъ за башней. Козакевичъ тотчасъ же возвращается назадъ, махая другу палкой. Потомъ, снова прислушиваясь, садится на ступеняхъ часовни. Вскорѣ послѣ этого изъ двери въ часовню появляется Людовика со скрипкой).

Людовика (съ крикомъ удивленія). Г. докторъ, вы подслушивали?

Д-ръ Козакевичъ. Это не должно удивлять васъ, прекраснѣйшая изъ фей: кто свиваетъ такія нити надъ садами, такую искристую мечтательную ткань изъ блеска и зноя, тотъ естественно долженъ ловить и глупыхъ, опьяненныхъ мошекъ.

Людовика. Я забралась сюда потому, что въ домѣ невыносимый шумъ

Д-ръ Козакевичъ. Къ тому же здѣсь безконечно красивѣе.

Людовика. Но скоро и здѣсь станетъ достаточно шумно. Къ часу сюда явится компанія и устроитъ здѣсь, среди зелени, пикникъ... Гдѣ же вашъ другъ?

Д-ръ Козакевичъ. Богъ вѣсть. (Онъ дѣлаетъ печальное лицо и фатально пожимаетъ плечами).

Людовика. Съ этимъ противнымъ Эвальдомъ Настомъ чудовищно. Никто изъ насъ, собственно, терпѣть его не можетъ. Даже наша бабушка не любила его. И все-таки онъ тиранитъ насъ всѣхъ поголовно.

Д-ръ Козакевичъ. Въ послѣднемъ я не сомнѣваюсь. Изъ перваго же есть одно исключеніе.

Людовика. Да. Но это для насъ всѣхъ, любящихъ Агату, совершенно загадочно.

Д-ръ Козакевичъ. Лично я ничего не имѣю противъ г. Эвальда Наста, но это—сама безпримѣрная неестественность. Одного бѣглаго взгляда достаточно, чтобы уловить все несоотвѣтствіе между вашей уважаемой сестрой и этимъ забавнымъ педагогомъ.

Людовика. Да, но почему же вашъ другъ былъ такъ глупъ и заставилъ Агату такъ долго мучиться.

Д-ръ Козакевичъ. Мой другъ—добрѣйшій, прекраснѣйшій человѣкъ, но по-своему нѣсколько прямолинейный, и вотъ онъ подчасъ такъ мало податливъ, что поступаетъ противъ всякой очевидности, противъ всякаго смысла... и не скажешь, какъ глупо... Не достигая совершенно близко лежащей цѣли.

Людовика (смѣясь). Въ такомъ случаѣ вы, собственно, отлично подходите другъ къ другу.

(Появляется Савина, одѣтая по-лѣтнему).

Савина. Ахъ, птички уже ждутъ хлѣбныхъ крошекъ. Терпѣніе! Завтракъ на открытомъ воздухѣ уже скоро.

Людовика. Мы тутъ говорили объ Агатѣ и Грюнвальдѣ.

Савина. Глупая, о чемъ же тутъ говорить?

Д-ръ Козакевичъ. Разъ вы приказываете, мы будемъ молчать. Но нѣтъ. Нельзя. Теперь нельзя молчать: мнѣ, многоуважаемая, какъ другу, а вамъ, многоуважаемая, какъ сестрѣ. И вотъ я обращаюсь къ вамъ съ вопросомъ, въ полномъ сознаніи опасности сейчасъ же лишиться вашей милости. Правда, маленькій г. Отто Кранцъ говорилъ мнѣ, что, по старинному обычаю этого дома, какой-то совѣтникъ консисторіи будетъ совершать сегодня молебствіе на открытомъ воздухѣ и при этомъ прекрасномъ случаѣ сообщитъ открыто ужасающій фактъ.

Сабина. Для кого же это ужасающій фактъ?

Д-ръ Козакевичъ. Ахъ, сударыня, для всѣхъ.

Сабина. Вы—адвокатъ всѣхъ?

Д-ръ Козакевичъ. Это—противный здравому смыслу фактъ, который поразитъ двѣ благородныя натуры въ самую сердцевину ихъ существованія.

Сабина. Г. докторъ, между нами, сестрами, уговоръ: ни одна изъ насъ не мѣшаетъ остальнымъ и не стѣсняетъ свободы ихъ рѣшеній... Кто спрашиваетъ съ меня? Я держусь крѣпко своего. Сверхъ того: Агата всегда шла своей дорогой. Самъ папа съ трудомъ могъ повліять на нее. И мнѣ подавно не удастся то, что̀ ему не удавалось.

Д-ръ Козакевичъ. Но если-бъ вы были одного мнѣнія съ нами, то намъ слѣдовало бы образовать лигу, своего рода общество спасенія.

(Изъ кустовъ появляется Отто).

Отто (одѣтый по-лѣтнему и въ соломенной шляпѣ). Уходите отсюда, люди добрые.

Сабина. Сперва должна я знать: гдѣ мой крестъ?

Отто. Крестъ... Креста... Кресту... Крестъ... Вы совсѣмъ не знаете, что я мстителенъ, какъ корсиканецъ... Люксъ, пойдемъ. Теперь—къ нашему главному. А вы будьте любезны уйти отсюда.

Сабина. Только не обожгитесь съ вашими глупостями.

(Сабина въ сопровожденіи Козакевича поднимается дальше въ гору за часовню и исчезаетъ).

Отто. Теперь, Люксъ, живо, помоги мнѣ втащить ящикъ.

(Людовика тотчасъ же бѣжитъ съ нимъ въ кусты, и они приносятъ дубовый ящикъ, почти черный отъ времени, со ржавой готической желѣзной оковкою со всѣхъ сторонъ. По серединѣ площадки имъ приходится отдыхать).

Отто. Черезъ нѣсколько минутъ онъ будетъ здѣсь. Камеръ-егерь уже разговариваетъ съ нимъ внизу, у пруда. Смотри же: онъ ловко сидетъ у меня.

(Они тащатъ ящикъ до самаго входа въ башню, гдѣ еще разъ опускаютъ его на землю).

Отто. Ты говоришь, что онъ показывалъ тебѣ крестикъ?

Людовика. Эвальдъ спрашивалъ, не намъ ли онъ принадлежитъ, и я тотчасъ же сказала—нѣтъ.

(Отто и Людовика съ ящикомъ исчезаютъ въ башнѣ. Вскорѣ послѣ этого, запыхавшись, сзади, приходятъ Адельгейда и ея женихъ Рейнгольдъ Кранцъ. Женихъ—стройный мужчина лѣтъ 28, съ усами, нѣсколько официально одѣтый въ сюртукъ, въ цилиндрѣ и съ палкой).

Адельгейда. Слава Богу, что ты здѣсь, Рейнгольдъ. Слава Богу, что мы здѣсь, на горѣ, внѣ суматохи, гдѣ намъ

никто не помѣшаетъ. Слава Богу, что скоро мы будемъ выше всѣхъ горъ.

Рейнгольдъ. Милая! Дорогая! Милая, ты чудовищно права. Иди сюда. (Онъ обнимаетъ ее. Она приникаетъ къ его груди, и они страстно цѣлуются. Вдругъ они отходятъ другъ отъ друга). Что̀ это?

Адельгейда. Ничего. Какъ будто кто заговорилъ.

Рейнгольдъ. Скажи, ты понимаешь вкусъ Агаты?

Адельгейда. Къ Эвальду? Да раньше, насколько я помню, она же сама просто-напросто смѣялась надъ нимъ... Пусть же посмотрятъ, какъ они выберутся. (Новыя объятія и поцѣлуй. Адельгейда внезапно освобождается и говоритъ) Ты не слышалъ своеобразнаго звука?

Рейнгольдъ. Нѣтъ. Гдѣ же?

Адельгейда. Гдѣ-то подъ землей,—вполнѣ опредѣленный, глухой звукъ.

Рейнгольдъ. Но, милая, ты вся поблѣднѣла. Развѣ здѣсь у васъ иногда появляются привидѣнія?

Адельгейда. Иногда въ саду не совсѣмъ ладно. Въ особенности здѣсь, вокругъ старыхъ развалинъ. Недавно шли мы, четверо сестеръ, и вдругъ всѣ остановились и задрожали и смотрѣли другъ на друга. И я могу тебя увѣрить, что мы одновременно совсѣмъ рядомъ съ нами услышали голосъ, вполнѣ явственно дважды звавшій о помощи. Помогите, помогите!—приблизительно такъ.

Рейнгольдъ. Это, поди, старый, триста лѣтъ назадъ умершій епископъ Бенно, который жилъ здѣсь со своими красавицами-племянницами.

Адельгейда. Смотри, вотъ опять. Послушай, не дѣлай глупостей.

Рейнгольдъ. Это было въ старой цистернѣ... Теперь въ башнѣ. Вотъ здѣсь.

Адельгейда. Башня и цистерна соединены подземнымъ ходомъ.

(Во входѣ въ башню появляется Людовика).

Рейнгольдъ. Люксъ! Ларчикъ просто открывался.

Адельгейда. Что̀ ты тамъ дѣлаешь подъ землею, Люксъ, ты же нагнала страху на насъ.

Людовика. Я еще не вижу васъ, я еще совсѣмъ слѣпа. И воздухъ же тамъ внизу,—ужасный! Я спотыкалась о цѣлые скелеты.

Отто (невидимый въ цистернѣ, зоветъ). Люксъ!

Адельгейда. Еще кто-нибудь внизу?

Рейнгольдъ. Да... Эй, братецъ, вылѣзай сейчасъ же. Я тебѣ покажу, какъ здѣсь проказничать.

Адельгейда. Ты тутъ была съ Отто? Что это значитъ?

Людовика. Мы этимъ не хотимъ сказать ничего особеннаго.

Адельгейда. Пойдемъ со мной, Люксъ, такъ-то не годится. Да вы совсѣмъ съ ума сошли, дѣти. Ты сейчасъ же пойдешь со мной.

Рейнгольдъ (у входа въ башню, кричитъ внизъ). Отто, вылѣзай сейчасъ же. (Адельгейдѣ) Пробери-ка сестричку. А я съ братцемъ побесѣдую.

Людовика (смѣясь, уходитъ съ Адельгейдой).

Отто. Господи, я—что сова. Ничего не вижу. Гдѣ же Люксъ?

Рейнгольдъ. Не твое дѣло. Сюда уже идутъ люди. Вѣдь если-бъ васъ теперь встрѣтили здѣсь... Это пало бы на нашу семью, которой тетка и Эвальдъ и безъ того не жалуютъ.

Отто (быстро, слѣдя за происходящимъ внизу). Тсс... Помолчи. Ступай отсюда.

Рейнгольдъ. Какъ ты смѣешь выражаться такъ, дубина?

Отто. Не ори, чурбанъ. Уходи! Уходи же! Я говорю тебѣ: уходи! Не разстраивай моей шутки.

Рейнгольдъ (въ то время, какъ Отто насильно увлекаетъ и выталкиваетъ его). Послушай, да ты въ самомъ дѣлѣ рехнулся? (Оба уходятъ).

(Черезъ нѣсколько мгновеній на лужайкѣ появляются бродяга и за нимъ д-ръ Настъ).

Бродяга (возбужденный и немного пьяный). Теперь-то мы пришли.

Д-ръ Настъ. Значитъ, мы на мѣстѣ. Ну вотъ, все такъ и есть, какъ я предполагалъ: башня, цистерна, стѣна... И гдѣ же вы нашли крестикъ-то?

Бродяга. Внизу, внизу. Не здѣсь.

Д-ръ Настъ. Туда-то внизъ мнѣ сегодня, къ сожалѣнію, нельзя спускаться. Для этого сюртукъ и цилиндръ не годятся. Да еще сегодня намъ бы помѣшали. Но я встаю рано и завтра до восьми утра я приду сюда въ надлежащемъ одѣяніи, и тогда-то я, какъ ни въ чемъ не бывало, стану кротомъ среди кротовъ.

Бродяга. Стойте. Тише. Уже отсюда сверху видать. (Онъ съ большой таинственностью снимаетъ крышку съ цистерны, ложится на животъ и смотритъ внутрь). Смотрите, тамъ въ цистернѣ что-то свѣтится.

Д-ръ Настъ. Что же тамъ видно, добрый человѣкъ?

Бродяга. Видать. Видать, какъ внизу блеститъ и сверкаетъ.

Д-ръ Настъ. Дайте-ка я сниму сюртукъ и загляну однимъ глазкомъ туда... (Онъ вѣшаетъ свой сюртукъ на вѣтку, бережно кладетъ на землю свой цилиндръ и палку и становится на колѣни на краю цистерны) Но мнѣ нужно еще второе стекло. (Надѣваетъ пенсне подъ свои очки). Тамъ внизу я почти ничего не вижу, развѣ немного воды.

Бродяга. И ежа, который тамъ плаваетъ.

Д-ръ Настъ. Тогда у васъ зрѣніе лучше моего.

Бродяга. А теперь... теперь ежъ уже на сухомъ мѣстѣ. Да вы посмотрите, что онъ тамъ дѣлаетъ? Теперь онъ идетъ невѣрнымъ шагомъ и катится. И опять встаетъ и опять катится, и бѣжитъ въ прямомъ направленіи прямо на старый ящикъ, который торчитъ однимъ угломъ изъ грязи. Смотрите... Я показываю пальцемъ...

Д-ръ Настъ. Жаль, что у меня нѣтъ съ собой бинокля. Но подождите. Покажите мнѣ еще разъ это мѣсто.

Бродяга. Черный ящикъ, почти какъ гробъ. Только поменьше. Со старинной желѣзной оковкой.

Д-ръ Настъ. Гдѣ?.. Тамъ... Право, возможное дѣло... Вы въ самомъ дѣлѣ не такъ-то ужъ неправы... Но какъ же пробраться туда?

Бродяга. Мы принесемъ длинную лѣстницу.

Д-ръ Настъ (встаетъ, смотритъ на часы). Много ли у насъ времени? Дѣло дѣйствительно странное и до нѣкоторой степени волнуетъ меня... Ящикъ, наполовину врывшійся въ землю, повидимому, престарый и запертый. Но какъ же вы открыли его?

Бродяга. Я же вамъ не какой-нибудь лгунъ, но, какъ Богъ святъ, говорю по чести. Крючокъ-то изъ Наумбурга гнался за мной сюда, и вотъ я сперва перескочилъ черезъ стѣну и залѣзъ въ старую башню и, глядь, нахожу подземный ходъ и опять попадаю въ Наумбургъ.

Д-ръ Настъ. Вы хотите сказать, что этотъ ходъ ведетъ до Наумбурга?

Бродяга. До самаго Наумбурга, позади старой церкви.

Д-ръ Настъ. Невзирая на все. Оставимъ это. Нашъ живой духъ теряется въ сказкахъ. Хотя утверждаютъ, что существованіе подобнаго подземнаго хода...

Бродяга. Въ страхѣ, я все ползъ да ползъ, и тамъ-то нашелъ крестикъ и видѣлъ ящикъ въ большую дыру въ камняхъ.

Д-ръ Настъ (рѣшительно). Живо. Сбѣгайте въ домъ садовника и принесите мнѣ длинную лѣстницу. Лучше сейчасъ же изслѣдовать все дѣло. Пока они придутъ, пройдетъ еще добрыхъ полчаса.

Бродяга. Лучше-то лучше, тутъ вы правы. (Онъ перескакиваетъ черезъ стѣну за лѣстницей).

Д-ръ Настъ (собираясь взять свое рѣшеніе назадъ). Нѣтъ. Эй, вы! Послушайте: сейчасъ некогда... Вѣдь вотъ они уже поднимаются.

(Онъ поспѣшно натягиваетъ свой сюртукъ, надѣваетъ шляпу, береть палку въ руку и чиститъ себя.

Послѣ этого, степенной вереницею, снизу появляются слѣдующія пары: совѣтникъ консисторіи Іоэль и старуха Фонъ-Гейдеръ, 70-лѣтняя бабушка дѣвушекъ. У нея маленькое, умное, морщинистое птичье лицо и дѣдовскій важный видъ; вся въ черномъ шелку. Совѣтникъ, тѣхъ же лѣтъ, одѣвается изящно и юношески и со своими холеными серебристыми волосами представляетъ типъ остряка. За ними слѣдуютъ обрученные Рейнгольдъ и Адельгейда. Потомъ идетъ тетя Эмилія въ сопровожденіи Агаты. За ними Сабина и д-ръ Козакевичъ. Позади нихъ дядя подъ руку съ Людовикой. Послѣднимъ является Отто. Всѣ здороваются съ д-ромъ Настомъ торжественнымъ кивкомъ головы. Пары расходятся, и мужчины приносятъ плетеные стулья изъ часовни, одинъ изъ нихъ ставятъ на платформу для совѣтника, два другихъ внизу для старыхъ дамъ. Онѣ и совѣтникъ садятся. Потомъ, непринужденно, и всѣ остальные).

Совѣтникъ Іоэль (сидя, мягкимъ голосомъ). Я буду кратокъ, дорогіе мои во Христѣ. Я вижу предъ собою три поколѣнія. Съ каждымъ изъ нихъ волей Божьей я связанъ глубокими и совершенно особыми узами. Благородная старица, не отказавшаяся отъ далекаго, утомительнаго путешествія, чтобы присутствовать на празднествѣ своихъ правнучекъ, нѣкогда сама приводила ко мнѣ въ церковь свою собственную дочь, когда я былъ еще молодымъ и малоопытнымъ священникомъ и дочь была мала, и мы назвали ее Орталіей, и мы крестили ее святымъ крещеніемъ. И Орталія, ангельски милое дитя, стала ангельски милой женщиной на моихъ глазахъ. И въ одинъ прекрасный день пришла ко мнѣ ея высокочтимая мать и просила меня благословить у алтаря сердечный союзъ ея дочери со славнымъ торговцемъ и человѣкомъ. И я сдѣлалъ это. Старыя руки благословили Орталію и почили при этомъ на ея головѣ и на головѣ избраннаго супруга. И Орталія стала женою. Но путь, который еще предстояло пройти по волѣ Всеблагого, былъ кратокъ. Она умерла, родивъ супругу четырехъ цвѣтущихъ дочерей. Господь взялъ райскій цвѣтокъ, который даже въ этомъ земномъ эдемѣ жилъ съ трудомъ, томясь

сладостной тоскою... Господь взялъ ее назадъ въ Свой блескъ, въ Свое сіяніе и въ Свое ликованіе. Вотъ здѣсь я часто сиживалъ съ вашей прекрасной почившей матерью. Въ послѣдніе годы своей жизни она была уже какъ чистый, просвѣтленный духъ. Но и вашего отца уже нѣтъ сегодня. Взамѣнъ цвѣтетъ одно лишь Божье сѣмя, посѣянное въ нѣжности и прелести: вы, дорогія дѣтки. Цвѣтете, хотя вы сироты. И, благословивъ родителей въ гробахъ, сегодня я снова служу счастію и земному блаженству. Благословеніе Божье многолико, но сегодня оно особеннымъ образомъ проявляется въ двукратной формѣ. Я называю два имени: Адельгейды и Агаты. (Много взглядовъ обращаются на Агату, которая очень поблѣднѣла. Въ это мгновеніе изъ-за стѣны, перекладина за перекладиной, вдругъ выдвигается длинная лѣстница. Собравшіеся вначалѣ почти не замѣчаютъ ея, и священникъ продолжаетъ) Милыя, милость Отца Небеснаго да пребудетъ съ вами всегда. Взгляните сюда, просвѣтленные дѣхи родительской четы, на обѣихъ невѣстъ и ихъ избранниковъ. Аминь.

(Бродяга мало-по-малу продвинулъ всю лѣстницу, помѣшавъ священнику и заставивъ его поскорѣе кончить. На виду у всѣхъ, онъ мучится съ лѣстницей на самой стѣнѣ).

Рушевей (сердито подходя къ бродягѣ). Оселъ! Никакъ у васъ типунъ? Что вамъ здѣсь нужно съ этой проклятой лѣстницей?

Тетя Эмилія. Но, Густавъ. Нѣтъ, Густавъ. Воздержись... Ну, поцѣлуй меня, милая Агата.

Сабина (поднимаясь къ совѣтнику). Благодарю васъ, милѣйшій г. совѣтникъ.

Совѣтникъ Іоэль. Отлично, если ты довольна, милая Сабина.

Тетя Эмилія (Эвальду). Мой славный Эвальдъ. Желаю вамъ обоимъ, славныя дѣтки, въ покоѣ сердца и благодаря Бога, долгой, благой супружеской жизни. Идите же, дѣти, не стойте такъ далеко другъ отъ друга.

Совѣтникъ Іоэль (сошелъ внизъ, пожимаетъ обрученнымъ Кранцамъ руки). Всякаго благополучія. Всего-всего хорошаго.

Бабушка (давая Людовикѣ и Отто поцѣловать свою руку). Совѣтникъ вѣчно все тотъ же. Заставляетъ сердца таять, какъ воскъ.

Тетя Эмилія (ведетъ Наста къ бабушкѣ). Можно ему пожать вашу руку?

Д-ръ Настъ (поцѣловавъ руку). Мое почтеніе, сударыня.

Рушевей (рѣзко бродягѣ, который въ своей вознѣ не обращаетъ

вниманія на его замѣчанія вполголоса). Я швырну васъ внизъ съ обрыва. Убирайтесь. Уходите.

Бабушка (тетѣ Эмиліи). А какая, собственно, степень родства?

Д-ръ Настъ. Я позволю себѣ изложить дѣло. Мой отецъ былъ помощникъ ректора Настъ. Моя блаженной памяти мать, урожденная Финке, послѣ смерти отца вышла за...

Бабушка (крайне разсѣянная, уже больше не слушаетъ). Милыя, гдѣ же мой кавалеръ? Только не забывайте меня, старуху, совѣтничекъ. Безъ васъ мнѣ страшно среди молодежи. (Совѣтникъ тотчасъ же идетъ къ ней и рыцарски предлагаетъ руку, которую она принимаетъ. Продолжая) Я не вижу... не знаю... кого же я не вижу сегодня?.. Гдѣ же онъ... (Озирается кругомъ въ лорнетъ). Гдѣ докторъ Козакевичъ?

Д-ръ Козакевичъ (немедленно выступаетъ впередъ, цѣлуетъ ей руку). Съ вашего позволенія, я здѣсь.

Бабушка. А... да... гдѣ вашъ другъ? Онъ разсказывалъ мнѣ прелестныя вещи про корабль съ мѣхами, который изъ Гамбурга идетъ въ Амазонскую рѣку, вверхъ по теченію, и, нагруженный драгоцѣнными мѣхами, тотчасъ же возвращается назадъ. Агата, вашъ г. Грюнвальдъ уѣхалъ?

Д-ръ Козакевичъ. По крайней мѣрѣ я такъ полагаю, сударыня. Насколько мнѣ извѣстно, онъ обмѣнялся депешами съ департаментомъ колоній въ Берлинѣ. На сушѣ онъ совсѣмъ не находитъ покоя.

Рушевей (громко бродягѣ, который опустилъ лѣстницу въ цистерну). Что это значитъ, подлый негодяй?

Бродяга. Я не негодяй. Спросите вонъ того. Я съ нимъ считаюсь. Не съ вами.

Д-ръ Настъ (быстро спускаясь внизъ). Г. Клемтъ, хорошо, ступайте теперь.

Бродяга (безстыдно). Чортъ возьми. Чтобъ я теперь уходилъ. Что тамъ еще за выдумки? Я знаю, что мнѣ тутъ дѣлать.

Рушевей. Скажи, Эвальдъ, что у тебя за дѣла съ этимъ мошенникомъ?

Д-ръ Настъ. Частныя дѣла. Ничего.

Рушевей. Ахъ, тогда прошу извинить.

Отто. Здѣсь должны были произвести буреніе?

Д-ръ Настъ. Какъ знать: можетъ-быть, дерзкій мальчикъ...

Совѣтникъ Іоэль. Ну-те-съ, почтеннѣйшій наставникъ, поздравляю отъ всей души.

Д-ръ Настъ. Искреннее спасибо, ваше высокопреподобіе.

Совѣтникъ Іоэль. Сдѣлайте же нашу Агату счастливой.

Д-ръ Настъ. Я не воркующій любовникъ. Конечно, уже прошло время писемъ на двадцати и болѣе страницахъ. Я же уповаю, что мнѣ удастся доказать моей Агатѣ, что она въ хорошихъ рукахъ.

Совѣтникъ Іоэль. Милѣйшая Агата, время свободы теперь уже прошло. Какъ говорится: жена да боится своего мужа.

Д-ръ Настъ. Моя славная дѣвушка, не бойся. Мои ученики говорятъ про меня: строгъ, но справедливъ. И, надѣюсь, ты подтвердишь ихъ мнѣніе.

Бродяга (кричитъ). Что же, приниматься, г. профессоръ, или нѣтъ?

Д-ръ Настъ. Въ чемъ дѣло, Клемтъ? Вы все еще здѣсь? Я хочу произвести изслѣдованіе завтра.

Сабина. Но, Эвальдъ, Эвальдъ, я удивляюсь! Изъ-за него ты хочешь удалить садовника, а теперь вотъ ты самъ возишься съ этимъ человѣкомъ?

Д-ръ Настъ. У меня есть свои основанія. Кто, какъ я, уже почти двадцать лѣтъ занятъ мѣстной исторіей, тотъ не упуститъ ни одного случая, хотя бы въ самой малой степени, пролить немного свѣта на нее. Дѣло не въ томъ, чтобы держать рѣчи о скульптурѣ въ вашемъ соборѣ, но чтобы всюду дѣятельно интересоваться минувшею эпохою... Почему бы и нѣтъ въ концѣ-то концовъ? Клемтъ, спуститесь-ка въ цистерну. (Бродяга быстро спускается въ цистерну). Покуда что, въ промежуткѣ, я вамъ кое-что покажу, что, благодаря случаю, недавно попало мнѣ въ руки.

Людовика. Случаю? Случай не заслуга.

Д-ръ Настъ (смѣясь). Взвѣсьте же то рѣдкое обстоятельство, что мы здѣсь почти вдругъ превратились въ слѣдственную комиссію, а это на мой взглядъ не случай.

Бабушка. Ахъ, ахъ. Чрезвычайно интересно.

Д-ръ Настъ. И это, пожалуй, заинтересуетъ васъ еще глубже. (Показываетъ старой дамѣ крестикъ изъ слоновой кости, который приносилъ ему бродяга). Это—превосходное старинное издѣліе изъ слоновой кости и... не смѣшивайте съ Отто Маленькимъ... (хлопаетъ Отто по плечу) повидимому, изъ временъ Отто Великаго.

Бабушка. Восхитительно.

Тетя Эмилія. Великолѣпно.

Д-ръ Козакевичъ. Прекрасная работа.

Совѣтникъ Іоэль. Почти такая же красивая (Сабинѣ), какъ та, что была у тебя на шеѣ при конфирмаціи.

Сабина. Это же... да, была дѣйствительно почти такая же.

Д-ръ Настъ (кричитъ въ цистерну) Клемтъ! А Клемтъ!

Голосъ Клемта. Держу въ рукахъ, г. профессоръ.

Д-ръ Настъ (возбужденно). Мнѣ все же любопытно, что это такое. (Бѣжитъ къ Агатѣ, передаетъ ей крестикъ) Это—твой крестикъ, милая.

Агата (какъ бы просыпаясь отъ безпамятства). Нѣтъ, Эвальдъ, это же крестикъ Сабины.

Д-ръ Настъ. Сперва моя Агата, а потомъ Сабина. (Онъ снова спѣшитъ къ колодцу, снимаетъ сюртукъ) Простите мнѣ эту вольность, господа. Дѣло замѣчательно интересно. Возможно, что здѣсь вытащатъ не совсѣмъ никуда негодный хламъ. Когда Густавъ-Адольфъ и курфюрстъ Іоганнъ-Георгъ при Лейпцигѣ разбили на голову чудовищнаго Тилли, то, навѣрное, князь церкви спряталъ свои сокровища и драгоцѣнности въ погребахъ и колодцахъ. Г. Клемтъ!

Голосъ Клемта. Иду.

Д-ръ Настъ. Проворнѣе, Клемтъ.

Д-ръ Козакевичъ (Рушевею, вполголоса). Вы понимаете, дядюшка?

Рушевей. Нѣтъ. Откровенно говоря, покуда что, нѣтъ. У меня голова кругомъ пошла.

Совѣтникъ Іоэль. О чемъ здѣсь рѣчь, г. учитель?

Д-ръ Настъ. На днѣ цистерны что-то лежитъ. Я это замѣтилъ уже нѣсколько недѣль тому назадъ. А недавно опять съ моимъ другомъ Остерманомъ. И теперь мнѣ хотѣлось установить дѣло точнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, онъ нетъ что-то тяжелое.

Бабушка. Очень любопытно. Право же, восхитительно. (Агатѣ) Крайне проницателенъ, крайне уменъ твой женихъ.

Д-ръ Настъ. Слишкомъ лестно. Пожалуйста, подождемте спокойно. Насколько мнѣ уже видно, ящикъ очень старъ. Весь съ настоящей готической оковкой. (Всѣмъ туловищемъ нагибается надъ цистерной) Отто, держи меня за руку. (Отто беретъ его за правую руку, такъ что Насту нельзя упасть въ цистерну, Отто тянетъ Козакевичъ, послѣдняго Людовика. Свою свободную руку Настъ опускаетъ глубоко въ колодецъ). Теперь держи, Клемтъ .. Толкай! Разъ: толкай! два: толкай! и три: толкай!

Отто (задорно). Го-гопъ! Го-гопъ!

Д-ръ Настъ. Браввссимо. Наконецъ-то. (Ящикъ, который раньше принесли Людовика и Отто, теперь соединенными усиліями вытащили изъ колодца и поставили на лужайкѣ). Ну, что я говорилъ?

Бродяга. Второй разъ за это не возьмусь. Теперь позвольте деньги, и я ухожу.

Д-ръ Настъ. Спасибо. Вотъ вамъ талеръ... А теперь мы осмотримъ вещь. Прежде всего: висячій замокъ... Не заперъ. Очевидно, отъ старости ржавчина переѣла.

Бродяга (вполголоса Отто). Ну, развѣ я не аккуратно продѣлалъ всю штуку?

Отто. Держи языкъ и поскорѣе—маршъ.

(Бродяга перескакиваетъ черезъ стѣну и исчезаетъ).

Д-ръ Настъ. Эта тяжесть въ расчетъ не принимается. Возможно, что содержаніе-то ничего не стоитъ. Но все же весьма возможно... (Онъ дрожащими руками открываетъ крышку ящика, передъ которымъ онъ стоитъ на колѣняхъ, и смотритъ внутрь. Въ крайнемъ любопытствѣ всѣ тѣснятся кругомъ). Что же это такое?..

Тетя Эмилія. Ну, что тамъ, Эвальдъ?

Д-ръ Настъ (полуоцѣпенѣвъ). Здѣсь... странныя вещи.

Совѣтникъ Гоэль. Все это очень важно.

Сабина (вынимаетъ большую, завернутую въ бумагу, колбасу). Никакъ здѣсь готская колбаса?

Рушевей. А здѣсь наумбургская ливерная.

Людовика. А здѣсь вареная пражская ветчина.

Бабушка. Совѣтникъ, вы видите? Милая шутка дѣточки, которая прелестно удалась. Ахъ, вотъ хохоталъ бы вашъ отецъ.

(Сабина, Людовика, Рушевей, Рейнгольдъ Кранцъ разражаются громкимъ хохотомъ. Совѣтнику съ трудомъ удается быть серьезнымъ).

Тетя Эмилія (блѣдная, въ глубокомъ раздраженіи). Я нахожу эту выдумку мужицкой.

Д-ръ Настъ (встаетъ, среди гробового молчанія надѣваетъ сюртукъ и подаетъ руку тетѣ Эмиліи). Ахъ, тутъ хотятъ водить меня за носъ... Милая тетя Эмилія, пойдемте! При такихъ обстоятельствахъ мы не подходимъ другъ къ другу.

Сабина (полусмѣясь, полусерьезно, успокаиваясь). Эвальдъ, нужно же понимать шутки.

Д-ръ Настъ. Сожалѣю.

Агата. Прошу тебя, Эвальдъ, возьми меня съ собой.

Д-ръ Настъ. Мнѣ не хотѣлось бы испортить тебѣ пикникъ!

(Настъ съ тетей Эмиліей, не оглядываясь, уходятъ внизъ. Агата

дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и зоветъ: «Эвальдъ». Зовъ остается безъ отвѣта. Послѣ этого она быстро уходитъ въ паркъ въ противоположномъ направленіи. Теперь, одновременно, Сабина, Рейнгольдъ Кранцъ и дядя набрасываются на Отто. Всѣ трое схватываютъ его за уши).

Сабина. Сознайся, что это ты надѣлалъ?!

Отто. Да, я, совершенно вѣрно. Это—за вербнаго осла.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

То же мѣсто, что̀ и въ предыдущемъ дѣйствіи. Ящикъ съ содержимымъ брошенъ и нетронутъ. Солнце приближается къ горизонту. Около 5 часовъ вечера. Съ разныхъ сторонъ появляются Сабина, Людовика и Адельгейда.

Сабина. И вы тоже? Я не нашла ея.

Адельгейда. Можетъ-быть, она уже давно дома.

Людовика. Я какъ разъ оттуда. Дядя Густавъ все время караулитъ домъ, и, могу васъ увѣрить, ея тамъ нѣтъ.

Адельгейда. Возможно, что она убѣжала къ тетѣ Эмиліи въ Наумбургъ, чтобы успокоить Эвальда и тетю

Людовика. Могу поручиться, что она этого не сдѣлала. Когда Эвальдъ наконецъ обратился къ ней и сдѣлалъ ей послѣднее жесткое замѣчаніе, то я смотрѣла на нее... теперь она этого не сдѣлаетъ.

Сабина. Агатѣ нельзя вѣрить. Если только она не надѣлала чего-нибудь другого, еще глупѣе.

Адельгейда. Теперь всѣ мы вмѣстѣ поднимемся по ущелью и посмотримъ въ верхнюю дверцу.

Сабина. А вы знаете, что бабушка устраиваетъ сегодня остальное, и въ Наумбургѣ въ городской часовнѣ заказана еще серенада въ честь этого дня?

Адельгейда. Какъ странно все складывается иногда: совсѣмъ иначе, несмотря на лучшія намѣренія.

Агата. Дверь въ часовню закрыта.

Сабина. Что̀?

Людовика. Пожалуй, Агата тамъ-то и сидитъ. Я тихо-тихо прокрадусь туда наверхъ. (Она дѣлаетъ это и прислушивается у двери въ часовню. Потомъ спускается нѣсколько ступеней ниже и шепчетъ ожидающимъ). Сестры, по-моему, внутри долженъ быть кто-нибудь. Я слышала шелестъ шелковаго платья.

Сабина. Да, дѣти, тогда скоро выяснимъ! (Она энергично поднимается по лѣстницѣ, стучитъ въ дверь въ часовню и зоветъ). Агата! Агата! Ты должна сейчасъ же открыть!

Адельгейда. Почему же она должна вдругъ очутиться тамъ?

Сабина. Потому что дверь обыкновенно не заперта, дитя! Агата, Агата, отвори же! Тебѣ незачѣмъ такъ безполезно пугать насъ.

Адельгейда. Я не вѣрю, что она тамъ. Сабина.

Людовика. Я видѣла въ щель. Она сидитъ тамъ. Сидитъ въ лѣвомъ углу. Забившись въ самый уголъ.

Сабина (громко, съ дѣланной рѣшимостью). Бѣги, Люксъ, приведи сюда дядю. Пусть онъ лучше всего сейчасъ же захватитъ съ собою садовника. Нужно немедленно взломать дверь. (Раздается стукъ въ дверь изнутри). Кто тамъ?

Голосъ Агаты. Это я.

Сабина. Ахъ, ты.

Голосъ Агаты. Пожалуйста, оставьте меня въ покоѣ.

Сабина. Хорошо! А ты не хочешь открыть дверь?

Голосъ Агаты. Теперь нѣтъ, Сабина, рѣшительно нѣтъ.

Сабина. А я рѣшительно требую.

Голосъ Агаты. Вы всѣ тутъ?

Сабина. Люксъ, Адельгейда и я.

Голосъ Агаты. Пусть Люксъ и Адельгейда уйдутъ.

Людовика. Фу, Агата, какъ ты отвратительно обращаешься со мной! А я такъ люблю тебя и такъ восхищаюсь тобой.

Адельгейда (увлекаетъ съ собой Людовику). Пойдемъ, что̀ ей дѣлать съ твоимъ восхищеніемъ.

(Она уходитъ съ Людовикой).

Сабина (рѣшительнымъ кивкомъ удаливъ сестеръ). Агата, отвори! Теперь мы одни.

Голосъ Агаты. Ты мнѣ клянешься?

Сабина. Да. Слышишь! клянусь. (Ключъ медленно поворачивается въ замкѣ, и въ дверяхъ, блѣдная и заплаканная, появляется Агата). Но, дѣвушка, тебя точно выжали.

Агата. Въ чемъ же дѣло? Чего... ты хочешь?

Сабина. Собственно, ничего. Я только хотѣла убѣдиться, гдѣ ты и благоразумна ли ты.

Агата (вся въ слезахъ). Не знаю... Вѣчно вы съ вашимъ благоразуміемъ!.. Не безпокойтесь, прошу васъ, обо мнѣ: я уже одна найду себѣ выходъ.

Сабина. Что̀ же это за выходъ, спрашивается.

Агата. Оставьте меня! Оставьте меня! Прошу тебя. Будь такъ добра, милая Сабина, перестань тужить обо мнѣ. Я не буду въ тягость никому! И никого не касается, какой дорогой я пойду, — вслѣдъ за мамой, которая тоже рано освободилась.

Сабина. Все это ты можешь обдумать завтра! Пойдемъ! Утро вечера мудренѣе. Тамъ снова будетъ свѣтящій солнечный свѣтъ...

Агата. И гнетъ, и тоска, и снова боль!.. Послушайте, дѣти, я васъ не понимаю, какъ только вы можете привязываться ко всему этому! Чего же вы ждете, на что надѣетесь? Мельница мелетъ сегодня, какъ вчера! Столяръ пилитъ, пекарь печетъ! И все такъ пустынно, такъ безконечно томительно! И вѣчное безсмысленное терзаніе.

Сабина. Ты сама себя терзаешь, милая Агата.

Агата. На свадьбѣ Адельгейды я не буду.

Сабина. Тогда ты пойдешь къ тетѣ Эмиліи?

Агата. Никогда и ни за что я не пойду къ тетѣ Эмиліи.

Сабина. Куда же ты хочешь пойти?

Агата. Не спрашивай!.. (Вспыливъ) Я рада, что такъ случилось! Я рада, что люди показали себя мнѣ! Каковы они безъ маски! Такъ хорошо: теперь я знаю ихъ! Я ненавижу ихъ всѣхъ! Я ненавижу ихъ обоихъ.

Сабина. Милая Агата, ты же сама хотѣла! Собственно, тебѣ нечего теперь удивляться.

Агата. Я же тебѣ говорю, я не удивляюсь. Одинъ лжетъ и другой лжетъ! И въ концѣ концовъ мнѣ никто не нуженъ! Они оба могутъ обойтись безъ меня.

Сабина. Да, на свѣтѣ безконечность возможностей.

Агата. И ему не нужна ни вѣрность ни любовь! Откуда тебѣ знать, какъ я истомилась въ мечтахъ! Какъ я измучила свою совѣсть! Я думала и такъ и сякъ, чтобы безусловно не сдѣлать ничего ложнаго! И вотъ я стою и совершенно покинута!.. Заклинаю тебя никому, даже сестрамъ, не говорить ни слова изъ того, что я сейчасъ болтала! Сегодня я сама себя не узнаю! Я потеряла себя и должна искать себя, а для этого я должна остаться совершенно одна.

Сабина. Агата, ты меня безпокоишь.

Агата. Тебѣ нечего безпокоиться, Сабина. Потому что такъ, какъ теперь, я скорѣе могу привести себя въ ясность, въ полную независимость!

Сабина. Хорошо, это было бы, такъ сказать, похоже на меня. Но пойдемъ теперь со мной, прошу тебя.

Агата. А я тебя прошу, оставь меня одну, Сабина. Клянусь тебѣ...

Сабина (ударяя рукой). Значитъ, ты мнѣ клянешься.

Агата. Клянусь тебѣ, что хочу пробиться какъ-нибудь и что не предприму ничего безумнаго.

(Обѣ сестры цѣлуются въ подтвержденіе обѣщанія и вмѣстѣ уходятъ. Послѣ того какъ онѣ исчезли, появляется д-ръ Грюнвальдъ. Онъ пробирается къ стѣнѣ и вооружаетъ глаза своимъ биноклемъ. По тому, какъ онъ то выслѣживаетъ, то прячется, видно, что онъ во что бы то ни стало хочетъ изслѣдовать происходящее внизу въ домѣ и вокругъ дома. Ничего не подозрѣвая, закрывъ ротъ носовымъ платкомъ, снова появляется Агата. Д-ръ Грюнвальдъ тотчасъ же услышалъ шаги, пугается и оборачивается. Оба узнаютъ другъ друга и стоятъ, какъ вкопанные).

Д-ръ Грюнвальдъ. Я съ трудомъ рѣшаюсь вѣрить моимъ глазамъ.

Агата (судорожно, безпомощно). Уходите! Уходите! Оставьте меня!

Д-ръ Грюнвальдъ. Нѣтъ! Въ этотъ мигъ я не смѣю! Я вижу по вашему лицу, фрейлейнъ Агата, что теперь васъ нельзя оставлять одну.

Агата. Наоборотъ. Уходите! Оставьте меня!

Д-ръ Грюнвальдъ. Милая Агата, не требуйте этого. Дѣло касается—оставимъ все въ сторонѣ! Рѣдкой случайности такъ угодно! — это противъ моего долга, въ этотъ мигъ! И я поступаю не дурно и не безотвѣтственно.

Агата. Уходите! Уходите! Оставьте меня!

Д-ръ Грюнвальдъ. Я прошу васъ, по крайней мѣрѣ, выслушать меня: я ничего не требую! Ничего не жду! Я вполнѣ примирился! И я тотчасъ же избавлю васъ отъ моего ненавистнаго присутствія, но раньше позовите одну изъ вашихъ сестеръ.

Агата. Нѣтъ, нѣтъ! Ради Бога, нѣтъ.

Д-ръ Грюнвальдъ. Тогда вы будете терпѣть меня до тѣхъ поръ, Агата, пока я не узнаю, что вы опять въ безопасности и въ любящихъ рукахъ сестеръ.

Агата. На землѣ нѣтъ такихъ рукъ.

Д-ръ Грюнвальдъ. Но, къ сожалѣнію, небо закрыто для насъ; и мы вѣчно падаемъ назадъ въ земное, пока мы живемъ и дышимъ!.. О, Боже! Боже! я самъ чувствую себя такъ, будто горы и долины начинаютъ колебаться вокругъ меня. И, можетъ-быть, дѣйствительно дерзновенно, въ подобномъ настроеніи, желать-быть опорой другимъ.

Агата. До чего вы довели меня, г. Грюнвальдъ, до какого ужаснаго состоянія!

Д-ръ Грюнвальдъ (падаетъ передъ нею ницъ и схватываетъ ее за руки). Да, я это сдѣлалъ и за это проклинаю себя! Будь я проклятъ! Проклятъ! Проклятъ до моего послѣдняго издыханія! Ударь меня! сюда! въ лицо! Я не могу жить безъ тебя! Не могу жить, не могу умереть! Спаси меня! Раздави!

Агата (въ ужасѣ, потрясенная). Г. Грюнвальдъ, нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! Встаньте.

Д-ръ Грюнвальдъ. Подними меня, потому что я не въ силахъ встать. (Съ заглушеннымъ слезами ликованіемъ онъ частью привлекаетъ ее къ себѣ, частью приподнимается къ ней—и внезапно цѣлуетъ ее крѣпкимъ долгимъ поцѣлуемъ). Агата!

Агата (среди поцѣлуевъ). Такъ долго... такъ долго!..

Д-ръ Грюнвальдъ. Наконецъ-то!.. наконецъ-то! Ахъ, я такъ тосковалъ, такъ тосковалъ по тебѣ! Моя душа блуждала вокругъ этого дома!.. Ахъ, я былъ такъ боленъ!.. Ахъ, я былъ такъ разбитъ!.. Ахъ, ты обнаружила такую ужасную силу. Ахъ, если-бъ ты только видѣла это: на кораблѣ за нами летѣла чайка. Я думалъ, это—ея вѣрная душа. Она сопровождаетъ меня на сушѣ и на морѣ. Ахъ, я молился на твой образъ. Я сдѣлалъ его моимъ богомъ. Я только моимъ богомъ и жилъ. Здѣсь, здѣсь на груди ношу я твою перчатку. Я вставалъ съ нею, засыпалъ съ нею! Я не могъ видѣть ни одной женщины! Я ненавидѣлъ ихъ всѣхъ. Онѣ были противны мнѣ, какъ подлыя насмѣшливыя гримасы, чтобы сдѣлать мою утрату мучительнѣе сто кратъ. Ахъ, если-бъ и ты чувствовала это!

Агата. О! я чувствовала это!

Д-ръ Грюнвальдъ. Никогда, милая, никогда! Потому что я былъ ничто, ничто, ничто безъ тебя! И я хотѣлъ преодолѣть эту слабость! Я стыдился за себя! Презиралъ себя! Двадцать разъ я хоронилъ тебя въ себѣ, какъ прекрасную усопшую въ бѣлыхъ ризахъ! Хоронилъ тебя съ цвѣтами, оплакивалъ тебя слезами, и вдругъ ты снова воскресала, торжествуя, какъ царица, и взглядывала на меня, и я могъ думать только о томъ, чтобы обладать тобой Ни о моей работѣ, ни о моихъ изслѣдованіяхъ! Я былъ трусъ, страшился смерти! Такъ какъ я знаю, что не нашелъ бы покоя безъ тебя... безъ тебя! даже въ гробу! даже на самомъ глубокомъ днѣ морскомъ.

Агата. И я такъ ненавидѣла, такъ ненавидѣла тебя (Новыя объятья и поцѣлуи).

Д-ръ Грюнвальдъ (какъ бы пробуждаясь отъ обморока). Куда же собственно занесло меня? Все это дѣйствительность? Та ли ты въ самомъ дѣлѣ, кого я здѣсь крѣпко обнимаю? Никакихъ стѣнъ, никакихъ океановъ между нами? И ты переносишь все и допускаешь? Это правда? Я не фантазирую? Дѣйствительно ли угодно небесамъ, чтобъ я держалъ въ объятіяхъ небесное созданіе, которымъ, казалось, я навѣки отвергнутъ? Ахъ, милая, такое непосильное счастье! Прости меня: мнѣ противно, когда плачутъ мужчины! Но я плачу! У меня кружится голова; я не могу понять!

Агата. Я не знаю, какъ это вышло: но если ты хочешь меня, такою дурною, какъ я, такою отвратительной, такой злою, такою противной.

Д-ръ Грюнвальдъ. Дѣйствительно ли эта нѣжная и мягкая рука можетъ держать такъ ужасно тиранически? Что убиваетъ и снова пробуждаетъ къ жизни? Эти волосы? Милый пушокъ на затылкѣ? Милое, и дикое, и упрямое сердце, которое я люблю? Люблю, какъ оно бьется въ своемъ божественномъ, трепетномъ жилищѣ:—бьется... вѣрное мнѣ!.. стучитъ мнѣ изъ груди!.. на моемъ... съ моимъ.. столь нѣжно живое... навстрѣчу мнѣ!.. моему сердцу, рвущемуся къ нему!.. О, глубокая, мучительная тоска! О, страхъ! Страхъ высочайшаго обладанія! Вѣчнаго! вѣчнаго!.. О, вѣчность! (Горячее забвеніе овладѣваетъ обоими среди горячихъ поцѣлуевъ).

Агата. Шаги! Возлюбленный другъ, встань.

Д-ръ Грюнвальдъ. Я живу! Живу! Жилъ. И теперь я смѣюсь надъ всѣмъ. (Громко) Кто тамъ? Войдите, если это не лишній!.. Никого!.. Лучше для насъ и него, чѣмъ если-бъ онъ былъ кѣмъ-нибудь! Я готовъ оторвать уши... Ахъ, милый, святой пражскій Боже, ты, право же, великолѣпно устроилъ это.

Агата (поправляетъ волосы, приводитъ въ порядокъ платье и съ робкой нѣжностью подходитъ къ Грюнвальду, взявъ его за руку и тихо гладя его по плечу). Если хочешь, милый Францъ, то мы сейчасъ же пойдемъ къ бабушкѣ и тотчасъ же сообщимъ всѣмъ.

Д-ръ Грюнвальдъ. Развѣ тебѣ такъ ужъ къ спѣху, сердце мое?

Агата. Да, всѣ они должны узнать это: сейчасъ же! Я больше не хочу быть замѣшанной въ тайны и неясность. И ты долженъ узнать меня другою.

Д-ръ Грюнвальдъ. Нѣтъ, милая, будь всегда такою, какъ есть. Пусть они тамъ живутъ въ пустотѣ и скучаютъ. Солнце заходитъ! Восходитъ луна, и теперь я не пущу тебя, любовь моя!.. Хочешь, мы сейчасъ же уѣдемъ?

Агата. Куда бы ты ни приказалъ, и въ тотъ же мигъ!

Д-ръ Грюнвальдъ. Не простившись съ дядей и сестрами?

Агата. Ты—все. Что я оставляю позади? Я жива только твоимъ взглядомъ.

Д-ръ Грюнвальдъ. Столько силы, столько рѣшимости вдругъ?

Агата. Ни силы ни рѣшимости: я сильна только тобой! Только тобой.

Д-ръ Грюнвальдъ (послѣ долгаго поцѣлуя, все съ бо́льшимъ жаромъ и таинственнѣе, увлекая Агату за собой къ часовнѣ). Какъ сильно вдругъ запахло тимьяномъ!

Агата. Тимьяномъ и вереском.

Д-ръ Грюнвальдъ. О, драгоцѣнное, сладкое, опьяняющее зелье! Смотри,—луна, какъ пылающая кадильница! Усыпляющіе, драгоцѣнные пары вздымаются вверхъ! Смотри, какъ внизу течетъ Зале. Волнистый туманъ, какъ жертвенный дымъ! И древній призрачный городъ и соборъ! Нимфа! Лунная волшебница! Русалка изъ водъ Зале! все кругомъ только жертва для тебя. И я преданъ тебѣ на жизнь и смерть. (Они исчезаютъ внутрь часовни).

(Отто и Людовика, размахивая зажженными бумажными фонарями, беззвучно выскакиваютъ на поляну).

Людовика. Скоро внизу начнется серенада бабушки.

Отто. Гдѣ же ихъ поставять?

Людовика. Внизу, передъ террасой, разумѣется. На террасѣ сидитъ бабушка и играетъ съ совѣтникомъ въ тарокъ.

Отто. А какая у нихъ программа?

Людовика. Танцы, салонная музыка, болѣе легкія вещи! Другого бабушка не любитъ. Здѣшній міръ кажется ей очень опустѣлымъ. Она хочетъ представить себѣ Ниццу и Баденъ-Баденъ.

(Глухими звуками внизу начинается оркестровая музыка и переходитъ въ не слишкомъ пошлый вальсъ).

Отто. Люксъ, ящикъ все еще здѣсь.

Людовика. Очень благодатный ящикъ! Агата недостаточно умна, чтобы понять спасительность ящика.

Отто (пляшетъ, вскидывая одной рукой фонарикъ и другой яблоко).

Да, нашъ ящикъ благодатенъ: частью въ томъ и частью въ другомъ смыслѣ.

Людовика. Эй, великолѣпный, безподобный золотой рапистъ! (Она пляшетъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ Отто, но какъ партнерша, тоже съ фонарикомъ въ одной рукѣ, въ другой же — съ яблокомъ, отъ котораго она откусываетъ). Намъ-то все равно— мы довольны.

Отто. Намъ все—пустяки.

Людовика. Намъ все трынъ-трава. Что филинъ, что сова.

Отто. Что пепелъ, что зола.

Людовика. Смотри, я—летучая мышь.

Отто. Угу, угу, я—сова.

Людовика. Вѣдьма!

Отто. Я—чародѣй!

(Кто-то тихо кричитъ: «браво» и рукоплещетъ. Пляшущіе, смѣшными движеніями, въ изумленіи останавливаются. Въ свѣтѣ фонариковъ появляется д-ръ Козлкевичъ).

Д-ръ Козлкевичъ. Я мѣшаю ночной волшебной пляскѣ. Окажите мнѣ милость, милые свѣтляки, и примите меня, какъ нѣмого, скромнаго гостя, въ вашъ магическій кругъ!

Людовика. Г. докторъ, вы пошли не домой.

Д-ръ Козлкевичъ. Да, но я не нашелъ бѣглеца.

Людовика. Но не говорите такъ громко, докторъ. Это пронизываетъ человѣка.

Д-ръ Козлкевичъ. Я говорилъ громко? Не замѣтилъ! Что же, отсрочка приближается къ концу, и компасъ указываетъ на пустынный, грубый, пошлый, избитый и совсѣмъ не идеальный міръ.

Людовика. Когда грустно, пляшутъ.

Д-ръ Козлкевичъ. Нужно вплестись въ хороводъ смерти. У людей еще далеко нѣтъ истиннаго представленія своего ничтожества. Жизнь большинства людей—только тлѣніе, не горѣніе. Нѣкоторые хотятъ раздуть тлѣніе въ пламя. Гумбольдтъ въ среднемъ спалъ только пять часовъ. Дѣти охвачены духомъ Діониса, взрослые—нѣтъ!

Людовика. Докторъ, вамъ не сбиться съ тона. До сихъ поръ вы же всегда были такъ веселы. Какое намъ дѣло до чужихъ глупостей. Будемъ радоваться, что мы такъ благоразумны. Вы не г. Грюнвальдъ, вамъ можно и смѣяться!

Д-ръ Козлкевичъ. Конечно! «Кто тебя обижаетъ?»— сказала кухарка и стала чистить карпа! Мудрость не защита отъ глупости, и лунный свѣтъ возбуждаетъ! Простите

мнѣ и позвольте мнѣ шептать при лунномъ свѣтѣ мои смутныя рѣчи.

Людовика. Знаете, что̀ мнѣ приснилось? Мы ѣхали въ саняхъ: Грюнвальдъ, Агата и я. Сани Грюнвальда тащилъ бѣлый песъ, Агату везла бѣлая медвѣдица. Меня же—прекрасная бѣлая лиса, и за пушистый хвостъ ея я держалась...

Д-ръ Козакевичъ. А гдѣ же былъ я?

Людовика. Не знаю.

Д-ръ Козакевичъ. Куда же былъ направленъ путь безъ меня?

Людовика. Впереди насъ бѣжалъ Отто и манилъ животныхъ.

Д-ръ Козакевичъ. У шельмы сладкое мясо, не правда ли!? (Отто, который балансируетъ на стѣнѣ съ фонаремъ) Пляшите, прыгайте, молодой человѣкъ! У вечера другая философія, чѣмъ у утра. Si sa come si incommincia e non come si finisce *). Прыгайте! Свѣтите! Маните насъ! Ведите насъ къ блаженному острову!

Людовика (задумчиво). Вы въ самомъ дѣлѣ поѣдете, г. докторъ?

Д-ръ Козакевичъ. Конечно!

Людовика. Куда?

Д-ръ Козакевичъ. На луну.

Людовика. Значитъ, совсѣмъ недалеко отсюда. Я бы тоже взяла билетъ туда.

Д-ръ Козакевичъ. Пойдемте со мной на луну.

Людовика. Брр! Нѣтъ. Лучше нѣтъ. Она голая, какъ пустынный шлакъ!

Д-ръ Козакевичъ. Играйте на скрипкѣ, и все зазеленѣетъ! Смѣйтесь, и раскроются почки!

Людовика. Ахъ, значитъ, вы хотите прокатиться со мной?

Д-ръ Козакевичъ. Отъ вѣчности до вѣчности!

Отто. Что̀ будетъ дѣлать въ это время библіотека, куда вы предполагали извлечь еще столько сокровищъ?

Д-ръ Козакевичъ. Нѣтъ, я не извлекаю сокровищъ! Со мной будетъ не иначе, какъ недавно съ этимъ бѣднягой, предъ которымъ кладъ изъ колодца растаялъ въ ничто и который сверхъ того сталъ посмѣшищемъ. Слышите цикадъ? Какъ красиво!

Отто. Кладъ школьной крысы не растаялъ; онъ только

---

*) Извѣстно, чѣмъ начинается, но неизвѣстно, чѣмъ кончается.

не умѣлъ извлечь его! Здѣсь одна, двѣ, три, четыре, пять бутылокъ шампанскаго. (Вынимаетъ одну за другой). Бокалы!.. Штопоръ! Хлопъ! Трахъ! (Вылетаетъ пробка). Если-бъ это чудовище-кладоискатель, вмѣсто того, чтобы обидѣться и удалиться, ухватился бы обѣими руками за находку, то теперь онъ былъ бы великій человѣкъ.

(Всѣ трое держатъ въ рукахъ по полному бокалу).

Людовика. Выпьемъ за вашего бѣднаго друга.

Д-ръ Козакевичъ. И вспомянемъ при этомъ объ его бѣдномъ другѣ, — жизнь всегда мгновенье! — а въ этотъ мигъ онъ еще очень счастливъ! Будущее? Кто сказалъ А, долженъ сказать и Б. Этого въ концѣ концовъ никому не миновать... (Чокаются) Итакъ, будемъ веселы между А и Б!—и въ сущности различіе половъ, хотя оно порою и дѣлаетъ жизнь горькою, въ основѣ своей — источникъ всѣхъ небесъ. Изъ этой двойственности возникло все, что̀ земля движетъ и осѣняетъ счастьемъ въ своихъ безднахъ и на своихъ высяхъ. Она удерживаетъ рудокопа въ его рудникѣ, воздухоплавателя на воздушномъ кораблѣ и способствуетъ — эта маленькая цезура во вселенной!—тому, что на бѣдныхъ расторгнутыхъ людей изливается безконечная, неисчерпаемая полнота очарованья.

Отто. Я буду держать рѣчь позднѣе, въ самомъ дѣлѣ непринужденно, и скажу, какъ все должно быть! Всѣмъ-то выпалю всю истину.

Д-ръ Козакевичъ. Скажите намъ эту рѣчь сейчасъ же.

Отто (развеселясь и то и дѣло дѣлая глотокъ). Вотъ что̀ я скажу: гора должна быть горой! дерево — деревомъ! верблюдъ—верблюдомъ! А человѣкъ долженъ быть человѣкомъ!

Д-ръ Козакевичъ. Пощадите себя! Но въ заключеніе вы сказали нѣчто, въ чемъ скрыто глубокое, очень глубокое значенье: Человѣкъ! Намъ еще далеко до этого: Человѣкъ! Милѣйшій!

(Является Сабина, тоже съ фонаремъ).

Сабина. Что̀ это за пирушка здѣсь?

Людовика. Мы вовсемъ съ ядомъ мигрены, который капаетъ съ луны!

Сабина. А тамъ внизу, гдѣ дядя надрывается чучеломъ, началось нѣчто, отъ чего я бѣжала, а именно: чудовищная скука.

Отто (у открытаго ящика). Чѣмъ пренебрегаетъ гордость и заносчивость, того мы не можемъ выпустить изъ рукъ.

Сабина. Дѣти, у васъ видъ майскихъ жуковъ — или свѣтляковъ, хотѣла я сказать.

Отто. Я представляю себя скорѣе майскимъ жукомъ: мнѣ хотѣлось бы поѣсть весь блѣдный сельдерей!

Д-ръ Козакевичъ (чокаясь съ Сабиной). Ахъ, если-бъ только не было этихъ тысячъ непреодолимыхъ препятствій любви. Вино, виноградъ устраняетъ препятствіе.

(Входятъ Адельгейда и Рейнгольдъ).

Адельгейда. Агата здѣсь?

Сабина. Я думаю, Агата уже въ постели. Во всякомъ случаѣ изъ-за двери я слышала, какъ она разговаривала со служанкой, чтобы та сейчасъ же приготовила постель.

Адельгейда. Конечно, ей это лучше всего!

Отто. О, Эвальдъ, что ты зналъ объ этомъ ящикѣ? Семга, омары, свѣжій медвѣжій окорокъ! Рябчикъ! Жареныя колибри!

Людовика (приплясывая и напѣвая):

«Птичка, пташка, колибри,
Мчись предъ нами въ Бимини...»

Д-ръ Козакевичъ (граціозно указывая на Людовику и цитируя дальше):

«Мчись, а мы поѣдемъ шагомъ
На пирожномъ съ яркимъ флагомъ».

Рейнгольдъ. Я предлагаю воспользоваться сказочнымъ случаемъ и на открытомъ воздухѣ плясать подъ славную музыку вашъ національный танецъ, г. докторъ: полонезъ Будете? (Согласіе). Высокопочтенные женихъ и невѣста пойдутъ въ первой парѣ.

Отто (выступающій въ послѣдней парѣ съ Сабиной). Потому что даже самый счастливый человѣкъ нуждается въ ободреніи. (Въ это мгновеніе въ часовнѣ раздается нѣсколько тихихъ ударовъ маленькаго колокольчика. Всѣ останавливаются въ изумленіи).

Адельгейда. Дѣти, я убѣгаю, здѣсь привидѣнія!

Людовика. Правъ теперь виноградарь или нѣтъ: что колокольчикъ звонитъ иногда въ полночь!?

Рейнгольдъ. Кто же могъ бы бродить здѣсь привидѣніемъ, дѣтки?

Отто. Ну, можетъ-быть, братецъ, Эвальдъ Насть!

Людовика. Сбѣгай, приведи дядю сюда.

Рейнгольдъ. А можетъ-быть, истребитель мышей и крысъ! (Нѣсколько робко они приближаются къ темному входу въ часовню).

Д-ръ Козакевичъ (равнодушно улыбаясь, достаетъ изъ портсигара папиросу и закуриваетъ ее). Ахъ, милліардъ за одного духа!

Людовика (прячась за Рейнгольда, уцѣпившись за него, у са-

мой двери). Назадъ, назадъ, кто-то выплываетъ оттуда! (Тащитъ Рейнгольда назадъ, всѣ бѣгутъ внизъ по лѣстницѣ въ часовню).

Адельгейда (неожиданно, послѣ того какъ всѣ они снова собрались). Ухъ, летучая мышь запуталась у меня въ волосахъ!

Отто. Теперь кто-то стоитъ у двери!

Сабина. Двое.

Рейнгольдъ. Слушайте, не будьте смѣшливы!

Отто. Вотъ еще, я долженъ посвѣтить привидѣнію въ лицо. (Храбро поднимается на площадку, гдѣ, неузнаваемые и кромѣ того нѣсколько смущенные, стоятъ д-ръ Грюнвальдъ и Агата, и свѣтитъ имъ въ лицо).

(Всѣ, дѣйствительно онѣмѣвъ отъ изумленія, долго смотрятъ на нихъ, какъ на дѣйствительныхъ духовъ).

Д-ръ Козакевичъ (первый прерывая молчаніе). Молодой человѣкъ, у тебя больше счастья, чѣмъ ума!

Д-ръ Грюнвальдъ. Да, разумѣется, не будь тебя у меня!

(Всѣ разражаются хохотомъ облегченія, со смѣхомъ и слезами окружая спускающуюся внизъ пару; у дѣвушекъ объятія и поцѣлуи смѣнились воодушевленіемъ и радостнымъ изумленіемъ. Грюнвальдъ и Рейнгольдъ тоже обнимаются и цѣлуются).

Д-ръ Грюнвальдъ. Охъ, кого же это я поймалъ!

Рейнгольдъ. Рейнгольда Кранца!

Д-ръ Грюнвальдъ. Очень пріятно. Грюнвальдъ! (Д-ру Козакевичу) Это она звонила въ колоколъ, молодой человѣкъ.

Д-ръ Козакевичъ (пожимаетъ Грюнвальду руку). Прекрасно, дружище, и нѣсколько печально!.. Ты еще знаешь, когда мы вошли въ соборъ и ты увидѣлъ тамъ высокія фигуры, которыя здѣсь въ извѣстномъ смыслѣ живутъ какъ бы чудеснымъ образомъ, то ты сказалъ, что фигуры, соборъ, все было пестро и красочно, какъ колибри, но что теперь все такъ блѣдно и такъ безцвѣтно, какою только бываетъ жизнь безъ любви. Что же? Все стало вдругъ цвѣтисто.

Людовика. Что же намъ дѣлать? Вашу руку, г. докторъ: будемъ продолжать полонезъ.

Д-ръ Козакевичъ. Ахъ, съ какимъ восторгомъ я буду дѣлать это!

(Пары, одна за другою, ходятъ кругомъ).

Людовика. Вотъ удивится бабушка, когда она теперь вотъ такъ увидитъ насъ!

Сабина. Теперь все скоро исчезнетъ. Листья на деревьяхъ уже почти опали, и нашъ Бишофсбергъ опустѣлъ. Тогда онъ только—сказка, и больше ничего.

Людовика. Но сказка—лучшее, что есть, Сабина!

Д-ръ Козакевичъ. Поведемте же дальше хороводъ въ

лазурь, въ темноту, въ даль, въ неизвѣстное моря и небесъ.

(Подъ легкую музыку, плящущимъ шагомъ, они идутъ кругомъ по лужайкѣ и при этомъ поютъ):

«Птичка, пташка, колибри,
Мчись предъ нами въ Бимини,—
Мчись, а мы поѣдемъ шагомъ
На пирожныхъ съ яркимъ флагомъ.

Свѣтелъ островъ Бимини,
Гдѣ весна не отцвѣтаетъ,
Гдѣ въ лазури не смолкаетъ
Пѣнье птичекъ золотыхъ».

(Занавѣсъ падаетъ).

ГЕЛІОСЪ.

Отрывокъ.

Переводъ О. Н. Чюминой.

Изъ начатыхъ, но не законченныхъ драматическихъ произведеній, которыхъ, если вѣрить хроникерамъ нѣмецкихъ газетъ, у Гауптмана очень немало,—нѣмецкій драматургъ ввелъ въ собраніе своихъ сочиненій только два стихотворныхъ фрагмента—«Геліосъ» (Helios) и «Пастушескую пѣснь» (Hirtenlied). Переводъ ихъ на русскій языкъ появляется въ нашемъ изданіи впервые.

«Геліосъ» написанъ Гауптманомъ въ 1896 году, когда появились «Потонувшій колоколъ», «Гейеръ» и «Эльга». Отъ «Гейера» и «Эльги»—въ «Геліосѣ» колоритъ жутkаго стараго замка, переживающаго канунъ какого-то, явно трагическаго событія, отъ «Колокола»—мельканіе символовъ, полуфантастическій Геліосъ и красиво-загадочный, полный намека и тайны языкъ.

«Геліосъ»—въ полномъ смыслѣ фрагментъ, отрывокъ. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ разбираться въ такихъ наброскахъ, на которые самъ авторъ не проливаетъ никакого свѣта. Ни тому ни другому отрывку Гауптманъ не предпосылаетъ ни одной строки примѣчанія. Гадать о замыслѣ и о томъ, что изъ наброска должно было выйти, было бы дѣломъ сколько сомнительнымъ, столько же и безцѣльнымъ и неумѣстнымъ. Нельзя округлять и уяснять то, что, очевидно, не округлилось и не уяснилось въ творческомъ мозгѣ самого автора.

Можно только видѣть, что передъ нами, такъ сказать, увертюра красивой, безспорно символической драмы. Король молодъ и прекрасенъ, ему всего лишь тридцать вёсенъ, но онъ боленъ. «Его тянетъ во мракъ, — тяжкій сонъ охватилъ его», какъ выражается одинъ изъ его подданныхъ. Какой-то колоритъ мрака и умиранія,—я бы сказалъ, колоритъ бёклинскаго острова мертвыхъ,—лежитъ на всемъ замкѣ, на всемъ царствѣ и на всѣхъ подданныхъ короля.

Кучка этихъ подданныхъ, ближайшихъ слугъ замка, собравшаяся на кухнѣ, въ подвалахъ, знакомитъ насъ съ положеніемъ вещей. Всѣ они полны какимъ-то жуткимъ ожиданіемъ, напоминающимъ настроеніе метерлинковскихъ героевъ «Втируши» и «Слѣпыхъ».

— Смерть подготовляется. Подготовляется конецъ. Развѣ цѣлыхъ четыре мѣсяца не собираются надъ землей черныя тучи съ востока,—черныя, ужасныя, нѣмыя? Мы оставили старыхъ боговъ и погрѣшили противъ новаго Бога...

Молодого короля подкарауливаетъ смерть. Королева уже послала за своимъ духовникомъ, и его старая колымага стучитъ по подъемному мосту. Странѣ грозятъ какія-то казни, — верховный жрецъ поставилъ висѣлицы. Люди обѣднѣли. Былой шутъ превратился въ рыбака и добываетъ себѣ этимъ нищенскій хлѣбъ послѣ того, какъ его смѣхъ умеръ. Простонародье болтаетъ о какой-то черной змѣѣ, пьющей королевскую кровь...

И вотъ это мертвое царство мрака прорѣзаетъ свѣтлый лучъ: въ старомъ замкѣ появляется юный, прекрасный, лучезарный Геліосъ (Геліосъ—по-гречески солнце, въ миѳологіи — богъ солнца, сынъ титана Гиперіона и Теи; со времени Еврипида Геліосъ отожествлялся съ Аполлономъ,—см. «Словарь классическихъ древностей» Любкера). Прелестный мальчикъ въ золотомъ поясѣ кажется жителемъ неба въ этой юдоли уныніи и сосредоточенно-жуткаго ожиданія. Наивно разспрашиваетъ онъ обитателей замка о королѣ, о складѣ здѣсь жизни. Его не страшатъ предостереженія, что и ему здѣсь надо «беречься». «Пламень вѣчнаго солнца, дающаго всему жизнь, еще согрѣваетъ тебя покуда. Въ твоихъ глазахъ гордость, и сіянье, и счастье свѣта... Но силы ночи многочисленны въ нашей землѣ. Жаль было бы тебя, дитя солнца!...»

Геліосъ не боится мрака. Онъ хочетъ видѣть «великое языческое море», хочетъ видѣть—и видитъ—прекраснаго, но больного короля, хочетъ ѣхать на дельфинѣ въ блаженную страну Геликсойю, куда черезъ 18 лѣтъ «сходитъ въ пляскѣ Аполлонъ съ киварею, окруженный сонмомъ поющихъ лебедей».

Можетъ-быть, изображенію побѣды свѣтлаго солнца-Геліоса и оживотворенія больного короля и унылаго царства должна была служить задуманная Гауптманомъ пьеса. Это было бы совершенно въ его стилѣ, поскольку побѣда «радости жизни» надъ всѣмъ, что гнететъ и омрачаетъ жизнь,—есть вѣчная тема и всегдашній лейтъ-мотивъ драматурга отъ «Восхода солнца» до «Дѣвъ изъ Витофсберга».

Всѣ иного рода догадки мы считаемъ неумѣстными. Различныя аллегоріи персонажей, напримѣръ, о напившемся крови комарѣ, всѣ символы, отъ Геліоса до «великаго языческаго моря» и Геликсойи, страны, которую вы напрасно стали бы искать въ географическихъ словаряхъ,—все это должно было получить жизнь и ясность отъ дальнѣйшаго. Этого не случилось, слѣдовательно и гадать не о чемъ и не по чему.

Бытовая сторона «Геліоса» естественно туманна, какъ и позволительно для символической пьесы. Здѣсь былъ бы не удивителенъ и анахронизмъ.

При попыткѣ установленія времени, въ какое происходитъ дѣйствіе, придется остановить вниманіе на подробностяхъ о русскихъ лошадяхъ, везущихъ колымагу духовника, и о русскихъ торговцахъ, доставившихъ на продажу рабовъ и прекрасныхъ блѣдныхъ дѣвушекъ съ большими глазами.

Естественно можетъ быть относительнымъ и критическое сужденіе о фрагментѣ. Можно только сказать, что чудесенъ стихъ, которымъ онъ написанъ, что на языкѣ разговаривающихъ, образномъ и сочно-цвѣтистомъ, есть благородное вліяніе Шекспира, что наконецъ настроеніе жути, разлитой въ замкѣ, дано поистинѣ великолѣпно. Удачно и впечатлѣніе свѣтового пятна—появленія Геліоса на этомъ темномъ фонѣ.

По этимъ частностямъ даже во фрагментѣ чувствуется Гауптманъ лучшей поры его творчества.

ГЕЛІОСЪ.

Отрывокъ.

Кухня въ подвальномъ этажѣ стараго замка. Старомодный открытый очагъ съ дымоходомъ. Поваръ заснулъ у вертела, на которомъ жарится пѣтухъ. Направо низкая арка ведетъ къ выходу, оттуда спускъ по ступенямъ. Больной и оборванный, сидитъ на ступеняхъ Музыкантъ. Струящійся въ растворенную дверь алый блескъ заката озаряетъ его, между тѣмъ какъ все остальное лишь слабо освѣщено. Музыкантъ держитъ у губъ флейту. Послѣ того какъ онъ извлекъ изъ нея долгій, мягкій, жалобный звукъ, онъ начинаетъ говорить, словно въ тяжеломъ забытьѣ.

Музыкантъ. Онъ — молодой король. И его влечетъ во мракъ. Тяжелый сонъ его охватилъ. Я ношу въ груди моей свѣтильникъ, и тамъ, гдѣ онъ пожелалъ бы питать его своимъ елеемъ — онъ озарилъ бы тьму. Я ношу въ груди моей пѣсню—и она разбудила бы его. Но молодой король не желаетъ слушать моей пѣсни. Отъ этого моя поющая любовь онѣмѣла, она нѣма и смертельно больна.

(Входитъ молодой Рыбакъ. У него на бѣлокурой головѣ дурацкій колпакъ, онъ несетъ селедки въ сѣткѣ. Его вялыя движенія говорятъ объ усталости).

Рыбакъ. Эй! Вы все еще спите? Я принесъ рыбу. Я принесъ постную рыбу для стола короля-нищаго. Эй, поваръ! Или ты желаешь, чтобы король-нищій умеръ съ голоду?

Поваръ (во снѣ). Чего тебѣ? Дай мнѣ спать. Лучше умереть, чѣмъ продолжать бродить съ полуоткрытыми глазами среди ядовитыхъ испареній этого подземелья.

Рыбакъ. Знай, поворачивай свой вертель, поваръ. Ты

и такъ достаточно скоро умрешь. Но послѣдній пѣтухъ еще не изжаренъ, и рука твоя еще не застыла.

Музыкантъ. Который часъ?

Рыбакъ. Солнце исходитъ кровью на западѣ. Я видѣлъ, какъ въ заревѣ заката высоко пролетѣлъ журавль, спѣша въ свое гнѣздо.

Музыкантъ. Вечеретъ. Ночь прохладна и нѣма.

Рыбакъ. Я думаю, что до ночи еще далеко: поглядите, бубенчики на моемъ колпакѣ еще позвякиваютъ. Положимъ, отъ него уже порядочно пахнетъ отсырѣлымъ, но до сихъ поръ мелкія соленыя брызги еще не позволяютъ плѣсени и сырости совсѣмъ проѣсть его. (Вынимая мелкую рыбу) Конечно, теперь, когда я уже не могу выѣзжать въ открытое море съ сѣтями и удою, чтобы ловить маленькихъ серебряныхъ рыбокъ,—моему колпаку скоро будетъ капутъ.

(Входитъ Поваренокъ).

Рыбакъ. Ты откуда?

Поваренокъ (необдуманно брякнувъ). Я ходилъ купаться.

Рыбакъ. Гдѣ ты купался?

Поваренокъ. Въ морѣ, въ священномъ мѣстѣ для купанья. Славно было! Несмотря на запрещеніе, я отважился... Сбросилъ одежду—разъ, два, три!—подъ священнымъ орѣшникомъ. Онъ шумѣлъ вѣтвями, небо было сѣрое. Я чуть-было не струсилъ — такъ сильно шелестѣло въ вѣтвяхъ, знаете, тамъ высоко, гдѣ они поставили крестъ съ человѣкомъ, истекавшимъ кровью! Но едва лишь морская пѣна омыла мнѣ ноги,—страхъ, подобно каркающему ворону, отлетѣлъ отъ меня. Я радостно вскрикнулъ и ринулся въ глубину. Ухъ! И покуда я плавалъ и смѣялся, плавая, солнце сквозь свинцовыя облака разсыпало цѣлый снопъ лучей. Я плескался среди зеленой кристальной влаги, ложился на спину и громкими криками благодарилъ матерь-солнце. И вдругъ голубоватая сверкающая стрекоза, звеня крылышками, перелетѣла черезъ водяную гладь и присѣла отдохнуть мнѣ на животъ...

Рыбакъ. Берегись, мальчикъ... Верховный жрецъ велѣлъ ставить по висѣлицѣ по обѣимъ сторонамъ каждаго креста, а вороны голодны у насъ.

Поваренокъ. Лучше просунутъ голову въ пеньковое окошко, чѣмъ испытать, какъ тебѣ вобьютъ гвозди въ руки, гвозди—въ ноги, напоятъ тебя уксусомъ и желчью и проколютъ тебѣ бокъ копьемъ.

Поваръ (рыбаку). Что ты дѣлаешь?

Рыбакъ. Я даю комару напиться моей крови и смотрю на него. Весело глядѣть, какъ они вонзаютъ жало во вздувшуюся жилу и наливаются нашимъ жизненнымъ сокомъ. Большое удовольствіе — глядѣть на это. Но за нимъ слѣдуетъ еще бо́льшее. Смотрите. Теперь, когда онъ насосался до того, что лопнуть готовъ,—я возьму да и прихлопну его. (Убиваетъ комара и смѣется).

Поваръ. Нашъ король—погибшій человѣкъ.

Рыбакъ. Мы всѣ — погибшіе люди. У меня шумитъ въ ушахъ и часто мнѣ бываетъ такъ худо, что я готовъ умереть. Лихорадка пожираетъ меня. Хожу ли я, стою ли я, я постоянно слышу мое короткое, прерывистое дыханіе.

Поваръ. Фу, чортъ! Что́ это опять такое — похожее на ракушки? Онѣ страшно воняютъ, одно слово — зараза... Я не отравитель, я поваръ, а твоя рыба пахнетъ не лучше ядовитаго зелья.

Рыбакъ. Видишь ли, старина. Неужели ты думаешь, что, гребя этими безсильными руками, я отважусь выѣхать въ открытое море? Я радъ, если съ моимъ жалкимъ челномъ бываю въ силахъ добраться до каналовъ. Что́ бы ни поймалъ—и на томъ спасибо.

Музыкантъ. Смерть подготовляется. Подготовляется конецъ. Развѣ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ черныя тучи, идущія съ востока, не собираются надъ землею? Черныя, ужасныя, нѣмыя. Мы оставили старыхъ боговъ и погрѣшили противъ новаго Бога. Земля содрогнется и поглотитъ насъ.

(Входитъ Воинъ въ синей стальной кольчугѣ, съ синимъ щитомъ, копьемъ и пращою).

Поваръ. Что́ новаго, стражъ?

Воинъ. Мнѣ холодно. Стужа и сырость ночи пронизываютъ меня насквозь, до костей. Сперва я отогрѣюсь, а потомъ разскажу. Во-первыхъ: на подъемный мостъ въѣхала колымага, запряженная шестеркою малорослыхъ русскихъ лошадей. Теперь онѣ стоятъ во дворѣ замка. Въ караульнѣ говорили, что въ колымагѣ сидѣлъ духовникъ королевы: старый, чужой, невѣдомый человѣкъ, и съ нимъ—мальчикъ. Больше я ничего не знаю. Я долженъ былъ идти съ обходомъ.

Поваръ. Должно-быть, нашему королю приходитъ конецъ, если королева посылаетъ за своимъ духовникомъ. Если бы кто-нибудь зналъ, отъ чего все это случилось?

Воинъ. Въ караулкѣ болтаютъ, будто болѣзнь короля

приключилась отъ того, что онъ кормитъ черную змѣю въ потайныхъ покояхъ своего дворца. Говорятъ, что она питается его мозгомъ и выпиваетъ ежедневно по три золотыхъ чаши его крови.

Рыбакъ. Если то, что ты говоришь — правда, видитъ Богъ, я хотѣлъ бы употребить остатокъ силъ моихъ на то, чтобы заткнуть моимъ кулакомъ ея разинутую пасть! Или она подавилась бы имъ, или мнѣ пришлось бы сойти въ могилу безъ моего кулака! Но меня потѣшилъ бы—даже въ могилѣ меня потѣшилъ бы—звонъ моихъ бубенчиковъ въ утробѣ черной змѣи!

Воинъ. Мнѣ пора. Знаете ли вы, что здѣсь проѣзжали русскіе торговцы? Они сдѣлали привалъ на буковомъ холмѣ. Они везли на продажу рабовъ и лошадокъ, прекрасныхъ, блѣдныхъ дѣвушекъ съ большими глазами и волосами черными, какъ уголь. Сидя вокругъ огня, они разсказывали о томъ, какъ съ солнечнаго восхода несмѣтные народы поднялись и идутъ къ солнечному закату. (Уходитъ).

(Тишина. Дремота. Поваренокъ вздрагиваетъ. Музыкантъ извлекаетъ изъ флейты протяжные звуки и въ промежуткахъ говоритъ).

Музыкантъ. Умретъ молодой король. Онъ подобенъ морской птицѣ — за тысячу миль отъ родной земли, онъ чувствуетъ въ груди смерть. Подобно ей, взмахивая усталыми крылами, стремится онъ въ родной край, убѣгая отъ смерти на чужбинѣ, ища изъ послѣднихъ силъ своихъ—смерти въ отчизнѣ.

(Въ углу налѣво открывается дверь. Входитъ прекрасный воинъ—голубоглазый, съ бѣлокурыми кудрями, нѣсколько блѣдный, но полный силъ. Онъ стоитъ на послѣдней ступени винтовой лѣстницы и говоритъ шопотомъ, обращаясь къ тому, кто вверху. Это—Альфъ, начальникъ дворцовой стражи).

Альфъ. Ступайте осторожнѣе! Ступени винтовой лѣстницы истерлись и покрылись плѣсенью.

(Вмѣсто отвѣта слышится смѣхъ. Альфъ выходитъ впередъ, а за нимъ — юный, стройный, въ золотомъ поясѣ мальчикъ стремительно сбѣгаетъ съ лѣстницы).

Гелиосъ (останавливается и говоритъ смѣясь) Вотъ какъ я люблю! Брр! Но гдѣ же мы? Здѣсь сильно благоухаетъ помоями, скобленой морковью и прогорклымъ жиромъ. Нельзя ли зажечь огонь?

Альфъ. Поваръ!

Гелиосъ. Здѣсь есть поваръ? Не очень-то опрятенъ этотъ подвалъ. Здѣсь готовятъ купанье для короля?

Альфъ. Поваръ! Ты опять спишь? Пріѣхали гости, они устали съ дороги, хотятъ ѣсть и пить.

(Поваръ ворчитъ во снѣ).

Геліосъ (натыкается на рыбака). Эй! Послушай. Кто ты такой?

Рыбакъ. Кто я такой?

Геліосъ. Да, можешь мнѣ это сказать, если хочешь.

Рыбакъ. Я—шутъ.

Геліосъ. Печальный же ты шутъ, сдается мнѣ.

Рыбакъ. Вы попали не въ бровь, а прямо въ глазъ, молодой господинъ. Я—печальный шутъ. Когда-то я обладалъ порядочнымъ запасомъ остроумія: цѣлою сѣткою, полною маленькихъ порхающихъ пташекъ, которые кишмякишѣли въ ней. Тамъ попадались, скажу я вамъ, прелестнѣйшіе въ мірѣ колибри. Когда я выпускалъ ихъ на солнце, (а порою я это дѣлалъ), — это было, знаете ли, довольно занятное зрѣлище. Да, молодой господинъ, я говорю вамъ чистую правду. Захватите вашими обѣими изящными ручками по пригоршнѣ драгоцѣнныхъ камней съ искусной гранью — зеленыхъ смарагдовъ, карбункуловъ, рубиновъ, жемчуговъ и алмазовъ, бросьте ихъ, какъ горсть песку, на воздухъ, и они заблещутъ, засверкаютъ, загорятся не ярче, чѣмъ мои милыя пестрыя птички...

Геліосъ. Куда же онѣ дѣвались, всѣ ваши милыя птички, какъ вы ихъ называете?

Рыбакъ. Видите ли, разныя бываютъ обстоятельства. Не знаю: какъ вамъ это объяснить? Начался у насъ моръ. Многія умерли, другія завязли въ болотѣ, старость унесла остальныхъ. А такъ какъ солнце прогнѣвалось на нашъ край, то птички уже не вылупляются, а червей стало зато еще больше.

Геліосъ. Что же ты дѣлаешь съ твоею удочкой, другъ?

Рыбакъ. Я сажаю на крючокъ червей и ловлю на нихъ рыбу. Я ловлю рыбу. Я перешелъ на рыболовство. Но изъ сотни пойманныхъ мною рыбъ, зачастую ни одна не оказывается годною въ пищу. Или онѣ черезчуръ пахнутъ болотомъ, или—что чаще всего случается—я раздавливаю у нихъ желчь. Дѣлай что хочешь—тебѣ все попадается рыба съ желчью. Она годится на ѣду свиньямъ и больше ни на что.

Геліосъ. Вамъ надо на солнце, другъ мой.

Рыбакъ. Скорѣе вонъ у того пѣтуха, что жарится на вертелѣ, отрастутъ крылья и онъ взлетитъ на воздухъ, чѣмъ солнце снова озаритъ меня!

Альфъ. Въ такомъ случаѣ пусть намъ свѣтитъ хоть луна (открываетъ дверь).

Гелiосъ. Какъ здѣсь странно и чуждо!

Музыкантъ. Юноша, берегись!

Гелiосъ. Ты говоришь со мной?

Альфъ. Берегись! — сказалъ онъ тебѣ, и воистину я скажу, какъ онъ:—берегись! Пламень вѣчнаго солнца, дающаго всему жизнь, еще согрѣваетъ тебя покуда. Въ твоихъ глазахъ свѣтится гордость, и сіянье, и счастье свѣта. Я знаю, откуда ты, юноша. Но поступь твоя не тяжела, какъ наша поступь. Летучія мыши пугаются и летятъ прочь при твоемъ смѣхѣ. Но силы ночи многочисленны въ нашей землѣ. Жаль было бы тебя, дитя солнца!

Гелiосъ. Я не бокось. Эй, поваренокъ, что̀ ты мнѣ подмигиваешь исподтишка? Развѣ ты знаешь меня?

Поваренокъ (чистя морковь, глупо хихикаетъ про себя и говоритъ застѣнчиво). Само собою, я тебя знаю.

Гелiосъ. Ты, можетъ-быть, учился со мною въ Саламанкѣ?

Поваренокъ. Ты—не то, что̀ ты есть.

Гелiосъ (взявъ его за ухо). Держи языкъ за зубами, господинъ пачкунъ! Понялъ?

Альфъ (у двери). Слышите этотъ глухой, мѣдный грохотъ? Отдаленный шумъ? Это море.

Гелiосъ. Какъ? Это—море? Великое языческое море?

Альфъ. Да, это великое языческое море. А тамъ дальше—въ лунномъ свѣтѣ—видите?—скачутъ и мчатся бѣлошѣнные кони...

Гелiосъ. Прибой. Я хочу туда. Хочу видѣть море. Хочу видѣть великое языческое море. Я жаждалъ, я такъ жаждалъ его! Я подносилъ къ уху алыя раковины и проводилъ полъ-дня, прислушиваясь къ шуму ихъ, къ тому, что̀ онѣ шопотомъ говорили мнѣ. Пустите меня! Я хочу туда! Море! Великое языческое море! Привѣтствую тебя. Я иду къ тебѣ. Подожди. Только приготовь мнѣ дельфина — онъ отнесетъ меня въ Геликсойю.

Альфъ. Что̀ такое Геликсойя, юноша?

Гелiосъ. Развѣ ты не знаешь? Пусть отецъ мой разскажетъ тебѣ. Тамъ живетъ народъ совсѣмъ на васъ не похожій. И на девятнадцатомъ году къ нимъ всегда нисходитъ въ пляскѣ Аполлонъ, играющій на киоарѣ и окруженный сонмомъ поющихъ лебедей. Привѣтствую тебя, море!

Альфъ. Развѣ ты никогда не видѣлъ моря?

Гелiосъ. Нѣтъ! Никогда! Я хочу туда.

Альфъ. Отсюда ты не пройдешь, ты увязнешь въ болотѣ.

Гелiосъ. Я перепрыгну черезъ него.

Альфъ. Я слышу удары веселъ. Молчите. Это—часъ, въ который король выѣзжаетъ на лодкѣ въ море.

Гелiосъ. Если спрятаться, то можно его увидѣть?

Альфъ. Молчи и не шевелись.

Гелiосъ. Вашъ король боленъ?

Альфъ (взволнованно). Да.

Гелiосъ. Вашъ король прекраснъ?

Альфъ. Нашъ король боленъ и прекраснъ.

Гелiосъ. Говорятъ, что голова его подобна бѣлой лиліи, которая покоится на темной водѣ?

Альфъ. Тише. Вотъ онъ.

Гелiосъ. Почему выѣзжаетъ онъ ночью одинъ въ море?

Альфъ. Никто этого не знаетъ. Рыбаки говорятъ, что въ тихую ночь слышно, какъ на днѣ морскомъ звонятъ колокола, и кто слышалъ ихъ хотя одинъ разъ, того постоянно тянетъ слушать ихъ, и онъ умираетъ отъ тоски по глубинѣ.

Гелiосъ. Вашъ король слышалъ эти колокола?

Альфъ. Этого никто не можетъ сказать.

Гелiосъ. Король вашъ молодъ?

Альфъ. Ему тридцать вёсенъ. Вы слышите, какъ медленно-медленно опускаетъ онъ весла въ воду? Обратите вниманіе. Теперь вы можете видѣть серебряный крестъ на носу лодки. Онъ огибаетъ буки... Вотъ теперь луна свѣтитъ ему прямо въ лицо.

Гелiосъ (завороженный). Я вижу его. Вижу его лицо. (Продолжаетъ смотрѣть и весь уходитъ въ созерцаніе).

Музыкантъ (словно во снѣ). Онъ—молодой король. И его тянетъ во мракъ. Тяжкій сонъ охватилъ его.

(Конецъ отрывка).

ПАСТУШЕСКАЯ ПѢСНЬ.

Отрывокъ.

Переводъ О. Н. Чюминой.

ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

Среди современныхъ большихъ художниковъ едва ли можно назвать другого, который бы такъ напряженно и постоянно, какъ Гауптманъ, интересовался вопросомъ о «творящемъ духѣ», о внутреннемъ мірѣ художника.

Трагедія «безпутства и генія» тронута имъ въ «Праздникѣ мира», «Колегѣ Крамптонѣ» и «Михаэлѣ Крамерѣ». «Одинокіе» и «Потонувшій колоколъ» посвящены драмѣ вѣчнаго одиночества и непониманія художника толпою, драмѣ вѣчной неудовлетворенности творящаго духа въ условіяхъ земного существованія. Всѣ другіе вопросы творчества и таланта, дерзаній и сомнѣній, взлетовъ и паденія, разлада чистаго искусства съ искусствомъ прикладнымъ—частично разработаны имъ въ этихъ пьесахъ и символически въ «Пиппѣ».

«Пастушеская пѣснь» (Hirtenlied) есть одинъ изъ варіантовъ той же, всегда горящей для Гауптмана идеи. Уже не языкомъ символовъ, а прямо и открыто онъ заставляетъ здѣсь художника говорить о самыхъ мучительныхъ моментахъ внутренняго разлада въ его душѣ, о вѣчной неудовлетворенности стремленія, о пыткѣ вѣчнаго «недостиженія» всегда ускользающаго творческаго идеала.

«Пастушеская пѣснь» написана въ 1898 году. Въ авторскомъ хронологическомъ спискѣ она слѣдуетъ непосредственно за «Потонувшимъ колоколомъ».

Мы знаемъ, какія мучительныя психологическія переживанія были свойственны поэту въ промежутокъ между неуспѣхомъ «Флоріана Гейера» и шумною славою «Потонувшаго колокола» (см. предисловіе къ «Потонувшему колоколу»). Поэтъ только-что перенесъ «величайшее разочарованіе» въ жизни. Мгновенія и часы сомнѣній въ талантѣ и призваніи никогда болѣе не были столь остры для Гауптмана. Можетъ-быть, никогда ярче не представлялась его уму драма художника съ разладомъ его великолѣпной мечты и тѣхъ слабыхъ словъ, въ какія эта мечта облекается.

Какъ библейскій Іаковъ, семь лѣтъ добивавшійся божественно-прекрасной Рахили и на седьмой годъ ставшій жертвой жестокаго разочарованія, получивъ въ жены Лію,—Гауптманъ отдалъ всего себя любимому дѣтищу, «Флоріану»; но пришелъ день, и—блѣдный отъ муки, онъ долженъ былъ слушать изъ-за кулисъ зловѣщее молчаніе театральной залы, соскучившейся за его исторической драмой.

Прекрасная Рахиль, творческое достиженіе—стало вновь безконечно далекимъ для него въ ту минуту, когда, казалось, ему нужно было только протянуть руку, чтобы взять его.

Гауптманъ не кончилъ «Пастушеской пѣсни». Шесть лѣтъ онъ не опубли-

ковывалъ ея, можетъ-быть, въ виду нѣкоторой интимности ея первой части, можетъ-быть, не оставляя надежды вновь вернуться къ этой работѣ. Отказавшись отъ мысли кончить начатую вещь, онъ напечаталъ въ 1904 г. этотъ фрагментъ въ январской книжкѣ «Neue Rundschau».

Библейскій образъ Іакова, ищущаго прекрасной Ліи, мелькнувшій въ умѣ поэта, лежитъ въ основѣ всей пьески. Фрагментъ естественно дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ первая является какъ бы прологомъ, а вторая переноситъ читателя къ колыбели человѣчества, въ страну Іакова, въ «пастушескій» строй былой жизни.

Въ первой части художникъ говоритъ какъ бы съ своимъ геніемъ—ангеломъ, изливаясь ему во всѣхъ печаляхъ творческаго духа. Онъ пишетъ «Рахиль у водоема», пишетъ съ экстазомъ и страданіемъ, чувствуя съ каждымъ днемъ все ярче, что тщетно преслѣдуетъ онъ свою мечту, что образъ Рахили отъ него все дальше и дальше. Геній внушаетъ ему, что божественно-чистая мечта уловима только въ полномъ отвлеченіи отъ земныхъ злобъ, отъ того «города», въ которомъ, «какъ въ лабиринтѣ», уже 20 лѣтъ блуждаетъ художникъ.

Онъ ведетъ его въ «страну мечтаній», чтобы показать ему истинную Рахиль. Картина мгновенно мѣняется, и художникъ превращается въ Іакова, идущаго къ Лавану.

Цѣликомъ и безъ сколько-нибудь значительныхъ измѣненій въ содержаніи Гауптманъ даетъ читателю въ этой второй части пьески исторію Іакова и Рахили. Въ звучныхъ стихахъ онъ передастъ разговоры Іакова съ Лаваномъ и Лавана, замышляющаго свой отеческій обманъ, съ Рахилью и Ліей.

Гауптманъ мастерски ловитъ атмосферу временъ младенчества людей. Въ этой второй части отрывка много колоритнаго и стильнаго. Правда, прямой интересъ ея пониженъ тѣмъ, что библейскій эпизодъ слишкомъ знакомъ и достаточно примитивенъ для того, чтобы излагаться такъ пространно. Отсутствіе «движенія» и дѣйствія — вотъ слабая сторона этого стихотворнаго переложенія библейскаго сказанія.

И намъ кажется много интереснѣе первая, вводная часть отрывка. Здѣсь несравнимо больше огня, страсти, вдохновенія и мысли, и передъ нею вторая часть кажется лишь мастерской риторикой. Здѣсь поставленъ прямо ребромъ и во всемъ объемѣ глубокій и вѣчный вопросъ о смыслѣ и цѣли искусства, о творческомъ порывѣ и творческой немощи, о разладѣ чистаго искусства съ условіями жизни художника и съ тѣмъ его трудомъ, котораго требуютъ житейская польза и необходимость, наконецъ, о мукѣ художника и равнодушіи толпы. Этотъ бунтъ художника, «лишеннаго чистаго елея» и не желающаго «питать свою лампаду жиромъ», тѣмъ интереснѣе, что здѣсь звучатъ лично пережитыя и выстраданныя настроенія творца «Ганнеле».

Что сказалъ бы Гауптманъ въ цѣломъ своею «Пастушескою пѣснью»,—объ этомъ не будемъ гадать, но что прологъ къ ней полонъ мыслей, глубокихъ и прекрасныхъ, дышитъ мужественнымъ и красивымъ дерзновеніемъ, обвѣянъ трогательнымъ преклоненіемъ предъ лучезарною царицею міра — красотою, это безспорно. Самый символъ Рахили, воплотительницы красоты искусства,—дивный образъ, который могъ создать только умъ, вѣчно вращающійся въ поэтическихъ настроеніяхъ. Гауптманъ нашелъ въ своемъ сердцѣ золотыя слова для заявленія мощной, всесозидающей и всеразрушающей силы этой властительницы міра, неуловимой на землѣ.

«Рахили всѣ вы служите. Плѣняетъ
Васъ тѣни тѣнь. Всѣ бури этихъ дней,
Всѣ ваши войны—все изъ-за Рахили,
Но тѣнь ея надъ полемъ битвы вѣетъ
И прочь летитъ. Обманутый, идемъ!
Я приведу тебя въ страну мечтаній.
На лонѣ облаковъ, родимомъ лонѣ,—
Лишь тамъ душа желанное найдетъ».

Къ какимъ взглядамъ на смыслъ и цѣль творчества долженъ былъ придти гауптмановскій художникъ послѣ его экскурсіи въ землю Ливана, — осталось вопросомъ, и нѣтъ смысла догадываться о томъ, что̀, можетъ-быть, не получило опредѣленности и въ умѣ самого автора. Но какъ голосъ художника, который самъ въ минуту большого писательскаго потрясенія (послѣ «Флоріана») почувствовалъ, что онъ «не видѣлъ Рахили», — «Hirtenlied» останется однимъ изъ интереснѣйшихъ въ области такой психологіи автобіографическихъ признаній. Не знаменательно ли въ высокой степени это настроеніе большого художника, которому были доступны самыя безспорныя высоты творчества, уходящія въ синее небо, но котораго не миновали и всѣ страданія творческаго духа вообще! Біографъ Гауптмана не въ правѣ будетъ не удѣлить этимъ страницамъ исключительнаго вниманія въ той интересной главѣ, которую посвятитъ выясненію его чисто художественныхъ мечтаній и настроеній.

ПАСТУШЕСКАЯ ПѢСНЬ.

Отрывокъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Бѣдный Художникъ лежитъ на постели въ своей мастерской. Сильный, мужественнаго вида Ангелъ выходитъ изъ-за занавѣса, въ глубинѣ раздѣляющаго комнату на двѣ половины.

Художникъ.

Что̀ надобно тебѣ?

Ангелъ.

Зачѣмъ лежишь
Въ унынiи ты по цѣлымъ днямъ на ложѣ
Не шевелясь?

Художникъ.

Я голоденъ, я слабъ.

Ангелъ.

Вставай. Иди себѣ за пропитаньемъ.

Художникъ.

Я не хочу.

Ангелъ.

Кому нагнуться лѣнь,
Чтобъ подобрать съ земли свой хлѣбъ насущный...

Художникъ.

Но хлѣбъ, лежащій въ уличной грязи—
Претитъ мнѣ. Пусть сгибается кто хочетъ.
Когда у Бога пищи нѣтъ иной,
Не надо мнѣ совсѣмъ Его трапезы!

Ангелъ.

Но ты грѣшишь!

Художникъ.

Не я грѣшу, а Богъ!

Ангелъ.

Порочить Бога!

Художникъ.

Онъ Себя порочитъ.
Гдѣ Онъ найдетъ столь вѣрнаго слугу?
Я сохранилъ огонь священный чистымъ,
Но чистаго елея я лишенъ
И не могу питать лампаду жиромъ

Ангелъ.

Что̀ Богъ очистилъ,—ты не оскверняй.

Художникъ.

Кто ты? Чего желаешь?

Ангелъ.

Я—твой ангелъ.

Художникъ.

Мой добрый ангелъ?

Ангелъ.

Да.

Художникъ.

Могу-ль я вѣрить?

Ангелъ.

Смотри. Во мнѣ—отъ головы до ногъ—
Ты не найдешь ни фальши ни порока.

Художникъ.

Нѣтъ, призракъ ты! Ты видишь, лихорадитъ
Отъ голода меня, и въ темнотѣ
Лежу я одинокъ—въ пыли забвенья,
Тряпьемъ укрытъ, и мозгъ мой въ пустотѣ
Тебя рисуетъ...

Ангелъ.

Вотъ рука моя.

Художникъ.

Къ чему? Она сильна, но только—съ виду.

Ангелъ.

Ее не знаешь ты.

Художникъ.

Смѣешься, ангелъ?
Не будь она безсильной, безполезной,
Ужели здѣсь лежалъ бы я—разбитый?
Прочь, уходи! Ты, лживый призракъ, прочь!

Ангелъ.

Не призракъ я.

Художникъ.

Изъ бездны Вавилона,
Кишащаго развратомъ, изъ болотъ
Отравленныхъ явился ты, быть-можетъ?
Какъ онъ гудитъ—тотъ городъ, что̀ хоронитъ
Меня и чистый свѣтъ мой!

Ангелъ.

Ты не правъ.

Художникъ.

Тѣнь, улетай! Пиши, когда желаешь,
Манѐ-факѐлъ-фарѐсъ—тутъ на стѣнѣ.
Я не боюсь.

Ангелъ.

Весна приходитъ. Встань.

Художникъ.

Нѣтъ, заставляешь ты меня смѣяться!

Ангелъ.

И хорошо!

Художникъ.

Но это—горькій смѣхъ.
Ты говоришь, какъ будто власть и сила—
Въ твоихъ рукахъ! Но милостью моею—
Ты властью облеченъ! Ты мною вызванъ,
Такъ существуй еще покуда, другъ!

Ангелъ.

Ужели ты не чувствуешь, какъ вѣетъ
Отъ этихъ крыльевъ запахомъ цвѣтовъ,
Что̀ надъ прудомъ склоняются игриво?
Иль ты не видишь, какъ струятся во̀ды
Въ лугахъ по ка̀мнямъ свѣтлымъ ручейкомъ.
Вотъ тамъ—фіалки, дальше—маргаритки...
Прилягъ вотъ здѣсь на склонѣ, гдѣ просохло,
Гдѣ въ солнечныхъ лучахъ, едва проснувшись,
Кружи́тся опьяненный мотылекъ.

Художникъ.

О, бѣлый мотылекъ! О, край родимый!
О, юности страна! Страна свободы!

Ангелъ.

Что-жъ медлишь ты? Вставай. Иди за мной.

Художникъ.

Въ могилу?

Ангелъ.

Нѣтъ. Идемъ въ твою отчизну.

Художникъ.

О, Гавріилъ! Такъ назову тебя.
Твои слова—они благою вѣстью
Горятъ во мнѣ, хотя и знаю я,
Что ты, слова твои—одинъ обманъ.

О, Гавріилъ, о, призракъ, мнѣ извѣстно:
Какимъ путемъ придется мнѣ идти,
Когда отсюда выйду я изъ мрака.
По темнымъ закоулкамъ пробираться
Придется мнѣ и ползать въ погребахъ,
Гдѣ пахнетъ сѣрой, пищею питаться
Противной мнѣ, зловоніемъ дышать...
Тамъ, гдѣ порокъ заразу внесъ навѣки,
Тамъ, гдѣ развратъ позорить божество,
А человѣкъ—уродъ скотоподобный,
Тамъ—мой пріютъ, туда ведетъ мой путь!

Ангелъ.

Ты—въ возбужденьи.

Художникъ.

Да, ты правъ: блуждаю
Я двадцать лѣтъ—тяжелыхъ и пустыхъ—
Здѣсь въ городѣ, какъ будто въ лабиринтѣ.
Полны всѣ переходы ѣдкимъ чадомъ,
Здѣсь ночь—подобна дню, а ночи—день.
Здѣсь наслажденья крикъ и боли крикъ—
Два брата близнеца, иль даже больше:
Они—одно и то же нераздѣльно.
Всегда звучитъ одинъ и тотъ же вопль
Созданій изступленныхъ! Сонъ—не сонъ,
И бдѣнье здѣсь—не бдѣнье. Позабыто
И умерло навѣки слово: миръ.
Найди его, архангелъ Гавріилъ,
И мнѣ даруй. Но поиски напрасны:
На площади, на улицахъ, въ палатахъ,
И даже въ храмахъ—бѣлую голубку,
Которую ты ищешь—не найдешь.

Ангелъ.

Довѣрься мнѣ. Есть въ городѣ ворота.

Художникъ.

Дай руку мнѣ. Вотъ слово дорогое.
Тебя узналъ я, князь желанный мира.
Веди меня къ моимъ вратамъ, безшумно
Ихъ отвори и съ миромъ отпусти.
Когда-бъ тебѣ довѣриться я могъ!

Безволенъ я, какъ на рѣкѣ широкой
И бурной—вѣтвь. Нѣтъ мужества во мнѣ
Послѣдняго, чтобъ вырваться на волю,
И какъ себя готовымъ я ни мнилъ—
Но отступалъ, къ затвору прикоснувшись...

Ангелъ.

Довѣрься мнѣ. Идемъ.

Художникъ.

Я не могу.

Ангелъ.

Но что тебя удерживать здѣсь можетъ?

Художникъ.

Мое произведеніе.

Ангелъ.

Какое?

Художникъ.

Изъ-за него на свѣтѣ я живу.

Ангелъ.

Живешь изъ-за него?

Художникъ.

Когда не въ немъ,
То въ чемъ найду я жизни оправданье?

Ангелъ.

Предъ кѣмъ оно?

Художникъ.

Предъ братьями моими.

Ангелъ.

Ты ихъ покинешь въ городѣ скорбей.
Имъ дѣла нѣтъ до твоего творенья
И до тебя. Ступай отсюда такъ же,
Какъ ты пришелъ. Имъ никакого дѣла
Нѣтъ до тебя и долга твоего.
Идемъ.

Художникъ.

Исчезни, призракъ! Если нуженъ
Ты будешь мнѣ, я призову тебя.
Предсталъ ты слишкомъ рано! Слишкомъ долго
Ты былъ со мной! Тебя съ холста стираю,
Какъ линію, что мѣломъ я провелъ...
Ты здѣсь еще? Иль хочешь больше стать
Ты самого себя? Прошло то время,
Когда какъ равный—равныхъ посѣщалъ
Насъ Божій ангелъ.

Ангелъ.

Это—заблужденье.

Художникъ (поднимается словно во снѣ наяву и подходитъ къ мольберту).

Ну, если ты не исчезаешь, призракъ,
Стой смирно здѣсь, чтобъ кистью могъ изгнать я
Тебя съ холста!

Ангелъ.

Скажи, что пишешь ты?

Художникъ.

Рахиль у водоема.

Ангелъ.

Бѣдный смертный!
Какъ ты напишешь то, чего не зналъ?
Что знаешь ты о свѣжей, о могучей
Израиля лозѣ? Напрасно хочешь
Отвѣдать сока ягодъ молодыхъ.
Душа твоя—какъ сладости небесной
Она ни жаждетъ, ни стремится къ ней—
Не вѣдаетъ ее! Рахиль прекрасна.

Художникъ.

Я знаю.

Ангелъ.

Что ты знаешь? Ничего!
Вотъ какова Рахиль была, что каждый,

Узрѣвъ ее, предъ Богомъ палъ ницъ,
Молясь безъ словъ, разбитый, потрясенный!

Художникъ.

Ее однажды видѣлъ я во снѣ.

Ангелъ.

Рахиль была прекрасна, такъ прекрасна,
Что озарила тѣнь ея твой сонъ,
И эта тѣни тѣнь была бы счастьемъ,
Когда-бъ ее ты перенесъ на холстъ,
Но этого не будетъ.

Художникъ.

О, Рахиль!

Ангелъ.

Вздыхаешь ты? Семь лѣтъ служилъ Іаковъ
Изъ-за Рахили, и казались днями
Ему года—такъ онъ любилъ ее!
И не было Всевышнимъ человѣку
Даровано щедротъ, что̀ были-бъ равны
Его семи годамъ.

Художникъ.

Рахиль! Рахиль!
Служу я трижды столько—безъ надежды,
Чтобъ тѣни тѣнь твоей мнѣ уловить!

Ангелъ.

Рахили всѣ вы служите. Плѣняетъ
Васъ тѣни тѣнь. Всѣ бури этихъ дней,
Всѣ ваши войны—все изъ-за Рахили.
Но тѣнь ея надъ полемъ битвы рѣетъ
И прочь летитъ. Обманутый, идемъ!
Вѣдь то, чего такъ жаждешь ты—не здѣсь
Я приведу тебя въ страну мечтаній.
На лонѣ облаковъ, родимомъ лонѣ—
Лишь тамъ душа желанное найдетъ.

Художникъ.

Мечтаньями я одаренъ богато,
О, Гавріилъ! Ихъ пестрое похмелье

Мнѣ давитъ сердце и туманитъ мозгъ.
Веди меня, когда желаешь, къ свѣту,
Къ сіянью солнца, къ радостному дню.
Мечтанія страшатъ меня. Пусть утро
Порветъ ихъ сѣть туманную! Даруй
Мнѣ бытіе безъ грезъ.

Ангелъ.

Безумецъ ты!
Но бытіе безъ грезъ—зовется смертью.
Взгляни вокругъ!

(Мракъ. Постепенное превращеніе).

Художникъ.

Но гдѣ же мы? Скажи.
Ты здѣсь ли, Гавріилъ, со мною рядомъ?
Скажи, прошу я, дологъ ли нашъ путь?

(Порою фигуры Ангела и художника появляются въ видѣ двухъ путниковъ и снова исчезаютъ. Ангелъ служитъ проводникомъ).

Ангелъ.

Подобное холму, тамъ, на востокѣ,
Есть облако, которое свѣтлѣетъ.
Оттуда намъ взойдетъ великій свѣтъ,
И съ нимъ для насъ день новый народится.

Художникъ.

Я жажду, я усталъ. Дай отдохнуть.
Ночь долгою была, путь—каменистымъ.
Карабкались мы по отвѣснымъ кручамъ,
Ущельямъ, ледникамъ,—переплывали
Холодные и бурные потоки,
Свергавшіеся съ кручъ... Стучу зубами
Отъ холода, но вновь меня охватитъ
Горячею волною прежній пылъ,
И отъ него совсѣмъ я ослабѣю.
Я сяду здѣсь... Я дальше не иду.

Ангелъ.

Пусть будетъ такъ. Отдохновенья ложемъ
Послужитъ этотъ камень, мхомъ поросшій.
Изъ родника напьешься ты, который
Тысячелѣтья многія здѣсь бьетъ

И освящаетъ мѣсто. Утоляли
Здѣсь путники небесные съ земными
Порою жажду. Утоли свою.
Затѣмъ—Іаковъ, руку протяни,
Вотъ фиговое дерево склонилось
И ждетъ, чтобъ ты плодовъ его отвѣдалъ.

(Сцена измѣняется. Художникъ и Ангелъ сидятъ у колодца въ дни глубокой древности. Надъ ними въ скалѣ растетъ могучее фиговое дерево. Вдали—луга и мягкія округлости холмовъ. Группы тысячелѣтнихъ деревьевъ).

Художникъ.

Какъ чудно здѣсь! Я, Господи, не вѣдалъ,
Что здѣсь Твоя обитель. Гавріилъ!
Спаситель, другъ, тебѣ благодаренье!
Здѣсь я укрытъ подъ сѣнью Всеблагого!
Вернулся я домой, сюда, къ колодцу
Моихъ отцовъ. И въ вѣчности Господь
Своей рукою подаетъ мнѣ чашу
И шлетъ плоды, дарующіе жизнь.
Лобзаю я плоды, лобзаю чашу,
И падаю предъ Богомъ, каясь, ницъ!

(Утренняя заря).

Ангелъ.

А я съ зарею Божьей поднимаю
Высоко мечъ! Пускай надъ юнымъ міромъ
Пылаетъ онъ огнемъ въ лучахъ зари!
Гдѣ этотъ мечъ намъ больше не сіяетъ—
Тамъ и слѣпецъ въ сравненьи съ нами—зрячій.
Источникъ свѣта онъ, благословенья
И милости. Источникъ изобилья!
Идутъ стада, звенятъ звонки. Ты слышишь?

Художникъ.

Твой голосъ, мой, и болѣе—ни звука.
Я тишины подобной и не чаялъ.
Вотъ стелются зеленые луга,
Дремучіе лѣса съ густой листвою,
Стволами-великанами! Долины
Съ ихъ муравой, которая трепещетъ
При легкомъ вѣтрѣ. Здѣсь шатеръ раскинуть
Хотѣлъ бы я! Ты что-то видишь?

Ангелъ.

Стадо,
Что̀, медленно щипля траву по склонамъ
Высокаго холма, сюда идетъ.

Художникъ

Гдѣ стадо?

Ангелъ.

Тамъ. Звонки ты слышишь?

Художникъ.

Слышу
Теперь звонки. Вонъ тамъ идутъ коровы.
Ведетъ ихъ быкъ—коричневый и съ черной,
Склоненной низко шеей,—тяжело
Ступаетъ онъ. И пастуховъ я вижу.
Скажи мнѣ: какъ зовется этотъ край?
Кто въ немъ живетъ?

Ангелъ (сложивъ руки трубою, кричитъ).

Эй, пастыри! Вотъ странникъ
Желаетъ знать: кто вы? куда идете?
И что̀ за край, гдѣ вы стада пасете?

Художникъ.

Они смѣются?

Ангелъ.

Вы чему смѣетесь:
Тому, что ангелъ вопрошаетъ васъ?
Будь терпѣливъ. Сюда подходитъ стадо,
Я слышу близко фырканье коровъ.

(Два молодыхъ пастуха).

Заговори спокойно съ пастухами.

Художникъ.

Кто вы такіе?

1-й пастухъ.

Пастыри Лавана.

Художникъ.

Вашъ край зовутъ?..

1-й пастухъ.

Страной Месопотамской.

Ангелъ

Я вижу: изумленъ ты, пораженъ,
Но можешь ты повѣрить этимъ людямъ.
Здоровъ Лаванъ—вашъ добрый господинъ?

1-й пастухъ.

Здоровъ онъ.

Ангелъ.

А Рахиль?

й пастухъ.

Нѣтъ жеребенка
Въ Лавановыхъ стадахъ, что̀ здоровѣе
И веселѣе былъ бы.

2-й пастухъ.

Обожди.
Она ягнятъ ведетъ сюда къ колодцу.

Ангелъ.

Ждать не могу: мой срокъ уже истекъ.
Прощай, Іаковъ! Дольше нѣтъ нужды
Тебѣ въ проводникѣ. Свою дорогу
Сыны степей благословенныхъ знаютъ.
Спѣшу къ Нему—Отцу садовъ прекрасныхъ,
Чье сердце вамъ отверсто, и подъ чьею
Десницею благой стада пасутся.

Художникъ (глядя вслѣдъ ангелу).

Онъ поднялся, и крылья развернулись
Какъ паруса! Спокойно онъ летитъ
Надъ кручами, рѣками, надъ долиной,
И по землѣ тѣнь стелется за нимъ.

1-й пастухъ.

Откуда, чужеземецъ, ты?

ХУДОЖНИКЪ.

Со мною
Ты говоришь?

2-Й ПАСТУХЪ.

Хотѣлось бы намъ знать:
Откуда ты?

ХУДОЖНИКЪ.

Вы знаете, что̀ значатъ
Мечтанья? Головою темнокудрой
Качаете вы оба? Что̀ за польза,
Когда скажу, что изъ страны мечтаній
Являюсь я?

1-Й ПАСТУХЪ.

Куда же ты идешь?

ХУДОЖНИКЪ.

У цѣли я. Но тамъ поютъ?..

2-Й ПАСТУХЪ.

Рахиль
Съ ягнятами подходитъ къ водопою.
Привѣтъ, Лавана дочь!

ХУДОЖНИКЪ.

Рахиль подходитъ?

РАХИЛЬ (появляясь).

Ана̀ и Магдіилъ, я васъ ищу.
Вы—пастыри дурные. Разбрелись
У васъ стада и жаждутъ. Поспѣшите
Ихъ напоить.

1-Й ПАСТУХЪ.

Мы братьевъ ждемъ твоихъ.
Рахиль, ты знаешь, мы—не изъ слабѣйшихъ,
Но намъ вдвоемъ не сдвинуть этотъ камень.

РАХИЛЬ.

Не изъ слабѣйшихъ вы, но все же—слабы.
Какъ быть? Ягнята жаждутъ и блеютъ.

Художникъ (съ внезапной рѣшимостью).

Лавана дочь, зови сюда овецъ.
Я камень отвалю отъ водоема.
Вы, пастыри, стада свои скликайте
И напоите ихъ, когда напьется
Рахили стадо. Вижу вдалекѣ
Я новыя стада... Поторопитесь,
Чтобъ не было задержки на пути
И давки, при которой можетъ волъ
Ягненка затоптать и задавить
Одна овца другую. Поспѣшите!

1-й пастухъ.

Посмотримъ прежде, какъ тебѣ удастся
Исполнить то, чего не сдѣлалъ ангелъ?

Художникъ.

Ну, вотъ!

(Сталкиваетъ камень съ водоема).

Скорѣй! И повинуйтесь мнѣ.

(Пастухи удаляются съ выраженіемъ ужаса).

Рахиль.

Привѣтъ тебѣ, могучій чужеземецъ!
Ты, видимо, явился къ намъ съ добромъ.
Я проведу тебя, когда желаешь,
Къ шатрамъ отца. Отсюда недалеко
Раскинуты они въ тѣни деревъ.

Художникъ.

Живете вы въ шатрахъ?

Рахиль (гордо).

Не счесть богатства
Лаванова. Хоть тридцать дней иди—
Но ты не обойдешь его владѣній.
Безчисленное множество верблюдовъ
Овецъ,ословъ, барановъ, козъ—пасется
На протяженьи всей земли окрестной.
И ради пропитанья ихъ—повсюду
Мы странствуемъ. Вѣдь я—Лавана дочь.

Художникъ.

И безъ богатства—слишкомъ ты богата.
Но мнѣ скажи, цвѣтокъ степей прекрасный:
Отецъ твой—князь. Такого бѣдняка
Допуститъ ли къ себѣ онъ?

Рахиль

Изумленьемъ
Полны твои глаза, какъ послѣ сна.
Разбуженъ ты былъ сразу пастухами,
И потому твои вопросы странны.
Я слышу голосъ Ліи. Лія! Слышишь,
Я для отцовской раны собираю
Цѣлебную траву... Ея запасъ
Я сдѣлаю и принесу ему.

Голосъ Ліи.

Кто камень отвалилъ отъ водоема?

Рахиль (колеблясь).

Не знаю я.

Художникъ.

Рахиль, что̀ это значитъ?

Рахиль.

Я не хотѣла, чтобъ она пришла
И видѣла тебя. На мысль иное
Сейчасъ пришло мнѣ. Ранѣе того,
Какъ приведу тебя къ шатрамъ отцовскимъ,
Гдѣ окружатъ тебя Лавана жены,
Прицѣпятся къ твоей одеждѣ дѣти,
Гдѣ станешь ты пить, ѣсть и говорить—
Здѣсь въ тишинѣ поговори со мною.

Художникъ.

Такъ спрашивай. Что̀ ты желаешь знать?

Рахиль.

Тебя, твой голосъ слышать я хочу.
Разсказывай и говори, что̀ хочешь.
Откуда ты? Куда свой держишь путь?

Кто родомъ ты? Ну, словомъ, все повѣдай,
Что̀ сердце жаждетъ отъ тебя узнать.

Художникъ.

Такъ потерпи, чтобъ духъ мой просвѣтился
И свѣтлое изъ свѣтлаго свободно
Я черпать могъ. До твоего прихода
Меня покинулъ ангелъ мой, который
Со мною шелъ моей стезею мрачной.
А гдѣ ея начало—самъ не знаю.
Отъ древа здѣсь отвѣдалъ я плодовъ,
И въ мигъ мое *вчера*—во мнѣ угасло.
Едва лишь послѣ долгаго пути
И многихъ мукъ присѣлъ я у колодца,
Какъ понялъ я, что я—въ родномъ краю,
И съ плечъ моихъ чужбины бремя спало.
Блуждалъ я одиноко, но отнынѣ—
Не одинокъ: къ Отцу я приближаюсь,
Къ Его святой защитѣ и любви.

Рахиль.

Изъ дальняго, чужого Ханаана
Намъ отъ сестры Лавана вѣсть была
Чрезъ пастуховъ—кочевниковъ такихъ же,
Какъ мы съ отцомъ, что сынъ ея, Іаковъ,
Сюда пошелъ—искать себѣ жену
Средь дочерей Лавана. И теперь
Мнѣ кажется, что это ты, Іаковъ,
Ты патріарха Исаака сынъ
И сынъ сестры Лавановой, Ревекки.
И если ты воистину—онъ самый,
Отвѣть,—другого ждать не буду я!

Художникъ.

И да и нѣтъ.

Рахиль.

И все же ты—Іаковъ.

Художникъ.

А по какимъ примѣтамъ ты узнала?

Рахиль.

Пася овецъ моихъ, я одиноко
Лежала у костра въ полдневный часъ,
Какъ вдругъ съ себя сняла нежданно поясъ,
Которымъ опоясанъ былъ мой станъ,
И бросила въ огонь его. И пламя
Его пожрало: струйкою прямой
Дымъ къ небу поднялся, и помолилась
Я Господу тогда:—Господь и Богъ!
Когда придетъ невѣдомый мнѣ путникъ
И камень отъ большого водоема
Непрошенный отвалитъ онъ одинъ—
Пошли, Господь, чтобъ это былъ Іаковъ!

Художникъ.

Я буду тѣмъ, чѣмъ для тебя я сталъ!
Гдѣ былъ царю такой пріемъ оказанъ?
Рахиль, твой Богъ сюда меня привелъ,
И отвергать я имя не дерзаю,
Имъ данное! Да, это я—Іаковъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Въ глубинѣ шатры Лавана. Впереди съ правой стороны сложенный изъ камней алтарь. Лаванъ сидитъ на камнѣ передъ хижиной. Рахиль стоитъ передъ нимъ.

Лаванъ.

Благословенна будь, дитя мое!

Рахиль.

Благодарю, отецъ.

Лаванъ.

А гдѣ же Лія,
Сестра твоя?

Рахиль.

Не знаю, господинъ.
Старикъ-пастухъ, убогій Симеонъ,
Что подъ вечеръ верблюдовъ всѣхъ обходитъ—

Позвалъ меня къ тебѣ, и я пришла.
О Ліи же я ничего не знаю.

Лаванъ.

Другъ друга избѣгаете вы съ нею,
Родныя сестры! Подними глаза!
Извѣстна тайна мнѣ твоя, хотя
Рѣсницами ее ты прикрываешь.
Іаковъ поселилъ межъ вами рознь.

Рахиль.

Нѣтъ розни между нами.

Лаванъ.

Сядь и слушай.
Я многое скажу тебѣ. Внимай.
Когда взойдетъ надъ пастбищемъ Лавана
Заутро солнце, разгоняя мракъ,
Исполнится семь лѣтъ со дня того,
Какъ привела ты сына Исаака
Къ моимъ шатрамъ.

Рахиль.

Я знаю, господинъ.

Лаванъ.

Отъ насъ былъ принятъ племенемъ моимъ
Онъ съ радостью. Въ теченіе трехъ дней
Всѣ пировали, приносили жертвы,
Всѣ ѣли, пили. Мнилось, что игрѣ
И пляскѣ, звону арфъ—конца не будетъ!
Ревекки сынъ былъ принятъ мной, какъ князь,
Какъ будто мнѣ онъ сыномъ былъ роднымъ.
Подъ этими деревьями гремѣли
Тогда тимпаны. Посмотри вокругъ!
Гдѣ мой шатеръ стоялъ семь лѣтъ назадъ,
Тамъ я велѣлъ его раскинуть нынче.
Рахиль, смотри, какъ бѣлы эти кудри,
А борода—бѣлѣе серебра...
Я мнилъ вернуть съ Іаковомъ веселье
Минувшихъ дней, и съ нимъ—ожить душою.
Любовь мою онъ сразу пріобрѣлъ.
Тѣ арфы, что звучали въ честь его,

Когда онъ былъ мнѣ Господомъ ниспосланъ—
Я зачастую ихъ въ тиши ночной
Съ тѣхъ поръ слыхалъ и вновь хочу услышать.

Рахиль (цѣлуя ему руку).

Отецъ и господинъ!

Лаванъ.

Мнѣ тяжела
Признательность твоя. Ее покуда
Не заслужилъ я. Больше я скажу:
Когда узнаешь ты о томъ велѣньи,
Что было мнѣ отъ Господа во снѣ—
Признательность свою возьмешь обратно.
Заутра—бракъ Іакова и Ліи.

Рахиль.

Дозволь и мнѣ на свадьбѣ этой быть!
Я напряла себѣ цвѣтныхъ одеждъ.
Семь лѣтъ тебѣ изъ-за меня служившій—
Тебя благодарить Іаковъ будетъ.
Дай ликовать мнѣ! Мой Іаковъ, мой!
И потому всѣмъ жертвовать я рада.
Я на алтарь готова принести
Красу моихъ тяжелыхъ черныхъ косъ,
Мои одежды лучшія и обувь,
Любимаго ягненка,—все, что хочешь.

Лаванъ.

А Лія умереть должна?

Рахиль.

Отецъ,
До выхода его изъ Ханаана—
Іаковъ былъ моимъ! Сыны Господни
Его мнѣ обрекли. Его ждала я!
Могучаго—его могучій ангелъ
Привелъ сюда, и пировали всѣ,
Пока долины оглашались звономъ,
Бряцаньемъ арфъ, кимваловъ и тимпановъ...
Благословенъ часъ твоего прихода,
Когда, заговоривъ съ нимъ, повелѣлъ
Ему навѣки ты у насъ остаться.

Остался онъ—изъ-за меня! Служилъ
Тебѣ изъ-за меня, твои богатства
Безмѣрно пріумножилъ. Стали мы—
Два племени намѣсто одного.
Іаковъ—мой! Нѣтъ дѣла мнѣ до Ліи!

Лаванъ.

Рахиль, въ тебѣ строптивость вижу я
Сестры моей Ревекки. Духъ ея
Въ тебѣ живетъ отчасти. О, когда бы
И мудростью ты ей равна была!
Мнѣ Лія—дочь такая-жъ, какъ и ты,
И дни свои она въ тоскѣ проводитъ.
Ея ланиты свѣжія ввалились,
Глаза ея погасли, всѣ движенья—
Безсильны и безрадостны! Зачахнетъ
Сестра твоя, какъ юная лоза,
Которую морозъ хватилъ, и мнитъ
Она себя обманутой въ надеждѣ
На принесенье въ будущемъ плодовъ,
И будетъ такъ, коль скоро Богъ отцовъ
Не сжалится надъ нею въ часъ послѣдній.

Рахиль.

Сама себя обманываетъ Лія!
Іаковъ—мой, и кто его возьметъ—
Меня обманетъ. Онъ обманетъ Бога,
Его мнѣ даровавшаго, обманетъ
Онъ и того, изъ-за кого меня
Онъ обманулъ. Іаковъ—мой, онъ—мой!

Лаванъ.

Безумная! Ничьимъ онъ быть не можетъ:
Твоимъ или моимъ. Твоя—раба,
Которую я далъ тебѣ, служитель,
Верблюдъ, оселъ, коза, овца и песъ,
Все, что̀ изъ рукъ моихъ ты принимаешь.
Шатеръ надъ головой твоею, ложе
Для отдыха—пусть это все мое,
Какъ ты—моя, но все-жъ назвать своимъ
Ты это все скорѣй по праву можешь.
Іаковъ долженъ господиномъ стать,
И ни одна жена—и даже ты,

Какъ ни прекрасна ты, Рахиль,—не властна
Связать его, какъ двна, на закланье
Ведомаго. Самъ будетъ приносить
Онъ жертвоприношенья въ знакъ союза
Его со Всемогущимъ. Онъ—не рабъ.
Иль ты слѣпа, что въ этомъ униженья
Не видишь для Іакова? Ступай.

Рахиль.

Когда моимъ не будетъ онъ,—умру я.

Лаванъ.

Безумная! Къ охотникамъ иди.
Пускай орла они засадятъ въ клѣтку,
Чтобъ онъ тебѣ забавой былъ—тогда
Іакова ты требуй, а дотолѣ—
Живи иль умирай! Повелѣваю
Тебѣ подъ страхомъ гнѣва моего
Нѣмою стать на это время. Въ страхѣ
И трепетѣ узнай мое велѣнье:
Іакова ты избѣгать должна.

(Появляется Лія).

И—горе, если ты прельстишь его!..
Приблизься, Лія.

(Лія подходитъ).

Дать другъ другу руки
Приказываю вамъ! Въ васъ кровь одна,
Да будетъ въ васъ одно и то же сердце!
Ступай, Рахиль. Благословенна будь.

(Рахиль уходитъ).

Я жажду. Дай мнѣ чашу и кувшинъ
Изъ моего шатра... Скажи мнѣ, Лія...
Ты движешься усталою походкой,
Во взорѣ—неувѣренность и робость.
Скажи мнѣ: что съ тобою?

Лія.

Ничего.

Лаванъ.

Тогда твоя рабыня Сильпа лжетъ,
Мнѣ говоря, что Лія нездорова!

Ни молока ни хлѣба не вкушаешь
И жертвеннаго мяса ты не ѣшь.
Я—господинъ и пастырь твой—люблю я
Тебя и не хочу, чтобъ ты увяла
Безвременно, какъ въ лѣтній зной—трава.
Довѣрься мнѣ. Я вижу, что желаешь
Ты говорить, но словъ твоихъ не слышу.
Когда тебя терзаетъ злой недугъ,
То вѣдомо тебѣ, что милость Божья
Цѣлебныхъ травъ открыла тайну мнѣ.
А если и онѣ твои страданья
Не облегчатъ, то въ жертву десятину
Всѣхъ стадъ моихъ готовъ я принести.
Откройся! Не таится ли желанья
Въ душѣ твоей, что̀ мнишь неисполнимымъ,
И все-таки оно настолько страстно,
Что поглощаетъ остальныя всѣ?
Такъ выскажи его. Большою властью
Я облеченъ и многое могу
Исполнить я.

Лія.

Тогда одно исполни,
Отецъ и господинъ! Пошли со стадомъ
Меня въ луга, лежащіе къ закату
Вблизи рѣки. Мнѣ и рабынѣ Сильпѣ
Дозволь шатеръ навьючить на верблюда
Сегодня же, чтобъ въ дальній-дальній путь
Пуститься мы могли...

Лаванъ.

Чего желаешь—
Лишь этого, о, Лія, не проси!
Ты видишь, какъ для завтрашняго дня
Готовится въ народѣ каждый. Жены
Всѣ стряпаютъ, мужчины рѣжутъ скотъ,
Мѣха̀ съ виномъ разложены рядами.
Іакова хвалебной пѣснью встрѣтятъ,
И ты должна при этомъ быть. Укрыться
Отъ глазъ Лавана, твоего отца—
Не можешь ты! Я—престарѣлый пастырь,
Владѣлецъ стадъ несмѣтныхъ—я пошелъ бы
На поиски потерянnаго агнца!

Но этого я не хочу. Мое—
Моимъ да будетъ завтра, неразлучно
Все бывшее моимъ—со мной да будетъ!
Усопшихъ ждутъ богатыя поминки,
А кто живетъ—пусть съ моего стола
Береть вина и хлѣба сколько хочетъ,
Пускай со мной въ весельѣ всякъ пируетъ.
И въ радости моей пусть воедино
Сольемся мы. Изъ вашихъ всѣхъ сердецъ
Я сердце сотворю себѣ, то сердце,
Что̀ жизнь вамъ даровало, и оно
Пусть вашими біеньями забьется.

Лія.

Тогда молю Творца, чтобъ не разбилось
Отъ нихъ мое!

Лаванъ.

Вооружи его
Не противъ горя, противъ счастья, Лія.
Когда веселый праздникъ отшумитъ,
Когда вѣнки на головѣ завянутъ
При свѣтѣ догорающихъ огней,
А въ царствѣ неба звѣзды и луна
Въ сіяніи взойдутъ, ты, Лія, будешь—
Ты слышишь ли?—ты, Лія, не Рахиль—
Покоиться съ Іаковомъ на ложѣ.

Лія.

О, бѣдная Рахиль!

(Пошатнулась).

Лаванъ.

Приди въ себя.
Вкуси спокойно медъ изъ этой чаши.
Въ отцовскомъ домѣ и Рахили кубокъ
Стоитъ ужъ приготовленный. Покуда
Мы говоримъ здѣсь—пчелы золотыя
Безъ устали трудятся, и цвѣтами
Полны луга. Бери то̀, что̀ твое.

(Лія цѣлуетъ ногу Лавану и удаляется, повинуясь его знаку. Входитъ Іаковъ—бывшій художникъ).

Іаковъ, сынъ сестры моей Ревекки,

Сынъ Исаака—будь благословенъ!

(Іаковъ преклоняетъ колѣна).

Предъ старостью моей свои колѣна
Склоняешь ты, и, видишь, я встаю
Предъ юностью твоею

Іаковъ.

Свыше мѣры
Ты чтишь меня, Лаванъ.

Лаванъ.

Садись, Іаковъ,
И говори. На камнѣ, что̀ священнымъ
Считаю я съ народомъ, оттого,
Что возсѣдалъ на немъ родитель мой
Сто лѣтъ тому назадъ,—возсядь, Іаковъ,
Въ знакъ моего къ тебѣ благоволенья!
Легко мнѣ станетъ на̀ сердцѣ, когда
Увижу я, что милость заслужилъ
И я въ глазахъ твоихъ! Садись же, братъ мой.

Іаковъ.

Лаванъ, меня безмѣрно ты возвысилъ!
Но, прежде чѣмъ смиренно покорится
Твоей высокой волѣ твой слуга,
Дозволь ему, передъ тобою стоя,
Сознаться въ томъ, что̀ не даетъ покоя
Ему три дня и привело къ тебѣ.
Я поклялся̀ предъ Господомъ, что пищи
Я не вкушу, не сяду и не лягу,
Пока свободно предъ твоимъ лицомъ
Не выскажу всего.

Лаванъ.

Готовъ я слушать.

Іаковъ.

Лаванъ! Отецъ! Великій патріархъ!
Заговорить я долженъ, и—не въ силахъ.
О чемъ мечталъ, къ чему нетерпѣливо
Стремился я—оно теперь пришло.
И въ этотъ часъ хотѣлъ бы ликовать я,
Но грудь полна печали боязливой.
Вѣдь ради часа этого служилъ
Тебѣ я, господинъ, и вотъ приводитъ

Съ собою онъ тѣней печальныхъ рой.
И то, что̀ свѣжимъ сокомъ наливалось—
Въ моей рукѣ теперь завяло вмигъ.

Лаванъ.

Тебѣ скажу, родной намъ чужеземецъ:
У Господа Творца въ странѣ мечты
Восходитъ солнце рано поутру
И вечеромъ склоняется къ закату.
Дня стараго закатъ зовется *скорбью*,
И *радостью*—дня новаго восходъ.

Іаковъ.

О, господинъ! Слова твои звучатъ
Какъ рѣчи Исаака; долетаютъ
Они ко мнѣ, какъ птица—издалёка,
Медлителенъ, безшуменъ ихъ полетъ...
А смыслъ рѣчей, какъ тѣнь отъ этой птицы,
Въ душѣ моей мнѣ застилаетъ свѣтъ.
Гдѣ я?

Лаванъ.

Ты въ Ханаанѣ.

Іаковъ.

Я въ раю?
Но и сюда, и въ райскіе предѣлы
Влетаетъ птица черная? Не думалъ
Я этого.

Лаванъ.

Господни дни повсюду
Изъ вечера и утра созданы.

Іаковъ.

Не думалъ я, что тѣни проникаютъ
И къ намъ сюда, внося съ собою мракъ
И бытіе свое питая нашей
Божественной, горячей кровью.

Лаванъ.

Видишь?
Іаковъ, посмотри... Что̀ значатъ тѣни

Твоихъ семи годовъ? Взгляни на рой
Моихъ тѣней, которымъ окруженъ я.
Вокругъ меня тѣснятся всѣ онѣ,
Какъ стадо у колодца. Подставляю
Охотно имъ, какъ видишь, грудь мою.
Вѣдь добрый пастырь ночи не боится.
Ты—добрый пастырь. Будь благословенъ.

Іаковъ.

Воистину-ль я добрый пастырь?

Лаванъ.

Да!
Отъ всѣхъ костровъ пастушескихъ исходятъ
Тебѣ хваленья—пламенемъ безъ дыма.
Ты справедливымъ господиномъ былъ
И вѣрнымъ былъ слугой. Благодарю!
Стада мои умножилъ, увеличилъ
Владѣнія мои, держалъ въ порядкѣ
Рабовъ моихъ. У ложа твоего
Миръ золотой стоялъ безсмѣнно ночью,
И съ каждою зарею онъ взлеталъ
Надъ пастбищемъ моимъ на бѣлыхъ крыльяхъ.

Іаковъ.

Ужель я—добрый пастырь? Это правда?
Ты на вершину милости возносишь
Меня такимъ названьемъ. Я—ничто.
Я съ бурею въ душѣ къ тебѣ явился,
Чтобъ требовать... Но вся моя рѣшимость
Растаяла передъ твоимъ лицомъ.
Я—нищій, и меня ты одарилъ
Щедротами семью: семью годами,
Которые тебѣ я отслужилъ
Изъ-за Рахили. Вѣдь Рахиль свою
Ты въ благости своей непостижимой
Назначилъ мнѣ въ награду за семь лѣтъ
Щедротъ твоихъ. Награда за награду!
Отдай Рахиль твою мнѣ, господинъ.
Я не служилъ тебѣ, и ничего я
Не заслужилъ, и милости не стою.
Я—прахъ, твой рабъ, ничтожество, глупецъ,—
Но дай Рахиль, дай мнѣ Рахиль, отецъ.

Лаванъ.

Ты знаешь: что̀ Рахиль? Звѣзды подобье,
Той избранной звѣзды, что̀ ярче всѣхъ
Сіяетъ надъ стадами. Дорогого
Ты просишь у меня. Сыны Господни
Слѣдятъ за ней, когда она проходитъ,
И херувимы опускаютъ взоръ.
Господь не создалъ въ мірѣ ничего,
Что̀ было бы достойнѣе блаженства,
И въ грудь ея Господь вложилъ всю сладость
Любви Своей, но все-жъ—возьми ее.
. . . . . .

(Конецъ отрывка).

Послѣсловіе.

Въ основѣ всякаго мышленія лежитъ созерцаніе. Мышленіе есть также борьба, а слѣдовательно драматично. Любой философъ, устанавливающій передъ нами свою систему логическихъ построеній, пришелъ къ ней путемъ рѣшеній, которыя были найдены имъ среди партійнаго раздора звучащихъ въ немъ голосовъ. Поэтому я признаю драму выраженіемъ изначальной мыслительной дѣятельности на высокой ступени ея развитія, при чемъ, разумѣется, вынесенныя рѣшенія будутъ не тѣми, что̀ у философа.

Изъ этого воззрѣнія вытекаетъ рядъ заключеній, которыя безконечно во всѣ стороны расширяютъ область драмы за предѣлы господствующей драматургіи, такъ что ничто изъ того, что̀ предносится нашимъ внѣшнимъ и внутреннимъ чувствамъ, не можетъ быть исключено этою формою мышленія, ставшею формой художества.

Вотъ что̀ — не болѣе — хочется мнѣ сказать по поводу этого перваго собранія моихъ драматическихъ трудовъ. Хотѣлось бы, чтобы они были поняты, какъ естественное выраженіе нѣкоей личности. Въ остальномъ нужно имъ самимъ предоставить пронести свое бытіе, какъ и ранѣе, сквозь строй любви и ненависти.

Герхартъ Гауптманъ.

Венеція. Конецъ октября 1906 г.

Хронологическій указатель.

Стрѣлочникъ Тиль 1887
Предъ восходомъ солнца 1889
Апостолъ 1890
Праздникъ мира 1890
Одинокіе. 1891
Ткачи. 1892
Коллега Крамптонъ 1892
Бобровая шуба. 1893
Ганнеле 1893
Флоріанъ Гейеръ 1896
Эльга 1896
Геліосъ 1896
Потонувшій колоколъ 1896
Пастушеская пѣснь 1898
Возчикъ Геншель. 1898
Шлюкъ и Яу 1900
Михаэль Крамеръ 1900
Красный пѣтухъ 1901
Бѣдный Генрихъ 1902
Роза Бериднъ 1903
Дѣвы изъ Бишофсберга 1905
(вышла въ 1907 г.).
А Пиппа пляшетъ 1906
Заложница Карла Великаго 1908

Оглавленіе

III тома.

стр.

I. Историческія драмы.

Флоріанъ Гейеръ 3
Заложница Карла Великаго 125

Эльга 235
Шлюкъ и Яу 281

II. Пьесы послѣдняго періода.

А Пиппа пляшетъ 373
Дѣвы изъ Бишофсберга 435

III. Отрывки.

Геліосъ 513
Пастушеская пѣснь 525

Послѣсловіе. 557
Хронологическій указатель 558